

КНУТЬ ГАМСУНЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМЪ II

Здѣльцѣтъ .1909.

ИЗДАНИЕ Т-ВА А.Ф.МАРКСЪ С-ПЕТЕРБУРГЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

КНУТА ГАМСУНА.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова
и съ приложеніемъ портрета К. Гамсуна.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1910 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1910.

Артистическое заведение А. Ф. ШАРСА, Измайловский просп. № 29.

ГОЛОДЪ.

Переводъ Ю. К. Балтрушайтиса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Это было въ тѣ дни, когда я бродилъ и голодалъ въ Христіаніи, въ этомъ удивительномъ городѣ, котораго никто не покидаетъ, не унося его клейма...

Я лежу въ своей свѣтелкѣ на чердакѣ и слышу, какъ часы подо мною бьютъ шесть; было уже совсѣмъ свѣтло, и началась бѣготня вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. У двери, гдѣ моя комната была оклеена старыми нумерами «Утренней Газеты», я могъ такъ четко видѣть оповѣщеніе завѣдующаго маяками и нѣсколько лѣвѣе жирное, огромное объявленіе булочника Фабіана Ольсена о свѣжемъ хлѣбѣ.

Едва раскрывъ глаза, по старой привычкѣ, я началъ думать, чему бы мнѣ радоваться сегодня. Мнѣ жилось довольно трудно въ послѣднее время; мои пожитки, вещь за вещь, были отправлены къ «дадюшкѣ», я сталъ нервень и раздражителень, нѣсколько разъ мнѣ даже пришлось пролежать цѣлый день въ постели изъ-за головокруженія. Временами, когда счастье благопріятствовало, мнѣ удавалось получить пять кропъ за фельетонъ въ какой-нибудь газетѣ.

Все больше и больше свѣтало, и я принялся за чтеніе объявленій у двери; я даже могъ разобрать тощія, оскаленныя буквы о «саванѣ у Йомфру Андерсенъ, въ воротахъ, направо». Это долго занимало меня, и, прежде чѣмъ я всталъ и началъ одѣваться, часы подо мною пробили восемь.

Я открылъ окно и смотрѣлъ на дворъ. Со своего мѣста я видѣлъ веревку для сушки бѣлья и открытое поле; въ отдаленіи чернѣли остатки сгорѣвшей кузницы, гдѣ возились нѣсколько рабочихъ. Я облокотился о подоконникъ и смотрѣлъ вдаль.

Разумѣется, будетъ ясный день. Осень пришла, славное, прохладное время года, когда все мѣняетъ цвѣтъ и увядаетъ. На улицахъ уже загудѣлъ шумъ и манилъ меня изъ дому; эта пустая комната съ ея дрожавшимъ отъ каждаго моего шага поломъ была, какъ разсѣвѣшійся, отвратительный гробъ; здѣсь не было ни порядочнаго замка у двери ни печки; обыкновенно я лежалъ по ночамъ на своихъ носкахъ, чтобы дать имъ немного высохнуть къ утру. Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была маленькая красная качалка, въ которой я сидѣлъ по вечерамъ, и дремалъ и думалъ о всевозможныхъ вещахъ. При сильномъ вѣтрѣ, когда двери внизу были открыты, въ полу и въ стѣнахъ на всѣ лады раздавался пронзительный свистъ, а въ «Утренней Газетѣ» у двери появлялись щели длиною въ ладонь.

Я всталъ и пошелъ искать въ свертокъ въ углу возлѣ кровати чего-нибудь къ завтраку, но ничего не нашелъ и снова вернулся къ окну.

«Богъ знаетъ,—думалъ я:—неужели мнѣ такъ и не удастся приискать себѣ занятія!» Всѣ эти неоднократные отказы, полуобѣщанія, рѣшительное «нѣтъ», твердыя и обманутыя надежды, новыя попытки, что каждый разъ не приводили ни къ чему, убили во мнѣ рѣшимость. Въ концѣ концовъ я добивался мѣста разсмыслнаго, но опоздалъ; кромѣ того, я не могъ бы внести залога въ пятьдесятъ кронъ. Вѣчно что-либо мѣшало. Я еще просился въ пожарную команду. Въ пріемной насъ стояло съ полсотни человѣкъ и выпячивало грудь, чтобы произвести впечатлѣніе силы и большой отваги. Уполномоченный ходилъ кругомъ и осматривалъ этихъ просителей, щупалъ у нихъ руки и предлагалъ разные вопросы. Онъ прошелъ мимо меня, просто покачалъ головой и сказалъ, что я не гожусь изъ-за моихъ очковъ. Я пришелъ снова, безъ очковъ, я стоялъ тамъ, насупивъ брови, и старался придать моимъ глазамъ острый, какъ ножъ, взглядъ, но этотъ человѣкъ снова прошелъ мимо меня и улыбнулся,—онъ узналъ меня. Въ довершеніе всѣхъ золъ, мое платье износилось настолько, что я уже не могъ заниматься на должность въ качествѣ порядочнаго человѣка.

Какъ равнообразно и постепенно я шелъ подъ гору все время! Въ концѣ концовъ я такъ блистательно лишился всего, что у меня не осталось даже гребешка или книжки для чтенія, когда становилось слишкомъ грустно. Все лѣто я уходилъ на кладбища или въ дворцовый паркъ, гдѣ сидѣлъ и составлялъ статьи для газетъ, столбцы за столбцами, о разнообразнѣйшихъ вещахъ, странные вымыслы, причудливые сны измышле-

нія моего безпокойнаго мозга; въ отчаяннѣ, я часто выбиралъ самыя отвлеченныя темы, которыя стоили мнѣ долгаго напряженія и нигдѣ не паходили сбыта. Кончивъ одну статью, я принимался за новую и рѣдко приходилъ въ уныніе отъ редакторскаго—«нѣтъ». Я упорно убѣждалъ себя, что когда-нибудь удастся. И дѣйствительно временами, когда счастье мнѣ улыбалось и я сочинялъ что-нибудь сносное, я могъ получить пять кронъ за вечернюю работу.

Я снова поднялся съ окна, подошелъ къ умывальнику и брызнулъ немного воды на колѣни моихъ лоснившихся брюкъ, чтобы онѣ стали черными и казались новѣе. Сдѣлавъ это, я, по обыкновенію, сунулъ бумагу и карандашъ въ карманъ. Я очень тихо спустился по лѣстницѣ, чтобы не привлечь вниманія моей хозяйки. Уже прошло нѣсколько дней, какъ срокъ моей квартирной платы истекъ. и больше мнѣ нечѣмъ было платить.

Было девять часовъ. Грохотъ экипажей и голоса наполняли воздухъ, стоустный утренній хоръ, къ которому примѣшивались шаги пѣшеходовъ и шелканье извозчичьихъ кнутовъ. Это шумное повсемѣстное движеніе тотчасъ же оживило меня, и я началъ чувствовать себя все спокойнѣе и спокойнѣе. Ни отъ чего я не былъ такъ далекъ, какъ отъ мысли совершать простую утреннюю прогулку на свѣжемъ воздухѣ. На что моимъ легкимъ былъ воздухъ? Я былъ силенъ, какъ великанъ, и могъ остановить телѣгу своими плечами. Тонкое, необычное настроеніе, чувство свѣтлаго безразличія овладѣло мной. Я сталъ наблюдать встрѣчныхъ и прохожихъ, читалъ вывѣски на стѣнахъ, воспринималъ впечатлѣніе взгляда, брошеннаго мнѣ изъ пронесшейся мимо кареты, проникался каждой мелочью, всѣми маленькими случайностями, что пересѣкали мой путь и исчезали.

Если бъ только немного лица въ такой свѣтлый день! Впечатлѣніе радостнаго утра овладѣло мной, я былъ чрезвычайно доволенъ и, безъ всякой опредѣленной причины, началъ напѣвать отъ радости. У какой-то мясной лавки стояла женщина съ корзиной на рукѣ и выбирала колбасу къ обѣду; когда я проходилъ мимо нея, она взглянула на меня. У нея былъ только одинъ передній зубъ. При моей нервности и легкой возбудимости послѣдняго времени, лицо женщины тотчасъ же произвело на меня отвратительное впечатлѣніе; длинный, желтый зубъ казался маленькимъ пальцемъ, торчавшимъ изъ челюсти, а въ ея взглядѣ еще отражалась колбаса, когда она подняла на меня глаза. Я сразу лишился аппетита и почувствовалъ тошноту. Добравшись до базара, я подошелъ къ бас-

сейну и выпилъ немного воды; я взглянулъ вверхъ—на баинѣ Спасителя было десять.

Я пошелъ дальше по улицамъ, бродилъ, ни о чемъ не заботясь, остановился гдѣ-то на углу безо всякой надобности, свернулъ въ боковую улицу, хотя у меня тамъ не было никакого дѣла. Я отдался теченію, двигался въ радостномъ утрѣ, беззаботно блуждалъ взадъ и впередъ среди другихъ счастливыхъ людей; воздухъ былъ пусть и ясенъ, и въ душѣ моей не было ни малѣйшей тѣни.

Въ теченіе десяти минутъ передо мною все время шелъ старый, хромой человѣкъ. Онъ несъ узелъ въ одной рукѣ и шелъ всѣмъ своимъ тѣломъ, работалъ изо всѣхъ силъ, чтобы ускорить шагъ. Я слышалъ, какъ онъ задыхался отъ напряженія, и мнѣ пришло въ голову, что я могъ бы нести его узелъ, но я не старался догнать его. На Грендсенѣ я встрѣтилъ Ганса Паули, онъ поклонился и быстро прошелъ мимо. Почему онъ такъ спѣшилъ? Я рѣшительно не думалъ просить у него крону, я даже хотѣлъ при первой возможности отослать ему одѣяло, которое я взялъ у него нѣсколько недѣль назадъ. Какъ только я мало-мальски выберусь изъ бѣды, я никому не буду долженъ одѣяла; можетъ-быть, я еще сегодня начну статью о преступленіяхъ будущаго, или о свободѣ воли, или вообще о чемъ-нибудь, достойномъ чтенія, и получу по меньшей мѣрѣ десять кронъ... И при мысли объ этой статьѣ я вдругъ почувствовалъ потребность немедленно приняться за нее и черпать изъ моего переполненнаго мозга; я хотѣлъ отыскать подходящее мѣсто въ дворцовомъ паркѣ и вовсе не думать объ отдыхѣ, пока она не будетъ кончена.

Но старый калѣка продолжалъ дѣлать тѣ же уродливыя движенія передо мною на улицѣ. Въ концѣ концовъ мѣся начинало раздражать, что этотъ дряхлый человѣкъ все время шелъ передо мною. Казалось, его путешествію не будетъ конца; можетъ-быть, онъ намѣтилъ себѣ какъ разъ то же самое мѣсто, что и я, и мнѣ предстояло всю дорогу имѣть его передъ глазами. При моемъ возбужденіи, мнѣ показалось, что на каждомъ перекресткѣ онъ нѣсколько замедлялъ шагъ и какъ бы ждалъ, куда я поверну, послѣ чего онъ высоко скидывалъ свой узелъ и шелъ изо всѣхъ силъ, чтобы опередить меня. Я иду и всматриваюсь въ это изувѣченное существо и проникаюсь все большимъ и большимъ ожесточеніемъ противъ него; я чувствовалъ, какъ онъ мало-по-малу портилъ мое свѣтлое настроеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекалъ чистое, прекрасное утро въ свое уродство. Онъ былъ похожъ на большое хромое пастѣкомое, которое упорно и насильственно хотѣло пробраться

на определенное мѣсто на свѣтъ и занимало весь тротуаръ. Когда мы взошли на вершину холма, я не пожелалъ больше мириться съ этимъ, повернулся къ окошку лавки и остановился, чтобы дать ему возможность уйти. Когда черезъ нѣсколько минутъ я двинулся дальше, этотъ человѣкъ снова шелъ впереди меня,—онъ тоже останавливался. Недолго думая, я сдѣлалъ три-четыре большихъ шага и хлопнулъ чело-вѣка по плечу.

Онъ сразу остановился. Мы оба пристально смотрѣли другъ на друга.

— Немного мелочи на молоко! — сказалъ онъ наконецъ и склонилъ голову на сторону.

Ну вотъ, хорошо мое положеніе! Я пошарилъ въ карманахъ и сказалъ:

— На молоко, да. Гм!.. Деньги не валяются въ наше время, и я не знаю, насколько вы нуждаетесь.

— Я не ѣлъ со вчерашняго дня въ Драмменѣ, — сказалъ человѣкъ:— у меня ни гроша, и я еще не нашелъ работы.

— Вы—ремесленникъ?

— Да, я—игольщикъ.

— Что?

— Игольщикъ. Впрочемъ, умѣю еще шить сапоги.

— Это мѣняетъ дѣло, — сказалъ я. — Вамъ придется подождать нѣсколько минутъ, пока я сбѣгаю за мелочью для васъ,— нѣсколько эре.

Выбиваясь изъ силъ, я побѣжалъ на Пилестреде, гдѣ зналъ ростовщика во второмъ этажѣ; впрочемъ, я у него еще не былъ. Войдя въ ворота, я быстро снялъ жилетъ, свернулъ его и сунулъ подъ мышку, потомъ поднялся по лѣстницѣ и постучался въ дверь. Я поклонился и бросилъ жилетъ на прилавокъ.

— Полторы кроны, — сказалъ человѣкъ.

— Хорошо, спасибо, — отвѣтилъ я. — Не будь онъ слишкомъ узокъ для меня, я, конечно, не разстался бы съ нимъ.

Я получилъ деньги и квитанцію и отправился назадъ. Въ сущности, заложить жилетъ была великолѣпная идея, у меня еще останутся деньги на обильный завтракъ, а къ вечеру моя статья о преступленіяхъ будущаго будетъ готова. Я тутъ же началъ находить, что жизнь не такъ горька, и поспѣшилъ назадъ къ человѣку, чтобы избавиться отъ него.

— Пожалуйста! — сказалъ я ему. — Очень радъ, что вы прежде всего обратились ко мнѣ.

Человѣкъ взялъ деньги и началъ мѣрить меня взглядомъ. Что онъ стоялъ и смотрѣлъ? У меня было такое впечатлѣніе,

что онъ въ особенности изслѣдовалъ мои брюки на колѣняхъ, и это безстыдство меня раздражало. Неужели этотъ негодяй подумалъ, что я дѣйствительно былъ такъ бѣденъ, какъ можно было судить по внѣшности? Вѣдь я уже почти началъ писать статью на десять кронъ. И вообще мнѣ не страшно будага, у меня было многое въ запасѣ. Какое дѣло совершенно постороннему человѣку, что я подарилъ немного денегъ въ такой ясный день? Его взглядъ раздражалъ меня, и я рѣшилъ сдѣлать ему выговоръ, прежде чѣмъ бросить его. Я пожалъ плечами и сказалъ:

— Милый мой, у васъ отвратительная привычка таращить глаза на колѣни человѣка, когда онъ даетъ вамъ цѣлую крону.

Онъ прислонился головою къ стѣнѣ и раскрылъ ротъ. Подъ его нищенскимъ лбомъ шла какая-то работа, онъ, конечно, думалъ, что я хочу такъ или иначе посмѣяться надъ нимъ, и протянулъ мнѣ деньги обратно.

Я топалъ ногой и заклиналъ его оставить деньги у себя. Ужъ не думалъ ли онъ, что я хлопоталъ по-пустому? Въ концѣ концовъ я, пожалуй, долженъ ему эту крону, я просто вспомнилъ старый долгъ, онъ имѣетъ дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ, честнымъ до мозга костей. Словомъ, это его деньги... Ахъ, не за что благодарить, мнѣ было очень пріятно. До свиданія!

Я ушелъ. Наконецъ-то я избавился отъ этого искалѣченнаго мучителя, и больше мнѣ не будутъ мѣшать. Я снова пошелъ на Пилестреде и остановился у гастрономическаго магазина. Окно было завалено съѣстными припасами, и я рѣшилъ войти и захватить что-нибудь на дорогу.

— Кусокъ сыру и французскій хлѣбъ!—сказалъ я и бросилъ полкрону на прилавокъ.

— Сыру и хлѣба на все?—иронически спросила женщина, не взглядывая на меня.

— На всѣ пятьдесятъ эре, да,—преспокойно отвѣтилъ я.

Я получилъ свою покупку, крайне почтительно пожелалъ добраго утра старой, толстой женщинѣ и быстро зашагалъ по направленію къ дворцовому холму въ паркъ. Я отыскалъ себѣ скамейку и принялся жадно грызть мою їду. Стало хорошо; у меня уже давно не было такого обильнаго обѣда, и я мало-помалу сталъ ощущать тотъ сытый покой, какой наступаетъ послѣ долгаго плача. Моя бодрость быстро возросла; мнѣ уже было мало написать статью о чемъ-нибудь столь простомъ и очевидномъ, какъ преступленія будага, которыя къ тому же всякій могъ самъ предугадать, просто - напросто прочесть

въ исторіи; я чувствовалъ себя способнымъ на гораздо большее напряженіе. Въ моемъ настроеніи мнѣ были подѣ силу всякія трудности, и я намѣтилъ сочиненіе въ трехъ частяхъ о философскомъ познаніи. Разумѣется, у меня будетъ возможность разбить самымъ жалкимъ образомъ нѣсколько кантовскихъ софизмовъ... Когда я хотѣлъ достать мои письменныя принадлежности и приступить къ работѣ, я обнаружилъ, что у меня не стало карандаша, я забылъ его въ лавчонкѣ ростовщика; мой карандашъ лежалъ въ жилетномъ карманѣ.

Господи, какъ все у меня склонно принимать самый несчастный оборотъ! Я произнесъ нѣсколько проклятій, всталъ со скамейки и ходилъ взадъ и впередъ по дорожкамъ. Было очень тихо всюду; вдали, вокругъ бесѣдки королевы, нѣсколько нянекъ катали свои коляски, и больше нигдѣ не видно было ни души. Я былъ порядочно разстроенъ и шагаль, какъ бѣшенный, передъ своей скамейкой. Поразительное сцѣпленіе бѣды и бѣды! Сочиненіе въ трехъ частяхъ вдругъ не можетъ быть написано по той простой причинѣ, что у меня нѣтъ грошоваго карандаша въ карманѣ! Что, если я вернусь на Пилестреде и достану свой карандашъ? Я все-таки успѣю написать порядочно, пока гуляющіе начнутъ наполнять паркъ. Кромѣ того, столь многое зависѣло отъ этой статьи о философскомъ познаніи,—можетъ-быть, счастье множества людей, этого никто не могъ знать. Я сказалъ себѣ, что она, пожалуй, окажетъ большую помощь множеству молодыхъ людей. Взвѣсивъ строго, я не стану посягать на Канта; вѣдь этого я могъ легко избѣжать, мнѣ просто нужно сдѣлать незамѣтное уклоненіе, добравшись до вопроса времени и пространства; по Ренана я не пощажу, стараго пастора Ренана... Такъ или иначе, необходимо было написать статью во столько-то и столько-то столбцовъ. Неоплаченная квартира, пристальный взглядъ хозяйки по утрамъ, когда я встрѣчалъ ее на лѣстницѣ, мучили меня цѣлый день и всплывали даже въ мои радостныя мгновенія, когда у меня не было ни одной черной думы. Этому я долженъ былъ положить конецъ. Я быстрымъ шагомъ ушелъ изъ парка, чтобы взять карандашъ у ростовщика.

Спустившись съ дворцоваго холма, я нагналъ двухъ дамъ и прошелъ мимо. Мимоходомъ я задѣлъ одну изъ нихъ за рукавъ. Я поднялъ глаза, у нея было полное, нѣсколько блѣдное лицо. Вдругъ она вспыхиваетъ и становится поразительно прекрасной, я не знаю, отчего, быть - можетъ, отъ слова, которое она слышитъ отъ прохожаго, быть-можетъ, отъ одной тихой мысли въ своей дуплѣ. Или же оттого, что я коснулся ея

руки? Высокая грудь бурно вздымается нѣсколько разъ, и она крѣпко сжимаетъ ручку зонтика. Что съ ней?

Я остановился и пропустилъ ее мимо. Въ это мгновеніе я не могъ итти дальше, все это показалось мнѣ такимъ страннымъ. Я былъ въ раздраженномъ состояннн, сердился на самого себя за исторію съ карандашомъ и былъ въ высшей степени возбужденъ всѣмъ, что съѣлъ натошакъ. Вдругъ, причудливой игрою, моя мысль принимаетъ странное направленіе, я чувствую, какъ мною овладѣваетъ странное желаніе напугать эту даму, преслѣдовать ее и чѣмъ-нибудь досадить ей. Я снова нагоняю ее и прохожу мимо, неожиданно поворачиваю назадъ и встрѣчаюсь съ нею лицомъ къ лицу, чтобы разсмотрѣть ее. Я стою и смотрю ей въ глаза и тутъ же придумываю имя, котораго я никогда не слышалъ,—скользко и нервно звучащее имя: Илаяли. Такъ какъ она подошла ко мнѣ совсѣмъ близко, я выпрямляюсь и настойчиво говорю:

— Вы потеряете вашу книгу, фрѣкенъ.

Я могъ слышать, какъ громко билось мое сердце, когда я говорилъ это.

— Мою книгу?—спрашиваетъ она свою спутницу и идетъ дальше.

Мой злой порывъ сталъ упорнѣе, и я пошелъ за дамой. При этомъ я вполне ясно сознавалъ, что совершаю безумный поступокъ, не въ силахъ преодолѣть его; мое возбужденное состояніе увлекало меня и внушало самыя безумныя движенія, которымъ я поддавался поочередно. Сколько я ни говорилъ себѣ, что веду себя, какъ идіотъ, ничто не помогало, и я дѣлалъ глупѣйшія гримасы за спиною дамы и нѣсколько разъ бѣшено кашлянулъ, проходя мимо нея. И вотъ я шелъ совсѣмъ тихо впереди, все время въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, чувствовалъ ея взглядъ на своей спинѣ и невольно опускалъ голову отъ стыда, что причиняю ей непріятности. Мало-по-малу мною овладѣло странное ощущеніе, что я гдѣ-то далеко, въ другомъ мѣстѣ. У меня было смутное чувство, что не я, а кто-то другой шелъ по этимъ каменнымъ плитамъ и опускалъ голову...

Черезъ нѣсколько минутъ дама подошла къ книжному магазину Паши, я уже остановился у перваго окна,—и когда она проходила мимо, я сдѣлалъ шагъ впередъ и повторилъ:

— Вы потеряете вашу книгу, фрѣкенъ.

— Нѣтъ, какую книгу?—говоритъ она въ испугѣ.—Ты понимаешь, о какой онъ книгѣ говорить?

И она останавливается. Я безчеловѣчно радуюсь ея смущенію, эта растерянность въ ея глазахъ восхищаетъ меня. Ея

мысль не может постигнуть моего маленькаго отчаяннаго обращенія; у нея нѣтъ рѣшительно никакой книги, ни малѣйшаго листка изъ книги, но она все-таки ищетъ у себя въ карманахъ, неоднократно осматриваетъ свои руки, поворачиваетъ голову и осматриваетъ улицу позади себя, до крайности напрягаетъ свой маленькій нѣжный мозгъ, чтобы объяснить, о какой я книгѣ говорю. Ея лицо мѣняетъ краску, принимаетъ то одно, то другое выраженіе, и мнѣ ясно слышно ея дыханіе; даже пуговицы на ея платьѣ смотрятъ на меня, какъ рядъ испуганныхъ глазъ.

— Не обращай на него вниманія. — говоритъ спутница и дергаетъ ее за руку: — онъ же пьянъ; развѣ ты не видишь, что этотъ человѣкъ пьянъ!

Какъ я ни былъ чуждъ самому себѣ въ это мгновеніе, весь добыча странныхъ незримыхъ вліяній, но вокругъ меня не совершалось ничего, что могло ускользнуть отъ моего вниманія. Большая желтая собака перебѣжала улицу по направленію къ бульвару и дальше къ Тиволи; на ней былъ очень узкій ошейникъ изъ поддѣльнаго серебра. Выше по улицѣ открылось окно во второмъ этажѣ, высунулась служанка съ засученными рукавами и принялась вытирать стекла съ наружной стороны. Ничто не ускользало отъ моей наблюдательности, я былъ въ твердомъ умѣ и ясномъ сознаніи, всѣ вещи проникали въ меня съ рѣзкой четкостью, какъ если бъ вокругъ меня вспыхнулъ яркій свѣтъ. У обѣихъ дамъ впереди меня были синія крылья на шляпахъ и шотландскія шелковыя ленты на шеѣ. Мнѣ показалось, что это — сестры.

Онѣ свернули въ сторону, остановились у музыкальнаго магазина Сизлера и разговаривали. Я тоже остановился. Потомъ онѣ обѣ направились назадъ, пошли тою же дорогою, какой пришли, снова прошли мимо меня, свернули за уголъ Университетской улицы и направились къ площади Св. Олафа. Я все время старался идти за ними какъ можно ближе. Одинъ разъ онѣ обернулись и бросили на меня полуниспуганный, полуюбопытный взглядъ, и на ихъ лицахъ я не замѣтилъ ни злобы ни наморщенныхъ бровей. То, что онѣ терпѣливо выносили мою назойливость, очень пристыдило меня; и я опустилъ глаза. Мнѣ не хотѣлось больше надѣяться имъ, я съ чувствомъ благодарности сталъ провожать ихъ глазами, не теряя ихъ изъ виду, пока онѣ не вошли куда-то и не исчезли.

У номера 2, большого четырехъэтажнаго дома, онѣ обернулись еще разъ, потомъ вошли. Я прислонился къ газовому фонарю у фонтана и прислушивался къ ихъ шагамъ на лѣстницѣ. Они замерли во второмъ этажѣ. Я отхожу отъ фонаря

и смотрю вверхъ на домъ. И вотъ совершается нѣчто удивительное. Высоко, наверху шевелятся занавѣски, черезъ мигъ открывается окно, высовывается голова, и пара зоркихъ глазъ останавливается на мнѣ. «Илаяли!»—говорю я вполголоса и чувствую, что покраснѣлъ. Почему она не крикнула о помощи? Почему она не толкнула и не сбросила мнѣ на голову одного изъ цвѣточныхъ горшковъ, или не выслала кого-нибудь прогнать меня? Мы стоимъ и, не двигаясь, смотримъ другъ другу въ глаза; это продолжается съ минуту; между окномъ и улицей проносятся мысли, и никто не произноситъ ни слова. Она отворачивается, это вызываетъ толчокъ, тонкое содроганіе въ моей душѣ; я вижу, какъ поворачивается плечо, какъ спина исчезаетъ въ комнату. Это медленное исчезновеніе въ окнѣ, стѣнокъ въ этомъ поворотѣ плечъ былъ—какъ кивокъ мнѣ; моя кровь ощутила этотъ изысканный привѣтъ, и въ то же самое мгновеніе я почувствовалъ себя поразительно радостнымъ. Потомъ я повернулся и пошелъ внизъ по улицѣ.

Я не рѣшался оглянуться назадъ и не зналъ, подходила ли она еще разъ къ окошку; но мѣрѣ того, какъ я взвѣшивалъ этотъ вопросъ, я становился все болѣе и болѣе безпокоенъ и нервенъ. Возможно, что она стояла въ это мгновеніе и внимательно слѣдила за каждымъ моимъ движеніемъ, и это сознаніе, что тебя изслѣдуютъ сзади, было положительно невыносимо. Я держался какъ можно прямѣе и шелъ дальше; въ моихъ ногахъ появились судороги, моя походка стала невѣрной, потому что я намѣренно хотѣлъ сдѣлать ее красивой. Чтобы казаться спокойнымъ и равнодушнымъ, я бессмысленно болталъ руками, плевалъ на улицу и высоко поднималъ носъ; но ничто не помогало. Я все время чувствовалъ испытующій взглядъ на своей спинѣ, и все мое тѣло пронизывало холодомъ. Наконецъ я спасся въ боковую улицу, откуда направился на Пилестреде, чтобы взять свой карандашъ.

Мнѣ не стоило ни малѣйшаго труда получить его обратно. Человѣкъ самъ принесъ мнѣ жилетъ и просилъ меня тутъ же обыскать всѣ карманы; я пашелъ еще пару закладныхъ кнѣтанцій, сунулъ ихъ въ карманъ и поблагодарилъ любезнаго человѣка за его предупредительность. Опъ нравился мнѣ все больше и больше, и мнѣ тутъ же непремѣнно захотѣлось произвести на этого человѣка хорошее впечатлѣніе. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ выходу и опять вернулся къ прилавку, точно я забылъ что-то; мнѣ казалось, что я обязанъ дать ему объясненіе, сообщить подробности, и я сталъ напѣвать про себя, чтобы обратить его вниманіе. Потомъ я взялъ карандашъ въ руку и поднялъ его вверхъ.

— Мнѣ и въ голову не пришло бы, — сказалъ я:—ходить такую даль за какимъ-нибудь карандашомъ; но тутъ другое дѣло, особое обстоятельство. Какой бы ни былъ жалкій видъ у этого кусочка карандаша, онъ просто-напросто сдѣлалъ меня тѣмъ, чѣмъ я былъ на свѣтѣ, указалъ, такъ сказать, мое мѣсто въ жизни.

Я больше ничего не сказалъ. Человѣкъ подошелъ къ самому прилавку.

— Вотъ какъ?—сказалъ онъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на меня.

— Этими карандашомъ, — продолжалъ я хладнокровно:—я написалъ мое трехтомное сочиненіе о философскомъ познаніи. Неужели онъ не слышалъ объ этомъ?

И человѣку казалось, что онъ слышалъ имя, заглавіе.

— Да, — сказалъ я:—это—мое сочиненіе! Поэтому онъ по долженъ удивляться, что я хочу получить этотъ маленькій обрѣзокъ карандаша обратно; онъ имѣлъ слишкомъ большую цѣну для меня, онъ для меня—какъ маленькій человѣкъ. Кромѣ того, я ему весьма благодаренъ за его доброжелательность и я не забуду ему этого; да, да, въ самомъ дѣлѣ не забуду; честное слово, ужъ такой я человѣкъ, да это ему и по заслугамъ. До свиданья!

Я направился къ выходу съ такимъ видомъ, точно я могъ доставить человѣку важное мѣсто. Учтивый ростовщикъ дважды поклонился мнѣ, когда я удалялся, я еще разъ обернулся и сказалъ:—До свиданья!

На лѣстницѣ мнѣ попалась женщина съ чемоданомъ въ рукѣ. Въ виду моей важности, она робко посторонилась, чтобы пропустить меня, и я невольно хватился за карманъ, чтобы дать ей что-нибудь. Но, ничего не найдя, я пріунылъ и, поникнувъ, прошелъ мимо нея. Нѣсколько позднѣе я слышалъ, какъ она тоже стучалась къ ростовщику; на дверяхъ была стальная рѣшетка, и я тотчасъ же узналъ дребезжащій звукъ, когда человѣческая рука касалась ея.

Солнце стояло на югѣ, было около двѣнадцати часовъ. Городъ былъ уже на ногахъ, приближалось время гулянья, и волна раскланивавшихся и смѣющихся людей двигалась взадъ и впередъ по Карлу - Югану. Я прижалъ локти къ бокамъ, съежился и незамѣтно проскользнулъ мимо нѣсколькихъ знакомыхъ, занявшихъ уголъ университета, чтобы наблюдать прохожихъ. Я поплелся на дворцовый холмъ и весь ушелъ въ раздумье.

Какъ легко и весело эти люди, которыхъ я встрѣчалъ, покачивали своими ясными головами и скользили черезъ жизнь,

какъ черезъ бальную залу! Ни въ чьихъ глазахъ я не видѣлъ заботы ни бремени на плечахъ, можетъ-быть, ни единой сумрачной мысли, ни тѣни тайнаго страданія въ любой изъ этихъ радостныхъ душъ. И я шелъ рядомъ съ этими людьми, молодой и только-что расцвѣтшій, и уже забылъ, что такое счастье! Я носился съ этой мыслью и находилъ, что сталъ жертвой чудовищной несправедливости. Почему послѣдніе мѣсяцы мнѣ жилось такъ невыносимо тяжело? Я уже не узнавалъ моей ясной души, и со всѣхъ сторонъ меня ждали самыя поразительныя пытки. Я не могъ сидѣть на своей скамейкѣ или шевельнуть ногой безъ того, чтобы на меня не обрушивались ничтожныя и бессмысленныя случайности, жалкія мелочи, что вторгались въ мои представления и разсыпали по вѣтру мои силы. Пробѣжавшая мимо собака, желтая роза въ петлицѣ какого-нибудь господина могли привести въ движеніе мои мысли и долгое время занимать меня. Что со мной случилось? Персть Божій отмѣтилъ меня? Но почему именно меня? Почему не какого-нибудь жителя Южной Америки, коль на то пошло? Чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ становилось непостижимѣе и непостижимѣе, что именно я избранъ пробнымъ камнемъ своеправной Божьей милости! Довольно своеобразный приемъ перескакивать черезъ весь міръ, чтобы поразить меня; вѣдь существуютъ еще антикварій Паша и пароходный агентъ Геннехень.

Я шелъ и взвѣшивалъ это обстоятельство и не могъ кончить съ нимъ. Я находилъ самыя вѣскія возраженія противъ этого Божьяго произвола, заставляющаго меня расплачиваться за грѣхи всѣхъ. И когда я нашелъ себѣ скамейку и сѣлъ, этотъ вопросъ все еще продолжалъ занимать меня и мѣшалъ мнѣ думать о другомъ. Начиная съ того майскаго дня, когда начались мои злключенія, я опредѣленно замѣчалъ свою мало-по-малу возрастающую слабость, я сталъ какъ бы слишкомъ вялъ, чтобы направлять себя, куда хотѣлъ, цѣлый рой маленькихъ вредныхъ насѣкомыхъ проникъ въ меня и опустошилъ меня. Что, если Богъ просто-напросто рѣшилъ совершенно погубить меня? Я всталъ и бродилъ взадъ и впередъ вдоль скамейки.

Все мое существо въ это мгновеніе достигло высочайшей степени страданія; у меня была боль даже въ рукахъ, и я съ трудомъ могъ носить ихъ, какъ принято. И послѣ послѣдняго тяжелаго обѣда я чувствовалъ себя очень нехорошо, я былъ пресыщенъ и возбужденъ и разгуливалъ взадъ и впередъ, не поднимая глазъ; люди, приходившіе и уходившіе вокругъ меня, скользили мимо, какъ призраки. Наконецъ моя скамейка

была занята двумя мужчинами, которые закурили свои сигары и громко разговаривали; я разсердился и хотѣлъ сдѣлать имъ замѣчаніе, но повернулъ и пошелъ въ другой конецъ парка, гдѣ отыскалъ себѣ новую скамейку. Я сѣлъ.

Мысль о Богѣ начала снова занимать меня. Я находилъ, что съ Его стороны было въ высшей степени непростительно вмѣшиваться всякій разъ, когда я искалъ мѣста, и разстраивать все, хотя я просилъ только насущнаго хлѣба. Я такъ опредѣленно замѣтилъ, что стоило мнѣ голодать лишннихъ нѣскольکو дней подъ-рядъ, какъ мой мозгъ словно тихо вытекалъ изъ головы и оставлялъ меня пустымъ. Моя голова становилась легкой и разсѣянной, я больше не чувствовалъ ея тяжести на плечахъ, и мнѣ представлялось, что мои глаза раскрывались слишкомъ широко, когда я смотрѣлъ на кого-нибудь.

Я сидѣлъ на скамейкѣ и думалъ обо всемъ этомъ, и все больше и больше сѣтовалъ на Бога за Его непрерывныя мученія. Если, терзая меня и ставя на моемъ пути препятствіе за препятствіемъ, Онъ хотѣлъ привлечь меня ближе къ Себѣ и исправить меня, то Онъ отчасти ошибался, я могъ Его увѣрить въ этомъ. И я смотрѣлъ ввысь, почти плача отъ упрямства, и разъ навсегда высказалъ Ему это въ душевной тишинѣ.

Отрывки моей дѣтской мудрости вспомнились мнѣ. Тихій голосъ библіи пѣлъ въ моихъ ушахъ, и я совсѣмъ тихо шептался самъ съ собой и укоризненно склонилъ голову набокъ. Зачѣмъ я тужилъ о томъ, что буду ѣсть, что буду пить и чѣмъ буду одѣвать жалкій червивый мѣшокъ, называемый моимъ земнымъ тѣломъ? Развѣ мой Отецъ Небесный не позаботился обо мнѣ, какъ позаботился о воробьяхъ подъ небесами, и не оказалъ милости, отмѣтивъ Своего ничтожнаго слугу? Господь погрузилъ Свой перстъ въ ткань моихъ нервовъ и нѣжно, бережно-бережно, внесъ въ нихъ нѣкоторый безпорядокъ. И Господь вынулъ Свой перстъ, — и что же? — на перстѣ оказались ниточки и комочки моей нервной ткани. И осталось открытое отверстіе отъ Его перста, Божьяго перста, и раскрылась рана въ моемъ мозгу отъ прикосновенія Его пальцевъ. Но, коснувшись меня перстами десницы Своей, Господь покинулъ меня и не трогалъ меня больше, и не посылалъ мнѣ никакого зла. Онъ предоставилъ мнѣ итти съ миромъ и предоставилъ мнѣ итти съ раскрытой раной. И никакого зла не извѣдалъ я отъ Бога, ибо Онъ — Господь во вѣки вѣковъ...

Звонъ музыки донесся до меня съ вѣтромъ съ бульвара, значитъ, было больше двухъ часовъ. Я вынулъ свои пись-

менные принадлежности, чтобы сдѣлать попытку написать что-нибудь, и вдругъ изъ кармана выпала моя парикмахерская книжка. Я раскрылъ ее и сосчиталъ листки: оставалось шесть билетовъ. Слава Богу! — невольно сказалъ я. Я могъ бриться еще двѣ недѣли и ходить съ приличнымъ видомъ! И съ этимъ маленькимъ имуществомъ, какое еще оставалось у меня, я тотчасъ же пришелъ въ лучшее настроеніе; я тщательно разгладилъ билеты и спряталъ книжку въ карманъ.

Но писать я не могъ. Послѣ нѣсколькихъ строкъ мнѣ уже ничего не приходило въ голову; мои мысли были гдѣ-то далеко, и я не могъ собраться съ силами въ опредѣленномъ направленіи. Все вліяло на меня и развлекало, все, что я видѣлъ, производило на меня новое впечатлѣніе. Мухи и крошечные комары сидѣли на бумагу и мѣшали мнѣ; я дулъ, чтобы прогнать ихъ, сдувалъ ихъ все сильнѣе и сильнѣе, но тщетно. Маленькія твари ложатся на спину, становятся тяжелѣе и оказываютъ такое сопротивленіе, что ихъ тонкія ноги гнутся. Ихъ никакъ нельзя удалить. Имъ удается зацѣпиться за что-нибудь, они упираются ножками въ точку или неровность на бумагѣ и стоятъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока имъ самимъ не угодно уйти своей дорогой.

Нѣкоторое время эти маленькія чудовища продолжали занимать меня, и я скрестилъ ноги и долго наблюдалъ ихъ. Вдругъ съ бульвара до меня донеслись двѣ или три кларнетныхъ ноты и дали моей мысли новый толчокъ. Въ досадѣ, что не могу написать своей статьи, я сунулъ бумаги въ карманъ и откинулся на спинку скамейки. Въ это мгновеніе моя голова такъ ясна, что, не уставая, я могу думать тончайшія мысли. Въ то время, какъ я лежу въ такомъ положеніи и сколько взглядомъ по груди и ногамъ, я замѣчаю вздрагивающее движеніе, которое дѣлаетъ моя нога при всякомъ біеніи пульса. Я полуприподымаюсь и смотрю на ноги, и переживаю въ эту минуту фантастическое и странное настроеніе, котораго я раньше не знавалъ. Тонкій, поразительный толчокъ сообщился моимъ нервамъ, пронизывавшія ихъ, какъ свѣтовое содроганіе. Взглядывая на мои башмаки, я какъ бы встрѣчалъ хорошаго знакомаго или получалъ обратно какую-то оторванную часть самого себя; чувство воссоединенія трепещетъ въ моей душѣ, глаза наполняются слезами, и я ощущаю мои салюги, какъ тихій звонъ, несущійся ко мнѣ. — Слабость! — строго сказалъ я самому себѣ, и я сжалъ кулаки и сказалъ: — Слабость! Я смѣялся надъ самимъ собою по поводу этихъ нелѣпныхъ чувствъ, издѣвался надъ собою вполне сознательно. Я говорилъ очень строго и здраво и крѣпко смыкалъ глаза,

чтобы прогнать слезы. Казалось, я никогда не видѣлъ своихъ башмаковъ, я начинаю изучать ихъ видъ, ихъ мимику при всякомъ движеніи моей ноги, ихъ форму и ихъ изношенные передки, и я открываю, что эти морщины и бѣлые швы придаютъ имъ выраженіе, сообщаютъ имъ физиономію. Какая-то часть моего собственнаго существа перешла въ эти башмаки, они дѣйствовали на меня, какъ нѣкое дуновеніе на мое «я», какъ дышащая часть меня самого...

Я сидѣлъ и долго отдавался этимъ ощущеніямъ,—пожалуй, цѣлый часъ. И вотъ появился маленькій, старый человекъ и занялъ другой конецъ скамейки; садясь, онъ тяжело вздохнулъ отъ ходьбы и сказалъ:

— Да-да-да-да-да-да, такъ-то!

Едва я услышалъ его голосъ, въ моей головѣ пронесся какъ бы вихрь, я предоставилъ башмакамъ остаться башмаками, и мнѣ даже представилось, что это смутное настроеніе, которое я только-что пережилъ, относилось къ давно прошедшему времени, было, пожалуй, годъ или два года назадъ и начинало мало-по-малу изглаживаться изъ моей памяти. Я сталъ наблюдать старика.

Какое мнѣ было дѣло до этого маленькаго человекъ? Никакого, ни малѣйшаго! Меня занимало только то, что онъ держалъ газету въ рукѣ, старый номеръ со страницей объявленной сверху, гдѣ, повидимому, было что-то завернуто. Мною овладѣло любопытство, и я не могъ оторвать глазъ отъ этой газеты, мнѣ пришла безумная мысль, что это была весьма замѣчательная газета, единственная въ своемъ родѣ; мое любопытство возрастало, и я началъ двигаться взадъ и впередъ по скамейкѣ. Тутъ могли быть документы, опасныя бумаги, украденныя изъ какого-нибудь архива. И у меня мелькала мысль о тайномъ трактатѣ, заговорѣ.

Человекъ тихо сидѣлъ и думалъ. Зачѣмъ онъ носилъ газету не такъ, какъ всѣ носятъ газету, не заглавіемъ наружу? Что это за козни? Онъ, повидимому, не хотѣлъ выпускать своего свертка изъ рукъ, ни за что на свѣтѣ. Онъ, пожалуй, не смѣлъ даже довѣрить его своему собственному карману. Я готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что за этимъ сверткомъ что-нибудь да скрывалось.

Я смотрѣлъ въ пространство. Уже то обстоятельство, что не было ни малѣйшей возможности проникнуть въ эту мистическую вещь, сводило меня съ ума отъ любопытства. Я искалъ въ своихъ карманахъ, хотѣлъ предложить этому человекъ что-нибудь и вступить съ нимъ въ бесѣду, и я вынулъ свою парикмахерскую книжку, но снова спряталъ ее. Вдругъ мною овладѣло

чрезвычайное нахальство, я похлопалъ себя по пустому боковому карману и сказалъ:

— Могу я предложить вамъ папиросу?

Спасибо, этотъ человѣкъ не курилъ,—ему пришлось бросить изъ-за глазъ, онъ былъ почти слѣпъ. Впрочемъ, онъ весьма благодаренъ!

— Давно ли болятъ у него глаза? Пожалуй, ему совсѣмъ нельзя читать? Даже газетъ?

— Даже газетъ, къ сожалѣнію!

Человѣкъ взглянулъ на меня. На каждомъ изъ его глазъ было по бѣлму, придававшему имъ стеклянное выраженіе; у него было бѣлый взглядъ, производившій отвратительное впечатлѣніе.

— Вы пріѣзжій? — сказалъ онъ.

— Да... Неужели онъ не можетъ прочесть даже названіе газеты, которую онъ держалъ въ рукахъ?

— Съ трудомъ... Впрочемъ, онъ сразу услышалъ, что я — пріѣзжій; что-то въ отбѣнкѣ моего голоса убѣждало его въ этомъ. Очень просто, у него такой тонкій слухъ. По ночамъ, когда всѣ спятъ, онъ могъ слышать человѣческое дыханіе въ соседней комнатѣ... Что я хотѣлъ сказать, — гдѣ вы живете?

Въ моей головѣ тотчасъ же была готова ложь. Я лгалъ невольно, безъ умысла и задней мысли, я отвѣтилъ:

— На площади Св. Олафа.

— Правда? Этотъ человѣкъ знаетъ каждый камень на площади св. Олафа. Тамъ имѣется фонтанъ, нѣсколько газовыхъ фонарей, пара деревьевъ, онъ помнилъ все... Въ какомъ номерѣ изволите жить?

Я хотѣлъ кончить это и всталъ, доведенный до крайности моей навязчивой мыслью о газетѣ. Тайна должна была во что бы то ни стало объясниться.

— Разъ вамъ нельзя читать газеты, зачѣмъ же...

— Во второмъ номерѣ, вы, кажется, сказали? — продолжалъ онъ, не замѣчая моего безпокойства. — Въ свое время я зналъ всѣхъ жильцовъ во второмъ номерѣ. Какъ зовутъ вашего хозяина?

Чтобы покончить съ нимъ, я наскоро подыскалъ имя, — выдумалъ это имя въ одно мгновеніе и бросилъ его, чтобы остановить моего мучителя.

— Гапшолати, — сказалъ я.

— Гапшолати, да, — кивнулъ человѣкъ и не пропустилъ ни одной буквы въ этомъ трудномъ имени.

Я изумленно смотрѣлъ на него; онъ сидѣлъ съ очень серьезнымъ видомъ, и у него было задумчивое лицо. Не успѣлъ я

произнести это глупое, пришедшее мнѣ въ голову имя, какъ человѣкъ освоился съ нимъ и сдѣлалъ видъ, что слышалъ его раньше. Въ это время онъ положилъ свой свертокъ на скамейку, и я чувствовалъ, какъ все мое любопытство трепетало во мнѣ. Я обратилъ вниманіе, что на газетѣ были два жирныхъ пятна.

— Вашъ хозяинъ не морякъ? — спросилъ человѣкъ, и въ его голосѣ не было ни тѣни ироніи. — Помнится, онъ былъ морякъ?

— Морякъ? Винавать, должно-быть, вы знаете его брата; а этотъ — Г.-А. Гапполати, агентъ.

Я думалъ, что это сразитъ его; но человѣкъ охотно вѣрилъ всему.

— Дѣльный человѣкъ, насколько я слышалъ? — сказалъ онъ, продолжая бесѣду.

— О, да, смыпленный малый, настоящій дѣлецъ, агентъ по всевозможнымъ дѣламъ, — китайская брусника, перо и пухъ изъ Россіи, кожа, лѣсъ, канцелярскія чернила...

— Хе-хе, чортъ возьми! — прервалъ меня старикъ съ крайнимъ оживленіемъ.

Это начинало становиться забавнымъ. Положеніе увлекло меня, и въ моей головѣ возникала одна ложь за другою. Я снова сѣлъ, забылъ газету, загадочныя бумаги, разгорячился и перебилъ собесѣдника. Довѣрчивость маленькаго карлика сдѣлала меня до глупости наглымъ, я хотѣлъ наговорить ему кучу безпощадной лжи, разбить его на голову.

— Не слышалъ ли онъ объ электрическомъ молитвенникѣ, изобрѣтенномъ Гапполати?

— Что, элек...?

— Съ электрическими буквами, которыя могутъ свѣтиться въ темнотѣ! Огромное предпріятіе, милліоны кроны въ оборотѣ, словолитни и типографія въ ходу, сотни механиковъ на большомъ жалованіи, — семьсотъ человѣкъ, какъ мнѣ приходилось слышать.

— Я же такъ и говорилъ! — тихо сказалъ человѣкъ.

Больше онъ ничего не сказалъ; онъ вѣрилъ каждому моему слову, нимало не задумываясь. Это нѣсколько разочаровало меня, я ждалъ, что мои выдумки приведутъ его въ бѣшенство.

Я сочинилъ еще двѣ отчаянныхъ выдумки, довелъ это до азарта, шепнулъ, что Гапполати цѣлыя девять лѣтъ былъ министромъ въ Персіи. — Вы, пожалуй, и представить не можете, что значитъ быть министромъ въ Персіи? — спросилъ я. — Это больше, чѣмъ у насъ король, или почти столько же, какъ

султанъ, если онъ знаетъ, что это такое. Но Гапполати справился со всѣмъ этимъ и ни разу не оплошалъ. И я рассказывалъ объ Илаяли, его дочери, феѣ, принцессѣ, у которой было триста рабынь и которая почивала на ложѣ изъ желтыхъ розъ; она была прекраснѣйшее существо, какое я видѣлъ,—накажи меня Богъ,—я не видѣлъ ничего равнаго въ моей жизни!

— Да, она была такъ красива?—сказалъ старикъ съ разсѣяннымъ видомъ и смотря въ 'землю.

— Красива? Она прекрасна, чертовски нѣжна! Глаза, что шелкъ, руки изъ янтара! Ужъ одинъ взглядъ ея искушалъ, какъ поцѣлуй, и когда она звала меня, ея голосъ, какъ струя вина, проникалъ въ самое сердце мое. Почему ей не быть такой прекрасной? Развѣ онъ считалъ ее за конторщицу или за служащую въ пожарномъ вѣдомствѣ? Она просто небесное великолѣпіе, я долженъ ему сказать,—сказка.

— Ну, конечно,—сказалъ человѣкъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ.

Его спокойствіе наскучило мнѣ; я былъ опьяненъ собственнымъ голосомъ и говорилъ вполне серьезно. Объ украденномъ архивѣ, о договорѣ съ какимъ-нибудь иностраннымъ государствомъ я больше не думалъ; маленькій, тощій свертокъ лежалъ между нами на скамейкѣ, но у меня уже не было ни малѣйшаго желанія изслѣдовать его и посмотрѣть, что онъ содержалъ. Я былъ всецѣло поглощенъ собственными исторіями, передъ моими глазами проносились изумительные образы, кровь бросилась мнѣ въ голову, и я лгалъ за семью грѣхъ.

Въ это мгновеніе человѣкъ какъ будто собрался уходить. Онъ приподнялся и, чтобы не слишкомъ рѣзко перебить меня, спросилъ:

— Должно-быть, огромное состояніе у этого Гапполати?

Какъ могъ этотъ слѣпой, отвратительный старикъ распоряжаться чужимъ именемъ, которое я выдумалъ, словно бы это было обычное имя и стояло на любой вывѣскѣ въ городѣ?

Онъ не споткнулся ни на одной буквѣ, ни на одномъ слогѣ; это имя четко врѣзалось въ его мозгъ и тотчасъ же пустило корни. Мнѣ стало досадно, во мнѣ поднялось глубокое озлобленіе на этого человѣка, котораго ничто не смущало и въ которомъ ничто не возбуждало подозрѣнія.

— Не знаю,—отвѣтилъ я вдругъ:—положительно не знаю. Позвольте вамъ разъ навсегда сказать, что его зовутъ Юганомъ-Арендтомъ Гапполати, судя по инициаламъ.

— Юганомъ-Арендтомъ Гапполати,—повторилъ человѣкъ, нѣсколько озадаченный моей горячностью.

Потомъ замолчалъ.

— Вы бы посмотрѣли на его жену,—въ бѣшенствѣ сказалъ я:—очень толстая особа... Вы, можетъ-быть, не вѣрите, что она нѣсколько толста?

Да, этого онъ, конечно, не могъ отрицать; у такого господина могла быть довольно толстая жена...

Старикъ отвѣчалъ кротко и тихо на каждую мою выходку и взвѣшивалъ слова, точно боясь, какъ бы не сказать лишняго и не разсердить меня.

— Чортъ возьми, вы, пожалуй, думаете, что я сижу здѣсь и отъ начала до конца лгу вамъ?—закричалъ я внѣ себя.— Вы, пожалуй, думаете, что господина по имени Гапполати вовсе не существуетъ? Я еще не встрѣчалъ подобнаго упрямства и злобы у стараго человѣка! Что съ вами, чортъ возьми? Вдобавокъ, вы, пожалуй, подумали, что я совершенный нищій, сидящій здѣсь въ своемъ лучшемъ платьѣ, безъ полнаго портсигара папирсъ въ карманѣ? Я не привыкъ къ такому обращенію, какъ ваше, доложу вамъ, и, свидѣтель Богъ, не потерплю этого ни отъ васъ ни отъ кого бы то ни было,—прошу имѣть это въ виду!

Человѣкъ всталъ. Онъ стоялъ, разинувъ ротъ, и выслушалъ мой окрикъ до конца, потомъ быстро схватилъ свой свертокъ со скамейки и пошелъ, почти побѣжалъ по дорожкѣ мелкимъ старческимъ шагомъ.

Я продолжалъ сидѣть и смотрѣть въ его спину, которая исчезала все дальше и дальше и, казалось, все больше и больше сгибалась. Не знаю, откуда у меня получилось такое впечатлѣніе, но мнѣ показалось, что я никогда не видѣлъ болѣе безчестной, болѣе порочной спины, чѣмъ эта, и не раскаивался, что выбранилъ этого человѣка, прежде чѣмъ онъ оставилъ меня...

День началъ склоняться къ вечеру, солнце заходило, поднялся легкій шорохъ въ окружающихъ деревьяхъ, и няньки, толпою сидѣвшія у балансирнаго шеста, собирались катить свои коляски домой. Я былъ спокоенъ и чувствовалъ себя хорошо. Мое недавнее возбужденіе мало-по-малу улеглось, я ослабѣлъ, сталъ вялымъ и началъ чувствовать себя сонливымъ; большое количество хлѣба, съѣденнаго мною, повидимому, уже перестало приносить мнѣ вредъ. Въ великолѣпномъ настроеніи я откинулся на скамейку, закрылъ глаза. Мною все больше и больше овладѣвала спячка, я дремалъ и готовъ былъ вѣрнко заснуть, когда парковый сторожъ положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ:

— Здѣсь спать нельзя.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказаль я и тотчасъ же поднялся.

И мое печальное положеніе снова встало передъ моими глазами во всей своей наготѣ. Нужно было сдѣлать что-нибудь, придумать что-нибудь! Понски должности не привели ни къ чему; рекомендаціи, которыя я представлялъ, нѣсколько устарѣли и были выданы слишкомъ неизвѣстными лицами, чтобы имѣть серьезное значеніе; кромѣ того, эти вѣчные отказы все лѣтнее время сдѣлали меня нѣсколько робкимъ. Ну—такъ или иначе, срокъ моей квартирной платы прошелъ, и необходимо добыть ее. Все остальное могло пока оставаться попрежнему.

Совершенно невольно, я снова взялъ въ руки карандашъ и бумагу, сѣлъ и машинально выводилъ по всѣмъ угламъ 1848 г. Если бъ хоть одна волнующая мысль властно захватила меня и подсказала мнѣ слова! Вѣдь раньше бывало, дѣйствительно бывало, что на меня находили минуты, когда я могъ безъ напряженія написать длинную и притомъ великолѣпную статью.

Я сижу на скамейкѣ и неоднократно вывожу 1848. Я пишу это число вдоль и поперекъ на тысячи ладовъ и жду, не осѣнить ли меня сносная идея. Рой отрывочныхъ мыслей мелькаетъ у меня въ головѣ, настроеніе умирающаго дня приводитъ меня въ уныніе и сентиментальность. Осень пришла и уже начинала сковывать все сномъ, мухи и насѣкомыя получили первый ударъ, на деревьяхъ и на землѣ слышенъ шорохъ упорствующей жизни, неутомной, безпокойно-шумной, напряженной трудомъ, чтобы не погибнуть. Всѣ твари міра пресмыкающихся шевелятся еще разъ, высовываютъ свои желтыя головы изъ мха, поднимаютъ свои ноги, при помощи длинныхъ нитей пробираются впередъ и потомъ падаютъ вдругъ, опрокидываются, вздымая животы. Каждая былинка принимаетъ свой особенный отгѣнокъ, тонко дыханіе перваго мороза; блѣдые стебелки вздымаются къ солнцу, и опавшіе листья шелестятъ на землѣ съ шорохомъ, напоминающимъ движеніе шелковичныхъ червей. Это—время осени, карнаваль тлѣнія. Красныя розы получили воспаленный, волшебный и необычный отгѣнокъ въ цвѣтѣ кроваво-красныхъ лепестковъ.

Я самъ чувствовалъ себя, какъ гибнущій червь, пораженный разрушеніемъ среди этого засыпающаго міра. Въ странномъ страхѣ, я всталъ и сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ шаговъ по дорожкѣ.—Нѣтъ!—крикнулъ я и сжалъ оба кулака:—все это должно кончиться!—И я снова сѣлъ, снова взялъ карандашъ и рѣшилъ во что бы то ни стало написать статью. Было совершенно бесполезно опускать руки, когда у человѣка стояла передъ глазами неоплаченная квартира.

Медленно, крайне медленно мои мысли начали собираться. Я слѣдилъ за ними и медленно, всесторонне взвѣсивая, написалъ пару страницъ въ видѣ введенія къ чему-нибудь; это могло служить началомъ чему угодно,—дорожнымъ наброскамъ, политической статьѣ, въ зависимости отъ того, къ чему я самъ его приурочу. Это было превосходное начало вообще.

Потомъ я началъ подыскивать опредѣленный вопросъ, которымъ я могъ бы заняться,—человѣка, или вещь, за что я могъ бы ухватиться,—и не могъ найти ничего. Въ этомъ бесплодномъ напряженіи, мои мысли снова начали приходить въ беспорядокъ, я чувствовалъ, какъ мозгъ положительно переставалъ работать, голова пустѣла, пустѣла, и наконецъ стала на моихъ плечахъ легкою и лишенною содержанія. Эту зияющую пустоту въ головѣ я ощущалъ всѣмъ тѣломъ, мнѣ казалось, что весь я пусть съ головы до ногъ.

— Господи Боже мой! — воскликнулъ я съ болью и повторялъ этотъ возгласъ нѣсколько разъ подъ-рядъ, не говоря больше ни слова.

Вѣтеръ шумѣлъ въ листьѣ, надвигалось ненастье. Я сидѣлъ еще нѣкоторое время и задумчиво смотрѣлъ на бумагу, потомъ сложилъ ее и медленно спряталъ въ карманъ. Стало холодно, а у меня не было жилета; я застегнулъ куртку до самой шеи и сунулъ руки въ карманы. Потомъ всталъ и пошелъ.

Если бъ только мнѣ посчастливилось на этотъ разъ, на этотъ единственный разъ! Хозяйка дважды спрашивала у меня глазами платы, и мнѣ пришлось опустить передъ нею голову и шмыгнуть мимо со смущеннымъ поклономъ. Больше мнѣ это не подъ силу; когда я въ ближайшій разъ увижу эти глаза, я откажусь отъ комнаты и честно объяснюсь съ нею; вѣдь больше все равно не можетъ продолжаться такъ.

Когда я очутился у выхода изъ парка, я снова увидѣлъ стараго карлика, котораго въ своемъ бѣшенствѣ обратилъ въ бѣгство. Таинственный свертокъ былъ раскрытъ подлѣ него на скамейкѣ, въ немъ оказалось много всякой пищи, которую онъ жевалъ. Я хотѣлъ тутъ же подойти къ нему и извиниться, попросить прощенія за мое поведеніе, но его ѣда оттолкнула меня; старые пальцы, похожіе на десять морщинистыхъ когтей, отвратительно впивались въ жирные бутерброды, я почувствовалъ тошноту и прошелъ мимо него, не заговоривъ. Онъ не узналъ меня, его глаза сухо уставились на меня, какъ рога, и лицо не дрогнуло ни единой черточкой.

И я продолжалъ свой путь.

По обыкновенію, я останавливался передъ каждою выѣ-

шенной газетой, мимо которой проходилъ, чтобы прочесть объявленія о свободныхъ мѣстахъ, и былъ такъ счастливъ, что нашелъ одно, подходящее для меня. Купецъ на Грѣнландслере ищетъ господина для двухчасовой бухгалтеріи по вечерамъ; плата по соглашенію. Я записалъ адресъ и въ тиши молился Богу объ этомъ мѣстѣ; я спрошу за трудъ меньше, чѣмъ кто-либо, мнѣ и пятидесяти эре достаточно, даже сорока эре; я пойду на какія угодно условія.

Когда я вернулся домой, на моемъ столѣ лежала записка хозяйки, гдѣ она просила либо заплатить за комнату впередъ, либо какъ можно скорѣе очистить ее. Я не долженъ сердиться,—ей нельзя иначе. Съ совершеннымъ почтеніемъ мадамъ Гундерсенъ.

Я написалъ предложеніе купцу Кристи, Грѣнландслере 31, положилъ его въ конвертъ и отнесъ въ ящикъ на углу. Потомъ я снова поднялся въ свою комнату, сѣлъ въ качалку и задумался, въ то время какъ темнота становилась все гуще и гуще. Теперь уже трудно было не пойти ко дну.

Утромъ я проснулся очень рано. Было еще совсѣмъ темно, когда я открылъ глаза, и только много спустя я услышалъ, какъ въ нижней квартирѣ пробило пять. Я хотѣлъ снова уснуть, но сонъ уже не приходилъ, я становился все бодрѣе и бодрѣе и лежалъ и думалъ о тысячахъ вещей.

Вдругъ мнѣ приходитъ одна или двѣ хорошихъ фразы, годныхъ для эскиза, фельетона, — тонкая словесная находка, какой мнѣ еще никогда не попадалось. Я лежу и повторяю эти слова про себя, и нахожу, что они превосходны. Вскорѣ къ нимъ присоединяется много другихъ, я вдругъ совершенно просыпаюсь, встаю и схватываю бумагу и карандашъ со стола въ ногахъ моей кровати. Точно во мнѣ брызнулъ ключъ, слово слѣдуетъ за словомъ, сплетается въ нѣчто связанное, смыкается въ положеніе, сцена громоздится на сцену, дѣйствія и реплики всплываютъ въ моемъ мозгу, и поразительно пріятное чувство овладѣваетъ мной. Я пишу, какъ бѣсноватый, и заполняю одну страницу за другой, не останавливаясь ни на мигъ. Мысли возникаютъ такъ внезапно и продолжаютъ всплывать такъ щедро, что я упускаю массу подробностей, которыхъ не успѣваю записать, хотя работаю изо всѣхъ силъ. Я продолжаю проникаться всѣмъ этимъ, я весь захваченъ темой, и всякое слово, написанное мною, само лѣтаетъ съ языка.

Это изумительное мгновеніе продолжается, продолжается без-

конечно долго; и когда я наконецъ останавливаюсь и кладу карандашъ, на моихъ колѣняхъ лежатъ пятнадцать-двадцать исписанныхъ страницъ. Если только эти листки дѣйствительно имѣютъ какую-нибудь цѣнность, то я спасенъ! Я вскакиваю съ постели и одѣваюсь. Все больше и больше свѣтаетъ, я почти могу разобрать объявленіе завѣдующаго маяками у двери, а у окна уже настолько свѣтло, что я могъ бы писать въ случаѣ надобности. И я тотчасъ же начинаю переписывать бумаги набѣло.

Въ поразительную, густую дымку изъ свѣта и красокъ облечены эти фантазіи; я изумляюсь одному удачному мѣсту за другимъ и говорю самому себѣ, что лучше этого я еще ничего не читалъ. Я доволенъ до опьяненія, радость воспламеняетъ меня. Я чувствую себя побѣдителемъ, взвѣшиваю рукопись на рукѣ и тутъ же оцѣниваю ее въ пять кронъ, по бѣглому расчету. Никому и въ голову не придетъ торговаться изъ-за пяти кронъ, напротивъ, можно смѣло сказать, что, принимая въ расчетъ содержаніе, даже десять кронъ—пустячная цѣна. Я не предполагалъ дѣлать такую исключительную работу даромъ; насколько мнѣ извѣстно, такіе романы не валяются на дорогѣ. И я назначилъ десять кронъ.

Въ комнатѣ становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе, я бросилъ взглядъ на дверь и могъ безъ особеннаго труда прочесть тонкія, скелетообразныя буквы о саванѣ Йомфу Андерсенъ въ воротахъ, направо; къ тому же прошло порядочно времени съ тѣхъ поръ, какъ часы пробили семь.

Я отошелъ отъ окна и остановился посерединѣ комнаты. Взвѣсивъ все хорошенько, отказъ мадамъ Гундерсенъ пришелся довольно кстати. Эта комната была вовсе не для меня; здѣсь были довольно простыя зеленыя занавѣски на окнахъ, и было вовсе не такъ много гвоздей въ стѣнахъ для вѣшанья платья. Несчастная качалка въ углу, въ сущности, лишь пародія на качалку, при видѣ которой легко можно умереть со смѣха. Она была слишкомъ низка для взрослого человѣка и, кромѣ того, такъ тѣсна, что человѣка, такъ сказать, нужно было извлекать изъ нея, какъ ногу изъ сапога. Однимъ словомъ, комната не была приспособлена къ духовнымъ занятіямъ, и я не хотѣлъ оставлять ее за собой. Ни въ коемъ случаѣ не хотѣлъ оставлять! Я слишкомъ долго молчалъ и терпѣлъ и томился въ этомъ чуланѣ.

Звинченный надеждой и довольствомъ собою, все еще занятый замѣчательнымъ наброскомъ, который я то и дѣло вытаскивалъ изъ кармана и читалъ, я хотѣлъ тотчасъ же приступить къ дѣлу и собираться. Я досталъ свой узелъ, крас-

ный носовой платокъ, содержавшій пару чистыхъ воротниковъ и немного скомканной газетной бумаги, въ которой приносилъ домой хлѣбъ, скаталь свое одѣяло и спряталь у себя запасъ бѣлой писчей бумаги. Потомъ я предусмотрительно обшарилъ всѣ узлы, чтобы убѣдиться, не оставилъ ли чего-нибудь, и, не найдя ничего, подошелъ къ окну и смотрѣлъ вдаль. Было пасмурное и сырое утро; у сгорѣвшей кузницы не было ни души, а веревка на дворѣ туго протянулась отъ стѣны къ стѣнѣ отъ сырости. Все это я уже раньше зналъ, поэтому я отошелъ отъ окна, взявъ одѣяло подъ мышку, поклонился объявленію завѣдующаго маяками, поклонился савану Йомфру Андерсенъ и открылъ дверь.

Вдругъ я вспомнилъ про хозяйку; вѣдь нужно было уведомить ее объ отъѣздѣ, чтобы она узнала, что имѣла дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ. Мнѣ хотѣлось также письменно поблагодарить ее за пару дней, когда я пользовался комнатой сверхъ срока. Сознаніе, что теперь я спасенъ на нѣкоторое время, овладѣло мною такъ сильно, что я даже побѣждалъ занести хозяйкѣ пять кронъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней; я хотѣлъ сугубо показать ей, какая благородная особа ютилась подъ ея крышей.

Записку я оставилъ на столѣ.

Я еще разъ остановился у двери и обернулся. Это свѣтлое чувство, что я снова воспрянулъ, воодушевляло меня и внушало мнѣ благодарность Богу и всему міру. Я опустился на колѣни у кровати и громкимъ голосомъ благодарилъ Творца за Его великую доброту ко мнѣ въ это утро. Я зналъ,—ахъ, я зналъ!—что этотъ порывъ вдохновенія, который я только-что пережилъ и описалъ, былъ изумительнымъ дѣяніемъ неба въ моей душѣ, отвѣтомъ на мой вчерашній крикъ о помощи. Это — Богъ! Это — Богъ! — восклицаль я про себя и плакалъ, воодушевляясь собственными словами; временами я долженъ былъ останавливаться и одинъ мигъ прислушиваться, не идетъ ли кто по лѣстницѣ. Наконецъ я всталъ и пошелъ, безшумно спустился по всѣмъ этимъ этажамъ и, никѣмъ незамѣченный, добрался до выхода.

Улицы блестѣли отъ дождя, выпавшаго въ утренніе часы, надъ городомъ висѣло тяжелое и низкое небо, и нигдѣ не проглядывало солнце. Сколько было времени? По обыкновенію, я пошелъ въ сторону ратуши и увидѣлъ, что было половина девятаго. Значитъ, мнѣ предстояло бродить добрыхъ два часа, не стоило являться въ редакцію до десяти, даже до одиннадцати, и покуда приходилось бродить по улицамъ, на досугѣ придумывая что-нибудь на маленькій завтракъ. Впрочемъ,

я не боялся лечь въ этотъ день голоднымъ; эти времена, слава Богу, прошли! Это уже пережитая стадія, дурной сонъ; съ этихъ поръ все пошло въ гору!

Между тѣмъ зеленое одѣяло стѣсняло меня; мнѣ было даже стыдно носить такой свертокъ на виду у всѣхъ. Что люди должны были подумать обо мнѣ? Я шелъ и подыскивалъ мѣсто, куда бы положить его на время. И вотъ мнѣ пришло въ голову, что я могу зайти къ Сембу и попросить завернуть его въ бумагу; сейчасъ же получится приличный видъ, и мнѣ будетъ не стыдно ноши. Я вошелъ въ магазинъ и изложилъ дѣло одному изъ служащихъ.

Онъ сначала взглянулъ на одѣяло, потомъ на меня; мнѣ представилось, что исподтишка онъ презрительно пожалъ плечами, принимая свертокъ. Это оскорбило меня.

— Чортъ возьми, будьте осторожнѣе! — воскликнулъ я. — Здѣсь завернуты двѣ драгоценныя вазы; свертокъ отсылается въ Смирну.

Это подѣйствовало, великолѣпно подѣйствовало. Каждымъ своимъ движеніемъ этотъ человѣкъ просилъ прощенія, что не сразу отгадалъ важную вещь въ одѣялѣ. Когда онъ кончилъ заворачивать, я поблагодарилъ его съ видомъ человѣка, уже и раньше отсылавшаго драгоценности въ Смирну; онъ даже открылъ двери, когда я уходилъ.

Я пошелъ бродить въ толпѣ по базарной площади, держась больше сосѣдства женщинъ, продававшихъ комнатныя цвѣты. Тяжелыя, красныя розы, кровавыя и влажныя лепестки которыхъ пылали на сыромъ утреннемъ воздухѣ, дразнили меня, внушали мнѣ грѣшное желаніе сорвать одинъ цвѣтокъ, и я справлялся о цвѣтѣ, чтобы подойти къ нему какъ можно ближе. Если бъ у меня были лишнія деньги, я бы купилъ розу, будь, что будетъ; я могъ бы сократить ту или иную статью въ своемъ хозяйствѣ, чтобы возстановить экономическое равновѣсіе.

Было десять часовъ, и я отправился въ редакцію. Человѣкъ-ножницы роется въ кучѣ старыхъ газетъ, редакторъ еще не приходилъ. Онъ предлагаетъ мнѣ оставить мою большую рукопись. Я даю ему понять, что она важнѣе обыкновенной рукописи, и убѣдительно прошу передать ее въ собственныя руки редактора, когда онъ придетъ. Позднѣе я самъ зайду за отвѣтомъ.

— Хорошо.—сказали Ножницы и снова принялись за свои газеты.

Мнѣ показалось, что онъ отнесся къ этому слишкомъ спокойно, но я ничего не сказалъ, только довольно безразлично кивнулъ ему головой и ушелъ.

Теперь у меня было много времени. Лишь бы только прояснилось! Была преподлая погода, безъ вѣтра и холода. Дамы предусмотрительно ходили съ раскрытыми зонтиками, а у мужскихъ шляпъ былъ комическій и плачевный видъ. Я снова иду на рынокъ и разсматриваю зелень и розы. И вотъ я чувствую руку у себя на плечѣ и оборачиваюсь,—«Дѣвица» привѣтствуетъ меня.

— Съ добрымъ утромъ?—отвѣчаю я съ отгнкомъ вопроса, чтобы сейчасъ же узнать, что ему нужно.

Я не очень любилъ «Дѣвицу».

Онъ съ любопытствомъ смотритъ на большой, новехонькій свертокъ у меня подъ мышкой и спрашиваетъ:

— Что это у васъ?

— Я былъ у Семба и купилъ кое-что на платье,—безразличнымъ тономъ отвѣчаю я:—мнѣ надоѣло ходить въ такомъ потертомъ платьѣ, вѣдь можно даже пересолить, скупо тратясь на свое тѣло.

Онъ изумленно смотритъ на меня.

— А какъ дѣла вообще? — медленно спрашиваетъ онъ.

— О, да, сверхъ ожиданія!

— У васъ теперь нашлось какое-нибудь занятіе?

— Какое-нибудь занятіе?—отвѣчаю я и очень удивляюсь:— да я же бухгалтеръ у коммерсанта Кристи вотъ что.

— Вотъ какъ!—говоритъ онъ и отступаетъ нѣсколько назадъ.—Боже мой, какъ я радъ за васъ. Лишь бы у васъ не выманили денегъ, которыя вы зарабатываете. Доброе утро.

Вскорѣ онъ поворачиваетъ и идетъ назадъ, указываетъ палкой на мой свертокъ и говоритъ:

— Позвольте рекомендовать вамъ моего портного. Изыщнѣ Исаксена портного не сыщете. Просто скажите, что я направилъ васъ.

Зачѣмъ ему нужно было совать свой носъ въ мои дѣла? Его ли дѣло, какого портного я возьму? Я разсердился; видъ этого пустого, разодртаго человѣка раздражалъ меня, и я довольно грубо напомнилъ ему о десяти кронахъ, которыя онъ какъ-то занялъ у меня. Но не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ я раскаялся, что потребовалъ у него долгъ, смутился и не смотрѣлъ ему въ глаза. И такъ какъ въ это время мимо насъ проходила дама, я быстро отступилъ назадъ, чтобы пропустить ее, и воспользовался случаемъ уйти своей дорогой.

Куда мнѣ дѣваться, пока я ждалъ? Въ кофейню я не могъ явиться съ пустымъ карманомъ и не зналъ ни одного знакомаго, куда бы я могъ зайти въ это время дня. Я инстинктивно направился вверхъ по городу, двигался довольно долго

отъ рынка до Грендсена, прочиталъ «Вечернюю Почту», только-что вывѣшенную на доскѣ, прошелся по улицѣ Карла-Йогана, потомъ повернулъ и направился къ кладбищу при церкви Спасителя, гдѣ нашелъ себѣ тихое мѣстечко на холмикѣ возлѣ часовни.

Я тихо сидѣлъ здѣсь и мечталъ на сыромъ воздухѣ, думалъ, дремалъ и зябъ. Время шло. Развѣ такъ ужъ несомнѣнно, что фельетонъ былъ маленькимъ образцомъ вдохновеннаго искусства? Богъ знаетъ, не попадались ли въ немъ ошибки! Хорошенько взвѣсивъ, его могли вовсе не принять, просто-напросто даже не принять! Пожалуй, онъ оказался довольно-таки посредственнымъ, а то и совсѣмъ плохимъ; почему я былъ увѣренъ, что въ данное мгновеніе онъ не лежалъ уже въ корзинѣ для бумаги?.. Мое спокойствіе было нарушено, я вскочилъ и убѣжалъ съ кладбища.

На Акерстаде я заглянулъ въ окно лавочки и увидѣлъ, что было только нѣсколько минутъ перваго. Это привело меня еще въ большее отчаяніе, я такъ твердо надѣялся, что было уже за полдень, а до четырехъ являться къ редактору было бесполезно. Судьба моего фельетона наполняла меня мрачнымъ предчувствіемъ; чѣмъ больше я думалъ объ этомъ, тѣмъ мнѣ представлялось невѣроятнѣе, что я могъ написать нѣчто сносное такъ неожиданно, почти во снѣ, съ мозгомъ, полнымъ бреда и ночныхъ видѣній. Я, конечно, обманулъ себя и все утро былъ радостенъ безъ всякаго основанія! Конечно!.. Скорымъ шагомъ, я двигался вверхъ по Уллевольдсвейену, мимо холма Св. Іоанна, выбрался на открытое мѣсто, вошелъ въ узкія, странныя улицы у лѣсопилки, вдоль строительныхъ участковъ и огородовъ, и очутился наконецъ на большой дорогѣ, конца которой не могъ видѣть.

Здѣсь я остановился и рѣшилъ повернуть назадъ. Прогулка согрѣла меня, и я поплелся назадъ тихимъ шагомъ и въ очень подавленномъ настроеніи. Мнѣ встрѣтились два воза съ сѣномъ. Возницы лежали ничкомъ на подводахъ и пѣли, оба босые, оба съ круглыми безпечными лицами. Я шелъ и думалъ, что они заговорятъ со мной, бросятъ мнѣ какое-нибудь замѣчаніе или начнутъ смѣяться, и, когда подошелъ къ нимъ довольно близко, одинъ изъ нихъ окликнулъ меня и спросилъ, что у меня подъ мышкой.

— Одѣяло, — отвѣтилъ я.

— Который часть? — спросилъ онъ.

— Точно не знаю, — около трѣхъ, думается мнѣ.

Тогда они оба засмѣялись и проѣхали мимо. Вдругъ я почувствовалъ боль отъ удара кнотомъ по уху, и моя шляпа

слетѣла съ головы; молодые люди не могли пропустить меня, не сыгравъ со мной шутки. Въ бѣшенствѣ, я схватился за ухо, подобралъ свою шляпу на краю рва и продолжалъ свой путь. У холма Св. Іоанна я встрѣтилъ человѣка, который сказалъ, что былъ уже пятый часъ.

Пятый часъ! Былъ уже пятый часъ! Я прибавилъ шагу, почти побѣжалъ въ городъ и направился въ редакцію. Редакторъ, пожалуй, уже давно былъ тамъ и ушелъ изъ конторы! Я то шелъ, то бѣжалъ, наталкивался на кареты, обгонялъ всѣхъ прохожихъ, бѣжалъ взапуски съ лошадьми, напрягался, какъ сумашедшій, лишь бы явиться въ-время. Я ворвался въ дверь, четырьмя прыжками вбѣжалъ по лѣстницѣ и поступался.

Никакого отвѣта.

Онъ ушелъ! Онъ ушелъ! — думаю я. Я пробую дверь, она отперта, стучусь еще разъ и вхожу.

Редакторъ сидитъ за своимъ столомъ, лицомъ къ окну и съ перомъ въ рукѣ, собираясь писать. Услышавъ мое задыхающееся привѣтствіе, онъ полуоборачивается, взглядываетъ на меня, качаетъ головой и говоритъ:

— У меня еще не было времени посмотрѣть вашъ эскизъ.

Я такъ радъ, что онъ по крайней мѣрѣ еще не отвергъ его, и отвѣчаю:

— Конечно, я это отлично понимаю. Да это и не такъ ужъ къ спѣху. Можетъ-быть, дня черезъ два, или...?

— Да, я посмотрю. Впрочемъ, у меня же есть вашъ адресъ.

И я забылъ объяснить, что у меня больше нѣтъ никакого адреса.

Аудіенція кончилась, съ поклономъ я пачусь назадъ и ухожу. Надежда снова пылаетъ во мнѣ, еще ничего не потеряно, напротивъ, я еще могу всего добиться на этотъ разъ. И мой мозгъ начинаетъ лепетать о великомъ совѣтѣ на небесахъ, гдѣ недавно было рѣшено, что я получу десять кронъ за фельетонъ...

Лишь бы мнѣ укрыться куда-нибудь на ночь! Я обсуждаю, куда бы лучше всего дѣваться, я такъ глубоко занятъ этимъ вопросомъ, что стою по срединѣ улицы. Я забываю, гдѣ нахожусь, я стою, какъ одинокая вѣха въ морѣ, въ то время какъ вокругъ нея носятся и бушуютъ волны. Газетный разносчикъ протягиваетъ мнѣ «Викинга». Очень занятно! Я смотрю и вздрагиваю — я опять стою противъ Семба.

Я быстро отворачиваюсь, прячу свертокъ у себя спереди и спѣшу къ кладбищу, въ смущеніи и страхѣ, что меня увидѣли изъ оконъ. Я миную Ингебретъ и театръ, у Ложи сворачи-

ваю и направляюсь къ морю у крѣпости. Снова нахожу скамейку и снова погружаюсь въ раздумье.

Гдѣ я найду пристанище на эту ночь? Нѣтъ ли дыры, куда бы я могъ пробраться и укрыться до утра? Гордость не позволяла мнѣ вернуться назадъ въ свою комнату; мнѣ никогда не могло бы прійти въ голову отказываться отъ своихъ словъ, я съ большимъ негодованіемъ отклонилъ эту мысль и въ душѣ смущенно улыбнулся маленькой красной качалкѣ. Игрой ассоціаций я внезапно очутился въ большой, въ два окна, комнатѣ, гдѣ когда-то жилъ на Гегдегаугенѣ; я видѣлъ подносъ на столѣ со множествомъ увѣсистыхъ бутербродовъ, онъ мѣнялъ свой видъ, онъ превращался въ бифштексъ—соблазнительный бифштексъ, въ бѣлоснѣжную салфетку, въ груды хлѣба, въ серебряную вилку. И раскрылась дверь: вошла моя хозяйка и предложила мнѣ еще чаю...

Видѣнія и глупые сны! Я сказалъ себѣ, что, добудь я теперь ѣды, моя голова опять была бы разстроена, мнѣ пришлось бы бороться съ тою же самою лихорадкой въ мозгу и съ наплывомъ безумныхъ мыслей. Я не переносилъ пищи, я былъ не такъ устроенъ; это была моя странность, особенность.

Можетъ-быть, еще найдется пристанище, когда время приблизится къ вечеру. Нечего было спѣшить; въ худшемъ случаѣ я могъ отыскать мѣсто гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ моемъ распоряженіи были всѣ окрестности города, и погода была не морозная.

А вдали море качалось въ тяжеломъ покоѣ, корабли и неуклюжіе, тупоносые буксиры бороздили его свинцовую гладь, откидывали полосы направо и налево и скользили дальше, въ то время какъ дымъ, точно пухъ, валилъ изъ трубъ, и удары машинныхъ поршней тупо проникали въ сырой воздухъ. Не было ни солнца ни вѣтра, деревья позади меня стояли почти мокрая, и скамейка, гдѣ я сидѣлъ, была холодная и сырая. Время шло; я началъ впадать въ дремоту, появилась усталость и легкій холодъ въ спинѣ; вскорѣ я почувствовалъ, что мои глаза начинаютъ смыкаться. И я сомкнулъ ихъ...

Когда я проснулся, вокругъ меня было темно; притупленный и озябшій, я вскочилъ, схватилъ свой свертокъ и зашагалъ. Я шелъ все быстрѣе и быстрѣе, чтобы согрѣться, хлопалъ руками, растиралъ ноги, точно я больше почти ничего не чувствовалъ, и очутился у брандвахты. Было девять; я проспалъ нѣсколько часовъ.

Куда же мнѣ дѣваться? Вѣдь мнѣ нужно найти пріютъ. Я стою и смотрю на брандвахту и соображаю, не удастся ли пробраться въ одинъ изъ коридоровъ, выждавъ мгновеніе,

когда часовой повернется спиной. Я поднимаюсь по лѣстницѣ и хочу завязать съ человѣкомъ разговоръ, онъ тотчасъ же беретъ свой топоръ на караулъ и ждетъ, что, я ему скажу. Этотъ поднятый топоръ съ обращеннымъ ко мнѣ остреемъ проникаетъ въ мои нервы, какъ холодный ударъ, я нѣмѣю отъ страха передъ этимъ вооруженнымъ человѣкомъ и невольно отступаю назадъ. Я ничего не говорю, только все дальше и дальше пячусь отъ него; чтобы сохранить достоинство, я провожу рукою по лбу, точно забылъ что-то, и удаляюсь. Очугившись снова на тротуарѣ, я чувствую себя спасеннымъ, точно въ самомъ дѣлѣ избѣжалъ большой опасности. И я быстро ухожу.

Холодный и голодный, все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ уныніемъ въ душѣ, ползая я вверхъ по Карлу-Югану; я началъ совсѣмъ громко выкрикивать проклятія и не безпокоился, что кто-нибудь можетъ услышать ихъ. У стортинга, возлѣ перваго льва, новой игрою ассоціаций идей я вспоминаю знакомаго художника, молодого человѣка, котораго однажды спасъ отъ пощечины въ Тиволи и къ которому потомъ какъ-то заходилъ. Я щелкаю пальцами и отправляюсь на Торденськьольдаге, нахожу дверь съ надписью: «К. Захаріасъ Бартель», и стучусь.

Онъ вышелъ самъ; отъ него до омерзѣнія пахло пивомъ и табакомъ.

— Добрый вечеръ! — сказалъ я.

— Добрый вечеръ! Это вы? Нѣтъ, чортъ возьми, почему вы пожаловали такъ поздно? При свѣтѣ лампы рѣшительно ничего не видно. Послѣ вашего посѣщенія я прибавилъ стогъ сѣна и кое-что измѣнилъ. Вы должны посмотреть днемъ, а теперь не стѣить.

— Все-таки позвольте взглянуть! — сказалъ я; къ тому же я не помнилъ, о какой картинѣ онъ говорить.

— Положительно невозможно! — отвѣтилъ онъ. — Все будетъ казаться желтымъ! А потомъ еще одно обстоятельство, — онъ говорилъ шопотомъ, придвинувшись ко мнѣ вплотную: — сегодня вечеромъ у меня дѣвушка, такъ что совершенно невозможно.

— Ну, если такъ, то не стѣить толковать.

Я отошелъ, пожелалъ доброй ночи и удалился.

Значить, не оставалось другого выхода, какъ отправиться куда-нибудь въ лѣсъ. Лишь бы земля была не такъ сыра! Я хлопалъ по своему одѣялу и все больше и больше свыкался съ мыслью, что буду лежать подъ открытымъ небомъ. Я такъ долго и мучительно искалъ ночлега въ городѣ, что почувство-

валъ усталость и отвращеніе ко всякимъ поискамъ, мнѣ стало такъ сладостно успокоиться, смириться и плестись по улицѣ безъ единой мысли въ гловѣ. Я подошелъ къ университетскимъ часамъ и увидѣлъ, что было уже больше десяти. Отсюда я направился вверхъ по городу. Гдѣ-то на Гегдегаугенѣ я остановился у лавочки со свѣтными припасами, гдѣ была выставлена разная провизія въ окнѣ. Тутъ же лежала кошка и спала возлѣ круглаго французскаго хлѣба, за нею стояла банка со свинымъ саломъ и нѣсколько стакановъ съ крупой. Я стоялъ и нѣкоторое время смотрѣлъ на эту провизію, но такъ какъ мнѣ не на что было покупать, то я отвернулся и продолжалъ путь. Я двигался очень тихимъ шагомъ, миновалъ заставу, шелъ дальше, все дальше, шелъ часть за часомъ и наконецъ добрался до лѣса.

Здѣсь я свернулъ съ дороги и присѣлъ отдохнуть. Потомъ я принялся за поиски какого-нибудь мало-мальски удобнаго мѣста, началъ собирать верескъ и можжевелникъ и устроилъ ложе на маленькомъ возвышеніи, гдѣ было нѣсколько посуше, развязалъ свой узелъ и вынулъ одѣяло. Дальняя дорога утомила и измучила меня, и я тотчасъ же легъ. Я метался и ворочался много разъ, прежде чѣмъ улечься поудобнѣе; ухо у меня слегка побаливало, оно нѣсколько вздулось отъ удара человѣка на возу съ сѣномъ, и я не могъ лежать на немъ. Я снялъ башмаки и положилъ подъ голову, прикрывъ ихъ бумагой отъ Семба.

И величавое настроеніе сумрака почилъ вокругъ меня; все было тихо,—все. Лишь въ высотѣ гудѣло вѣчное пѣніе, воздушный звонъ, отдаленный, лишенный отгѣнковъ гулъ, который никогда не смолкаетъ. Я такъ долго прислушивался къ этому безконечному, болѣзненному звону, что онъ началъ смущать меня; то, конечно, были симфоніи движущихся надо мною міровъ, звѣзды запѣли свою пѣсню...

— Скорѣе это дьяволь! — сказалъ я и, чтобы подбодрить себя, громко засмѣялся:—это свистъ совъ въ Ханаай!

И я всталъ и снова легъ, надѣлъ башмаки и бродилъ въ темнотѣ, и опять легъ, борясь съ озлобленіемъ и страхомъ до самаго разсвѣта, когда меня наконецъ одолѣлъ сонъ.

Было совсѣмъ свѣтло, когда я открылъ глаза, и мнѣ чувствовалось, что время близилось къ полудню. Я надѣлъ башмаки, снова завернулъ одѣяло и направился обратно въ городъ. И сегодня не было никакого солнца, и я мерзъ, какъ собака; ноги у меня околѣли, и глаза начали слезиться, точно они не выносили дневнаго свѣта.

Было три часа. Голодь становился пуще, я ослабъ. Я шелъ, и временами меня тошнило. Я спустился къ народной кухнѣ, прочелъ списокъ кушаній на доскѣ и краснорѣчиво пожалъ плечами, какъ если бѣ солонина и сало не годились мнѣ въ пишу; отсюда я отправился на вокзальную площадь.

Странное смятеніе пронеслось вдругъ въ моей головѣ; я шелъ дальше и хотѣлъ не обращать на него вниманія, но оно становилось все пуще и пуще, и наконецъ мнѣ пришлось пристѣсть на лѣстницѣ. Вся моя душа подверглась измѣненію, точно нѣчто внутри меня сдвинулось съ мѣста, или какая-то завѣса, нѣкая ткань разорвалась въ моемъ мозгу. Нѣсколько разъ у меня захватило духъ, и я сидѣлъ въ изумленіи. Я не терялъ сознанія, я опредѣленно чувствовалъ, какъ у меня слегка побаливало ухо со вчерашняго дня, и когда мимо меня прошелъ знакомый, я тотчасъ же узналъ его, всталъ и поклонился.

Какое новое, мучительное ощущеніе присоединялось теперь къ остальнымъ? Неужели это послѣдствіе того, что я спалъ на голой землѣ? Или это зависѣло отъ того, что я еще не завтракалъ? Строго говоря, было совершенно бессмысленно влачить такую жизнь; именемъ Христа, я рѣшительно не понималъ, чѣмъ я навлекъ на себя это поразительное гоненіе! И мнѣ вдругъ пришло въ голову, что я легко и скоро могу стать мошенникомъ и пойти съ одѣяломъ въ притонъ «дядюшки». Я могъ бы заложить его за одну крону и трижды плотно пообѣдать, сколько-нибудь продержаться, пока не подвернется что-нибудь другое; а Гансу-Паули я могъ солгать что-нибудь. Я уже шелъ къ ростовщику, но остановился у подъезда, нерѣшительно покачалъ головой и повернулъ назадъ.

По мѣрѣ того, какъ я удалялся, мнѣ становилось все радостнѣе и радостнѣе, что я преодолѣлъ это тяжелое искушеніе. Сознаніе, что я честенъ, бросилось мнѣ въ голову, наполняя меня горделивымъ чувствомъ, что у меня твердый характеръ, что я бѣлый маякъ въ человѣческомъ взбаламученномъ морѣ, гдѣ плаваютъ остатки разбитыхъ кораблей. Заложить чужую собственность изъ-за одного обѣда, ѣсть и пить въ осужденіе самому себѣ, называть себя въ лицо мошенникомъ и опускать глаза передъ самимъ собою — никогда! Никогда! Этого я не могъ думать серьезно, этого мнѣ почти не приходило въ голову; въ самомъ дѣлѣ, пельзя возлагать на человѣка отвѣтственность за случайныя мимошныя мысли, въ особенности, когда ужасающе болитъ голова и почти смертельно устаешь таскать одѣяло, принадлежащее другому.

Все же непремѣнно найдется выходъ въ свое время! Еще

оставался купецъ на Грѣнландслере; развѣ я обиваль его пороги, пославъ ему предложеніе? Звонилъ съ утра до ночи и получилъ отказъ? Я просто-напросто не являлся къ нему и не получалъ отвѣта. Быть-можетъ, это и не окажется напрасной попыткой, быть-можетъ, счастье на этотъ разъ на моей сторонѣ; у счастья сплошь да рядомъ поразительно затѣйливые пути. И я направился на Грѣнландслере.

Послѣднее потрясеніе, произившее мою голову, нѣсколько обезсилило меня, и я шель крайне медленно и придумываль, что мнѣ сказать купцу. Онъ, поди, добрая душа; если онъ будетъ въ хорошемъ настроеніи, онъ легко дастъ мнѣ крону впередъ за работу, безъ моей просьбы; у подобныхъ людей сплошь да рядомъ бывають превосходныя прихоти.

Я пробрался въ ворота и почернилъ слюною мои брюки на колѣняхъ, чтобы придать себѣ болѣе порядочный видъ, оставилъ мое одѣяло за ящичкомъ въ темномъ углу, пересѣкъ наискосокъ улицу и вошелъ въ лавку.

Здѣсь стоялъ человѣкъ и кленлъ мѣшки изъ старой газеты.

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть господина Кристи, — сказалъ я.

— Я самъ, — отвѣтилъ человѣкъ.

— Вотъ какъ! Меня зовуть такъ-то и такъ-то, я имѣлъ честь прислать ему предложеніе и не зналъ, вышло ли что-нибудь изъ этого?

Онъ повторилъ мое имя нѣсколько разъ и началъ смѣяться.

— Не угодно ли вамъ полюбоваться, какъ вы обращаетесь съ числами, сударь? Вы помѣтили ваше письмо 1848 годомъ.

И человѣкъ принялся хохотать во всю глотку.

— Да, это не совсѣмъ хорошо, — смущенно сказалъ я: — недобдуманность, разсѣянность, признаюсь въ этомъ.

— Мнѣ, видите ли, нуженъ человѣкъ, который вообще не ошибается въ числахъ, — сказалъ онъ. — Очень жаль; у васъ такой четкій почеркъ, и вообще ваше письмо мнѣ нравится, но...

Я подождалъ немного; невозможно, чтобы это было его послѣднее слово.

Онъ снова занялся своими мѣшками.

— Да, это непріятно, ужасно непріятно; но это, конечно, не повторится, вѣдь не могла же эта маленькая описка сдѣлать меня совершенно непригоднымъ къ веденію книгъ вообще?

— Я этого и не говорю, — отвѣтилъ онъ: — но въ свое время это имѣло для меня такое значеніе, что я тотчасъ же рѣшилъ взять другого.

— Значить, мѣсто занято? — спросилъ я.

— Да.

— Ну, Боже мой, въ такомъ случаѣ съ этимъ больше нечего дѣлать?

— Нѣтъ. Мнѣ очень жаль; но...

— Прощайте! — сказалъ я.

Теперь мною овладѣлъ жгучій и грубый гнѣвъ. Я досталъ свое одѣяло въ воротахъ, стиснулъ зубы, наскაკивалъ на мирныхъ людей на тротуарѣ и не извинялся. Когда какой-то господинъ остановился и сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе за мое поведеніе, я слегка повернулся и крикнулъ ему на ухо одно бессодержательное слово, сжалъ кулаки у самаго его носа и пошелъ дальше, ожесточенный бѣшенствомъ, съ которымъ я не въ силахъ былъ совладать. Онъ позвалъ полицейскаго, и въ это мгновеніе мнѣ больше всего хотѣлось схватиться съ полицейскимъ, я умышленно замедлил шагъ, чтобы дать ему возможность догнать меня; но онъ не явился. Развѣ былъ хоть какой-нибудь смыслъ въ томъ, что рѣшительно всѣ мои самыя горячія и самыя усердныя попытки не удавались? Почему я написалъ 1848? Какое отношеніе имѣлъ ко мнѣ этотъ проклятый годъ? Теперь я шелъ и былъ такъ голоденъ, что мои кишки извивались во мнѣ, какъ черви, и не было ни малѣйшей надежды, что къ вечеру мнѣ удастся немного поѣсть. И по мѣрѣ того, какъ время шло, душевно и тѣлесно я становился все болѣе и болѣе истощеннымъ, съ каждымъ днемъ я опускался до менѣе и менѣе честныхъ поступковъ. Я лгалъ безъ малѣйшаго стыда, обманнымъ образомъ не платилъ бѣднымъ людямъ за квартиру, даже боролся съ подлѣйшей мыслью украсть чужое одѣяло, и все это—безъ раскаянія, безъ угрызеній совѣсти. Во мнѣ стали появляться испорченныя ткани, черные грибы, которые все разрастались и разрастались. А тамъ, въ небесахъ, сидѣлъ Богъ и не спускалъ съ меня глазъ и смотрѣлъ, чтобы моя гибель происходила по всѣмъ правиламъ искусства, равномерно и медленно, не сбиваясь съ такта. Но въ безднахъ ада бродили злые черти и рвали волосы, что я такъ долго не совершалъ капитальнаго грѣха, за который Господь въ Своей справедливости низвергъ бы меня...

Я прибавилъ шагу, довелъ его до крайней скорости, неожиданно повернулъ налѣво и, возбужденный и сердитый, вошелъ въ ярко освѣщенный, разукрашенный подъѣздъ; я не остановился, не опомнился ни на минуту; но все это своеобразное убранство двери въ одинъ мигъ запечатлѣлось въ моемъ сознаніи, каждая мелочь на дверяхъ, декораціи, полъ, четко вставали передъ моимъ внутреннимъ зрѣніемъ, пока я бѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Я рѣзко позвонилъ во второмъ

этажѣ. Почему я остановился именно во второмъ этажѣ? И почему я схватилъ самый отдаленный отъ лѣстницы звонокъ?

Молодая дама въ сѣромъ платьѣ съ черной отдѣлкой вышла открыть дверь; нѣкоторое время она изумленно смотрѣла на меня, потомъ покачала головой и сказала:

— Нѣтъ, сегодня у насъ ничего нѣтъ. — И сдѣлала видъ, что хочетъ закрыть дверь.

Почему мнѣ попался именно этотъ человѣкъ? Она приняла меня за нищаго, и я вдругъ сталъ хладнокровенъ и спокоенъ. Я снялъ шляпу и почтительно поклонился, и, какъ бы не разслышавъ ея словъ, я крайне учтиво сказалъ:

— Прошу извинить меня, фрѣкенъ, что я такъ рѣзко позвонилъ, я не зналъ звонка. Здѣсь долженъ жить больной, искавшій человѣка—возить его въ коляскѣ?

Она стояла одно мгновеніе и взвѣшивала эту лживую выдумку и, повидимому, колебалась въ своемъ сужденіи о моей особѣ.

— Нѣтъ, — сказала она наконецъ: — здѣсь нѣтъ никакого больного господина.

— Нѣтъ? Пожилой господинъ, два часа ѣзды ежедневно, сорокъ эре въ часъ?

— Нѣтъ.

— Тогда я еще разъ прошу извинить меня, — сказалъ я:— очевидно, въ первомъ этажѣ. Я только хотѣлъ кстати откомендовать одного человѣка, котораго я знаю и которымъ я интересуюсь. Меня зовутъ Ведель-Ярльсбергъ.

И я снова поклонился и сдѣлалъ шагъ назадъ; молодая дама рѣзко покраснѣла, въ своемъ смущеніи она не могла двинуться съ мѣста, но стояла и смотрѣла мнѣ вслѣдъ, пока я спускался по лѣстницѣ.

Мое спокойствіе снова вернулось ко мнѣ, и моя голова была ясна. Слова дамы, что ей нечего дать сегодня, подѣйствовали на меня, какъ холодный душъ. Я уже дошелъ до того, что каждый могъ мысленно показать на меня и сказать самому себѣ:—Вотъ идетъ нищій, одинъ изъ тѣхъ, кому люди протягиваютъ пищу въ двери!..

На Мёллергаде я остановился у кухмистерской и нюхалъ свѣжій запахъ говядины, которую тамъ жарили; я уже взялся за ручку двери и хотѣлъ войти безъ малѣйшей надобности, но во-время одумался и ушелъ. Когда я пришелъ на площадь и искалъ мѣста, гдѣ бы я могъ немного отдохнуть, всѣ скамейки были заняты, и я тщетно выискивалъ вокругъ всей церкви такого мѣстечка, гдѣ бы мнѣ можно было сѣсть.— Еще бы!—мрачно сказалъ я про себя:—еще бы, еще бы!—И я

снова пошелъ. Я остановился у фонтана на углу базара и выпилъ глотокъ воды, снова пошелъ, волоча ноги, подолгу торчалъ у каждаго окошка, стоялъ и провожалъ глазами каждую проѣзжавшую карету. Я чувствовалъ въ головѣ рѣвкій жаръ, и въ вискахъ у меня какъ-то поразительно стучало; выпитая вода подѣйствовала на меня крайне дурно, и по дорогѣ меня понемногу рвало, чтò я старался по возможности скрыть. И вотъ я очутился на кладбищѣ Спасителя. Я сѣлъ, опершись локтями о колѣни и опустивъ голову на руки; въ такомъ сведенномъ положеніи мнѣ стало лучше, и я уже не чувствовалъ легкаго покалыванія въ груди.

Какой-то каменщикъ лежалъ на животѣ на гранитной плитѣ возлѣ меня и высѣкалъ надпись; онъ былъ въ синихъ очкахъ и вдругъ напомнилъ мнѣ одного моего знакомаго, котораго я почти забылъ, господина, служившаго въ банкѣ, съ которымъ я какъ-то встрѣтился въ кофейнѣ.

Если бь только я могъ преодолѣть свой стыдъ и обратиться къ нему! Сказать ему всю правду, что мнѣ стало теперь довольно тяжело, довольно трудно поддерживать свою жизнь! Я могъ бы отдать ему парикмахерскую книжку... Чортъ возьми, моя парикмахерская книжка! Билетовъ почти на крону! И я нервно хватаюсь за этотъ драгоценный кладъ. Не находя его скоро, я вскакиваю, ишу въ холодномъ поту отъ страха, наконецъ нахожу на днѣ бокового кармана вмѣстѣ съ другими бумагами, чистыми и исписанными, не имѣющими никакой цѣны. Я нѣсколько разъ пересчитываю эти шесть билетиковъ съ начала и съ конца; мнѣ они не очень нужны,—то, что я больше не хочу бриться, могло сойти за мою прихоть, за мою фантазію. У меня оказалась бы полкрона, бѣлая полкрона изъ конгсбергскаго серебра! Банкъ закрывался въ шесть, я могъ подождать моего знакомаго у кофейни въ семь-восемь часовъ.

Я сидѣлъ и долгое время радовался этой мысли. Время шло, въ каштанахъ вокругъ меня шумѣлъ сильный вѣтеръ, и день склонялся къ вечеру. Развѣ не унижительно соваться съ шестью парикмахерскими билетами къ молодому человѣку, служащему въ банкѣ? Можетъ-быть, у него цѣлыхъ двѣ обемистыхъ парикмахерскихъ книжки въ карманѣ, пожалуй, изящнѣе и чище моихъ билетиковъ, этого никто не могъ знать. И я шарилъ у себя по всѣмъ карманамъ въ надеждѣ найти еще какія-нибудь вещи, которыя я могъ бы предложить ему въ придачу, но ничего не нашелъ. А если бь я могъ предложить ему свой галстукъ? Я отлично могъ обойтись и безъ него, стоило только плотно застегнуть куртку, чтò мнѣ и безъ того приходилось дѣлать, разъ у меня не было жилета. Я

развязалъ свой галстукъ, большой бантъ, закрывавшій половину моей груди, тщательно вычистилъ его и вмѣстѣ съ парикмахерской книжкой завернулъ въ бѣлый кусокъ бумаги. Потомъ оставилъ кладбище и направился вверхъ по городу.

На ратушѣ было семь часовъ. Я двигался поблизости кофейни, бродилъ взадъ и впередъ вдоль желѣзной рѣшетки и внимательно всматривался во всѣхъ, кто входилъ и выходилъ изъ двери. Наконецъ, около восьми часовъ, я увидѣлъ молодого человѣка, изящно и элегантно одѣтаго, который поднимался вверхъ и направлялся ко входу въ кофейню. Мое сердце заметалось, какъ маленькая птичка, въ моей груди, когда я увидѣлъ его, и, не здороваясь, я бросился къ нему.

— Полкроны, старый другъ! — безстыдно сказалъ я: — вотъ вамъ мое обезпеченіе. — И я сунулъ маленькій свертокъ ему въ руку.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ: — видитъ Богъ, у меня ничего нѣтъ! — И онъ вывернулъ свой кошелекъ у самаго моего носа. — Я уходилъ изъ дому вчера вечеромъ и остался безъ гроша; повѣрьте, у меня ничего нѣтъ.

— Ну, не бѣда! — отвѣтилъ я и повѣрилъ ему на слово.

Вѣдь у него не было ни малѣйшаго основанія лгать по такому ничтожному поводу; мнѣ даже показалось, что его глаза стали почти влажны, когда онъ рылся у себя въ карманахъ и ничего не находилъ. Я отошелъ въ сторону.

— Въ такомъ случаѣ, извините! — сказалъ я: — я просто очутился въ маленькомъ затрудненіи.

Я уже порядочно спустился по улицѣ, когда онъ окликнулъ меня и напомнилъ о сверткѣ.

— Оставьте у себя, оставьте у себя! — отвѣтилъ я: — сдѣлайте мнѣ удовольствіе! Это просто нѣсколько бездѣлушекъ, мелочь — почти все, что у меня есть на землѣ.

И меня растрогали мои собственныя слова, они звучали такъ безутѣшно въ вечернихъ сумеркахъ, и я заплакалъ...

Вѣтеръ свѣжѣлъ, тучи бѣшено неслись въ небесахъ, и по мѣрѣ того, какъ темнѣло, становилось все холоднѣе и холоднѣе. Я шелъ по улицѣ и плакалъ, чувствовалъ все больше и больше жалости къ себѣ и то и дѣло повторялъ нѣсколько словъ, одно восклицаніе, которое снова выжимало слезы, когда онѣ хотѣли остановиться: — Боже, какъ мнѣ трудно! Боже, какъ мнѣ трудно!

Прошелъ часть, прошелъ такъ безмѣрно медленно и вяло. Я долго пробылъ на Торвгаде, сидѣлъ на лѣстницахъ, скрывался въ ворота, когда кто-нибудь проходилъ мимо, стоялъ и бессмысленно смотрѣлъ въ освѣщенныя лавки, гдѣ сновалъ

народъ съ товарами и деньгами; наконецъ я нашелъ себѣ закрытое мѣсто за лотками, между церковью и базаромъ.

Нѣтъ, я не могъ отправиться въ лѣсъ сегодня вечеромъ, — будь, чтò будетъ, у меня не было силъ для этого, а путь былъ такъ безконечно дологъ. Я хотѣлъ провести ночь, какъ могъ, и остаться, гдѣ былъ; если будетъ слишкомъ холодно, я могу побродить у церкви, я не предполагалъ особенно стѣсняться съ этимъ. И я откинулся назадъ и задремалъ.

Шумъ вокругъ меня умолкалъ, лавки закрывались, шаги прохожихъ раздавались все рѣже и рѣже, и въ концѣ концовъ стало темно во всѣхъ окнахъ...

Я раскрылъ глаза и замѣтилъ чью-то фигуру передъ собой; свѣтлыя пуговицы, блестящія передо мной, заставили меня предположить въ ней полицейскаго; лица этого человѣка я не могъ видѣть.

— Добрый вечеръ! — сказалъ онъ.

— Добрый вечеръ! — отвѣтилъ я и испугался.

Я смущенно всталъ. Онъ нѣкоторое время стоялъ неподвижно.

— Гдѣ вы живете? — спросилъ онъ.

По старой привычкѣ и не долго думая, я назвалъ мой старый адресъ, маленькую комнату на чердакѣ, которую я бросилъ.

Онъ снова стоялъ нѣкоторое время.

— Я сдѣлалъ что-нибудь дурное? — испуганно спросилъ я.

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ онъ. — Но теперь вамъ слѣдуетъ отправиться домой, холодно лежать здѣсь.

— Да, признаться, холодненько.

И я пожелалъ ему покойной ночи и инстинктивно отправился къ моему старому мѣсту. Двигаясь осторожно, я, конечно, могъ бы пробраться наверхъ неслышно; было всего восемь ступеней, и только двѣ послѣднія скрипѣли подъ ногами.

Я снялъ башмаки на крыльцѣ и пошелъ. Всюду было тихо; во второмъ этажѣ я слышалъ медленное тиканье часовъ и слабый плачь ребенка; потомъ я не слышалъ ничего. Я отыскалъ свою дверь, приподнялъ ее на крюкахъ и, по обыкновенію, открывъ безъ ключа, вошелъ въ комнату и снова безшумно закрылъ дверь.

Все было, какъ я оставилъ, занавѣски на окнахъ были отдернуты, и кровать была пуста. На столѣ я замѣтилъ бумагу, очевидно, это была моя записка хозяйкѣ; она даже не была здѣсь послѣ моего ухода. Я нащупалъ рукою бѣлое пятно и, къ моему изумленію, почувствовалъ, что это было письмо. Письмо? Я несу его къ окну, насколько позволяетъ темнота, разбираю эти неразборчивыя буквы и наконецъ нахожу свое

имя. «Ага!—подумалъ я:—отвѣтъ хозяйки, запрещеніе войти въ комнату, если бѣ мнѣ вздумалось вернуться!»

И медленно, чрезвычайно медленно, я снова уйду изъ комнаты, держу башмаки въ одной рукѣ, письмо въ другой и одѣваю подъ мышкой. Я встаю на цыпочки и стискиваю зубы на скрипящихъ ступеняхъ, благополучно спускаюсь по всей лѣстницѣ и снова стою въ воротахъ.

Я снова надѣваю башмаки, долго возжусь съ шнурками и, завязавъ ихъ, я даже сижу одно мгновеніе, бессмысленно смотря передъ собой и держу письмо въ рукѣ.

Потомъ встаю и уйду.

Мерцающій огонь фонаря свѣтитъ на улицѣ, я отправляюсь къ свѣту, поднимаю мой свертокъ къ фонарному столбу и вскрываю письмо,—все это крайне медленно.

Какъ бы потокъ свѣта пронизываетъ мою грудь, и я слышу, что издаю слабый крикъ, бессмысленный звукъ радости. Письмо отъ редактора, мой фельетонъ принятъ, отправленъ прямо въ наборъ, немедленно! «Нѣсколько пустячныхъ поправокъ... двѣ-три ошибки въ правописаніи... талантливо сдѣлано... будетъ напечатано завтра... десять кронъ».

Я смѣялся и плакалъ, бросился бѣжать по улицѣ, остановился и припалъ на колѣни, и призывалъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтели... И время шло.

Всю ночь до утра, обезумѣвъ отъ радости, я бродилъ по улицамъ и повторялъ:—Талантливо написано, значитъ, маленькое чудо, гениальная вещь. И десять кронъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Недѣли черезъ двѣ я уходилъ изъ дому какъ-то вечеромъ.

Я снова сидѣлъ на одномъ изъ кладбищъ и писалъ статью для одной изъ газетъ; пока я работалъ надъ нею, наступило десять часовъ, стало темно, и ворота запирались. Я былъ голоденъ, очень голоденъ. Тѣ десять кронъ, къ сожалѣнію, вышли слишкомъ скоро; я уже не ѣлъ двое, почти трое сутокъ и чувствовалъ слабость, мнѣ было нѣсколько трудно водить карандашомъ. У меня былъ сломанный перочинный ножъ и связка ключей въ карманѣ, но ни единого гроша денегъ.

Такъ какъ кладбищенскія ворота запирались, мнѣ, конечно, слѣдовало отправиться домой; но изъ инстинктивного страха передъ своей комнатой, гдѣ все было темно и пусто, передъ этой заброшенной мастерской жестяника, гдѣ мнѣ въ концѣ

концовъ позволено было ютиться до поры до времени, я поплелся дальше, шелъ, куда глаза глядятъ, мимо ратуши, направляясь къ морю, и дальше, къ скамейкѣ на желѣзнодорожной пристани, гдѣ и присѣлъ.

Въ это мгновеніе у меня не было ни единой черной мысли, я забылъ свое горе, и зрѣлище моря, безмятежно и чарующе разстилавшагося въ полумглѣ, успокоило меня. По старой привычкѣ, я хотѣлъ насладиться чтеніемъ только-что написаннаго отрывка, который казался моему больному мозгу лучшимъ, чтó я сочинилъ. Я вынулъ изъ кармана рукопись, держалъ ее у самыхъ глазъ, чтобы лучше видѣть; и перечитывалъ страницу за страницей. Наконецъ я усталъ и сунулъ бумагу въ карманъ. Все было тихо; море разстлалось, какъ синій перламутръ, и птички безшумно перелетали мимо меня съ мѣста на мѣсто. Нѣсколько въ сторонѣ расхаживалъ полицейскій, и больше не видно было ни души, и вся гавань была безмолвна.

Я снова считаю свой капиталъ: сломанный перочинный ножъ и связка ключей; но ни единого гроша денегъ. Вдругъ я хватаюсь за карманъ и снова вытаскиваю бумаги. Это было механическое движеніе, бессознательная нервная судорога. Я выбираю бѣлый, не исписанный листъ, и—Богъ знаетъ, откуда мнѣ пришла эта мысль—я свернулъ его въ трубочку, осторожно задѣлалъ ее такъ, что она казалась полной, и бросилъ далеко на мостовую; вѣтеръ унесъ ее еще нѣсколько дальше, потому она остановилась.

Теперь голодъ началъ терзать меня. Я сидѣлъ и смотрѣлъ на бѣлую трубочку, которая вздулась какъ бы отъ блестящихъ серебряныхъ монетъ и склоняла меня самого къ убѣжденію, что она дѣйствительно была чѣмъ-то наполнена. Я торжествовалъ и соблазнялъ себя отгадать сумму,—если вѣрно отгадаю, она будетъ моя! Я рисовалъ себѣ маленькія, милыя монеты въ десять эре на днѣ и жирныя, чеканныя кроны сверху—цѣлая трубочка, набитая деньгами! Я сидѣлъ и, выпучивъ глаза, смотрѣлъ на нее и убѣждалъ себя пойти и украсть ее.

И вотъ я слышу кашель полицейскаго,—и какъ только мнѣ пришло въ голову сдѣлать то же самое? Я встаю со скамейки и кашляю, и повторяю это трижды, чтобы онъ услышалъ. Какъ ему не броситься къ трубочкѣ, когда онъ придетъ! Я сидѣлъ и радовался этой шуткѣ, потиралъ руки отъ восхищенія и усердно ругался на всѣ лады. Вотъ ужъ останется съ носомъ, собака! Угодить въ самый адъ отъ такой проделки! Я былъ пьянъ отъ голода, голодъ опьянилъ меня.

Черезъ нѣсколько минутъ является полицейскій, стуча своими желѣзными каблуками по мостовой, посматривая во всѣ стороны. Онъ не торопится, у него цѣлая ночь впереди; онъ не замѣчаетъ трубочки, пока не подходитъ совсѣмъ близко. И вотъ онъ останавливается и смотритъ на нее. Лежа тамъ, она кажется такой бѣлой и такой цѣнной, здѣсь, можетъ-быть, маленькая сумма, чтó? Маленькая сумма серебряныхъ денегъ?.. И онъ поднимаетъ ее. Гм! Она легка, очень легка. Можетъ-быть, драгоценное перо, украшеніе для шляпы... И своими большими руками онъ осторожно вскрываетъ трубочку и заглядываетъ внутрь. Я смѣялся, смѣялся и хлопалъ себя по колѣну, смѣялся, какъ бѣшеный. Но ни малѣйшаго звука не вырвалось изъ глотки; мой смѣхъ былъ безмолвный и затаенный, внутренний, какъ плачь...

Потомъ снова раздается стукъ по мостовой, и полицейскій направляется дальше по набережной. Я сидѣлъ тамъ со слезами на глазахъ и задыхался, внѣ себя отъ лихорадочной веселости. Я началъ разговаривать вслухъ, рассказывалъ самому себѣ о трубочкѣ, подражалъ движеніямъ бѣднаго полицейскаго, заглядывалъ себѣ въ горсть и снова и снова повторялъ про себя:—«Онъ кашлянулъ, бросивъ ее! Онъ кашлянулъ, бросивъ ее!» Къ этимъ словамъ я присоединилъ новыя, снабдилъ ихъ щекотливымъ прибавленіемъ, перевернулъ всю фразу и заострилъ ее: «Онъ кашлянулъ одинъ разъ — кхе-хе!»

Я усталъ сочетать эти слова, и былъ уже поздній вечеръ, когда моя веселость кончилась. И вотъ мною овладѣлъ дремотный покой, пріятная истома, которой я не противился. Сумракъ сталъ нѣсколько гуще, подулъ легкій вѣтерокъ, и перламутровое море подернулось рябью; корабли, мачты которыхъ выдѣлялись на небѣ, своими черными остовами были похожи на безмолвныхъ ошестинившихся чудовищъ, притаившихся и поджидавшихъ меня. Я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, мой голодъ заглушилъ ее; вмѣсто нея я чувствовалъ себя пріятно-пустымъ, оторваннымъ отъ всего окружающаго и радостнымъ, что никто не видитъ меня. Я положилъ ноги на скамейку и откинулся назадъ, и въ этомъ положеніи я глубже всего могъ проникаться всѣмъ блаженствомъ обособленности. Не было ни малѣйшаго облачка въ моей душѣ, ни малѣйшаго непріятнаго ощущенія, какъ не было во мнѣ ни единой неудовлетворенной потребности или желанія, насколько могла проникнуть мысль моя. Я лежалъ съ открытыми глазами, въ состояніи отвлеченія отъ самого себя, я чувствовалъ себя благодатно-далеко.

Все еще не было ни одинаго звука, который могъ бы сму-

тить меня; мягкій сумракъ скрытъ весь міръ отъ глазъ моихъ и схоронилъ меня въ незыблемомъ покоѣ, — только пустынный, невнятный гулъ тишины монотонно безмолвствуетъ въ моихъ ушахъ. И эти темныя чудовища поглотятъ меня, когда настанетъ ночь, и они унесутъ меня далеко черезъ море и черезъ чужія страны, гдѣ нѣтъ людской жизни. И они принесутъ меня къ замку принцессы Илаяли, гдѣ ждетъ меня нежданное великолѣпіе, превосходящее всякую человѣческую пышность. И сама она будетъ сидѣть въ яркой залѣ, гдѣ все изъ аметиста, на тронѣ изъ желтыхъ розъ, и протянетъ руку, когда я войду, будетъ громко привѣтствовать меня, когда я приближусь и склоню колѣно:—«Привѣтъ тебѣ, рыцарь, въ моемъ замкѣ и въ моей землѣ! Я ждала тебя двадцать лѣтъ, и звала тебѣ во всѣ свѣтлыя ночи, и когда ты страдалъ, я плакала здѣсь, и когда ты спалъ, я внушала тебѣ прекрасныя сны!..» И красавица беретъ меня за руку и сопровождаетъ меня, ведетъ меня по длиннымъ коридорамъ, гдѣ огромныя толпы людей кричатъ «ура», черезъ свѣтлыя сады, гдѣ играютъ и смѣются триста молодыхъ дѣвушекъ, въ другую залу, гдѣ все изъ лучезарнаго смарагда. Солнце свѣтитъ здѣсь, въ галлереяхъ и портикахъ носится сладостное пѣніе, потоки благоуханія обвѣвають меня. Я держу ея руку въ своей и чувствую, какъ въ мою кровь проникаютъ дикія чары колдовства; я обвиваю ея рукою, и она шепчетъ:—«Не здѣсь, пойдемъ еще дальше!» И мы входимъ въ красную залу, гдѣ все изъ рубина,—искристое великолѣпіе, въ которомъ я утопаю. И вотъ я чувствую, какъ ея рука обвивается вокругъ меня, она дышитъ мнѣ въ лицо, шепчетъ:—«Привѣтъ тебѣ, возлюбленный! Цѣлуй меня! Еще... еще...»

Со своей скамейки я вижу звѣзды передъ своими глазами, и моя мысль влетается въ ураганъ свѣта...

Я уснулъ, лежа такъ, и полицейскій разбудилъ меня. И я снова былъ призванъ къ жизни и нищетѣ. Мое первое чувство было тупое изумленіе, что я оказался подъ открытымъ небомъ, но оно скоро смѣнилось горькимъ уныніемъ; я готовъ былъ плакать отъ горечи, что я все еще живъ. Шелъ дождь, пока я спалъ, мое платье промокло насквозь, и я чувствовалъ рѣзкій холодъ въ членахъ. Сумракъ сталъ еще гуще, я съ трудомъ могъ разглядѣть лицо полицейскаго передо мною.

— Ну, во-о-тъ, — сказалъ онъ: — теперъ вставайте!

Я тотчасъ же всталъ; если бъ онъ приказалъ мнѣ снова лечь, я повиновался бы. Я былъ очень подавленъ и совершенно обезсиленъ, вдобавокъ я почти немедленно снова началъ чувствовать голодъ.

— Пойдите, олухъ! — окликнулъ меня полицейскій. — Вы забыли шляпу. Та-а-акъ, теперь ступайте!

— Мнѣ тоже казалось, будто я... будто я забылъ что-то, — разсѣянно лепеталъ я. — Спасибо. Доброй ночи.

И я поплелся дальше.

Будь теперь у человѣка кусочекъ хлѣба! Славный кусокъ чернаго хлѣба, которой можно было бы грызть, расхаживая по улицамъ! И я шелъ и думалъ, что хорошо было бы поѣсть особеннаго сорта чернаго хлѣба. Я горько голодалъ, хотѣлъ умереть, впадалъ въ сентиментальность и плакалъ. Моему горю не было конца! Я вдругъ остановился на улицѣ, топалъ о мостовую и громко проклиналъ. — «Какъ онъ обозвалъ меня? Олухомъ? Я покажу полицейскому, что значитъ называть меня олухомъ!» При этомъ я повернулъ и побѣжалъ обратно. Я весь пылалъ гнѣвомъ. На улицѣ я споткнулся и упалъ, но не обратилъ на это вниманія, вскочилъ и снова бѣжалъ. У вокзальной площади я такъ усталъ, что у меня уже не было силъ бѣжать до пристани; кромѣ того, мое озлобленіе значительно улеглось во время бѣга. Наконецъ я остановился и перевелъ духъ. А не все ли равно, что сказалъ какой-то полицейскій! — Да, но я не все согласенъ былъ терпѣть! Конечно! — перебилъ я самого себя; но что съ него спрашивать!.. И это извиненіе показалось мнѣ удовлетворительнымъ; я повторялъ про себя, что съ него нечего спрашивать. И вотъ я снова повернулъ обратно.

«Господи, какъ тебѣ приходится въ голову, — съ горечью думалъ я: — бѣгать, какъ сумасшедшій, по такимъ мокрымъ улицамъ въ темную ночь!» Голодъ нестерпимо мучилъ меня и не давалъ мнѣ покоя. Я снова и снова глоталъ слюну, чтобы утолить его немного, и, казалось, это помогало. Я недоѣдалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, прежде чѣмъ дойти до такого состоянія, и въ послѣднее время я ощущалъ значительный упадокъ силъ. Когда мнѣ тѣмъ или инымъ путемъ удавалось добыть пять кронъ, этихъ денегъ хватало не на такой срокъ, чтобы я могъ совершенно оправиться до наступленія новой голодовки. Хуже всего было съ моей спиной и моими плечами; легкую боль въ груди я могъ остановить на мигъ, стоило только сильнѣе кашлять или ходить, подавшись впередъ; но со спиною и плечами я не зналъ, что дѣлать. Почему моей беспросвѣтной долѣ не было конца? Развѣ у меня было меньше правъ на жизнь, чѣмъ у другихъ, чѣмъ у антикварія Паши и пароходнаго агента Геннехена? Развѣ у меня не было богатырскихъ плечъ и пары крѣпкихъ рабочихъ рукъ, и развѣ я не искалъ хотя бы мѣста дровосѣка на Мёллергаде, чтобы

зарабатывать свой хлѣбъ насущный? Развѣ я былъ лѣнтяй? Развѣ я не искалъ занятій, не слушалъ лекцій, не писалъ статей, не читалъ и не работалъ день и ночь, какъ сумасшедшій? Развѣ я не жилъ скрягой, питаюсь хлѣбомъ и молокомъ, когда у меня бывало много, однимъ хлѣбомъ—когда было мало, и голодая—когда у меня ничего не было? Развѣ я жилъ въ гостиницѣ, занималъ нѣсколько комнатъ въ первомъ этажѣ? Я жилъ на чердакѣ, въ мастерской жестяника, откуда сбѣжало все живое въ послѣднюю зиму, потому что ее заносило снѣгомъ. И вотъ я рѣшительно ничего не могъ понять.

Я шель и думалъ все это, и въ моихъ мысляхъ не было ни искры озлобленія, ни зависти, ни горечи.

Я остановился у торговли красками и смотрѣлъ въ окно; я пытался прочитать виньетки на герметически закрытыхъ коробкахъ, но было слишкомъ темно. Досадуя на себя за эту новую выдумку, раздраженный, почти сердясь, что не могу опредѣлить содержанія этихъ коробокъ, я постучалъ одинъ разъ въ окно и пошелъ дальше. Выше, на улицѣ, я увидѣлъ полицейскаго, я прибавилъ шагу, подошелъ къ нему вплотную и сказалъ безъ малѣйшаго повода:

— Теперь десять часовъ.

— Нѣтъ, два часа, — изумленно отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, десять, — сказалъ я: — теперь десять часовъ. — И, стоная отъ злобы, я сдѣлалъ еще два шага впередъ, сжалъ кулакъ и сказалъ:—Послушайте, знаете, что — теперь десять часовъ.

Онъ стоялъ и нѣсколько мгновений взвѣшивалъ это, всматривался въ мою особу, не сводя съ меня изумленныхъ глазъ. Наконецъ онъ совершенно тихо сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, вамъ пора домой. Вы хотите, чтобы я проводилъ васъ?

— Нѣтъ, спасибо. Я немного засидѣлся въ кофейнѣ. Очень вамъ благодаренъ.

Онъ приложилъ руку къ козырьку, когда я уходилъ. Его учтивость совершенно обезоружила меня, и я плакалъ, что у меня не нашлось пяти кронъ для него. Я остановился и смотрѣлъ, какъ онъ медленно шелъ своей дорогой, я билъ себя по лбу и, по мѣрѣ его удаленія, плакалъ все сильнѣе. Я бранилъ себя и свою бѣдность, обзывалъ себя ругательными словами, изобрѣталъ обидныя клички, изощрался въ придумываніи отборной брани, осыпая ею самого себя. Я былъ занятъ этимъ почти до самого дома. Подойдя къ двери, я обнаружилъ, что потерялъ свои ключи.

«Ну, конечно! — сказалъ я себѣ съ горечью:—какъ мнѣ было

не потерять своихъ ключей? Я живу на дворѣ съ конюшной внизу и мастерскою жестяника наверху; ворота запираются на ночь, и никто, никто не можетъ открыть ихъ — какъ мнѣ было не потерять своихъ ключей? Я промокъ, какъ собака, немного проголодался, — чуть-чуть проголодался, я чувствовалъ смѣшную усталость въ колѣняхъ — какъ же мнѣ было не потерять своихъ ключей? Почему, въ сущности, всему дому нельзя было разлѣхаться, когда мнѣ нужно было войти?.. И я смѣялся про себя, ожесточенный голодомъ и истощеніемъ.

Я слышалъ топотъ лошадей въ конюшнѣ и могъ видѣть свое окошко наверху; но ворота я не могъ открыть и не могъ войти. Усталый и съ горечью въ душѣ, я рѣшилъ вернуться къ пристани и поискать своихъ ключей.

Снова пошелъ дождь, и я уже чувствовалъ, какъ вода проникла до моихъ плечъ. У ратуши меня осѣнила внезапная мысль: я рѣшилъ просить полицію открыть мои ворота. Я тутъ же обратился къ полицейскому и убѣдительно просилъ его пойти со мной и впустить меня, если онъ можетъ.

Да, если бъ онъ могъ, да! Но онъ не могъ, у него не было ключей. Полицейскихъ ключей здѣсь не было, они въ сыскномъ отдѣленіи.

Что же мнѣ дѣлать?

Да, мнѣ придется переночевать въ гостиницѣ.

Но я, право, не могъ ночевать въ гостиницѣ; у меня не было денегъ. Я уходилъ изъ дому, въ кофейню, онъ же понимаетъ...

Нѣкоторое время мы стояли на лѣстницѣ у ратуши. Онъ соображалъ и взвѣшивалъ и разсматривалъ мою особу. Дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Вамъ придется отправиться къ дежурному и объявить себя не имѣющимъ пристанища, — сказалъ онъ.

Не имѣющимъ пристанища? Я объ этомъ не подумалъ. Да, чертъ возьми, прекрасная мысль! — И я тутъ же поблагодарилъ полицейскаго за эту превосходную выдумку. Значить, я могу просто-напросто войти и сказать, что у меня нѣтъ пристанища?

Просто-напросто!..

— Фамилія? — спросилъ дежурный.

— Тангенъ — Андреасъ Тангенъ.

Я не зналъ, почему я лгалъ. Моя безсвязная мысль металась туда и сюда и была изобрѣтательнѣе, чѣмъ я хотѣлъ; я въ одинъ мигъ выдумалъ эту отдаленную фамилію и выпалилъ ее, нимало не думая. Я лгалъ безъ малѣйшей надобности.

— Занятіе?

Это значило выгнать меня на улицу. Гм! Вначалѣ я думалъ сказаться жестяникомъ, но не рѣшился; я назвалъ себя фамиліей, которую носить не всякій жестяникъ, кромѣ того у меня были очки на носу. Тогда я рѣшилъ въ душѣ быть нахальнымъ, я сдѣлалъ шагъ впередъ и твердо и торжественно сказалъ:

— Журналистъ.

Прежде чѣмъ записать, дежурный вздрогнулъ, и я стоялъ передъ конторкой важно, какъ не имѣющій пристанища статскій совѣтникъ. Это не вызвало ни малѣйшаго подозрѣнія; дежурный могъ отлично понять, почему я медлил своимъ отвѣтомъ. На что это было похоже: журналистъ въ ратушѣ, безъ крова и пристанища!

— Въ какой газетѣ, г. Тангенъ?

— Въ «Утренней Газетѣ», — сказалъ я. — Къ сожалѣнію, я уходилъ изъ дому сегодня вечеромъ...

— Да полноте! — перебилъ онъ и, улыбаясь, прибавилъ: — когда молодые люди отлучаются изъ дому... мы понимаемъ. — Поднявшись и почтительно кланяясь мнѣ, онъ обратился къ какому-то полицейскому и сказалъ: — Проводите господина въ запасное отдѣленіе. Спокойной ночи.

Я чувствовалъ холодъ въ спинѣ отъ собственной смѣлости и, уходя, сжималъ кулаки, чтобы держаться прямо.

— Газъ горитъ десять минутъ, — сказалъ полицейскій еще въ дверяхъ.

— А потомъ тушится!

— Потомъ тушится.

Я сѣлъ на кровать и слышалъ поворотъ ключа. У свѣтлой камеры былъ уютный видъ; я чувствовалъ себя пріятно подъ крышей и съ удовольствіемъ прислушивался къ дождю на дворѣ. Лучше такой уютной камеры я ничего не желалъ! Мое спокойствіе возросло. Сидя на кровати со шляпой въ рукѣ и устремивъ глаза на газовое пламя у стѣны, я перебиралъ моменты въ моемъ первомъ столкновеніи съ полиціей. Это было первое, и какъ я обманулъ ее! Журналистъ Тангенъ, не угодно ли? И потомъ «Утренняя Газета»! Какъ я поразилъ этого господина въ самое сердце «Утренней Газетой»! Объ этомъ не будемъ говорить, а? Сидѣлъ въ гостяхъ до двухъ часовъ, забылъ дома ключъ и бумажникъ съ нѣсколькими тысячами кронъ! Проводите господина въ запасное отдѣленіе...

И вотъ газъ неожиданно гаснетъ, такъ неожиданно, не убывая, не тускнѣя; я сижу въ глубокой темнотѣ, не вижу даже своей руки ни бѣлыхъ стѣнъ вокругъ меня, ничего. Оставалось одно: — лечь спать. И я раздѣлся.

Но я не чувствовал сонливости и не могъ заснуть. Я лежалъ нѣкоторое время и смотрѣлъ въ темноту, въ эту густую, сплошную темноту, у которой не было дна и которой я не могъ понять. Былъ чрезмѣрный сумракъ, и я чувствовалъ, что его присутствіе давило меня. Я закрылъ глаза и сталъ напѣвать вполголоса. Я метался на нарахъ, чтобы развлечь себя; но тщетно. Сумракъ завладѣлъ моей мыслью и не давалъ мнѣ ни минуты покоя. Что если я самъ растворился въ темнотѣ, слился съ нею воедино? Я поднимаюсь въ постели и размахиваю руками.

Мое нервное состояніе окончательно овладѣло мною, и, какъ я ни старался подавить его, ничто не помогало. И вотъ я сидѣлъ, весь добыча страннѣйшихъ фантазій, убаюкивая себя, напѣвая колыбельную пѣсню, обливаясь потомъ отъ напряженія успокоить себя. Я пристально смотрѣлъ въ темноту и за всю свою жизнь я не видѣлъ подобной темноты. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь я имѣлъ дѣло съ особаго рода темнотой, съ отчаянной стихіей, которой раньше никто не наблюдалъ. Самыя смѣшныя мысли занимали меня, и каждая вещь пугала меня. Маленькое отверстіе въ стѣнѣ у кровати очень занимаетъ меня. Отверстіе отъ гвоздя, думается мнѣ, знакъ на стѣнѣ. Я ощупываю его, дую въ него и стараюсь отгадать его глубину. Это было вовсе не простое отверстіе, вовсе нѣтъ; это было очень затѣйливое и таинственное отверстіе, котораго мнѣ слѣдовало остерегаться. И, одержимый мыслью объ этомъ отверстіи, внѣ себя отъ любопытства и страха, наконецъ я долженъ былъ встать съ постели, взяться за свой перочинный ножъ и измѣрить его глубину и убѣдиться, что оно не ведетъ въ сосѣдную камеру.

Я снова легъ, чтобы попытаться уснуть, но въ дѣйствительности—чтобы снова бороться съ темнотой. Дождь на дворѣ пересталъ, и я не слышалъ ни звука. Я долго прислушивался къ шагамъ на улицѣ и не успокоился, пока не услышалъ прохожаго, судя по звуку, полицейскаго. Вдругъ я нѣсколько разъ щелкаю пальцемъ и смѣюсь. Чортъ возьми! Ха!.. Мнѣ показалось, что я выдумаю новое слово. Я поднимаюсь въ постели и говорю:—Этого нѣтъ въ языкѣ, я самъ изобрѣлъ это *Кубоа*. Оно состоитъ изъ буквъ, какъ всякое слово, свидѣтель Богъ, ты изобрѣлъ слово *Кубоа*, имѣющее огромное грамматическое значеніе.

Слово такъ четко выступало передо мною изъ темноты.

Я сижу съ раскрытыми глазами, изумляясь своей находкѣ, и смѣюсь отъ радости. Потомъ я начинаю шептать; меня могли подслушать, а я хотѣлъ сохранить мое изобрѣтеніе

въ тайнѣ. Я впалъ въ радостное безуміе голода; я былъ чуждъ и недоступенъ боли, и моя мысль работала необузданно. Я тихо соображалъ про себя. Страннымъ прыжкомъ въ ходъ моей мысли я старался уяснить значеніе моего новаго слова. Ему не зачѣмъ обозначать Бога или Тиволи, и кто сказалъ, что оно должно обозначать звѣринецъ? Я крѣпко сжалъ кулакъ и повторялъ:—Кто сказалъ, что оно должно обозначать звѣринецъ? Строго говоря, ему даже не зачѣмъ обозначать всякій замокъ или восходъ солнца. Значеніе такого слова нетрудно отыскать. Я подожду и предоставлю дѣло времени. А покуда я могъ спать.

Я лежу на доскахъ и улыбаюсь, но ничего не говорю, не высказываюсь ни за ни противъ. Проходить нѣсколько минутъ, я становлюсь нервнѣе, новое слово терзаетъ меня безъ перерыва, то и дѣло возвращается назадъ, наконецъ овладѣваетъ всей моей мыслью и приводитъ меня въ задумчивость. Я составилъ себѣ мнѣніе о томъ, чего оно не должно обозначать, но не пришелъ ни къ какому рѣшенію, что оно должно обозначать. Это — второстепенный вопросъ! — громко говорю я самому себѣ, беру себя за руку и повторяю, что это—второстепенный вопросъ. Слово, слава Богу, изобрѣтено, и это—главное. Но мысль безконечно тревожитъ меня и мѣшаетъ мнѣ уснуть; передъ этимъ рѣдкимъ словомъ я былъ безоруженъ. Наконецъ я поднимаюсь въ постели, хватаюсь обѣими руками за голову и говорю:—Нѣтъ, положительно невозможно, чтобъ оно обозначало эмиграцію или табачную фабрику! Если бы оно могло значить что-нибудь въ этомъ родѣ, я бы уже давно остановился на этомъ и сдѣлалъ всѣ выводы. Нѣтъ, слово было, въ сущности, создано примѣнительно къ чему-нибудь *душевному*: къ чувству, состоянію—какъ я этого не могъ понять? Я ищу въ памяти чего-нибудь душевнаго. И вотъ мнѣ чудится, будто кто-то говоритъ, вмѣшиваясь въ мою бесѣду, и я сердито отвѣчаю:—Что такое? Нѣтъ, другого подобнаго идиота и не сыщешь! Полотно? Убирайся къ чорту! Почему я обязанъ считать это полотномъ, когда я былъ опредѣленно противъ того, чтобы это означало полотно? Я самъ выдумалъ это слово и былъ въ правѣ придавать любое значеніе. Насколько мнѣ было извѣстно, я еще не высказывалъ своего мнѣнія...

Но мой мозгъ охватывало все большее и большее изступленіе. Наконецъ я выскочилъ изъ постели и сталъ искать водопроводнаго крана. У меня не было жажды, но голова была въ жару, и меня инстинктивно тянуло къ водѣ. Навившись, я снова легъ и рѣшилъ уснуть во что бы то ни

стало. Закрывъ глаза, я принуждалъ себя быть спокойнымъ. Потомъ я безъ малѣйшаго движенія пролежалъ нѣсколько минутъ. Я вспотѣлъ и чувствовалъ бурное бѣненіе крови. Нѣтъ, было слишкомъ забавно, что онъ могъ искать денегъ въ бумажной трубчкѣ! Онъ кашлянулъ только одинъ разъ. Пожалуй, онъ все еще бродитъ тамъ? Сидитъ на моей скамейкѣ?.. Голубой перламутръ... Корабли...

Я открылъ глаза. Зачѣмъ мнѣ было держать ихъ закрытыми, разъ я не могъ уснуть! И та же темнота стояла вокругъ меня, та же неизбѣримая черная вѣчность, которой противилась моя мысль и которой она не могла понять. Съ чѣмъ я могъ бы сравнить ее? Я дѣлалъ самое отчаянное усиліе, чтобы прійскать достаточно черное слово для обозначенія этой темноты, столь ужасающе черное слово, чтобы мой ротъ могъ почернѣть, произнося его. Господи, какъ было темно! И я снова начинаю думать о гавани, о корабляхъ, о черныхъ чудовищахъ, что лежали и поджидали меня. Они хотѣли привлечь меня къ себѣ и крѣпко завладѣть мной, и плыть со мной черезъ страны и моря, черезъ богатія царства, которыхъ не видѣлъ ни одинъ человѣкъ. Я чувствую себя на кораблѣ, увлеченнымъ въ воду, парящимъ въ облакахъ, и падаю, падаю... Я издаю рѣзкій крикъ страха и крѣпко держусь за кровать; я совершилъ такой опасный полетъ, со свистомъ летѣлъ внизъ, какъ мѣшокъ. Какое глубокое чувство спасенія осянуло меня, когда я ударился рукою о твердыя доски постели! «Вотъ что значитъ умереть, — сказалъ я себѣ: — теперь ты долженъ умереть!» И я лежалъ нѣкоторое время и думалъ о томъ, что теперь долженъ умереть. Потомъ я приподнялся въ постели и строго спросилъ: — «Кто сказалъ, что ты долженъ умереть?» Разъ я самъ выдумалъ слово, то я имѣю полное право рѣшить, что оно должно означать... Я слышалъ самъ, какъ я фантазировалъ, слышалъ это еще во время моего разговора. Мое безуміе было не что иное, какъ бредъ слабости и истощенія, но я не терялъ сознанія. И мой мозгъ пронзила вдругъ мысль, что я сошелъ съ ума. Охваченный страхомъ, я выскакиваю изъ постели. Шатаюсь, я иду къ двери и стараюсь открыть ее, нѣсколько разъ толкаю ее всѣмъ тѣломъ, чтобы вломать ее, упираюсь головой въ стѣну, громко стою, кусаю себѣ пальцы, плачу и проклиная...

Все было спокойно; только мой голосъ отражался отъ каменныхъ стѣнъ. Не въ силахъ больше бродить по камерѣ, я падаю на полъ. И вотъ высоко надо мною я смутно различаю сѣроватый квадратъ въ стѣнѣ, бѣлый оттѣнокъ, предчувствіе — это былъ дневной свѣтъ. Ахъ, какъ радостно вдых-

нулъ я! Я растянулся на полу и плакалъ, радуясь этому проблеску свѣта, рыдалъ изъ благодарности, посылая окну поцѣлуи и велъ себя, какъ безумный. И въ это мгновеніе я сознавалъ, что дѣлалъ. Все мое уныніе сразу прошло, все отчаяніе и боль исчезли, и въ этотъ мигъ у меня не было ни единого неисполненнаго желанія, насколько постигала мысль моя. Я сидѣлъ на полу, скрестилъ руки и терпѣливо ждалъ наступленія дня.

«Какая была ночь! Какъ только никто не слышалъ шума»,— въ изумленіи думалъ я. Но вѣдь я былъ въ запасномъ отдѣленіи, надъ всѣми заключенными. Не имѣющій пристанища статскій совѣтникъ, такъ сказать. Въ неизмѣнномъ великолѣпномъ настроеніи, устремивъ глаза на все болѣе и болѣе свѣтавшее стекло въ стѣнѣ, я забавлялъ себя игрою въ статскіе совѣтники, величалъ себя фонъ-Тангенемъ и придавалъ своей рѣчи министерскій стиль. Мои фантазіи не унимались, но стали гораздо спокойнѣе. Если бъ я не проявилъ этой проклятой разсѣянности, оставивъ свой бумажникъ дома! Не удостоюсь ли я чести уложить господина министра въ постель? И съ чрезвычайно важнымъ видомъ, съ большими церемоніями я отправился къ нарамъ и легъ.

Стало настолько свѣтло, что я могъ уже различить очертанія камеры и, немного спустя, могъ видѣть тяжелую ручку у двери. Это развлекало меня; однообразный мракъ, столь мучительно густой, что мѣшалъ мнѣ видѣть самого себя, теперь уже дрогнулъ; моя кровь успокоилась, и я скоро почувствовалъ, что глаза мои смыкаются.

Меня разбудилъ стукъ въ дверь. Я быстро вскочилъ и поспѣшно одѣлся; мое платье еще не высохло со вчерашняго вечера.

— Отправляйтесь внизъ къ дежурному,—сказалъ полицейскій.

«Значить, нужно снова подвергнуться формальностямъ!»—въ страхѣ подумалъ я.

Я вошелъ въ большую комнату внизу, гдѣ сидѣли тридцать или сорокъ человѣкъ, всѣ бездомные. И вотъ поочередно вызывали ихъ по списку, поочередно давали имъ билеты на обѣдъ. Дежурный то и дѣло обращался къ стоявшему рядомъ съ нимъ полицейскому:

— Билетъ выданъ? Не забудьте дать имъ билеты. Повидимому, имъ необходимо поѣсть.

И я стоялъ и смотрѣлъ на всѣ эти билеты и хотѣлъ получить одинъ для себя.

— Андреасъ Тангенъ, журналисты!

Я сдѣлалъ шагъ впередъ и поклонился.

— Послушайте, вы-то какъ попали сюда?

Я объяснилъ, какъ было, рассказалъ ту же исторію, что и вчера, лгалъ, даже глазомъ не моргнувъ, лгалъ искренно: засидѣлся къ кофейнѣ, потерялъ ключъ отъ входа...

— Да, — сказалъ онъ и улыбнулся:— вотъ оно что! Хорошо почивали?

— Какъ статскій совѣтникъ, — отвѣтилъ я. — Какъ статскій совѣтникъ!

— Очень радъ! — сказалъ онъ и всталъ. — До свиданья!

И я ушелъ.

Билетъ, билетъ и мнѣ! Я не былъ уже трое долгихъ сутокъ! Кусокъ хлѣба! Но билета мнѣ никто не предлагалъ, и я не рѣшился попросить. Это сразу вызвало бы подозрѣніе. Стали бы рыться въ моей частной жизни и доискиваться, кто я въ дѣйствительности; меня арестовали бы за ложное показаніе. Поднявъ голову, съ видомъ миллионера и придерживая руками куртку, я вышелъ изъ ратуши.

Солнце свѣтило уже тепло, было десять часовъ, и уличное движеніе въ полномъ ходу. Куда мнѣ направиться? Я хлопаю по карману и ощупываю свою рукопись, — въ одиннадцать часовъ я попытаюсь повидаться съ редакторомъ. Нѣкоторое время я стоялъ на лѣстницѣ и наблюдалъ жизнь подо мною; въ это время съ моего платья началъ подниматься паръ. Голодъ снова вернулся, отзывался болью въ груди, пробѣгалъ судорогами, слегка, но болѣзненно, покалывалъ всюду. Неужели у меня дѣйствительно нѣтъ ни друга ни знакомаго, къ кому бы я могъ обратиться? Я рылся въ памяти и старался найти человѣка съ десяткаго эре, но не находилъ. Все же былъ прекрасный день, много солнца и много свѣта вокругъ меня; небо разстилалось, какъ пѣжное море надъ далекими горами...

Я незамѣтно направился домой.

Я былъ очень голоденъ и, поднявъ на улицѣ щепку, сталъ жевать ее. Это помогло. Какъ я не подумалъ объ этомъ раньше!

Дверь была отперта, конюхъ пожелалъ мнѣ добраго утра, но обыкновенно.

— Хорошая погода! — сказалъ онъ.

— Да, — отвѣтилъ я.

Это было все, что я могъ сказать. Нельзя ли попросить у него пять кронъ? Онъ охотно дастъ, если только можетъ. Кромѣ того, я однажды написалъ пѣ его просьбѣ письмо.

Онъ стоялъ и собирался что-то сказать.

— Хорошая погода, да. Гм... У меня сегодня платежъ хозяйкѣ, не будете ли вы такъ добры одолжить мнѣ пять кронъ? Всего на нѣсколько дней. Вы однажды уже выручали меня.

— Нѣтъ, право, не могу, Йенсъ Олай,—отвѣтилъ я.— Не сейчасъ. Можетъ-быть, поздиѣ, вечеромъ.

И я потащился по лѣстницѣ въ свою комнату.

Здѣсь я бросился на свою постель и смѣялся. Какое счастье, что онъ предупредилъ меня! Моя честь спасена. Пять кронъ— Господь съ тобой, милѣйшій! Ты столь же легко могъ попросить у меня пять акцій народной столовой или усадьбу за городомъ.

И мысль объ этихъ пяти кронахъ заставляла меня смѣяться все громче и громче. Развѣ я не молодчина! Пять кронъ! Я—самый подходящій человекъ! Моя веселость возрастала, и я поддался ей порыву. Тьфу, чортъ возьми, какъ здѣсь пахнетъ ѣдой! Свѣжій запахъ жаркого послѣ обѣда, тьфу! И я распахиваю окно, чтобы выгнать этотъ отвратительный запахъ. Человекъ, поль-бифштекса! Обратившись къ столу, къ этому сломанному столу, который мнѣ приходилось поддерживать колѣнями, когда я писалъ, я низко поклонился и спросилъ: — Смѣю васъ спросить, угодно ли вамъ стаканъ вина? Нѣтъ? Я—Тангенъ, статскій совѣтникъ Тангенъ. Къ сожалѣнью, я немного засидѣлся... Ключъ отъ входа...

И моя ничѣмъ не сдерживаемая мысль снова устремилась по дикимъ путямъ. Я все время сознавалъ, что говорю безсвязно, и не сказалъ ни одного слова, не услышавъ и не понявъ его. Я сказалъ себѣ: «Вотъ ты снова говоришь безсвязно!» И все же я ничего не могъ подѣлать съ этимъ. Точно я не спалъ и все же разговаривалъ во снѣ. Моя голова была легка, безъ боли и безъ тяжести, и въ душѣ не было ни облачка. Я поплылъ, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія.

Войдите! Войдите же! Какъ видите, все изъ рубина. Илаяли, Илаяли! Красивый, пышный шелковый диванъ! Какъ бурно она дышитъ!— Цѣлуй меня, возлюбленный! Еще! еще! Твои руки, какъ бѣлый янтарь, твои уста пылаютъ... Человекъ, я заказалъ бифштексъ...

Солнце свѣтило мнѣ въ окно, я слышалъ, какъ лошади внизу жевали овесъ. Я сидѣлъ и грызъ свою щепку, веселый, радостный въ душѣ, какъ дитя. Я то и дѣло ощущивалъ свою рукопись; я ни разу не подумалъ о ней, но инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что она существуетъ, моя кровь напоминала мнѣ о ней. И я вынулъ ее.

Она промокла, и, развернувъ ее, я положилъ ее на солнцѣ. Потомъ я началъ бродить взадъ и впередъ по комнатѣ. Какое удручающее зрѣлище всюду! На полу маленькіе растоптанные обрѣзки жести, но ни одного стула для сидѣнья, ни одного гвоздя на голыхъ стѣнахъ. Все было отправлено въ лавчонку «дядюшки» и съѣдено. Нѣсколько листовъ бумаги на столѣ, покрытыхъ толстымъ слоемъ пыли, составляли все мое имущество; старое, зеленое одѣяло на кровати мнѣ одолжилъ Гансъ-Паули много недѣль тому назадъ... Гансъ-Паули! Я щелкаю пальцами. Гансъ-Паули Петтерсенъ поможетъ мнѣ! И я стараюсь вспомнить его адресъ. Какъ это я могъ забыть Гансъ-Паули! Онъ, конечно, будетъ очень обиженъ, что я не тотчасъ же обратился къ нему. Я быстро надѣваю шляпу, собираю рукопись и спѣшу внизъ по лѣстницѣ.

— Послушайте, Йенсъ Олай,—крикнулъ я въ конюшню:— я твердо увѣренъ, что вечеромъ мнѣ удастся помочь вамъ!

Подойдя къ ратушѣ, я вижу, что уже двѣнадцатый часъ, и рѣшаю немедленно отправиться въ редакцію. За дверью въ контору я останавливаюсь, чтобы посмотрѣть, въ порядкѣ ли страницы моей рукописи. Я тщательно разгладилъ ее, снова сунулъ въ карманъ и постучался. Было слышно, какъ билось мое сердце, когда я вошелъ.

Человѣкъ-ножницы, по обыкновенію, былъ на своемъ посту. Я робко справился о редакторѣ. Никакого отвѣта. Этотъ человѣкъ сидитъ и ищетъ мелкихъ новостей въ иногородныхъ газетахъ.

Я повторяю свой вопросъ и подвигаюсь дальше.

— Редакторъ еще не приходилъ,—наконецъ-то отвѣчаютъ Ножницы, не взглядывая на меня.

— А когда онъ придетъ?

— Не берусь сказать,—положительно не берусь сказать.

— До какихъ поръ контора открыта?

На это я не получилъ никакого отвѣта, и мнѣ пришлось уйти. Человѣкъ-ножницы во время нашей бесѣды ни разу не взглянулъ на меня; онъ слышалъ меня и узналъ по голосу. На какомъ дурномъ счету ты здѣсь, думалъ я,—тебѣ даже отвѣтить не хотятъ. Неужели таково распоряженіе редактора? Правда, послѣ моего знаменитаго фельетона въ десять кронъ я засыпалъ его работами, бѣгалъ къ нему почти каждый Божій день съ негодными вещами, которыя ему приходилось читать и возвращать обратно. Пожалуй, онъ хотѣлъ положить этому конецъ, понять свои мѣры... Я пошелъ въ верхнюю часть города.

Гансъ-Паули Петтерсенъ былъ студентъ-крестьянинъ, жи-

вшій на чердакъ пятиэтажнаго дома, — стало-быть, Гансъ-Паули Петтерсенъ былъ бѣдный человѣкъ. Но если у него будетъ корона, онъ не пожалѣетъ ея. Я получу ее столь же вѣрно, какъ если бѣ она была у меня въ рукѣ. И я шелъ и всю дорогу радовался этой коронѣ и былъ увѣренъ, что получу ее. Когда я подошелъ къ подъѣзду, дверь была заперта, и мнѣ нужно было позвонить.

— Я хочу переговорить со студентомъ Петтерсеномъ, — сказалъ я и хотѣлъ войти: — я знаю его комнату.

— Со студентомъ Петтерсеномъ? — повторяетъ горничная. — Что жилъ на чердакъ? Онъ переѣхалъ. Она не знала, куда; но онъ просилъ переслать письма къ Германсену на Тульдбодгаде, — и горничная сказала номеръ.

Полный надежды и вѣры, я отправляюсь на Тульдбодгаде за адресомъ Ганса-Паули. Это былъ мой послѣдній выходъ, и я долженъ былъ использовать его. По дорогѣ я прошелъ мимо только-что выстроеннаго дома, гдѣ стругали нѣсколько плотниковъ. Я взялъ изъ кучи пару чистыхъ щепокъ, сунулъ одну въ ротъ, а другую спряталъ въ карманъ про запасъ, и продолжалъ путь. Я стоналъ отъ голода. У какой-то булочной я видѣлъ поразительно большой хлѣбъ въ окнѣ, самый большой хлѣбъ, какой можно получить за десять эре...

— Мнѣ нужно узнать адресъ студента Петтерсена.

— Улица Бернта Анкера, № 10, чердакъ... Буду ли я тамъ? Тогда не буду ли я такъ любезенъ захватить для него пару писемъ?

Я снова отправляюсь въ городъ, тою же дорогой, которою пришелъ, снова прохожу мимо плотниковъ, сидящихъ теперь съ котелками на колѣняхъ и занятыхъ своимъ хорошимъ, теплымъ обѣдомъ, миную булочную, гдѣ хлѣбъ все еще лежитъ на своемъ мѣстѣ, и наконецъ добираюсь до улицы Бернта Анкера, надавъ отъ истощенія. Дверь открыта, и я поднимаюсь по безчисленнымъ тяжелымъ лѣстницамъ на чердакъ. Я вынимаю письма изъ кармана, чтобы сразу привести Ганса-Паули въ хорошее настроеніе, когда войду. Онъ, конечно, не откажется протянуть мнѣ руку помощи, когда я изложу ему всѣ обстоятельства, — конечно, нѣтъ, у Ганса-Паули такое отзывчивое сердце, я всегда былъ такого мнѣнія о немъ...

На дверяхъ я нашелъ его карточку: «Г.-П. Петтерсенъ, студ. Богосл. — выбылъ на родину».

Я сажусь, — сажусь на голый полъ, оцѣнившъ отъ усталости, скованный истощеніемъ. Я машинально повторяю нѣсколько разъ: «Выбылъ на родину! Выбылъ на родину!» Потомъ кротко умолкаю. Не было ни единой слезы въ моихъ

глазахъ, не было ни единой мысли ни ощущенія. Широко раскрытыми глазами я смотрю на письма, не въ силахъ что-либо предпринять. Прошло десять минутъ, можетъ-быть, двадцать или больше, а я все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и не шевелилъ ни пальцемъ. Это тупое оцѣпенѣнне было почти какъ сонъ. И вотъ я слышу чьи-то шаги на лѣстницѣ, я встаю и говорю:

— Тутъ былъ студентъ Петтерсенъ, — у меня ему два письма.

— Онъ уѣхалъ, — отвѣчаетъ жѣнщина. — Но онъ вернется послѣ каникулъ. Письма я могу взять, если хотите.

— Спасибо, великолѣпно, — сказалъ я: — онъ получить ихъ, какъ только вернется. Тутъ могутъ быть важныя дѣла. До свиданья.

Выбравшись изъ дома, я остановился по срединѣ улицы и, сжимая кулаки, громко сказалъ:

— Я долженъ сказать Тебѣ, милосердный Боже: Ты — я знаю, кто Ты! — И въ бѣшенствѣ, стиснувъ зубы, я киваю небесамъ: — Чортъ возьми, я это знаю!

Потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я снова останавливаюсь. Мѣняя внезапно тонъ, я скрещиваю руки, склоняю голову въ сторону и нѣжнымъ, елеинымъ голосомъ спрашиваю:

— А ты обращался къ нему, дитя мое?

Это звучало фальшиво.

— Большое Н, — говорю я: — большое Н, какъ соборная башня! Еще разъ: А ты зывалъ къ Нему, дитя мое? — И опускаю голову и плачевнымъ голосомъ отвѣчаю: — Нѣтъ!

И это звучало фальшиво.

Ты не умѣешь лицемѣрить, глупецъ! Да, ты долженъ сказать, — да, я зывалъ къ Господу Богу моему! И ты долженъ придать своимъ словамъ самый жалобный оттѣнокъ, какой тебѣ приходилось слышать. Такъ, еще разъ! Такъ-то лучше. Но ты долженъ вздыхать, вздыхать, какъ надорванная лошадь. Вотъ такъ!

Я иду и читаю себѣ наставленія, нетерпѣливо топаю на улицѣ, когда мнѣ не хочется слушать, и ругаю себя дубовой головой, въ то время какъ изумленные прохожіе оборачиваются и смотрятъ на меня.

Я неизмѣнно жевалъ щенку и быстро шелъ по улицѣ, какъ могъ. Я даже не замѣтилъ, какъ очутился на вокзальной площади. Часы показывали половину второго на башнѣ Спасителя. Я стоялъ нѣкоторое время и соображалъ. Слабый потъ выступилъ у меня на лицѣ и стекалъ въ глаза. «Пойдемъ на пристань! — сказалъ я самому себѣ: — если

у тебя есть время?» И я поклонился самому себѣ и пошелъ на пристань.

Вдали стояли корабли, море качалось въ солнечномъ свѣтѣ. Всюду кипучее движеніе, пароходные свистки, носильщики съ ящиками на спинѣ, веселыя пѣсни на буксирныхъ судахъ. Торговка пирожками сидитъ невдалекѣ отъ меня и склоняется чернымъ носомъ надъ своимъ товаромъ; маленькій столикъ передъ нею заваленъ лакомствами, и я презрительно отворачиваюсь. Она наполняетъ всю пристань запахомъ съѣстного; тѣфу, откройте окна! Я обращаюсь къ господину, сидящему рядомъ со мною, и настойчивымъ образомъ доказываю ему всю неумѣстность торговки пирожками здѣсь и торговку пирожками тамъ... Нѣтъ? Хорошо, но онъ долженъ согласиться, что... Но этотъ человѣкъ почувствовалъ неладное и, не давъ мнѣ договорить до конца, всталъ и ушелъ. Я тоже всталъ и пошелъ за нимъ, твердо рѣшивъ доказать ему, что онъ заблуждается.

— Даже въ санитарномъ отношеніи, — сказалъ я и похлопалъ его по плечу...

— Извините, я здѣсь чужой и ничего не знаю о санитарныхъ отношеніяхъ, — сказалъ онъ и въ ужасѣ смотрѣлъ на меня.

— Вотъ какъ, тогда другое дѣло, разъ вы здѣсь чужой!.. Нельзя ли мнѣ быть ему полезнымъ? Показать ему городъ? Нѣтъ? Я былъ бы очень радъ, и это ему ничего не стоило бы...

Но человѣкъ хотѣлъ положительно избавиться отъ меня и быстро зашагалъ черезъ улицу на другой тротуаръ.

Я вернулся къ своей скамейкѣ и сѣлъ. Я былъ очень взволнованъ, и большая шарманка, заигравшая нѣсколько дальше, еще больше разстраивала меня. Сухая, металлическая музыка, отрывокъ изъ Вебера, подъ который маленькая дѣвочка поетъ печальную пѣсенку... Флейтообразное, страстное въ шарманкѣ разливается въ моей крови, мои нервы начинаютъ трепетать, точно въ нихъ родилось эхо, и черезъ мигъ я падаю на скамейку, жалобно, тихо напѣвая. Чего только ни ощутить человѣкъ, когда онъ голоденъ! Я чувствую, какъ эти звуки овладѣваютъ мною, я растворяюсь въ звуки, истекаю и такъ отчетливо сознаю, что я весь разливаюсь, паря высоко надъ горами, уносясь въ пляскѣ въ лучезарную даль...

— Эре! — говорить маленькая дѣвочка и протягиваетъ свою тарелочку: — только одну эре!

— Да, — отвѣчаю я безотчетно и, вскочивъ, обыскиваю всѣ карманы.

Но ребенокъ думаетъ, что я просто хочу посмѣяться надъ

нимъ, и тотчасъ же удалется, не говоря ни слова. Эта иѣмая терпѣливость была мнѣ не подъ силу; если бѣ дѣвочка обругала меня, было бы гораздо легче; мнѣ стало больно, и позвалъ ее назадъ.

— У меня нѣтъ ни гроша, но я вспомню тебя потомъ, можетъ-быть, завтра. Какъ тебя зовутъ? Да, красивое имя, и его не забуду. Значить, до завтра...

Но я отлично понялъ, что она не повѣрила мнѣ, хотя не сказала ни слова, и я плакалъ отъ отчаянія, что эта маленькая уличная дѣвочка не хотѣла вѣрить мнѣ. Я еще разъ позвалъ ее назадъ, быстро распахнулъ свою куртку и хотѣлъ отдать ей свой жилетъ.

— Я у тебя не останусь въ долгу, — сказалъ я: — подожди минутку...

Но у меня не было жилета.

Какъ я могъ искать его! Прошли недѣли, какъ онъ былъ у меня. Чтѣ со мной случилось? Испуганная дѣвочка не стала больше ждать, но быстро попятилась назадъ. И мнѣ пришлось отпустить ее. Вокругъ меня собирался народъ и громко смѣялся, ко мнѣ пробирался полицейскій узнать, чтѣ случилось.

— Ничего, — отвѣчаю я: — рѣшительно ничего! Я просто хотѣлъ отдать вонъ той дѣвочкѣ свой жилетъ... ея отпу... Вамъ нечего смѣяться. Я просто могъ бы пойти домой и надѣть другой.

— Нечего безобразничать на улицѣ! — говоритъ полицейскій. — Вотъ чтѣ, маршъ. — И онъ толкаетъ меня. — Это ваши бумаги? — кричитъ онъ мнѣ въ догонку.

— Да, чертъ возьми, моя газетная статья, очень важныя бумаги! Какъ я допустилъ такую неосторожность...

Я беру свою рукопись, убѣждаюсь, въ порядкѣ ли она, и, ни на мигъ не останавливаясь, даже не оглядываясь, иду въ редакцію. На башнѣ Спасителя было уже четыре.

Контора заперта. Я безшумно спускаюсь по лѣстницѣ, робѣя, какъ воръ, и въ нерѣшительности останавливаюсь за дверью. Чтѣ мнѣ теперь дѣлать? Я прислоняюсь къ стѣнѣ, смотрю на камни и думаю. Блестящая булавка лежитъ у моихъ ногъ, я нагибаюсь и поднимаю ее. А если я отрѣжу пуговицы отъ моей куртки, много ли мнѣ дадутъ за нихъ? Можетъ-быть, все это — напрасный трудъ, вѣдь пуговицы — только пуговицы; но я всесторонне осмотрѣлъ ихъ и нашелъ, что онѣ почти новыя. Во всякомъ случаѣ, это счастливая идея, я могъ срѣзать ихъ перочиннымъ ножомъ и отнести къ закладчику. Надежда, что я могъ бы продать эти пять пуговицъ, тотчасъ же оживила меня, и я сказалъ: — Ну, вотъ,

налаживается! Моя радость пересилила меня, я тотчас же стал освобождать пуговицы, одну за другой. При этомъ я велъ слѣдующую тихую бесѣду:

— Да, видите ли, я нѣсколько обнищалъ, временное затрудненіе... Вы говорите, потертая? Полноте. Любопытно было бы знать, кто изнашиваетъ пуговицы меньше, чѣмъ я. Куртка у меня всегда раскрыта, доложу я вамъ; такая моя привычка, особенность... Ну, конечно, разъ вы не *хотите*. Но мнѣ нужно получить десять эре за нихъ, по меньшей мѣрѣ... Нѣтъ, Господи, кто *сказалъ*, что вы это сдѣлаете? Вы можете придержать вашъ языкъ и оставить меня въ покоѣ... Хорошо, въ такомъ случаѣ, вы можете послать за полиціей, отлично. Я подожду, пока вы сходите за полицейскимъ. И я ничего не украду у васъ... Ну, до свиданія, до свиданія! Такъ вотъ, меня зовутъ Тангенъ,—я нѣсколько засидѣлся...

И вотъ кто-то идетъ по лѣстницѣ. Я немедленно возвращаюсь къ дѣйствительности, узнаю Человѣка-ножницы и быстро прячу пуговицы въ карманъ. Онъ хочетъ пройти мимо, даже не отвѣчаетъ на мой поклонъ, онъ вдругъ такъ усердно занимается своими ногтями. Я останавливаю его и спрашиваю про редактора.

— Не приходилъ.

— Вы лжете! — говорю я.—И съ наглостью, поразившей меня самого, я продолжаю: — Мнѣ необходимо переговорить съ нимъ. Неотложное дѣло. Важныя свѣдѣнія.

— А вамъ нельзя сказать мнѣ?

— Нѣтъ! — сказалъ я и смѣрилъ Ножницы глазами.

Это оказало свое вліяніе. Онъ тотчасъ же поднялся со мною вверхъ и открылъ дверь. Волненіе душило меня. Чтобы придать себѣ духу, я крѣпко стиснулъ зубы, постучался и вошелъ въ частный кабинетъ редактора.

— Здравствуйте! Это вы? — привѣтливо сказалъ онъ.— Садитесь.

Если бъ онъ тутъ же указалъ мнѣ на дверь, было бы гораздо легче; я почувствовалъ слезы и сказалъ:

— Прошу извинить меня...

— Садитесь,—повторилъ онъ.

И я присѣлъ и объяснилъ, что у меня есть новая статья, которую мнѣ очень важно помѣстить въ его газетѣ. Я такъ много работалъ надъ нею, она стоила мнѣ столькихъ усилій.

— Я ее прочту, — сказалъ онъ и взялъ статью.—Все, что вы пишете, стѣбитъ вамъ большого напряженія; но вы слишкомъ стремительны. Если бъ вы могли быть нѣсколько хладнокровнѣе! У васъ всегда слишкомъ много пыла. Я все-таки прочту.

И онъ снова повернулся къ столу.

Я сидѣлъ. Могъ я попросить крону? Объяснить ему, откуда этотъ вѣчный пылъ? Онъ, конечно, поможетъ мнѣ; вѣдь это не въ первый разъ.

Я всталъ. Гм! Но когда я былъ у него въ послѣдній разъ, онъ жаловался на денежные дѣла, даже посылалъ куда-то кассира за мелочью для меня. То же самое, пожалуй, и теперь. Нѣтъ, этому не бывать. Развѣ я не видѣлъ, что онъ сидѣлъ за работой?

— Угодно еще что-нибудь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ!—сказалъ я, придавая своему голосу твердый отъѣнокъ.— Когда прикажете заглянуть?

— Ахъ, какъ-нибудь мимоходомъ, — отвѣтилъ онъ: — дня черезъ два или въ этомъ родѣ.

Я не могъ высказать своего желанія. Привѣтливость этого человѣка, казалось, была безгранична, я долженъ былъ оцѣнить ее. Лучше умереть голодной смертью. И я ушелъ.

И, даже очутившись за дверью и снова почувствовавъ приступъ голода, я не сожалѣлъ, что покинулъ контору, не попросивъ этой кроны. Я вынулъ изъ кармана вторую щепку и сунулъ ее въ ротъ. Снова помогло. Почему я не дѣлалъ этого раньше? Ты долженъ стыдиться!—громко сказалъ я:—неужели тебѣ могло прійти въ голову просить у этого человѣка крону и снова ставить его въ неловкое положеніе? И я рѣзко поставилъ себѣ на видъ это безстыдство, овладѣвшее мной. Гнуснѣе вещи я, признаться, не слыхивалъ!—сказалъ я:—набрасываться на человѣка и почти стараться выцарапать ему глаза только потому, что ты нуждаешься въ одной кронѣ, несчастный песъ! Такъ вотъ же, маршь! Живѣ! Живѣ, олухъ! Я тебѣ покажу!

Я побѣждалъ, чтобы наказать себя, пробѣжалъ одну улицу за другой, гналъ себя впередъ съ затаеннымъ понуканіемъ и тихо, бѣшено покрикивалъ на себя, когда хотѣлъ остановиться. Въ это время я успѣлъ подняться вверхъ по Пилестредс. Когда я наконецъ остановился, почти плача отъ гнѣва, что не могу больше бѣжать, я дрожалъ всѣмъ своимъ тѣломъ и опустилсѣ гдѣ-то на лѣстницу. Нѣтъ, погоди!—сказалъ я. И, чтобы какъ слѣдуетъ наказать себя, я снова всталъ и заставилъ себя стоять, и смѣялся надъ самимъ собою и радовался своему собственному истощенію. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, я кивнулъ и разрѣшилъ себѣ присѣсть; и то еще выбралъ самое неудобное мѣсто на лѣстницѣ.

Господи, какъ сладостно было отдохнуть! Я вытеръ потъ съ лица и глубоко дышалъ свѣжимъ воздухомъ. Какъ я бѣжалъ! Но мнѣ было не жаль себя, такъ мнѣ и надо. Зачѣмъ я хотѣлъ просить крону? Вотъ слѣдствіе! И я началъ нѣжно разговаривать съ самимъ собою, читалъ нравоученія, какъ могла бы дѣлать мать. Это все больше и больше трогало меня, и, усталый и обезсиленный, я началъ плакать. Тихій и застенчивый плачь, внутреннее рыданіе безъ слезъ...

Я сидѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ четверть часа или больше. Люди приходили и уходили, и никто не трогалъ меня. То здѣсь, то тамъ играли дѣти, маленькая птичка пѣла на деревѣ по другую сторону улицы.

Ко мнѣ направился полицейскій.

— Зачѣмъ вы сидите здѣсь?—сказалъ онъ.

— Зачѣмъ я здѣсь сижу? — спросилъ я.—Пріятно сидѣть.

— Я наблюдалъ за вами цѣлыхъ полчаса,—сказалъ онъ.— Вы сидѣли здѣсь цѣлыхъ полчаса?

— Да, приблизительно, — отвѣтилъ я.—И больше ничего?

Я сердито всталъ и пошелъ.

Выйдя на площадь, я остановился и смотрѣлъ вдоль улицы. Пріятно сидѣть! Развѣ это отвѣтъ? Отъ усталости!—тебѣ слѣдовало сказать, и сказать жалобнымъ голосомъ.—Олухъ, ты никогда не научишься притворяться!—Отъ усталости! И тебѣ слѣдовало дышать, какъ лошадь.

Подойдя къ брандвахтѣ, я снова остановился, охваченный новой фантазіей. Я щелкнулъ пальцами, разразился громкимъ хохотомъ, удивившимъ прохожихъ, и сказалъ:

— Нѣтъ, тебѣ дѣйствительно нужно пойти къ пастору Левіону. Непремѣнно. Ну, просто попытаться. Чтѣ у тебя убудетъ? Да и погода прекрасная.

Я зашелъ въ книжный магазинъ Паши, разыскалъ въ адресномъ календарѣ квартиру пастора Левіона и отправился къ нему. Теперь пора!—сказалъ я:—теперь путки надо бросить! Совѣсть, говоришь? Глупости,—ты слишкомъ бѣдѣнъ, чтобы нянчиться съ совѣстью. Ты голодѣнъ, ты явился по важному дѣлу, просишь самаго необходимаго. Но ты долженъ склонить голову на сторону и говорить мелодичнымъ голосомъ. Не хочешь, нѣтъ? Въ такомъ случаѣ съ тобою я больше ни пагу ни ступлю, такъ и знай. Вотъ чтѣ: ты въ мучительно-тревожномъ состояніи, борешься съ силами тьмы и съ огромными, безмолвными чудовищами по ночамъ, до ужаса голодаешь, жаждешь вина и молока, и не получаешь ихъ. Настолько плохи твои дѣла. Вотъ ты стоишь здѣсь, и нѣтъ почти ни капли огня въ твоей лампѣ. Но ты вѣруешь въ милосер-

діе, слава Богу, ты все-таки не утратилъ вѣры! И ты долженъ сложить руки и казаться подлиннымъ сатаной, чтобы вѣрить въ милосердіе. Что до Маммоны, ты ненави-дншь Маммону подъ всякой личиной; другое дѣло молитвенникъ, память на двѣ кроны... Я остановился у пасторской двери и прочелъ: «Принимаетъ отъ 12 до 4».

— Теперь прочь всякій вздоръ! — сказалъ я:—дѣло нешу-точное! Итакъ, голову внизъ, нѣсколько набокъ...—И я позво-нилъ въ квартиру.

— Мнѣ нужно видѣть пастора, — сказалъ я горничной; но я не могъ прибавить имя Бога.

— Онъ ушелъ,—отвѣтила она.

Ушелъ! Ушелъ! Это разстроило весь мой планъ, оконча-тельно ниспровергло все, что я собирался сказать. Что было пользы ходить такъ далеко? И я застылъ на мѣстѣ.

— Важное дѣло?—спросила горничная.

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ я: — нисколько! Была такая пре-красная погода, и я хотѣлъ пройтись и засвидѣтельствовать ему свое почтеніе.

Стоялъ я, и стояла она. Я нарочно выпячивалъ грудь, чтобы обратить ея вниманіе на булавку, которою была за-стегнута моя куртка; я просилъ ее взглядомъ понять, зачѣмъ я пришелъ; но бѣдняжка ничего не поняла.

— Прекрасная погода, да. А фру тоже не дома?

Да, но у нея ревматизмъ, она лежитъ на диванѣ и не можетъ двигаться... Не угодно ли мнѣ оставить записку?

О, нѣтъ! Я просто предпринималъ такія прогулки отъ поры до времени, старался немного освѣжиться. Было такъ хорошо послѣ обѣда.

Я отправился обратно. Къ чему бы привела дальнѣйшая болтовня? Кромѣ того, я началъ ощущать головокруженіе; я не ошибся, я готовъ былъ свалиться не на шутку. Прини-маетъ отъ 12 до 4; я стучался съ опозданіемъ на цѣлый часъ, часъ милосердія прошелъ!

На площади я присѣлъ на одной изъ скамеекъ у церкви. Боже, какой мракъ ожидалъ меня! Я не плакалъ, я слишкомъ усталъ; измученный до крайности, я сидѣлъ тамъ, ничего не предпринимая, неподвижно сидѣлъ и голодалъ. Въ особенности грудь была воспалена, мучительно горѣло внутри. Жевать щепку больше уже не помогало; мои челюсти устали отъ без-плодной работы, и я не тревожилъ ихъ. Я сдался. Кромѣ того, кусокъ почернѣвшей апельсинной корки, которую я поднялъ на улицѣ и тотчасъ же принялся жевать, вызвалъ у меня тошноту. Я былъ боленъ; синяя жила вздулась у меня на рукѣ.

Изъ-за чего я, собственно, медлил? Цѣлый день бѣгалъ за кроной, которая могла поддержать жизнь во мнѣ нѣсколько лишнихъ часовъ. Развѣ въ концѣ концовъ было не безразлично, свершится ли неизбежное днемъ раньше или днемъ позже? Если бѣ я велъ себя, какъ порядочный человѣкъ, я уже давнымъ-давно пошелъ бы домой и легъ бы, смирился бы. Моя мысль вдругъ прояснилась. Теперь я долженъ былъ умереть. Было осеннее время, и все было сковано дремотой. Я испыталъ всѣ средства, использовалъ всѣ источники помощи, какіе зналъ. Я сентиментально нянчился съ этой мыслью и всякій разъ, когда еще надѣялся на возможное счастье, съ грустью шепталъ: Глупецъ, ты уже началъ умирать! Мнѣ слѣдовало написать пару писемъ, привести все въ порядок, приготовитьсь. Мнѣ нужно хорошенько вымыться и убрать свою постель. Голову я положу на два листа бѣлой писчей бумаги, — самую чистую вещь, какая у меня оставалась. А зеленымъ одѣяломъ я могъ бы...

Зеленое одѣяло! Я вдругъ совершенно вострепнулся, кровь бросилась мнѣ въ голову, и у меня появилось сильное сердцебиеніе. Я поднимаюсь со своей скамейки и начинаю шагать, жизнь снова трепещетъ всюду во мнѣ, и я то и дѣло повторяю отрывистыя слова: Зеленое одѣяло! Зеленое одѣяло! Я иду все быстрѣе и быстрѣе, точно мнѣ нужно было догнать что-нибудь, и въ короткій срокъ снова стою у себя дома, въ мастерской жестяника

Не останавливаясь ни на мигъ и не колеблясь въ своемъ рѣшеніи, я подхожу къ кровати и скатываю одѣяло Ганса-Паули. Было бы странно, если бѣ моя великолѣпная идея не спасла меня! Я былъ безконечно выше низкой нерѣшительности, овладѣвшей мною; я махнулъ на все рукой. Я не святой, не какой-нибудь добродѣтельный идиотъ. Я былъ въ полномъ разумѣ...

И я взялъ одѣяло подъ мышку и отправился на Стенергаде, номеръ 5.

Я постучалъ и въ первый разъ вошелъ въ большую незнакомую залу. Звонокъ на дверяхъ разразился цѣлой массой отчаянныхъ ударовъ надъ моей головой. Какой-то человѣкъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты, пожевывая, съ набитымъ лицомъ ртомъ, и сталъ за прилавкомъ.

— Дайте мнѣ полкроны за мои очки! — сказалъ я: — я куплю ихъ черезъ нѣсколько дней, — непремѣнно.

— Чтѣ? Ахъ, это же стальные очки?

— Да.

— Нѣтъ, не могу.

— Ну, конечно, не можете. Да я, собственно, пошутил. Нѣтъ, у меня одѣяло, которое, въ сущности, мнѣ больше не нужно, и я подумалъ, что вы могли бы избавить меня отъ него.

— Къ сожалѣнію, у меня цѣлый складъ одѣялъ, — отвѣтилъ онъ, и когда я развернулъ одѣяло, онъ бросилъ на него единственный взглядъ и воскликнулъ:

— Нѣтъ, извините, мнѣ оно тоже не нужно!

— Сначала я хотѣлъ показать вамъ худшую сторону, — сказалъ я: — съ той стороны оно гораздо лучше.

— Безполезно, я его не возьму, и вы нигдѣ не получите за него даже десяти эре.

— Понятное дѣло, оно ничего не стѣитъ, — сказалъ я: — но мнѣ казалось, что его можно продать вмѣстѣ съ другимъ старымъ одѣяломъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, напрасный трудъ.

— Двадцать пять эре? — сказала я.

— Нѣтъ, я, право, не могу взять его, милѣйшій, — у меня ему совсѣмъ не мѣсто.

И я снова сунулъ одѣяло подъ мышку и пошелъ домой.

Какъ ни въ чемъ не бывало, я разостлалъ одѣяло на кровати, тщательно расправилъ его, какъ всегда, и старался изгладить всякій слѣдъ моего послѣдняго дѣйствія. Я врядъ ли былъ въ своемъ умѣ въ то мгновеніе, когда рѣшилъ совершить это мошенничество; и чѣмъ больше я думалъ объ этомъ, тѣмъ оно представлялось мнѣ неразумнѣе. Очевидно, это былъ припадокъ слабости, какое-нибудь внутреннее притупленіе, поразившее меня. Да я и не попался въ эту ловушку, я почувствовалъ, что начинаю заблуждаться, и опредѣленно пытался устроить дѣло съ очками. И я очень радовался, что у меня не оказалось возможности совершить это преступленіе, которое осквернило бы послѣдніе часы моей жизни.

И снова пошелъ я бродить по городу.

Я опять усѣлся на скамейкѣ у церкви Спасителя, опустивъ голову на грудь, разбитый недавнимъ возбужденіемъ, больной и истощенный голодомъ. И время шло.

И этотъ часъ я просидѣлъ на улицѣ; здѣсь было нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ дома. Кромѣ того, мнѣ казалось, что на свѣжѣмъ воздухѣ не такъ мучительно ныла грудь; я слишкомъ рано вернулся домой.

И я дремалъ, и думалъ, и нестерпимо страдалъ. Я отыскалъ маленькій камешекъ, вычистилъ его и сунулъ въ ротъ, чтобъ было что грызть; вообще же я не шевелился и даже не двигалъ глазами. Люди приходили и уходили, грохотъ каретъ, топотъ копытъ и разговоры наполняли воздухъ.

Но вѣдь я могъ бы попытать счастья съ пуговицами? Разумѣется, изъ этого ничего не выйдетъ, и кромѣ того я былъ положительно боленъ. Но если хорошенько взвѣсить, то вѣдь мнѣ нужно итти въ сторону «дядюшки»,—моего собственнаго «дядюшки»,—возвращаясь домой?

Наконецъ я всталъ и медленно и безпомощно поплелся по улицамъ. Появился жаръ надъ бровями, начиналась лихорадка, и я спѣшилъ, сколько могъ. Я снова прошелъ мимо булочной, гдѣ лежалъ хлѣбъ. Ну вотъ, теперь мы остановимся здѣсь,—сказалъ я съ дѣланной рѣшительностью. А если я войду и *попрошу* куска хлѣба? Это была мимолетная мысль, искорка; въ дѣйствительности я этого не думалъ. Тѣфу!—прошенталъ я и покачалъ головой, и пошелъ дальше, смѣясь надъ самимъ собой. Я отлично зналъ, что было бесполезно являться въ лавку съ этой просьбой.

Въ одномъ изъ переулковъ стояла влюбленная парочка и шепталась въ воротахъ; нѣсколько дальше какая-то дѣвушка высунула голову въ окно. Я шелъ такъ медленно и осторожно, что могло казаться, будто я что-то замышляю, — и дѣвушка вышла на улицу.

— Какъ поживаешь, старичокъ? Чтò такое, ты боленъ? Господи, какое лицо! — И дѣвушка быстро ушла назадъ.

Я тотчасъ же остановился. Чтò такое случилось съ моимъ лицомъ? Неужели я началъ умирать? Я коснулся рукою щекъ: худъ, конечно, я былъ худъ. Щеки были, какъ двѣ вогнутыя чашки; но, Боже мой!.. И я снова поплелся дальше.

И снова остановился. Должно-быть, я былъ непостижимо худъ. И мои глаза совсѣмъ ввалились. Какой, въ сущности, былъ у меня видъ? Не чортова ли судьба, что простой голодъ долженъ окончателно изуродовать живого человѣка! Я еще разъ почувствовалъ бѣшенство, его послѣднюю вспышку, судорогу. Не дай Богъ, какое лицо, а? Я бродилъ здѣсь съ головою, равной которой не нашлось бы во всей странѣ, съ парой кулаковъ, которые—упаси меня Богъ—могли бы превратить разсыльнаго въ порошокъ, и все же мучительно голодалъ въ самомъ центрѣ города Христіаніи! Развѣ это мыслимо? Я жилъ въ хлѣву и надрывался день и ночь, какъ кляча, везущая попа. Отъ чтенія у меня исчезли глаза изъ черепа, и голодъ убилъ разумъ въ моемъ мозгу, — чтò я получилъ взамѣнъ? Даже уличныя дѣвки призывали Бога на помощь при видѣ меня. Но теперь это должно кончиться, — понялъ! — должно *кончиться*, чортъ меня возьми!.. Въ возрастающемъ бѣшенствѣ, скрежеща зубами отъ чувства слабости, со слезами на глазахъ и съ проклятіями, я плелся дальше, не обращая

вниманія на прохожихъ. Я снова началъ пытаться себя, намеренно ударялся лбомъ о фонарные столбы, глубоко вонзалъ ногти въ руки, въ безуміи кусалъ себя языкъ, когда онъ говорилъ безсвязно, и бѣшено смѣялся всякій разъ, когда было больно.

Да, но что же мнѣ дѣлать?»—наконецъ отвѣчаю я самому себѣ. И я нѣсколько разъ топаю ногой на улицѣ и повторяю:—«Что мнѣ дѣлать?»

Какой-то господинъ проходитъ мимо въ этотъ мигъ и, улыбаясь, говорить:

— Вы должны просить, чтобъ васъ арестовали.

Я смотрѣлъ ему вслѣдъ. Это былъ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ дамскихъ врачей, по прозванію «Герцогъ». Даже онъ не понималъ моего состоянія, человѣкъ, котораго я зналъ и руку котораго пожималъ. Я притихъ. Арестовали? Да, я сошелъ съ ума; онъ былъ правъ. Я чувствовалъ безуміе въ своей крови, чувствовалъ его вспышки въ мозгу. Такъ-то я и долженъ былъ кончить! Конечно! И я снова поплелся медленнымъ, сумрачнымъ шагомъ. Значитъ, вотъ каковъ мой конецъ!

Вдругъ я снова останавливаюсь. «Но только не арестъ!—говорию я:—только не это!» Я почти охрипъ отъ страха. Я просилъ, умолялъ всѣхъ святыхъ, чтобъ меня не арестовали. Я опять попалъ бы въ ратушу, меня заперли бы въ темной камерѣ, гдѣ не было ни искорки свѣта. Только не это! Были другіе открытые выходы, къ которымъ я еще не прибѣгалъ. И я прибѣгну къ нимъ; я буду старательнѣе, дамъ себѣ срокъ и буду неумоимо ходить изъ дома въ домъ. Былъ, напримѣръ, музыкальный магазинъ Сислера, тамъ я совсѣмъ не былъ. Нашлось-таки средство... И вотъ я шелъ и говорилъ, пока снова не довелъ себя до тихихъ слезъ жалости. Лишь бы меня не арестовали!

Сислеръ? Можетъ-быть, это указаніе выше? Его имя пришло мнѣ на умъ безъ всякаго основанія, и онъ жилъ такъ далеко; но я понавѣдаюсь къ нему, пойду медленно и буду отдыхать иногда. Я знаю этотъ магазинъ, я часто бывалъ въ немъ, покупалъ ноты въ хорошія времена. Попросить полкроны? Это можетъ смутить его; я спрошу цѣлую крону.

Я вошелъ въ лавку и спросилъ хозяина; мнѣ указали на его кабинетъ. Тамъ сидѣлъ человѣкъ, изящный, одѣтый по модѣ, и просматривалъ бумаги.

Я пролепеталъ извиненіе и изложилъ дѣло. Вынужденный бѣдственнымъ положеніемъ обратиться къ нему... Я очень скоро расплачусь съ нимъ... Какъ только получу гонораръ за

газетную статью... Онъ окажетъ мнѣ величайшее благо-
дѣяніе...

Еще во время моей рѣчи онъ повернулся къ столу и про-
должалъ свою работу. Когда я кончилъ, онъ косо посмотрѣлъ
на меня, покачалъ своей красивой головой и сказалъ:

— Нѣтъ!

Просто—нѣтъ. Безъ всякихъ объясненій. Ни одного слова!

Колѣни у меня сильно тряслись, и я прислонился къ ма-
ленькому лакированному шкапчику. Я попробовалъ еще разъ.
Почему именно онъ пришелъ мнѣ въ голову, разъ я жилъ
далеко на Ватерландѣ? Появилась боль въ лѣвомъ боку, и я
началъ потѣть. Гм!

— Я, право, крайне обезсилёнъ, — сказалъ я: — совсѣмъ
боленъ, къ сожалѣнію; конечно, пройдетъ не больше двухъ
дней, когда у меня будетъ возможность уплатить долгъ. Не бу-
детъ ли онъ такъ добръ?

— Милѣйшій, почему вы приходите ко мнѣ? — сказалъ
онъ. — Вы для меня совершенный X, ворвавшійся съ улицы.
Обратитесь въ газету, гдѣ васъ знаютъ.

— Но только на сегодняшній вечеръ! — сказалъ я. — Ре-
дакція уже заперта, а я очень голоденъ.

Онъ упорно качалъ головой, продолжалъ качать ею, даже
когда я взялся за дверь.

— Прощайте! — сказалъ я.

«Это не было указаніе свыше», — думалъ я и горько улыбнулся;
съ такой-то высоты и я могъ бы указать, коль на то пошло. Я
прошелъ одинъ кварталъ за другимъ, временами немного
отдыхая на лѣстницахъ. Лишь бы меня не арестовали! Ужасъ
передъ камерой все время преслѣдовалъ меня, не давалъ мнѣ
ни минуты покоя; увидѣвъ на дорогѣ полицейскаго, я всякій
разъ уползалъ въ боковую улицу, чтобы избѣжать встрѣчи съ
нимъ. — «Теперь мы отсчитаемъ сто шаговъ», — сказалъ я: — и
снова попытаемъ счастья! Когда-нибудь да удастся»...

Это была маленькая лавчонка, гдѣ я раньше никогда не
былъ. Простой человекъ за прилавкомъ, за нимъ контора съ
фарфоровой вывѣской на дверяхъ, заваленныи товаромъ полки
и длинный рядъ столовъ. Я подождалъ, пока послѣдній поку-
патель уйдетъ изъ лавки, — молодая дама съ ямочками на ще-
кахъ. Какой счастливый видъ былъ у нея! Я не хотѣлъ
обратить на себя ея вниманія и отвернулся.

— Что вамъ угодно? — спросилъ служащій.

— Хозяинъ дома? — сказалъ я.

— Онъ уѣхалъ въ горы, на Йотунгеймъ, — отвѣтилъ онъ. —
Важное дѣло, что?

— Нужно нѣсколько эре на хлѣбъ, — сказалъ я, стараюсь улыбаться.—Я голоденъ, и у меня нѣтъ ни гроша.

— Тогда мы одинаково богаты, — сказалъ онъ и началъ приводить въ порядокъ пачки пряжи.

— Ахъ, не гоните меня — только не теперь! — сказалъ я, похолодѣвъ всѣмъ тѣломъ.—Я, право, почти умираю отъ голода,—уже нѣсколько дней, какъ я ничего не ѣлъ.

Самымъ серьезнымъ образомъ, ничего не говоря, онъ началъ одинъ за другимъ выворачивать свои карманы.—Мнѣ не угодно вѣрить ему на слово, что?

— Только пять эре, — сказалъ я. — И черезъ два дня вы получите десять.

— Милый мой, вы хотите, чтобъ я укралъ изъ ящика? — нетерпѣливо спросилъ онъ.

— Да,—сказалъ я:—возьмите пять эре изъ ящика.

— Это не въ моемъ характерѣ, — заключилъ онъ и прибавилъ:—И позвольте мнѣ сказать вамъ, что теперь уже пора кончать.

Я ушелъ, больной отъ голода и весь въ жару отъ стыда. Нѣтъ, довольно! Я, право, зашелъ слишкомъ далеко. Я держался столько лѣтъ, былъ непреклоненъ въ такіе тяжелые часы, и теперь вдругъ унизился до грубаго нищенства. Одинъ этотъ день запятналъ мою мысль, заклеилъ душу безстыдствомъ. Я не постыдился звать къ жалости и плакать передъ самымъ жалкимъ лавочникомъ. А къ чему это привело? Развѣ я не попрежнему оставался безъ куска хлѣба? Я дошелъ до того, что сталъ противенъ самому себѣ. Да, теперь необходимо положить этому конецъ! Какъ разъ въ это время запирались ворота моего дома, и мнѣ нужно было поторопиться, если я не хотѣлъ провести эту ночь въ ратушѣ...

Это придало мнѣ силы; ночевать въ ратушѣ я не хотѣлъ. Подавшись впередъ всѣмъ тѣломъ, упираясь рукой въ лѣвый бокъ, чтобы нѣсколько смягчить покалываніе, я поплелся дальше, не сводя глазъ съ тротуара, чтобы возможнымъ знакомымъ не нужно было кланяться мнѣ, и спѣшилъ къ брандвахтѣ. Слава Богу, на башнѣ Спасителя было только семь часовъ, и у меня еще оставалось три часа, пока запрутъ ворота. Какъ я испугался!

Значить, все было испытано, я сдѣлалъ все, что могъ. «Какъ, однако, ни разу не посчастливилось за цѣлый день!» — думалъ я. Если бъ я рассказалъ это кому-нибудь, никто бы не повѣрилъ, и если бъ я описалъ это, сказали бы, что все это выдуманно. Ни разу! Стало-быть, ничего не подѣлаешь; только

не впадать больше въ жалобный тонъ. Тыфу, это было противно, увѣряю тебя, ты внушаешь мнѣ отвращеніе! Разъ всякая надежда исчезла, значить, исчезла. Впрочемъ, нельзя ли украсть горсть овса на конюшнѣ? Полоска свѣта, искорка—я зналъ, что конюшня была заперта.

Я отнесся къ этому легко и медленно поползъ по направлению къ дому. Я почувствовалъ жажду, къ счастью, впервые за цѣлый день, и шелъ и выскивалъ, гдѣ бы напиться. Я ушелъ слишкомъ далеко отъ базара, а въ частный домъ мнѣ не хотѣлось заходить; я, пожалуй, могъ потерпѣть до возвращенія домой; это займетъ четверть часа. Еще неизвѣстно, перенесу ли я глотокъ воды; мой желудокъ уже ничего не переносилъ, меня тошнило даже отъ слюны, которую я глоталъ.

А пуговицы? Я еще не пыталъ счастья съ пуговицами? И я улыбался. Можетъ-быть, все-таки найдется выходъ! Я не окончательно проклятъ! Разумѣется, я получу за нихъ десять эре, завтра получу гдѣ-нибудь еще десять, а въ четвергъ мнѣ заплатятъ гонораръ за газетную статью. Мнѣ нужно только собраться съ силами, и все пойдетъ на ладъ! Какъ я, въ самомъ дѣлѣ, могъ забыть про пуговицы! Я вынулъ ихъ изъ кармана и разсматривалъ ихъ, продолжая путь; въ глазахъ у меня потемнѣло отъ радости, я видѣлъ не всю улицу, по которой шелъ.

Какъ отлично я зналъ большой погребъ, мое убѣжище въ темные вечера, моего кровопійцу-друга! Вещь за вещь, все мое имущество исчезло туда, мои домашніе мелочи, моя послѣдняя книга. Въ аукціонные дни я ходилъ туда смотрѣть и радовался каждый разъ, когда казалось, что мои книги попадали въ хорошія руки. Мои часы были у артиста Магельсена, и я почти гордился этимъ; календарь съ первымъ поэтическимъ опытомъ купилъ одинъ знакомый, а мое пальто досталось фотографу, чтобы давать его на прокатъ въ ателье. Такъ что ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ ничего нельзя было возразить.

Я вошелъ, держа пуговицы въ рукѣ. «Дядюшка» сидѣлъ за своей конторкой и писалъ.

— Мнѣ не къ спѣху, — сказалъ я, боясь помѣшать ему и разсердить его своимъ обращеніемъ. Мой голосъ звучалъ такъ поразительно глухо, я самъ почти не узналъ его, и сердце ударяло, какъ молотъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ съ обычной улыбкой, положилъ на прилавокъ обѣ свои руки ладонями внизъ и смотрѣлъ мнѣ въ лицо, не говоря ни слова.

— Я принесъ кое-что и хотѣлъ бы спросить, не приго-

дится ли ему... эта вещь только мѣшала мнѣ дома, увѣряю васъ, положительно мучила... нѣсколько пуговиць.

— Что же это, что же это за пуговицы?—И онъ заглянулъ мнѣ прямо въ руку.

— Не можетъ ли онъ дать мнѣ нѣсколько эре за нихъ? Сколько онъ самъ находить возможнымъ... По его усмотрѣнію...

— За пуговицы?

И «дядюшка» изумленно посмотрѣлъ на меня.

— За эти пуговицы?

— На сигару, или какъ ему угодно. Я проходилъ мимо и зашелъ спросить.

И вотъ старый ростовщикъ засмѣялся и, не говоря ни слова, вернулся къ своей конторкѣ. Я стоялъ. Я, собственно, не очень надѣялся, но все-таки рассчитывалъ на возможную помощь. Этотъ хохотъ былъ смертнымъ приговоромъ... Нельзя ли устроить дѣло, прибавивъ очки?

— Я, конечно, готовъ присоединить мои очки, это само собой разумѣется,—сказалъ я и снялъ очки.—Всего-то десять эре, или пять, если ему угодно?

— Вы же знаете, что я не могу принять вашихъ очковъ,—сказалъ «дядюшка»:—я вамъ ужъ раньше говорилъ.

— Но мнѣ нужна почтовая марка, — глухо сказалъ я: — я не могу даже отослать письмо, которое долженъ написать. Марку въ десять или въ пять эре, какъ ему удобнѣе.

— Господь съ вами, идите своей дорогой! — отвѣтилъ онъ и махнулъ на меня рукой.

«Хорошо, да будетъ такъ!»—сказалъ я себѣ. Я машинально надѣлъ очки, взялъ пуговицы и ушелъ, пожелавъ спокойной ночи и закрывъ за собою дверь, какъ всегда. Такъ, больше нечего дѣлать! Въ пролетѣ лѣстницы я остановился и еще разъ взглянулъ на пуговицы.—«Онъ совсѣмъ не хочетъ взять ихъ!»—сказалъ я: — хотя это почти новыя пуговицы; я этого не могу понять».

Пока я стоялъ въ раздумьѣ, мимо меня прошелъ какой-то человѣкъ и направился внизъ въ погребъ. Влопыхахъ онъ слегка толкнулъ меня; мы оба извинились, и я обернулся и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Какъ, это ты? — сказалъ онъ вдругъ внизу лѣстницы.

Онъ поднялся наверхъ, и я узналъ его.

— Господи, какой у тебя видъ! — сказалъ онъ. — Что ты здѣсь дѣлалъ?

— Ахъ, дѣла! И ты туда же, вижу я.

— Да. Съ чѣмъ ты ходилъ туда?

Колѣни у меня тряслись, я прислонился къ стѣнѣ и протянулъ мою руку съ пуговицами.

— Что за чортъ? — воскликнулъ онъ. — Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

— До свиданія! — сказалъ я и хотѣлъ уходить; чувствуя слезы въ груди.

— Нѣтъ, постой минутку! — сказалъ онъ.

Зачѣмъ я стану ждать? Вѣдь онъ самъ шелъ къ «дядюшкѣ», можетъ-быть, несъ свое обручальное кольцо, голодалъ нѣсколько дней, задолжалъ хозяйкѣ.

— Да, — отвѣтилъ я: — если ты намѣренъ скоро...

— Разумѣется, — сказалъ онъ и взялъ меня за руку: — но я долженъ тебѣ сказать, я тебѣ не вѣрю, ты идиотъ; тебѣ лучше отправиться вмѣстѣ со мной.

Я понялъ, чего онъ хотѣлъ, вдругъ снова почувствовалъ себя немного оскорбленнымъ и отвѣтилъ:

— Не могу! Я обѣщаль въ половинѣ восьмого быть на улицѣ Бернта Аркера, и...

— Въ половинѣ восьмого, правильно! Но сейчасъ уже восемь. Нѣтъ, я держу часы въ рукѣ, и мнѣ нужно отнести ихъ въ подвалъ. Такъ вотъ, маршъ со мной, голодный грѣшникъ! Я достану для тебя по меньшей мѣрѣ пять кронъ.

И онъ толкнулъ меня въ дверь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Цѣлая недѣля прошла въ великолѣпнн и радости.

Я выкарабкался изъ бѣды и на этотъ разъ обѣдалъ каждый день, моя бодрость возрастала, и я затѣвалъ одно дѣло за другимъ. Я работалъ надъ тремя или четырьмя статьями, отнимавшими у моего бѣднаго мозга всякую искру, всякую мысль, какая въ немъ возникала, и мнѣ казалось, что мой трудъ удавался мнѣ лучше, чѣмъ прежде. Последнюю статью, которая стоила мнѣ столькихъ хлопотъ и на которую я возлагалъ столько надеждъ, редакторъ уже вернулъ мнѣ обратно, и я тотчасъ же уничтожилъ ее, взбѣшенный, оскорбленный, не перечитавъ ее. Впредь я постараюсь пристроиться въ другой газетѣ, чтобы открыть себѣ нѣсколько выходовъ. Въ худшемъ случаѣ, если даже это не поможетъ, я пойду наниматься въ матросы; «Монахъ» стоитъ у пристани, готовый къ отплытію, и я, пожалуй, получу работу на немъ во время поѣздки въ Архангельскъ, или куда онъ отправляется. Такъ у меня не было недостатка въ надеждахъ.

Послѣдній кризисъ прошелъ далеко не безслѣдно; у меня начали сильно падать волосы, головная боль тоже была мучительна, и нервность не унималась. Днемъ я сидѣлъ и писалъ, завернувъ руки въ тряпки, просто потому, что не переносилъ прикосновенія къ нимъ моего собственнаго дыханія. Когда Иенсъ Олай слишкомъ рѣзко стучалъ дверью въ конюшнѣ подо мною, или на заднемъ дворѣ начинала лаять собака, меня до мозга костей пронизывало рѣзкимъ холодомъ, отдававшимся всюду. Мое здоровье замѣтно пошатнулось.

День изо дня я напряженно работалъ, съ трудомъ находилъ время проглотить обѣдъ, чтобы снова приняться писать. Въ это время какъ постель, такъ и мой маленькій качающійся письменный столъ были завалены замѣтками и исписанными листами, надъ которыми я поочередно работалъ, прилаживалъ къ новымъ вещамъ, какія могли прійти въ голову въ теченіе дня, зачеркивалъ, оживлялъ то здѣсь, то тамъ мертвыя мѣста красочнымъ словомъ, съ величайшимъ трудомъ подвигался отъ предложенія къ предложенію. Какъ-то вечеромъ одна изъ моихъ статей была наконецъ готова, и, счастливый и радостный, я сунулъ ее въ карманъ и отправился къ «командиру». Была уже давно пора снова подумать о деньгахъ, потому что у меня остались сушіе гроши.

«Командиръ» просилъ посидѣть минутку, потомъ онъ сейчасъ же... И онъ продолжалъ писать.

Я осмотрѣлъ маленькую контору: бюсты, литографіи, вырѣзки, огромная корзина, которая, казалось, могла бы проглотить цѣлаго человѣка. Мнѣ стало очень грустно при видѣ этого чудовищнаго зѣва, этой драконовой пасти, вѣчно раскрытой, вѣчно готовой глотать новыя отвергнутыя работы—новыя разбитыя надежды.

— Какое у насъ число? — внезапно говоритъ «командиръ» у стола.

— Двадцать восьмое!—отвѣчаю я, обрадовавшись, что могу оказать ему услугу.

— Двадцать восьмое.—И онъ продолжаетъ писать. Наконецъ онъ запечатываетъ пару писемъ, отправляетъ въ корзину нѣсколько бумагъ и кладетъ перо. Потомъ оборачивается въ креслѣ и смотритъ на меня. Замѣтивъ, что я все еще стою у двери, онъ полусерьезно, полушутливо дѣлаетъ знакъ рукою и указываетъ на стулъ.

Я отворачиваюсь, чтобы онъ не видѣлъ, что у меня нѣтъ жилета, раскрываю куртку и достаю рукопись изъ кармана.

— Это—маленькая характеристика Корреджіо,—говорю я:—но, къ сожалѣнію, она написана не въ такомъ видѣ, чтобы...

Онъ беретъ изъ моей руки бумаги и начинаетъ перелистывать ихъ. Онъ поворачивается лицомъ ко мнѣ. И вотъ какимъ оказался вблизи этотъ человѣкъ, чье имя я слышалъ уже въ моей ранней молодости и чья газета имѣла самое большое вліяніе на меня въ теченіе долгихъ лѣтъ. У него вьющіеся волосы и нѣсколько безпокойные каріе глаза; у него была привычка слегка сопѣть отъ поры до времени. Шотландскій пасторъ не могъ бы казаться кротче съ виду, чѣмъ этотъ опасный писатель, чье слово, куда бы ни падало, всегда оставляло кровавыя полосы. Своеобразное чувство страха и удивленія овладѣваетъ мною передъ лицомъ этого человѣка, въ глазахъ у меня готовы появиться слезы, и я невольно дѣлаю шагъ впередъ, чтобы сказать ему, какъ глубоко я любилъ его за все, чему онъ научилъ меня, и хочу просить его не дѣлать мнѣ больно; я—просто жалкій бѣднякъ, которому и безъ того трудно приходится...

Онъ смотритъ на меня и медленно складываетъ рукопись, продолжая смѣть и соображать. Чтобы облегчить ему отрицательный отвѣтъ, я протягиваю руку немного впередъ и говорю:

— Ну, конечно, это не годится?

И я улыбаюсь, чтобы ему показалось, будто я отношусь къ этому легко.

— Мы можемъ пускать въ ходъ лишь самыя популярныя вещи, — отвѣчаетъ онъ: — вы знаете нашихъ читателей. Но нельзя ли вамъ сдѣлать это проще? Или взять что-нибудь другое, болѣе понятное?

Его предупредительность изумляетъ меня. Я понимаю, что моя статья отвергнута, и все-таки я не могъ бы получить болѣе любезнаго отказа. Чтобы не задерживать его, я отвѣчаю:

— О, да, конечно, могу.

Я направляюсь къ двери. Гм! Онъ долженъ извинить, что я обезпокоилъ его... Я кланяюсь и беру съ ручки у двери.

— Если нужно, — говоритъ онъ: — вы можете даже получить немного впередъ. Вы же отработаете.

Вѣдь онъ самъ видѣлъ, что я не годился въ писатели, поэтому его предложеніе нѣсколько унизило меня, и я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, благодарствуйте, въ настоящее время я еще свою концы съ концами. Впрочемъ, я вамъ очень благодаренъ. Прощайте!

— Прощайте! — отвѣчаетъ «командиръ» и тотчасъ же поворачивается къ своему письменному столу.

Во всякомъ случаѣ, я не заслужилъ такого любезнаго обращенія, и я былъ благодаренъ ему за это; мнѣ слѣдовало одѣлать это. Я рѣшилъ не являться къ нему раньше, чѣмъ у

меня будетъ возможность захватить съ собою работу, которую я самъ буду вполне доволенъ, которая немного озадачитъ «командира» и заставитъ его безъ малѣйшаго колебанія предложить мнѣ десять кронъ. И я пошелъ домой и снова принялся писать.

Въ слѣдующіе вечера, когда время приближалось къ восьми и уже зажигали газъ, со мною неизмѣнно случается слѣдующее.

Когда я выхожу изъ моихъ воротъ, чтобы послѣ дневныхъ трудовъ и хлопотъ отправиться на прогулку по улицамъ, у фонаря подлѣ самыхъ воротъ стоитъ дама въ черномъ, поворачивается ко мнѣ лицомъ и провожаетъ меня глазами, когда я прохожу мимо нея. Я обращаю вниманіе, что на ней постоянно одно и то же платье, одна и та же густая вуаль, закрывающая лицо и падающая на ея грудь, а въ рукѣ маленькій зонтикъ съ кольцомъ изъ слоновой кости на рукояткѣ.

Уже третій вечеръ я вижу ее тамъ, всегда на томъ же самомъ мѣстѣ; какъ только я прохожу мимо нея, она медленно поворачивается и идетъ по улицѣ въ противоположную сторону.

Мой нервный мозгъ раскрылся, какъ рогъ изобилія, и у меня возникло нелѣпое предположеніе, что ея посѣщеніе относилось ко мнѣ. Въ концѣ концовъ я былъ почти готовъ заговорить съ нею, спросить ее, не ищетъ ли она кого-нибудь, не нужна ли ей моя помощь, нельзя ли мнѣ проводить ее до дому, хотя я, къ сожалѣнію, былъ такъ плохо одѣтъ,—защитить ее въ темныхъ улицахъ. Но у меня былъ неясный страхъ, что это можетъ повлечь за собой расходы на стаканъ вина, на катанье, а у меня совсѣмъ не стало денегъ; мои безнадежно пустые карманы слишкомъ угнетающимъ образомъ дѣйствовали на меня, и у меня даже не оказывалось мужества маломальски испытующе взглянуть на нее, когда я проходилъ мимо. Голодь началъ снова терзать меня, я не ѣлъ со вчерашняго дня; это, конечно, не Богъ вѣсть сколько времени, я часто могъ терпѣть нѣсколько дней; но я началъ подозрительно слабѣть, совсѣмъ не могъ голодать, какъ раньше, единственный день почти приводилъ меня въ оцѣпенѣніе, и стоило мнѣ выпить воды, какъ появлялась непрерывная рвота. Кромѣ того, я мерзъ по ночамъ, лежалъ, не раздѣвшись, какъ ходилъ днемъ, и мерзъ, ледянѣлъ отъ озноба и замиралъ отъ холода во время сна. Старое одѣяло не защищало отъ сквозняковъ, и утромъ я просыпался потому, что мой носъ превращался въ кусокъ льда отъ ледянаго воздуха, проникавшаго со двора.

Я иду по улицѣ и думаю, какъ мнѣ вести себя, чтобы удержаться на ногахъ до окончанія моей слѣдующей статьи. Будь у меня свѣча, я бы попытался работать всю ночь; на

это ушло бы два часа, окажись я дѣйствительно въ рабочемъ настроеніи; и завтра я снова могъ бы обратиться къ «командиру».

Недолго думая, я вхожу въ кофейню и жду моего молодого знакомаго изъ банка, чтобы достать десять эре на свѣчку. Я могъ безпрепятственно обойти всѣ комнаты, прошелъ мимо дюжины столовъ, гдѣ ѣли и пили бесѣдующіе гости, и проникъ въ самый конецъ кофейни, до *Красной комнаты*, не найдя своего пріятеля. Подавленный и сердитый, я снова вышелъ на улицу и направился въ сторону дворца.

Чортъ возьми, неужели моимъ невзгодамъ такъ и не будетъ конца! Большими, бѣшенными шагами, грубо поднявъ воротники куртки и сжимая кулаки въ карманахъ брюкъ, я шелъ и всю дорогу проклиналъ свою несчастную звѣзду. Ни одного дѣйствительно беззаботнаго мгновенія въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ, ни мало-мальски достаточнаго количества пищи до истеченія короткой недѣли, когда нужда снова обезсиливаетъ меня. Вдобавокъ, при всей своей нищетѣ, я былъ честенъ, хе-хе, честенъ отъ начала до конца! Боже правый, какъ я былъ смѣшонъ! И я началъ рассказывать себѣ, какъ меня мучила совѣсть, потому что однажды я носилъ къ ростовщику одѣяло Ганса-Паули. И я презрительно хохоталъ надъ своею чувствительной честностью, брезгливо плевалъ на улицу и не находилъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы посмѣяться надъ своею глупостью. Случись это теперь! Если бъ въ это мгновеніе я нашелъ на улицѣ сбереженія школьницы, единственный грошъ бѣдной вдовы, я бы поднялъ его и сунулъ въ карманъ, укралъ со спокойной совѣстью и сладко спалъ бы, какъ камень, всю слѣдующую ночь. Я недаромъ страдалъ такъ невыразимо долго, мое терпѣнье истощилось, я былъ готовъ на все.

Я обошелъ дворецъ три-четыре раза, потомъ рѣшилъ отправиться домой, сдѣлалъ въ паркѣ еще одну маленькую остановку и наконецъ пошелъ назадъ по Карлу-Югану.

Было около одиннадцати часовъ. На улицѣ было довольно темно, и кругомъ всюду бродили люди, то тихими парами, то шумной толпой. Великій мигъ наступилъ, время любви, когда совершается тайное сліяніе и начинаются радостныя сказки Шумъ женскихъ юбокъ, то здѣсь, то тамъ, короткій, чувственный смѣхъ, волнующаяся грудь, горячее, судорожное дыханіе. Вдали у Гранда какой-то голосъ зоветъ: «Эмма!». Вся улица стала болотомъ, откуда вздымались горячіе пары.

Я невольно смотрю, нѣтъ ли у меня двухъ крошъ въ карманѣ. Страсть, которая трепещетъ въ каждомъ движеніи про-

хожихъ, даже тусклый свѣтъ газовыхъ фонарей, тихая, оплодотворенная ночь, все это начинаетъ овладѣвать мною, весь этотъ воздухъ, полный шопота, объятій, трепетныхъ признаній, недосказанныхъ словъ, отрывистыхъ вскриковъ; нѣсколько кошечекъ съ громкимъ мяуканьемъ отдаются любви въ воротахъ Бломквиста. А у меня не было двухъ кроны. Это было горе, безпримѣрное несчастье, что я такъ обнищаль! Какое униженіе, какой позоръ! И я снова началъ думать о послѣдней лептѣ бѣдной вдовицы, которую я могъ бы украсть, о шапкѣ или носовомъ платкѣ школьника, о котомкѣ нищаго, которую безъ малѣйшаго колебанія отнесъ бы къ тряпичнику и пропилъ бы. Чтобы утѣшить и вознаградить себя, я началъ выискивать всевозможные недостатки у этихъ радостныхъ людей, скользившихъ мимо меня; я сердито пожималъ плечами и презрительно смотрѣлъ на нихъ, когда они проходили, пара за парой. Эти довольные лакомки-студенты, которые думали, что ведутъ себя, какъ европейскіе развратники, когда имъ удается коснуться груди швеи! Эти молодые люди, банкиры, коммерсанты, бульварные львы, которые не брезгали даже матросскими женами, толстыми Дульцинеями со скотнаго рынка, отдававшимися за кружку пива подъ первыми воротами! Какія сирены! Мѣсто подлѣ нихъ еще оставалось теплымъ отъ посѣщенія пожарнаго или конюха... Тронъ всегда былъ свободенъ, широко раскрытъ, милости просимъ, восходите!.. Я плевалъ далеко на тротуаръ, не заботясь о томъ, что могу попасть въ кого-нибудь, былъ озлобленъ, полонъ презрѣнія къ этимъ людямъ, лнувшимъ другъ къ другу и сходявшимся на моихъ глазахъ. Я поднялъ голову и былъ благодатно счастливъ, что сохранилъ свою стезю въ чистотѣ.

У стортинга я встрѣтилъ дѣвушку, которая пристально смотрѣла на меня, когда я шелъ рядомъ съ нею.

— Добрый вечеръ!—сказалъ я.

— Добрый вечеръ!—Она остановилась.

— Гм... Что это она ходитъ по улицѣ такъ поздно? Развѣ молодой дамѣ не рискованно гулять въ такое время по Карлу-Югану? Нѣтъ? Да, но развѣ съ вами никогда не заговаривали, не оскорбляли васъ, я хочу сказать, не предлагали отправиться домой?

Она изумленно смотрѣла на меня, стараясь прочесть на моемъ лицѣ, что я хотѣлъ этимъ сказать. Потомъ вдругъ взяла меня подъ руку и сказала:

— Ну, что же, пойдете!

Я пошелъ. Когда мы немного отошли отъ извозчиковъ, я остановился, освободилъ свою руку и сказалъ:

— Послушайте, дружокъ, у меня нѣтъ ни гроша. И я хотѣлъ пойти своей дорѳгой.

Вначалѣ она не хотѣла вѣрить мнѣ; но, ощупавъ всѣ мои карманы и ничего не найдя, насупилась, закинула голову и обозвала меня пентюхомъ.

— Спокойной ночи!—сказалъ я.

— Постойте!—крикнула она.—У васъ золотыя очки?

— Нѣтъ.

— Ну, и чортъ съ вами!

И я ушелъ.

Немного спустя она побѣжала за мной и снова окликнула.

— Вы все равно можете пойти со мной,—сказала она.

Я почувствовалъ себя униженнымъ этимъ предложеніемъ бѣдной уличной дѣвицы и отвѣтилъ отказомъ. Кромѣ того, была уже поздняя ночь, и мнѣ нужно было въ другое мѣсто; да и не таково ея положеніе, чтобы итти на подобныя жертвы.

— Но теперь я *хочу* пойти съ вами.

— Но я-то не могу пойти на такихъ условіяхъ.

— Вы, конечно, идете къ другой,—сказала она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Ахъ, въ настоящее время у меня не было ни малѣйшей охоты, дѣвушки стали для меня почти какъ мужчины, нужда изсушила меня. Но я чувствовалъ, какъ я жалокъ въ глазахъ этой странной дѣвицы, и рѣшилъ соблюсти приличіе.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.—Маріей? Такъ! Послушайте, Мари!—И я началъ объяснять мое поведеніе. Дѣвушка все больше и больше изумлялась. Неужели она подумала, что и я былъ одинъ изъ тѣхъ, кто ходитъ по вечерамъ по улицамъ и ловить дѣвушекъ? Неужели она въ самомъ дѣлѣ думала такъ дурно обо мнѣ? Развѣ съ самаго начала я сказалъ ей что-нибудь неприличное? Развѣ тотъ, у кого дурное на умѣ, ведетъ себя, какъ я? Однимъ словомъ, я заговорилъ съ ней и проводилъ ее немного, чтобы посмотреть, что она намѣрена дѣлать. Впрочемъ, меня зовутъ такъ-то и такъ-то, пасторъ такой-то. Спокойной ночи! Иди и больше не грѣши!

И я ушелъ.

Я потиралъ руки, восхищаясь моей великолѣпной выдумкой, и разговаривалъ вслухъ съ самимъ собою. Какъ радостно бродить кругомъ и дѣлать добрыя дѣла! Можетъ-быть, я далъ этому падшему созданію толчокъ къ воскресенію на всю жизнь! И, опомнившись, она оцѣнитъ это, съ сердечной благодарностью будетъ вспоминать меня даже въ свой смертный часъ. Ахъ, все-таки стоило быть честнымъ, честнымъ и праведнымъ!

Я былъ въ блестящемъ настроеніи, чувствовалъ себя бодрѣе и смѣлѣе, чѣмъ бы тамъ ни предстояло. Если бѣ только у меня была свѣча, я, пожалуй, окончилъ бы свою статью! Я шелъ и размахивалъ моимъ новымъ ключомъ, напѣвалъ, свистѣлъ и думалъ, какъ мнѣ добыть свѣчу. Другого средства не было, какъ вынести мои письменныя принадлежности на улицу, къ свѣту газоваго фонаря. И я открылъ ворота и отправился за своими бумагами.

Спустившись снова внизъ, я заперъ ворота снаружи и расположился у фонаря. Всюду было тихо, я слышалъ только тяжелые, звонкіе шаги полицейскаго въ сосѣднемъ переулкѣ и вдали, со стороны холма св. Іоанна, собачій лай. Ничто не мѣшало мнѣ, я натянулъ на уши воротъ своего сюртука и принялся думать изо всѣхъ силъ. Я былъ бы безконечно счастливъ, если бѣ мнѣ удалось написать конецъ этой маленькой статьи. Я остановился на довольно трудномъ мѣстѣ, нуженъ былъ совершенно незамѣтный переходъ къ чему-нибудь новому, потомъ мягкій, замолкающій финалъ, длинная трепетная нота, которая въ концѣ концовъ должна завершиться чрезвычайно рѣзкимъ оборотомъ, волнующимъ, какъ выстрѣлъ, или какъ грохотъ рухнувшей горы. Точка.

Но словъ не было. Я перечелъ всю вещь сначала, громко прочитывалъ каждое предложеніе, и никакъ не могъ собрать мысли для этого трескучаго оборота. Пока я работалъ надъ этимъ, подошелъ полицейскій, остановился по срединѣ улицы на нѣкоторомъ разстояніи отъ меня и спугнулъ все мое настроеніе. Какое ему дѣло, что въ это мгновеніе я стоялъ и писалъ замѣчательный оборотъ въ статьѣ для «командира»? Господи, какъ мнѣ трудно было держаться на поверхности, за что я ни хватался! Я простоялъ тамъ съ часъ, полицейскій ушелъ своей дорожкой, холодъ сталъ слишкомъ рѣзокъ, чтобы стоять на одномъ мѣстѣ. Унылый и подавленный новой неудавшейся попыткой, наконецъ я снова открылъ ворота и пошелъ въ свою комнату.

Тамъ было холодно, и я съ трудомъ различалъ свое окно въ густой темнотѣ. Я оцупью добрался до постели, снялъ сапоги и старался согрѣть ноги руками. Потомъ, какъ я дѣлалъ уже давно, я легъ въ томъ видѣ, какъ ходилъ, не раздѣваясь.

На слѣдующее утро, какъ только разсвѣло, я сѣлъ въ кровати и снова принялся за статью. Я сидѣлъ въ этомъ положеніи до полудня, когда поставилъ на ноги десять, двадцать строкъ. И я все еще не дошелъ до конца.

Я всталъ, надѣлъ башмаки и, чтобы согрѣться, началъ бродить взадъ и впередъ по комнатѣ. Окна были заморожены; я выглянулъ на улицу: шелъ снѣгъ, на дворѣ лежалъ толстый слой снѣга на мостовой и водокачкѣ.

Я возился въ своей комнатѣ, машинально шагаль взадъ и впередъ, царапаль ногтями стѣны, осторожно приложился лбомъ къ двери, стучаль указательнымъ пальцемъ по полу и внимательно прислушивался, и дѣлалъ это безъ малѣйшей надобности, но тихо и въ раздумьѣ, точно я затѣялъ важное дѣло. И въ то же время, непрерывно, чтобы слышать самому, я громко говорилъ: «Но, Боже правый, это же безуміе!» И начиналъ продѣлывать то же самое. По прошествіи долгаго времени, пожалуй, двухъ часовъ, я взялъ себя въ руки, прикусилъ губу и воспрянулъ, сколько могъ. Нѣтъ, все это надо кончить! Я разыскалъ щепку, сталъ жевать ее и рѣшительно принялся писать.

Двѣ короткихъ фразы удаются съ большимъ трудомъ, десятокъ жалкихъ словъ, которыя я вымучилъ насильно, лишь бы подвинуться впередъ. Потомъ я остановился, голова была пуста, больше у меня не было силъ. И такъ какъ я рѣшительно не могъ сдвинуться съ мѣста, я сидѣлъ и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на эти послѣднія слова, на этотъ неоконченный листъ, таращилъ глаза на эти странныя, дрожащія буквы, которыя топырились на бумагѣ, какъ маленькія щетинистыя фигуры, и въ концѣ концовъ я ничего не понималъ и не думалъ ни о чемъ.

Время шло. Я слышалъ движеніе на улицѣ, грохотъ экипажей и лошадей, изъ конюшни доносился до меня голосъ Йенса Олая, когда онъ разговаривалъ съ лошадьми. Я былъ совершенно обезсиленъ, я сидѣлъ и чмокалъ губами, но больше не предпринималъ ничего. Моя грудь была въ плачевномъ состояніи.

Начинало темнѣть, изнеможеніе все возрастало, я усталъ и снова легъ въ постель. Чтобы согрѣть руки, я перебиралъ пальцами волосы, спереди назадъ, вкривъ и вкось; при этомъ отдѣлялись маленькіе пучки, оторванные клочья, которые цѣплялись за пальцы и разсыпались по подушкѣ. Я ничего не подумалъ, какъ если бъ все это меня не касалось, вѣдь у меня было еще достаточно волосъ. Я снова пытался стряхнуть съ себя эту странную дремоту, которая разливалась по всѣмъ членамъ, какъ туманъ; я приподнялся, стучаль ладонью по колѣнямъ, усиленно кашлялъ, насколько позволяла моя грудь,—и снова упалъ навзничъ. Ничто не помогало; я безпомощно умиралъ съ открытыми глазами, устремивъ ихъ прямо

въ потолокъ. Наконецъ я сунулъ указательный палецъ въ ротъ и сталъ сосать его. Что-то начало шевелиться въ моемъ мозгу, какая-то мысль пробивалась въ немъ наружу, безумная фантазія. Не укусить ли мнѣ его? И, недолго думая, я закрылъ глаза и стиснулъ зубы.

Я вскочилъ. Наконецъ-то я проснулся. Изъ пальца сочилась кровь, и я лизалъ ее. Мнѣ не было больно, да и рана была пустячная; но я сразу пришелъ въ себя; я покачалъ головой и подошелъ къ окну, гдѣ нашель тряпочку и перевязалъ рану. Пока я возился съ этимъ, въ моихъ глазахъ появились слезы, я тихо плакалъ надъ самимъ собою. У этого исхудалаго, искусаннаго пальца былъ такой жалкій видъ. Боже правый, до чего я дошелъ!

Сумракъ сталъ гуще. Пожалуй, нѣтъ ничего невозможнаго, что къ вечеру я напишу свое заключеніе, если только у меня будетъ свѣча. Моя голова снова была ясна, мысли возникали и исчезали, какъ всегда, и я не очень страдалъ; даже голодъ ощущался не такъ сильно, какъ нѣсколько часовъ назадъ, и я могъ отлично потерпѣть до слѣдующаго дня. Можетъ-быть, мнѣ дадутъ свѣчу въ кредитъ, если я обращусь въ лавку и объясню свое положеніе. Меня тамъ хорошо знаютъ; въ лучшіе дни, когда у меня еще была возможность, я купилъ много хлѣба въ этой лавчонкѣ. Не было сомнѣнія, что я получу свѣчу на честное слово. И въ первый разъ за долгое время я принялся чистить свое платье и удалять выпавшіе волосы съ воротника моей куртки, насколько это можно было дѣлать въ темнотѣ; потомъ я ошупью пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Очутившись на улицѣ, я подумалъ, что мнѣ скорѣе слѣдовало бы попросить хлѣба. Я началъ колебаться, остановился и соображалъ. Ни въ коемъ случаѣ!—сказалъ я наконецъ самому себѣ. Къ сожалѣнію, я теперь былъ не въ такомъ состояніи, чтобы перенести пищу; иначе повторится та же исторія съ видѣніями и ошущеніями и фантастическимъ бредомъ, моя статья никогда не будетъ кончена, а необходимо было явиться къ «командиру», пока онъ не успѣлъ снова забыть меня. Ни въ коемъ случаѣ! И я остановился на свѣчѣ. Съ этимъ я вошелъ въ лавку.

У прилавка стоитъ какая-то женщина и дѣлаетъ покупки; рядомъ съ нею лежитъ множество маленькихъ свертковъ въ разной бумагѣ. Приказчикъ, знающій меня и помнящій, что я обыкновенно покупаю, оставляетъ женщину и безъ всякихъ разговоровъ заворачиваетъ въ газету хлѣбъ и кладетъ передо мною.

— Нѣтъ, мнѣ, собственно, нужна свѣча сегодня вечеромъ,— говорю я. И говорю это очень тихо и почтительно, чтобы не разсердить его и не потерять надежды на свѣчу.

Мой отвѣтъ оказывается для него неожиданнымъ, я впервые спрашивалъ у него не хлѣбъ, а другое.

— Хорошо, вамъ придется немного подождать,—говорить онъ и снова возвращается къ женщинѣ.

Она получаетъ свои покупки, расплачивается, передаетъ пять кронъ, получаетъ сдачу и уходитъ.

Теперь мы съ приказчикомъ одни.

Онъ говоритъ:

— Вамъ, значить, свѣчку.—И онъ вскрываетъ пачку свѣчей и вынимаетъ одну для меня.

Онъ смотритъ на меня, и я смотрю на него, не въ силахъ высказать свое желаніе.

— Совершенно вѣрно, вы же заплатили, — внезапно говорить онъ.

Онъ просто-напросто говоритъ, что я заплатилъ; я слышалъ каждое слово. И онъ начинаетъ отсчитывать серебро изъ ящика, крону за крону, блестящія, жирныя монеты, — онъ даетъ мнѣ сдачи съ пяти кронъ,—съ пяти кронъ женщины.

— Пожалуйста!—говоритъ онъ.

Я стою и смотрю одно мгновеніе на эти деньги, я чувствую, что тутъ какая-то ошибка, но не взвѣшиваю, рѣшительно ни о чемъ не думаю, просто впадаю въ мечтательность при видѣ этого богатства, что лежитъ и свѣтитъ мнѣ въ глаза. И я машинально собираю деньги.

Я стою у прилавка, отупѣвъ отъ изумленія, пораженный, уничтоженный; я дѣлаю шагъ къ двери и снова останавливаюсь. Я устремляю взглядъ на одно опредѣленное мѣсто на стѣнѣ; тамъ виситъ маленькій колокольчикъ на кожаномъ ошейникѣ и подъ нимъ связка веревокъ. И я стою и смотрю на эти вещи.

Такъ какъ я медлю, приказчикъ думаетъ, что я хочу вступить въ бесѣду, и, складывая пачки оберточной бумаги, которую онъ передвигаетъ на другое мѣсто на прилавкѣ, говоритъ:

— Похоже, скоро будетъ зима.

— Гм!.. Да,—отвѣчаю я:—похоже, что скоро зима. Похоже на то. — И немного спустя я прибавляю:—Ахъ, вѣдь и пора. Но дѣйствительно похоже на то. Впрочемъ, уже совсѣмъ пора.

Я прислушивался къ этой своей болтовнѣ, но каждое свое слово воспринималъ такъ, какъ если бъ оно исходило отъ другого лица.

— Да, вы находите?—говорить приказчикъ.

Я сунуль деньги въ карманъ, взялся за ручку двери и ушелъ; я слышалъ, что я пожелалъ спокойной ночи, и что приказчикъ отвѣтилъ.

Не успѣлъ я сдѣлать двухъ шаговъ отъ лавки, какъ дверь быстро открылась, и приказчикъ окликнулъ меня. Я обернулся безъ изумленія, безъ тѣни страха; я только собралъ деньги въ руку и готовъ былъ отдать ихъ.

— Пожалуйста, вы забыли вапу свѣчу, — говоритъ приказчикъ.

— Ахъ, спасибо!—спокойно отвѣчаю я.—Спасибо! Спасибо!

И я снова шелъ по улицѣ, держа свѣчку въ рукѣ.

Моя первая сознательная мысль касалась денегъ. Я подошелъ къ фонарю и снова сосчиталъ ихъ, взвѣсилъ на рукѣ и улыбнулся. Вотъ я все-таки богато обезпеченъ, великолѣпно, поразительно обезпеченъ на долгое, долгое время! И я снова сунуль руку съ деньгами въ карманъ и пошелъ.

Я остановился у столовой на Большой улицѣ и хладнокровно и спокойно соображалъ, смѣю ли немедленно съѣсть маленькій завтракъ. Я слышалъ звонъ тарелокъ и ножей и стукъ отбиваемой говядины; это было для меня слишкомъ большимъ искушеніемъ, и я вошелъ.

— Бифштексъ!—говорю я.

— Одинъ бифштексъ!—крикнула дѣвушка въ оконце.

Я сѣлъ за отдѣльный маленькій столикъ у самыхъ дверей и ждалъ. Было нѣсколько темно, гдѣ я сидѣлъ, я чувствовалъ себя въ закрытіи и принялся думать. Отъ поры до времени дѣвушка взглядывала на меня нѣсколько любопытными глазами.

Мой первый подлинно безчестный поступокъ былъ совершенъ, моя первая кража, въ сравненіи съ которой всѣ мои прежнія шутки были не въ счетъ; мое первое маленькое, великое паденіе... Отлично! Съ этимъ нечего было дѣлать. Впрочемъ, все зависѣло отъ меня, впоследствии я могъ сосчитаться съ лавочникомъ, позднѣе, когда у меня будетъ болѣе удобный случай. Это еще не значило, что я долженъ пойти дальше по этому пути; кромѣ того, я не обязанъ жить честнѣе остальныхъ людей, я ни съ кѣмъ не уговаривался...

— Какъ вы думаете, бифштексъ будетъ скоро?

— Да, скоро.—Дѣвушка открываетъ оконце и смотритъ въ кухню.

Но если дѣло выйдетъ наружу? Если у приказчика возникнетъ подозрѣніе, если онъ начнетъ думать объ исторіи съ хлѣбомъ, о пяти кронахъ, съ которыхъ женщина получила сдачи? Нѣтъ ничего невозможнаго, что когда-нибудь онъ спо-

хватится, пожалуй, въ ближайшій разъ, когда я зайду къ нему. Ну, и что же, Господи!.. Я украдкой пожалъ плечами.

— Пожалуйста!—привѣтливо говоритъ дѣвушка и ставитъ бифштексъ на столъ.—Но не лучше ли вамъ пойти въ другую комнату? Здѣсь такъ темно.

— Нѣтъ, спасибо, позвольте мнѣ остаться здѣсь,—говорю я.

Ея привѣтливость вдругъ растрогала меня, я тотчасъ же плачу за бифштексъ, даю ей наудачу, что попало мнѣ въ карманѣ, и зажимаю ей руку. Она улыбается, и я шутя, съ влажными глазами, говорю:—На остатокъ купите себѣ усадьбу... Ахъ, пожалуйста!

Я началъ ѣсть, становился все жаднѣе и жаднѣе и проглатывалъ большіе куски, не пережевывая ихъ. Я разрывалъ говядину, какъ людоѣдъ.

Дѣвушка снова подходитъ ко мнѣ.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить?—говоритъ она и нѣсколько нагибается ко мнѣ.

Я взглянулъ на нее; она говорила очень тихо, почти стыдливо; она опустила глаза.

— Я разумѣю полбутылки пива, или что хотите... отъ меня... кромѣ того... если вы хотите...

— Нѣтъ, спасибо!—отвѣтилъ я. — Не теперь. Я зайду въ другой разъ.

Она отошла и сѣла за прилавкомъ; я видѣлъ только ея голову. Поразительный человекъ!

Кончивъ ѣсть, я тотчасъ же направился къ выходу. Я уже почувствовалъ тошноту. Дѣвушка встала. Я боялся оказаться въ освѣщенномъ мѣстѣ, боялся слишкомъ близко подойти къ молодой дѣвушкѣ, которая и не подозрѣвала моей нищеты, и поэтому быстро пожелалъ спокойной ночи, поклонился и вышелъ.

Пища начала дѣйствовать, я очень страдалъ отъ нея и я не могъ долго удержать ее. Я шелъ и выбрасывалъ ее въ каждомъ темномъ углу, мимо котораго проходилъ, старался подавить тошноту, которая снова оставляла мой желудокъ пустымъ, сжималъ кулаки и дѣлалъ надъ собой усиліе, топалъ о землю и съ бѣшенствомъ глоталъ то, что готово было вырваться изо рта — напрасно! Наконецъ я вбѣжалъ въ чьи-то ворота, согнувшись, ослѣпнувъ отъ брызнувшихъ изъ моихъ глазъ слезъ, и снова выбросилъ все.

Я былъ огорченъ, шелъ по улицѣ и плакалъ, проклиналъ чудовищныя силы, кто бы онѣ ни были, за то, что онѣ такъ горько преслѣдовали меня, призывалъ на нихъ проклятіе ада и вѣчныя мученія за ихъ подлость. Признаться, судьба не отли-

чается особеннымъ рыцарскимъ великодушiемъ, право, далеко не отличается рыцарскимъ великодушiемъ!.. Я подошелъ къ какому-то человѣку, который стоялъ и смотрѣлъ въ окно лавочки, и наскоро спросилъ, что на его взглядъ нужно дать человѣку, долго терпѣвшему голодъ. Дѣло шло о жизни, — сказалъ я, — бифштекса онъ не переносилъ.

— Я слышалъ, что хорошо молоко, кипяченое молоко, — отвѣчаетъ человѣкъ въ крайнемъ изумленiи. — Для кого вы спрашиваете?

— Спасибо! Спасибо!—говорю я.—Возможно, что и хорошо кипяченое молоко.

И я ухожу.

Я вхожу въ первую попавшуюся кофейню и спрашиваю кипяченаго молока. Я получилъ молоко, пилъ его самымъ горячимъ, жадно глоталъ каждую каплю, расплатился и снова пошелъ. Я направился домой.

И вотъ случилось нѣчто поразительное. У моихъ воротъ, прислонившись къ фонарю и освѣщенный имъ, стоитъ человѣкъ, котораго я различаю уже издали, — это опять дама въ черномъ. Та же самая дама въ черномъ, что и въ прежнiе вечера. Нельзя было ошибиться, она пришла на то же самое мѣсто въ четвертый разъ. Она стоитъ совершенно неподвижно.

Я нахожу это столь страннымъ, что невольно замедляю шагъ; въ это мгновенiе мои мысли въ полномъ порядкѣ, но я очень возбужденъ, мои нервы были раздражены послѣдней ѣдой. Я, какъ всегда, прохожу мимо нея, дохожу почти до воротъ и собираюсь войти. Но вотъ я останавливаюсь. Меня вдругъ осяняетъ вдохновенiе. Не давая себѣ отчета, я поворачиваю и направляюсь прямо къ дамѣ, я смотрю ей въ лицо и клянюсь:

— Добрый вечеръ, фркенъ!

— Добрый вечеръ!—отвѣчаетъ она.

— Виноватъ, она кого-нибудь ищетъ? Я ее раньше замѣтилъ; не могу ли я быть чѣмъ-нибудь полезенъ? Впрочемъ, очень прошу извинить меня.

Да, она сама не знала...

За этими воротами никто не жилъ, кромѣ трехъ-четырехъ лошадей и меня; здѣсь была конюшня и мастерская жестяника. Она, конечно, заблуждалась, если она искала кого-нибудь здѣсь.

Тогда она отворачиваетъ лицо и говоритъ:

— Я никого не ищу, я просто стою здѣсь.

Вотъ какъ, она просто стояла, стояла нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ, просто изъ прихоти. Это было нѣсколько странно;

я думалъ объ этомъ, и дама приводила меня все въ большее и большее недоумѣніе. Тогда я рѣшилъ быть смѣлѣе. Я звякнулъ моими деньгами въ карманѣ и, недолго думая, предложилъ ей пойти куда-нибудь со мною выпить стаканъ вина... принимая во вниманіе, что настала зима, хе-хе... Для этого не нужно много времени... Но она, конечно, не хочетъ?

Ахъ, нѣтъ, спасибо, невозможно. Нѣтъ, она не могла согласиться. Но если бъ я былъ добръ проводить ее немного, тогда... Было довольно темно идти домой, и она стѣснялась проходить одной по Карлу-Югану въ такое позднее время.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Мы двинулись въ путь; она шла справа. Своеобразное, тонкое чувство овладѣло мной,—сознаніе, что находишься въ со-сѣдствіи съ молодой дѣвушкой. Я шелъ и всю дорогу смотрѣлъ на нее. Духи въ ея волосахъ, тепло, которымъ дышало ея тѣло, этотъ запахъ женщины, сопровождавшій ее, сладостное дыханіе всякій разъ, когда она поворачивалась ко мнѣ лицомъ, — все это сообщалось мнѣ, неудержимо проникало во всѣ мои чувства. Я могъ пока различить полное, нѣсколько блѣдное лицо подъ вуалью и высокую грудь, выступавшую изъ-подъ накидки. Мысль объ этомъ скрытомъ великолѣпнѣи, которое мнѣ чудилось подъ накидкой и вуалью, смущала меня, дѣлала меня, безъ всякой опредѣленной причины, идиотски счастливымъ; я уже не вытерпѣлъ, я коснулся ея рукою, дотронулся до ея плеча и туно улыбнулся. Я слышалъ, какъ билось мое сердце.

— Какая вы странная!—сказалъ я.

— Да почему же?

Да, во-первыхъ, потому, что у нея была привычка неподвижно стоять у двери въ конюшню по вечерамъ, безъ малѣйшей надобности, только потому, что ей это приходило въ голову...

Ну, у нея могли быть свои основанія; кромѣ того, она любила быть на ногахъ до поздней ночи, ей это всегда очень нравилось. Развѣ я старался ложиться до двѣнадцати?

Я? Для меня нѣтъ ничего болѣе ненавистнаго, какъ ложиться раньше двѣнадцати часовъ ночи. Хе-хе!

Хе-хе, вотъ, видите! Значитъ, она предпринимала эту вечернюю прогулку, потому что ей нечего было терять; она жила на площади Св. Олафа...

— Илаяли!—воскликнулъ я.

— Чтò такое?

— Я просто сказалъ—Илаяли... Хорошо, продолжайте!

Она жила на площади Св. Олафа, совѣмъ одна, со своей

матерью, съ которой нельзя было говорить, потому что она глухая. Развѣ странно, что ей хотѣлось походить?

— Нисколько!—отвѣтилъ я.

— Хорошо, что же тогда?

По ея голосу я могъ слышать, что она улыбалась.

— Развѣ у нея нѣтъ сестеръ?

Да, одна сестра, старше ея — откуда я зналъ? — Но она уѣхала въ Гамбургъ.

— Недавно?

Да, пять недѣль тому назадъ. Откуда мнѣ было извѣстно, что у нея была сестра?

— Мнѣ это вовсе неизвѣстно, я просто спросилъ.

Мы замолчали. Какой-то человѣкъ проходитъ мимо насъ съ парой бабмаковъ подъ мышкой, и дальне улица пуста, насколько мы можемъ видѣть. У Тиволи, вдали, свѣтитъ длинный рядъ разноцвѣтныхъ фонариковъ. Снѣгъ пересталъ, небо было ясное.

— Господи, вамъ не холодно безъ пальто?—говоритъ дама неожиданно и смотреть на меня.

Разсказать, почему у меня не было пальто? Сейчасъ же открыть ей свое положеніе и испугать ее лучше сразу, чѣмъ позже? Но было такъ сладостно итти рядомъ съ нею и держать ее въ невѣдѣніи еще одно мгновенье. Я солгалъ, я сказалъ:

— Нѣтъ, нисколько.—И, чтобы перейти къ чему-нибудь другому, я спросилъ:—Вы видѣли звѣринецъ въ Тиволи?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Что-нибудь особенное?

Если бъ ей вздумалось отправиться туда? Въ этотъ свѣтъ, въ эту большую толпу людей! Ей было бы слишкомъ стыдно, я выгналъ бы ее оттуда моимъ худымъ платьемъ, моимъ исхудалымъ лицомъ, которое даже было немыто цѣлыхъ два дня; она, пожалуй, даже открыла бы, что у меня нѣтъ жилета...

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣтилъ я поэтому: — тамъ рѣшительно нечего смотрѣть.—И мнѣ пришло въ голову множество счастливыхъ вещей, которыми я сейчасъ же воспользовался, пара скудныхъ словъ, остатокъ моего истощеннаго мозга:—Что смотрѣть въ такомъ крошечномъ звѣринцѣ? И вообще я не любилъ смотрѣть звѣрей въ клѣткахъ. Эти звѣри знаютъ, что человѣкъ стоитъ и смотритъ на нихъ; они чувствуютъ сотни любопытныхъ глазъ, и это дѣйствуетъ на нихъ. Нѣтъ, я предпочитаю звѣрей, которые не знаютъ, что на нихъ смотрятъ, робкихъ тварей, которыя возятся въ своей берлогѣ, лежатъ со своими сонными зелеными глазами, лижутъ свои лапы и думаютъ. Что?

— Да, я, конечно, былъ правъ.

Только животное со всёми его особеннымъ ужасомъ и его особенной дикостью чего-нибудь стоить. Безшумные, крадущиеся шаги въ ночной темнотѣ, шумъ и жуткая чаща лѣса, крики пролетающихъ птицъ, вѣтеръ, запахъ крови, гулъ въ пространствѣ, однимъ словомъ, духъ животнаго царства въ животномъ...

Но я боялся, какъ бы это не наскучило ей, и чувство моей глубокой нищеты снова овладѣло мной и раздавило меня. Будь я мало-мальски прилично одѣтъ, я могъ бы предложить ей пріятную прогулку въ Тиволи! Я не понималъ этой женщины, которая могла находить какое-то удовольствіе въ томъ, что по всему Карлу-Югану ее провожалъ полуголый нищій. О чемъ она думала? И зачѣмъ я шелъ здѣсь и притворялся и идиотски улыбался безъ всякаго повода? Развѣ у меня было какое-нибудь разумное основаніе тащиться такъ далеко за этой нѣжной птичкой? Развѣ мнѣ это не стоило труда? Развѣ я не чувствовалъ смертельнаго холода въ глубинѣ своего сердца при малѣйшемъ порывѣ вѣтра, который дулъ намъ въ лицо? И развѣ безуміе уже не гремѣло въ моемъ мозгу отъ недостатка пищи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ подъ-рядъ? Вѣдь она не давала мнѣ пойти домой и смочить языкъ глоткомъ молока, ложкой молока, которое, пожалуй, удержалось бы во мнѣ. Почему она не повернулась ко мнѣ спиною и не отправила меня къ чорту?..

Я былъ въ отчаяніи; моя безнадежность довела меня до крайности, и я сказалъ:

— Вамъ, въ сущности, не слѣдовало бы ходить со мною, фрѣкенъ; я уже однимъ моимъ платьемъ позорю васъ на виду у всѣхъ. Да, это дѣйствительно вѣрно; я такъ думаю.

Она озадачена. Она быстро взглядываетъ на меня и молчитъ. Потомъ она говоритъ:

— Но, Боже мой!—Больше она ничего не говоритъ.

— Чтò вы этимъ хотите сказать?—спросилъ я.

— Ахъ, нѣтъ, не говорите такъ... Теперь уже недалеко.

И она пошла нѣсколько скорѣе.

Мы сворачиваемъ на Университетскую улицу и уже видимъ фонари на площади Св. Олафа. Она снова замедлила шагъ.

— Я не хочу быть нескромнымъ, но не хотите ли вы сказать ваше имя, прежде чѣмъ намъ разстаться? И не снимите ли на одно мгновеніе вашу вуаль, чтобъ я могъ взглянуть на васъ? Я вамъ былъ бы такъ благодаренъ.

Молчаніе. Я шелъ и ждалъ.

— Вы уже видѣли меня,—отвѣчаетъ она.

— Илаяли!— снова говорю я.

— Вы преслѣдовали меня цѣлыхъ полъ-дня, до самаго дома. Вы были пьяны тогда?

Я снова слышалъ, что она улыбалась.

— Да,— сказалъ я: — да, къ сожалѣнію, я былъ пьянъ въ тотъ разъ.

— Съ вашей стороны это было гадко!

И, раздавленный, я сознался, что съ моей стороны это было гадко.

Мы пришли къ фонтану, мы останавливаемся и смотримъ вверхъ на рядъ освѣщенныхъ оконъ въ номеръ 2-мъ.

— Дальше вамъ нельзя провожать меня,— говоритъ она:— спасибо за сегодняшній вечеръ!

Я опустилъ голову, я не смѣлъ говорить. Я снялъ шляпу и стоялъ съ обнаженной головой. Неужели она протянетъ мнѣ руку?

— Почему вы не просите меня, чтобъ я прошла съ вами немного назадъ?— шуточно говоритъ она и смотритъ на носки своихъ башмаковъ.

— Боже мой,— отвѣчаю я:— если бъ вы сдѣлали это!

— Хорошо, но только маленькій кусочекъ.

И мы повернули.

Я былъ крайне смущенъ, я совсѣмъ не зналъ, идти ли мнѣ или стоять; эта женщина окончательно перевернула весь ходъ моей мысли. Я былъ восхищенъ, поразительно радостенъ; казалось, я гибну отъ счастья. Она опредѣленно хотѣла пойти назадъ, это была не моя выдумка, это было ея собственное желаніе. Я иду и смотрю на нее и становлюсь все смѣлѣе и смѣлѣе, она ободряетъ меня, привлекаетъ меня къ себѣ каждымъ словомъ. На одно мгновеніе я забываю мою бѣдность, мое ничтожество, все мое жалкое существованіе, я чувствую, какъ кровь теплой волной разливается по моему тѣлу, какъ въ старые дни, когда былъ полонъ силъ, и я рѣшилъ добытъ кое-какія свѣдѣнія маленькой хитростью.

— Впрочемъ, я тогда преслѣдовалъ не васъ,— сказалъ я:— а вашу сестру.

— Мою сестру? — говоритъ она въ крайнемъ изумленіи.

Она останавливается, смѣтритъ на меня, дѣйствительно ждетъ отвѣта. Она спросила самымъ серьезнымъ образомъ:

— Да,— отвѣтилъ я. — Гм! Я хочу сказать, младшую изъ двухъ дамъ, шедшихъ впереди меня.

— Младшую? Ого! — Она вдругъ засмѣялась громко, сердчно, какъ ребенокъ. — Какой вы хитрый! Вы это сказали, чтобы заставить меня снять вуаль. Нѣтъ? Да, я отлично поняла. Но вамъ этого не дожидаться... въ наказаніе.

Мы начали смѣяться и шутить, мы все время бесѣдовали безъ умолку, я не зналъ, что говорилъ, мнѣ было такъ радостно. Она рассказала, что видѣла меня какъ-то въ театрѣ, много времени тому назадъ. Я былъ съ тремя товарищами и велъ себя, какъ сумасшедшій; очевидно, я былъ пьянъ и въ этотъ разъ, къ сожалѣнью.

— Почему она думала?

— Да я такъ смѣялся.

— Вотъ какъ. Да, я много смѣялся въ то время.

— А больше нѣтъ?

— О, да, теперь тоже. Было такъ прекрасно жить!

Мы подошли къ Карлу-Югану. Она сказала:

— Дальше не пойдѣмъ!

И мы повернули назадъ и снова пошли по Университетской улицѣ. Когда мы снова пришли къ фонтану, я нѣсколько замедлил шагъ, я зналъ, что мнѣ нельзя будетъ провожать ее дальше.

— Теперь вамъ пора отправиться назадъ, — сказала она и остановилась.

— Да, пора, — отвѣтилъ я.

Но немного спустя она рѣшила, что я могу проводить ее до подъѣзда.

— Господи, вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Да?

— Конечно, нѣтъ, — сказалъ я.

Но, когда мы стояли у подъѣзда, моя ницета снова обрушилась на меня. Какъ тутъ было сохранить бодрость духа, разъ человѣкъ былъ такъ горько обездоленъ? Я стоялъ передъ молодою дѣвушкой, грязный, надорванный, обезображенный голодомъ, невымытый, полуодѣтый, — лучше было провалиться сквозь землю. Я съежился, невольно присѣлъ и сказалъ:

— Я больше не увижусь съ вами?

У меня не было никакой надежды получить позволеніе увидѣться съ нею снова; я почти желалъ рѣзкаго отказа, который приободрилъ бы и оставилъ бы меня безразличнымъ.

— Да, — сказала она.

— Когда?

— Не знаю.

Молчаніе.

— Вы не хотите снять вуаль только на одинъ единственный мигъ, — сказалъ я: — чтобы я могъ увидѣть, съ кѣмъ я говорилъ? На одинъ мигъ! Чтобы я могъ видѣть, съ кѣмъ я говорилъ.

Молчаніе.

— Вы можете встрѣтить меня здѣсь во вторникъ вечеромъ, — говоритъ она. — Хотите?

— Да, милая, если только можно!

— Въ восемь часовъ.

— Хорошо.

Я провелъ рукой по ея накидкѣ, смахнулъ съ нея снѣгъ, просто чтобы найти предлогъ коснуться ея; мнѣ было радостно чувствовать ея близость.

— Значить, вы не подумаете обо мнѣ слишкомъ дурно, — сказала она. Она снова улыбнулась.

— Нѣтъ..

Вдругъ она сдѣлала рѣшительное движеніе и закинула вуаль на лобъ; мы стояли и одно мгновеніе смотрѣли другъ на друга.

— Илаяли! — сказала я.

Она приподнялась, обвила руками мою шею и поцѣловала меня въ губы. Одинъ единственный разъ, быстро, головокружительно быстро, прямо въ губы. Я чувствовалъ, какъ вздымалась ея грудь, она порывисто дышала.

И она тотчасъ же вырвалась изъ моихъ рукъ, крикнула: — «Спокойной ночи!» — задыхаясь, шопотомъ, повернулась и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ, не сказавъ больше ни слова...

Входная дверь закрылась.

На слѣдующій день снѣгъ падалъ еще сильнѣе, тяжелый, смѣшанный съ дождемъ снѣгъ, большими хлопьями, которые падали на землю и превращались въ грязь. Погода была суровая и холодная.

Я проснулся очень рано, со страшной путаницей въ головѣ отъ вчерашняго душевнаго волненія, съ опьяненнымъ прекрасною встрѣчею сердцемъ. Въ своемъ восхищеніи, я нѣкоторое время лежалъ съ открытыми глазами и представлялъ Илаяли рядомъ со мною; я раскрылъ руки, обнималъ самого себя и цѣловалъ воздухъ. Наконецъ я всталъ, вышелъ новую чашку молока и вскорѣ послѣ этого съѣлъ бифштексъ, и я больше не былъ голоденъ; только мои нервы снова были сильно возбуждены.

Я отправился къ торговцу готовымъ платьемъ. Мнѣ пришло въ голову, что я, пожалуй, могъ бы получить поношенный жилетъ по дешевой цѣнѣ, лишь бы поддѣть что-нибудь подъ куртку, все равно, чтѣ. Я поднялся по лѣстницѣ къ базару, нашелъ одинъ жилетъ и началъ осматривать его. Пока я возился съ этимъ, мимо меня прошелъ знакомый; онъ кивнулъ и крикнулъ мнѣ, я повѣсилъ жилетъ и подошелъ къ нему. Онъ былъ техникъ и направлялся въ контору.

— Пойдемъ, выпьемъ по стакану пива, — сказалъ онъ. — Но только скорѣе, мнѣ некогда... Что это за дама, съ которой вы гуляли вчера вечеромъ?

— Послушайте, — сказалъ я, ревнуя уже къ одной его мысли:—можетъ-быть, она моя возлюбленная?

— Чортъ возьми, — сказалъ онъ.

— Да, это рѣшилось вчера вечеромъ.

Я сразилъ его, онъ безусловно повѣрилъ мнѣ.

Я солгалъ ему, чтобы отдѣлаться отъ него; мы получили пиво, выпили и ушли.

— До свиданія!.. Послушайте, — сказалъ онъ вдругъ: — я вамъ долженъ нѣсколько кронъ, и мнѣ стыдно, что я все еще не вернулъ ихъ. Но вы получите ихъ въ самомъ недалекомъ будущемъ.

— Спасибо, — отвѣтилъ я. Но я зналъ, что онъ никогда не вернетъ мнѣ этихъ кронъ.

Къ сожалѣнію, пиво тотчасъ же ударило мнѣ въ голову, мнѣ стало очень жарко. Мысль о вечернемъ приключеніи всецѣло овладѣла мной, почти окончательно сбила меня съ толку. Если она во вторникъ не придетъ! Если она начала взвѣшивать все это, относиться съ подозрѣніемъ!.. Относиться съ подозрѣніемъ къ чему?.. Моя мысль вдругъ совершенно ожила и начала вращаться вокругъ денегъ. Я испугался, мнѣ стало смертельно страшно за себя. Воровство всплыло передо мною со всѣми своими подробностями; я видѣлъ маленькую лавочку, прилавокъ, свою худую руку, когда я хваталъ деньги, и нарисовалъ себѣ образъ дѣйствія полиціи, когда она явится схватить меня. Кандалы на рукахъ и ногахъ. Нѣтъ, на одѣхъ рукахъ, можетъ-быть, только на одной рукѣ; рѣшетка, протоколъ дежурнаго, скрипъ его пера, его взглядъ, его опасный взглядъ. Ну, г. Тангенъ? Одиночная камера, вѣчный мракъ...

Гм! Я крѣпко сжалъ кулаки, чтобы пріободрить себя, шелъ все быстрѣе и быстрѣе и выбрался на Большую площадь. Здѣсь я присѣлъ.

Долой дѣтскія шутки! Кто могъ бы доказать, что я кралъ? Кромѣ того, лавочникъ не посмѣетъ поднимать шумъ, даже если онъ вспомнитъ, какъ было дѣло; онъ слишкомъ дорожилъ своимъ мѣстомъ. Никакого шума, никакихъ сценъ, смѣю васъ просить!

Но эти деньги все-таки отчасти тяготили мой карманъ и не давали мнѣ покоя. Я началъ разбираться въ себѣ и нагляднѣйшимъ образомъ установилъ, что раньше я былъ счастливѣе, въ тѣ дни, когда я страдалъ съ незаметной

совѣстью. А Илаяли! Развѣ я не увлекъ ее въ грязь своими грѣшными руками! Господи, Господи Боже мой! Илаяли!

Я показался себѣ отвратительнымъ чудовищемъ, неожиданно вскочилъ и пошелъ прямо къ торговкѣ сластями у аптеки. Я могъ еще смыть позоръ, было далеко не поздно, я покажу всему свѣту, на что я способенъ! По дорогѣ я приготовилъ деньги, держалъ ихъ до послѣдней полушки въ рукѣ; я нагнулся надъ лоткомъ женщины, точно я хотѣлъ купить что-нибудь, и, недолго думая, сунулъ деньги ей въ руку. Я не сказалъ ни слова, я тотчасъ же ушелъ.

Какая поразительная отрада снова стать честнымъ человѣкомъ! Мои пустые карманы больше не беспокоили меня, мнѣ было приятно быть снова чистымъ. Строго подумавъ, всѣ эти деньги, въ сущности, стоили мнѣ много тайной горечи, а дѣйствительно вспоминалъ ихъ съ неизмѣнной дрожью; я не черствая душа, моя честная природа была возмущена низкимъ поступкомъ, хе-хе! Слава Богу, я возвысился въ своихъ собственныхъ глазахъ.

— Слѣдуйте моему примѣру!—сказалъ я и смотрѣлъ на кишущую народомъ площадь:—слѣдуйте моему примѣру! Я осчастливилъ старую, бѣдную торговку сластями, это ли не дѣло; она была въ безвыходномъ положеніи. Сегодня вечеромъ ея дѣти не лягутъ голодными...

Я утѣшалъ себя этими мыслями и находилъ, что мое поведение было выше всякихъ похвалъ. Слава Богу, я сбылъ эти деньги съ рукъ.

Опьяненный и нервный, я шелъ по улицѣ и воскресалъ. Радость, что я могу пойти къ Илаяли чистымъ и честнымъ и смотрѣть ей прямо въ глаза, въ моемъ опьяненіи всецѣло увлекала меня; у меня больше не было ни малѣйшей боли, моя голова была ясна и пуста, казалось, что на плечахъ сіяла голова изъ чистаго свѣта. Мнѣ хотѣлось шутить, выкидывать поразительныя штуки, перевернуть весь городъ, произвести шумъ. По всему Грендсену я велъ себя, какъ сумасшедшій; въ ухахъ у меня слегка шумѣло, и опьяненіе бушевало въ моемъ мозгу. Воодушевленный безумной отвагой, я рѣшилъ сообщить, сколько мнѣ лѣтъ, разсыльному, который, впрочемъ, не сказалъ ни слова, взять его за руку пристально посмотреть ему въ лицо и снова оставить его безъ всякаго объясненія. Я различалъ оттѣнки въ голосахъ и смѣхѣ прохожихъ, наблюдалъ за маленькими птичками, прыгавшими передо мной на улицѣ, сталъ изучать выраженіямъ на мостовой и находилъ въ нихъ различные знаки и поразительныя фигуры. И вотъ я пришелъ къ площади у стортинга.

Я вдруг останавливаюсь и смотрю вниз на извозчиковъ. Кучера расхаживаютъ кругомъ и бесѣдуютъ, лошади стоятъ, опустивъ головы отъ скверной погоды. Ступай!—сказалъ я и подтолкнулъ себя локтями. Я быстро подошелъ къ первой каретѣ и сѣлъ. — «Уллевольдсвейенъ 37!» — крикнулъ я. И мы поѣхали.

По дорогѣ кучеръ началъ оглядываться назадъ, нагибаться и заглядывать въ карету, гдѣ я сидѣлъ, закрывшись. У него возникло подозрѣніе? Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что мое скверное платье обратило на себя его вниманіе.

— Мнѣ нужно навѣстить одного господина! — крикнулъ я ему, чтобы предупредить его. И я убѣдительно объясняю ему, что мнѣ необходимо навѣстить этого господина.

Мы останавливаемся у 37-го, я выскакиваю, бѣгу по лѣстницѣ до самаго третьяго этажа, хватаю сокетку и дергаю; звонокъ внутри дѣлаетъ шесть-семь отчаянныхъ ударовъ.

Является горничная и открываетъ; я обращаю вниманіе, что у нея золотыя серьги въ ушахъ и черныя пуговицы въ сѣрой блузкѣ. Она испуганно смотритъ на меня.

Я спрашиваю Кьерульфа, Іоахима Кьерульфа, если можно такъ выразиться, торгующаго шерстью, однимъ словомъ, его нельзя смѣшать съ другимъ...

Горничная качаетъ головой.

— Кьерульфъ здѣсь не живетъ,—говоритъ она.

Она смотритъ на меня, собирается закрыть дверь. Она безъ малѣйшаго труда справляется съ этимъ именемъ; казалось, она дѣйствительно знаетъ человѣка, котораго я ишу, стѣигъ ей только вспомнить, бездѣльницѣ. Я разсердился, повернулся къ ней спиной и побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

— Его здѣсь нѣтъ!—крикнулъ я извозчику.

— Его здѣсь нѣтъ?

— Нѣтъ. Поѣзжайте Томтегаде, номеръ 11.

Я былъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи и отчасти заразилъ имъ кучера; онъ, очевидно, подумалъ, что дѣло шло о жизни, и онъ тотчасъ же поѣхалъ. Онъ сильно подгонялъ лошадей.

— Какъ зовутъ этого господина? — спросилъ онъ и обернулся на козлахъ.

— Кьерульфъ, торговецъ шерстью, Кьерульфъ.

И кучеру также казалось, что этого человѣка нельзя было смѣшать съ другимъ. Не носилъ ли свѣтлой куртки?

— Чтò такое? — крикнулъ я: — свѣтлой куртки? Вы съ ума сошли? Вы думаете, я спрашиваю чашку чаю? Эта свѣтлая куртка явилась мнѣ весьма некстати, испортила мнѣ всего человѣка, какимъ его представлялъ.

— Какъ, бишь; его звали? Кьерульфъ?

— Ну да,—отвѣтилъ я:—что же тутъ страннаго? Имя никому не въ укоръ.

— У него не рыжіе волосы?

Очень возможно, что у него были рыжіе волосы, и когда кучеръ упомянулъ объ этомъ, я вдругъ твердо рѣшилъ, что онъ былъ правъ. Я былъ признателенъ этому бѣдному извозчику и сказалъ ему, что онъ сразу отгадалъ этого человѣка; все было такъ, какъ онъ говорилъ; было бы очень странно,—сказалъ я,—видѣть такого человѣка не съ рыжими волосами.

— Очевидно, его - то я возилъ два раза, — сказалъ кучеръ.—У него еще была суковатая палка.

При этомъ мой человѣкъ всталъ предо мною, какъ живой, и я сказалъ:

— Хе-хе, еще никто не видалъ этого господина безъ суковатой палки въ рукѣ. Настолько-то вы можете быть спокойны, совершенно спокойны.

Да, ясное дѣло, это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ возилъ. Онъ узналъ его...

И мы ѣхали такъ, что отъ подковъ сыпались искры.

Въ этомъ возбужденномъ состояніи я ни на мигъ не потерялъ присутствія духа. Мы проѣзжаемъ мимо полицейскаго, и я обращаю вниманіе, что у него номеръ 69. Это число поражаетъ меня съ ужасающей мѣткостью, вдругъ вонзается въ мой мозгъ, какъ заноза. 69, точно 69, я не забуду!

Я откинулся въ пролеткѣ, весь добыча безумнѣйшихъ фантазій, съежился подъ смоленнымъ верхомъ, чтобы никто не видѣлъ, какъ я шевелилъ губами, и началъ идиотски разговаривать съ самимъ собой. Безуміе неистовствуетъ въ моемъ мозгу, и я даю ему волю, я вполне сознаю, что сталъ жертвой вліяній, противостоять которымъ не въ силахъ. Я началъ смѣяться, безмолвно и страстно, безъ малѣйшаго повода, все еще веселый и пьяный отъ двухъ выпитыхъ стакановъ пива. Мало-по-малу мое возбужденіе проходитъ, я все болѣе и болѣе успокаиваюсь. Я чувствую холодъ въ моемъ раненомъ пальцѣ и кладу его за воротъ рубахи, чтобы согрѣть немного. И вотъ мы пріѣхали на Томтегаде. Кучеръ останавливается.

Я выхожу изъ кареты, не торопясь, ни о чемъ не думая, расслабленный, съ тяжелой головой. Я вхожу въ подъѣздъ, иду во дворъ, прохожу его наискосокъ, натыкаюсь на дверь, открываю ее и попадаю въ сѣни, въ своего рода переднюю въ два окна. Тамъ стоятъ два сундука, одинъ на другомъ, въ одномъ углу, и у продольной стѣны старая, некрашенная ска-

мейка со спинкой, покрытая ковромъ. Направо, въ сосѣдней комнатѣ, я слышу голоса и дѣтскій крикъ, а надо мной, во второмъ этажѣ, звонъ желѣзной полосы, которую куютъ. Все это я замѣчаю, какъ только вхожу.

Я преспокойно иду по комнатѣ къ противоположной двери, не торопясь, не думая о бѣгствѣ, открываю ее и выхожу на другую улицу. Я смотрю на домъ, сквозь который только-что прошелъ, и читаю на дверяхъ: «Столъ и комнаты для приѣзжающихъ».

У меня нѣтъ желанія бѣжать, скрыться отъ извозчика, который ждалъ меня; я преспокойно иду по улицѣ, безъ страха, не чувствуя за собой ничего дурного. Кьерульфъ, этотъ торговецъ шерстью, такъ долго занимавшій мой мозгъ, человѣкъ, въ существованіе котораго я вѣрилъ и котораго мнѣ нужно было посѣтить, исчезъ изъ моихъ мыслей, испарился вмѣстѣ съ другими сумасшедшими выдумками, которыя появлялись и исчезали поочередно; онъ мелькалъ передо мною лишь какъ смутный образъ, воспоминаніе.

Чѣмъ дальше я шель, тѣмъ я становился трезвѣе и трезвѣе, я чувствовалъ тяжесть и усталость и еле волочилъ ноги. Снѣгъ продолжалъ падать большими мокрыми хлопьями. Наконецъ я вышелъ на Грѣнландъ, къ самой церкви, гдѣ я присѣлъ на скамейку отдохнуть. Всѣ прохожіе съ большимъ изумленіемъ смотрѣли на меня. Я погрузился въ раздумье.

Великій Боже, какъ я былъ обездоленъ! Вся моя жалкая жизнь такъ глубоко постыла мнѣ и утомила меня, что больше не стоило труда бороться, чтобы поддерживать ее. Неудачи пересилили меня, онѣ были слишкомъ жестоки; я былъ такъ ощутительно разбитъ, какъ жалкая тѣнь того, чѣмъ я былъ когда-то. Мои плечи опустились на одинъ бокъ, и у меня выработалась привычка сильно подаваться впередъ на ходу, чтобы облегчить грудь, сколько могъ. Я изслѣдовалъ свое гѣло два дня тому назадъ, какъ-то въ полдень, у себя въ комнатѣ, и я все время плакалъ надъ нимъ. Нѣсколько недѣль я ходилъ въ одной и той же сорочкѣ, она стала плотной отъ стараго пота и протерла кожу на животѣ; изъ раны появилось немного кровавой воды, но она не болѣла, было только такъ печально ходить съ этой раной на животѣ. Мнѣ нечего было дѣлать съ ней, а сама она не хотѣла заживать; я вымылъ ее, тщательнo вытеръ ее и снова надѣлъ ту же сорочку. Больше ничего не оставалось дѣлать...

Я сижу на скамейкѣ и думаю обо всемъ этомъ, и мнѣ довольно грустно. Я былъ противенъ себѣ; даже мои руки казались мнѣ омерзительными. Это вялое, почти безстыдное вы-

раженіе моихъ рукъ мучить меня, причиняетъ мнѣ непріятность; при видѣ своихъ худыхъ пальцевъ я чувствую глубокое раздраженіе, я ненавижу все свое разслабленное тѣло и содрогаюсь отъ необходимости влачить его, чувствовать его на себѣ. Господи, если бѣ только все это кончилось! Я бы съ радостью умеръ.

Совершенно развѣнчаный, оскверненный и униженный въ своемъ собственномъ сознаніи, я машинально всталъ и направился домой. По дорогѣ я прошелъ мимо воротъ, гдѣ прочелъ слѣдующее: «Саванъ у Йомфру Андерсенъ, въ воротахъ направо». — Старыя воспоминанія! — сказалъ я и вспомнилъ свою прежнюю комнату на Гаммерсборгѣ, маленькую качалку, обои изъ газетъ у дверей, объявленіе завѣдующаго маяками и свѣжій хлѣбъ булочника Фабіана Ольсена. Ахъ, въ то время мнѣ жилось гораздо лучше, чѣмъ теперь; однажды ночью я написалъ фельетонъ въ десять кронъ, теперь я больше ничего не могъ написать, я больше совсѣмъ не могъ писать, моя голова тотчасъ же бывала пуста, какъ только я дѣлалъ попытку заняться. Да, все это пора кончить! И я шелъ и шелъ.

Чѣмъ ближе и ближе я подходилъ къ мелочной лавкѣ, мною овладѣвало полубезсознательное ощущеніе, что я приближался къ опасности; но я былъ твердъ въ своемъ намѣреніи, я хотѣлъ выдать себя. Я спокойно поднимаюсь по ступенькамъ, въ дверяхъ сталкиваюсь съ маленькой дѣвочкой, державшей чашку въ рукѣ, и я пропускаю ее и закрываю дверь. Приказчикъ и я второй разъ стоимъ лицомъ къ лицу, одни.

— Ну,—говоритъ онъ:—отвратительная погода.

Зачѣмъ этотъ обходъ? Почему онъ не сразу схватилъ меня? Я пришелъ въ бѣшенство и сказалъ:

— Я прихожу вовсе не съ тѣмъ, чтобы болтать о погодѣ.

Эта горячность смущаетъ его, его маленькій торгашескій мозгъ отказывается работать; ему вовсе не приходило въ голову, что я обманулъ его на пять кронъ.

— Развѣ вы не знаете, что я обманулъ васъ?—раздраженно говорю я, тяжело дыша, дрожа, готовый прибѣгнуть къ силѣ, если онъ не тотчасъ же перейдетъ къ дѣлу.

Но бѣдный человекъ ничего не подозреваетъ.

Нѣтъ, великій Боже, среди какихъ глухихъ людей приходится жить! Я ругаю его, подробно объясняю ему, какъ было дѣло, показываю ему, гдѣ я стоялъ и гдѣ стоялъ онъ во время происшествія, гдѣ лежали деньги, какъ я собралъ деньги и зажалъ ихъ въ рукѣ,—и онъ понимаетъ все и все-таки ничего не дѣлаетъ со мной. Онъ поворачивается то въ

одну, то въ другую сторону, прислушивается къ шагамъ въ сосѣдней комнатѣ, дѣлаетъ мнѣ знаки, чтобъ я говорилъ тише, и наконецъ говоритъ:

— Гнусный поступокъ!

— Нѣтъ, постойте! — кричу я въ своемъ стремленіи противорѣчить ему, взбѣсить его:—это было вовсе не такъ подло и низко, какъ представлялось его жалкой головѣ мелочного торговца. Я, конечно, не присвоилъ себѣ денегъ, онъ этого не долженъ думать; лично я не хотѣлъ извлекать ни малѣйшей пользы изъ нихъ, это было противно моей честнѣйшей натурѣ...

— Что же вы съ ними сдѣлали?

— Я отдалъ ихъ старой, бѣдной женщинѣ, до послѣдней полушки, да будетъ ему извѣстно; ужъ такой я человекъ, я не столь безсердеченъ, чтобы забывать бѣдныхъ людей...

Онъ стоитъ и нѣкоторое время думаетъ объ этомъ, онъ очень неуверенъ, честный ли я человекъ, или нѣтъ. Наконецъ онъ говоритъ:

— Развѣ вы не могли принести деньги обратно?

— Нѣтъ, послушайте, — нагло отвѣчаю я: — я не хотѣлъ причинять вамъ неприятели, я хотѣлъ пощадить васъ.—Это ему награда за благородство.—Нѣтъ, я стою здѣсь и объясняю вамъ, какъ было дѣло, и вамъ не стыдно, какъ собакѣ, вы просто не принимаете никакихъ мѣръ къ прекращенію нашей тяжбы. Поэтому я уываю руки. Впрочемъ, чертъ съ вами. Прощайте!

Я ушелъ и рѣзко стукнулъ дверью за собой.

Но, когда я вернулся домой въ свою комнату, въ эту сумрачную дыру, весь мокрый отъ мягкаго снѣга, моя заносчивость вдругъ исчезла, и я снова поникъ. Я сожалѣлъ, что напалъ на бѣднаго приказчика, плакалъ, хваталъ себя за глотку и, чтобы наказать себя за подлую выходку, всячески терзалъ себя. Имъ, конечно, овладѣлъ смертельный страхъ за свое мѣсто, онъ не смѣлъ поднимать шумъ изъ-за этихъ пяти кронъ, потерянныхъ для торговли. И я воспользовался его страхомъ, мучилъ его своимъ громкимъ разговоромъ, кололоъ его каждымъ словомъ, которое выкрикивалъ. А самъ хозяинъ, пожалуй, сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и почти былъ вынужденъ выйти къ намъ и посмотреть, что случилось. Нѣтъ, моимъ низостямъ уже не было границъ!

Ну, почему меня не задержали? Тогда все было бы кончено. Я, пожалуй, протянулъ бы руки къ кандаламъ. Я не оказалъ бы ни малѣйшаго сопротивленія, напротивъ, я самъ сталъ бы помогать. Господи неба и земли, день моей жизни за счастли-

вый мигъ! Всю мою жизнь за чечевичную похлёбку! Услышь меня хоть въ этотъ разъ!..

Я легъ въ мокромъ платьѣ; у меня была неясная мысль, что ночью я могу умереть; и я собрался съ послѣдними силами и нѣсколько прибралъ свою постель; чтобы утромъ вокругъ меня было больше порядка. Я скрестилъ руки и выbralъ себѣ положеніе.

И вотъ я вдругъ вспоминаю Илайли. Какъ я могъ не вспомнить о ней цѣлый вечеръ! И въ мой мозгъ тихо-тихо снова проникаетъ свѣтъ, маленькій лучъ солнца, отъ котораго мнѣ такъ благодѣльно-тепло. И солнце становится больше, кроткій, нѣжный шелковый свѣтъ, который такъ опьяняюще сладко касается меня. И солнце становится сильнѣе и сильнѣе, ложится рѣзкимъ жаромъ на мой виски, тяжело и ярко пылаетъ въ моемъ истощенномъ мозгу. И въ концѣ концовъ передъ моими глазами вспыхиваетъ безумный костеръ лучей, объятый пожаромъ небо и земля, люди и звѣри изъ огня, горы изъ огня, дьяволы изъ огня, бездна, пустыня, вселенная въ огнѣ, дымно пылающій день Страшнаго Суда.

И я не видѣлъ и не слышалъ больше ничего...

На слѣдующій день я проснулся въ поту, весь мокрый; сильная лихорадка мучила меня. Вначалѣ у меня не было яснаго сознанія, что со мной случилось, я изумленно озирался кругомъ, чувствовалъ коренную перемену въ своемъ существѣ, совершенно не узнавалъ себя. Я ощупывалъ свои руки и ноги, изумлялся, что окно было въ этой стѣнѣ, а не въ противоположной, слышалъ топотъ лошадей на дворѣ, какъ если бъ онъ доносился сверху. Кромѣ того, меня тошнило.

На моемъ лбу лежали влажные и холодные волосы; я приподнялся на локтяхъ и смотрѣлъ на подушку: влажные волосы лежали и здѣсь маленькими клочьями. Мои ноги распухли въ башмакахъ за ночь, я съ трудомъ могъ шевелить пальцами.

Такъ какъ время близилось къ вечеру и уже начало смеркаться, я всталъ съ постели и началъ бродить по комнатѣ. Я двигался мелкимъ, осторожнымъ шагомъ, старался сохранять равновѣсіе и по мѣрѣ возможности берегъ свои ноги. Я не очень страдалъ и не плакалъ; и вообще я не былъ печаленъ, наоборотъ, я былъ невыразимо доволенъ; и я уже не думалъ, чтобы все могло быть иначе, чѣмъ было.

Потомъ я вышелъ.

Единственное, что меня отчасти мучило, несмотря на отвра-

щеніе къ пищѣ, былъ голодъ. Я снова началъ чувствовать позорный аппетитъ, сосущее желаніе поѣсть, которое становилось все пуще и пуще. Что-то немилосердно терзало мою грудь, въ ней шла какая-то безмолвная, странная работа. Очевидно, тамъ былъ десятокъ маленькихъ, тонкихъ звѣрьковъ, которые клали головы на одну сторону и грызли немного, и потомъ клали головы на другую сторону и грызли, одно мгновеніе лежали неподвижно, снова принимались за работу, вѣдались безъ шума, не торопясь, и оставляли пустыя полоски всюду, гдѣ они проходили...

Я не былъ боленъ, но истощенъ, я началъ потѣть. Я думалъ отдохнуть на Большой площади; но путь туда былъ длинный и тяжелый; наконецъ я все-таки почти добрался до нея, стоялъ на углу площади и прилегающей улицы. Потъ заливалъ мнѣ глаза, смочилъ мои очки, ослѣпилъ меня, и я остановился, чтобы вытереть лицо. Я не видѣлъ, гдѣ стоялъ, я не думалъ объ этомъ; вокругъ меня грохоталъ ужасающій шумъ.

Вдругъ раздается крикъ, холодное, рѣзкое—«берегись!». Я слышу крикъ, отлично слышу его, и нервно отодвигаюсь въ сторону, дѣлаю одинъ быстрый шагъ, насколько могутъ двигаться мои слабыя ноги. Чудовище въ видѣ воза съ хлѣбомъ проносится мимо меня и задѣваетъ колесомъ мою куртку; будь я немного проворнѣе, я былъ бы внѣ всякой опасности. Я, пожалуй, могъ быть нѣсколько проворнѣе, чуть-чуть проворнѣе, если бъ я сдѣлалъ усиліе; было поздно, меня задѣло за ногу, два пальца были смяты; я почувствовалъ, что они какъ бы согнулись въ башмакѣ.

Возница съ хлѣбомъ на полномъ ходу останавливаетъ лошадей; онъ оборачивается на возу и испуганно спрашиваетъ, чѣмъ я отдѣлся. О, могло быть гораздо хуже... Не Богъ вѣсть, какъ опасно... я не думаю, чтобы оказался переломъ... Ахъ, пожалуйста...

Я какъ можно скорѣе ползелься къ скамейкѣ; большая толпа стоявшихъ и смотрѣвшихъ на меня людей раздражала меня. Это, въ сущности, не былъ смертельный ударъ, и разъ несчастью нельзя было не случиться, онъ кончился сравнительно счастливо. Хуже всего было то, что мой башмакъ былъ раздавленъ, подошва оторвалась у носка. Я поднялъ ногу и увидѣлъ кровь въ образовавшемся зѣвѣ. Ну, это произошло помимо нашей воли, этотъ человѣкъ не имѣлъ въ виду сдѣлать мое положеніе хуже, чѣмъ оно было. Но если бъ я попросилъ у него бросить мнѣ маленкій хлѣбъ съ воза, я, пожалуй, получилъ бы его. Конечно, онъ съ радостью

далъ бы мнѣ хлѣбъ. Пошли ему, Господи, радости за это, гдѣ бъ онъ ни былъ!

Я горько голодалъ и не зналъ, какъ мнѣ избавиться отъ своего безстыднаго аппетита. Я ворочался туда и сюда на скамейкѣ и прижался грудью къ колѣнямъ. Когда стало темно, я ползлся къ ратушѣ—Богъ знаетъ, какъ я добрался туда и сѣлъ на краю балюстрады. Я оторвалъ одинъ карманъ отъ своей куртки и принялся жевать его, безъ всякаго, впрочемъ, намѣренія, съ сумрачнымъ лицомъ, устремивъ глаза прямо передъ собой, но ничего не видя. Я слышалъ, какъ толпа дѣтей играла вокругъ меня, и инстинктивно чувствовалъ появленіе того или другого прохожаго; и больше я не замѣчалъ ничего.

Потомъ мнѣ вдругъ пришло въ голову отправиться на базаръ и достать кусокъ сырого мяса. Я всталъ, прошелъ черезъ портикъ къ другому концу базарнаго навѣса и спустился внизъ. Почти дойдя до мясной лавки, я крикнулъ въ пролетъ лѣстницы и, пригрозивъ, точно я разговаривалъ съ оставшейся наверху собакой, нагло обратился къ первому встрѣчному мяснику:

— Будьте любезны дать кость для моей собаки!—сказалъ я. — Одну кость; хотя бы на ней ничего не было; ей просто нужно держать что-нибудь въ зубахъ.

Я получилъ кость, великолѣпную косточку, гдѣ еще оставалось немного мяса, и спряталъ ее подъ курткой. Я такъ горячо благодарилъ человѣка, что онъ смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Не за что благодарить,—сказалъ онъ.

— Ахъ, не говорите,—бормоталъ я:—вы очень добры.

И я пошелъ вверхъ. Сердце сильно билось во мнѣ.

Я какъ можно глубже забился куда-то въ уголъ и остановился у развалившихся воротъ въ какой-то дворъ. Свѣта я нигдѣ не видѣлъ, было такъ благодатно темно вокругъ меня; я сталъ глотать кость.

Она была безъ всякаго вкуса; омерзительный запахъ запекшейся крови поднимался отъ нея, и меня почти сразу стошнило. Я снова попробовалъ; если бъ только я могъ удержать сѣдненное, оно, конечно, оказало бы свое дѣйствіе; нужна было только удержать его въ животѣ. Но меня снова стошнило. Я разсердился, крѣпко откусилъ мясо, маленькій кусочекъ мяса, и насилу проглотилъ его. И все-таки не помогало; какъ только кусочки мяса согрѣвались въ животѣ, они снова выбрасывались. Я безумно сжималъ кулаки, плакалъ въ своемъ безсиліи и грызъ, какъ бѣсноватый; я пла-

каль такъ, что кость стала мокра и грязна отъ слезъ, меня тошнило, я проклиналъ и снова грызъ, плакалъ такъ, что сердце готово было разорваться, и меня снова тошнило. И я громкимъ голосомъ проклиналъ всѣ силы вселенной.

Тихо. Ни одного человѣка поблизости, ни свѣта ни шума. Я охваченъ самымъ дикимъ душевнымъ возбужденіемъ, я тяжело и громко дышу и, скрежеща зубами, плачу каждый разъ, когда мнѣ приходится разстаться съ этими кусочками мяса, которые, пожалуй, могли бы мало-мальски насытить меня. Сколько ни стараюсь, я ничѣмъ не могу помочь себѣ и съ безысходной ненавистью, охваченный бѣшенствомъ, я швыряю кость въ ворота, кричу и начинаю дико грозить небесамъ, хриплымъ и глухимъ голосомъ выкрикиваю имя Божье и сжимаю пальцы, какъ когти... Я говорю тебѣ, святой Вааль, небесь, тебя нѣтъ, но если бы ты былъ, я проклялъ бы тебя такъ, что твое небо содрогнулось бы отъ адскаго огня. Я говорю тебѣ, я отдалъ тебѣ свои силы, но ты отвергъ ихъ, и я навѣки отворачиваюсь отъ тебя, потому что ты не зналъ часа благодати твоей. Я говорю тебѣ, я знаю, что я долженъ умереть, и все же я, у преддверія смерти, презираю тебя, небесный Аписъ. Ты подвергъ меня насидію и ты не знаешь, что я никогда не склоняюсь въ бѣдѣ. Неужели ты этого не знаешь? Или ты создалъ мое сердце во мнѣ? Я говорю тебѣ, вся моя жизнь и каждая капля крови во мнѣ съ радостью презираетъ тебя и плететъ на твою милость. Съ этого мгновенія я отрекаюсь отъ всѣхъ твоихъ дѣяній и отъ всего твоего существа, я проклянута свою мысль, если она снова устремится къ тебѣ, и разорву свои губы, если онѣ снова произнесутъ твое имя. Я говорю тебѣ, если только ты существуешь, говорю послѣднее слово въ жизни и смерти, я говорю тебѣ — прощай. И теперь я умолкаю и отворачиваюсь отъ тебя, и иду своей дорогой...

Тихо.

Я дрожу отъ возбужденія и безсилія, стою все на томъ же мѣстѣ, продолжая шептать проклятья и хулу, всхлипывая отъ горькаго плача, разбитый и истощенный безумной вспышкой гнѣва. Ахъ, все это книжныя слова и литература, о красотѣ которыхъ я заботился даже въ своей нищетѣ. Я стою тамъ какихъ-нибудь полчаса, и всхлипываю, и плачу, и держусь за ворота. Вдругъ я слышу голоса, разговоръ между двумя прохожими. Я отскакиваю отъ воротъ, плетусь вдоль стѣны и снова выхожу на освѣщенные улицы. Пока я иду по Юнгсбаккену, мой мозгъ внезапно начинаетъ работать въ крайне странномъ направленіи. Мнѣ начинаетъ казаться, что жалкія

лачужки вдоль площади, кладовыя и старыя сараи съ подержанымъ платьемъ позорили мѣсто. Они позорили весь видъ площади, уродовали городъ,—тьфу, долой эту рухлядь! И я щель и вычислялъ въ умѣ, сколько стоило бы перенести сюда Географическій Институтъ, это красивое зданіе, которое всегда восхищало меня, когда я проходилъ мимо. Приняться за подобнаго рода передвиженіе, пожалуй, нельзя было бы безъ капитала въ семьдесятъ двѣ, въ семьдесятъ тысячъ кронъ,—прекрасная сумма, шутка ли сказать, довольно круглый капиталычикъ, хе-хе, для начала, а? И я кивнулъ моею пустою головою и согласился, что это довольно круглый капиталычикъ для начала. Я продолжалъ дрожать всѣмъ тѣломъ и отъ поры до времени всхлипывалъ отъ недавнихъ слезъ.

У меня было чувство, что уже немного жизни оставалось во мнѣ, что, въ сущности, я допѣваю свою пѣсенку. Но мнѣ это было довольно безразлично, это нисколько не занимало меня. Напротивъ, я пробирался въ городъ, къ пристани, все дальше и дальше отъ своей комнаты. Я отлично могъ лечь на улицѣ и умереть. Страданія дѣлали меня все болѣе и болѣе нечувствительнымъ; въ моей раненой ногѣ сильно стучало, у меня было даже впечатлѣніе, что боль распространялась по всей ногѣ, но даже это не очень мучило меня. Я переживалъ гораздо худшія ощущенія.

И вотъ я вышелъ на желѣзнодорожную пристань. Здѣсь не было никакого движенія, никакого шума, только кое-гдѣ виднѣлся человекъ, рыбакъ или матросъ, бродившій кругомъ, заложивъ руки въ карманы. Я обратилъ вниманіе на хромого человека, который пристально взглянулъ на меня, когда мы поровнялись. Я инстинктивно остановилъ его, приподнял шляпу и спросилъ, не знаетъ ли онъ, отплылъ ли «Монахъ»? И потомъ я не могъ не щелкнуть одинъ разъ пальцами передъ самымъ его носомъ и не сказать:—Чортъ возьми, «Монахъ»! «Монахъ», о которомъ я совсѣмъ позабылъ! Мысль о немъ все-таки безсознательно дремала во мнѣ, я носилъ ее, самъ того не зная.

Да, чортъ возьми, «Монахъ» отплылъ.

Не можетъ ли онъ сказать мнѣ, куда?

Человѣкъ задумывается, стоитъ на длинной ногѣ и поднимаетъ короткую; короткая слегка покачивается.

— Нѣтъ,—говоритъ онъ.—Вы знаете, чѣмъ онъ нагруженъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаю я.

Но я уже забылъ про «Монаха» и спрашивалъ человека, сколько могло быть до Гольмстранда, считая на добрыя, старыя географическія мили.

— До Гольмestранда? Я думаю...

— Или до Веблунгснеса?

— Чтò я хотѣлъ сказать: до Гольмestранда, я думаю...

— Послушайте, чтобы не забыть, — снова перебиваю я его: — будьте добры, дайте мнѣ щепотку табаку, маленькую щепотку табаку!

Я получилъ табакъ, очень горячо поблагодарилъ человѣка и ушелъ. Табаку я такъ и не тронулъ, я тотчасъ же сунулъ его въ карманъ. Человѣкъ продолжалъ наблюдать за мной, можетъ-быть, я чѣмъ-нибудь возбудилъ въ немъ подозрѣнiе; куда бы я ни шелъ, я чувствовалъ за собой этотъ подозрительный взглядъ, и мнѣ не нравилось, что этотъ человѣкъ преслѣдовалъ меня. Я повернулся и снова подошелъ къ нему, посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Игольщикъ.

Только одно это слово: игольщикъ. Не больше. Говоря это, я пристально всматривался въ него, я чувствовалъ, какъ ужасно я смотрѣлъ на него; можно было сказать, что я смотрѣлъ на него съ того свѣта. И, сказавъ это слово, я стою нѣкоторое время. Потомъ я снова плетусь къ желѣзнодорожной пристани. Человѣкъ не издалъ ни звука, онъ только провожалъ меня глазами.

Игольщикъ? Я вдругъ остановился. Да, развѣ я не сразу почувствовалъ это? Я встрѣчалъ этого калѣку раньше. На Грендсенѣ, въ ясное утро; я заложилъ жилетъ. Мнѣ показалось, что съ этого дня прошла цѣлая вѣчность.

Пока я стою и думаю объ этомъ, — я стою, прислонившись къ стѣнѣ дома на углу рынка и Портовой улицы, — я вдругъ вздрагиваю и хочу уползти прочь. Когда мнѣ это не удается, я упорно смотрю прямо передъ собой, потерявъ всякій стыдъ, — я стою лицомъ къ лицу съ «командиромъ».

Я становлюсь безотчетно-наглъ, я даже отхожу на шагъ отъ стѣны, чтобы обратить на себя его вниманiе. И я дѣлаю это не для того, чтобы пробудить въ немъ состраданiе, но чтобы надругаться надъ самимъ собою, выставить себя къ позорному столбу; я могъ упасть на землю и просить «командира» перешагнуть черезъ меня, наступить мнѣ на лицо. Я даже не желаю ему добраго вечера.

«Командиръ», очевидно, догадался, что со мною что-нибудь случилось, онъ замедлил шагъ, и, чтобы остановить его, я говорю:

— Я собирался явиться къ вамъ кое-съ-чѣмъ, но оно все еще не кончено.

— Да? — вопросительно отвѣчаетъ онъ. — Значитъ, вы еще не кончили?

— Нѣтъ, не удалось кончить.

Но вотъ отъ любезности «командира» мои глаза наполняются слезами, и я харкаю и ожесточенно кашляю, чтобы взять себя въ руки. «Командиръ» издаетъ носомъ обычный звукъ; онъ стоитъ и смотритъ на меня.

— А теперь у васъ есть чѣмъ жить? — говоритъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаю я: — у меня ничего нѣтъ. Я еще не ѣлъ сегодня, но...

— Господь съ вами, невысказано, чтобы вы умирали съ голоду, милѣйшій! — говоритъ онъ. И тотчасъ же беретъ за карманъ.

Тутъ во мнѣ просыпается чувство стыда, я, шатаюсь, снова иду къ стѣнѣ и держусь за нее, я стою и смотрю, какъ «командиръ» роется въ своемъ бумажникѣ, но ничего не говоритъ. И онъ протягиваетъ мнѣ десять кронъ. Онъ долго не думаетъ, онъ просто-напросто даетъ мнѣ десять кронъ. При этомъ онъ повторяетъ, что я не долженъ умирать съ голода.

Я пролетелъ возраженіе и не сразу взялъ бумажку:

— Мнѣ, право, стыдно... кромѣ того, тутъ слишкомъ много...

— Торопитесь же! — говоритъ онъ и смотритъ на часы. Я ждалъ поѣзда; и наконецъ-то онъ идетъ, слышу я.

Я взялъ деньги, я опѣшилъ отъ радости и не сказалъ больше ни слова, я даже не поблагодарилъ его.

— Нечего стыдиться, — говоритъ «командиръ» въ заключеніе: — я знаю, вы же отработаете это.

И онъ ушелъ.

Когда онъ отошелъ отъ меня, я вдругъ вспомнилъ, что не успѣлъ поблагодарить «командира» за такую помощь. Я пытался нагнать его, но не могъ сдвинуться съ мѣста, мои ноги отказывались служить, и я бы не разъ свалился на землю. Онъ шелъ все дальше и дальше. Я оставилъ попытку, хотѣлъ окликнуть его, но не посмѣлъ, и когда я наконецъ все-таки собрался съ духомъ и крикнулъ разъ, два раза, онъ былъ уже слишкомъ далеко, мой голосъ сталъ слишкомъ слабъ.

Я остался на тротуарѣ и смотрѣлъ ему вслѣдъ, и тихо-тихо плакалъ. Ничего подобнаго я еще не видѣлъ! — сказалъ я про себя: — онъ далъ мнѣ десять кронъ! Я пошелъ назадъ, остановился, гдѣ раньше стоялъ онъ, и повторялъ всѣ его движенія. И я поднесъ бумажку къ моимъ влажнымъ глазамъ, осмотрѣлъ ее съ обѣихъ сторонъ и началъ клясться. — клясться во всю глотку, что все это правда, то, что я держалъ въ рукѣ, была бумажка въ десять кронъ.

Черезъ нѣкоторое время — можетъ-быть, безконечно долгое время, потому что всюду стало уже совершенно тихо — я до-

вольно неожиданно очутился на Томтегаде, номеръ 11. Вѣдь здѣсь я обмануль извозчика, который возилъ меня, и здѣсь же, цѣкъмъ не замѣченный, я пробрался на другую сторону дома. Поставивъ и очнувшись и удивляясь на себя, я вторично вошелъ въ ворота, прямо—въ «Комнаты для прибѣжающихъ со столомъ». Здѣсь я попросился на ночлегъ и тотчасъ же получилъ постель.

Вторникъ.

Солнечный свѣтъ и тишина, поразительно ясный день. Снѣгъ растаялъ; всюду жизнь, и радость, и веселыя лица, улыбки и смѣхъ. Отъ фонтановъ дугами вздымались струи воды, золотыя отъ солнца, голубоватыя отъ небесной синевы...

Около полудня я вышелъ изъ своего пристанища на Томтегаде, гдѣ я продолжалъ жить и процвѣтать благодаря десяти кронамъ «командира», и отправился въ городъ. Я былъ въ самомъ радостномъ настроеніи духа и цѣлый вечеръ бродилъ по самымъ оживленнымъ улицамъ и смотрѣлъ на людей. Еще задолго до семи часовъ вечера я прошелся до площади Св. Олафа и украдкой взглянулъ на окна въ номеръ 2-мъ. Черезъ часъ я увижу ее! Я ходилъ въ легкомъ, сладостномъ страхѣ все время. Что произойдетъ? Что я ей скажу, когда она спустится по лѣстницѣ? Добрый вечеръ, фрѣкенъ? Или просто улыбнусь? Я рѣшилъ ограничиться одной улыбкой. Разумѣется, я низко поклонюсь ей.

Я снова ушелъ, немного стыдясь, что явился такъ рано, бродилъ по Карлу-Югану и посматривалъ на университетскіе часы. Въ восемь часовъ я снова направился къ Университетской улицѣ. По дорогѣ мнѣ пришло въ голову, что я могу опоздать на нѣсколько минутъ, и я прибавилъ шагу, сколько могъ. У меня очень болѣла нога, вообще же я былъ доволенъ всѣмъ.

Я остановился у фонтана и переводилъ духъ; я стоялъ такъ долго и смотрѣлъ на окна въ номеръ 2-мъ; но она не приходила. Ну, я могу подождать, мнѣ некуда сѣсть; ей, можетъ-быть, помѣшалъ. И я снова ждалъ. Не приснилось ли мнѣ все это? Первое свиданіе могло оказаться моимъ воображеніемъ, вѣдь я пролежалъ всю ночь въ бреду? Въ нерѣшительности, я началъ думать объ этомъ и чувствовалъ себя далеко не увѣреннымъ.

— Гм! — сказалъ кто-то сзади меня.

Я слышалъ этотъ кашель, я слышалъ также легкіе шаги близости, но я не оборачивался, только пристально смотрѣлъ на большую лѣстницу передо мною.

— Добрый вечеръ! — слышу я потомъ.

Я забываю улыбнуться, я даже не сразу снимаю шляпу, я такъ удивленъ, что она пришла этой дорогой.

— Вы долго ждали?—говоритъ она и слегка задыхается отъ ходьбы.

— Нѣтъ, ничуть, я пришелъ очень недавно,—отвѣтилъ я.—

И кромѣ того, велика ли бѣда, что я долго ждалъ? Впрочемъ, я думаю, что вы придете съ другой стороны.

— Я проводила маму въ одинъ домъ, мама въ гостихъ сегодня вечеромъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ я.

И мы пошли. Какой-то полицейскій стоитъ на углу улицы и смотреть на насъ.

— Но куда мы, собственно, пойдемъ?—говоритъ она и останавливается.

— Куда вы хотите, просто, куда вы хотите.

— Ахъ, но такъ скучно выбирать самой.

Молчаніе.

И вотъ я говорю, лишь бы сказать что-нибудь:

— У васъ въ окнахъ темно, вижу я.

— О, да,—оживленно отвѣчаетъ она.—Дѣвушка тоже отпросилась. Такъ что я совсѣмъ одна дома.

Мы оба останавливаемся и смотримъ на окна въ номеръ 2-мъ, точно никто изъ насъ не видѣлъ ихъ раньше.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ пойти къ вамъ?—говорю я.— Я все время буду сидѣть у дверей, если вы хотите...

Но теперь я дрожалъ отъ волненія и очень сожалѣлъ, что былъ слишкомъ смѣлъ. Что, если она обидится и уйдетъ отъ меня? Что, если я не увижу ея больше? Ахъ, это мое жалкое платье! Я съ отчаяніемъ ждалъ отвѣта.

— Вамъ рѣшительно не зачѣмъ сидѣть у дверей, — говоритъ она.

Мы стали подниматься.

Въ сѣняхъ, гдѣ было темно, она взяла меня за руку и вела меня. Мнѣ вовсе не нужно быть такимъ тихимъ, сказала она, я отлично могъ разговаривать. И мы вошли. Пока она зажигала свѣчу,—она зажигала не лампу, а свѣчу,—пока она зажигала эту свѣчу, съ отрывистымъ смѣхомъ она сказала:

— Но вы не должны смотрѣть на меня. Уфъ, мнѣ стыдно. Но я больше никогда не сдѣлаю этого.

— Чего вы больше не сдѣлаете?

— Я никогда... ахъ, нѣтъ, Боже упаси... я больше никогда не стану цѣловать васъ.

— Не станете?—сказалъ я, и мы оба засмѣялись.

Я протянулъ къ ней руки, и она скользнула въ сторону, уклонилась, перебѣжавъ на другую сторону стола. Мы стояли и нѣкоторое время смотрѣли другъ на друга, свѣча стояла между нами.

Потомъ она начала развязывать вуаль и снимать шляпу, въ то время какъ ея сверкающіе глаза были устремлены на меня и слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, какъ бы мнѣ не поймать ея. Я снова сдѣлалъ нападеніе, споткнулся о коверъ и упалъ; я больше не могъ держаться на больной ногѣ. Въ крайнемъ смущеніи, я всталъ.

— Боже, какъ вы покраснѣли!—сказала она.—Развѣ такъ больно?

— Да, очень.

И мы снова начали бѣгать кругомъ.

— Мнѣ кажется, вы хромаете?

— Да, я слегка хромаю, впрочемъ, лишь слегка.

— Въ послѣдній разъ у васъ былъ больной палець, теперь у васъ больная нога; у васъ столько всякихъ бѣдъ.

— Меня слегка переѣхали нѣсколько дней тому назадъ.

— Переѣхали? Опять въ пьяномъ видѣ? Нѣтъ, Боже упаси, какъ вы живете, молодой человекъ!—Она грозилась пальцемъ и стала серьезна.—А теперь сядемъ!—сказала она.—Нѣтъ, только не у дверей; вы слишкомъ скромны,—сюда. Вы туда, а я сюда, вотъ такъ... Ахъ, довольно скучно со скромными людьми! Все приходится говорить и дѣлать самой, нѣтъ ни въ чемъ помощи. Напримѣръ, вы отлично могли бы держать вашу руку на спинкѣ моего стула, вы отлично могли бы сами догадаться. Потому что стѣдуетъ мнѣ предложить вамъ это, вы просто поднимете пару глазъ, точно вы въ самомъ дѣлѣ не вѣрите тому, что сказано. Въ самомъ дѣлѣ, я уже не разъ замѣтила, вы это и сейчасъ дѣлаете. Но вы только не убѣждайте меня, будто вы всегда такъ скромны, если вообще вы посмѣете защищаться. Вы были довольно нахальны въ тотъ день, когда были пьяны и шли за мной до самаго дома и терзали меня вашими остротами: «Вы потеряете вашу книгу, фрѣкенъ, вы непременно потеряете вашу книгу, фрѣкенъ!» Ха-ха-ха! Фу, вы были въ самомъ дѣлѣ гадки!

Я смущенно сидѣлъ и смотрѣлъ на нее. Мое сердце билось громко, кровь теплой волной разливалась по тѣлу. Какое поразительное наслажденіе снова сидѣть въ человѣческомъ жилищѣ и слушать тиканье часовъ, и бесѣдовать съ молодой, живую дѣвушкой, а не съ самимъ собой.

— Почему вы ничего не говорите?

— Нѣтъ, какъ вы милы!—сказалъ я.—Я сижу здѣсь, и вы

покоряете меня, здѣсь, въ этотъ мигъ, всецѣло покоряете меня. Ничего не подѣлаешь. Вы—самый странный человѣкъ, какого... Иногда ваши глаза сіяютъ такъ, что я никогда не видѣлъ подобнаго сіянія, они похожи на цвѣты. Что? Нѣтъ, нѣтъ, пожалуй, даже не на цвѣты, но... Я ожончательно влюбленъ въ васъ, и отъ этого мнѣ ничуть не легче. Какъ васъ зовутъ? Вы въ самомъ дѣлѣ должны мнѣ сказать, какъ васъ зовутъ...

— Нѣтъ, а какъ васъ зовутъ? Боже, я опять чуть не забыла! Вчера я цѣлый день думала, что я должна спросить васъ. Я хочу сказать, не *цѣлый* день, я вовсе не думала о васъ цѣлый день.

— Знаете, какъ я назвалъ васъ? Я назвалъ васъ Илаяли. Что вы скажете на это? Такой неувимый звонъ...

— Илаяли?

— Да.

— На иностранномъ языкѣ?

* — Гм!.. Нѣтъ, нисколько.

— Да, это недурно.

Послѣ долгихъ переговоровъ, мы сказали другъ другу наши имена. Она сѣла рядомъ со мною на диванъ и отодвинула стулъ ногой. И мы снова начали болтать.

— Вы даже побрились сегодня вечеромъ,—сказала она.— Вообще видъ у васъ гораздо лучше, чѣмъ въ послѣдній разъ, впрочемъ, вы только нѣсколько малы ростомъ; но вы не подумайте... Нѣтъ, въ послѣдній разъ вы были дѣйствительно невзрачны. Вдобавокъ, у васъ была отвратительная тряпка на пальцѣ. И въ такомъ видѣ вы непременно хотѣли пойти куда-нибудь и выпить со мной стаканъ вина. Нѣтъ, спасибо.

— Значить, изъ-за моего несчастнаго вида вы не хотѣли пойти со мной?—сказалъ я.

— Нѣтъ,—сказала она и опустила глаза.—Нѣтъ, видитъ Богъ, не поэтому! Я даже не думала объ этомъ.

— Послушайте,—сказалъ я:—вы, конечно, сидите здѣсь въ суевѣрномъ предположеніи, что я могу жить и одѣваться, какъ вамъ угодно? Но я не могу, я очень, очень бѣденъ.

Она смотрѣла на меня.

— Бѣдны?—сказала она.

— Да, я бѣденъ.

Молчаніе.

— Господи, я тоже бѣдна,—сказала она съ гордымъ движеніемъ головы.

Каждое ея слово опьяняло меня, проникало въ мое сердце, какъ капля вина, хотя это была самая обыкновенная христіанійская дѣвушка съ жаргономъ, довольно смѣлая и бол-

тливая. Она вѣсхищала меня своей привычкой склонять голову нѣсколько набокъ и слушать, когда я говорилъ что-нибудь. И я чувствовалъ ей дыханіе на всемъ своемъ лицѣ.

— Вы знаете,—сказалъ я:—что... Но вы не должны сердиться... Когда я легъ въ постель вчера вечеромъ, я протянулъ руку къ вамъ... Вотъ такъ... какъ если бъ вы лежали въ ней. И потомъ я уснулъ.

— Да? Очень мило.—Молчаніе.—Но вы могли дѣлать это только на разстояніи; потому что иначе...

— Вы думаете, что иначе я не могъ бы сдѣлать этого?

— Нѣтъ, не думаю.

— Ну, нѣтъ, отъ меня вы можете всего ожидать,—сказалъ я и лукаво смотрѣлъ на нее.

И я обнялъ ее за талию.

— Могу всего ждать?—сказала она.

То, что она считала меня за слишкомъ порядочнаго человѣка, раздражало и оскорбляло меня; я присѣялся, набрался смѣлости и взялъ ее за руку. Но она преспокойно отняла ее и нѣсколько отодвинулась отъ меня. Это опять обезоружило меня, мнѣ стало стыдно, и я смотрѣлъ въ окно. Я все равно былъ слишкомъ жалокъ, мнѣ просто не слѣдовало много думать о себѣ. Другое дѣло, если бъ я встрѣтилъ ее раньше, когда я еще былъ похожъ на человѣка, въ мои свѣтлые дни, когда я могъ перебиваться кое-какъ. Я почувствовалъ себя очень подавленнымъ.

— Ну, смотрите!—сказала она:—вы только смотрите; васъ можно обуздать одной маленькой морщинкой на лбу, пристыдить васъ, слегка отодвинувшись отъ васъ...

Она смѣялась, шутливо, совсемъ закрывъ глаза, какъ если бъ она не могла выносить, что на нее смотрять...

— Нѣтъ, но, великій Боже!—воскликнулъ я:—Вы теперь увидите!

И я крѣпко обнялъ ее за плечи. Развѣ дѣвушка была не въ своемъ умѣ! Считала меня совершенно неопытнымъ! Хе, свидѣтель Богъ... Никто не могъ бы сказать, что въ этомъ я отсталъ. Не человѣкъ, а чортъ! Коль на то пошло...

Точно я не былъ окончательно обезсиленъ!

Она сидѣла совершенно спокойно и все время держала глаза закрытыми, и никто изъ насъ не говорилъ. Я крѣпко привлекъ ее къ себѣ, прижималъ ее тѣло къ своей груди, и она не говорила ни слова. Я слышалъ бѣшеніе нашихъ сердецъ, какъ ея, такъ и моего, оно раздавалось, какъ топотъ копытъ.

И поцѣловалъ ее.

Я больше не помнилъ себя, я сказалъ какую-то глупость, надъ которой она смѣялась, шептала ей въ губы нѣжныя слова, гладилъ ее по щекамъ, цѣловалъ много разъ. Я отстегнулъ одну пуговицу или двѣ на ея блузкѣ, и я видѣлъ ея груди подъ платьемъ,—бѣлыя, круглыя груди, которыя выглядывали, какъ два сладостныхъ чуда изъ-подъ борочки.

— Могу взглянуть?—сказалъ я; и я старался растегнуть нѣсколько пуговицъ, пытался сдѣлать отверстіе больше; но я былъ слишкомъ взволнованъ и не могъ справиться съ нижними пуговицами, гдѣ лифчикъ былъ слишкомъ туго натянутъ.— Могу взглянуть немного... немного...

Она обвивается руками вокругъ моей шеи, совсѣмъ медленно, нѣжно; ея дыханіе вырывается прямо мнѣ въ лицо изъ розовыхъ, дрожащихъ ноздрей; другою рукой она начинаетъ сама отстегивать пуговицы, одну за другою. Она смущенно смѣется, смѣется отрывисто и нѣсколько разъ взглядываетъ на меня, замѣтилъ ли я, что она боится. Она развязываетъ ленты, разстегиваетъ корсетъ, она восхищена и робка. И я вожусь моими грубыми руками съ этими пуговицами и лентами...

Чтобы отвлечь мое вниманіе отъ того, что она дѣлаетъ, она гладитъ меня лѣвой рукой по плечу и говорить:

— Сколько здѣсь выпавшихъ волосъ!

— Да,—отвѣчаю я и хочу приникнуть къ ея груди моими губами.

Въ это мгновеніе она лежитъ съ раскрытымъ платьемъ. Вдругъ она какъ бы приходитъ въ себя, какъ бы рѣшаетъ, что зашла слишкомъ далеко. И, чтобы скрыть свой стыдъ, что платье у нея раскрыто, она снова начинаетъ говорить о массѣ выпавшихъ волосъ, лежавшихъ у меня на плечахъ.

— Почему волосы такъ сильно падаютъ у васъ?

— Не знаю.

— Вы, конечно, слишкомъ много пьете и, можетъ-быть... Фу, я только не хочу говорить! Стыдитесь! Нѣтъ, отъ васъ я этого не ожидала! Вы такъ молоды и уже теряете волосы!.. Теперь же будьте любезны рассказать, какъ вы, собственно, живете. Я увѣрена, что это чудовищно! Но только правду, понимаете, безъ отговорокъ! Впрочемъ, я по вашему лицу увижу, если вы что-нибудь скроете. Ну, рассказывайте! Ахъ, какъ я усталъ! Съ какой радостью я предпочелъ бы сидѣть тихо и смотрѣть на нее, чѣмъ притворяться и тщетно тратить силы на всѣ эти попытки. Я нигуда не годился, я сталъ тряпкой.

— Начинайте!—сказала она.

Я воспользовался случаемъ и рассказалъ все, и расска-

зывать только правду. Я ничего не представлялъ хуже, чѣмъ было, я не имѣлъ въ виду вызвать въ ней состраданіе; я даже сказалъ, что присвоилъ себѣ пять кронъ однажды вечеромъ.

Она сидѣла и слушала, разинувъ ротъ, блѣдная, испуганная, съ полными смущенія блестящими глазами. Я хотѣлъ исправить оплошность, разсѣять дурное впечатлѣніе, которое произвелъ, и, вытянувшись во весь ростъ, сказалъ:

— Но теперь это—дѣло прошлое; о чемъ-нибудь подобномъ больше и рѣчи быть не можетъ; теперь я спасенъ...

Но она была очень смущена.

— Не дай Богъ!—сказала она и замолчала.

Она говорила это съ короткими перерывами и снова молчала.

— Не дай Богъ!

Я началъ шутить, щекоталъ ее, привлекая ее къ себѣ на грудь. Она снова застегнула блузку, и это нѣсколько разсердило меня. Зачѣмъ она застегнула блузку? Развѣ теперь я значилъ въ ея глазахъ меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бъ я сознался, что волосы у меня падали отъ разнузданной жизни? Неужели я нравился бы ей больше, если бъ прикинулся гулякой?.. Безъ отговорокъ. Нужна была рѣшительность! А нужна рѣшительность, я ручаюсь за себя.

Я долженъ былъ сдѣлать новую попытку.

Я положилъ ее, просто-напросто положилъ на диванъ. Она сопротивлялась, впрочемъ, очень мало, и у нея былъ изумленный видъ.

— Нѣтъ... что вамъ нужно?—сказала она.

— Что мнѣ нужно?!

— Нѣтъ... нѣтъ, но?..

— Да, да...

— *Нѣтъ*, слышите!—крикнула она.

И она прибавила слѣдующія обидныя слова:

— Представьте, мнѣ кажется, что вы сумасшедшій.

Я невольно пріостановился и сказалъ:

— Вы этого не думайте!

— Да, у васъ такой странный видъ! И въ то утро, когда вы преслѣдовали меня,—развѣ въ тотъ разъ вы не были пьяны?

— Нѣтъ. Но я не былъ голоденъ, я только-что поѣлъ.

— Да, тѣмъ хуже.

— Вы предпочли бы, чтобъ я былъ пьянъ?

— Да... Я васъ боюсь! Господи, пустите меня!

Я соображалъ. Нѣтъ, я не могъ оставить такъ, я слишкомъ много терялъ. Долой этотъ проклятый вздоръ въ позд-

ній вечеръ на диванѣ! Хе, къ какимъ уловкамъ ни прибѣгнуть человѣкъ, чтобы достигнуть подобнаго мгновенія. Какъ будто я не зналъ, что все это — простая стыдливость! Иначе я оказался бы молокососомъ! Вотъ такъ, тише! Безъ лишнихъ разговоровъ! Да здравствуетъ король и отечество!..

Она сопротивлялась довольно сильно, слишкомъ сильно, чтобы сопротивляться изъ простой стыдливости. Я какъ бы невольно толкнулъ свѣчу, такъ что она погасла, она оказывала огромное сопротивленіе, даже издала слабый крикъ.

— Нѣтъ, не надо, не надо! Если хотите, лучше поцѣлуйте меня въ грудь. Милый, хороший мой!

Я сразу остановился. Ея слова звучали такъ испуганно и безпомощно, я былъ искренно пораженъ. Она думала вознаграждать меня, позволивъ мнѣ поцѣловать ее въ грудь! Какъ это было мило,—мило и наивно! Я могъ опуститься передъ ней на колѣни.

— Но, милая моя! — сказалъ я въ крайнемъ замѣшательствѣ:—я не понимаю... я, право, не пойму, что это за игра...

Она встала и дрожащими руками снова зажгла свѣчу; и снова сѣлъ на диванъ и ничего не предпринималъ. Что теперь будетъ? Въ сущности, я чувствовалъ себя омерзительно.

Она взглянула на стѣну, на часы, и вздрогнула.

— Ахъ, скоро дѣвушка вернется!—сказала она.

Это было первое, что она сказала.

Я понялъ этотъ намекъ и всталъ.

Она взялась за накидку, какъ бы собираясь надѣть ее, но раздумала, положила ее и ушла къ камину. Она была блѣдна и все больше и больше беспокоилась. Чтобы не казалось, что она проситъ меня удалиться, я сказалъ:

— Вашъ отецъ былъ военный?

И въ то же время я собирался уходить.

— Да, военный. Откуда вы знаете?

— Не знаю, мнѣ просто пришло въ голову.

— Какъ странно!

— О, да. Я многого достигалъ, руководясь чутьемъ. Хе-хе, это находилось въ связи съ моимъ сумасшествіемъ...

Она быстро взглянула на меня, но не отвѣчала. Я чувствовалъ, что мое присутствіе мучило ее, и я хотѣлъ поскорѣе покончить съ этимъ. Я направился къ выходу. Неужели она больше не поцѣлуетъ меня? Даже руки не подастъ? Я стоялъ и ждалъ.

— Вы уже уходите? — сказала она, все еще стоя у камина.

Я не отвѣчалъ. Униженный и смущенный, я стоялъ и

смотрѣлъ на нее, не говоря ни слова. Нѣтъ, что я разрушил! Казалось, ей не было никакого дѣла, что я собираюсь уходить, она вдругъ была окончательно потеряна для меня, и я придумывалъ, что бы сказать ей на прощаніе, искалъ вѣскаго, глубокаго слова, которое могло бы поразить ее и, пожалуй, произвести нѣкоторое впечатлѣніе. И, наперекоръ моему твердому рѣшенію, съ чувствомъ обиды, вмѣсто гордости и холода, встревоженный, оскорбленный, я сталъ говорить пустяки; поразительное слово не приходило, я велъ себя крайне безмысленно. Снова появилось краснорѣчіе и книжныя слова.

Почему она не могла сказать мнѣ прямо и опредѣленно, чтобы я ушелъ!—спросилъ я.—Ну, да, почему? Нечего было стѣсняться. Вмѣсто напоминанія, что скоро вернется служанка, она просто-напросто могла сказать слѣдующее: «Теперь вы должны исчезнуть, потому что мнѣ пора итти за моей матерью, и я не хочу, чтобы вы провожали меня по улицѣ». Ну, развѣ она не это подумала? Ахъ, она именно такъ и подумала; я сразу понялъ. Очень легко указать мнѣ мое мѣсто; уже одно то, какъ она взяла накидку и снова положила ее, сразу объяснило мнѣ все. Какъ сказано, я руковожусь чутьемъ. И въ этомъ, собственно, не такъ ужъ много сумасшествія...

— Но, Боже мой, простите мнѣ это слово! Оно сорвалось у меня съ языка!—воскликнула она.

Но она продолжала стоять и не подходила ко мнѣ.

Я былъ непреклоненъ и продолжалъ. Я стоялъ и болталъ съ мучительнымъ чувствомъ, что надоѣлъ ей, что ни одно мое слово не достигало цѣли, и все же не переставалъ. Въ сущности, можно быть довольно чувствительнымъ, даже не будучи сумасшедшимъ,—думалъ я:—есть натуры, питающіяся мелочами и умирающія отъ рѣзкаго слова. И я далъ понять, что у меня самого такая натура. Дѣло въ томъ, что моя нищета въ такой мѣрѣ обострила извѣстныя способности во мнѣ, что мнѣ было положительно непріятно, увѣряю васъ, положительно непріятно. Но это сопровождалось и нѣкоторымъ преимуществомъ, помогало мнѣ въ извѣстныхъ положеніяхъ. Бѣдный интеллигентъ болѣе тонкій наблюдатель, чѣмъ богатый интеллигентъ. Бѣдный слѣдитъ за каждымъ своимъ шагомъ, подозрительно прислушивается къ каждому слову, которое онъ слышитъ отъ встрѣчныхъ людей; всякій шагъ, который онъ предпринимаетъ, ставитъ какъ его мысли, такъ и его чувству нѣкую задачу, работу. Онъ проникателенъ и воспримчивъ, онъ искушенный опытомъ человѣкъ, его душа израненная закалена...

И я довольно долго говорилъ объ этомъ закалѣ моей ирра-
венной души. Но чѣмъ больше я говорилъ, тѣмъ она станови-
лась безпокойнѣе; наконецъ, въ отчаяніи, ломая руки, она
дважды сказала:

— Господи!

Я отлично видѣлъ, что мучилъ ее, и я не хотѣлъ мучить
ее, однако мучилъ. Наконецъ я рѣшилъ, что, въ общихъ чер-
тахъ, я сказалъ ей самое необходимое изъ того, что хотѣлъ
сказать, я былъ тронуть ея полнымъ отчаянья взглядомъ и
воскликнулъ:

— Теперь я ухожу, ухожу! Развѣ вы не видите, что я уже
взялся за ручку двери! Прощайте! Прощайте, говорю! Вы
могли бы отвѣтить, развѣ я дважды простился съ вами и твердо
рѣшилъ уйти. Я даже не прошу позволенія повидаться съ
вами, потому что это огорчить васъ; но скажите: почему вы
не оставили меня въ покоѣ? Чтò я сдѣлалъ вамъ? Вѣдь я
вамъ не стоялъ на дорогѣ; чтò? Почему вы вдругъ отворачи-
ваетесь отъ меня, точно вы меня больше не знаете? Вотъ
вы окончательно опустошили меня, сдѣлали меня еще ничтож-
нѣе, чѣмъ я былъ. Господи, но я не сумасшедшій. Если только
вамъ угодно поразмыслить, вы отлично знаете, что я ничѣмъ
не страдаю. Протяните же мнѣ руку! Или позвольте мнѣ
подойти къ вамъ! Хотите? Я вамъ ничего не сдѣлаю, я только
на мигъ склоню колѣни передъ вами, опущусь передъ вами
на колѣни, только на мигъ; можно? Хорошо, не стану, я вижу,
что вамъ становится страшно, не стану, слышите, не *стану*.
Но, Господи, чего вы такъ боитесь? Я же стою тихо, не дви-
гаюсь. Я постоялъ бы на колѣняхъ минутку, вонъ тамъ, на
красной полосѣ у самыхъ вашихъ ногъ. Но вы испугались, я
точасъ же увидѣлъ по вашимъ глазамъ, что вы испугались,
и вотъ я остался на мѣстѣ. Я не сдѣлалъ ни шагу, когда
просилъ васъ объ этомъ; не правда ли? Я стоялъ такъ же
неподвижно, какъ теперь, когда я указываю вамъ мѣсто, гдѣ
я хотѣлъ опуститься на колѣни, вонъ ту красную розу на
коврѣ. Я даже не показываю пальцемъ, я совсѣмъ не пока-
зываю, я не дѣлаю этого, чтобы не испугать васъ, я только
киваю и смотрю туда, вотъ такъ! И вы отлично понимаете,
о какой я розѣ говорю, но вы не хотите позволить мнѣ опу-
ститься на колѣни; вы боитесь меня и не рѣшаетесь подойти
ко мнѣ. Я не понимаю, какъ вы могли назвать меня сумас-
шедшимъ. Не правда ли, вы этого вовсе не думаете? Только
однажды лѣтомъ, давно-давно, я былъ безуменъ; у меня
была слишкомъ тяжелая работа, и я забывалъ въ-время по-
обѣдать, потому что мнѣ нужно было думать и думать. Это

повторялось изо дня въ день; мнѣ слѣдовало помнить объ ѣдѣ, но я вѣчно забывалъ. Свидѣтель Богъ, это—правда! Пусть я не сойду съ этого мѣста живымъ, если я лгу; вотъ видите, вы обижаете меня. Не нужда заставляла меня дѣлать это; у меня есть кредитъ, большой кредитъ, у Ингебрета и Гравесена; у меня часто бывало много денегъ въ карманѣ, и я все-таки не покупалъ пищи, потому что забывалъ про нее. Слышите! Вы ничего не говорите, вы не отвѣчаете, вы не отходите отъ камина, вы только стоите и ждете, чтобъ я ушелъ...

Она быстро подошла ко мнѣ и протянула руку. Я съ крайнимъ недоумѣемъ смотрѣлъ на нее. Она это дѣлала съ легкимъ сердцемъ? Или дѣлала это, лишь бы избавиться отъ меня? Она обняла меня за шею, у нея были слезы въ глазахъ. Я просто стоялъ и смотрѣлъ на нее. Она протянула свой ротъ; я не могъ повѣрить ей, несомнѣнно, она приносила жертву, это было средство покончить со всѣмъ этимъ.

Она что-то сказала, мнѣ послышалось, будто она сказала: «Я все-таки люблю васъ!» Она сказала это очень тихо и невнятно, можетъ-быть, я не разслышалъ, можетъ-быть, она произнесла совсѣмъ не эти слова; но она съ жаромъ бросилась мнѣ на шею, даже приподнялась немного на цыпочкахъ, чтобы дотянуться до меня, и стояла такъ, пожалуй, цѣлую минуту.

Я боялся, что она принуждала себя къ этой нѣжности, я просто сказалъ:

— Какъ вы прекрасны сейчасъ!

Больше я ничего не сказалъ. Я отступилъ назадъ, наткнулся на дверь и вышелъ, нитясь, изъ комнаты. А она осталась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Зима пришла, холодная и сырая зима почти безъ снѣга, туманная и темная вѣчная ночь безъ единого свѣжаго порыва вѣтра въ теченіе цѣлой недѣли. Газъ горѣлъ почти цѣлый день на улицахъ, и люди все-таки сталкивались другъ съ другомъ въ туманѣ. Всѣ звуки, звонъ церковныхъ колоколовъ, бубенчики на извозчичьихъ лошадяхъ, людскіе голоса, все звучало такъ глухо и точно было схоронено въ густомъ воздухѣ. Прошла недѣля и еще недѣля, а погода была и стояла все та же.

И я продолжалъ ютиться все тамъ же.

Я все больше и больше привязывался къ этой гостиницѣ,

къ этимъ меблированнымъ комнатамъ для прїѣзжающихъ, гдѣ мнѣ можно было ютиться, несмотря на свою полную нищету. Мои деньги давнымъ-давно вышли, и я все-таки продолжалъ являться сюда, точно у меня было право на это, и точно я былъ здѣсь своимъ. Хозяйка пока ничего не говорила; но меня все равно мучило, что я не могу расплатиться съ нею. Такъ прошли три недѣли.

Я уже нѣсколько дней до этого снова принялся за свое писаніе, но мнѣ уже не удавалось добиться ничего, чѣмъ бы я остался доволенъ; у меня больше ничего не выходило, хотя я былъ очень прилеженъ и бился съ утра до ночи. За что бы я ни принимался, было бесполезно,—счастье ушло.

Я производилъ эти опыты въ комнатѣ второго этажа, въ лучшей гостиной. Меня никто не тревожилъ тамъ, съ самаго перваго вечера, когда у меня были деньги и я могъ платить за все. Я все время надѣялся, что мнѣ удастся написать ту или иную статью, и будетъ возможность уплатить за комнату и погасить прочіе долги; вотъ почему я работалъ такъ усердно. Меня особенно занимала одна начатая вещь, отъ которой я многого ожидалъ, аллегорія о пожарѣ въ книжномъ магазинѣ, глубокая мысль, которую я хотѣлъ обработать какъ можно старательнѣе и отдать въ уплату долга «командиру». Вѣдь «командиру» нужно было убѣдиться, что однажды онъ оказалъ помощь настоящему таланту; у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ убѣдится въ этомъ. Нужно было только подождать, когда меня осѣнитъ духъ. А почему вдохновенію нельзя было осѣнить меня? Отчего ему не снизойти даже въ самое ближайшее время? Мнѣ ничто не мѣшало; я каждый день получалъ немного пицци отъ своей хозяйки, нѣсколько бутербродовъ утромъ и вечеромъ, и моя нервность почти исчезла. Я больше не заворачивалъ своихъ рукъ въ тряпки, когда писалъ, и могъ безъ головокруженія смотрѣть на улицу изъ своихъ оконъ во второмъ этажѣ. Мнѣ было гораздо лучше во всѣхъ отношеніяхъ, и я началъ положительно удивляться, что все еще не кончилъ своей аллегоріи. Я не зналъ, чѣмъ это объяснить.

Наконецъ мнѣ пришлось однажды почувствовать, какъ я былъ слабъ, какъ вяло и бесплодно работалъ мой мозгъ. Въ этотъ день ко мнѣ пришла хозяйка съ какимъ-то счетомъ и просила просмотрѣть его; этотъ счетъ, очевидно, невѣренъ,—сказала она: — онъ не сходится съ ея книгами; но она не могла найти ошибки.

Я принялся подсчитывать; моя хозяйка сидѣла напротивъ и смотрѣла на меня. Я сложилъ эти двадцать малень-

кихъ цифръ, сначала сверху внизъ, и нашель сумму вѣрной, потомъ снизу вверхъ, и снова пришелъ къ тому же результату. Я смотрѣль на женщину, она сидѣла прямо противъ меня и ждала моего слова; я тутъ же замѣтилъ, что она беременна, это не ускользнуло отъ моего наблюдательнаго взгляда, хотя я вовсе не смотрѣль на нее испытующе.

— Сумма вѣрна,—сказаль я.

— Нѣтъ, провѣрьте каждую цифру,—отвѣтила она:—не можетъ быть такъ много; я въ этомъ увѣрена.

И я началъ провѣрять каждую цифру: 2 хлѣба по 25, ламповое стекло 18, мыло 20, масло 32... Вовсе не нужно особенной головы, чтобы просмотрѣть эти столбцы чисель, этотъ маленькій счетъ мелочного лавочника, гдѣ не было никакихъ подробностей, и я добросовѣстно пытался отыскать ошибку, о которой говорила женщина, но не находилъ. Провозившись съ этими цифрами минуты двѣ, на мою бѣду я почувствовалъ, что все начало плясать въ моей головѣ; я больше не отличаль расхода отъ дохода, у меня путалось все. Наконецъ я сразу остановился на слѣдующей строкѣ: $3^{5/16}$ фунта сыру по 16. Мой мозгъ окончательно отказался работать, я тупо смотрѣль внизъ на сыръ и не двигался съ мѣста.

— Чортъ возьми, какъ плохо тутъ написано!—сказаль я въ отчаяніи. — Здѣсь стоитъ, помоги мнѣ Богъ, пять шестнадцатыхъ фунта сыру. Хе-хе, неслыханная вещь! Посмотрите сами!

— Да, — отвѣчала хозяйка: — у нихъ привычка писать такъ. Это зеленый сыръ. Совершенно вѣрно! Пять шестнадцатыхъ—это пять лотовъ...

Я снова пытался разобраться въ этомъ маленькомъ счетѣ, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ подсчиталь бы въ одну минуту; я обливался потомъ, изо всѣхъ силъ думаль объ этихъ загадочныхъ числахъ и задумчиво моргалъ глазами, точно всесторонне изучаль написанное; но мнѣ пришлось оставить это. Проклятые пять лотовъ сыру окончательно доконали меня; казалось, что-то треснуло въ моемъ мозгу.

Но, чтобы произвести впечатлѣніе, что я продолжаю заниматься вычислениями, я шевелиль губами и отъ поры до времени громко называль какое-нибудь число, скользя все дальше и дальше внизъ по счету, точно я непрерывно подвигался впередъ и приближался къ концу. Хозяйка сидѣла и ждала. Наконецъ я сказаль:

— Я провѣрилъ все отъ начала до конца, и тутъ, право, нѣтъ никакой ошибки, насколько я могу видѣть.

— Нѣтъ!—отвѣтила женщина:—въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ?

Но я отлично видѣль, что она не вѣрила мнѣ. И вдругъ мнѣ по-

казалось, что въ ея рѣчи появился оттѣнокъ пренебреженія, нѣсколько безразличный тонъ, какого раньше я у нея не слышалъ. Она сказала, что я, можетъ-быть, но привыкъ считать на шестнадцатая доли, сказала также, что ей придется обратиться къ кому-нибудь, кто былъ сильнѣе въ этомъ, чтобы провѣрить счетъ, какъ слѣдуетъ. Все это сказала она не въ обидномъ видѣ, безъ желанія пристыдить меня, но задумчиво и серьезно. Когда она подошла къ двери и собиралась уходить, она сказала, не взглянувъ на меня:

— Простите, что помѣшала вамъ!

Она ушла.

Немного спустя дверь опять открылась, и хозяйка снова вошла; она врядъ ли ушла дальше сѣней, прежде чѣмъ вернуться.

— Вотъ что!—сказала она.—Вы только не обижайтесь; но мнѣ съ васъ кое-что слѣдуетъ. Вѣдь вчера были уже три недѣли, какъ вы пріѣхали? Да, я думаю, что три недѣли. Не такъ-то легко пробиваться съ большою семьей на рукахъ, такъ что я не могу держать жильцовъ въ кредитъ...

Я остановилъ ее.

— Какъ я вамъ уже раньше говорилъ, я работаю надъ статьей, — сказалъ я:—и какъ только она будетъ готова, вы сейчасъ же получите ваши деньги. Будьте совершенно спокойны.

— Да, но вы ея никогда не кончите?

— Вы думаете? Вдохновеніе можетъ осѣнить меня завтра или еще сегодня ночью; нѣтъ ничего невозможнаго, что оно осѣнитъ меня сегодня ночью, и тогда моя статья будетъ готова въ четверть часа, не больше. Я работаю не такъ, какъ остальные люди; я не могу сидѣть и сочинять определенное количество въ теченіе дня, я долженъ ждать мгновенія. И никто не вѣдаетъ ни дня ни часа, когда духъ снизойдетъ на человѣка; это должно итти своимъ чередомъ.

Хозяйка ушла. Но ея довѣріе ко мнѣ, очевидно, сильно поколебалось.

Я вскочилъ и, оставшись одинъ, рвалъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Нѣтъ, мнѣ дѣйствительно не было спасенія, никакого спасенія! Мой мозгъ обанкротился! Развѣ я не сталъ совершеннымъ идиотомъ, развѣ я уже не могъ высчитать стоимость маленькаго куска зеленого сыру? Но какъ я могъ лишиться своего разсудка, если я предлагалъ себѣ подобные вопросы? Развѣ я при всемъ моемъ напряженномъ увлеченіи счетомъ не сдѣлалъ точнѣйшаго наблюденія, что моя хозяйка была беременна? У меня не было никакого основанія знать

это, мнѣ никто не рассказывалъ, это пришло мнѣ въ голову помимо моей воли; я увидѣлъ это собственными глазами и тотчасъ же понялъ это, да еще въ отчаянное мгновеніе, когда я вычислялъ шестнадцатая доли. Какъ я долженъ объяснить это?

Я подошелъ къ окну и смотрѣлъ на улицу; окно выходило на Вогнмандсгаде. На мостовой играли дѣти, бѣдно одѣтыя дѣти на бѣдной улицѣ; они бросали пустую бутылку и громко визжали. Повозка съ домашнимъ скарбомъ медленно проѣхала мимо нихъ; очевидно, выброшенная на улицу семья мѣняла квартиру въ такое неурочное время. Я тотчасъ же подумалъ объ этомъ. На возу валялись постельныя вещи и мебель, изъѣденные червями кровати и комоды, красныя кресла на трехъ ногахъ, рожи, желѣзный ломъ, жестяная посуда. Маленькая дѣвочка, совсѣмъ еще дитя, уродливый ребенокъ съ отмороженнымъ носомъ, сидѣла на возу и крѣпко держалась бѣдными посинѣвшими ручонками, чтобы не свалиться. Она сидѣла на кучѣ ужасныхъ, мокрыхъ матрацовъ, гдѣ спали дѣти, и смотрѣла на ребятишекъ, бросавшихъ пустую бутылку...

Я стоялъ и смотрѣлъ, и мнѣ не стоило никакого труда понимать все, что происходило. Пока я стоялъ у окна и наблюдалъ, я слышалъ еще, какъ дѣвушка хозяйки напѣвала въ кухнѣ рядомъ съ моей комнатой; я зналъ пѣсенку, которую она пѣла, и поэтому прислушивался, не поетъ ли она фальшиво. И я сказалъ самому себѣ, что идиоту все это было бы не подъ силу; я, слава Богу, столь же въ своемъ умѣ, какъ всякій человѣкъ.

Вдругъ я увидѣлъ, какъ двое ребятишекъ начали браниться, два мальчугана; одного я зналъ, это былъ сынъ хозяйки. Я открываю окно, чтобы слышать, что они говорятъ другъ другу, и подъ моимъ окномъ тотчасъ же собирается толпа дѣтей и жадными глазами смотритъ вверхъ. Чего они ждали? Что бросать что-нибудь? Сухіе цвѣты, кость, окурокъ сигары, какую-нибудь вещь, которая пригодится для ѣды или для игры? Они смотрятъ на мое окно съ посинѣвшими отъ холода лицами, безконечно долгимъ взглядомъ. Въ это время два маленькихъ врага продолжаютъ ругать другъ друга. Изъ этихъ дѣтскихъ ртовъ вылетаютъ слова, какъ большія, мокрыя чудовища, ужасающія бранныя слова, непотребныя клички, матросскія ругательства, которымъ они, пожалуй, выучились на пристани. И оба они такъ увлечены, что совсѣмъ не замѣчаютъ моей хозяйки, прибѣжавшей къ нимъ узнать, что случилось.

— Да,—объясняетъ ея сынъ:—онъ схватилъ меня за горло;

я долго не могъ дышать!—И, обращаясь къ маленькому буяну, который злорадно посмѣивается надъ нимъ, приходитъ въ дикое бѣшенство и кричить:—Убирайся къ чорту, халдейскій песъ! Этакій паршивецъ смѣетъ хватать людей за глотку! Я тебѣ...

И мать, эта беременная женщина, занимающая своимъ животомъ всю узкую улицу, хватается своего десятилѣтняго малыша за руку и хочетъ увести его съ собой:

— Шш... Держи глотку! Никакъ ты тоже ругаешься! Ты выпускаешь языкъ, точно ты по цѣлымъ годамъ сидѣлъ въ публичномъ домѣ! Маршъ домой!

— Нѣтъ, не пойду!

— Нѣтъ, пойдешь.

— Не пойду!

Я стою въ окнѣ и вижу, какъ гнѣвъ матери растетъ; эта отвратительная сцена глубоко возмущаетъ меня, я больше не въ силахъ терпѣть, я кричу мальчику внизъ, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ на минутку. Я крикнулъ дважды, чтобы помѣшать имъ, чтобы кончить эту сцену; въ послѣдній разъ я кричу очень громко, и мать смущенно оборачивается и смотреть на меня. И она тотчасъ же приходитъ въ себя, нагло смотритъ на меня,—съ видомъ истиннаго превосходства смотреть на меня, и потомъ, сдѣлавъ сыну замѣчаніе, уходитъ назадъ. Она говоритъ такъ громко, что я могу слышать, и заявляетъ ему:

— Фу, стыдись, ты показываешь всѣмъ, какой ты гадкій!

Изъ всего, что я наблюдалъ, я не упустилъ ничего, даже малѣйшей подробности. Моя наблюдательность была крайне бдительна, я чутко проникался каждой мелочью, стоялъ и думалъ обо всѣхъ этихъ вещахъ по мѣрѣ того, какъ онѣ возникали. Стало-быть, съ моимъ разсудкомъ не могло случиться ничего. Да и что же могло бы съ нимъ случиться?

— Послушай, знаешь, что,—сказалъ я вдругъ:—ты достаточно долго былъ занятъ своимъ разсудкомъ и безпокоился о немъ; теперь пора бросить шутки! Развѣ замѣчать и проникать во все такъ подробно, какъ ты дѣлаешь, признакъ сумасшествия? Ты почти заставляешь смѣяться надъ тобой, увѣряю тебя, это не лишено юмора, насколько я понимаю. Однимъ словомъ, всѣмъ людямъ случается топтаться на одномъ мѣстѣ, и какъ разъ въ самыхъ простыхъ вопросахъ. Это ничего не значитъ, это — простая случайность. Повторяю, еще немного, и я начну хохотать надъ тобой. Что касается этого счета, этихъ несчастныхъ пяти шестнадцатыхъ нищенскаго сыра — хе-хе, сыръ съ гвоздикой и перцемъ!— что касается

этого смѣшного сыра, то отъ него можно только поглупѣть; ужъ одинъ запахъ этого сыра могъ бы отправить человѣка на тотъ свѣтъ... — И я хототалъ надъ всѣми зелеными сырами... — Нѣтъ, засади меня за что-нибудь съѣдобное! — сказалъ я: — засади меня, если хочешь, за пять шестнадцатыхъ хорошаго сливочнаго масла! Тогда другое дѣло!

Я лихорадочно смѣялся надъ собственными шутками и находилъ ихъ весьма забавными. У меня, право, не было никакихъ недочетовъ, я былъ цѣль и невредимъ.

По мѣрѣ того, какъ я бродилъ по комнатамъ и бесѣдовалъ съ самимъ собою, моя веселость возрастала; я громко смѣялся и чувствовалъ себя опьяняюще радостнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, я только и ждалъ этой короткой радостной минуты, этого мгновенія страннаго свѣтлаго восхищенія, чтобы привести свою голову въ состояніе работоспособности. Я сѣлъ за столъ и началъ заниматься своей аллегоріей. И работа подвигалась успѣшно, успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо раньше. Она шла не быстро; но то малое, что я сдѣлалъ, казалось мнѣ неподобнымъ. Къ тому же я работалъ цѣлый часъ, нисколько не уставая.

И вотъ я сижу на самомъ важномъ мѣстѣ въ этой аллегоріи о пожарѣ въ книжномъ магазинѣ; оно представлялось мнѣ такимъ важнымъ, что все остальное, написанное мною, было ничто въ сравненіи съ этимъ мѣстомъ. Я какъ разъ хотѣлъ изложить дѣйствительно глубокую мысль, что горѣли не книги, а мозги, человѣческіе мозги, я хотѣлъ устроить настоящую Вареоломееву ночь изъ этихъ пылающихъ мозговъ. И вотъ дверь вдругъ быстро-быстро открылась, и влетѣла хозяйка. Она вошла прямо въ комнату, даже не пріостановилась у двери.

Я издалъ короткій рѣзкій крикъ, точно мнѣ нанесли ударъ.

— Что? — сказала она. — Мнѣ показалось, будто вы сказали что-то? Къ намъ пріѣхалъ постоялецъ, и мы должны отдать ему эту комнату; эту ночь вы будете спать у насъ, внизу; да, вы должны еще обзавестись собственной постелью. — И, не успѣвъ выслушать мой отвѣтъ, она безъ дальнѣйшихъ разговоровъ начала собирать мои бумаги со стола и приводить ихъ въ безпорядокъ.

Мое радостное настроеніе исчезло, я разсердился, пришелъ въ отчаяніе и тотчасъ же всталъ. Я предоставилъ ей прибирать на столѣ, ничего не говоря; я не сказалъ ни слова. И она сунула мнѣ въ руку всѣ мои бумаги.

Больше нечего было дѣлать, я долженъ былъ очистить комнату. И это мое драгоценное мгновеніе было уничтожено! Я встрѣтилъ новаго пріѣзжаго уже на лѣстницѣ, молодого человѣка

съ большимъ синимъ якоремъ на рукѣ; за нимъ шелъ носильщикъ съ сундукомъ на спинѣ. Пріѣзжій, очевидно, былъ морякъ, значить, лишь случайный гость на одну ночь; онъ, конечно, не займетъ моей комнаты на болѣе продолжительное время. Можетъ-быть, завтра мнѣ снова посчастливится, когда этотъ человѣкъ уѣдетъ, и ко мнѣ вернется одно изъ моихъ мгновеній; теперь мнѣ только не хватало вдохновенія на пять минутъ, и сочиненіе о пожарѣ будетъ готово. Значить, мнѣ нужно покориться судьбѣ...

Я раньше еще не былъ въ помѣщеніи семьи, въ единственномъ помѣщеніи, гдѣ всѣ ютились день и ночь, мужъ, жена, отецъ жены и четверо дѣтей. Служанка жила на кухнѣ, гдѣ она и спала по ночамъ. Я съ большой неохотой подошелъ къ двери и постучалъ; никакого отвѣта, хотя я слышалъ голоса внутри.

Мужъ не сказалъ ни слова, когда я вошелъ, даже не отвѣтилъ на мое привѣтствіе; онъ лишь безучастно посмотрѣлъ на меня, точно ему не было никакого дѣла до меня. Впрочемъ, онъ игралъ въ карты съ какимъ-то человѣкомъ, котораго я видѣлъ на пристани, съ носильщикомъ съ кличкой «Оконное стекло». Грудной младенецъ лежалъ и лепеталъ самъ съ собою на кровати, а старикъ, отецъ хозяйки, съезжившись, сидѣлъ на скамеечкѣ и опирался головою на руки, какъ если бъ у него болѣла грудь или животъ. У него были почти сѣдые волосы, и въ своемъ скорченномъ положеніи онъ былъ похожъ на согнувшееся пресмыкающееся, поджидавшее чего-то.

— Я прошу пріютить меня здѣсь сегодня ночью,—сказалъ я человѣку.

— Это моя жена сказала?—спросилъ онъ.

— Да. Въ моей комнатѣ поселился новый пріѣзжій.

На это онъ ничего не отвѣтилъ; онъ снова занялся картами.

Этотъ человѣкъ сидѣлъ здѣсь изо дня въ день и игралъ въ карты съ приходившими къ нему, игралъ безъ денегъ, лишь бы скоротать время и держать что-нибудь въ рукахъ. Больше онъ ничего не дѣлалъ, двигался ровно столько, сколько угодно было его лѣнливымъ членамъ, въ то время какъ жена сновала вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, хлопотала обо всемъ и вербовала гостей. Она еще вошла въ соглашеніе съ портовыми рабочими и носильщиками, которымъ уплачивала извѣстный гонораръ за каждаго новаго постояльца, и часто давала этимъ рабочимъ ночлегъ. Теперь какъ разъ «Оконное стекло» привелъ новаго пріѣзжаго.

Вошли двое изъ дѣтей, двѣ дѣвочки съ худыми, веснушатыми лицами потаскушекъ; на нихъ были очень скверныя

платья. Немного спустя вошла и хозяйка. Я спросилъ ее, куда она хочетъ пристроить меня на ночь, и она отвѣтила, что я могъ лечь здѣсь, вмѣстѣ съ остальными, или въ передней, на скамейкѣ, какъ мнѣ самому удобнѣе. Отвѣчая это, она ходила по комнатѣ и возилась съ разными вещами, приводя ихъ въ порядокъ, и ни разу не взглянула на меня.

Я поникъ при ея отвѣтѣ, стоялъ у двери и смирился, дѣлая даже видъ, что мнѣ пріятно предоставить на одну ночь мою комнату другому; я умышленно дѣлалъ привѣтливое лицо, чтобы не разсердить ея и не очутиться совсѣмъ на улицѣ. Я сказалъ:

— Ну, да какъ-нибудь устроимся!—И замолчалъ.

Она продолжала сновать по комнатѣ.

— Впрочемъ, я вамъ должна сказать, что мнѣ никакъ нельзя кормить и давать кровь людямъ въ кредитъ,—сказала она.—Я это вамъ уже раньше сказывала.

— Да, милая, но мнѣ нужно всего два дня для окончанія моей статьи,—отвѣтилъ я:—и тогда я съ удовольствіемъ уплачу вамъ лишнихъ пять кронъ, съ удовольствіемъ.

Но она, очевидно, совсѣмъ не вѣрила въ мою статью, я это видѣлъ. И я не могъ проявить гордости и оставить домъ изъ-за маленькаго оскорбленія; я зналъ, что ждетъ меня, если уйду своей дорожкой.

Прошли два дня.

Я попрежнему ютился въ семьѣ, потому что въ передней, гдѣ совсѣмъ не было печки, было холодно; я спалъ по ночамъ въ комнатѣ, на полу. Пріѣзжій морякъ продолжалъ жить въ моей комнатѣ и, повидимому, не хотѣлъ такъ скоро уѣзжать. Во время обѣда пришла хозяйка и сказала, что онъ заплатилъ ей за цѣлый мѣсяцъ впередъ; впрочемъ, онъ долженъ сдать штурманскій экзаменъ до отъѣзда; затѣмъ-то онъ и жилъ въ городѣ. Я стоялъ и выслушивалъ это и понималъ, что моя комната была потеряна для меня навсегда.

Я вышелъ въ переднюю и сѣлъ; если мнѣ удастся написать что-нибудь, то это возможно только здѣсь, въ тишинѣ. Моя аллегорія уже не занимала меня больше; у меня явилась новая идея, великолѣпный планъ: я хотѣлъ сочинить одноактную драму «Знаменье Креста»,—средневѣковый сюжетъ. Я уже придумалъ соответствующее дѣйствующее лицо, пышную, фанатическую блудницу, согрѣшившую въ храмѣ не изъ слабости или желанія, но изъ ненависти къ небесамъ, согрѣшившую у самаго подножья алтаря, положивъ покровъ подъ голову, изъ дерзновеннаго презрѣнія къ небесамъ. Хе-хе!

По мѣрѣ того, какъ часы проходили, этотъ образъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ мною. Въ концѣ концовъ онъ стоялъ передъ моими глазами, какъ живой, и какъ разъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ мнѣ нуженъ. Тѣло блудницы должно было отличаться недостатками и отталкивать: высокая, очень худая и слегка смуглая, а когда она шла, ея длинныя ноги должны были просвѣчивать сквозь ея платье на каждомъ шагу. У нея еще должны были быть большія, оттопыренные уши. Однимъ словомъ, она должна была быть ничтожной на взглядъ, съ трудомъ выносивою. Чтò меня въ ней интересовало, это было ея поразительное безстыдство, эта отчаянная чрезмѣрность умышленнаго грѣха, который она совершила. Право, она слишкомъ занимала меня; мой мозгъ какъ бы раздулся отъ этого страннаго челоуѣческаго уродства. И я писалъ свою драму цѣлыхъ два часа подъ рядъ.

Когда я сочинилъ съ десятокъ страницъ, можетъ-быть, двѣнадцать страницъ, часто съ большимъ трудомъ, пороку съ большими перерывами, зачеркивая и разрывая листы, я почувствовалъ усталость, совсѣмъ околочилъ отъ холода и усталости, всталъ и вышелъ на улицу. Въ послѣднiе полчаса мнѣ еще мѣшала дѣтскiй крикъ въ комнатѣ хозяйской семьи, такъ что больше я во всякомъ случаѣ ничего не могъ бы написать. Поэтому я предпринялъ большую прогулку по Драмeнсской дорогѣ и не приходилъ домой до самаго вечера, но все шелъ и думалъ, какъ я буду продолжать свою драму. До моего возвращенiя домой вечеромъ этого дня, со мной случилось слѣдующее:

Я стоялъ у сапожнаго магазина въ концѣ Карла-Югана, почти у Вокзальной площади. Богъ знаетъ, почему я остановился какъ разъ у этой сапожной мастерской! Я смотрѣлъ въ окно, у котораго стоялъ, хотя вовсе не думалъ, что у меня не было сапогъ; моя мысль была далеко, въ другихъ краяхъ свѣта. Толпа разговаривавшихъ людей ходила за моей спиной, но я не слышалъ, чтò говорилось. И вотъ чей-то голосъ громко привѣтствуетъ меня:

— Добрый вечеръ!

Меня привѣтствуетъ «Дѣвица».

— Добрый вечеръ!—отвѣтилъ я разсѣянно.

Я даже смотрѣлъ на «Дѣвицу» нѣкоторое время, пока наконецъ не узналъ его.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ онъ.

— Чтò же, хорошо... по обыкновенiю!

— Послушайте, скажите мнѣ, значить, вы все еще у Кристи?

— Кристи?

— Помнится, вы какъ-то говорили, что служите бухгалтеромъ у коммерсанта Кристи?

— Ахъ! Нѣтъ, это кончилось. Невозможно было работать съ этимъ человѣкомъ; дѣло довольно скоро расклеилось.

— Почему?

— Ахъ, однажды я сдѣлалъ неправильную запись, и вотъ...

— Фальшивую?

Фальшивую? «Дѣвица» откровенно спрашивалъ, не сдѣлалъ ли я подлога. Онъ спрашивалъ быстро и съ большимъ интересомъ. Я смотрѣлъ на него, чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и не отвѣчалъ.

— Ахъ, Господи, это со всякимъ можетъ случиться!— сказалъ онъ мнѣ въ утѣшеніе.

Онъ продолжалъ думать, что я сдѣлалъ подлогъ.

— Что можетъ со всякимъ случиться?—спросилъ я.— Сдѣлать фальшивую запись? Послушайте, милѣйшій, вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я способенъ на подобную низость? Я - то?

— Но, дорогой, мнѣ кажется, вы такъ ясно сказали...

Я вскинулъ голову, отвернулся отъ «Дѣвицы» и смотрѣлъ на улицу. Мой взглядъ упалъ на красное платье, приближавшееся къ намъ, на женщину рядомъ съ мужчиной. Если бъ я не разговаривалъ съ «Дѣвицей», если бъ я не былъ задѣтъ его грубымъ подозрѣніемъ, не закидывалъ головы и, нѣсколько оскорбленный, не отвернулся отъ него, то это красное платье, пожалуй, прошло бы мимо меня, не обративъ моего вниманія. И какое мнѣ дѣло до него? Мнѣ-то что, будь это даже платье самой камеръ-фрейлины Нагель?

«Дѣвица» стоялъ и говорилъ, и старался исправить свою оплошность; я его совсѣмъ не слушалъ, я все время стоялъ и смотрѣлъ на красное платье, приближавшееся по улицѣ. И въ груди у меня пробѣжало волненіе, скользящій, тонкій уколъ; я шепталъ мысленно, шепталъ, не шевеля губами:

— Илаяли!

Теперь и «Дѣвица» обернулся, замѣтилъ идущихъ даму и господина, поклонился имъ и провожалъ ихъ глазами. Я не поклонился, или, можетъ-быть, поклонился безсознательно. Красное платье двигалось по Карла-Югану и исчезло.

— Кто это провожалъ ее?—спросилъ «Дѣвица».

— «Герцогъ», развѣ вы не видѣли? Такъ называемый «Герцогъ». Вы знаете даму?

— Да, немного. А вы не знаете?

— Нѣтъ.—отвѣтилъ я.

— Мнѣ показалось, вы такъ низко поклонились?

— Поклонился?

— Ахъ, развѣ вы не поклонились?—сказалъ «Дѣвица».—
Очень странно! Вѣдь она только на васъ и смотрѣла все
время.

— Откуда вы ее знаете?—спросилъ я.

Онъ, въ сущности, не зналъ ея. Это было какъ-то вече-
ромъ, осенью. Было поздно, ихъ было трое веселыхъ людей,
они только-что вышли изъ Гранда, встрѣтили эту женщину
одну возлѣ Каммермейера и заговорили съ ней. Вначалѣ она
отвѣчала отказомъ; но одинъ изъ весельчаковъ, человѣкъ, не
боявшійся ничего на свѣтѣ, откровенно попросилъ у нея
позволенія проводить ее до дому. Онъ не тронетъ у нея ни
единого волоса, какъ говорится, просто доведетъ ее до две-
рей, чтобы убѣдиться, что она дѣйствительно вернулась до-
мой, иначе онъ не будетъ знать покоя всю ночь. Они шли, и
онъ говорилъ безъ умолку, придумывалъ одну вещь за другой,
называлъ себя Вольдемаромъ Аттердагомъ и выдавалъ себя
за фотографа. Наконецъ она была вынуждена смѣяться надъ
веселымъ парнемъ, ея холодъ нисколько не смущалъ его, и
дѣло кончилось тѣмъ, что онъ проводилъ ее.

— Ну, и чтò же было дальше?—спросилъ я и затаилъ
дыханіе.

— Дальше? Ахъ, не касайтесь этого! Она же—дама.

На одно мгновеніе мы оба замолчали, какъ «Дѣвица»,
такъ и я.

— Чортъ возьми, такъ это «Герцогъ»! Такъ вотъ онъ ка-
ковъ!—прибавилъ онъ задумчиво. — Но разъ она вмѣстѣ съ
этимъ господиномъ, то я за нее не ручаюсь.

Я продолжалъ молчать. Ну, разумѣется, «Герцогъ» ута-
щить ее! Отлично! Какое мнѣ дѣло? Я пожелать ей счастли-
ваго пути со всѣми ея прелестями, счастливаго пути поже-
лалъ! И я пытался утѣшить себя худшими мыслями о ней,
съ истиннымъ удовольствіемъ топталъ ее въ грязь. Меня
только раздражало, что я снялъ шляпу передъ этой парочкой,
если я дѣйствительно сдѣлалъ это. Зачѣмъ мнѣ было снимать
шляпу передъ такими людьми? Я больше не тужилъ о ней,
нисколько; она совершенно перестала быть красивой, она по-
дурнѣла,—чортъ возьми, какъ она увяла! Очень возможно, что
она смотрѣла только на меня; это меня не удивляло; можетъ-
быть, въ ней заговорило раскаяніе. Но ради одного этого я
не считалъ нужнымъ падать къ ногамъ и привѣтствовать ее,
какъ сумасшедшій, въ особенности, разъ она такъ подозри-
тельно увяла въ послѣднее время. «Герцогъ» могъ отлично

взять ее себѣ, милости просимъ! Можетъ-быть, настанетъ день, когда я рѣшу гордо пройти мимо нея, даже не взглянувъ въ ея сторону. Можетъ статься, я позволю себѣ сдѣлать это даже въ томъ случаѣ, если она будетъ смотрѣть на меня въ упоръ и будетъ въ красномъ платьѣ. Очень легко можетъ случиться! Хе-хе, вотъ будетъ торжество! Если я хорошо знаю себя, то я, пожалуй, могу окончить свою драму еще въ эту ночь, и въ теченіе восьми дней я брошу фрѣкентъ на колѣни. Со всѣми ея прелестями, хе-хе, со всѣми ея прелестями!..

— Прощайте!—сказалъ я отрывисто.

Но «Дѣвица» удержалъ меня. Онъ спросилъ:

— Но чѣмъ же вы заняты теперь?

— Занятъ? Пишу, конечно. Чѣмъ же мнѣ еще заниматься? Вѣдь я только этимъ и живу. Въ настоящее время я работаю надъ большой драмой—«Знаменье Креста», средневѣковый сюжетъ.

— Чортъ возьми!—искренно сказалъ «Дѣвица».—Если вы это напишете, тогда...

— Этимъ я не очень озабоченъ!—отвѣтилъ я. — Дней черезъ восемь, надѣюсь, вы многое услышите обо мнѣ.

И 'я ушелъ.

Вернувшись домой, я тотчасъ же обратился къ своей хозяйкѣ и просилъ дать мнѣ лампу. Мнѣ было очень важно получить лампу; я не хотѣлъ ложиться въ эту ночь, моя драма металась у меня въ головѣ, и я такъ твердо рассчитывалъ написать порядочную часть до утра. Я изложилъ дамѣ свою просьбу очень смиренно, такъ какъ замѣтилъ у нея недовольную гримасу, что я снова вернулся въ комнату. Я почти кончилъ замѣчательную драму, — сказалъ я: — мнѣ не хватаетъ всего двухъ сценъ. И я намекнулъ, что ее могутъ поставить гдѣ-нибудь въ театрѣ, не дождавшись моего ходатайства. Если бъ она сдѣлала мнѣ это огромное одолженіе, то я...

Но у хозяйки не было лампы. Она соображала, но не помнила, чтобъ гдѣ-нибудь у нея была лампа. Если я хочу подождать до двѣнадцати часовъ, то я, пожалуй, получу лампу изъ кухни. Почему я не куплю себѣ свѣчи?

Я замолчалъ. У меня не было десяти эре на свѣчу, и она это отлично знала. Конечно, мои планы опять разстроились! Служанка сидѣла еъ нами, она просто сидѣла въ комнатѣ, на кухнѣ ея не было, стало-быть, лампы даже не зажигали. И я стоялъ и взвѣшивалъ все это, но больше ничего не сказалъ.

Вдругъ служанка говорить мнѣ:

— Недавно мнѣ показалось, что вы вышли изъ дворца? Вы были на обѣдѣ?—И она громко засмѣялась надъ этой шуткой.

Я сѣлъ, досталъ свои бумаги и хотѣлъ попытаться сдѣлать что-нибудь, сидя здѣсь. Я держалъ бумагу у себя на колѣняхъ и энергично смотрѣлъ въ землю, чтобы не развлекаться; но это не помогало, ничто не помогало, я не могъ сдвинуться съ мѣста. Вошли двѣ дѣвочки хозяйки и начали шумѣть съ кошкой, съ паразитально-большой кошкой, на которой почти не было волосъ; когда онѣ дули ей въ глаза, въ нихъ появлялись слезы и стекали по носу. Хозяинъ и еще два человѣка сидѣли за столомъ и играли въ карты. Одна жена была занята, какъ всегда, она сидѣла и шила. Она отлично видѣла, что я не могъ писать среди такого шума, но больше не считалась со мной; она даже улыбнулась, когда служанка спросила, не былъ ли я на обѣдѣ. Весь домъ относился ко мнѣ враждебно; казалось, позорная необходимость отдала свою комнату другому привела только къ тому, что со мной стали обращаться, какъ съ постороннимъ. Даже эта служанка, маленькая черноглазая уличная дѣвка съ волосами на лбу и совершенно плоской грудью, смѣялась надо мной по вечерамъ, когда я получалъ свои бутерброды. Она часто спрашивала меня, гдѣ я обыкновенно обѣдаю, разъ она никогда не видѣла, чтобы я ковырялъ въ зубахъ у Гранда. Было ясно, что она знала мое бѣдственное положеніе и доставляла себѣ удовольствіе напоминать мнѣ объ этомъ.

Я вдругъ начинаю думать обо всемъ этомъ и не въ силахъ найти ни одной реплики для моей драмы. Мои попытки тщетны; у меня начинается шумъ въ головѣ, и въ концѣ концовъ мнѣ приходится бросить работу. Я кладу бумаги въ карманъ и поднимаю глаза. Дѣвушка сидитъ прямо передо мной, и я смотрю на нее, смотрю на эту узкую спину и на пару покатыхъ плечъ, которыя еще даже не выросли, какъ слѣдуетъ. Зачѣмъ ей было нападать на меня? Хотя бы я вышелъ даже изъ дворца, что же изъ этого? Развѣ это могло повредить ей? Въ послѣдніе дни она нагло насмѣхалась надо мной, когда на мою бѣду я спотыкался на лѣстницѣ или задѣвалъ за гвоздь и разрывалъ свою куртку. Еще не дальше, какъ вчера, она подобрала мои черновые наброски, которые я выбросилъ въ сѣни, украла эти уничтоженные наброски къ моей драмѣ и читала ихъ въ комнатѣ, во всеуслышаніе вышучивая ихъ, лишь бы поиздѣваться надо мной. Я ни разу не оскорбилъ ея и не могъ вспомнить, чтобы я когда-нибудь просилъ ея оказать мнѣ услугу. Напротивъ, по вечерамъ я самъ приготовлялъ себѣ постель на полу въ комнатѣ и не хо-

тѣлъ утруждать ее. Она посмѣивалась надо мной еще и потому, что у меня падали волосы. Въ умывальникѣ плавали волосы по утрамъ, и она смѣялась надъ этимъ. Башмаки у меня стали довольно плохи, въ особенности одинъ, попавшій подъ възъ съ хлѣбомъ, она и надъ этимъ подшучивала.—«Господь съ вами и съ вашими башмаками!»—говорила она:—«посмотрите, они большіе, какъ собачья конура!» И она была права, что мои башмаки были изношены; но теперъ я не могъ обзавестись другими.

Пока я сижу, вспоминаю все это и удивляюсь этой явной враждебности у служанки, дѣвочки начинаютъ дразнить старика на кровати. Онѣ обѣ прыгали вокругъ него и всецѣло ушли въ свою работу. Онѣ достали по соломинкѣ и втыкали ему въ уши. Я смотрѣлъ на нихъ нѣкоторое время и не вмѣшивался. Старикъ же шевельнулъ ни пальцемъ въ свою зациту; онъ лишь смотрѣлъ на своихъ мучительницъ бѣшенными глазами, когда онѣ тыкали его, и качалъ головою, чтобы освободиться отъ торчавшихъ изъ его ушей соломинокъ.

Это зрѣлище все больше и больше раздражало меня, я не могъ оторваться отъ него. Отецъ поднималъ глаза отъ картъ и смѣялся дѣвочкамъ; онъ даже обращалъ вниманіе своихъ партнеровъ на все, чтѣ происходило. Почему старикъ не шевелился? Почему онъ не отбросилъ рукою дѣвочекъ? Я сдѣлалъ шагъ къ постели.

— Оставьте ихъ! Оставьте ихъ! У него параличъ,—крикнулъ хозяинъ.

И изъ страха, какъ бы не оказаться къ ночи за дверью, просто боясь своимъ вмѣшательствомъ въ эту исторію вызвать у человѣка неудовольствіе, я молча вернулся на свое старое мѣсто и сидѣлъ смиренхонько. Зачѣмъ я стану рисковать своимъ ночлегомъ и бутербродами, вмѣшиваясь въ семейныя дразги? Никакихъ шутокъ изъ-за полумертваго старика. И я чувствовалъ себя твердымъ, какъ камень.

Маленькія дѣвочки не прекращали своихъ пытокъ. Ихъ забавляло, что голова старика не могла не шевелиться, и онѣ совали ему солому въ глаза и ноздри. Онъ смотрѣлъ на нихъ ожесточеннымъ взглядомъ, онъ ничего не говорилъ и не могъ шевельнуть руками. Вдругъ онъ приподнял свое туловище и плюнулъ одной изъ дѣвочекъ прямо въ лицо; онъ приподнялся еще и плюнулъ въ другую, но не попалъ. Я стоялъ и видѣлъ, какъ хозяинъ бросилъ карты и подскочилъ къ кровати. Онъ весь покраснѣлъ и крикнулъ:

— Ты смѣешь плевать людямъ прямо въ глаза, старый кабанъ!

— Но, Боже мой, онъ же не давали ему покоя!—крикнулъ я, выйдя изъ себя.

Но я стоялъ все время и боялся, чтобы меня не выгнали, и крикнулъ безъ особенной силы; я только дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ возмущенія.

Хозяинъ обернулся ко мнѣ,

— Нѣтъ, каковъ! Чтò вы суетесь, чортъ возьми? Держите крѣпче рыло, вотъ и все; такъ-то лучше будетъ.

Но тутъ раздался голосъ дамы, и весь домъ наполнился бранью.

— Да вы всѣ никакъ съ ума сопли и взбѣсились!—кричала она. — Если вы хотите здѣсь остаться, то оба ведите себя потише, вотъ чтò я вамъ скажу. Хе, мало давать приютъ и кормить гадину, изволь еще терпѣть цѣлый адъ въ домѣ! Но я этого не допущу, поняли? Шш! Замолчите, дрянныя, и вытрите носы, а то я сама примусь за васъ. Неслыханное дѣло! Является народъ прямо съ улицы, не имѣя даже гроша на мазь отъ вшей, и начинается шумѣть въ ночное время и браниться съ домашними. Я этого знать не хочу, поняли, можете убираться отсюда, всѣ, кто здѣсь чужой. Я хочу имѣть покой въ своемъ домѣ, и все тутъ!

Я ничего не сказалъ, я даже рта не раскрылъ, но снова сѣлъ у двери и выслушивалъ крики. Кричали всѣ, даже дѣти и служанка, которая хотѣла объяснить, какъ началась ссора. Если бъ я молчалъ, то все бы скоро прошло; конечно, не промолви я ни слова,—ничего бы и не было. А какое слово я могъ сказать? Развѣ не зима была на дворѣ, и развѣ время было не къ ночи? Умѣстно ли было стучать по столу и не давать себя въ обиду? Никакихъ выходокъ! И я сидѣлъ тихо и не оставилъ дома, хотя мнѣ почти отказали. Я упорно смотрѣлъ въ стѣну, гдѣ висѣлъ образъ Спасителя, и упорно отмалчивался на всѣ выходки хозяйки.

— Если вамъ угодно избавиться отъ меня, мадамъ, то нѣтъ ничего проще, — сказалъ одинъ изъ игроковъ.

Онъ всталъ. Второй игрокъ тоже всталъ.

— Нѣтъ, рѣчь не о тебѣ. И не о тебѣ, — обоимъ отвѣтила хозяйка. — Коль на то пошло, я могу сказать, о комъ я говорила. Коль на то пошло. Тогда будетъ видно, о комъ рѣчь...

Она говорила отрывисто, наносила мнѣ эти удары съ маленькими промежутками и положительно затягивала свои слова, чтобы дать мнѣ лучше понять, что она разумѣла меня. Спокойствіе!—сказалъ я самому себѣ.—Только спокойствіе! Она не просила меня удалиться, не вполне ясно просила, не прямо. Никакого высокомерія съ моей стороны, ни тѣни несвоевре-

менной гордости! Держать ухо востро!.. Были странно-зеленые волосы у Христа на олеографіи... Они были очень похожи на зеленую траву, или, выражаясь съ изысканной точностью, на густую луговую траву. Хе, совершенно правильное замѣчаніе съ моей стороны,—на чрезвычайно густую луговую траву... Цѣлый рядъ внезапныхъ ассоціацій пронесся въ моей головѣ въ этотъ мигъ: отъ зеленой травы до мѣста въ писаніи, гдѣ говорится, что всякая жизнь—яко трава, объятая огнемъ, отсюда до Страшнаго Суда, когда все погибнетъ въ огнѣ, потомъ маленькій переходъ къ лиссабонскому землетрясенію, затѣмъ передо мною мелькаетъ нѣчто въ родѣ испанской жестяной плевательницы и ручки изъ чернаго дерева, которую я видѣлъ у Илаяли. Ахъ, все — тлѣнъ! Яко трава, объятая огнемъ! Все сводилось къ четыремъ доскамъ и савану — у Йомфру Андерсенъ, въ подъздѣ направо...

Все это мелькало у меня въ головѣ въ это отчаянное мгновенье, когда хозяйка готова была выгнать меня за дверь.

— Онъ не слышитъ! — крикнула она. — Вы должны оставить мой домъ, поняли? Накажи меня Богъ, я думаю, что этотъ парень сошелъ съ ума! Теперь вы сейчасъ же уберетесь, вотъ вамъ и весь сказъ.

Я смотрѣлъ на дверь, не съ тѣмъ, чтобы уйти, вовсе не съ тѣмъ, чтобы уйти; мнѣ пришла наглая мысль: будь въ дверяхъ ключъ, я повернулъ бы его, заперся бы вмѣстѣ съ остальными, лишь бы не уходить. Мною овладѣлъ истерическій ужасъ передъ возможностью снова очутиться на улицѣ. Но въ дверяхъ не было ключа, и я всталъ; больше не было никакой надежды.

И вдругъ къ голосу жены присоединяется голосъ хозяина. Я остановился въ изумленіи. Человѣкъ, только-что грозившій мнѣ, теперь довольно неожиданно принимаетъ мою сторону. Онъ говоритъ:

— Нельзя выгонять людей изъ дому въ ночную пору, какъ тебѣ извѣстно. Это карается закономъ.

Я не зналъ, карается ли это, я этого не думалъ, но могло быть и такъ, и женщина очень скоро пришла въ себя, успокоилась и перестала разговаривать со мной. Она даже поставила передо мной два бутерброда за ужиномъ, но я ихъ не взялъ,—только изъ благодарности къ мужу не взялъ я ихъ, заявивъ, что я уже поѣлъ въ городѣ.

Когда я наконецъ отправился въ сѣни, чтобы лечь спать, дама пошла за мной, остановилась на порогѣ и громко сказала, въ то время какъ ея огромный, беременный животъ уставился прямо на меня:

— Но вы лежите здѣсь послѣднюю ночь, такъ и знайте.

— Хорошо! — отвѣтилъ я.

Завтра мнѣ, пожалуй, удастся устроиться съ ночлегомъ, если я хорошенько похлопочу. Гдѣ-нибудь да найдется убѣжище. А покуда что, я радовался, что мнѣ не пришлось остаться безъ крова сегодня ночью.

Я спалъ до пяти-шести часовъ утра. Когда я проснулся, еще не разсвѣло, но я все-таки тотчасъ же всталъ; въ виду холода, я спалъ, не раздвѣваясь, и мнѣ не нужно было одѣваться. Выпивъ немного воды, я тихонько открылъ дверь и вышелъ, боясь, какъ бы мнѣ снова не встрѣтиться съ хозяйкой.

Полицейскій, не спавшій всю ночь, былъ единственнымъ живымъ существомъ, которое я видѣлъ на улицѣ; немного спустя два человѣка начали гасить газовые фонари. Я бродилъ кругомъ безъ цѣли, вышелъ на Церковную улицу и направился къ крѣпости. Озябшій и сонливый, съ усталыми отъ долгой ходьбы колѣнями и спиной и очень голодный, я сѣлъ на скамейку и дремалъ долгое время. Въ теченіе трехъ недѣль я питался исключительно бутербродами, которые давала мнѣ моя хозяйка утромъ и вечеромъ; теперь прошли уже сутки, какъ я ѣлъ въ послѣдній разъ, снова все зануло во мнѣ, и мнѣ нужно было поскорѣе искать выхода. Съ этой мыслью я снова задремалъ на скамейкѣ...

Я проснулся отъ разговоровъ около меня и, оглянувшись немного, увидѣлъ, что было уже совсѣмъ свѣтло, и все уже было на ногахъ. Солнце взошло надъ холмами, небо было бѣлое и нѣжное, и, радуясь свѣтлому утру послѣ многихъ темныхъ недѣль, я забылъ всѣ печали, и мнѣ казалось, что много разъ бывало хуже. Я похлопалъ себя по груди и запѣлъ маленькій отрывокъ пѣсни. Мой голосъ звучалъ такъ печально, такъ слабо звучалъ онъ и растрогалъ меня до слезъ. Этотъ великолѣпный день, бѣлое, насыщенное свѣтомъ небо дѣйствовали также слишкомъ сильно на меня, и я заплакалъ навзрыдь.

— Что съ вами? — спросилъ какой-то человѣкъ.

Я не отвѣчалъ, только поспѣшилъ прочь, закрывая лицо отъ всѣхъ людей.

Я пришелъ на пристань. Большая барка подъ русскимъ флагомъ выгружала уголь; я прочелъ ея названіе: «Копегоро». Я долгое время развлекался тѣмъ, что наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ на этомъ иностранномъ кораблѣ. Очевидно, онъ уже почти разгрузился и, несмотря на балластъ, по-

казывалъ уже IX футовъ надъ водой, и когда рабочіе стучали по палубѣ тяжелыми сапогами, все судно издавало пустой гулъ.

Солнце, свѣтъ, соленое дыханіе моря, вся эта занятая и веселая жизнь возбуждали меня и заставили мою кровь биться бодрѣе. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что я, пожалуй, могъ бы сочинить двѣ сцены драмы, сидя здѣсь. И я вынулъ свои листы изъ кармана.

Я пытался составить реплику въ устахъ монаха, реплику, которая должна была пылать силой и нетерпимостью; но мнѣ не удавалось. Тогда я перескочилъ черезъ монаха и хотѣлъ выработать рѣчь, обращеніе судьи къ осквернительницѣ храма, и написалъ полстраницы этой рѣчи, потомъ остановился. Моимъ словамъ недоставало настоящего отгѣнка. Дѣловитость жизни вокругъ меня, пѣсни рабочихъ, грохотъ винтовъ и безпрерывный звонъ желѣзныхъ цѣпей мало подходили къ атмосферѣ темнаго, затхлаго средневѣковья, моей драмѣ нуженъ былъ какъ бы туманъ. Я собралъ бумаги и всталъ.

Но теперь все было въ порядкѣ, и я опредѣленно чувствовалъ, что добьюсь чего-нибудь, если все пойдетъ на ладу. Если бѣ только у меня было пристанище! Думая объ этомъ, я остановился по срединѣ улицы, но не зналъ ни одного тихаго мѣстечка во всемъ городѣ, гдѣ бы я могъ расположиться на время. Не было другого выхода, какъ вернуться въ «Комнаты для прїѣзжихъ со столомъ». Я корчился при этой мысли, все время твердилъ себѣ, что это не годится, однако плелся впередъ и приближался къ запретному мѣсту. Конечно, это было плачевно, сознавался я себѣ, это было унижительно; ничто не помогало. Но я вовсе не былъ гордъ, я могъ громко заявить, что я—одна изъ наименѣе высококомѣрныхъ тварей, какія водятся въ настоящее время. И я шелъ.

Я остановился у двери и еще разъ взвѣсилъ. Будь, что будетъ, я долженъ рѣшиться! Развѣ все это не мелочь? Во-первыхъ, все это будетъ продолжаться лишь нѣсколько часовъ, во-вторыхъ, накажи меня Богъ, если я когда-либо снова буду искать убѣжища въ этомъ домѣ. Я вошелъ во дворъ. Шагая по этимъ неровнымъ камнямъ во дворѣ, я все еще былъ въ нерѣшительности и чуть не повернулъ у самыхъ дверей. Я стиснулъ зубы. Нѣтъ, долой неумѣстную гордость! Въ худшемъ случаѣ, я могъ извиниться и сказать, что пришелъ проститься, откланяться, какъ слѣдуетъ, и условиться насчетъ моего маленькаго долга за квартиру. Я открылъ дверь въ переднюю.

Я тихо остановился. Прямо передо мной, всего въ двухъ

шагахъ, стоялъ самъ хозяинъ, безъ шляпы и безъ куртки, и смотрѣлъ въ замочную скважину въ свою жилую комнату. Онъ сдѣлалъ мнѣ безмолвный знакъ рукою, чтобъ я стоялъ тихо, и снова смотрѣлъ въ замочную скважину. Онъ стоялъ и смѣялся.

— Идите сюда! — сказалъ онъ шопотомъ.

Я подошелъ на цыпочкахъ.

— Смотрите! — сказалъ онъ и смѣялся тихимъ, горячимъ смѣхомъ. — Загляните! Хи-хи! Вонъ они лежатъ! Взгляните на старика! Вамъ видно старика?

Въ комнатѣ, на кровати, прямо противъ меня, я увидѣлъ двѣ фигуры, хозяйку и прѣзжаго штурмана; на темномъ одѣялѣ блестя ея бѣлыя ноги. А въ постели у другой стѣны сидѣлъ ея отецъ, разбитый параличомъ старикъ, и смотрѣлъ, опершись на руки, скорчившись, по обыкновенію, не въ силахъ двигаться...

Я повернулся къ своему хозяину. Ему стоило огромнаго труда удержаться отъ громкаго смѣха. Онъ держался за носъ.

— Видѣли старика? — шепталъ онъ. — Ахъ, Боже мой, видѣли старика? Онъ сидитъ и смотритъ! — И онъ снова нагнулся къ замочной скважинѣ.

Я подошелъ къ окну и сѣлъ. Это зрѣлище внесло немилосердный беспорядокъ во всѣ мои мысли и перевернуло вверхъ дномъ мое богатое настроеніе. Ну, какое мнѣ дѣло до этого? Если самъ мужъ мирился съ этимъ, даже получалъ большое удовольствіе, то у меня не было ни малѣйшаго основанія возмущаться. А что касалось старика, то старикъ — всегда старикъ. Онъ, пожалуй, видѣлъ это не разъ; можетъ-быть, онъ сидѣлъ и спалъ; Богъ знаетъ, не умеръ ли онъ. Меня ничуть не удивило бы, если бъ онъ сидѣлъ былъ мертвъ. И моя совѣсть была спокойна.

Я снова вынулъ рукопись и хотѣлъ отогнать всѣ постороннія впечатлѣнія. Я остановился на половинѣ фразы въ рѣчи судьи: «Такъ велятъ мнѣ Богъ и законъ, такъ велитъ мнѣ совѣтъ моихъ мудрыхъ мужей, такъ велитъ мнѣ и собственная совѣсть...» Я смотрѣлъ въ окно, чтобы придумать, что велитъ ему совѣсть. Слабый шумъ донесся до меня изъ комнаты. Ну, это меня не касалось, нисколько не касалось; старикъ къ тому же умеръ, быть-можетъ, умеръ сегодня въ четыре часа утра; стало-быть, мнѣ было совершенно безразлично, что тамъ за шумъ. Зачѣмъ же я, чортъ возьми, сидѣлъ и думалъ о немъ? Спокойствіе!

Такъ мнѣ велитъ и собственная совѣсть...

Но все было въ разговорѣ противъ меня. Человѣкъ стоялъ не совсѣмъ тихо у замочной скважины, отъ поры до времени

я слышалъ его подавленный смѣхъ и видѣлъ, какъ онъ тряся; и происходившее на улицѣ развлекало меня. Маленькій мальчикъ возился на солнцѣ на противоположномъ тротуарѣ; онъ не подозрѣвалъ никакой бѣды, просто связывалъ длинныя бумажки и не дѣлалъ ничего дурного. Вдругъ онъ вскакиваетъ и ругается; онъ пятится на середину улицы и замѣчаетъ человѣка, взрослога человѣка съ рыжей бородой, который высунулся изъ окна во второмъ этажѣ и плюнулъ ему на голову. Малышъ плакалъ отъ злобы и беспомощно посылалъ проклятія въ окно, а человѣкъ наверху смѣялся ему въ лицо; такъ прошло, пожалуй, пять минутъ. Я отвернулся, чтобы не видѣть слезъ мальчика.

Такъ велить мнѣ и собственная совѣсть...

Я не могъ сдвинуться съ мѣста. Наконецъ все у меня начало путаться. Мнѣ казалось, что даже написанное мною куда не годится, что вся идея — сплошной вздоръ. Нельзя говорить о совѣсти въ среднѣ вѣка, совѣсть впервые изобрѣтена учителемъ танцевъ Шекспиромъ, слѣдовательно вся моя рѣчь невѣрна. Стало-быть, въ этихъ бумагахъ не было ничего хорошаго? Я снова пробѣжалъ ихъ и тотчасъ же разрѣшилъ свое сомнѣніе; я нашелъ великолѣпныя мѣста, довольно длинные куски исключительной цѣнности. И въ моей груди снова вспыхнулъ ошьяняющій порывъ вновь приняться за дѣло и кончить драму.

Я всталъ и пошелъ къ двери, не обращая вниманія на бѣшенный знакъ хозяина вести себя потише. Въ твердомъ и непоколебимомъ рѣшеніи, я вышелъ изъ передней, поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ и вошелъ въ свою старую комнату. Вѣдь штурмана не было, и что мнѣ мѣшало посидѣть здѣсь минутку? Я не трону его вещей, даже не буду пользоваться его столомъ, но расположусь на стулѣ у двери и буду счастливъ. Я быстро разворачиваю бумаги у себя на колѣняхъ.

Нѣсколько минутъ все шло безподобно. Въ моей головѣ, одна за другой, возникали вполне готовые реплики, я писалъ, не отрываясь. Я заполняю одну страницу за другой, лечу сломя голову, тихо вскрикиваю, восхищаясь своимъ хорошимъ настроеніемъ, и почти забываю себя. Единственный звукъ, какой я слышу въ данное мгновеніе, это — мой собственный радостный крикъ. И вотъ мнѣ приходитъ въ голову очень счастливая мысль о церковномъ колоколѣ, звонъ котораго долженъ раздаться въ извѣстномъ мѣстѣ моей драмы. Все шло поразительно.

Тогда я слышу шаги на лѣстницѣ. Я дрожу и почти внѣ себя, настоужась, боязливый, бдительный, исполненный страха

ко всему, и, возбужденный голодомъ, я нервно прислушиваюсь, держа въ рукѣ карандашъ. Я больше не могу написать ни слова. Дверь открывается; входитъ парочка изъ нижней комнаты.

Не успѣлъ я попросить извиненія въ томъ, что я сдѣлалъ, какъ хозяйка кричитъ въ крайнемъ изумленіи:

— Господи Боже мой, онъ снова сидитъ здѣсь!

— Извините! — сказалъ я — и хотѣлъ сказать больше, но не успѣлъ.

Хозяйка раскрыла двери настежь и кричала.

— Если вы не уберетесь вонъ, то видите Богъ, я пошлю за полиціей.

Я всталъ.

— Я хотѣлъ только проститься съ вами, — бормоталъ я: — и мнѣ пришлось ждать. Я ничего не тронулъ, я сидѣлъ здѣсь на стулѣ...

— Не бѣда, — сказалъ штурманъ. — Что за бѣда? Оставьте его!

Когда я спустился по лѣстницѣ, мною вдругъ овладѣло бѣшенство на толстую, раздувшуюся женщину, которая шла за мною по пятамъ, чтобы скорѣе выпроводить меня, и одно мгновеніе я стоялъ неподвижно, съ полнымъ худшихъ ругательствъ ртомъ, готовый бросить ихъ ей въ лицо. Но я въ-время опомнился и смолчалъ, смолчалъ просто изъ благодарности къ этому незнакомому человѣку, который шелъ за ней и могъ услышать меня. Хозяйка неизмѣнно слѣдовала за мной и непрерывно ругала меня, тогда какъ мой гнѣвъ приливалъ съ каждымъ шагомъ.

Мы вышли на дворъ, я шелъ очень медленно, все еще взвѣшивая, связываться ли мнѣ съ хозяйкой. Я былъ въ этотъ мигъ весь во власти бѣшенства и помышлялъ о худшемъ кровопролитіи, о толчкѣ, который положилъ бы ее на мѣстѣ, объ ударѣ ногой въ животъ. Въ воротахъ мимо меня проходитъ разсылный, онъ кланяется, но я не отвѣчаю; онъ обращается къ дамѣ сзади меня, и я слышу, что онъ спрашиваетъ меня; но я не оборачиваюсь.

Въ двухъ шагахъ за воротами разсылный нагоняетъ меня, снова кланяется и останавливаетъ меня. Онъ передаетъ мнѣ письмо. Быстро и невольно я вскрываю его, и изъ конверта падаетъ десять кронъ, но никакого письма, ни слова.

Я смотрю на человѣка и спрашиваю:

— Что это за шутки? Отъ кого письмо?

— Я, право, не знаю, — отвѣчаетъ онъ: — какая-то дама передала мнѣ его.

Я стоялъ. Разсылный ушелъ. Тогда я кладу бумажку снова

въ конвертъ, комкаю все это, поворачиваю и подхожу къ хозяйкѣ, которая все еще наблюдаетъ за мной изъ дверей, и бросаю ей бумажку въ лицо. Я ничего не сказалъ, не произнесъ ни звука, я только замѣтилъ, что она развернула scomканную бумажку, когда я уходилъ...

Хе, вотъ это — поведеніе! Ничего не сказать, не разговаривать съ дрянью, но преспокойно scomкать крупную ассигнацію и швырнуть въ лицо своимъ преслѣдователямъ. Это называется вести себя съ достоинствомъ! Такъ имъ и надо, скотамъ!..

Когда я вышелъ на уголь Вокзальной площади и Томтегаде, вся улица вдругъ пошла кругомъ передъ моими глазами, въ головѣ у меня стоялъ пустой шумъ, и я упалъ на стѣну. Я рѣшительно не могъ двигаться дальше, не могъ даже выпрямиться изъ моего наклоннаго положенія; какъ я повалился на стѣну, такъ и остался, чувствуя, что начинаю терять сознание. Припадокъ изнеможенія только удваивалъ мой безумный гнѣвъ, я поднималъ ногу и топалъ о тротуаръ. Я дѣлалъ много другого, чтобы собраться съ силами, стискивалъ зубы, морщилъ лобъ, отчаянно ворочалъ глазами, и это начинало помогать. Моя мысль прояснилась, я понялъ, что близокъ къ гибели. Я выпрямилъ руки и оттолкнулся отъ стѣны; улица попрежнему плясала вокругъ меня. Я началъ всхлипывать отъ бѣшенства, изъ всѣхъ силъ боролся съ моимъ бѣдствіемъ и храбро стоялъ на одномъ мѣстѣ, лишь бы не свалиться; я не хотѣлъ падать, я хотѣлъ умереть, стоя. Рабочая телѣга проѣхала мимо. Я вижу, что въ телѣжкѣ картофель, но изъ бѣшенства, изъ упрямства, мнѣ приходитъ въ голову мысль, что это не картофель, а кочны капусты, и я ожесточенно клянусь, что это — капуста. Я хорошо слышалъ, что я самъ говорилъ, и не переставалъ сознательно божиться въ этой лжи, лишь бы получить смѣшное удовлетвореніе, что я даю ложную клятву. Я опьянялся этимъ безпримѣрнымъ успѣхомъ, я поднималъ три пальца вверхъ и дрожащими устами клялся, что тамъ была капуста.

Время шло. Я свалился на ступеньку лѣстницы рядомъ и вытеръ потъ со лба и шеи, вдыхая воздухъ и принуждая себя къ покою. Солнце опустилось, день клонился къ вечеру. Я снова началъ размышлять о своемъ положеніи; позорный голодъ мучилъ меня, а черезъ нѣсколько часовъ снова будетъ ночь; необходимо было придумать что-нибудь, пока еще было время. Мои мысли снова начали вращаться вокругъ меблированныхъ комнатъ, откуда меня выгнали; я вовсе не хотѣлъ возвращаться туда, но все-таки не могъ пере-

стать думать объ этомъ. Въ сущности, женщина была совершенно права, вышвырнувъ меня. Какъ я могъ ожидать, что мнѣ будутъ давать пріютъ, разъ я не платилъ за себя? Вдобавокъ, она давала мнѣ ѣсть отъ поры до времени; даже вчера вечеромъ, когда я разсердилъ ее, она предложила мнѣ два бутерброда,—по своей добротѣ предложила, зная, что я нуждаюсь въ нихъ. Значить, мнѣ нельзя было пожаловаться, и, сидя на лѣстницѣ, я началъ умолять ее въ душѣ извинить мое поведеніе. Въ особенности я горько раскаивался, что въ концѣ концовъ оказался неблагодарнымъ и швырнулъ бумажку ей въ лицо...

Десять кронъ! Я свистнулъ разохъ. Отъ кого было письмо, которое приносилъ разсылный? Только въ это мгновеніе я вполне ясно подумалъ объ этомъ и сразу догадался, въ чемъ было дѣло. Я съежился отъ боли и стыда, хриплымъ голосомъ нѣсколько разъ шепнулъ: «Илаяли», и покачалъ головой. Не я ли самъ, не дальше, какъ вчера вечеромъ, рѣшилъ гордо пройти мимо нея, если встрѣчу ее, и проявить глубочайшее равнодушіе къ ней? И взамѣнъ я только возбудилъ въ ней жалость и выманилъ у нея лепту милосердія. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, моему униженію не было конца! Даже въ ея глазахъ я не могъ остаться порядочнымъ человѣкомъ; я опускался, опускался всюду, куда бы ни шелъ, опускался по колѣна, по поясъ, погрязъ въ позорѣ и больше уже не въ силахъ былъ возстать, никогда! Это былъ предѣлъ! Взять десять кронъ, какъ милостыню, и не имѣть возможности швырнуть ихъ обратно таинственному подающему, схватить деньги обѣими руками, гдѣ ихъ предлагаютъ, и оставить ихъ у себя, воспользоваться ими для уплаты за квартиру, несмотря на свое глубочайшее отвращеніе!..

Нельзя ли мнѣ какъ-нибудь получить эти десять кронъ обратно? Итти къ хозяйкѣ и требовать возвращенія бумажки было бесполезно; долженъ быть другой выходъ, стоить мнѣ только подумать, стоить мнѣ только собраться съ силами и подумать. Видитъ Богъ, тутъ мало было думать обыкновеннымъ ходомъ мысли, какъ добыть эти десять кронъ, мнѣ нужно было думать всѣмъ своимъ человѣческимъ существомъ. И я принялся думать покрѣпче.

Могло быть уже около четырехъ часовъ, и черезъ два часа я могъ бы, пожалуй, отправиться къ директору театра, будь моя драма готова. Я вынимаю рукопись и хочу во что бы то ни стало написать три-четыре послѣднихъ сцены; я думаю, и потѣю, и перечитываю все сначала, но не подвигаюсь ни на волосъ.—«Долой глупости!—говорю я:—нечего упрямяться!» И

я пишу свою драму, какъ попало, записываю все, что приходитъ въ голову, лишь бы поскорѣе кончить и отдѣлаться. Я хотѣлъ внушить себѣ, что меня осѣнило новое великое мгновѣніе, я лгалъ, явно обманывалъ себя и писалъ дальше, точно мнѣ не нужно было подыскивать словъ.—«Хорошо! Настоящая находка!—то и дѣло шепталъ я:—только записывай!»

Въ концѣ концовъ мои послѣднія реплики начали казаться мнѣ подозрительными; онѣ такъ рѣзко отличались отъ репликъ въ первыхъ сценахъ, кромѣ того, въ словахъ монаха не было никакого средневѣковья. Я ломаю зубами свой карандашъ, вскакиваю, разрываю свою рукопись, разрываю каждый листъ, бросаю шляпу на улицу и топчу ее.—«Я погибъ!—шепчу я про себя:—милостивыя государыни и милостивые государи, я погибъ!» И кромѣ этихъ словъ я ничего не говорю и продолжаю топтать свою шляпу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ полицейскій и слѣдить за мной; онъ стоитъ посерединѣ улицы и, кромѣ меня, ничего не замѣчаетъ. Когда я поднимаю голову, наши глаза встрѣчаются; быть-можетъ, онъ стоялъ уже давно и смотрѣлъ только на меня. Я поднимаю свою шляпу, надѣваю ее и подхожу къ этому человѣку.

— Вы не знаете, сколько времени?—говорю я.

Онъ ждетъ немного, вытаскиваетъ свои часы и все время не сводитъ съ меня глазъ.

— Четыре, — отвѣчаетъ онъ.

— Вѣрно! — говорю я: — четыре, совершенно вѣрно! Вы знаете ваше дѣло, вижу я, и буду имѣть васъ въ виду.

Я оставилъ его. Я привелъ его въ крайнее изумленіе, онъ стоялъ и, разинувъ ротъ, смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ и все еще держалъ въ рукѣ часы. Когда я пришелъ къ Роялю, я обернулся и смотрѣлъ назадъ: онъ все еще стоялъ въ томъ же положеніи и провожалъ меня глазами.

Хе-хе, такъ-то надо обращаться со скотами! Съ самымъ изысканнымъ безстыдствомъ! Это внушаетъ животнымъ уваженіе, вселяетъ страхъ въ животныхъ... Я былъ крайне доволенъ собой и снова началъ напѣвать. Въ напряженномъ возбужденіи, не чувствуя больше ни малѣйшей боли, даже не замѣчая въ себѣ никакого непріятнаго ощущенія, легкой, какъ перышко, я прошелъ всю площадь, свернулъ у базара и сѣлъ на скамейкѣ у церкви Спасителя.

Пожалуй, было довольно безразлично, отошлю я эти десять кронъ назадъ, или нѣтъ! Разъ я ихъ получилъ, то онѣ были мои, а тамъ, откуда онѣ явились, очевидно, не было нужды. Вѣдь я долженъ былъ взять ихъ, разъ онѣ опредѣ-

ленно были посланы мнѣ; не было никакого смысла оставлять ихъ разсылному. Равно какъ нехорошо было посылать назадъ совсѣмъ другія десять кронъ, а не тѣ, которыя я получилъ. Значить, съ этимъ нечего было дѣлать.

Я пытался слѣдить за движеніемъ на лежавшей передо мною площади и занять свою мысль безразличными вещами; но мнѣ не удавалось, и я все время былъ занятъ десятью кронами. Наконецъ я сжалъ кулаки и рассердился. Это оскорбило бы ее, — сказалъ я: — если бъ я отослалъ ихъ назадъ; зачѣмъ же мнѣ дѣлать это? Я вѣчно считалъ себя выше всѣхъ на свѣтѣ, спесиво качалъ головой и говорилъ:—Нѣтъ, спасибо. Теперь я видѣлъ, къ чему это ведетъ; я снова очутился на улицѣ. Хотя у меня была полная возможность, я все же не могъ усидѣть въ моей милой, теплой комнатѣ; я сталъ гордъ, вскочилъ при первомъ словѣ и постоялъ за себя, швырнулся десятью кронами направо и налево и ушелъ своей дорогой... Я очень бранилъ себя, что бросилъ квартиру и снова очутился въ такомъ положеніи.

Впрочемъ, къ чорту все это! Я не просилъ этихъ десяти кронъ и недолго держалъ ихъ въ своихъ рукахъ, я тотчасъ же отдалъ ихъ, уплатилъ совершенно чужимъ людямъ, которыхъ я больше никогда не увижу. Ужъ такой я человѣкъ, я плачивалъ все до послѣдней полушки, когда было нужно! Если я хорошо зналъ Илаяли, то она тоже не раскаивалась, что послала мнѣ деньги; что же я бѣсился? Она дѣлала самое малое, что могла, посылая мнѣ десять кронъ отъ поры до времени. Вѣдь бѣдная дѣвушка была влюблена въ меня, быть-можетъ, даже смертельно влюблена... И я сидѣлъ и хвасталъ этой мыслью самому себѣ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что она была влюблена въ меня, бѣдная дѣвушка!..

Было пять часовъ. Мое продолжительное нервное возбужденіе прошло, и я снова началъ чувствовать пустой шумъ въ головѣ. Я смотрѣлъ прямо, смотрѣлъ неподвижнымъ взглядомъ и видѣлъ передъ собою аптеку. Голодъ сильно донималъ меня, и я очень страдалъ. Пока я сидѣлъ такъ и смотрѣлъ въ пространство, передъ моими неподвижными глазами мало-помалу прояснилась фигура, которую въ концѣ концовъ я увидѣлъ совсѣмъ четко и узналъ; это—торговка сладостями у аптеки.

Я вздрагиваю, выпрямляюсь на скамейкѣ и начинаю вспоминать. Совершенно вѣрно, это была та же самая женщина, передъ тѣмъ же лоткомъ, на томъ же самомъ мѣстѣ! Я свищу нѣсколько разъ и щелкаю пальцами, поднимаюсь со скамейки и направляюсь къ аптекѣ. Долой глухости! Чортъ возьми, не все ли равно, давалъ ли я грѣшныя деньги или честныя нор-

вежскія денежки изъ конгсбергскаго серебра! Я не хотѣлъ быть смѣшнымъ, вѣдь можно умереть отъ излишней гордости...

Я подхожу къ углу, всматриваюсь въ женщину и останавливаюсь передъ ней. Я улыбаюсь, киваю, какъ знакомый, и располагаю свои слова въ такомъ порядкѣ, какъ если бѣ само собой разумѣлось, что я долженъ былъ вернуться когда-нибудь.

— Здравствуйте! — говорю я. — Вы, пожалуй, не узнаете меня?

— Нѣтъ, — медленно отвѣчаетъ она и смотритъ на меня.

Я улыбаюсь еще усерднѣе, какъ если бѣ она хотѣла пошутить, притворяясь, что не знаетъ меня, и говорю:

— Неужели вы не помните, какъ однажды я далъ вамъ нѣсколько кропъ? Я ничего не сказалъ при этомъ, насколько я помню, ничего не сказалъ; я этого никогда не дѣлалъ. Когда имѣешь дѣло съ честными людьми, то нѣтъ надобности улавливаться и, такъ сказать, заключать контракты изъ-за каждой мелочи. Хе-хе! Вѣдь это я передалъ вамъ деньги въ тотъ день.

— Ну, конечно, вы! Теперь я вспоминаю и узнаю васъ...

Я хотѣлъ предупредить ея благодарности за деньги и вотъ уже выбиралъ глазами съѣстное на столѣ, и быстро говорю:

— И теперь я пришелъ за пирожнымъ.

Она этого не понимаетъ.

— Пирожное, — повторяю я: — теперь я пришелъ взять пирожное. По крайней мѣрѣ, часть, первую партію. Мнѣ не все нужно сегодня.

— Вы пришли взять пирожное? — спрашиваетъ она.

— Ну, разумѣется! — отвѣчаю я и громко смѣюсь, какъ если бѣ ей сразу стало очевидно, что я пришелъ за пирожками.

И я беру со стола одну булочку, нѣчто въ родѣ французскаго хлѣба, и начинаю ѣсть.

При видѣ этого женщина выпрямляется въ своей конурѣ, дѣлаетъ невольное движеніе защитить свои товары и даетъ мнѣ понять, что она не ждала моего возвращенія, да еще съ цѣлью отнять у нея пирожки.

Нѣтъ? — говорю я. — Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ? Правдѣ, забавная женщина! Развѣ бывали такіе случаи въ ея жизни, чтобы кто-нибудь далъ ей кучу денегъ и не потребовалъ ихъ обратно? Нѣтъ, вотъ видите! Она, пожалуй, подумала, что это были краденныя деньги, разъ просто я сунулъ ихъ ей въ руку? Ну, она же этого не думала! И это было хорошо, воистину хорошо! И съ ея стороны, такъ сказать, очень любезно, что она считаетъ меня за порядочнаго человѣка. Ха-ха! Да, она дѣйствительно добра!

Но зачѣмъ я давалъ ей деньги? Женщина была возмущена и громко кричала.

Я объяснялъ ей, почему я давалъ ей деньги, объяснялъ тихо и убѣдительно. Это была моя привычка поступать такъ, потому что я довѣрялъ всѣмъ безъ исключенія. Когда кто-нибудь предлагалъ мнѣ вексель или расписку, я всегда качалъ головой и говорилъ:—«Нѣтъ, благодарствуйте». Видитъ Богъ, я такъ и говорилъ.

Но женщина все еще не понимала меня.

Я прибѣгъ къ другимъ средствамъ, говорилъ строго и отклонялъ всѣ эти глупости. Развѣ случалось, что ей платили впередъ, какъ я заплатилъ?—спросилъ я. Я разумѣлъ, конечно, людей съ хорошими средствами, какъ, на примѣръ, кто-нибудь изъ консуловъ? Никогда? Чтѣ же, я не стану дѣлать ей непріятности, разъ она не знаетъ подобнаго обращенія съ людьми. Такъ принято за границей. Она, пожалуй, никогда не ѣздила въ чужія страны? Нѣтъ, вотъ видите! Тогда ей нельзя судить объ этомъ... И я взялъ нѣсколько пирожковъ со стола.

Она сердито ворчала, упорно отказывалась отдать хотя бы малѣйшую часть того, чтѣ было у нея на лоткѣ, даже вырвала кусокъ пирожнаго изъ моей руки и положила его на мѣсто. Я вскипѣлъ, ударилъ рукою по столу и грозилъ полиціей.

Я еще милостивъ къ ней, — сказалъ я:—если бъ я взялъ все, чтѣ было куплено мною, то я разорилъ бы всю ея торговлю, потому что въ свое время я передалъ ей огромную сумму денегъ. Но я не хотѣлъ взять такъ много, въ дѣйствительности я хотѣлъ взять лишь половину моего капитала. И вдобавокъ, я больше не вернусь. Видитъ Богъ, не вернусь, разъ она изъ числа тѣхъ людей...

Наконецъ она отложила нѣсколько пирожковъ за безстыдную цѣну. Четыре-пять штукъ, которыя она оцѣнила по чрезвычайно высокой цѣнѣ, и просила меня взять ихъ и пойти своей дорогой. Я продолжалъ браниться съ ней, утверждалъ, что она меня обманула по меньшей мѣрѣ на цѣлую крону и кромѣ того высасывала мою кровь своими жестокими цѣнами.—«Вы знаете, что подобныя продѣлки караются закономъ?—сказалъ я.—Боже васъ упаси, вы можете угодить на безсрочную каторгу, старая ослица!» Она бросила еще одно пирожное и, почти скрежеща зубами, просила меня уйти.

И я оставилъ ее.

Хе, такой ненадежной торговли пироженками еще никто не видывалъ! Я шелъ по рынку, ѣлъ свои пирожки и все время громко разговаривалъ о женщинѣ и ея безстыдствѣ, повторялъ про себя все, чтѣ мы говорили другъ другу, и мнѣ ка-

залось, что я гораздо лучше ея. Я ѣлъ пирожки на виду у всѣхъ и говорилъ объ этомъ.

И пирожки исчезали одинъ за другимъ; сколько я ни ѣлъ, все было мало, я былъ столь же неутолимо голоденъ. Господи, почему было такъ мало! Я былъ такъ жаденъ, что чуть не съѣлъ послѣдняго пирожка, который съ самаго начала рѣшилъ приберечь для мальчика на Вогнмандсгаде, для малыша, которому плюнулъ на голову человѣкъ съ рыжей бородой. Я вѣчно вспоминалъ его, не могъ забыть его лица, когда онъ вскочилъ и плакалъ и бранился. Онъ повернулся къ моему окну, когда человѣкъ плюнулъ на него, и какъ бы смотрѣлъ, не смѣялся ли и я надъ нимъ. Богъ знаетъ, застану ли я его, придя туда! Я изо всѣхъ силъ торопился на эту улицу, прошелъ мѣсто, гдѣ разорвалъ свою драму и гдѣ еще валялись куски бумаги, обошелъ полицейскаго, котораго недавно изумилъ своимъ поведеніемъ, и наконецъ стоялъ у лѣстницы, гдѣ утромъ сидѣлъ мальчикъ.

Его не было. Улица была почти пуста. Начинало темнѣть, и я не могъ найти мальчика; очевидно, онъ вошелъ въ домъ. Я осторожно положилъ пирожокъ на землю, поставилъ его концомъ къ двери, громко постучалъ и тотчасъ же убѣжалъ. «Онъ, конечно, найдетъ его!—сказалъ я самому себѣ:—первое, чтò онъ сдѣлаетъ, выйдя изъ дому, найдетъ пирожокъ!» И мои глаза подернулись слезами отъ безумной радости, что малышъ найдетъ пирожокъ.

Я снова вышелъ на желѣзнодорожную пристань.

Я больше не былъ голоденъ, только отъ моей сладкой пищи мнѣ сдѣлалось дурно. Въ головѣ снова носились самыя дикія мысли: Чтò, если я перерѣжу незамѣтно канаты у всѣхъ этихъ кораблей? Чтò, если я вдругъ начну кричать—пожаръ? Я иду дальше по пристани, нахожу ящикъ, сажусь, скрещиваю руки и чувствую, что въ моей головѣ начинается все большая и большая путаница. И я не двигаюсь, рѣшительно ничего не дѣлаю, чтобы не пойти ко дну.

Я стою и смотрю на «Копегоро», барку подъ русскимъ флагомъ. Я замѣчаю какого-то человѣка на палубѣ; красные фонари лѣваго борта освѣщаютъ его голову, и я встаю и заговариваю съ нимъ. Обращаясь къ нему, я ничего не имѣлъ въ виду, я даже не ждалъ никакого отвѣта. Я сказалъ:

— Вы ѣдете сегодня вечеромъ, капитанъ?

— Да, скоро,—отвѣтилъ человѣкъ.

Онъ говорилъ по-шведски.

«Значить, онъ—финнъ»,—думаю я.

— Гм! Вамъ не понадобится матросъ?

Въ это мгновеніе мнѣ было безразлично, получу ли я отказъ или нѣтъ, мнѣ было все равно, какой отвѣтъ дастъ мнѣ этотъ человѣкъ. Я стоялъ и ждалъ.

— Ахъ, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Юнгу, пожалуй, взялъ бы.

Юнгу! Я вздрогнулъ, незамѣтно снялъ свои очки и спряталъ ихъ въ карманъ, поднялся по трапу и взошелъ на палубу.

— Мнѣ не приходилось плавать, но я могу дѣлать все, что дадите. Куда поплывете?

— Мы отправляемся въ Лидсъ за углемъ для Кадикса.

— Хорошо,—сказалъ я и сталъ убѣдительно предлагать свои услуги.—Мнѣ все равно, куда плыть. Я исполню свою работу.

Онъ стоялъ нѣкоторое время и смотрѣлъ на меня, и соображалъ.

— Ты еще не бывалъ въ плаваніи?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Но, какъ я вамъ сказалъ, поставьте меня на работу, я сдѣлаю все. Я ко всему привыкъ.

Онъ снова соображалъ. Я уже вбилъ себѣ въ голову, что побѣду, и началъ бояться, что меня снова прогонять на берегъ.

— Что же, капитанъ?—спросилъ я наконецъ.—Я дѣйствительно могу дѣлать все, что угодно. Что я говорю! Я оказался бы дурнымъ человѣкомъ, если бъ не сдѣлалъ больше, чѣмъ мнѣ было приказано. Я могу взять на себя двѣ вахты подъ-рядъ, если понадобится. Это мнѣ только на пользу, и это я отлично переношу.

— Ну, что же, попробуемъ,—сказалъ онъ и слегка улыбнулся на мои послѣднія слова.—А ничего не выйдетъ, вѣдь въ Англіи мы можемъ и разстаться.

— Разумѣется!—отвѣтилъ я радостно. И я еще разъ повторилъ, что въ Англіи мы можемъ разстаться, если ничего не выйдетъ.

И вотъ онъ поставилъ меня на работу...

Во фьордѣ я наконецъ разогнулъ спину, мокрый отъ лихорадки и усталости, всматривался въ берегъ и на этотъ разъ простился съ городомъ, съ Христіаніей, гдѣ во всѣхъ окнахъ такъ ярко зажглись огни.

СУМАСБРОДЪ.

Р О М А Н Ъ .

Переводъ З. Я. Острогорской.

I.

Въ окнѣ кухни пасторскаго дома стоитъ экономка, Марія ванъ-Лоосъ, и смотритъ вдаль, на дорогу. Она знаетъ тѣхъ двухъ, что стоятъ тамъ, у забора. Это не кто другой, какъ телеграфистъ Роландсенъ, ея собственный женихъ, и кистерская дочка, Ольга. Вотъ ужъ второй разъ этой весной она видитъ ихъ вмѣстѣ. Что это значить? Не будь у юмфру ванъ-Лоосъ какъ разъ сейчасъ столько дѣла, она бы спустилась внизъ, прямо къ нимъ, и потребовала бы отъ нихъ объясненія.

Но развѣ у нея есть теперь время для этого? Дѣла въ домѣ не обобратся, новый пасторъ съ семьей ожидается съ минуты на минуту. Маленькій Фердинандъ поставленъ сторожить у слухового окошка, откуда видна вся бухта; онъ долженъ немедленно сообщить, какъ только путешественники покажутся въ виду, для того, чтобы для нихъ былъ готовъ горячій кофе. А въ немъ они навѣрное будутъ нуждаться, вѣдь они ѣдутъ на лодкѣ отъ самаго Розенгорда, мѣста остановки пароходовъ, лежащаго за цѣлую милю.

Кое-гдѣ на поляхъ еще лежитъ снѣгъ и ледъ, но на дворѣ май и хорошая погода, во всемъ Нордландѣ стоятъ длинные, свѣтлые дни. Сороки и грачи давно уже хлопчутъ надъ своими гнѣздами, а обнаженные холмы начинаютъ зеленѣть. Въ саду верба, еще вся въ снѣгу, уже пускаетъ почки.

Теперь все зависитъ отъ того, что за человекъ новый пасторъ. Все село занято этимъ вопросомъ. Онъ, правда, назначенъ пока только временнымъ замѣстителемъ до назначенія постоянного пастора. Но эти временные замѣстители часто подолгу остаются въ такихъ приходоухъ, съ бѣднымъ рыбачьимъ населеніемъ и утомительными поѣздками черезъ каждыя три воскресенья въ филиалныя церкви. Приходъ отнюдь не при-

надлежалъ къ такимъ, въ которыхъ священники особенно стремятся получить постоянное мѣсто.

Шли слухи, что новый пасторъ богатый человѣкъ, не имѣющій обыкновенія считать каждый грошъ. Онъ уже заранѣе нанялъ экономку и двухъ дѣвушекъ; для работъ во дворѣ и огородѣ тоже не поскупились на рабочія руки, было нанято два батрака, да еще надо считать маленькаго Фердинанда, живого и шустрого мальчишку, который у всѣхъ будетъ на посылкахъ. На прихожанъ производило самое лучшее впечатлѣніе, что ихъ пасторъ такой состоятельный человѣкъ. Онъ, навѣрное, не станетъ особенно строго относиться къ платѣ за требы, а, напротивъ, еще будетъ, можетъ-быть, понемногу помогать бѣднякамъ. Всеобщее ожиданіе было необычайно велико. Оба помощника пастора и еще нѣсколько рыбаковъ вышли ему навстрѣчу. Стоя на берегу, у лодокъ, въ своихъ большихъ сапогахъ, они, жуя табакъ и сплевывая, разговаривали о новомъ пасторѣ.

Наконецъ-то длинный Роландсенъ разстался съ Ольгой и медленно пошелъ по дорогѣ, и юмфру ванъ-Лоосъ могла покинуть свой наблюдательный постъ у окна кухни. Ужъ она потомъ вспомнить ему это! Объясненія между нею и Роландсеномъ были не рѣдкостью. Она была голландскаго происхожденія, говорила на бергенскомъ нарѣчій и была такъ словоохотлива, что ея собственный женихъ былъ вынужденъ дать ей прозвище юмфру Fan los *). Длинный Роландсенъ былъ чрезвычайно остроумный и довольно-таки дерзкій человѣкъ.

Куда онъ направляется? Неужели онъ дѣйствительно намѣревается встрѣчать пасторскую семью? Онъ, навѣрное, теперь не болѣе трезвъ, чѣмъ бываетъ обыкновенно; въ петличкѣ сюртука у него вѣточка вербы, шалка надѣта набекрень, и въ такомъ-то видѣ онъ собирается ихъ встрѣчать! Помощники пастора, стоявшіе внизу, у лодочныхъ навѣсовъ, навѣрное, предпочли бы, чтобы онъ совсѣмъ не появлялся въ этотъ часъ,—въ этотъ важный и торжественный часъ.

Да и позволительно ли приличному человѣку имѣть такой видъ, какъ у него? Его большой носъ былъ черезчуръ нескромный для той незначительной роли, какую онъ игралъ въ жизни. Къ тому же въ теченіе всей зимы Роландсенъ ни разу не стригъ волосъ, такъ что голова его принимала все болѣе и болѣе геніальный видъ. Его невѣста говорила, въ отместку за его постоянныя насмѣшки, что у него виѣшность чело-вѣка, начавшаго свою карьеру художникомъ и кончившаго ее

*) Непереводимая игра словъ, означаетъ: чортъ далъ волю языку.

фотографомъ. Ему было теперь тридцать четыре года, онъ былъ холостъ и до сихъ поръ слылъ студентомъ; онъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ деревенскія пѣсни низкимъ, глубокимъ голосомъ и въ наиболѣе трогательныхъ мѣстахъ смѣялся такъ, что слезы катились у него по щекамъ. Вотъ каковъ онъ былъ! Онъ завѣдывалъ телеграфной станціей и занималъ эту должность уже пѣлыхъ десять лѣтъ. Роландсенъ былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія и не пренебрегалъ кулачной расправой, когда къ тому представлялся случай.

Маленькій Фердинандъ вздрогнулъ. Со своего наблюдательнаго поста у слухового окошечка онъ вдругъ замѣтилъ штевень бѣлой лодки торговца Макка, быстро огибавшій мысъ; въ три смѣлыхъ прыжка онъ очутился внизу лѣстницы и крикнулъ на кухню:

— Они пріѣхали!

— Отцы небесные, уже пріѣхали!—кричатъ дѣвушки испуганно.

Но экономка не теряетъ присутствія духа; она была здѣсь еще во времена прежняго пастора и знаетъ свое дѣло, недаромъ она такая практичная и дѣльная.

— Внесите кофе!—говоритъ она только.

Маленькій Фердинандъ бѣжитъ дальше, чтобы сообщить новость батракамъ. Тѣ моментально бросаютъ свое дѣло, торопливо накидываютъ на себя праздничныя куртки и бѣгутъ внизъ, къ берегу, чтобы помочь при высадкѣ. Всего собралось встрѣтить пріѣзжающихъ десять человѣкъ.

— Здравствуйте,—говоритъ пасторъ съ кормы, слегка улыбаясь и снимая свою мягкую шляпу.

Стоящіе на берегу обнимаютъ почтительно головы, а помощники пастора кланяются такъ низко, что ихъ длинные волосы падаютъ имъ на глаза. Длинный Роландсенъ проявляетъ меньше усердія, онъ продолжаетъ стоять совершенно прямо, но тоже низко снимаетъ шляпу.

Пасторъ еще довольно молодой человѣкъ съ рыжеватыми бакенбардами и съ веснушками на лицѣ; ноздри у него почти совершенно закрыты густыми, свѣтлыми усами. Фру лежитъ въ каятѣ въ полномъ изнеможеніи отъ морской болѣзни.

— Мы пріѣхали, — говоритъ пасторъ въ дверь каяты и помогаетъ своей женѣ встать.

На обоихъ какіе-то странные, старые и толстые плащи, имѣющіе весьма непрезентабельный видъ. Они, должно-быть, одолжили себѣ на дорогу эти верхнія вещи, а ихъ лучшій гардеробъ, вѣроятно, уложенъ. У фру шляпа съѣхала на затылокъ, и изъ-подъ нея выглядываетъ блѣдное лицо съ боль-

шими глазами. Одинъ изъ помощниковъ, Левіонъ, дѣлаеть нѣсколько шаговъ впередъ и помогаетъ фру выйти на берегъ; пасторъ справляется собственными силами.

— Мое имя Роландсенъ, телеграфистъ,—говорить длинный Роландсенъ, выступая впередъ.

Онъ изрядно пьянъ, и выраженіе глазъ его стеклянное, но такъ какъ онъ человѣкъ, привыкшій вращаться въ обществѣ, то онъ держитъ себя довольно увѣренно. Ого, этотъ Роландсенъ малый хоть куда! Еще никто не видалъ, чтобы онъ сплеховалъ, когда приходилось выступать передъ сильными міра сего съ подобающими случаяю рѣчами.

— Если бы я въ достаточной степени зналъ всѣхъ, я представилъ бы ихъ вамъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ пастору. — Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что эти двое—это помощники пастора. А тѣ—ваши батраки. Это Фердинандъ.

И пасторъ и пасторша киваютъ и здороваются со всѣми; да, да, скоро они всѣ познакомятся ближе. А теперь остается, значить, снести вещи на берегъ.

Помощникъ Левіонъ устремляетъ взглядъ на дверь каюты и готовъ опять направиться туда.

— Тамъ еще дѣти?—спрашиваетъ онъ.

Никто не отвѣчаетъ, всѣ смотрятъ на пастора и пасторшу.

— Тамъ нѣтъ дѣтей?—повторяетъ опять помощникъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ лодманъ изъ лодки.

Фру покраснѣла. Пасторъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, только мы... Такъ вы зайдете потомъ, мы разсчитаемся.

Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ богатый человѣкъ. Онъ не изъ тѣхъ, которые удерживаютъ бѣднякамъ ихъ плату; прежній пасторъ никогда не расплачивался, онъ только говорилъ: спасибо «пока».

Они направились къ пасторскому дому, и Роландсенъ указывалъ дорогу. Онъ шелъ сбоку, по снѣгу, для того, чтобы на узкой дорожкѣ было мѣсто другимъ; на немъ были тонкія, изящныя ботинки, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія. Куртка его была разстегнута, несмотря на холодный майскій вѣтеръ.

— А вотъ и церкви!—говоритъ пасторъ.

— Она кажетъ такой старой. Въ ней, пожалуй, нѣтъ и печки?—спрашиваетъ фру.

— Этого я вамъ не могу сказать,—отвѣчаетъ Роландсенъ.— Не думаю, чтобы въ ней была печка.

Пасторъ слегка удивленъ. Значить, онъ имѣетъ передъ собой не благочестиваго прихожанина, а, напротивъ, чело-

вѣка, который, повидимому, не дѣлаетъ большой разницы между буднями и праздникомъ? И пасторъ становится нѣсколько сдержаннѣе по отношенію къ этому незнакомому человѣку.

На лѣстницѣ стоитъ экономка, и Роландсенъ представляетъ ее пасторской четѣ. Исполнивъ это, онъ кланяется, собираясь уходить.

— Погоди немного, Ове,—шепчетъ ему юмфру ванъ-Лоосъ.

Но Роландсенъ не ждетъ, онъ снова кланяется и спускается, нятясь назадъ, съ лѣстницы.

«Странный субъектъ!»—думаетъ пасторъ.

Фру между тѣмъ уже успѣла войти въ комнату. Она немного пришла въ себя отъ морской болѣзни и принялась осматривать домъ. Она попросила, чтобы самая свѣтлая и красивая комната была отдана подъ контору пастора, для себя же она выбрала комнату, въ которой прежде жила юмфру ванъ-Лоосъ.

II.

Нѣтъ, Роландсенъ не сталъ ждать. Онъ зналъ юмфру ванъ-Лоосъ и прекрасно представлялъ себѣ, что ему предстояло. А Роландсенъ неохотно дѣлалъ то, что ему самому не доставляло удовольствія.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ одного рыбака изъ деревни, опоздавшего къ встрѣчѣ пастора. Это былъ Енохъ, кроткій и смиренный человѣкъ, всегда ходившій съ опущенными глазами и повязанной головой; у него были большыя уши.

— Ты опоздалъ,—замѣтилъ Роландсенъ, проходя мимо.

— Развѣ онъ уже пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ. Я пожалъ его руку.—Обернувшись, Роландсенъ крикнулъ ему еще черезъ плечо: — Замѣть себѣ, что я тебѣ скажу, Енохъ: я завидую ему, что у него такая жена!

Онъ зналъ кому сказать эти дерзкія и легкомысленныя слова. Ужъ Енохъ ихъ растрезвонитъ по всему селу.

Роландсенъ шелъ все дальше и дальше вдоль опушки лѣса и вышелъ къ рѣкѣ. Здѣсь стояла принадлежавшая торговцу Макку фабрика рыбаго клея; на ней работало нѣсколько дѣвушекъ, и Роландсенъ, проходя мимо, всегда охотно останавливался пошутить съ ними. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сущій дьяволъ, это всѣ говорили въ одинъ голосъ. Вдобавокъ онъ сегодня былъ въ хорошемъ настроеніи и поэтому болѣе обыкновеннаго расположенъ болтать. Дѣвушки прекрасно видѣли, что онъ пьянъ.

— Ну, Рагна, какъ ты думаешь, почему я такъ часто прихожу сюда?—сказалъ Роландсенъ.

— А почему мнѣ знать?—отвѣтила Рагна.

— Ты, конечно, думаешь, что меня привлекаетъ старый Лабанъ.

Дѣвушки разсмѣялись:

- Онъ говоритъ Лабанъ, а думаетъ Адамъ.

— Я забочусь о твоёмъ спасеніи,—говоритъ Роландсенъ.— Остерегайся здѣшнихъ парней-рыбаковъ, всѣ они вертопрахи.

— Да ужъ нужно ли худшаго вертопраха, чѣмъ вы сами,—говоритъ другая дѣвушка.—Вѣдь у васъ двое дѣтей. Постыдились бы.

— Это ты говоришь, Николина! Ты, которая всегда была болячкой въ сердцѣ моемъ, Николина, ты это очень хорошо знаешь. Но тебя, Рагна, я спасу во что бы то ни стало.

— Вы вѣдь можете пойти къ юмфру ванъ-Лоосъ,—говоритъ Рагна.

— Но у тебя такъ мало ума въ головѣ,—продолжаетъ Роландсенъ.—Сколько часовъ, напримѣръ, ты коптишь рыбы головы раньше, чѣмъ завинчиваешь клапанъ?

— Два часа,—отвѣчаетъ Рагна.

Роландсенъ киваетъ головой. Такъ именно онъ и самъ разсудилъ раньше. О, это пройдоха, этотъ Роландсенъ, онъ недаромъ каждый день продѣлываетъ такой конецъ до фабрики и разнюхиваетъ и выпытываетъ у дѣвушекъ, что только можно.

— Не подымай этой крышки, Пернилла,—кричитъ онъ.—Съ ума ты сошла?

Пернилла покраснѣла.

— Фридрихъ сказалъ, чтобы я помѣшивала въ котлѣ,—отвѣчаетъ она.

— Но всякій разъ, что ты подымаешь крышку, теплота уходитъ,—говоритъ Роландсенъ.

Когда немного спустя къ нимъ приблизился Фридрихъ Маккъ, сынъ хозяина, Роландсенъ снова заговорилъ своимъ обычнымъ тономъ шалопая:

— Не ты ли, Пернилла, служила годъ у ленсмана? Ты была такъ зла и зубаста, что единственное, что, можетъ-быть, уцѣлѣло отъ твоихъ зубовъ, были постельные пуховики.

Всѣ кругомъ разсмѣялись. Пернилла была, кажется, самымъ кроткимъ существомъ въ мірѣ. Къ тому же она была калѣка, да еще дочь органиста вдобавокъ, что, вмѣстѣ взятое, окружало ее какъ бы нѣкоторой святостью.

Выйдя на дорогу, Роландсенъ снова встрѣтился съ кистер-

ской дочкой, Ольгой. Она, должно-быть, ходила въ лавку. Завидя Роландсена, она ускорила шагъ, что было мочи, торопясь поскорѣй уйти. Какой стыдъ, если онъ подумаетъ, что она его поджидала. Но Роландсену ничего подобнаго не приходило въ голову; онъ зналъ, что, если только онъ не сталкивался съ молодой дѣвушкой лицомъ къ лицу, она всегда убѣгала и пряталась отъ него. Да Роландсенъ и не принималъ близко къ сердцу, что ничего не могъ у нея добиться. Мысли его были заняты вовсе не ею.

Наконецъ Роландсенъ приходитъ домой, на станцію. Онъ принимаетъ высококомѣрный видъ, чтобы сразу отбить у своего болтливаго помощника охоту заговорить съ нимъ. Роландсенъ въ послѣднее время былъ не особенно пріятнымъ товарищемъ. Онъ запирается у себя, въ своей лежащей совершенно въ сторонѣ комнаткѣ, куда никто не заходитъ, кромѣ его самого и одной старой женщины. Здѣсь онъ живетъ, здѣсь же и спитъ.

Эта комната—его міръ. Роландсенъ не только шалопай и пьянчуга, онъ въ то же время большой мыслитель и изобрѣтатель. Въ комнатѣ его пахнутъ различными кислотами, всякими жидкостями и медикаментами; запахи эти проникаютъ даже въ сѣни, привлекая вниманіе каждаго новаго лица. Роландсенъ не скрываетъ, что онъ держитъ у себя всѣ эти медикаменты исключительно для того, чтобы заглушить запахъ водки, которой онъ такъ часто наливается. Но все это Роландсенъ выдумываетъ про себя только затѣмъ, чтобы окружить себя большей непроницаемостью.

На самомъ же дѣлѣ онъ всѣ эти пузырьки и бутылки употребляетъ для своихъ экспериментовъ. Онъ изобрѣлъ химическимъ путемъ новый способъ фабрикаціи рыбьяго клея; этотъ способъ могъ совершенно вытѣснить на рынкѣ фабрикацію торговца Макка. Маккъ устроилъ свою фабрику съ огромными затратами. Транспортъ представлялъ большія неудобства, да и добываніе сырого матеріала было ограничено періодомъ сельдяного лова; къ тому же завѣдывалъ фабрикой сынъ его, Фридрихъ, который ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслилъ. Роландсенъ придумалъ добывать рыбій клей изъ множества другихъ матеріаловъ, кромѣ рыбьихъ головъ, онъ извлекалъ его также изъ отбросовъ, выбрасываемыхъ Маккомъ. Изъ послѣднихъ отбросовъ онъ добылъ даже какое-то необыкновенное красящее вещество.

Если бы только телеграфисту Роландсену не приходилось бороться съ бѣдностью и беспомощностью, его изобрѣтеніе давно уже увидѣло бы свѣтъ. Но во всей округѣ невозможно

было достать деньги иначе, какъ черезъ торговца Макка, а именно къ нему у Роландсена были основательныя причины не обращаться. Однажды онъ рѣшился намекнуть на то, что клей, выпускаемый фабрикой у водопада, обходится слишкомъ дорого. Но Маккъ, какъ и подобало такому вліятельному и крупному человѣку, только махнулъ рукой и сказалъ, что фабрика—это золотое дно. Роландсенъ сгоралъ отъ нетерпѣнія поскорѣе опубликовать результаты своихъ изслѣдованій. Онъ разослалъ образцы своего матеріала различнымъ химикамъ какъ за границу, такъ и внутри страны, и получилъ увѣренность, что дѣло его поставлено хорошо. Но дальше оно не двигалось. Ему оставалось еще выпустить въ свѣтъ чистую, прозрачную жидкость и получить патенты для всѣхъ странъ.

Роландсенъ недаромъ отправился сегодня на берегъ встрѣчать семью пастора. Хитрецъ преслѣдовалъ при этомъ опредѣленную цѣль. Дѣло въ томъ, что если пасторъ дѣйствительно богатый человѣкъ, то онъ, конечно, не остановится передъ тѣмъ, чтобы дать деньги на большое и вѣрное предпріятіе. «Если никто другой этого не сдѣлаетъ, то я это сдѣлаю!»—скажетъ, навѣрное, пасторъ. Роландсенъ былъ полонъ надеждъ.

Ахъ, Роландсенъ такъ легко воспламенялся надеждами, достаточно было пустяка, чтобы зажечь его кровь. Но онъ умѣлъ также переносить и неудачи, этого нельзя было отрицать; въ немъ была гордость и стойкость, его нелегко было сломить. Вотъ, на примѣръ, Элиза, дочь Макка, даже ей не удалось его сломить. Она была высока ростомъ и красива, со смуглой кожей и ярко-красными губами, и ей было двадцать три года. Поговаривали, будто капитанъ Генриксенъ съ каботажнаго судна втихомолку сватался къ ней; но годы шли, и изъ этого ничего не выходило. Можетъ-быть, тутъ были какія-нибудь препятствія? Еще три года тому назадъ, когда Элизѣ было всего двадцать лѣтъ, Роландсенъ свалилъ передъ ней дурака и бросилъ свое сердце къ ея ногамъ. Она была достаточно любезна, чтобы не понять его. На этомъ Роландсенъ долженъ былъ бы остановиться и уйти, но онъ пошелъ дальше и въ прошломъ году заговорилъ открыто. Она не удержалась, чтобы не расхохотаться зазнавшемуся телеграфисту прямо въ лицо раньше, чѣмъ дала ему понять раздѣлявшую ихъ пропасть. Она, которая годами заставляла ждать своего «да» даже капитана Генриксена! Тогда-то Роландсенъ, недолго думая, пошелъ и обручился съ юмфру ванъ-Лоосъ. Пусть она видитъ, что онъ не изъ тѣхъ, для которыхъ отказъ изъ прекрасныхъ устъ равносильенъ смерти.

Но вот снова настала весна. А весну почти невозможно было переносить чело́вѣку съ его широкимъ сердцемъ. Весна доводила до крайности всякое живое существо, ея пряное дыханіе вливало отраву даже въ самыя цѣломудренныя души.

III.

Началось весеннее движеніе сельдей съ моря. Рыбаки, съ подзорными трубами въ рукахъ, цѣлый день лежатъ въ своихъ лодкахъ, наблюдая за тѣмъ, что дѣлается на морѣ. Гдѣ птицы носятся стаями, отъ времени до времени устремляясь внизъ, на поверхность воды, тамъ, значитъ, проплываютъ сельди. Въ болѣе глубокихъ мѣстахъ ихъ можно уже ловить сѣтями; теперь весь вопросъ въ томъ, пойдутъ ли онѣ дальше, въ болѣе мелкія мѣста, ближе къ бухтѣ и фьордамъ, гдѣ можно сразу, цѣлыми партіями, изловлять ихъ въ невода. Тогда только и начнется настоящій ловъ со всѣмъ его оживленіемъ, движеніемъ, громкими возгласами и сутолокой людей и торговыхъ судовъ. Заработокъ тогда обилень, какъ песокъ на берегу морскомъ.

Рыбакъ—что игрокъ. Онъ разставляетъ свои сѣти или забрасываетъ удочку и ждетъ, чтобы клюнуло; онъ закидываетъ неводъ и предоставляет остальное судьбѣ. Часто неудача преслѣдуетъ его за неудачей, его уловъ уноситъ въ море, или онъ идетъ ко дну и погибаетъ въ бурѣ. Тогда рыбакъ наново снаряжаетъ сѣти и снова закидываетъ ихъ. Иногда онъ отправляется въ далекое странствованіе, къ мѣстамъ, гдѣ, онъ слышалъ, другимъ повезло; съ трудомъ и усиліями пускается въ невѣдомую даль, совершаетъ долгій, тяжелый путь для того, чтобы въ концѣ концовъ прибыть на мѣсто слишкомъ поздно: игра кончилась. Но бываетъ иной разъ и такъ, что колоссальная удача ждетъ его среди дороги, неожиданно прерывая его путь и наполняя талерами его лодку. Никто не можетъ знать, кому повезетъ, всѣ выходятъ въ море съ одинаковыми надеждами и одинаковыми шансами на успѣхъ...

Торговецъ Маккъ былъ совершенно снаряженъ; въ лодкѣ его были заготовлены сѣти, и рыбакъ его не отводилъ подзорной трубы отъ глазъ. У Макка стояли на якорѣ галеасъ и двѣ яхты, только-что успѣвшія вернуться и разгрузиться послѣ экспедиціи за треской на Лофоды; теперь онъ хотѣлъ нагрузить ихъ сельдями, если только сельди появятся; его амбары были полны пустыми бочками. Кромѣ того, онъ намѣревался скупить всю рыбу, какую только будетъ возможно получить; для этой цѣли онъ даже заготовилъ уже запасъ на-

личныхъ денегъ, чтобы захватить товаръ раньше, чѣмъ цѣны подымутся.

Въ серединѣ мая Маккъ разставилъ свои первыя сѣти, чтобы заградить рыбѣ путь. Уловъ былъ невеликъ, всего какихъ-нибудь полсотни боченковъ; но вѣсть объ этомъ быстро распространилась, и черезъ нѣсколько дней на томъ же мѣстѣ появились и другіе рыбаки со своими неводами. Здѣсь можно было ждать хорошей добычи.

Но какъ разъ въ это время у Макка случилось нѣчто невѣроятное: въ конторѣ его фабрики однажды ночью была совершена кража со взломомъ. Это было дерзкое преступленіе, потому что ночи стояли свѣтлыя съ вечера и до утра, и на большомъ разстояніи было видно все, что происходитъ кругомъ. Воръ взломалъ двѣ двери и взялъ двѣсти талеровъ.

Это было совершенно неслыханное и непостижимое происшествіе. Кража со взломомъ у самого Макка—даже пожилые обитатели села никогда въ своей жизни не слышали ни о чемъ подобномъ. Мелкій обманъ и небольшой грѣхъ у нихъ, пожалуй, были въ ходу, но на форменное воровство они не были способны. Поэтому подозрѣніе пало прежде всего на чужихъ рыбаковъ, которые и были подвергнуты допросу.

Но чужіе рыбаки могли доказать, что въ ночь, когда было совершено преступленіе, они всѣ, до единого, находились далеко въ морѣ, за милю отъ фабрики, высматривая сельдей.

Торговецъ Маккъ былъ огорченъ до глубины души. Оказывалось такимъ образомъ, что преступленіе совершилъ одинъ изъ его односельчанъ.

Торговецъ Маккъ не особенно близко принималъ къ сердцу денежную потерю; онъ прямо заявилъ, что глупъ былъ воръ, что не взялъ больше. Но что одинъ изъ его односельчанъ могъ рѣшиться совершить кражу у него, это глубоко огорчало этого вліятельнѣйшаго изъ прихожанъ, всеобщаго покровителя. Не онъ ли выносилъ на своихъ плечахъ чуть ли не половину бюджета всей общины одними налогами съ разныхъ своихъ предпріятій? И случилось ли хоть разъ, чтобы человѣкъ, дѣйствительно нуждающійся, уходилъ изъ его конторы, не получивъ помощи?

Маккъ назначилъ вознагражденіе тому, кто найдетъ вора. Въ селѣ чуть ли не ежедневно появлялись все новые и новые рыбаки изъ разныхъ мѣстъ; какое же представленіе всѣ эти чужіе люди могли составить себѣ объ отношеніяхъ торговца Макка съ его односельчанами, когда послѣдніе даже не задумывались обкрадывать его. Чтобы поддержать свою репутацію короля въ торговомъ мірѣ, онъ положилъ на воз-

награжденіе за поимку вора цѣлыхъ четыреста талеровъ. Пусть весь свѣтъ видитъ, что онъ не постоитъ за круглой суммой.

Новый пасторъ чрезвычайно заинтересовался этимъ происшествіемъ; и въ Троицынъ день, читая проповѣдь о Никодимѣ, пришедшемъ въ ночную пору къ Христу, пасторъ воспользовался случаемъ, чтобы коснуться совершеннаго преступленія. «Они вторгаются къ намъ,—сказалъ онъ:—въ ночную пору, взламываютъ наши двери и похищаютъ наше имущество. Никодимъ ничего дурного не имѣлъ въ виду, онъ былъ робкій человѣкъ и потому выбралъ ночь для своего посѣщенія; но онъ шелъ ради души своей. Какъ же поступаютъ теперь? Ахъ, міръ погрязъ въ дерзости и грѣхахъ, люди пользуются ночной порою для грабежа и преступленій. Пусть же виновнаго постигнетъ достойная кара, откройте его!»

Новый пасторъ оказался боевымъ человѣкомъ. Въ третій разъ онъ держалъ проповѣдь въ церкви, и не одного изъ прихожанъ онъ уже заставилъ раскаяться. Стоя на кафедрѣ, весь блѣдный, съ страннымъ выраженіемъ лица, онъ казался почти безумнымъ. Многіе изъ прихожанъ послѣ перваго же воскресенья не рѣшались больше приходиться въ церковь. Даже сама юмфру ванъ-Лоосъ испытала на себѣ его вліяніе, этотъ сухарь, этотъ драконъ, недоступный ни одному мягкому чувству. Обѣ дѣвушки, служившія подъ ея началомъ, съ радостью замѣчали въ ней эту перемѣну.

На морѣ рыбаковъ все прибывало. Наплись среди нихъ и такіе, которые злорадствовали по поводу позора, обрушившагося на Макка. Маккъ становился уже слишкомъ могущественъ со своей обширной торговлей, производившейся въ двухъ мѣстахъ, со своей рыбной ловлей, своей фабрикой и множествомъ судовъ. Пришлые рыбаки предпочитали своихъ собственныхъ торговцевъ, болѣе обходительныхъ и простыхъ, не носившихъ, какъ Маккъ, бѣлыхъ воротничковъ и перчатокъ изъ оленьей кожи. У Макка совершена кража со взломомъ—такъ ему и надо за его важничанье. И пусть онъ не слишкомъ щедро разбрасываетъ направо и налево свои сотни талеровъ, наличныя деньги могутъ ему пригодиться при покупкѣ сельдей, если только уловъ будетъ хорошей. Ужъ не такъ же и самъ Маккъ богатъ, чтобы у него было денегъ, что звѣздъ на небѣ. Богъ знаетъ, не совершена ли эта кража имъ самимъ или его сыномъ Фридрихомъ, для того, чтобы показать всему свѣту, что ему ни почемъ терять деньги, хотя на самомъ дѣлѣ онъ, можетъ-быть, испытываетъ большое денежное затрудненіе. Словомъ, пересудамъ конца не было, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ.

Маккъ понялъ, что онъ долженъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы показать себя. Тутъ были рыбаки изъ пяти приходоувъ; по окончаніи сельдяного лова они вернутся домой со своими впечатлѣніями и разнесутъ ихъ по своимъ семьямъ и купцамъ. Слава о томъ, что за человекъ Маккъ изъ Розенгорда, распространится далеко по окружности.

Въ ближайшій же разъ, когда Макку надо было на фабрику, онъ нанялъ себѣ для этой поѣздки пароходъ. Отъ пароходной пристани надо было проѣхать еще цѣлую милю, и Макку это стоило огромныхъ денегъ, но Маккъ не привыкъ останавливаться передъ расходами. Въ бухтѣ произошло движеніе, когда въ ней показался шедшій на всѣхъ парахъ пароходъ, съ Маккомъ и его дочерью Элизой, какъ единственными пассажирами. Стоя на палубѣ въ своей шубѣ и опоясанный, несмотря на лѣтнюю пору, широкимъ краснымъ шарфомъ, онъ являлся, такъ сказать, властелиномъ парохода. Когда отецъ съ дочерью сошли на берегъ, пароходъ сейчасъ же повернулъ и ушелъ обратно; всѣ могли убѣдиться, какое было его единственное назначеніе. Многие изъ пришлыхъ рыбаковъ преклонились въ эту минуту передъ могуществомъ Макка.

Но Маккъ пошелъ еще дальше. Онъ не могъ забыть позора, какимъ являлась для него эта кража со взломомъ. Онъ вывѣсилъ новое объявленіе, въ которомъ обѣщаль эти четыреста талеровъ самому вору, если онъ объявится. О подобномъ рыцарствѣ никто никогда и не слыживалъ. Теперь всѣ могутъ видѣть, что дѣло вовсе не въ этихъ жалкихъ деньгахъ, которыя Макку во что бы то ни стало хотѣлось вернуть себѣ. Но даже и это еще не всѣмъ заткнуло рты, и сплетни не прекращались: если воръ дѣйствительно тотъ, кого подозрѣвали въ этомъ, то онъ, конечно, и теперь не заявится! Въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ!

Великій Маккъ находился въ самомъ непріятномъ положеніи. Его авторитетъ былъ подорванъ. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ онъ былъ великій Маккъ, и всѣ почтительно склонялись передъ нимъ, теперь же въ поклонахъ, которые отдавали ему встрѣчные, уже, казалось, не было прежняго уваженія. А вѣдь онъ былъ вдобавокъ еще рыцарь королевскаго ордена. Да и въ чемъ только ни проявлялось могущество великаго Макка! Онъ былъ представитель и ораторъ прихода, рыбаки боготворили его, мелкіе торговцы изъ окрестныхъ мѣстъ подражали ему. Маккъ страдалъ болѣзью желудка, явившейся, должно-быть, послѣдствіемъ его благороднаго, чисто-княжескаго образа жизни, и какъ только становилось на дворѣ немного прохладнѣе, онъ надѣвалъ свой широкій красный шарфъ. Съ этихъ

портъ красные шарфы стали носить всѣ торговцы въ окрестностяхъ, эти мелкіе выскочки, существовавшіе милостью Макка. И они тоже разыгрывали изъ себя аристократовъ, держащихъ столь изысканный и обильный столъ, что послѣдствіемъ его являлась болѣзнь желудка. Маккъ являлся въ церковь въ скрипучихъ сапогахъ, и когда онъ ступалъ по полу, шаги его раздавались по всей церкви; это обыкновеніе носить скрипучіе сапоги переняли у него и другіе прихожане. Находились среди нихъ даже и такіе, которые мочили свои сапоги въ водѣ и затѣмъ сушили ихъ до самаго воскресенья, для того, чтобы они основательнѣе скрипѣли въ церкви. Во всемъ Маккъ являлся великимъ прообразомъ для своего прихода.

IV.

Роландсенъ сидитъ у себя въ комнатѣ и производить свои опыты. Изъ окна онъ замѣчаетъ, что одна вѣтка на деревѣ въ лѣсу все время качается вверхъ и внизъ. Кто-нибудь, должно-быть, трясетъ дерево, но листва уже такъ густа, что нельзя ничего разглядѣть. И Роландсенъ продолжаетъ работать.

Но работа у него сегодня не клеится. Онъ беретъ гитару и подъ аккомпанементъ ея начинаетъ напѣвать жалобныя пѣсни, такія забавныя и уморительныя; но и гитара валится у него изъ рукъ. На дворѣ весна, и Роландсенъ весь охваченъ возбужденіемъ.

Элиза Маккъ пріѣхала, онъ встрѣтилъ ее вчера вечеромъ. Онъ держалъ себя гордо и высокомерно и сумѣлъ сохранить свое достоинство; ему показалось, будто она хочетъ осчастливить его нѣсколькими любезностями, но онъ на это не поддался.

— Могу вамъ передать поклонъ отъ розенгордскихъ телеграфистовъ, — сказала она.

Роландсенъ не велъ дружбы съ телеграфистами и не считалъ себя ихъ товарищемъ. Она опять хотѣла подчеркнуть пропасть, отдѣляющую его отъ нея; ого, онъ это ей попомнить, онъ отомститъ ей за это.

— Вы должны когда-нибудь поучить меня игрѣ на гитарѣ, — сказала она.

Это было предложеніе, которое должно было бы поразить его и которое онъ долженъ былъ бы принять; но Роландсенъ не принялъ его. Напротивъ, онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы проучить ее. Онъ сказалъ:

— Съ удовольствіемъ. Когда вамъ будетъ угодно. Я дамъ вамъ свою гитару.

Вотъ какъ онъ обращался съ нею! Словно это была не Элиза Маккъ, дама, которая могла бы кушать себѣ десять тысячъ гитаръ.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣтила она.—Но мы можемъ немного поупражняться когда-нибудь.

— Вы ее получите. Я вамъ ее дамъ.

Она гордо закинула голову назадъ и отвѣтила:

— Извините, пожалуйста, я ея вовсе не желаю.

Его дерзость задѣла ея за живое. Онъ сейчасъ же отказался отъ мести и пробормоталъ:

— Я только хотѣлъ вамъ дать единственное, чѣмъ я обладаю.

Онъ низко снялъ шляпу и ушелъ.

Онъ направился къ дому кистера. Ему хотѣлось встрѣтить Ольгу. На дворѣ стояла весна, и Роландсенъ долженъ былъ имѣть свою даму сердца; нелегкое было дѣло справляться съ такимъ широкимъ сердцемъ, какъ его. Впрочемъ, ухаживая за Ольгой, онъ преслѣдовалъ совершенно особую цѣль. Шла молва, что Фридрихъ Маккъ заглядывается на кистерскую дочку, и Роландсенъ хотѣлъ подставить ему ножку,—да, этого ему очень хотѣлось. Фридрихъ былъ братъ Элизы, а наклеить носъ одному изъ членовъ этой семьи было бы чрезвычайно полезно. Впрочемъ, Ольга и сама по себѣ была достойна вниманія. Роландсенъ зналъ ея съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, она выросла на его глазахъ; въ семьѣ у нихъ не было недостатка, и она должна была основательно снашивать свои платья раньше, чѣмъ получала другія. Но она была свѣжа и красива, и ея застѣнчивость была очаровательна.

Роландсенъ видѣлъ ее два дня подъ-рядъ. Это оказалось возможнымъ только благодаря тому, что онъ отправлялся прямо къ ней на домъ и каждый день приносилъ ея отцу другую книгу. Ему пришлось прямо навязать кистеру эти книги, которыхъ старикъ вовсе не желалъ и которыхъ не понималъ. Роландсенъ стоялъ передъ нимъ и съ величайшимъ усердіемъ расхваливалъ книги.

— Это прелестнѣйшія книги въ мірѣ, — говорилъ онъ: — я хочу ихъ распространить, познакомить съ ними всѣхъ; вотъ, пожалуйста.

Онъ спросилъ кистера, можетъ ли онъ его остричь. Но кистеръ никогда въ жизни не стригъ никому волосъ, этимъ занимается Ольга, она стрижетъ волосы всѣмъ въ домѣ. Тогда Роландсенъ обратился къ Ольгѣ съ смиреннѣйшей мольбой остричь его. Она покраснѣла и убѣждала.

— Я не умѣю,—сказала она.

Но Роландсенъ отыскалъ ее и пустилъ въ ходъ такой потокъ краснорѣчія, что она должна была уступить.

— Какъ вы хотите?—спросила она.

— Какъ вы хотите,—отвѣтилъ онъ.—Какъ же мнѣ иначе хотѣть?

Загѣмъ онъ обратился къ кистеру, разными коварными вопросами довелъ его до седьмого пота и выкурилъ изъ комнаты.

Роландсенъ заговорилъ съ Ольгой торжественнымъ и высокопарнымъ тономъ. Онъ сказалъ:

— Когда вы въ темный, зимній вечеръ находитесь на дворѣ и потомъ войдете въ освѣщенную комнату, то со всѣхъ сторонъ на васъ струятся лучи свѣта и ослѣпляютъ васъ.

Ольга не поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но на всякій случай отвѣтила:

— Да.

— Да,—сказалъ Роландсенъ.—То же самое испытываю я, когда прихожу къ вамъ.

— Здѣсь, пожалуй, больше не надо стричь?—спросила Ольга.

— Нѣтъ, нѣтъ, стригите дальше. Дѣлайте такъ, какъ вамъ самой нравится. Видите ли, вы думаете, что вамъ достаточно уйти и спрятаться, но развѣ мнѣ отъ этого лучше? Развѣ можетъ молнія погасить искру?

Онъ былъ положительно какой-то сумасшедшій.

— Если бы вы держали голову немного спокойнѣе, мнѣ было бы удобнѣе работать,—сказала она.

— Значить, мнѣ нельзя на васъ смотрѣть? Послушайте, Ольга, вы помолвлены?

Къ этому вопросу Ольга не была подготовлена. Она отнюдь еще не была настолько богата годами и опытомъ, чтобы тѣмъ или другимъ нельзя было ее смутить

— Я? Нѣтъ,—отвѣтила она только.— Ну, я думаю, что такъ, пожалуй, будетъ хорошо. Если бы только мнѣ удалось здѣсь еще подровнять.

Она старалась отвлечь его мысли въ другую сторону, потому что подозрѣвала, что онъ пьянъ.

Но Роландсенъ вовсе не былъ пьянъ, онъ былъ совершенно трезвъ; ему только въ послѣднее время пришлось много работать, всѣ эти рыболовные суда, пришедшія съ разныхъ сторонъ, доставляли телеграфу немало дѣла.

— Погодите, не кончайте еще,—попросилъ онъ:—обойдите ножницами еще разъ или два кругомъ, будьте такъ милы.

Ольга разсмѣялась:

— Но вѣдь это не имѣетъ никакого смысла.

— Ахъ, ваши глаза точно звѣздочки-близнецы, — сказалъ онъ. — А улыбка точно солнечный лучъ.

Она сняла съ него полотенце, почистила его платье щеткой и стала подбирать съ пола волосы. Онъ опустился на полъ и принялся ей помогать; руки ихъ встрѣтились. Передъ нимъ была женщина, молодая и красивая, дыханіе ея коснулось его, и по тѣлу его пробѣжала горячая струя. Онъ схватилъ ее за руку. Онъ замѣтилъ, что платье ея было застегнуто у ворота простой булавкой; это имѣло такой жалкій видъ.

— Что—зачѣмъ вы это дѣлаете?—пробормотала она.

— Не знаю. Т.-е. я хочу поблагодарить васъ за вашъ трудъ. Если бы я не былъ помолвленъ самымъ настоящимъ образомъ, я бы влюбился въ васъ.

Она поднялась съ подобранными съ полу волосами въ рукахъ, онъ оставался въ прежней позѣ на полу.

— Вы портите свое платье, — сказала она, выходя въ дверь.

Когда кистерь вошелъ въ комнату, Роландсенъ опять перешелъ въ прежній веселый тонъ; онъ вертѣлъ передъ нимъ во всѣ стороны своей остриженной головой и напяливалъ шляпу до ушей, чтобы показать, насколько она стала ему велика. Вдругъ онъ взглянулъ на часы, сказалъ, что ему надо въ контору, и ушелъ.

Роландсенъ направился въ лавку. Придя туда, онъ попросилъ, чтобы ему показали булавки и брошки, будь это самыя дорогія. Выбравъ имитированную камею, онъ попросилъ отсрочить ему платежъ. Но ему отсрочки не дали, онъ и такъ ужъ много задолжалъ въ лавкѣ. Тогда онъ выбралъ дешевую, похожую на агатъ, булавку, заплатилъ за нее бывшей у него въ карманѣ мелочью и ушелъ со своимъ сокровищемъ.

Все это произошло вчера вечеромъ...

Теперь Роландсенъ сидитъ у себя въ комнатѣ и не можетъ работать. Онъ надѣваетъ шляпу и выходитъ, чтобы посмотреть, кто это трясетъ въ лѣсу деревья. Онъ попадаетъ прямо въ пасть льва: это іомфру ванъ-Лоосъ подавала ему такимъ образомъ знаки, и теперь стоитъ и ждетъ его. И надо же ему было непременно удовлетворить свое любопытство!

— Доброе утро! — сказала она. — Здорово же ты отдѣлалъ себѣ голову.

— Я всегда стригусь весной, — отвѣтилъ онъ.

— Въ прошломъ году я это сдѣлала тебѣ, но нынче ужъ я недостаточно хороша для этого.

— Я не желаю съ тобой ссориться, — сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ. И тебѣ нечего здѣсь стоять и трясти весь лѣсъ, такъ, чтобы вся деревня это видѣла.

— А тебѣ нечего здѣсь стоять и шутки шутить, — отвѣтила она.

— Тебѣ слѣдовало бы, напротивъ, стоять на дорогѣ и махать мнѣ оливковой вѣтвью мира, — продолжалъ Роландсенъ.

— Ты самъ стригся?

— Ольга остригла меня.

Ольга, которая, можетъ-быть, когда-нибудь будетъ женой Фридриха Макка, стригла его. Нѣтъ, этого онъ не станетъ скрывать, напротивъ, онъ, насколько возможно, протрубитъ объ этомъ.

— Ольга, говоришь ты?

— Что жъ тутъ такого? Вѣдь ея отецъ не умѣетъ.

— Ты такъ туго натягиваешь струну, что въ одинъ прекрасный день она лопнетъ, — говоритъ юмфру ванъ-Лоосъ.

Съ минуту онъ молчалъ, раздумывая надъ ея словами.

— Что жъ, это, можетъ-быть, самое лучшее, — отвѣтилъ онъ наконецъ.

Но тутъ она воскликнула:

— Что ты говоришь?

— Что я говорю? Я говорю, что ты совершенно теряешь голову весной. Взгляни на меня, замѣтны ли у меня хоть какіе-нибудь признаки безпокойства весной?

— На то ты и мужчина, — отвѣтила она коротко. — Но я не потерплю этихъ заигрываній съ Ольгой.

— Правда ли, что пасторъ богатъ? — спросилъ онъ.

Юмфру ванъ-Лоосъ вытерла глаза и въ одинъ мигъ стала снова практичной и бодрой юмфру, какой была всегда.

— Богатъ? Я думаю, онъ голъ, какъ соколъ.

Въ душѣ Роландсена погасла надежда.

— Ты долженъ былъ бы видѣть его гардеробъ, — продолжала она: — И надо видѣть гардеробъ фру. У нея имѣются юбки, которыхъ... Но онъ безподобный пасторъ. Ты слышалъ его?

— Нѣтъ.

— Онъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ, какихъ я когда-либо слышала, — говоритъ юмфру ванъ-Лоосъ на бергенскомъ нарѣччіи.

— Ты увѣрена въ томъ, что онъ не богатъ?

— Какъ бы то ни было, онъ заходилъ въ мелочную лавку и просилъ тамъ кредита.

На одну минуту въ глазахъ Роландсена весь міръ покрылся тѣнью; онъ собрался уходить.

— Ты уже уходишь? — спросила она.

— Да чего ты, собственно, хочешь отъ меня?

Вонъ оно какъ! Новый пасторъ повліялъ на нее, она старалась быть болѣе кроткой; но теперь ея прежняя натура снова прорвалась наружу.

— Я одно тебѣ скажу, — сказала она: — ты слишкомъ далеко заходишь.

— Ладно, — сказалъ Роландсенъ.

— Ты наносишь мнѣ кровную обиду.

— Пусть такъ, — сказалъ Роландсенъ попрежнему.

— Я этого не выдержу, я порву съ тобой.

Роландсенъ снова подумалъ немного надъ этимъ, затѣмъ сказалъ:

— Я думалъ когда-то, что мы сходимся навсегда. Но, съ другой стороны, я не Богъ, я ничего не могу подѣлать. Дѣлай, какъ знаешь.

— Хорошо, пусть такъ! — сказала она возбужденно.

— Въ первый вечеръ, здѣсь въ лѣсу, ты не была такъ равнодушна. Я цѣловалъ тебя, и ты только мило взвизгивала на это.

— Я не взвизгивала, — протестовала она.

— И я любилъ тебя всѣмъ сердцемъ и думалъ, что ты будешь мнѣ милой, очаровательной невѣстой. Да, да!

— Не заботься обо мнѣ, — проговорила она горько: — но что станетъ теперь съ тобой?

— Со мной? Не знаю. Это меня совершенно не интересуетъ.

— Ты не воображай, что у тебя выгоритъ что-нибудь съ Ольгой. Она выйдетъ за Фридриха Макка.

«Ага! — подумалъ Роландсенъ: — всѣ объ этомъ знаютъ».

Онъ задумчиво пошелъ впередъ, и юмфру ванъ-Лоосъ послѣдовала за нимъ. Они вышли на дорогу и пошли дальше.

— Къ тебѣ очень идутъ стриженные волосы, — сказала она. — Но ты плохо остриженъ, ужасно неровно.

— Можешь ты мнѣ одолжить триста талеровъ? — спросилъ онъ.

— Триста талеровъ?

— На шесть мѣсяцевъ.

— Все равно я тебѣ не дамъ ихъ. Вѣдь между нами все кончено.

Онъ кивнулъ головой и сказалъ:

— Пусть такъ.

Но когда они дошли до ограды пасторского двора, гдѣ Роландсену надо было свернуть, она сказала:

— Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ для тебя трехсотъ талеровъ.

Протянувъ ему руку, она прибавила:

— Миѣ нельзя здѣсь стоять дольше; прощай пока.

Но, пройдя нѣсколько шаговъ, она обернулась и спросила:

— У тебя ничего больше нѣтъ, что бы я могла помѣтить для тебя?

— Что у меня можетъ быть?—отвѣтилъ онъ.—Я съ тѣхъ поръ не заводилъ новыхъ вещей.

Она ушла. Роландсенъ почувствовалъ облегченіе и подумалъ: «Даль бы Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ!»

Къ столбу ограды былъ прилеенъ плакатъ, Роландсенъ прочиталъ его. Это было объявленіе торговца Макка: чetyреста талеровъ золотомъ тому, кто найдетъ вора. Награда будетъ выдана даже самому вору, если онъ явится и признается въ совершеніи кражи.

«Четыреста талеровъ золотомъ!» — подумалъ Роландсенъ.

V.

Нѣтъ, новый пасторъ отнюдь не былъ богатъ, — о, нѣтъ, менѣе всего его можно было назвать богатымъ человѣкомъ. Но дѣло въ томъ, что бѣдняжка фру еще изъ родительскаго дома сохранила нѣкоторыя замашки богатыхъ людей; такъ, она любила держать много прислуги. Ей совершенно нечего было дѣлать, дѣтей у нея не было, а хозяйствомъ она никогда не интересовалась; такимъ образомъ въ ея маленькой, пустой головкѣ зарождались всевозможныя ребяческія затѣи. Въ домѣ это былъ очаровательный, милый крестъ.

Боже мой, какую неутомимую, комическую борьбу добрякъ-пасторъ велъ со своей женой, чтобы научить ее хоть сколько-нибудь порядку, привить ей хотя нѣкоторую осмотрительность. Цѣлыхъ чetyре года онъ тщетно трудился надъ этой задачей. Онъ подбиралъ съ полу нитки и бумажки, ставилъ всѣ вещи на ихъ мѣста, запиралъ за нею двери, смотрѣлъ за печами и закрывалъ трубы. Когда фру уходила изъ дому, онъ обходилъ всѣ комнаты, чтобы посмотреть, въ какомъ видѣ она ихъ оставила. Головныя шпильки валялись здѣсь и тамъ, гребешки были полны волосъ, на каждомъ шагу попадались подъ руку носовые платки, на всѣхъ стульяхъ были разложены предметы туалета. Пасторъ приходилъ въ разстройство отъ этого зрѣтища и принимался приводить все въ порядокъ. Во дни мо-

лодости, когда онъ холостякомъ жилъ въ маленькой каморкѣ, онъ чувствовалъ себя менѣе безпріютнымъ, чѣмъ теперь.

Вначалѣ его просьбы и упреки оказывали нѣкоторое дѣйствіе, фру признавала, что онъ былъ правъ, и давала обѣщаніе исправиться. Въ такихъ случаяхъ она вставала на слѣдующій день рано и принималась водворять порядокъ во всемъ домѣ; дитя настраивалось на серьезный ладъ, стремилось быть, какъ взрослые, и пересаливало въ этомъ стремленіи. Впрочемъ, пылъ ея весьма скоро охладѣвалъ, и черезъ нѣсколько дней домъ оказывался въ прежнемъ видѣ. Она отнюдь не удивлялась, что во всѣхъ углахъ снова царилъ беспорядокъ, напротивъ, она изумлялась, когда мужъ опять начиналъ выражать ей свое вѣчное недовольство.

— Я уронила этотъ бокаль и разбила его, но вѣдь онъ стодитъ не Богъ вѣсть сколько, — говорила она.

— Да, но обломки лежатъ здѣсь уже съ самаго утра, — отвѣчалъ онъ.

Однажды фру пришла къ нему и заявила, что она рассчитала горничную Олину: горничная Олина позволила себѣ упрекать фру, что она уноситъ вещи изъ кухни и оставляетъ ихъ гдѣ попало.

Такъ, пасторъ понемногу ожесточился и наконецъ совершенно прекратилъ свои постоянные упреки; съ поджатыми губами и не говоря ни слова, онъ водворялъ порядокъ и прибиралъ безчисленные, валявшіеся всюду предметы. Фру ничего противъ этого не имѣла, она привыкла, что кто-нибудь всегда прибиралъ за нею. Иной разъ мужъ ея чувствовалъ къ ней даже жалость. Изъ дня въ день она бродитъ, кроткая, исхудалая, плохо одѣтая, и никогда отъ нея не слышать ни малѣйшей жалобы на бѣдность, хотя она привыкла къ другой жизни. Она могла часами сидѣть и шить, передѣлывая свои уже раньше безсчетное число разъ передѣланныя платья, и быть при этомъ веселой и довольной, и распѣвать, какъ молоденькая дѣвушка. Но вдругъ въ ней снова просыпалось дитя, и маленькая женщина бросала свою иглу, оставляла все въ величайшемъ беспорядкѣ и уходила изъ дому. Распоротыя матеріи могли валяться по столамъ и стульямъ день и два. Куда она отправлялась? Еще изъ жизни въ родительскомъ домѣ она вынесла привычку ходить по лавкамъ, она такъ радовалась, когда могла что-нибудь купить. Ей всегда были нужны остатки матерій и лентъ, всевозможныя гребенки, душистая вода, зубной порошокъ, всякіе металлическіе предметы, въ родѣ спичечныхъ коробокъ и дудочекъ. «Купила бы лучше что-нибудь крупное, — думалъ пасторъ: — хотя бы и

дорогое, ввела бы меня въ долги, я попробовалъ бы сочинить какой-нибудь разсказъ для народа и этимъ заплатилъ бы долгъ».

И годы шли. Часто между мужемъ и женой происходили ссоры, но они все-таки любили другъ друга, и, если пасторъ не слишкомъ вмѣшивался въ хозяйственныя дѣла, все шло наилучшимъ образомъ. Но у него была несчастная способность подмѣчать то или другое даже на разстояніи, даже изъ окна конторы; вчера, наприимѣръ, онъ увидалъ, что дождь мочить вывѣшанныя въ саду для провѣтриванія одѣяла. «Поднять изъ-за этого шумъ?» — подумалъ онъ. Вдругъ онъ видитъ, что жена его возвращается домой, она выходила гулять, но дождь погналъ ее обратно. «Захватить она или не захватить одѣяла?» — подумалъ пасторъ. Фру поднялась прямо къ себѣ въ комнату. Пасторъ крикнулъ на кухню; тамъ никого не было, юмфру возилась въ кладовой. Пасторъ самъ спустился въ садъ и внесъ одѣяла въ домъ.

Этимъ дѣло могло бы и кончиться. Но пасторъ, этотъ ворчунъ, не могъ смолчать. Вечеромъ фру спросила одѣяла. Ей ихъ подали.

— Но вѣдь они сырыя; — сказала фру.

— Они были бы еще болѣе сырыя, если бы я не внесъ ихъ, — сказалъ пасторъ.

Тутъ фру перемѣнила тонъ.

— Это ты ихъ внесъ? Это было совершенно лишнее. Я сама отдала бы дѣвушкамъ распоряженіе.

Пасторъ горько улынулся:

— Тогда одѣяла висѣли бы и посейчасъ еще на дворѣ. Фру почувствовала себя оскорбленной.

— Изъ-за нѣсколькихъ дождевыхъ капелекъ нечего столько ворчать, — сказала она. — Ты совершенно невыносимъ, дѣльный день ты только то и дѣлаешь, что всюду суешь свой носъ.

— Я ровно ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы не быть вынужденнымъ всюду совать свой носъ, — отвѣтилъ онъ. — Ты вотъ не замѣчаешь, что твой умывальный тазъ стоитъ на кровати.

Фру отвѣтила:

— Я поставила его тамъ, потому что для него нигдѣ нѣтъ мѣста.

— Если бы у тебя былъ умывальникъ, то и онъ тоже весь былъ бы заваленъ вещами, — сказалъ пасторъ.

Фру потеряла терпѣніе и воскликнула:

— Боже мой, какъ ты несносенъ! Ты, навѣрное, боленъ. Нѣтъ, я этого не выдержу!

И она съла, устремивъ глаза неподвижно въ одну точку.

Но она это выдержала. Минуту спустя все было забыто; ея доброе сердце такъ легко прощало всякую обиду. У нея была счастливая натура.

Пасторъ же все больше и больше времени проводилъ у себя въ конторѣ, единственномъ мѣстѣ, куда не проникалъ обычный въ домѣ хаосъ и беспорядокъ. Онъ былъ силенъ и выносливъ, настоящая рабочая лошадь. Онъ разспрашивалъ своихъ помощниковъ о нравственности своихъ прихожанъ, и то, что онъ отъ нихъ узналъ, было весьма неутѣшительно. Пасторъ сталъ тогда писать укоряющія и предостерегающія письма то къ одному, то къ другому изъ прихожанъ; а когда письма эти не оказывали дѣйствія, онъ лично отправлялся къ грѣшникамъ на домъ. Скоро онъ приобрѣлъ репутацію опаснаго человѣка, прихожане его боялись. Онъ не падилъ никого. Изъ собственныхъ наблюденій онъ убѣдился, что сестра одного изъ его помощниковъ легкомысленно и черезчуръ любезно держала себя съ рыбаками; онъ и ей тоже написалъ письмо. Онъ призвалъ къ себѣ ея брата и велѣлъ ему передать ей это письмо, прибавивъ:

— Дай его ей и скажи, что я буду за ней слѣдить бдительнымъ окомъ...

Торговецъ Маккъ пришелъ съ визитомъ, и пастора позвали въ гостиную. Визитъ былъ короткій, но знаменательный: Маккъ пришелъ предложить пастору свои услуги на случай, если нужна будетъ денежная помощь для кого-нибудь изъ бѣдняковъ въ приходѣ. Пасторъ искренно поблагодарилъ его, онъ былъ отъ души радъ этому предложенію. Не имѣи онъ случая уже раньше убѣдиться въ этомъ, онъ получилъ бы теперь полную увѣренность, что Маккъ изъ Розенгорда является всеобщимъ покровителемъ. Что за благородная и сильная личность этотъ старикъ, — даже фру, городской жительницъ, онъ импонировалъ. О, это важный человѣкъ, у него, навѣрное, настоящіе камни въ булавкѣ галстука.

— Съ рыбой дѣла обстоятъ хорошо, — сказалъ Маккъ: — у меня новая партія. Правда, не особенно много, всего штукъ двадцать боченковъ; но вмѣстѣ съ прежнимъ это ужъ кое-что составляетъ. Вотъ я и подумалъ, что не слѣдуетъ забывать свои обязанности по отношенію къ ближнимъ.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ пасторъ. — Такъ оно и должно быть. Впрочемъ, развѣ двадцать боченковъ такой ужъ маленькій уловъ? Я въ этомъ ничего не смыслю

— Да, двѣ-три тысячи боченковъ лучше.

— Подумай, двѣ-три тысячи! — произноситъ фру.

— Но когда у меня самого нѣтъ улова, я скупаю у другихъ, — продолжаетъ Маккъ. — Да вотъ вчера одному изъ прѣзжихъ рыбаковъ посчастливилось; я сейчасъ же скупилъ у него все. Я хочу нагрузить сельдами всѣ свои суда.

— У васъ дѣло поставлено широко, — сказалъ пасторъ.

Маккъ согласился, что оно, дѣйствительно, принимаетъ большіе размѣры.

Въ сущности, сказалъ онъ, это было старое, маленькое дѣло, которое онъ унаслѣдовалъ, но онъ расширилъ его и прибавилъ новыя предпріятія. Все это онъ дѣлаетъ для своихъ дѣтей.

— Боже мой, сколько у васъ собственно всѣхъ мастерскихъ, и фабрикъ, и магазиновъ? — спросила восторженно пасторша.

Маккъ размѣялся и отвѣтилъ:

— Этого я, право, не могу сказать, фру. Мнѣ надо сначала подсчитать.

На короткое время Маккъ забылъ за этой болтовней о своихъ заботахъ и неприятностяхъ; эти разспросы о его дѣлахъ отнюдь не были ему неприятны.

— Какъ жалко, что мы живемъ такъ далеко отъ вашей большой хлѣбопекарни въ Розенгордѣ, — проговорила фру, проявляя этимъ заботливость о своемъ хозяйствѣ. — Здѣсь у насъ пекутъ такой скверный хлѣбъ.

— У ленсмана живетъ вѣдь пекаръ.

— Да, но онъ не печетъ хлѣба.

Пасторъ сказалъ:

— Къ сожалѣнію, онъ сильно пьетъ. Я написалъ ему письмо, но...

Съ минуту Маккъ сидѣлъ молча.

— Но въ такомъ случаѣ я открою отдѣленіе пекарни и здѣсь, — сказалъ онъ.

Онъ былъ всемогущъ, онъ могъ сдѣлать все, чего бы ему ни захотѣлось, стѣить ему сказать одно слово — и въ селѣ вырастетъ новая пекарня.

— Да неужели! — воскликнула фру, глядя на него изумленными глазами.

— Ужъ у васъ будетъ хлѣбъ, фру. Я сейчасъ же отправлю телеграмму относительно рабочихъ. Но это возьметъ нѣкоторое время, нѣсколько недѣль.

Пасторъ молчалъ. Вѣдь, въ сущности, его экономка съ дѣвushками могли бы сами печь столько хлѣба, сколько требуется для дома. А теперь хлѣбъ станетъ дороже.

— Я долженъ поблагодарить васъ за то, что вы такъ любезно открыли мнѣ кредитъ въ своей лавкѣ, — сказалъ пасторъ.

— Да, — проговорила также и фру, снова проявляя свою хозяйственность.

— Объ этомъ не стоить и говорить, — отвѣтилъ Маккъ. — Все, что вамъ нужно, къ вашимъ услугамъ.

— Это удивительно, какъ все рѣшительно въ вашей власти, — замѣтила фру.

Маккъ отвѣтилъ:

— Отнюдь не все въ моей власти. Такъ, наприимѣръ, я никакъ не могу найти вора, совершившаго у меня кражу.

— Это совершенно невѣроятная вещь, — воскликнулъ пасторъ. — Вы даже общаете самому вору величайшую награду, цѣлое состояніе, а онъ все-таки не является.

Маккъ покачалъ головой.

— Это величайшая неблагодарность совершить кражу *у васъ*, — говоритъ фру.

Маккъ подхватилъ:

— Разъ вы это говорите, фру — я долженъ сознаться, что совершенно не ожидалъ этого. Нѣтъ, этого я никакъ не ожидалъ. Не знаю, чѣмъ я могъ возстановить противъ себя нашихъ крестьянъ.

Пасторъ замѣтилъ:

— Да вѣдь всегда крадутъ именно у того, у кого есть что красть. Воръ, очевидно, зналъ, куда ему итти.

Пасторъ самымъ наивнымъ образомъ высказалъ именно то, что нужно было. Маккъ снова пришелъ въ лучшее настроеніе. Если смотрѣть на это происшествіе съ такой точки зрѣнія, какъ пасторъ смотрѣлъ на него, то это значительно умаляетъ самый позоръ.

— Но люди распускаютъ про меня всякія сплетни, — сказалъ онъ. — Это мнѣ вредитъ, да и огорчаетъ меня. Здѣсь сейчасъ столько чужого народу, они меня не шадятъ. Да и моя дочь, Элиза, принимаетъ это такъ близко къ сердцу. Ну, да это обойдется, — заключилъ онъ, вставая. — Итакъ, какъ я уже сказалъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ пастору: — если вамъ случится встрѣтить гдѣ-нибудь нужду и бѣдность, будьте такъ добры и вспомните обо мнѣ.

Маккъ ушелъ. Пасторъ съ женой произвели на него самое лучшее впечатлѣніе, и онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы увеличить въ народѣ ихъ популярность. Это имъ, навѣрное, не повредить. А впрочемъ? Какъ знать, можетъ-быть, и повредить? Какъ далеко собственно заходятъ сплетни на его счетъ? Вчера его сынъ Фридрихъ пришелъ домой и рассказалъ, что какой-то пьяный рыбакъ крикнулъ ему съ лодки:

— Не заявился ли ты самъ за наградой?

VI.

Дни становились теплѣе; пойманную въ невода рыбу приходилось оставлять въ нихъ для того, чтобы она не портилась, и опоражнивать сѣти можно было только въ дождливую погоду или прохладныя ночи. Скоро рыба и совершенно перестала ловиться, было слишкомъ позднее время года, и прѣзжіе рыбаки одинъ за другимъ начинали разъѣзжаться. Къ тому же настала пора полевыхъ работъ, дома земля ждала пахарей и требовала всѣхъ рабочихъ рукъ.

Ночи стояли свѣтлыя и солнечныя. Погода звала бродить и мечтать. Молодежь цѣлыя ночи напролетъ гуляла, распѣвая пѣсни и размахивая въ воздухѣ вѣтками вербы. Со всѣхъ острововъ, маленькихъ и большихъ, доносились птичьи голоса: кайры и морскія сороки, чайки и гагары словно старались перекричать другъ друга. Тюлень высовывалъ изъ воды свою мокрую, сверкающую на солнцѣ голову, оглядывался кругомъ и снова нырялъ въ свое подводное царство.

Ове Роландсенъ тоже отдавался мечтательному настроенію на свой ладъ. По ночамъ изъ комнаты его доносились иногда звуки гитары и пѣніе, а это было больше, чѣмъ можно было ожидать отъ человѣка его лѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ отнюдь не восторженное настроеніе заставляло его перебирать струны и пѣть; напротивъ, онъ это дѣлалъ для того, чтобы развлечься и отдохнуть отъ своихъ тяжелыхъ мыслей. Роландсенъ ломалъ себѣ голову и изо всѣхъ силъ старался придумать что-нибудь; онъ находился въ затруднительномъ положеніи и долженъ былъ во что бы то ни стало найти выходъ. Иомфру ванъ-Лоосъ, конечно, снова явилась; она не желала губить свою любовь и цѣплялась за помолвку всѣми силами. Съ другой стороны, Ове Роландсенъ тоже вѣдь не Богъ, онъ не умѣетъ совладать со своимъ пылкимъ сердцемъ, которое весной ужъ совершенно невозможно удержать въ обычныхъ границахъ. Да, тяжело имѣть невѣсту, которая не понимаетъ простыхъ и ясныхъ рѣчей.

Роландсенъ опять отправился къ домику кистера; Ольга сидѣла у дверей съ работой въ рукахъ. Но сельди шли теперь по шести шиллинговъ за боченокъ, настали хорошія времена, въ деревнѣ чувствовался притокъ денегъ, и Ольга что-то заважничала. Что же другое могло съ ней случиться? Или Роландсенъ такой человѣкъ, которымъ можно пренебрегать? Она еле взглянула на него, когда онъ подошелъ, и продолжала свою работу.

Роландсенъ заговорилъ.

— Какъ вы взглянули на меня, — сказалъ онъ. — Ваши взгляды, точно выстрѣлы, они ранятъ меня.

— Я васъ не понимаю, — сказала Ольга.

— Нѣтъ? А вы думаете, что самъ я себя лучше понимаю? Я потерялъ голову. Вотъ я стою здѣсь и только даю вамъ случай еще больше вскружить мнѣ голову и лишитъ меня покоя на предстоящую ночь.

— Тогда вамъ не слѣдуетъ стоять здѣсь, — сказала Ольга.

— Въ эту ночь я прислушивался къ голосу въ душѣ моей. Это были слова, которыхъ передать нельзя. Коротко говоря, я рѣшился на серьезный шагъ, если только вы посовѣтуете мнѣ сдѣлать его.

— Я? Какое мнѣ до этого дѣло?

— Однако, — сказалъ Роландсенъ: — вы сегодня сердитая, сидите и все время огрызаетесь. Впрочемъ, скоро ваши волосы не будутъ укладываться на вашей головѣ, такъ много ихъ у васъ.

Ольга молчала.

— Слышали ли вы, что у Бѣрре, у того, что раздуваетъ органные мѣхи въ церкви, есть дочь, которую я могу получить въ жены?

Тутъ Ольга разразилась смѣхомъ и посмотрѣла на него.

— Ахъ, нѣтъ, не смѣйтесь такъ, отъ этого я только еще сильнѣе влюбляюсь въ васъ.

— Вы совсѣмъ съ ума сошли! — говоритъ Ольга тихо, и лицо ея покрывается краской.

— Иногда я думаю: можетъ-быть, она смѣется надо мной только для того, чтобы еще больше вскружить мнѣ голову. Вѣдь убиваютъ же утокъ и гусей, прокалывая имъ предварительно голову, они отъ этого разбухаютъ и становятся вдвое вкуснѣе.

Ольга отвѣтила обиженно:

— Я вовсе не такая, вы не должны этого думать обо мнѣ. И она поднялась, собираясь войти въ домъ.

— Если вы сейчасъ войдете въ домъ, то я пойду за вами и спрошу вашего отца, прочелъ ли онъ книги, — сказалъ Роландсенъ.

— Отца нѣтъ дома.

— Ну, да его я вовсе и не хочу видѣть. Но вы сегодня такая строгая и неприступная, Ольга. Мнѣ невозможно добиться отъ васъ ни одного ласковаго слова. Вы пренебрегаете мною, вы просто не замѣчаете меня.

Ольга снова разсмѣялась.

— Итакъ, у Бёрре есть дочь,¹ — сказалъ Роландсенъ. — Дѣвуха называется Пернилла. Я наводилъ справки. Ея отецъ раздуваетъ органные мѣхи въ церкви.

— Неужели вамъ нужно по невѣстѣ на каждый палецъ? — спросила Ольга чистосердечно.

— Моя невѣста называется Марія ванъ-Лоосъ, — отвѣтилъ онъ: — но мы разошлись. Вы можете спросить у нея. Она, навѣрное, скоро уѣдетъ.

— Да, мама, я иду, — крикнула Ольга по направленію къ окну.

— Ваша мать вовсе и не звала васъ, она только посмотрѣла на васъ.

— Да, но я знаю, чего она хочетъ.

— Ахъ, вотъ какъ. Ну, я пойду. Видите ли, Ольга, вѣдь вы знаете такъ же хорошо, чего я хочу, но мнѣ вы не отвѣчаете такимъ же образомъ: да, я иду.

Она отворила дверь. У нея, навѣрное, осталось впечатлѣніе, что въ немъ отнюдь нѣтъ того превосходства, какое она, быть-можетъ, предполагала въ немъ; онъ долженъ возстановить въ ея глазахъ свою репутацію. Можно ли это стерпѣть — быть отвергнутымъ такимъ безпощаднымъ образомъ? Онъ заговорилъ о смерти въ самомъ юмористическомъ тонѣ: теперь ему остается только умереть, и онъ, въ сущности, ничего не имѣетъ противъ этого. Но онъ хочетъ быть похороненнымъ совершенно особеннымъ образомъ, по своему вкусу. Колоколь для похороннаго звона онъ отольетъ себѣ самъ, и языкъ его будетъ изъ бычачьей ноги: вотъ до чего онъ глупъ. И пасторъ произнесетъ самую короткую въ мірѣ рѣчь, онъ поставитъ ногу на могильную насыпь и скажетъ: «Симъ признаю тебя мертвымъ и безсильнымъ».

Но Ольга, повидимому, скучала; обычная застѣнчивость ея исчезла. Поверхъ воротника она надѣла даже красную шелковую ленту, придававшую ей видъ дамы; теперь даже булавки ея не было видно.

«Нѣтъ, надо еще какъ-нибудь поправить свои дѣла», — подумалъ Роландсенъ и произнесъ вслухъ:

— Я думалъ, что изъ этого что-нибудь выйдетъ. Моя бывшая невѣста понадѣлала мнѣ столько мѣтокъ на моихъ вещахъ, что мнѣ всюду чудится теперь: Ольга Роландсенъ. Это казалось мнѣ перстомъ свыше. А теперь позвольте съ вами раскланяться и поблагодарить васъ за сегодняшнюю бесѣду!

Роландсенъ приподнял шляпу и ушелъ.

Вотъ какъ онъ сумѣлъ выйти изъ положенія. Было бы странно, если бы и это не заставило ее призадуматься о немъ.

— Что же случилось? Даже кистерская дочка отвергла его! Но не было ли тутъ ясныхъ признаковъ, указывавшихъ, что это одно притворство? По какой другой причинѣ она усѣлась передъ домою, какъ не потому, что издали еще увидала, что онъ направляется къ ней? И для чего она разрядилась, какъ дама, надѣвъ на себя красную ленточку?

Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ самоувѣренности Роландсена былъ нанесенъ ударъ. Сидя у своего окна, онъ увидаль Ольгу, направлявшуюся къ лавкѣ Макка. Она оставалась тамъ до поздняго вечера, а когда она возвращалась, ее провожали Фридрихъ и Элиза. При такихъ обстоятельствахъ гордый Роландсенъ долженъ былъ бы сохранить полнѣйшее спокойствіе духа и, напѣвая какую-нибудь мелодію или барабана пальцами по столу, продолжать думать о своихъ собственныхъ дѣлахъ; вмѣсто этого, онъ схватилъ шляпу и умчался въ лѣсъ. Сдѣлавъ большой крюкъ, онъ вышелъ на дорогу гораздо раньше, чѣмъ тѣ трое показались на ней. Онъ остановился и перевелъ духъ. Затѣмъ онъ пошелъ имъ навстрѣчу.

Но эти трое, повидимому, совсѣмъ не торопились, ихъ было не видать и не слышать. Роландсенъ принялся свистѣть и пѣть; можетъ-быть, они сидѣли гдѣ-нибудь въ лѣсу и наблюдали за нимъ. Наконецъ онъ увидаль ихъ; невзирая на поздній часъ, они, безъ всякаго стѣсненія, шли невѣроятно медленно и нисколько не торопились разойтись по домамъ.

Длинный Роландсенъ пошелъ имъ навстрѣчу съ соломинкой во рту и вѣткой вербы въ петлицѣ. Оба молодыхъ человѣка раскланялись, приподнявъ шляпы, а дамы кивнули головами.

— Какъ тепло,—говорить Фридрихъ:—гдѣ вы были?

Роландсенъ отвѣчаетъ небрежно черезъ плечо:

— Весна на дворѣ; я брожу и наслаждаюсь ею.

Это было не вранье и не выдумки, одна истинная правда! Ого, какъ медленно, и равнодушно, и невозмутимо онъ прошелъ мимо нихъ! У него даже хватило силы посмотреть на Элизу Маккъ сверху внизъ. Но не успѣли они скрыться у него изъ глазъ, какъ отъ его невозмутимости не осталось и слѣда, онъ былъ взволнованъ и убитъ. Ольга, конечно, его не интересовала, и, подумавъ это, онъ вытащилъ изъ бокового кармана булавку, разломалъ ее на мелкіе куски и бросилъ. Но дочь Макка, Элиза... она высока и смугла, и когда она улыбается, ея бѣлые зубы сверкаютъ изъ-за губъ. Самъ Богъ поставилъ ее на пути его. Она не произнесла ни слова, и, можетъ-быть, она уже завтра уѣдетъ домой. И надежда погасла въ сердцѣ его.

Пусть такъ.

Дома же, на станціи, стояла іомфру ванъ-Лоосъ и ждала его.

Онъ уже раньше повторилъ ей еще разъ, что—что прошло, то прошло, и лучше ей уѣхать. На это іомфру ванъ-Лоосъ отвѣтила, что ему не придется повторять ей это дважды; прощай. А между тѣмъ теперь она снова стоитъ тутъ и ждетъ его.

— Вотъ кisetъ для табаку, который я тебѣ обѣщала, — сказала она:—если ты не побрегаешь имъ.

Онъ не взялъ его и отвѣтилъ:

— Кisetъ для табаку? Мнѣ такихъ вещей не нужно.

— Ахъ, такъ,—сказала она и отдернула руку.

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и заговорилъ мягче:

— Вы не могли мнѣ обѣщать его. Вспомните, вы, должно-быть, обѣщали его пастору. Онъ женатый человекъ.

Она не понимала, что эта маленькая шутка стоила ему усилій, и не могла удержаться, чтобы не замѣтить:

— Я встрѣтила по дорогѣ дамъ, это ты, вѣроятно, за ними бѣгалъ?

— А какое вамъ до этого дѣло?

— Овѣ!

— Почему вы не уѣзжаете? Вѣдь вы же видите, что такъ дальше не можете итти.

— Прекрасно пошло бы, если бы ты не былъ такимъ сгровищемъ и не бѣгалъ за каждой юбкой.

— Вы хотите меня совсѣмъ съ ума свести? — крикнулъ онъ.—Спокойной ночи.

Іомфру ванъ-Лоосъ крикнула ему вслѣдъ:

— Да, ты хорошъ, нечего сказать! Я много слышу о тебѣ всякихъ прелестей!

Быль ли хоть какой-нибудь смыслъ въ этомъ преувеличенномъ педантизмѣ? И неужели не можетъ человекъ отдаться безпрепятственно минутѣ истиннаго любовнаго горя? Недолго думая, Роландсенъ вошелъ въ контору, направился прямо къ аппарату и попросилъ коллегу на станціи Розенгордъ прислать ему съ первой же оказіей полъ-анкра коньяку. Силъ не хватало тянуть эту безконечную канитель.

VII.

Элиза Маккъ на этотъ разъ не торопится уѣзжать съ фабрики. Она покидаетъ обширный Розенгордъ и сопровождаетъ отца, когда ему надо посѣтить фабрику, исключительно

для того, чтобы ему не было одному скучно, и, руководствуясь она своимъ собственнымъ желаніемъ, никогда и ноги ея не было бы здѣсь.

Съ каждымъ годомъ Элиза Маккъ становилась все изящнѣе и изящнѣе; она носила красныя, и бѣлыя, и желтыя платья, и ее начинали называть «фрѣкенъ», хотя отецъ ея не былъ ни пасторомъ ни докторомъ. Она была словно солнце, словно звѣзда,—такъ высоко она стояла надъ всѣми.

Она пришла на станцію съ нѣсколькими телеграммами, которыя Роландсенъ принялъ отъ нея. Онъ обмѣнялся съ ней только самыми необходимыми словами и поостерегся совершить оплошность—поздороваться съ ней, какъ со знакомой, и спросить, какъ она поживаетъ. Нѣтъ, онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго промаха.

— Тутъ два раза подъ-рядъ сказано: «страусовыя перья». Не знаю, это намѣренно такъ написано?

— Два раза подъ-рядъ? — сказала она.—Позвольте-ка посмотреть. Да, вы правы. Будьте такъ добры, дайте мнѣ перо.

Снимая перчатку и переписывая телеграмму, она продолжала говорить:

— Это къ одному купцу въ городѣ, то-то бы онъ посмѣялся надо мною. Такъ хорошо?

— Да, теперь хорошо.

— А вы все здѣсь,—сказала она, садясь на стулъ.—Изъ году въ годъ я васъ встрѣчаю здѣсь.

Роландсенъ недаромъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ перевестись съ этой станціи на лучшее мѣсто. Повидимому, было что-то такое, что удерживало его на этой маленькой станціи изъ года въ годъ.

— Гдѣ-нибудь да надо быть,—отвѣтилъ онъ.

— Вы могли бы перевестись въ Розенгордъ. Тамъ, должно-быть, все-таки лучше?

Слабая краска слегка разлилась у нея по лицу при этихъ словахъ; можетъ-быть, она пожалѣла, что сказала ихъ.

— Такую большую станцію мнѣ едва ли дали бы.

— Да, вы, пожалуй, слишкомъ молоды для этого.

Она улыбнулся слабой и жалкой улыбкой:

— Съ вашей стороны во всякомъ случаѣ чрезвычайно любезно объяснять это такимъ образомъ.

— Если бы вы перевелись къ намъ, вѣдь у насъ тамъ все-таки больше людей. По сосѣдству съ нами живетъ докторъ съ женой, кромѣ того бухгалтеръ и всѣ служащіе въ магазинѣ. Отъ времени до времени появляются еще какіе-нибудь моряки и тому подобные люди.

«Капитанъ Генриксенъ съ каботажнаго судна?» — подумалъ Роландсенъ.

Для чего вся эта любезность? Или Роландсенъ сегодня вдругъ сталъ не тѣмъ, чѣмъ былъ вчера? Вѣдь онъ прекрасно знаетъ, что его безразсудная любовь совершенно и окончательно безнадежна, — что жъ тутъ еще говорить? Уходя, она протянула ему руку раньше, чѣмъ надѣла на нее перчатку. Когда она спускалась съ лѣстницы, платье ея шуршало шелкомъ.

А Роландсенъ сѣлъ за столъ, жалкій и подавленный, и сталъ отправлять телеграммы. Въ душѣ его бушевали самыя разнообразныя чувства. Теплота ея бархатной ручки пронизала его. Въ сущности говоря, дѣла его обстоятъ вовсе не такъ плохо. Его изобрѣтеніе можетъ принести ему большія деньги, если только достать гдѣ-нибудь триста талеровъ. Онъ представляетъ собою, такъ сказать, обанкротившагося миллионера. Но въ одинъ прекрасный день можетъ найтись какой-нибудь выходъ.

Пришла пасторша; ей надо было отправить телеграмму своему отцу.

Предыдущее посѣщеніе нѣсколько подняло настроеніе Роландсена; онъ уже не чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ человѣкомъ, какъ раньше, напротивъ, у него явилось сознаніе, что онъ не уступитъ другимъ крупнымъ личностямъ, и онъ вступилъ въ разговоръ съ пасторшей, обмѣнялся съ ней нѣсколькими общими фразами. Фру съ своей стороны оставалась дольше, чѣмъ это было необходимо, и просила его заглянуть какъ-нибудь къ нимъ.

Подъ вечеръ онъ снова встрѣтилъ пасторшу на дорогѣ передъ станціей; она не прошла мимо, а, напротивъ, остановилась и стала разговаривать. Должно-быть, она ничего не имѣла противъ этого, разъ остановилась.

— Вы, кажется, играете на гитарѣ? — сказала она.

— Да. Если вы подождете немного, вы услышите мое искусство.

И Роландсенъ пошелъ къ себѣ за гитарой.

Фру осталась ждать. Должно-быть, она ничего не имѣла противъ этого, разъ ужъ осталась ждать.

Роландсенъ пѣлъ ей о возлюбленной сердца, о вѣрномъ до гроба другѣ; пѣсни эти не представляли собой ничего особеннаго, но голосъ у него былъ большой и красивый. Стараясь удержать фру подольше среди дороги, Роландсенъ преслѣдовалъ свою цѣль: могло случиться въ этотъ часъ, что на дорогѣ показались бы гуляющіе. Вѣдь случалось же это и

раньше не разъ. И если бы фру надо было куда-нибудь спѣшить, то дѣло было бы плохо, потому что у нихъ опять завязался разговоръ, за которымъ прошло немало времени. Онъ говорилъ совершенно иначе, нежели ея мужъ, пасторъ, и то, что онъ говорилъ, звучало въ ея ушахъ словно изъ какого-то другого міра, а когда съ устъ его сыпались его великолѣпныя фразы, глаза ея закруглялись, словно у жадно слушающей маленькой дѣвочки.

— Да, да. Ну, Господь съ вами!—сказала она, уходя.

— Онъ и безъ того со мной,—отвѣтилъ онъ.

Она удивилась.

— Вы такъ увѣрены въ этомъ? Почему?

— Да у Него всё основанія для этого. Конечно, Онъ Богъ надъ всѣми тварями; но быть Богомъ надъ животными и надъ горами не такъ ужъ много значить. Вѣдь въ сущности-то мы, люди, только и дѣлаемъ Его тѣмъ, что Онъ есть. Такъ почему бы Ему не быть съ нами?

Произнеся эту великолѣпную тираду, Роландсенъ имѣлъ чрезвычайно довольный видъ. Пасторша, уходя, думала о немъ.

Ого, недаромъ голова, которую онъ носить на плечахъ, выдумала крупное изобрѣтеніе.

Наконецъ получился и коньякъ. Роландсенъ самъ притащилъ его съ пристани. Онъ не дѣлалъ никакого обхода для того, чтобы укрыться со своей ношей отъ взоровъ; напротивъ, онъ совершенно открыто шелъ среди бѣла дня съ анкеромъ подъ мышкой. Вотъ сколько мужества въ немъ было. Теперь Роландсенъ нашелъ утѣшеніе отъ всѣхъ своихъ неудачъ. Бывали ночи, когда онъ завладѣвалъ всѣми дорогами, скандалилъ и разгонялъ всѣхъ пріѣзжихъ рыбаковъ, ухаживающихъ, какъ полагается, за дѣвушками.

Однажды въ воскресенье въ церкви появилась цѣлая компанія пьяныхъ рыбаковъ. По окончаніи богослуженія они, вмѣсто того, чтобы вернуться на суда, пошли шататься по дорогѣ; имѣя съ собой запасъ водки, они все больше и больше напивались и приставали къ прохожимъ. Пасторъ вышелъ къ нимъ на дорогу и старался ихъ уговорить, но изъ этого ничего не вышло; потомъ явился и ленсманъ въ фуражкѣ съ золотымъ галуномъ. Нѣкоторые изъ рыбаковъ вернулись на берегъ, но трое, въ томъ числѣ и длинный Ульрихъ, ни за что не хотѣли уходить.

— Пусть знаютъ,—кричали они:—что они высадились на берегъ, и дѣвушки принадлежатъ имъ. Съ ними Ульрихъ, а Ульриха всюду знаютъ, и въ Финмаркенѣ и на Лофоденскихъ островахъ. Ну-ка, подступитесь-ка!

Изъ села сбѣжалось много любопытныхъ; кто стоялъ у дороги, кто прятался за деревьями лѣса — смотря по степени храбрости; но всѣ съ одинаковымъ интересомъ наблюдали за дикими прыжками длиннаго Ульриха.

— Я прошу васъ вернуться на суда, — говоритъ ленсманъ. — Иначе мнѣ придется заговорить съ вами по-другому.

— Отправляйтесь-ка вы домой съ вашей фуражкой, — говоритъ Ульрихъ.

Ленсманъ обдумываетъ, не позвать ли ему нѣсколько человекъ и не связать ли этого сумасшедшаго.

— Берегись быть грубымъ со мной, когда на мнѣ эта фуражка, — говоритъ ленсманъ.

При этихъ словахъ Ульрихъ и его товарищи принялись такъ хототать, что чуть не задохнулись. Какой-то храбрый парень рѣшился пройти мимо нихъ, но получилъ здороваго гумака и свалился.

— Ну-ка, слѣдующій! — сказалъ Ульрихъ.

— Веревку! — крикнулъ ленсманъ, увидя кровь. — Пусть кто-нибудь изъ васъ побѣжитъ за веревкой, его надо связать.

— Сколько васъ тутъ всѣхъ? — спросилъ Ульрихъ съ побѣдоноснымъ видомъ, и всѣ трое снова заготовали.

Но вотъ на дорогѣ показался длинный Роландсенъ; онъ шелъ медленно, слегка пошатываясь, и глаза его имѣли стеклянное выраженіе. Онъ дѣлалъ свою обычную прогулку. Онъ поклонился ленсману и остановился.

— Вотъ Роландсенъ! — крикнулъ Ульрихъ. — Не хотите ли посмотреть на Роландсена, ребята?

Ленсманъ сказалъ:

— Онъ совсѣмъ взбѣсился. Только-что расшибъ одного до крови. Но мы его свяжемъ веревкой.

— Веревкой?

Ленсманъ кивнулъ головой.

— Я дольше не могу этого терпѣть.

— Это ерунда, — сказалъ Роландсенъ: — что вы сдѣлаете съ веревкой? Позвольте ужъ лучше мнѣ съ нимъ расправиться.

Ульрихъ приблизился и, лицомърно здороваясь съ Роландсеномъ, отпустилъ ему ударъ. Онъ почувствовалъ, что кулакъ его наткнулся на что-то крѣпкое и твердое, и отступилъ назадъ, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ кричать:

— Здорово, телеграфистъ Роландсенъ! Титулую тебя полнымъ твоимъ именемъ и званіемъ, чтобы ты зналъ, кто ты такой.

Но ничего изъ этого не вышло. Роландсенъ отнюдь не хотѣлъ упустить случая къ потасовкѣ, и его злило, что онъ былъ

такъ медлителенъ и не отвѣтилъ на первый ударъ. Онъ былъ вынужденъ отвѣтить на слова своего противника, чтобы вызвать его на дальнѣйшія дѣйствія. Они стали говорить пьяныя рѣчи и оба кричали при этомъ.

Когда одинъ говорилъ:

— Подступись-ка только, я тебя такъ отдѣлаю, что ты своихъ не узнаешь!

Другой отвѣчалъ ему:

— Ладно, подвернись мнѣ только подъ руку, она ждетъ тебя и ужъ такъ съ тобой расправится...

И стоявшіе кругомъ любопытные находили, что это хорошо сказано какъ съ одной, такъ и съ другой стороны.

Но ленсманъ видѣлъ, что гнѣвъ и самодовольство у телеграфиста разгораются все сильнѣе и сильнѣе; онъ ѣдко улыбался, обмѣниваясь со своимъ противникомъ любезностями.

Вдругъ Ульрихъ шелкнулъ пальцами передъ самымъ носомъ Роландсена; тотъ пришелъ въ восторгъ, размахнулся и — поймалъ своего противника за куртку. Но куртка не выдержала; да и какой толкъ поймать куртку? Скаля зубы отъ удовольствія, онъ сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ, чтобы поймать обладателя куртки.

Игра разгоралась.

Когда Ульрихъ сдѣлалъ попытку нанести ему ударъ головой, Роландсенъ сразу уяснилъ себѣ систему своего противника. Но самъ онъ, Роландсенъ, былъ мастеромъ и специалистомъ по другой части: его приемъ заключался въ размашистомъ, сильномъ ударѣ плоской, поставленной косо ладонью по челюстной кости; такой ударъ долженъ прійтись сбоку подбородка. Онъ вызываетъ въ головѣ сильное сотрясеніе, отъ котораго у пострадавшаго все идетъ кругомъ передъ глазами, и онъ падаетъ на землю. Никакихъ поврежденій отъ этого не бываетъ, кровопролитія нѣтъ, развѣ изо рта и изъ носа покажется немного крови. Нѣсколько минутъ человекъ лежитъ безъ движенія.

Вдругъ длинный Ульрихъ почувствовалъ ударъ; отъ котораго онъ отлетѣлъ по ту сторону дороги. Ноги его какъ-то странно переплелись и затѣмъ подкосились, словно мертвыя; съ нимъ сдѣлалось головокруженіе.

Роландсенъ же, очевидно, хорошо знакомый съ языкомъ буйановъ, проговорилъ:

— Ну-ка, слѣдующій!

Онъ, повидимому, былъ чрезвычайно доволенъ и не замѣчалъ, что рубашка его разорвана у ворота.

Но этимъ слѣдующимъ могъ быть одинъ изъ двухъ товари-

шей Ульриха; оба они теперь стояли, молчаливые и изумленные, и уже не держались за бока от хохота.

— Вѣдь вы же дѣти,—крикнулъ имъ Роландсенъ.— Я бы васъ только слегка помялъ.

Ленсману удалось уговорить обоихъ моряковъ, чтобы они подняли своего товарища и перенесли его на судно въ безопасное мѣсто.

— Я долженъ васъ поблагодарить,—обратился онъ къ Роландсену.

Роландсенъ смотрѣлъ, какъ три моряка все дальше и дальше удалялись по дорогѣ, но это, въ сущности, такъ мало отвѣчало его настроенію, что онъ не переставалъ кричать имъ вслѣдъ:

— Приходите завтра вечеромъ опять. Вамъ достаточно выбить стекло въ окнѣ на станціи, я ужъ пойму. Эхъ, вы, молокососы!

Какъ всегда, онъ и здѣсь не зналъ мѣры, не переставалъ кричать и хвастаться. Но зрители уже стали расходиться. Вдругъ къ Роландсену подходитъ дама, смотреть на него блестящими глазами и протягиваетъ ему руку. Это пасторша. Она тоже присутствовала при этой сценѣ.

— Это было прямо великолѣпно, — говоритъ она. — Онъ этого не забудетъ.

Она замѣтила, что воротъ его рубашки открытъ. На шеѣ его обрисовывалась темная полоска отъ загара, ниже которой кожа была обнажена и бѣла.

Онъ стягиваетъ воротъ рубашки и кланяется. Ему отнюдь не неприятно, что пасторша на глазахъ у всѣхъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Побѣдитель на полѣ борьбы пыжится и важничаетъ, онъ находитъ, что можетъ себѣ позволить сказать нѣсколько дружескихъ словъ этому ребенку. Бѣдняжка фру, башмаки у нея на ногахъ были изрядно стоптаны, да и вообще она, повидимому, видѣла немного баловства.

— Жалко этихъ глазъ, чтобы смотрѣть на меня, — ска-
заль онъ.

При этихъ словахъ щеки ея слегка заалѣли.

Онъ спросилъ:

— Вы, должно-быть, скучаете по городу?

— О, нѣтъ, нисколько, — отвѣтила она: — здѣсь тоже хорошо. Послушайте, не можете ли вы сейчасъ пойти со мною и провести сегодняшній день у насъ?

Онъ поблагодарилъ и отказался. По воскреснымъ днямъ контора открыта, какъ и въ будни.

— Во всякомъ случаѣ благодарю васъ, — сказалъ онъ. — Одно, въ чемъ я завидую пастору, это обладаніе вами.

— Чтò?..

— Я желалъ бы сохранить полную вѣжливость, но я самымъ опредѣленнымъ образомъ долженъ заявить, что завидую ему въ этомъ отношеніи.

Такъ, слово сказано. Вѣдь надо же, по мѣрѣ силъ и возможности, распространять вокругъ себя хоть немного радости.

— Вы чудакъ,—сказала она, придя въ себя.

На пути домой Роландсенъ думалъ о томъ, что въ общемъ день выпалъ для него удачный. Подъ вліяніемъ гордости и опьянвнія одержанной побѣдой, онъ принялся раздумывать о томъ, чтò бы это означало, что молодая жена пастора такъ часто пускается съ нимъ въ разговоры. Хитрая мысль мелькнула у него въ головѣ: вѣдь она могла бы расчитать юмфру ванъ-Лоосъ и избавить его этимъ отъ тяжелыхъ цѣпей. Онъ, конечно, не можетъ просить ее объ этомъ; нѣтъ, но есть другіе пути. Кто знаетъ, можетъ-быть, она охотно окажетъ ему эту услугу, разъ ужъ между ними завязываются такія добрыя отношенія.

VIII.

Пасторъ и жена его просыпаются ночью отъ звуковъ пѣнія. Никогда до сихъ поръ ничего подобнаго не случалось; пѣніе доносится изъ сада; солнце свѣтитъ надъ землею, чайки проснулись; три часа утра.

— Мнѣ кажется, я слышу пѣніе, — говоритъ пасторъ въ сосѣднюю комнату, своей женѣ.

— Это здѣсь, подъ моимъ окномъ,—отвѣчаетъ она.

Она прислушивается. Она прекрасно узнаётъ голосъ сумасброда Роландсена и слышитъ его гитару; онъ, однако, слишкомъ ужъ дерзокъ, вздумалъ пѣть о своей милой подъ самымъ ея окномъ. Кровь бросилась фру въ голову отъ возбужденія.

Пасторъ вошелъ и выглянулъ въ окно.

— Это телеграфистъ Роландсенъ, какъ я вижу, — говоритъ онъ, нахмутивъ лобъ. — Онъ на-дняхъ только выписалъ себѣ поль-анкера. Сущій позоръ съ этимъ человѣкомъ.

Но пасторша не была склонна смотрѣть на это маленькое происшествіе такъ мрачно. Этотъ оригинальный телеграфистъ, который дрался, какъ мясникъ, и пѣлъ, какъ боговдохновенный юноша, вносилъ много разнообразія и оживленія въ ихъ тихую и однообразную жизнь.

— Это, должно-быть, серенада,—сказала она, смѣясь.

— Которой ты не можешь принять,—отвѣтилъ пасторъ.— Или ты сама думаешь объ этомъ иначе?

И всегда-то онъ чѣмъ-нибудь недоволенъ!

Она отвѣтила:

— Ну, это не такъ страшно. Съ его стороны это не болѣе, какъ шутка!

Но про себя маленькая женщина подумала, что она никогда больше не станетъ смотрѣть на Роландсена такимъ взглядомъ, какимъ смотрѣла на него, чтобы не подавать ему больше повода къ какимъ-нибудь безумствамъ.

— Онъ, право же, собирается начать новую пѣсню,—привалъ пасторъ ея мысли.

Онъ подошелъ къ окошку, какъ былъ, и постучалъ въ стекло.

Роландсенъ поднялъ голову. У окна стоялъ самъ пасторъ, собственной персоной. Пѣніе прекратилось. Роландсенъ притворился сконфуженнымъ, съ минуту постоялъ словно въ смущеніи, затѣмъ повернулся и медленно удалился.

Пасторъ сказалъ:

— Ну, я его сплавилъ!

Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, что добился такого результата только тѣмъ, что показался въ окнѣ.

— А завтра онъ получитъ отъ меня письмо, — добавилъ онъ: — онъ у меня уже давно на примѣтѣ, ужъ черезчуръ зазорную жизнь онъ ведетъ.

— Не сказать ли лучше мнѣ ему, что мы не хотимъ, чтобы онъ по ночамъ распѣвалъ передъ нашими окнами свои пѣсни?

Не обращая вниманія на предложеніе жены, пасторъ продолжалъ:

— А затѣмъ я отправлюсь къ нему и поговорю съ нимъ!

Пасторъ произнесъ эти слова весьма многозначительно. Словно отъ того, что онъ пойдетъ къ Роландсену, зависѣло Богъ вѣсть чтѣ.

Онъ вернулся въ свою комнату, легъ въ постель и продолжалъ думать. Онъ отнюдь не станетъ больше шадить этого легкомысленнаго вертопраха, который напускаетъ на себя столько важности и своимъ образомъ жизни является соблазномъ для всего прихода. Пасторъ не дѣлалъ никакой разницы между своими прихожанами и разсылалъ письма всѣмъ одинаково, внушая всѣмъ къ себѣ почтеніе. Надо же внести немного свѣта въ этотъ утопающій во тьмѣ уголокъ земли. Онъ еще не забылъ сестры своего помощника Левіона. Она не исправилась, и пасторъ не могъ при такихъ условіяхъ оставить у себя ея брата помощникомъ. Левіона постигло несчастье, его жена умерла; но уже на похоронахъ пасторъ ули-

чиль его въ проступкѣ. Это была неслыханная исторія. Когда онъ долженъ былъ отвезти свою жену на кладбище, чтобы опустить ее въ землю, онъ вдругъ вспомнилъ, что обѣщалъ Фридриху Макку на фабрикѣ телячью тушу. Ему это было по дорогѣ, съ другой стороны, миновали уже прохладные дни, когда можно было держать мясо дольше, и онъ рѣшилъ взять тушу съ собой. Пасторъ узналъ это отъ Еноха, этого страдающаго ушами, богобоязненнаго и смиреннаго человѣка, и сейчасъ же призвалъ къ себѣ Левіона.

— Я не могу больше держать тебя у себя помощникомъ,— сказалъ пасторъ.—Сестра твоя грѣшитъ въ твоёмъ собственномъ домѣ, ты же не оберегаешь свой домъ, а лежишь и спишь по ночамъ, когда въ домъ твой приходитъ чужой мужчина.

— Къ сожалѣнію,—отвѣтилъ помощникъ:—это иногда случается.

— Я долженъ прибавить еще одну вещь: ты везешь свою жену хоронить и тутъ же тащишь убитаго теленка. Развѣ это подобаешь?

Но тутъ парень посмотрѣлъ на пастора совершенно недоумѣвающимъ глазами, его слова показались ему въ высшей степени странными. Его покойная жена была добросовѣстная и заботливая женщина, она первая напомнила бы ему взять съ собою теленка, если бы только могла. «Вѣдь тебѣ это по дорогѣ»,—сказала бы покойница.

— Если господинъ пасторъ такъ строгъ и требователенъ, то ему не найти порядочнаго помощника,—сказалъ Левіонъ.

— Это ужъ мое дѣло,—отвѣтилъ пасторъ.—А ты свободенъ.

Левіонъ опустилъ глаза на шапку, которую онъ держалъ въ рукахъ. То, что на него обрушивалось, было для него несомнѣнно позоромъ,—сосѣди подымутъ его на смѣхъ.

Пасторъ былъ возмущенъ.

— Но, во имя Бога,—сказалъ онъ:—неужели ты даже не можешь заставить свою сестру выйти замужъ за этого человѣка?

— Господинъ пасторъ думаетъ, что я этого не пробовалъ!—отвѣтилъ Левіонъ.—Но она не совсѣмъ увѣрена, который это.

Пасторъ отъ изумленія раскрылъ ротъ:

— Что она?..

Сообразивъ наконецъ, въ чемъ дѣло, онъ всплеснулъ руками. Затѣмъ онъ коротко кивнулъ головой и сказалъ:

— Какъ я уже сказалъ, я возьму себѣ другого помощника.

— Кто это будетъ?

— Я вовсе не обязанъ тебѣ это говорить. Но это будетъ Енохъ.

Крестьянинъ задумался надъ этимъ. Онъ зналъ этого Еноха съ нимъ имѣлъ дѣло.

— Такъ это будетъ Енохъ!—проговорилъ онъ только и ушелъ.

Енохъ былъ способенъ съ честью занять это мѣсто. Это былъ смиренный человѣкъ, не задиравшій головы кверху, а, напротивъ, державшій ее всегда опущенной на грудь; онъ былъ основательный человѣкъ. Шла молва, будто онъ былъ ненадежнымъ товарищемъ въ морѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ его будто поймали на томъ, что онъ вытаскивалъ чужой уловъ. Но все это было, должно-быть, не болѣе, какъ зависть и клевета. По внѣшности онъ былъ не графъ и не баронъ, и его повязка вокругъ головы не особенно его красила. Кромѣ того, у него была привычка, при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь на дорогѣ, прикладывать палецъ сперва къ одной, потомъ къ другой ноздрѣ и сморкаться. Но Господь Богъ не обращаетъ вниманія на внѣшность, а Его смиренный рабъ Енохъ имѣлъ, по всей вѣроятности, при встрѣчѣ съ людьми одну цѣль—привести себя въ порядокъ. Приходя куда-нибудь, онъ говорилъ: «Миръ съ вами!», а уходя: «Оставайтесь съ миромъ!». Все въ немъ было основательно и обдуманно. Даже огромный складной ножъ, висѣвшій у него за поясомъ, онъ носилъ съ какимъ-то особеннымъ благодарнымъ видомъ, словно хотѣлъ сказать: «сколько есть людей на свѣтѣ, у которыхъ, къ сожалѣнiю, нѣтъ даже ножа». Въ послѣднiй разъ въ церкви Енохъ обратилъ на себя всеобщее вниманiе своимъ крупнымъ даромъ, онъ положилъ на алтарь кредитку. Неужели онъ въ послѣднее время заработалъ столько наличныхъ денегъ? Или какая-нибудь высшая сила прибавила къ его шиллингамъ свою лепту? Въ лавочкѣ Макка за нимъ не значилось никакихъ долговъ, его рыболовныя снасти были не тронуты, семья его была хорошо одѣта. И въ домѣ своемъ онъ строжайшимъ образомъ слѣдилъ за нравственностью и благонаравiемъ. У него былъ сынъ, образецъ скромности и хорошаго поведенiя. Парень отправился на рыбный промыселъ на Лофоды и имѣлъ право вернуться домой съ синимъ якоремъ на рукѣ, но онъ этого не сдѣлалъ. Отецъ рано научилъ его богобоязненности и смиренiю. «Благословенiе Божiе сопровождаетъ того,—говорилъ Енохъ:—кто идетъ своимъ путемъ незамѣтно и покорно...»

Покуда пасторъ лежалъ и думалъ, ночь прошла. Злополучный телеграфистъ Роландсенъ разбилъ его сонъ, и въ шесть часовъ онъ уже всталъ. Оказалось, что фру уже успѣла одѣться потихоньку и вышла.

Передъ обѣдомъ фру отправилась къ телеграфисту Роландсену.

— Послушайте, вы не должны пѣть по ночамъ у насъ передъ окнами,—сказала она ему.

— Я понимаю, что это было сумасбродство съ моей стороны, — отвѣтилъ онъ. — Я думалъ, что тамъ іомфру ванъ-Лоосъ, но она, повидимому, перемѣнила комнату.

— Такъ это вы, значить, ей пѣли ночью?

— Да, это была неудавшаяся утренняя серенада.

— Это я спала въ той комнатѣ,—сказала фру.

— Прежде это была комната іомфру, при прежнемъ пасторѣ. Фру ничего больше не сказала; глаза ея смотрѣли тупо и безъ блеска.

— Да, да, спасибо, — сказала она, уходя. — Ваше пѣніе звучало красиво, но вы больше не должны этого дѣлать.

— Обѣщаю вамъ. Если бы я только подозрѣвалъ... Конечно, я бы не посмѣлъ...

У Роландсена былъ такой видъ, словно онъ желаетъ провалиться сквозь землю.

Вернувшись домой, фру сказала:

— Я сегодня совсѣмъ сонная.

— Удивительно ли?—отвѣтилъ пасторъ.—Ты вѣдь не спала ночь изъ-за этого крикуна.

— Лучше всего будетъ, если іомфру уѣдетъ,—сказала фру.

— Іомфру?

— Вѣдь онъ помолвленъ съ нею, понимаешь? Мы не будемъ имѣть покоя по ночамъ.

— Онъ сегодня же получить отъ меня письмо.

— Проще всего было бы, чтобы іомфру уѣхала.

Но пасторъ думалъ, что это отнюдь не проще всего, такъ какъ перемѣна экономки повлечетъ за собой лишніе расходы. Къ тому же іомфру ванъ-Лоосъ была чрезвычайно дѣльная особа; безъ нея порядка не было бы ни въ чемъ. Онъ помнитъ еще, какъ дѣла шли вначалѣ, когда жена его хотѣла самостоятельно вести хозяйство, о, онъ этого никогда не забываетъ.

— Кого же ты возьмешь на ея мѣсто?—спросилъ онъ.

Фру отвѣтила:

— Я лучше сама буду дѣлать ея работу.

Пасторъ разсмѣялся съ горечью и замѣтилъ:

— О, тогда, конечно, дѣло будетъ сдѣлано.

Огорченная и обиженная, фру отвѣтила:

— Мнѣ все равно приходится постоянно быть тутъ же и слѣдить за домомъ. Такъ что, если я и возьму на себя обязанности іомфру, мнѣ отъ этого прибавится немного лишняго дѣла.

Пасторъ молчалъ. Все равно дальнѣйшіе разговоры на эту тему бесполезны, Богъ съ ней!

— Йомфру не можетъ уѣхать,—сказалъ онъ только.

Въ эту минуту взглядъ его упалъ на ботинки жены; они полопались такъ, что жалко было смотрѣть. И, уходя, онъ сказалъ:

— Прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы купить тебѣ пару ботинокъ.

— О, пока еще лѣто на дворѣ —отвѣтила она.

IX.

Послѣднія суда готовы къ отплытію, сельдяной ловъ окончился. Но вдоль береговъ осталось еще немало рыбы, и цѣны упали. Торговецъ Маккъ скупилъ всю рыбу, какую только могъ достать, и никто ни разу не слыхалъ о какой-либо заминкѣ въ платежахъ у него; только при послѣдней покупкѣ онъ попросилъ рыбака подождать, онъ долженъ отправить телеграмму на югъ о присылкѣ денегъ. Да и то среди рыбаковъ сейчасъ же пошли перешептыванія: «Ага, онъ въ затрудненіи, у него не хватаетъ денегъ!»

Но торговецъ Маккъ былъ и теперь такъ же могущественъ, какъ и раньше. Заваленный всякими другими дѣлами, онъ, несмотря на это, обѣщалъ пасторшѣ устроить пекарню. Чтò жъ, и за этимъ дѣло не стало, рабочіе явились, фундаментъ былъ уже заложенъ. Для фру было истиннымъ наслажденіемъ отправляться на мѣсто работъ и видѣть, какъ ея пекарня растетъ съ каждымъ днемъ. Но вотъ пришло время ставить стѣны, а для этого Макку нужны были другіе рабочіе. И объ этомъ онъ позаботился.

— Телеграмма о присылкѣ рабочихъ уже отправлена,—сказалъ онъ.

Все это заставило булочника, жившаго у ленсмана, призадуматься. Чего пасторъ не достигъ своимъ письмомъ, то сдѣлалъ Маккъ своимъ фундаментомъ. «Чтò жъ, хлѣбъ всегда будетъ, если народъ желаетъ хлѣба»,—сказалъ булочникъ. Но всѣ прекрасно понимали, что бѣдняга дѣлаетъ напрасныя усилія: Маккъ его раздавить.

Роландсенъ сидитъ у себя въ комнатѣ и сочиняетъ странное объявленіе за своей собственноручной подписью. Онъ нѣсколько разъ перечитываетъ его и находитъ, что оно въ порядкѣ. Затѣмъ онъ суетъ его въ карманъ, надѣваетъ шляпу и выхо-

дять изъ дому. Онъ направляется прямо къ фабричной конторѣ Макка.

Роландсенъ все время ожидалъ, что юмфру ванъ-Лоосъ уѣдетъ; но она не уѣзжала, пасторша и не подумала отказать ей. Роландсенъ ошибся въ расчетъ, когда думалъ, что пасторша станетъ оказывать ему услуги; теперь здравый разумъ снова одержалъ въ немъ верхъ, и онъ сказалъ себѣ: «Нечего витать въ небесахъ и обманывать самого себя, намъ, значить, не удалось никого провести».

Отъ пастора Роландсенъ получилъ письмо серьезнаго, укоряющаго содержанія. Роландсенъ отнюдь не скрывалъ, что получилъ такое письмо, а рассказывалъ объ этомъ направо и налѣво. Письмо это, говорилъ онъ, онъ вполне заслужилъ, и оно принесло ему пользу; съ тѣхъ поръ, какъ онъ конфирмовался, ни одинъ пасторъ никогда не интересовался имъ и не принималъ въ немъ участія. Онъ готовъ даже сказать, что пастору слѣдовало бы разсылать побольше такихъ писемъ на радость и спасеніе прихожанъ.

Но, глядя на Роландсена, особенно въ послѣднее время, трудно было допустить, чтобы онъ переживалъ чувства умиленія и подъема. Напротивъ, онъ больше обыкновеннаго былъ погруженъ въ размышленія; казалось, будто его неотступно занимаетъ какая-то странная мысль.—«Сдѣлать это или не сдѣлать?»—бормоталъ онъ иногда сквозь зубы. Но послѣ того, какъ его бывшая невѣста, юмфру ванъ-Лоосъ, подстерегла его однажды съ самаго утра, чтобы устроить ему сцену по поводу дурацкой серенады передъ пасторскимъ домомъ, онъ ушелъ отъ нея съ слѣдующими многозначительными словами: «Я это сдѣлаю!»

Роландсенъ входитъ въ контору Макка и кланяется. Онъ совершенно трезвъ. Отецъ и сынъ стоятъ по обѣ стороны конторки и пишутъ. Старикъ предлагаетъ ему стулъ, но Роландсенъ не садится; онъ говоритъ:

— Я только хотѣлъ вамъ сказать, что это я совершилъ у васъ кражу со взломомъ.

Отецъ и сынъ смотрятъ на него, вытарапивъ глаза.

— Я пришелъ, чтобы сознаться въ этомъ, — говоритъ Роландсенъ: — нехорошо съ моей стороны дольше скрывать это, и безъ того достаточно дурно то, что я сдѣлалъ.

— Оставь насъ однихъ, — говоритъ старый Маккъ.

Фридрихъ вышелъ.

Маккъ спросилъ:

— Вы сегодня вполне владѣете своими мыслями?

— Это я сдѣлалъ это! — кричитъ Роландсенъ.

А голосъ у него такой, что способенъ не только пѣть, но и кричать.

Проходить нѣсколько минутъ. Маккъ, щура глаза, соображаетъ что-то.

— Такъ вы говорите, что вы это сдѣлали?

— Да.

Маккъ продолжаетъ думать. Его головѣ приходилось рѣшать не одну задачу въ теченіе его долгой жизни, и онъ привыкъ принимать быстрыя рѣшенія.

— Вы и завтра готовы подтвердить свои слова?

— Да. Съ сегодняшняго дня я больше не хочу скрывать свое преступленіе. Я получилъ письмо отъ пастора и долженъ сказать, что оно сильно подѣйствовало на меня.

Начиналъ ли Маккъ вѣрить словамъ телеграфиста? Или онъ только для виду продолжалъ съ нимъ разговоръ?

— Когда вы это сдѣлали?—спросилъ онъ.

Роландсенъ обозначилъ точно ночь, когда это произошло.

— Какъ вы за это принялись?

Роландсенъ объяснилъ детально, какъ онъ все это сдѣлалъ.

— Въ шкапу лежали вмѣстѣ съ деньгами различныя бумаги, вы ихъ видѣли?

— Да. Тамъ были разныя бумаги.

— Одну изъ нихъ вы унесли. Гдѣ она?

— У меня ея нѣтъ. Бумага? Нѣтъ.

— Это былъ мой страховой полисъ.

— Страховой полисъ? Совершенно вѣрно, теперь я припоминаю. Я долженъ сознаться, что сжегъ его.

— Вотъ какъ. Но это вы нехорошо сдѣлали, вы причинили мнѣ много хлопотъ, покуда я досталъ новый.

Роландсенъ сказалъ:

— Я былъ въ такомъ состояніи... у меня не было ни одной ясной мысли въ головѣ. Я прошу васъ простить мнѣ все.

— Тамъ была еще шкатулка, въ которой лежало много тысячъ талеровъ, почему вы ея не взяли?

— Я ея не замѣтилъ.

Рѣшеніе было готово въ головѣ Макка. Совершилъ ли телеграфистъ это преступленіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ для Макка это былъ самый удобный воръ, какого онъ только могъ себѣ пожелать. Онъ, навѣрное, не будетъ молчать объ этомъ, а, напротивъ, рассказывать всякому встрѣчному и поперечному. Послѣдніе, еще не успѣвшіе развѣхаться, моряки увезутъ съ собой эту новость и распространять ее среди торговцевъ вдоль всего побережья. Репутація Макка была, можно сказать, спасена.

— Я никогда раньше не слышалъ, что вы прокрадываетесь къ людямъ и... что вы страдаете такимъ порокомъ,— говорить онъ.

На это Роландсенъ отвѣчаетъ, что нѣтъ, среди рыбаковъ онъ никогда... нѣтъ, онъ не грабитъ мелкихъ гнѣздъ, онъ идетъ прямо въ банкъ.

Этого только Макку и было нужно! Но онъ только замѣтилъ съ упрекомъ:

— Но какъ вы могли такъ поступить по отношенію ко мнѣ!

Роландсенъ отвѣтилъ:

— Я набрался храбрости и дерзости. Я это сдѣлалъ въ пьяномъ видѣ.

Ничего невозможнаго не было въ томъ, что его признаніе было искренно. Сумасбродный телеграфистъ вель довольно разгульную жизнь, а доходы его были очень скромны. Коньякъ изъ Розенгорда тоже стоилъ денегъ.

— Къ сожалѣнію, я долженъ сдѣлать еще одно признаніе,— сказалъ Роландсенъ: — я не могу вернуть вамъ эти деньги.

Лицо Макка сохранило равнодушное выраженіе.

— Это не играетъ роли, — отвѣтилъ онъ. — Единственное, что меня огорчаетъ, это глупыя сплетни, которыя по вашей милости распространяются на мой счетъ. Всѣ эти оскорбительныя выходки по адресу меня самого и моего семейства.

— Я придумалъ кое-что, чтобы поправить дѣло.

— Что такое?

— Я хочу снять ваше объявленіе со столба около пасторскаго дома и повѣсить на его мѣсто свое собственное.

Это было похоже на него, на этого отчаяннаго человѣка.

— Нѣтъ, этого я не требую, — сказала Маккъ. — Это было бы все же слишкомъ тяжело для васъ, бѣдняга. Но не напишете ли вы на бумагѣ все, что вы мнѣ сказали?

И Маккъ указалъ движеніемъ головы на мѣсто Фридриха за конторкой.

Покуда Роландсенъ писалъ, Маккъ сидѣлъ и думалъ. Вся эта злополучная исторія разрѣшилась какъ нельзя лучше. Правда, ему это будетъ стоить нѣсколько сотъ талеровъ, но деньги эти нельзя считать потерянными, слава о немъ распространится по всей округѣ.

Маккъ прочиталъ написанное Роландсеномъ и проговорилъ:

— Да, такъ, пожалуй, хорошо. Я, конечно, не думаю сдѣлать изъ этого какое-нибудь употребленіе.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — отвѣтилъ Роландсенъ.

— Я также не имѣю въ виду сдѣлать извѣстнымъ нашъ разговоръ, все это останется между нами.

— Но тогда я самъ расскажу объ этомъ. Въ письмѣ пастора прямо сказано, что надо сознаваться открыто въ своихъ про-ступкахъ.

Маккъ открылъ свой несгораемый шкафъ и вынулъ изъ него нѣсколько кредитныхъ бумажекъ. Теперь представлялся случай показать, что онъ за человекъ. А между тѣмъ никто не зналъ, что въ бухтѣ стоитъ чужое судно, владѣлецъ кото-раго ждетъ какъ разъ этихъ денегъ, не желая уѣзжать безъ нихъ домой.

Маккъ отсчиталъ четыреста талеровъ и сказалъ:

— Я не хочу васъ оскорблять, но я имѣю обыкновеніе исполнять то, что говорю. Я обѣщаль четыреста талеровъ, они принадлежать вамъ.

Роландсенъ направился къ двери.

— Я вполне заслужилъ ваше презрѣніе, — сказалъ онъ.

— Мое презрѣніе! — прервалъ его Маккъ. — Послушайте, что я вамъ скажу...

— Ваше великодушіе причиняетъ мнѣ страданіе. Вы не только не требуете наказанія для меня, вы еще меня вознаграждаете.

Но быть обворованнымъ на двѣсти талеровъ — въ этомъ нѣтъ ничего, что бы могло придать величія Макку; другое дѣло дать вору вознагражденіе въ количествѣ двойной суммы — вотъ что создастъ ореоль вокругъ всей этой исторіи. Онъ сказалъ:

— Вы теперь несчастный человекъ, Роландсенъ, вы ли-шитея своего мѣста. Для меня эти деньги не составляютъ лишенія, вамъ же они на первое время могутъ служить большою подмогой. Я прошу васъ подумать объ этомъ.

— Я не могу, — сказалъ Роландсенъ.

Тогда Маккъ взялъ эти деньги и сунулъ ихъ ему въ кар-манъ.

— Считайте, по крайней мѣрѣ, что это заемъ, который я у васъ дѣлаю, — попросилъ Роландсенъ.

И денежный король съ рыцарской душой согласился на это и отвѣтилъ:

— Хорошо, пусть это будетъ заемъ!

Но въ глубинѣ души онъ зналъ, что никогда больше не увидитъ этихъ денегъ.

Роландсенъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, весь съживившись, словно онъ въ эту минуту несъ на плечахъ самое тяжелое бремя всей своей жизни. Жалко было смотрѣть на него.

— Постарайтесь снова стать на путь правды, — сказалъ ему Маккъ голосомъ, полнымъ поощренія.

Роландсенъ съ величайшимъ смиреніемъ поблагодарилъ за все и ушелъ.

— Я мошенникъ! — сообщилъ онъ сейчасъ же фабричнымъ работницамъ, проходя мимо нихъ. И онъ рассказалъ все, какъ было.

Онъ направился къ пасторской усадьбѣ. Сорвавъ со столба объявленіе Макка, онъ прикрѣпилъ на его мѣсто свое собственное. Тамъ было написано, что онъ, и не кто другой, былъ воромъ. Завтра воскресенье—здѣсь пройдетъ много народу, и всѣ прочтутъ это.

Х.

Роландсенъ, повидимому, чувствовалъ дѣйствительное раскаяніе. Послѣ того, какъ его признаніе стало извѣстнымъ всему селу, онъ держался въ сторонѣ и избѣгалъ встрѣчи съ людьми. Это производило благопріятное впечатлѣніе; было ясно, что «падшій» телеграфистъ сознаётъ свою порочность и, во всякомъ случаѣ, задумывается надъ ней. На самомъ же дѣлѣ у Роландсена просто не было теперь времени праздно шататься по дорогамъ, онъ проявлялъ у себя въ комнатѣ по ночамъ лихорадочную дѣятельность. Онъ былъ окруженъ множествомъ большихъ и маленькихъ аптекарскихъ склянокъ съ образцами, которыя онъ упаковывалъ въ ящики и отправлялъ по почтѣ на востокъ и на западъ. Онъ пользовался также телеграфомъ днемъ и ночью. Надо было во что бы то ни стало покончить со всѣмъ этимъ раньше, чѣмъ его выгонять съ мѣста.

Позоръ Роландсена сталъ извѣстенъ также и въ пасторской усадьбѣ, и всѣ смотрѣли теперь съ сожалѣніемъ на юмфру ванъ-Лоосъ, имѣвшую такого жениха. Пасторъ призвалъ ее къ себѣ въ контору и имѣлъ съ нею продолжительную бесѣду въ самомъ мягкомъ и кроткомъ тонѣ.

Юмфру ванъ-Лоосъ, конечно, не могла больше сохранить прежнихъ отношеній съ Роландсеномъ, она должна была пойти къ нему и объявить ему окончательный разрывъ.

Она нашла Роландсена убитымъ и подавленнымъ, но это ей не тронуло.

— Славныя вещи открылись за тобой, — сказала она.

— Я надѣялся, что вы придете, и я смогу просить васъ быть ко мнѣ снисходительной, — отвѣтилъ онъ.

— Снисходительной? Нѣтъ, знаешь ли... Я должна тебѣ сказать, Ове, я совсѣмъ тутъ одурѣю съ тобой. Я больше не хочу тебя знать. Я не знаюсь съ ворами и мошенниками, я

иду въ жизни своимъ честнымъ путемъ. Я ли не предостерегала тебя, желая тебѣ только добра, но ты не обращалъ никакого вниманія на мои слова. Слыхано ли это, чтобы чловѣкъ, у котораго есть невѣста, бѣгалъ за каждой юбкой? А вдобавокъ ты еще обкрадываешь добрыхъ людей и потомъ вынужденъ помѣстить признаніе въ этомъ благородномъ поступкѣ среди дороги, на глазахъ у всѣхъ. Мнѣ такъ стыдно, что я готова сквозь землю провалиться. Молчи ужъ лучше, вѣдь я тебя знаю, ничего путнаго не скажешь, а, напротивъ, изъ одного упрямства еще, пожалуй, готовъ хвастать своимъ геройствомъ. Моя любовь къ тебѣ была совершенно искренна, ты же поступилъ, какъ негодяй, по отношенію ко мнѣ и своимъ воровствомъ опозорилъ мою жизнь. Это ни къ чему, то, что ты хочешь сказать. Слава Богу, всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что ты меня увлекъ и эксплуатировалъ меня. Пасторъ говорить, чтобы я какъ можно скорѣе уѣзжала отсюда, какъ ему ни жалко отпускать меня. Нечего теперь стоять и дѣлать видъ, что ты тутъ не при чемъ, Ове. Ты грѣшникъ передъ Богомъ и людьми, ты—настоящее исчадіе ада. И если я все еще говорю тебѣ *Ове*, то я вовсе этого не думаю, и ты не долженъ воображать, что я опять хочу помириться съ тобой. Я считаю, что мы больше не знакомы, и никогда больше въ жизни я не стану вамъ говорить *ты*. Потому что никто не могъ сдѣлать для тебя больше, чѣмъ дѣлала я, это я знаю навѣрное; ты же не зналъ мѣры въ своемъ легкомысліи и постоянно злоупотреблялъ моей добротой. Къ сожалѣнію, и на мнѣ лежитъ вина въ этомъ,—да, и я не безъ вины, я постоянно смотрѣла на все сквозь пальцы, до самаго послѣдняго времени, и глаза мои не раскрывались на тебя.

Несчастный стоялъ передъ нею совершенно убитый и не могъ даже оправдаться. Такой безсвязной рѣчи, какъ сегодня, онъ отъ нея никогда еще не слыхалъ, его ужасное преступленіе страшно разстроило ее. Она была совершенно безъ силъ, когда кончила говорить.

— Я постараюсь исправиться, — проговорилъ онъ.

— Ты? Ты исправиться? — сказала она и горько размѣялась. — Впрочемъ, это ни къ чему бы не повело. Потому что вѣдь ты не можешь сдѣлать, чтобы не было того, что было, а такъ какъ я происхожу изъ почтеннаго, честнаго семейства, то я не желаю, чтобы имя мое было замарано тобою. Я говорю прямо то, что думаю. Я уѣзжаю послѣзавтра на пароходѣ; но я не желаю, чтобы ты приходилъ на пристань провожать меня, и пасторъ это тоже говорить. Я сейчасъ прощаюсь съ тобой навѣки. И благодарю тебя за хорошіе часы,

которые мы провели вмѣстѣ,—о дурныхъ я теперь не хочу думать.

Она рѣшительно повернулась и ушла. Но вслѣдъ затѣмъ она вернулась и сказала:

— Но ты можешь сидѣть наверху въ лѣсу, противъ пристани, и махать мнѣ платкомъ, если захочешь. Но мнѣ это совершенно безразлично.

— Протяни мнѣ руку, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, этого я не сдѣлаю. Ты вѣдь самъ хорошо знаешь, что сдѣлала твоя правая рука.

Роландсенъ опустилъ голову.

— Но нельзя ли намъ будетъ писать другъ другу? — спросилъ онъ. — Хотя бы нѣсколько словъ только.

— Я не стану писать. Никогда въ жизни! Ты такъ часто игралъ тѣмъ, что между нами все кончено; но теперь, оказывается, я еще достаточно хороша для тебя? Но нѣтъ, теперь все кончено. Прощай, я желаю тебѣ всего хорошаго. Мой адресъ: Бергенъ, моему отцу, — на случай, если ты захочешь написать мнѣ. Но я тебя объ этомъ не прошу.

Взбѣгая по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату, Роландсенъ вполне опредѣленно чувствовалъ, что онъ свободенъ.

«Какъ это странно,—думалъ онъ:—еще секунду тому назадъ я стоялъ внизу, на лѣстницѣ».

Это былъ для него день, полный заботъ и хлопотъ. Ему надо было уложить свои послѣдніе образцы для того, чтобы отправить ихъ послѣзавтра съ пароходомъ; кромѣ того, нужно было собрать свои пожитки, чтобы быть готовымъ къ отъѣзду: всеильный инспекторъ телеграфнаго вѣдомства былъ уже на пути сюда.

Само собою разумѣется, ему безъ всякихъ разговоровъ будетъ отказано отъ мѣста. По службѣ его ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, а всемогущій торговецъ Маккъ, навѣрное, не захочетъ ему вредить; но правосудіе должно итти своимъ путемъ.

Луга покрылись травой, и лѣса стояли въ полномъ уборѣ; настали мягкія, теплыя ночи. Бухта опустѣла, рыбаки всѣ разъѣхались. Шкуны Макка тоже ушли, нагруженные рыбой. Стояло лѣто.

Дни были такіе ясные и свѣтлые, что по воскресеньямъ въ церкви собиралось молящихся больше обыкновеннаго. Толпы народа прибывали сухимъ путемъ и моремъ; среди нихъ были и моряки изъ Бергена и Гаугезунда, расположившіеся со своими яхтами вдоль берега у подножія горъ для сушки трески. Изъ года въ годъ они пріѣзжали сюда и старались

здѣсь. Въ церковь они приходили разряженные, въ цвѣтныхъ рубашкахъ изъ тонкаго коленкора и съ волосяными цѣпочками на груди. У нѣкоторыхъ были даже золотыя серьги въ ушахъ. И всѣ они вносили жизнь и движеніе въ толпу.

Впрочемъ, лѣтняя пора имѣла не только однѣ хорошія стороны; говорили о лѣсномъ пожарѣ, начавшемся гдѣ-то въ фьордахъ вслѣдствіе продолжительной засухи.

Енохъ вступилъ въ свою новую должность и исполнялъ обязанности помощника пастора со своей обычной серьезностью и основательностью, не снимая съ головы своей повязки. Для молодежи это зрѣлище было источникомъ веселья, люди же постарше негодовали, что присутствіе этого отвратительнаго существа оскверняетъ хоры, и даже жаловались на это пастору. Не могъ, что ли, Енохъ затыкать свои уши ватой? Но Енохъ отвѣтилъ пастору, что онъ не можетъ обойтись безъ повязки изъ-за болей въ головѣ. Услыша это, бывшій помощникъ пастора, Левіонъ, разразился злораднымъ смѣхомъ надъ своимъ соперникомъ Енохомъ и замѣтилъ, что въ такіе теплые дни, должно-быть, не очень пріятно носить повязку вкругъ головы.

Со времени потери должности негодяй Левіонъ не переставала преслѣдовать своего преемника Еноха завистью. Отправляясь ночью ловить камбалу, онъ никогда не упускалъ случая расположиться у самаго участка Еноха и вылавливать камбалу, которая должна была бы достаться его сопернику. А когда ему нужна была мачта для его лодки или черпакъ, то онъ непременно доставалъ себѣ матеріалъ для нихъ въ сосновомъ лѣсу Еноха, внизу, у морского берега.

Онъ никогда не терялъ Еноха изъ виду...

Вѣсть о томъ, что юмфру ванъ-Лоосъ порвала со своимъ женихомъ и собирается уѣзжать изъ пасторскаго дома, чтобы уйти отъ позора, быстро распространилась по селу. Но торговцу Макку, должно-быть, было жалко несчастнаго телеграфиста, и онъ рѣшилъ сдѣлать попытку помирить ихъ. Онъ собственноручно снялъ со столба заявленіе Роландсена и объявилъ, что оно вообще было повѣшено противъ его воли. Затѣмъ онъ направился къ пасторскому дому. Маккъ могъ себѣ позволить проявить великодушіе и доброжелательность: до него уже дошли слухи о необыкновенномъ впечатлѣніи, которое произвело въ народѣ его поведеніе по отношенію къ злодѣю; теперь всѣ снова кланялись ему, какъ и въ прежніе дни, онъ пользовался теперь, пожалуй, даже большимъ уваженіемъ, чѣмъ когда бы то ни было. Итъ, другого такого Макка не сыскать на всемъ побережьи!

Но его визитъ въ пасторскій домъ оказался совершенно безрезультатнымъ. Іомфру ванъ-Лоосъ плакала отъ умиленія, что самъ Маккъ пришелъ ее уговаривать; но никто не можетъ убѣдить ее снова помириться съ Роландсеномъ,—никогда въ жизни. У Макка осталось впечатлѣніе, что это пасторъ внушилъ ей такую твердость.

Когда настало время іомфру уѣзжать, пасторъ съ женой пошли провожать ее на пристань. Стоя на берегу и глядя, какъ она усаживалась въ лодку, они оба желали ей счастливаго пути.

— О, Боже, я увѣрена, что онъ лежитъ тамъ наверху, въ лѣсу, и мучится угрызеніями совѣсти,—сказала іомфру ванъ-Лоосъ, вытаскивая носовой платокъ.

Лодка отчалила и плавно поплыла подъ широкіе взмахи весель.

— Я вижу его!—вскрикнула вдругъ іомфру ванъ-Лоосъ, приподымаясь въ лодкѣ.

Казалось, она была готова выскочить изъ лодки. Изъ всей силы она принялась махать по направленію къ лѣсу. Обогнувъ мысъ, лодка исчезла изъ виду.

Роландсенъ пошелъ домой лѣсомъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ въ послѣднее время; но, поровнявшись съ изгородью пасторскаго двора, онъ снова вышелъ на дорогу и пошелъ по ней. Всѣ его образцы наконецъ отосланы, ему остается только ждать результатовъ. Теперь уже не долго. И отъ избытка радостнаго настроенія онъ прищелкнулъ пальцами.

Недалеко отъ него, у самой дороги, сидѣла Ольга на камнѣ. Что ей здѣсь было нужно? Роландсенъ подумалъ, что она, навѣрное, ходила въ лавку и теперь ждетъ здѣсь кого-нибудь. Немного погодя показалась Элиза Маккъ. Вотъ какъ, обѣ дѣвушки, значитъ, стали неразлучны? Она усѣлась и, повидимому, тоже стала ждать.—«Дай-ка я умилю ихъ, принявъ такой видъ, словно я желаю провалиться сквозь землю»,—сказалъ Роландсенъ самому себѣ. Онъ робко отступилъ назадъ въ лѣсъ. Но подъ ногами его захрустѣла сухая вѣтка, онъ услышали его шаги, попытка къ бѣгству оказалась неудачной, и онъ ее оставилъ.—«Теперь, пожалуй, можно снова выйти на дорогу,—подумалъ онъ:—не станемъ ихъ слишкомъ умилять». И онъ опять вышелъ на дорогу.

Однако не такъ-то просто было встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Элизою Маккъ. Сердце его сильно забилося, горячая струя прокатилась по всѣмъ его жиламъ, и онъ остановился. Онъ и раньше невысоко стоялъ въ ея мнѣніи, а тутъ еще преступленіе, въ которомъ онъ сознался. Пятясь назадъ, Роландсенъ снова отступилъ къ лѣсу, спѣша скрыться среди деревьевъ. Поскорѣ бы только кончилась эта полоса сухихъ

вѣтокъ, тамъ дальше начнется верескъ. Въ нѣсколько прыжковъ онъ оставилъ позади себя полосу хвороста и сухихъ вѣтокъ, теперь онъ спасенъ. Вдругъ онъ остановился. Чего ради онъ тутъ скачетъ, чортъ возьми? Или онъ не Ове Роландсенъ? Онъ упрямо повернулъ обратно, черезъ хворостъ, топчая его ногами такъ, что трескъ раздавался далеко по лѣсу.

Выйдя на дорогу, онъ увидалъ, что дамы все еще сидятъ на прежнемъ мѣстѣ. Онѣ разговаривали, и Элиза чертила зонтикомъ по землѣ. Роландсенъ опять остановился. Нѣтъ болѣе осторожныхъ людей, чѣмъ смѣльчаки.—«Вѣдь я же воръ,—подумалъ онъ:—какъ можетъ у меня хватить дерзости показаться имъ на глаза? Неужели же я стану имъ кланяться, чтобы вынудить у нихъ отвѣтный кивокъ?» И онъ опять устремился въ лѣсъ. Онъ просто дуракъ, который носитя со своими ощущеніями; неужели ему не о чемъ больше думать? Черезъ два-три мѣсяца или около этого онъ будетъ богатымъ человѣкомъ; прочь всѣ любовныя мысли! И онъ пошелъ по дорогѣ домой.

«Хотѣлъ бы я знать, сидятъ ли онѣ еще тамъ?» Онъ обернулся и выглянулъ изъ-за деревьевъ. Фридрихъ присоединился къ нимъ, и всѣ трое теперь шли ему навстрѣчу. Съ будущимъ сердцемъ Роландсенъ бросился назадъ. Только бы они его не замѣтили! Они остановились, онъ услыхалъ голосъ Фридриха, говорившаго:

— Тише! Мнѣ кажется, кто-то идетъ по лѣсу.

— Нѣтъ, тебѣ показалось, тамъ никого нѣтъ,—отвѣтила Элиза.

«И, можетъ-быть, она сказала это только потому, что замѣтила меня!»—подумалъ Роландсенъ. Холодное и горькое чувство овладѣло имъ. Конечно, теперь онъ никто, пока еще никто; но погодите два мѣсяца! А что такое она сама? Жестяная мадонна, дочь извѣстнаго лютеранина Макка изъ Розенгорда. Ступай съ миромъ!

На крышѣ станціоннаго зданія стоялъ флюгеръ въ видѣ пѣтуха на желѣзномъ шестѣ. Придя домой, Роландсенъ поднялся на крышу и собственноручно перегнулъ желѣзный шестъ; пѣтухъ наклонился впередъ и выглядѣлъ такъ, словно онъ собирается закричать «кукареку». Такъ оно и должно быть,—пусть онъ такъ и стоитъ!

XI.

Но вотъ наступили для обитателей села праздные дни: единственное занятіе составляетъ мелкая рыбная ловля въ теплыя, солнечныя ночи, для собственного потребленія. Въ

полях поднимаются хлѣба и картофель, на лугахъ вѣтеръ колышетъ траву; въ каждомъ домѣ сельдей хоть отбавляй, коровы и козы даютъ молоко ведрами и все же остаются крѣпкими и жирными.

Маккъ и дочь его, Элиза, уѣхали домой, Фридрихъ опять завѣдуетъ одинъ фабрикой и лавкой. Но Фридрихъ дѣлаетъ свое дѣло довольно плохо, онъ возгорѣлся любовью къ морю и съ большой неохотой остался здѣсь въ селѣ. Капитанъ Генриксенъ съ каботажнаго судна почти общалъ ему у себя мѣсто штурмана; но изъ этого, новидимому, ничего не выйдетъ. Теперь все дѣло въ томъ, можетъ ли старикъ Маккъ купить своему сыну собственный пароходъ. Онъ какъ будто согласенъ на это и часто говоритъ объ этомъ, но Фридриху это кажется невозможнымъ. Фридрихъ хорошо разбирается въ дѣлахъ и знаетъ, что можно и чего нельзя себѣ позволить. Въ натурѣ его такъ удивительно мало того, что требуется для моряка; это благоразумный и осмотрительный юноша, умѣющій въ каждомъ дѣлѣ сдѣлать ровно столько, сколько требуется для повседневной жизни. Онъ унаслѣдовалъ свои свойства отъ матери, и въ немъ, въ сущности, мало сказывается настоящій Маккъ. Но такимъ именно и надо быть, если хочешь съ блескомъ пройти свой жизненный путь: никогда не дѣлать слишкомъ много, напротивъ, во всемъ и всегда дѣлать чуть-чуть меньше, чѣмъ надо; оно окажется какъ разъ достаточнымъ. Взять хотя бы Роландсена, этого отчаяннаго сумасброда съ его вѣчными преувеличеніями,—что изъ него вышло? Онъ оказался самымъ настоящимъ воромъ и въ концѣ концовъ потерялъ свое мѣсто. Теперь онъ бродитъ со своей обремененной совѣстью; платью его со дня на день все больше и больше изнашивается, и онъ не могъ бы себѣ найти даже комнаты, если бы не сжалился надъ нимъ раздувальщикъ органическихъ мѣховъ, Бѣрре. У него Ове Роландсенъ и поселился. Бѣрре по-своему, можетъ-быть, и хорошій человекъ, но онъ бѣднѣ всѣхъ, у него въ домѣ меньше всего сельдей. А такъ какъ вдобавокъ дочь его была юрдивая, то домъ раздувальщика мѣховъ не пользовался особеннымъ почетомъ. Ни одинъ порядочный человекъ не поселился бы тамъ.

Шла молва, что Роландсену удалось бы удержать за собою мѣсто, если бы онъ выказалъ передъ инспекторомъ телеграфнаго вѣдомства хоть нѣкоторое сердечное сокрушеніе. Но Роландсенъ прямо-таки исходилъ изъ того, что онъ долженъ получить отставку, и у инспектора не было повода помиловать его. А старый Маккъ, посредникъ, былъ какъ разъ въ отъѣздѣ.

Пасторъ не совѣмъ махнулъ рукой на Роландсена.

— Я слышалъ, что онъ ѣдетъ теперь меньше, чѣмъ раньше, — говорилъ онъ: — и я еще отнюдь не считаю его окончательно погибшимъ, такъ онъ самъ сказалъ, что это мое письмо заставило его пойти и сознаться въ кражѣ. Приятно сознавать, что отъ времени до времени дѣятельность твоя принести и кой-какіе плоды.

Насталъ Ивановъ день. Вечеромъ на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ были зажжены костры, вокругъ которыхъ толпилась молодежь. По всему селу раздавались звуки гармоники и скрипки. Огня почти не должно быть видно, но надо, чтобы было много дыму, это самое главное; въ костры бросали мохъ и можжевельникъ для того, чтобы дымъ былъ погуще и издавалъ пріятный запахъ.

У Роландсена было попрежнему настолько мало стыда, что онъ не постѣснился принять участіе въ общемъ весельѣ; онъ сидѣлъ высоко на холмѣ, игралъ на своей гитарѣ и распѣвалъ такъ, что голосъ его разносился далеко по долину. Когда онъ спустился къ костру, оказалось, что онъ былъ пьянъ, какъ стелька, и не переставалъ сыпать высокопарными фразами. Какимъ онъ былъ, такимъ и остался.

Внизу, на дорогѣ, показалась кистерова Ольга. Она отнюдь не имѣла намѣренія останавливаться здѣсь, она только возвращалась домой, и ей надо было пройти здѣсь мимо. Ахъ, она могла пойти и другимъ путемъ; но Ольга была еще такъ молода, и звуки гармоники влекли ее къ себѣ. Ноздри ея раздувались, волна счастья подымалась къ сердцу, она была влюблена. Днемъ она заходила въ лавку, и Фридрихъ Маккъ сказалъ ей такъ много, что она не могла не понять его, хотя онъ и говорилъ такъ осторожно. Можетъ случиться, что онъ, какъ и она, выйдетъ погулять въ этотъ вечеръ!

Она встрѣтила пасторшу. Онѣ пошли вмѣстѣ и заговорили не о комъ другомъ, какъ о Фридрихѣ Маккѣ. Онъ былъ первый на селѣ, и даже сердце фру втихомолку склонялось передъ нимъ; онъ былъ такъ милъ и благоразуменъ, каждый шагъ его былъ обдуманъ. Въ концѣ концовъ фру замѣтила, что молоденькая Ольга вся охвачена величайшимъ смущеніемъ; она спросила:

— Ты такъ молчалива, дитя, вѣдь не влюблена же ты въ молодого Макка?

— Да, — прошептала Ольга и разразилась слезами.

Фру остановилась.

— Ольга, Ольга! А онъ интересуется тобою?

— Мнѣ кажется.

Глаза фру снова приняли неподвижное и тупое выраженіе, она устремила пустой взглядъ въ пространство.

— Да, да,—проговорила она, улыбаясь.—Да благословить тебя Богъ. Ты увидишь, все устроится!

И она удвоила нѣжность къ Ольгѣ.

Подходя къ пасторскому дому, онѣ увидали пастора, расхаживавшаго взадъ и впередъ въ сильномъ возбужденіи.

— Лѣсъ горитъ,—воскликнулъ онъ:—я увидаль это изъ своего окна!

Захвативъ топоры и багры и собравъ людей, онѣ отплылъ съ ними на своей лодкѣ. Горѣлъ лѣсъ Еноха.

Но пастора и его людей опередилъ бывший помощникъ пастора, Левіонъ. Левіонъ возвращался съ рыбной ловли. Онѣ, по обыкновенію, расположился со своими удочками передъ лѣснымъ участкомъ Еноха. Возвращаясь домой, онѣ замѣтилъ, какъ въ лѣсу вдругъ запылалъ маленький, яркій огонекъ, становившійся все больше и больше. Онѣ слегка кивнулъ головой, повидимому, вполне уясняя себѣ значеніе этого огонька. Завидя торопливо отплывающихъ отъ пристани передъ пасторской усадьбой людей, онѣ сообразилъ, что они отправляются тушить пожаръ. Немного думая, онѣ повернулъ лодку и поспѣшно направилъ ее къ лѣсу, чтобы оказаться на мѣстѣ первымъ. Какая прекрасная черта въ Левіонѣ—эта готовность забыть всѣ раздоры и прійти на помощь своему врагу!

Причаливъ къ берегу, онѣ углубляется въ лѣсъ; трескъ огня доносится до него все громче и громче. Левіонъ не торопится и съ каждымъ шагомъ внимательно осматривается кругомъ; немного погода онѣ замѣчаетъ снѣшащаго изо всѣхъ силъ Еноха. Левіонъ весь приходитъ въ напряженіе. Онѣ прячется за обломокъ скалы и оттуда наблюдаетъ. Енохъ приближается, онѣ не соблюдаетъ ни малѣйшей осторожности, не глядитъ ни вправо ни влево и только спѣшитъ впередъ. Не замѣтилъ ли онѣ издали своего противника и не ищетъ ли его? Когда онѣ подошелъ совсѣмъ близко, Левіонъ издалъ восклицаніе. Енохъ вздрогнулъ и остановился. Въ смущеніи онѣ сталъ улыбаться и проговорилъ:

— Горитъ въ лѣсу, вотъ горе-то! Экое несчастье!

Левіонъ собрался съ духомъ и отвѣтилъ:

— Это перстъ Божій.

Енохъ нахмурилъ брови.

— Чего ты здѣсь стоишь?—спросилъ онѣ.

Вся ненависть и злоба поднимаются вдругъ въ Левіонѣ, и онѣ говорить:

— Ого, то-то станетъ жарко теперъ съ повязкой на ушахъ!

— Ступай своей дорѳгой,—говорить Енохъ.—Это, вѣрно, ты поджегъ лѣсъ.

Но Левіонъ былъ слѣпъ и глухъ. Енохъ, очевидно, стремился подойти къ тому самому мѣсту у скалы, гдѣ стоялъ Левіонъ.

— Берегись!—крикнулъ ему Левіонъ.—Я лишилъ тебя одного уха, лишу и другого.

— Убирайся прочь отсюда, говорю я!—отвѣтилъ Енохъ, бросаясь впередъ.

Въ душѣ Левіона все сильнѣе и сильнѣе кипѣла ярость. Онъ громко крикнулъ:

— Помнишь ты тотъ день въ фьордахъ? Ты лежалъ и вытаскивалъ мои удочки. Вотъ тутъ-то я тебѣ и свернулъ ухо.

Такъ вотъ отчего Енохъ всегда носилъ повязку на ушахъ: у него было только одно ухо. Оба сосѣда имѣли свои счеты другъ съ другомъ, и у обонхъ были достаточныя основанія молчать объ этомъ.

— Ты не лучше убійцы,—сказалъ Енохъ.

Съ берега послышался плескъ воды и стукъ весель: это приближалась пасторская лодка. Съ другой стороны доносился трескъ горящаго лѣса, раздававшійся все ближе и ближе. Енохъ весь извивался, ему нужно было во что бы то ни стало убрать отсюда Левіона; онъ вытащилъ изъ-за пояса свой ножъ, вѣдь у него былъ прекрасный ножъ для работъ.

Врашая въ бѣшенствѣ глазами, Левіонъ крикнулъ:

— Если ты думаешь застращать меня ножомъ, то вѣдь здѣсь на берегу люди, они сейчасъ будутъ тутъ.

Енохъ спряталъ ножъ.

— Чего ты стоишь какъ разъ здѣсь? Ступай прочь!—сказалъ онъ.

— А тебѣ что нужно какъ разъ здѣсь?

— Это тебя не касается. У меня здѣсь дѣло, я спряталъ тутъ кое-что. А теперъ подходитъ огонь.

Но Левіонъ изъ упрямства не хотѣлъ отступить ни на шагъ. Пасторъ подѣзжалъ къ берегу и, навѣрное, слышалъ ихъ ссору; но какое дѣло было Левіону теперъ до пастора!

Лодка причалила, всѣ устремились съ топорами и заступами къ лѣсу. Пасторъ коротко кивнулъ головой и проговорилъ нѣсколько словъ:

— Эти костры Ивановой ночи такой опасный обычай; искры летятъ во всѣ стороны. Откуда намъ начинать, Енохъ?

Но Енохъ ничего не слышалъ и не видѣлъ; пасторъ схва-

тиль его за руку и оттащилъ въ сторону для того, чтобы онъ не могъ продолжать своей ссоры съ Левіономъ.

— Откуда дуетъ вѣтеръ?—спросилъ пасторъ.—Поди и покажи намъ, гдѣ начать рыть ровъ.

Но Енохъ стоялъ, какъ на иголкахъ, онъ не сводилъ глазъ съ Левіона и отвѣчалъ пастору, какъ помѣшанный.

— Нельзя такъ поддаваться горю, не давай несчастью сломить себя,—заговорилъ опять пасторъ.—Возьми себя въ руки. Огонь будетъ погашенъ!

И онъ взялъ Еноха подъ руку.

Нѣсколько человѣкъ приблизились къ тому мѣсту, гдѣ огонь бушевалъ, и сами принялись рыть канаву. Левіонъ продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ, тяжело переводя духъ; онъ старался отодвинуть ногой камень, лежавшій у самой скалы.

«Онъ ничего здѣсь не спряталъ, это все ложь»,—подумалъ онъ и заглянулъ подъ камень.

Но когда онъ сталъ ковырять ногой землю подъ камнемъ, изъ-подъ земли вдругъ показался кончикъ платка. Платокъ принадлежалъ Еноху, онъ прежде служилъ ему головной повязкой. Левіонъ вытащилъ его, въ немъ было что-то завернуто. Онъ развернулъ его,—тамъ были деньги, много денегъ, кредитныя бумажки. И между ассигнаціями находился большой бѣлый документъ.

Любопытство Левіона возбуждается въ высшей степени.

«Это краденныя деньги»,—мелькаетъ у него въ головѣ.

Онъ разворачиваетъ документъ и принимается разбирать его.

Въ это мгновеніе взглядъ Еноха падаетъ на него, хриплый крикъ исторгается изъ его груди; онъ вырывается изъ рукъ пастора и, съ ножомъ въ рукахъ, кидается къ Левіону.

— Енохъ! Енохъ!—кричитъ пасторъ, стараясь его догнать.

— Вотъ гдѣ вѣр!—кричитъ Левіонъ.

«Пожаръ такъ повліялъ на Еноха,—думаетъ пасторъ:—что онъ потерялъ разсудокъ».

— Спрячь ножъ!—говоритъ онъ ему.

Левіонъ продолжаетъ:

— Вотъ кто совершилъ кражу со взломомъ у Макка!

— Чтò ты говоришь?—спрашиваетъ пасторъ, не понимая его.

Енохъ подскакиваетъ къ своему противнику и пытается вырвать у него изъ рукъ пакетъ.

— Я передамъ его господину пастору!—воскликаетъ Левіонъ.—Пусть господинъ пасторъ убѣдится, какого онъ имѣетъ помощника.

Ноги отказываются служить Еноху, и онъ прислоняется къ дереву. Лицо его посѣрѣло. Пасторъ, все еще ничего не по-

нимая, смотреть на эти ассигнации, на платокъ, на документъ.

— Я нашель это здѣсь, — говоритъ Левіонъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Онъ спряталъ это подъ камнемъ. Въ этой бумагѣ имя Макка.

Пасторъ сталъ читать. Но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, растерянность его все увеличивалась. Взглянувъ на Еноха, онъ сказалъ:

— Это страховой полисъ Макка, который у него украли, не такъ ли?

— И это деньги, которыя у него украли, — добавилъ Левіонъ.

Енохъ выпрямился.

— Это, должно-быть, ты ихъ положишь здѣсь, — сказалъ онъ. Трескъ горящаго дѣса приближался, становилось все жарче и жарче, но трое мужчинъ не двигались съ мѣста.

— Я ничего объ этомъ не знаю, — заговорилъ опять Енохъ. — Это, должно-быть, Левіонъ хотѣлъ меня подвести.

Левіонъ спросилъ:

— Здѣсь двѣсти талеровъ; но развѣ у меня когда-нибудь было двѣсти талеровъ? А платокъ развѣ не твой? Развѣ не ты носилъ его вокругъ головы?

— Да, не ты развѣ носилъ его? — сказалъ и пасторъ.

Енохъ молчалъ.

Пасторъ считалъ деньги.

— Здѣсь нѣтъ двухсотъ талеровъ, — замѣтилъ онъ.

— Онъ растратилъ часть, — сказалъ Левіонъ.

Енохъ же все стоялъ, тяжело дыша и безпрестанно повторяя:

— Я ничего не знаю. А ты, Левіонъ, помни, что я тебѣ этого не прощу!

У пастора голова шла кругомъ. Если Енохъ былъ этимъ воромъ, слѣдовательно телеграфистъ Роландсенъ сыгралъ комедію съ письмомъ пастора, которое на него будто бы такъ подѣйствовало. Но для чего ему это было дѣлать?

Жаръ становился невыносимъ. Трое мужчинъ отошли къ берегу, но огонь слѣдовалъ за ними. Они были принуждены войти въ лодку, даже отчалить отъ берега.

— Какъ бы то ни было, это полисъ Макка, — сказалъ пасторъ. — Надо объ этомъ заявить. Греби домой, Левіонъ.

Енохъ не былъ способенъ ни на что, онъ сидѣлъ неподвижно, мрачно глядя впередъ.

— Да, заявимъ, — сказалъ онъ. — Я буду очень радъ.

— Пасторъ, совершенно подавленный, спросилъ:

— Неужели?

И отъ ужаса передъ всѣмъ тѣмъ, что открылось передъ нимъ, онъ невольно закрылъ глаза.

Жадный Енохъ сталъ жертвой собственной жадности. Онъ тщательно спряталъ этотъ страховой полисъ, значенія котораго не понималъ. На бумагѣ было много печатей, и въ ней была выставлена крупная сумма; быть-можетъ, ему удастся черезъ нѣкоторое время уѣхать отсюда и обратить эту бумагу въ деньги, онъ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы бросать такіа бумаги.

Пасторъ оглянулся на пожаръ. Въ лѣсу шла работа, деревья срубались, и уже виднѣлся широкій ровъ. Народу прибавилось.

— Пожаръ прекратится самъ собой,—сказалъ Левіонъ.

— Ты думаешь?

— Когда огонь подойдетъ къ березняку, онъ погаснетъ.

И лодка съ тремя сидѣвшими въ ней людьми поплыла дальше, прямо къ усадьбѣ ленсmana.

XII.

Вернувшись вечеромъ домой, пасторъ чувствовалъ себя словно постарѣвшимъ. Сколько грѣха и преступленій всюду кругомъ! Онъ былъ подавленъ и изнемогалъ подъ бременемъ заботъ. Теперь онъ не можетъ даже купить женѣ башмаковъ, въ которыхъ она такъ нуждается. Щедрое приношеніе Еноха на алтарь надо вернуть, это были краденыя деньги. И онъ, пасторъ, опять остается ни съ чѣмъ.

Онъ поднялся прямо къ женѣ. Но уже въ дверяхъ его перерезнуло отъ отчаянія и досады. Пасторша сидѣла и шила. Вокругъ нея на полу валялись платья; вилка и половая тряпка изъ кухни лежали на кровати вмѣстѣ съ газетами и вышиваніемъ. Одна изъ ея утреннихъ туфель стояла на столѣ; на комодѣ лежали вѣтка березы, съ цѣлой кучей листьевъ, и большой булыжникъ.

Пасторъ по старой привычкѣ принялся убирать вещи и приводить комнату въ порядокъ.

— Тебѣ не зачѣмъ это дѣлать,—сказала она.—Я сама убрала бы туфлю, окончивъ шить.

— Какъ ты можешь сидѣть и шить среди такого хаоса!

На это пасторша, почувствовавъ себя задѣтой, ничего не отвѣтила.

— Для чего тебѣ этотъ камень? — спросилъ онъ.

— Ни для чего. Я нашла его на берегу, онъ мнѣ показался такимъ хорошенькимъ.

Онъ увидалъ кучу засохшей травы на подзеркальникѣ и сталъ собирать ее въ газетную бумагу.

— Можетъ-быть, это нужно для чего-нибудь? — спросилъ онъ, останавливаясь на мгновение.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ старо. Это щавель, я хотѣла сдѣлать изъ него салатъ.

— Онъ лежитъ здѣсь уже цѣлую недѣлю, — сказалъ пасторъ:—отъ него осталось пятно на политурѣ дерева.

— Вотъ видишь! Полированной мебели не слѣдуетъ держать, она ни на что негодна.

Тутъ пасторъ разразился злобнымъ смѣхомъ. Фру бросила свое шитье и поднялась.

Онъ не давалъ ей ни одной минуты покоя, онъ отравлялъ ей жизнь своими неразумными придирками. И между ними снова разыгралась сцена, одна изъ тѣхъ бессмысленныхъ и бесплодныхъ ссоръ, которыя повторялись отъ времени до времени вотъ ужъ цѣлыхъ четыре года. Пасторъ, въ сущности, поднялся къ женѣ въ самомъ смиренномъ настроеніи, чтобы попросить ее подождать еще съ покупкой башмаковъ, но теперь для него было совершенно невозможно заговорить объ этомъ, желчь въ немъ кипѣла. Какой страшный беспорядокъ былъ во всемъ домѣ съ тѣхъ поръ, какъ юмфру ванъ-Лоосъ уѣхала и пасторша сама взяла на себя веденіе хозяйства.

— Кстати, не могла ли бы ты хоть разъ попробовать приглядѣть за тѣмъ, что дѣлается на кухнѣ?—сказалъ онъ.

— Присмотрѣть? Мнѣ кажется, я достаточно присматриваю. Развѣ теперь хозяйство идетъ хуже, чѣмъ раньше?

— Вчера мусорное ведро было полно кушаній.

— Ты не долженъ былъ бы во все вмѣшиваться, тогда все было бы лучше.

— На-дняхъ я нашелъ въ немъ цѣлую массу сливочной каши, оставшейся отъ обѣда.

— Да, служанки такъ отвратительно ѣли съ блюда, что я не могла больше подать его къ столу.

— Я нашелъ также массу рисовой каши.

— Это молоко свернулось, противъ этого я ничего не могу подѣлать.

— Днемъ раньше я нашелъ въ мусорномъ ведрѣ сваренное и очищенное яйцо.

Пасторша молчала. Но она могла бы найти оправданіе и для этого.

— Вѣдь, въ сущности, средства наши не такъ велики, — сказалъ пасторъ.—И ты вѣдь знаешь, что яйца намъ приходится покупать. На-дняхъ кошкѣ дали яичницу.

— Это осталось немного съ обѣда. Но ты сталъ совершенно невозможенъ, ты долженъ былъ бы посовѣтоваться съ докторомъ по поводу твоего состоянія.

— Я видѣлъ, какъ ты стояла съ кошкой на рукахъ и поила ее молокомъ изъ сливочника. И это ты дѣлаешь на виду у служанокъ. Онѣ внутренно смѣются надъ тобой.

— Онѣ вовсе не смѣются. Просто ты совершенно теряешь разсудокъ.

Наконецъ пасторъ ушелъ къ себѣ въ контору. Для пасторши опять настала минута спокойствія.

На слѣдующее утро, за завтракомъ, никто бы не сказалъ, глядя на пасторшу, что у нея было какое-нибудь огорченіе. Всякую заботу и недовольство съ нея точно рукой сняло, она, слава Богу, повидимому, и забыла обо всей вчерашней ссорѣ. Жизнерадостность и непостоянство ея натуры всегда помогали ей нести бремя жизни. Пастора это снова тронуло. Могъ же онъ молчать и не подымать разговоровъ объ этихъ хозяйственныхъ мелочахъ, тѣмъ болѣе, что новая экономка, которую они наняли, повсей вѣроятности, уже въ дорогѣ и скоро прибудетъ.

— Къ сожалѣнію, все еще нѣтъ никакой возможности купить для тебя башмаки,—сказалъ онъ.

— Ну что жъ,—отвѣтила она только.

— Приношеніе, которое я получилъ отъ Еноха, я долженъ вернуть. Онъ, оказывается, укралъ эти деньги.

— Да что ты?

— Да, подумай только, это онъ совершилъ эту кражу со взломомъ у Макка. Вчера онъ сознался во всемъ у ленсмана.

И пасторъ рассказалъ женѣ все, что зналъ.

— Такъ это, значить, не Роландсенъ сдѣлалъ?—проговорила пасторша.

— О, что это за негодяй, этотъ Роландсенъ, что за безпутный человѣкъ!.. Но съ башмаками, къ сожалѣнію, тебѣ, значить, опять придется подождать.

— Ну, что за бѣда?

Такова она была во всемъ, всегда добра и нетребовательна до крайности,—сущее дитя. И никогда пасторъ не слышалъ отъ нея ни одной жалобы на бѣдность.

— Если бы ты могла надѣть мою обувь,—сказалъ онъ, все болѣе и болѣе растрогиваясь.

Пасторша чистосердечно разсмѣялась:

— Ха-ха-ха! А ты мою?

Она при этомъ задѣла рукой его тарелку, которая полетѣла на полъ и разбилась въ дребезги. Холодная котлета послѣдовала за нею.

— Погоди, я принесу тебѣ другую тарелку, — сказала пасторша и выбѣжала изъ комнаты.

«Ни малѣйшаго сожалѣнія о разбитой тарелкѣ, — подумалъ пасторъ. — Ей и въ голову не приходитъ подумать о чемъ-либо подобномъ! А между тѣмъ вѣдь тарелка тоже стоитъ денегъ!»

— Вѣдь ты же не станешь ѣсть этой котлеты? — воскликнула пасторша, возвращаясь съ другой тарелкой.

— А что же иначе съ ней дѣлать?

— Ее, право же, можно дать кошкѣ.

— Но мои средства не позволяютъ мнѣ быть такимъ расточительнымъ, — сказалъ онъ, снова нахмурившись.

И между ними опять могла бы разыгратъ настоящая сцена, если бы фру не смолчала на его слова. Но отъ хорошаго настроенія, во всякомъ случаѣ, не осталось и слѣда...

На слѣдующій день произошло новое крупное событіе: Роландсенъ исчезъ. Услыхавъ о находкѣ въ лѣсу и о признаніи Еноха, онъ въ величайшей досадѣ воскликнулъ:

— Чортъ побери! По крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ раньше времени!

Эти слова услышалъ раздувальщикъ органичныхъ мѣховъ, Бѣрре. Когда насталъ вечеръ, Роландсенъ пропалъ. Его не было ни на его квартирѣ ни въ селѣ. Но лодка Бѣрре, стоявшая у пристани передъ пасторской усадьбой, исчезла тоже вмѣстѣ съ веслами, рыболовными снастями и всѣмъ, что въ ней было.

Объ открытіи настоящаго преступника сейчасъ же дали знать Макку въ Розенгордъ, но онъ страннымъ образомъ отнюдь не спѣшилъ явиться и снова взять это дѣло въ свои руки. Возможно, что старый Маккъ зналъ, что онъ дѣлаетъ. Телеграфистъ Роландсенъ надулъ его на сумму назначеннаго самимъ же Маккомъ вознагражденія, которое ему къ тому же теперь приходилось выдать второй разъ, а это, по правдѣ говоря, являлось для него сейчасъ какъ нельзя менѣ кстати. Онъ постольку былъ настоящимъ Маккомъ, что для него было бы немислимо проявить хотя бы малѣйшую мелочность въ этомъ вопросѣ чести; но въ настоящій моментъ онъ находился въ денежномъ затрудненіи. Его обширныя предпріятія требовали большихъ капиталовъ, а между тѣмъ такого притока наличныхъ денегъ, какъ прежде, теперь больше не было. Его огромная партія сельдей лежала въ Бергенѣ у агента, но онъ ея не продавалъ, потому что цѣны стояли слишкомъ низко. Маккъ съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія жаркихъ дней; къ тому времени всякій уловъ кончится, и цѣны на рыбу подымутся. Въ Россіи къ тому же война, земледѣліе въ этой огром-

ной странѣ непременно придетъ въ упадокъ, и среди населенія явится потребность въ рыбѣ.

Въ теченіе многихъ недѣль уже Маккъ не являлся на фабрику. Не онъ ли самъ обѣщалъ пасторшѣ устроить пекарню; что онъ ей теперь скажетъ? Фундаментъ былъ заложенъ, подготовительныя работы сдѣланы, но дальше дѣло не двигалось. Снова пошли сплетни про Макка, что устройство пекарни, можетъ-быть, представляетъ для него нѣкоторыя затрудненія. Дошло до того, что булочникъ, жившій въ усадьбѣ ленсmana, снова запылъ. Онъ былъ теперь совершенно спокоенъ, въ одну недѣлю, во всякомъ случаѣ, пекарня не вырастетъ, и онъ еще успѣетъ погулять вволю. Слухи о томъ, что онъ опять вернулся къ прежнему образу жизни, дошли до пастора, который лично отправился къ нему, чтобы подѣйствовать на него увѣщаніемъ; но это не дало никакихъ результатовъ, такъ велика была увѣренность этого человѣка.

Говоря по правдѣ, пастору, этому сильному духомъ труженику, было болѣе чѣмъ достаточно дѣла; и, несмотря на всю его неумолимость, дѣла накоплялось все больше и больше. Теперь онъ лишился вдобавокъ одного изъ помощниковъ, наиболѣе усерднаго, Еноха. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ его паденія къ пастору явился Левіонъ и выразилъ большое желаніе опять быть принятымъ на должность.

— Господинъ пасторъ видитъ теперь, что нѣтъ болѣе подходящаго помощника, чѣмъ я.

— Тебя подозрѣваютъ въ томъ, что ты поджегъ лѣсъ.

— Это воры и мошенники клеветуютъ на меня! — воскликнулъ Левіонъ.

— Хорошо. Но какъ бы то ни было, ты не можешь быть помощникомъ.

— Кого же господинъ пасторъ возьметъ теперь?

— Никого. Я обойдусь безъ помощника.

Таковъ пасторъ былъ всегда, — всегда одинаково сильный, и стойкій, и справедливый ко всѣмъ. И какъ разъ теперь у него были основанія относиться къ самому себѣ безъ пощады. Вѣчные домашніе нелады и многочисленныя затрудненія и неприятели по должности были способны деморализовать его и подготовить почву для его собственнаго паденія; по временамъ у него даже являлись совершенно недопустимыя мысли. Что бы, на примѣръ, ему заключить миръ съ Левіономъ, который въ свою очередь, чтобы выразить свою признательность, оказывалъ бы ему разныя мелкія услуги? Далѣе: Маккъ изъ Розенгорда предлагалъ ему свою помощь для бѣдныхъ. Что жъ, пасторъ самъ былъ однимъ изъ такихъ бѣдныхъ въ приходѣ,

онъ могъ, въ сущности, обратиться къ Макку за вспомошествованіемъ для нуждающагося семейства и сохранить это вспомошествованіе для себя. Пасторшѣ тогда можно было бы купить наконецъ башмаки. Самому пастору тоже нужны были разныя вещи, кой-какія книги, кой-что по философіи, мозгъ его высухалъ въ его повседневной профессиональной дѣятельности и не развивался дальше. А тутъ еще Роландсенъ, этотъ плутъ и негодай, умѣющій болтать языкомъ, внушилъ его женѣ, что это люди дѣлаютъ Бога тѣмъ, что Онъ есть. Ужъ онъ ему заткнетъ глотку, если только представится случай.

Наконецъ пріѣхалъ Маккъ. Онъ явился, какъ всегда, въ ореолѣ важности и величія. Его дочь Элиза сопровождала его. Онъ прежде всего пришелъ съ визитомъ въ пасторскую усадьбу, чтобы не показаться невѣжливымъ; къ тому же онъ менѣе всего имѣлъ намѣреніе отказываться отъ своего слова. Пасторша заговорила о пекарнѣ. Маккъ выразилъ сожалѣніе, что дѣло до сихъ поръ не подвинулось впередъ, но на это есть основательныя причины; въ этомъ году прямо невозможно построить пекарню, фундаментъ можетъ осѣсть. У пасторши вырвался возгласъ разочарованія, пасторъ же почувствовалъ облегченіе.

— Люди, свѣдуціе въ этомъ, явились ко мнѣ и сообщили мнѣ это, — сказалъ Маккъ: — мнѣ ничего не остается, какъ подчиниться. Къ веснѣ могло бы оказаться, что фундаментъ осѣлъ въ промерзлой почвѣ на нѣсколько дюймовъ. Чтò бы случилось тогда съ пекарней?

— Да, конечно, чтò бы случилось съ пекарней?—подтвердилъ и пасторъ.

Впрочемъ, Маккъ отнюдь не чувствовалъ себя подавленнымъ, о, нисколько. Жаркая пора миновала, сельдяной ловъ окончательно прекратился, и полученная Маккомъ телеграмма отъ агента гласила, что цѣны поднимаются. Маккъ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться этимъ съ пасторской четой. Въ свою очередь, пасторъ могъ сообщить Макку о мѣстѣ нахождения Роландсена: это былъ островъ далеко въ морѣ, къ западу, на которомъ онъ велъ существованіе дикаря. Пасторъ узналъ это отъ одного рыбака и жены его, прибывшихъ съ запада.

Маккъ немедленно отправилъ лодку за Роландсеномъ.

XIII.

Дѣло въ томъ, что признаніе Еноха застигло Роландсена врасплохъ. Онъ, правда, былъ свободенъ, но у него не было четырехсотъ талеровъ, чтобы вернуть ихъ Макку. Это-то об-

стоятельство и заставило его взять лодку Бёрре съ удочками и всѣми принадлежностями и, выбравъ темную ночь, уѣхать. Онъ пустился къ островамъ, за полторы мили. Часть пути приходилось ѣхать открытымъ моремъ. Проплывъ всю ночь, онъ подъ утро выбралъ себѣ подходящій островокъ, къ которому и присталъ. Вокругъ него носились стаи всевозможныхъ птицъ.

Роландсенъ былъ голоденъ, и первой его мыслью было собрать себѣ достаточное количество яицъ морскихъ чаекъ на завтракъ. Но оказалось, что изъ яицъ уже начали выводиться птенцы. Тогда онъ снова выѣхалъ въ море за рыбой; тутъ ему больше повезло. Такъ онъ жилъ изо дня въ день, питаясь рыбой, распѣвая, скучая и царя на островѣ единовластно. Въ дождливую погоду онъ находилъ пріютъ подъ огромной скалой. Ночи онъ проводилъ на зеленомъ лугу, и солнце никогда не заходило надъ нимъ.

Прошло двѣ-три недѣли. Роландсенъ страшно похудѣлъ отъ недостаточнаго питанія, но взгляды его становился все тверже и непреклоннѣе, рѣшимость его все крѣпла, онъ ни за что не хотѣлъ сдаваться. Онъ только боялся, чтобы не явился кто-нибудь и не нарушилъ его одиночества. Нѣсколько ночей тому назадъ показалась лодка, въ которой сидѣли мужчина и женщина, они собирали пухъ. Они хотѣли причалить къ острову, но Роландсенъ рѣшилъ не допускать этого, онъ увидалъ ихъ еще на далекомъ разстояніи и успѣлъ прійти въ бѣшенство; онъ принялся продѣлывать такія странныя тѣлодвиженія и выкидывать такія штуки съ дрекомъ своей лодки, что перепуганные рыбаки поспѣшили уѣхать. Роландсенъ хотѣлъ въ душѣ; со своимъ исхудалымъ лицомъ онъ въ эту минуту больше походилъ на какого-то бѣса, чѣмъ на человѣка.

Однажды утромъ Роландсенъ проонулся отъ необычнаго птичьяго шума. Было еще очень рано, почти ночь. Вдругъ онъ замѣчаетъ, что къ острову плыветъ лодка, она уже совсемъ близко. Несчастье Роландсена заключалось въ томъ, что онъ былъ немного медлителенъ. Вотъ появляется лодка— это какъ нельзя болѣе некстати для него; но, пока онъ собрался прійти въ ярость, лодка успѣла причалить, иначе онъ придумалъ бы что-нибудь, чтобы заставить непрошенныхъ гостей удалиться, хотя бы при помощи камней.

Двое изъ фабричныхъ рабочихъ Макка, отецъ и сынъ, вышли на берегъ.

— Съ добрымъ утромъ! — сказалъ старикъ.

— Я совсѣмъ не радъ тебѣ и я что-нибудь да сдѣлаю съ тобой, — отвѣтилъ Роландсенъ.

— А что это будетъ? — спросилъ старикъ, бросивъ на сына не особенно увѣренный взглядъ.

— Я, конечно, задушу тебя. Что ты скажешь на это?

— Мы явились къ вамъ отъ самого Макка.

— Конечно, ты явился отъ самого Макка. Я знаю, чего онъ хочетъ.

Тутъ вмѣшался въ разговоръ и молодой парень и заявилъ, что раздувальщикъ мѣховъ требуетъ обратно свою лодку и снасти.

— Что?—воскликнулъ Роландсенъ съ возмущеніемъ:—этотъ человѣкъ съ ума сошелъ? А я-то что же буду дѣлать? Я живу на пустынномъ островѣ, мнѣ нужна лодка, чтобы добраться до людей, мнѣ нужны удочки, чтобы не помереть съ голоду. Поклонись ему отъ меня и передай ему это.

— А еще новый телеграфистъ велѣлъ передать вамъ, что тамъ лежатъ для васъ важныя телеграммы и ждутъ васъ.

Роландсенъ подскочилъ. Какъ! Уже! Онъ предложилъ еще нѣсколько вопросовъ, на которые получилъ отвѣтъ, и, не говоря больше ни слова, приготовился ѣхать. Молодой парень сѣлъ въ лодку раздувальщика мѣховъ, а Роландсенъ поѣхалъ въ лодкѣ старика.

На носу лодки стояла корзина, и въ душѣ Роландсена пробудилась смѣлая надежда, что въ ней, можетъ-быть, находятся съѣстные припасы. Онъ хотѣлъ-было спросить:—«есть у тебя ѣда съ собой?»—но изъ гордости удержался и принялся болтать, чтобы заглушить мысли объ ѣдѣ.

— Откуда Маккъ узналъ, что я здѣсь?

— Шли слухи объ этомъ. Рыбакъ съ женой однажды ночью видѣли васъ здѣсь, вы еще ихъ такъ перепугали.

— Да что имъ тутъ было нужно!.. Подумай только, я нашелъ здѣсь близъ острова новое мѣсто для сельдяного лова, и теперь я долженъ его покинуть.

— Сколько времени вы рассчитывали здѣсь остаться?

— Это тебя не касается, — отвѣтилъ Роландсенъ коротко.

Взглядъ его снова упалъ на корзину, но онъ готовъ былъ лопнуть отъ гордости и только сказалъ:

— Что за необыкновенно безобразная корзина! Какъ можно въ ней держать что бы то ни было? Что въ ней такое?

— Ого, будь у меня столько мяса, и сала, и масла, и сыра, сколько перебивало въ этой корзинѣ, мнѣ бы хватило ѣды на много лѣтъ,—отвѣтилъ старикъ.

Роландсенъ откашлялся и сплюнулъ въ море.

— Когда пришли телеграммы? — спросилъ онъ.

— О, это ужъ порядочно времени.

На полпути лодки пошли рядомъ, отецъ и сынъ стали вынимать изъ корзины провизію. Роландсенъ смотрѣлъ во всѣ стороны, только не на носъ лодки. Старикъ проговорилъ:

— У насъ тутъ есть кое-что перекусить, если вы не брезгаете!

И онъ подвинулъ всю корзину Роландсену.

Роландсенъ отстранилъ ее рукой и отвѣтилъ:

— Я ѣлъ полчаса тому назадъ и наѣлся досыта. Ты, впрочемъ, не представляешь себѣ, какъ славно выпеченъ на видъ этотъ хлѣбъ. Нѣтъ, спасибо, я только хотѣлъ посмотреть на него и понюхать его!

И Роландсенъ продолжалъ говорить, глядя во всѣ стороны:

— Мы, въ сущности, жирно живемъ здѣсь на сѣверѣ. Я увѣренъ, что не найдется моряка, у котораго бы не висѣлъ на чердакѣ окорокъ. А потомъ еще сало! Но въ такомъ образѣ жизни есть что-то животное!

Роландсенъ раздраженно повернулся на своемъ мѣстѣ и заговорилъ опять:

— Ты спрашиваешь, сколько времени я собирался остаться тамъ? Я бы тамъ остался, конечно, до осени, чтобы полюбоваться падающими звѣздами. Я большой любитель катастрофъ, меня забавляетъ зрѣлище міровъ, разлетающихся на мелкія части.

— Это что-то не для моего ума.

— Я говорю, небесное тѣло. Когда одна звѣзда сталкивается съ другой на небѣ и разбивается въ дребезги.

Но завтракъ все еще не приходилъ къ концу, и Роландсенъ воскликнулъ:

— Это прямо свинство столько ѣсть! И какъ вы можете запихать въ себя столько ѣды!

— Мы кончили,—проговорилъ старикъ кротко.

Лодки раздѣлились, и мужчины снова вѣялись за весла. Роландсенъ улегся на кормѣ и приготовился уснуть.

Они приѣхали домой только послѣ полудня, и Роландсенъ сейчасъ же отправился на станцію за своими телеграммами. Это были весьма благопріятныя свѣдѣнія, касающіяся его изобрѣтенія,—выгодное предложеніе относительно продажи патента изъ Гамбурга, еще болѣе выгодное предложеніе черезъ бюро отъ другого торговаго дома. А Роландсенъ—это былъ такой странный человѣкъ!—бросился въ лѣсъ и провелъ тамъ долгое время наединѣ съ самимъ собою раньше, чѣмъ подумалъ о томъ, чтобы раздобыть себѣ чего-нибудь поѣсть. Отъ волненія онъ становился, какъ мальчикъ, какъ ребенокъ съ довѣрчиво скрещенными руками.

XIV.

Онъ отправился въ контору Макка. Онъ шелъ туда съ видомъ вполне реабилитированнаго человѣка, болѣе того — съ видомъ льва. Странное волненіе овладѣтъ членами семейства Маккъ при видѣ его. Элиза, можетъ-быть, поздравить его, и эта искренняя любезность подѣйствуетъ на него благотворно.

Но онъ горько ошибался. Элизу онъ засталъ передъ фабричнымъ зданіемъ въ разговорѣ съ братомъ. Она обратила на него такъ мало вниманія, что едва отвѣтила на его поклонъ. И братъ съ сестрой продолжали разговаривать. Не желая имъ мѣшать, Роландсенъ не спросилъ ихъ о старомъ Маккѣ, а прямо направился въ контору и постучался въ дверь. Но дверь была заперта. Онъ снова спустился внизъ и сказалъ:

— Вашъ отецъ послалъ за мною, гдѣ я могу его найти?

Молодые люди не торопились отвѣтить на его вопросъ, а продолжали разговаривать; наконецъ Фридрихъ сказалъ:

— Отецъ пошелъ къ шлюзамъ.

«Это они могли бы сказать мнѣ сразу, какъ только я пришелъ»,—подумалъ Роландсенъ.

Оба они выказали полное равнодушіе къ нему и дали ему подняться въ контору, не предупредивъ, что старика тамъ нѣтъ.

— Не можете ли вы послать кого-нибудь за нимъ?—спросилъ Роландсенъ.

Фридрихъ отвѣтилъ медленно и раздѣльно:

— Если отецъ пошелъ къ шлюзамъ, такъ, значитъ, у него тамъ дѣло.

Роландсенъ отъ удивленія широко раскрылъ глаза, переводя недоумѣвающій взглядъ съ брата на сестру.

— Вы можете прійти потомъ еще разъ,—сказалъ Фридрихъ.

И Роландсенъ молча подчинился, проговоривъ лишь:

— Да, да.

Онъ пустился въ обратный путь. Но минутою спустя онъ сталъ раздумывать обо всемъ этомъ. Вдругъ онъ поворачиваетъ, возвращается къ Фридриху и говоритъ безъ всякаго предисловія:

— Но если я пришелъ сюда, то для того, чтобы встрѣтить не кого-либо другого, а именно вашего отца,—понимаете?

— Приходите потомъ еще разъ,—сказалъ Фридрихъ.

— Но если я приду сюда во второй разъ, то это будетъ для того, чтобы сказать, что въ третій разъ я уже не приду.

Фридрихъ пожалъ плечами.

— Вотъ идетъ отецъ,—проговорила Элиза.

Старый Маккъ подошелъ. Онъ нахмурилъ брови и, говоря рѣзко и коротко, прошелъ впереди Роландсена въ контору. Немилость сквозила въ каждомъ его движеніи. Онъ сказалъ:

— Въ прошлый разъ я вамъ предложилъ стулъ, теперь я этого не сдѣлаю.

— Нѣтъ, нѣтъ,—пробормоталъ Роландсенъ. Но онъ все еще не понималъ его гнѣва.

Суровое обращеніе отнюдь не доставляло удовлетворенія старому Макку. Этотъ провинившійся передъ нимъ человѣкъ былъ въ его власти, но онъ слишкомъ сознавалъ свое превосходство для того, чтобы злоупотребить этой властью. Онъ сказалъ:

— Вы, конечно, знаете о томъ, что произошло здѣсь?

Роландсенъ отвѣтилъ:

— Меня здѣсь не было. Тутъ могло произойти многое, о чемъ вы знаете, а я нѣтъ.

— Ну, такъ я васъ ознакомлю съ тѣмъ, что произошло,—сказалъ Маккъ.

Онъ былъ въ эту минуту точно нѣкій богъ, держащій въ своихъ рукахъ судьбу человѣка.

— Не такъ ли обстояло дѣло, что вы сожгли мой страховою полисъ?

— Дѣло обстоитъ, напротивъ, такъ,—началъ Роландсенъ:— что если вы думаете допрашивать меня...

— Вотъ онъ, — проговорилъ Маккъ, кладя документъ на столъ. — Деньги тоже найдены. Все это вмѣстѣ лежало въ платкѣ, который принадлежалъ не вамъ.

Роландсенъ не возражалъ.

Маккъ продолжалъ:

— Онъ принадлежалъ Еноху.

Роландсенъ невольно улыбнулся торжественности, съ которою Маккъ говорилъ, и замѣтилъ шуточно:

— Вы увидите, еще Енохъ окажется воромъ.

Но его шутка не понравилась Макку, это была отнюдь не почтительная шутка.

— Вы одурачили меня,—сказалъ Маккъ: — и выманили у меня четыреста талеровъ.

Роландсенъ, стоявшій передъ Маккомъ со своими цѣнными телеграммами въ карманѣ, все еще не могъ отнестись къ дѣлу съ достаточной серьезностью.

— Это дѣло надо обсудить,—сказалъ онъ.

Тутъ Маккъ прервалъ его рѣзко:

— Я простилъ васъ въ прошлый разъ, но теперь я этого не сдѣлаю.

— Я могу вамъ вернуть деньги.

Маккъ вышелъ изъ себя.

— Дѣло для меня вовсе не въ деньгахъ. Вы обманщикъ, вы это понимаете?

— Вы позволите мнѣ объяснить вамъ кое-что?

— Нѣтъ.

— Однако это очень странно, — сказалъ Роландсенъ, продолжая улыбаться. — Чего же вы отъ меня хотите?

— Я хочу васъ арестовать, — сказалъ Маккъ.

Въ комнату вошелъ Фридрихъ и сталъ на свое мѣсто у конторки. Онъ слышалъ послѣднія слова и видѣлъ, что отецъ находится въ сильномъ возбужденіи, что съ нимъ не часто случалось.

Сунувъ руку въ карманъ за своими телеграммами, Роландсенъ снова спросилъ:

— Такъ вы не хотите взять денегъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старый Маккъ: — вы можете ихъ передать судебной власти.

Роландсенъ остановился. Теперь это былъ уже не левъ; въ концѣ концовъ вѣдь онъ же провинился, и его могутъ засадить. Хорошо! Когда Маккъ взглянулъ на него вопросительно, словно удивляясь, что онъ все еще стоитъ тутъ, Роландсенъ отвѣтилъ:

— Я жду, чтобы меня арестовали.

Удивленный этими неожиданными словами, Маккъ проговорилъ:

— Здѣсь? Нѣтъ, вы можете идти домой и приготовиться.

— Спасибо. Мнѣ надо еще отправить нѣсколько телеграммъ.

Эти слова смягчили Макка; онъ вѣдь тоже былъ не людоѣдъ какой-нибудь.

— Вы можете, конечно, располагать сегодняшнимъ и завтрашнимъ днемъ, чтобы устроить свои дѣла, — сказалъ онъ.

Роландсенъ поклонился и ушелъ.

Элиза все еще стояла на дворѣ. Онъ прошелъ мимо нея, не поклонившись ей. Что пропало, то пропало, тутъ ничего не подѣлаешь. Она тихонько позвала его. Смущенный и взволнованный этой неожиданностью, онъ остановился и удивленно взглянулъ на нее.

— Я хотѣла только сказать, что... это не такъ страшно.

Онъ ничего не понялъ изъ ея словъ, какъ не понималъ и того, зачѣмъ она вдругъ заговорила съ нимъ.

— Мнѣ разрѣшили пойти домой, мнѣ нужно отправить нѣсколько телеграммъ,—сказаль онъ.

Она подошла къ нему ближе, грудь ея взволнованно подымалась и опускалась. Она нѣсколько разъ оглянулась кругомъ и вообще проявляла нѣкоторую неувѣренность. Она сказала:

— Отецъ былъ, должно-быть, строгъ. Но это, навѣрное, пройдетъ.

Роландсенъ разсердился. Развѣ ужъ онъ былъ такъ-таки кругомъ виноватъ?

— Вашъ отецъ можетъ дѣлать, что ему угодно, — отвѣтилъ онъ.

Вотъ какъ! Но, все еще тяжело дыша, она продолжала:

— Отчего вы такъ смотрите на меня? Вы развѣ не узнаете меня?

Милости, всюду однѣ милости!

Онъ отвѣтилъ:

— Можно узнавать или не узнавать, какъ кому угодно.

Пауза.

Наконецъ Элиза проговорила:

— Но вы должны же сознаться, что то, что вы сдѣлали... Ну, тѣмъ хуже для васъ.

— Прекрасно. Пусть будетъ тѣмъ хуже для меня. Я вовсе не желаю подвергаться нападенію со стороны всякаго, кому ни вздумается. Вашъ отецъ можетъ арестовать меня.

Не говоря больше ни слова, она отошла отъ него...

Онъ ждалъ два дня, ждалъ три дня, но никто не являлся въ домъ раздувальщика мѣховъ, чтобы забрать его. Онъ находился въ состояніи величайшаго напряженія. Свои телеграммы онъ написалъ и держаль наготовѣ съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ въ ту самую минуту, когда явятся его арестовать. Онъ рѣшилъ принять самое высокое предложеніе за свое изобрѣтеніе и продать патентъ. Но въ ожиданіи ареста онъ не терялъ времени зря и велъ переговоры съ заграничными фирмами о томъ и о семъ, о покупкѣ водопада, находящагося противъ фабрики Макка, о страховкѣ транспорта. Все это находилось пока въ его рукахъ.

Но Маккъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые стремятся преслѣдовать своего ближняго во что бы то ни стало. Напротивъ, въ дѣлахъ ему снова повезло, а въ минуты счастья онъ любилъ проявлять скорѣе излишнюю терпимость. Новая телеграмма отъ бергенскаго агента принесла извѣстіе о томъ, что его запасъ сельди проданъ въ Россію. Если Макку нужны деньги, то онъ къ его услугамъ. Такимъ образомъ Маккъ снова выплылъ.

Когда прошла цѣлая недѣля, не принеся съ собою никакихъ переменъ, Роландсенъ снова отправился къ Макку въ контору. Онъ былъ измученъ неизвѣстностью и этимъ состояніемъ постояннаго ожиданія, въ которомъ онъ находился, и рѣшилъ положить этому конецъ.

— Я жду уже цѣлую недѣлю, а вы все меня не арестуете,—сказалъ онъ.

— Молодой человѣкъ, я обдумалъ это дѣло и рѣшилъ иначе,—отвѣтилъ Маккъ тономъ снисхожденія.

— Пожилой человѣкъ, это вы должны были сдѣлать сейчасъ же!—воскликнулъ Роландсенъ гнѣвно.—Вы думаете, что можете цѣлую вѣчность тянуть это и восхищаться собственнымъ великодушіемъ! Но я желаю положить этому конецъ. Я самъ пойду и заявлю ленсману.

— Сегодня я, во всякомъ случаѣ, ожидалъ отъ васъ другихъ рѣчей.

— Я вамъ покажу, какихъ рѣчей вы можете ожидать отъ меня,—воскликнулъ Роландсенъ преувеличенно-высокомѣрно, швыряя на столъ Макку свои телеграммы.

Носъ его теперь казался еще больше, чѣмъ раньше, —лицо его такъ похудѣло.

Маккъ скользнулъ взглядомъ по телеграммамъ.

— Вы сдѣлались изобрѣтателемъ! — замѣтилъ онъ.

Но по мѣрѣ того, какъ глаза его пробѣгали по строкамъ телеграммъ, они прищуривались все больше и больше и становились внимательнѣе.

— Рыбій клей?—проговорилъ онъ наконецъ.

Затѣмъ онъ началъ наново перечитывать телеграммы.

— Это представляется чрезвычайно многообѣщающимъ,—сказалъ онъ, взглядывая на Роландсена. — Вамъ въ самомъ дѣлѣ предлагаютъ крупную сумму за изобрѣтеніе рыбаго клея?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ поздравляю васъ. Но вы должны были бы быть настолько на высотѣ своего положенія, чтобы не позволять себѣ обращаться невѣжливо со старымъ человекомъ.

— Въ этомъ вы, конечно, правы. Но это постоянное ожиданіе изрядно измочило меня. Вы обѣщали арестовать меня, а между тѣмъ я все жду напрасно.

— Я вамъ скажу, въ чемъ дѣло: тутъ вмѣшались другіе. Иначе я бы, конечно, давно это сдѣлалъ.

— Кто въ это вмѣшался?

— Знаете женщину. У меня есть дочь. Элиза воспротивилась этому.

— Это чрезвычайно странно,—замѣтилъ Роландсенъ.

Маккъ снова заглянулъ въ телеграммы.

— Вѣдь это же великолѣпно! — сказалъ онъ.— Не можете ли вы мнѣ рассказать немного обстоятельнѣе про ваше изобрѣтеніе?

И Роландсенъ сталъ ему объяснять.

— Такъ мы, значитъ, нѣкоторымъ образомъ конкуренты?— сказалъ старикъ.

— Не только нѣкоторымъ образомъ. Съ той минуты, какъ я отошлю свой отвѣтъ, мы съ вами самымъ настоящимъ образомъ конкуренты.

— Вотъ какъ?— проговорилъ Маккъ удивленно. — Чтò вы хотите этимъ сказать? Вы хотите приняться за фабрикацію?

— Да. Противъ вашего водопада находится еще водопадъ, гораздо большій. Тамъ не потребуется никакихъ шлюзовъ.

— Это водопадъ Левіона.

— Я кушилъ его.

Маккъ нахмурилъ лобъ и погрузился въ размышленія.

— Чтò жъ, конкуренція такъ конкуренція!— сказалъ онъ.

Роландсенъ отвѣтилъ:

— Она погубитъ васъ.

Но такія рѣчи все больше и больше злили всемогущаго Макка, онъ не привыкъ къ нимъ и не желалъ ихъ терпѣть.

— Вы поразительно быстро забываете, что вы еще въ моей власти,—сказалъ онъ.

— Чтò жъ, донесите на меня. Мой чередъ придетъ потомъ.

— Вотъ какъ. И чтò же вы собираетесь сдѣлать?

Роландсенъ отвѣтилъ:

— Я разорю васъ.

— Въ контору вошелъ Фридрихъ. Онъ сейчасъ же замѣтилъ, что между отцомъ и Роландсеномъ былъ крупный разговоръ, и внутренно почувствовалъ досаду на отца за то, что тотъ не покончилъ разъ навсегда съ длинноносимъ отставнымъ телеграфистомъ.

Роландсенъ проговорилъ громко:

— Я дѣлаю вамъ предложеніе: мы используемъ это изобрѣтеніе сообща. Мы преобразуемъ вашу фабрику, и я буду ею управлять. Я даю вамъ для размышленія двадцать четыре часа!

И Роландсенъ, оставивъ телеграммы на столѣ, вышелъ.

XV

Приближалась осень. Въ лѣсу завывалъ вѣтеръ. Море казалось желтымъ и холоднымъ, и небо усыялось звѣздами. Но

Ове Роландсену некогда было больше любоваться падающими звѣздами, хотя онъ попрежнему былъ любителемъ катастрофъ. Въ послѣднее время на фабрикѣ у Макка работало много каменщиковъ, тутъ надо было скрыть часть зданія, тамъ воздвигнуть новую—по указанію Роландсена, который всѣмъ руководилъ. Онъ одолѣлъ всѣ препятствія и сталъ играть видную роль.

— Я, въ сущности говоря, всегда ставилъ высоко этого человѣка,—говорилъ старый Маккъ.

— А я нѣтъ, — отвѣчала гордая Элиза. — Онъ ужасно за-важничалъ. Онъ дѣлаетъ видъ, точно онъ нашъ спаситель.

— Ну, это преувеличенно.

— Онъ кланяется, но онъ не ждетъ отвѣта. Онъ проходить мимо.

— Онъ очень занятъ.

— Онъ втерся въ нашу семью, — говоритъ Элиза поблѣднѣвшими губами.—Гдѣ бы мы ни были, онъ всегда тутъ же. Но если онъ что-нибудь воображаетъ на мой счетъ, то онъ очень ошибается.

Элиза уѣхала въ городъ.

Все шло, однако, своимъ чередомъ. Повидимому, и безъ нея прекрасно можно было обойтись. Но дѣло въ томъ, что съ той минуты, какъ Роландсенъ вступилъ въ компанію съ Маккомъ, онъ далъ себѣ слово дѣлать свое дѣло и не давать себѣ времени думать о чемъ-либо другомъ. Мечтаніями занимаются лѣтотомъ, а потомъ это занятіе оставляютъ на нѣкоторое время. Но есть люди, которые мечтаютъ всю свою жизнь, и ничто не можетъ ихъ образумить. Вотъ, на примѣръ, юмфру ванъ-Лоосъ изъ Бергена. Роландсенъ получилъ отъ нея письмо, что она больше не ставитъ его ниже себя самой съ тѣхъ поръ, какъ оказалось, что онъ не запятналъ себя воровствомъ, а только разыгралъ комедію. И что она беретъ назадъ свое слово о разрывѣ съ нимъ, если еще не поздно.

Въ октябрѣ Элиза Маккъ вернулась домой. Говорили, что она окончательно помолвилась, и что ея женихъ, Генрихъ-Бурнусъ Генриксенъ, капитанъ каботажнаго судна, гоститъ теперь у нея. Готовились къ балу, который состоится въ большой залѣ розенгордскаго дома, уже приглашена возвращающаяся изъ Финмаркена труппа нѣмецкихъ музыкантовъ, которые будутъ играть на флейтахъ и трубахъ. Весь приходъ былъ приглашенъ на этотъ балъ, конечно, и Роландсенъ, а кистерова Ольга должна была явиться и быть принята, какъ будущая жена Фридриха. Только пасторъ съ женой не могли быть на балу. Въ приходъ былъ наконецъ назначенъ новый

пасторъ, его ждали со дня на день, а добрѣйшій временный пасторъ долженъ былъ отправиться въ другое мѣсто, на сѣверъ; гдѣ другое стадо оставалось безъ пастыря. Онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы отправиться воздѣлывать почву въ другомъ мѣстѣ, здѣсь ему не всегда везло въ его успѣхахъ. Впрочемъ, на *одинъ* успѣшный результатъ онъ могъ указать, покидая эту мѣстность: онъ довель сестру Левіона до того, что она вспомнила того единственнаго человѣка, на которомъ лежала обязанность жениться на ней. Это былъ столяръ этого села, домовладѣлецъ, у котораго въ сундукѣ было немало денегъ. Благословляя ихъ передъ алтаремъ, пасторъ испытывалъ нѣкоторое чувство удовлетворенія. Настойчивыми усилиями и неустаннымъ трудомъ все-таки удается кой-въ-чемъ исправить нравы людскіе.

«О, понемногу все налаживается, слава Богу!» — думалъ пасторъ.

Въ хозяйствѣ у него тоже появился нѣкоторый порядокъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала новая экономка; она была стара и солидна, и онъ рѣшилъ взять ее съ собой на новое мѣсто. Да, хорошо все, что хорошо кончается. Пасторъ былъ строгій человѣкъ, но, повидимому, никакой горечи или озлобленія противъ него его строгость не оставила въ прихожанахъ; когда онъ уѣзжалъ, внизу, у пристани передъ пасторскимъ домомъ собралось много народу проводить его. Что касается Роландсена, то онъ не хотѣлъ упустить случая показать, что онъ вѣжливый человѣкъ. Лодка Макка стояла наготовѣ съ тремя гребцами и ждала его, но онъ не хотѣлъ уѣзжать, не проводивъ пасторскую чету. Пасторъ, несмотря на все, что произошло между ними, не могъ не поблагодарить его за такую любезность. И какъ въ свое время помощнику Левіону было предоставлено высадить фру на берегъ, такъ и теперь ему было дозволено проводить ее на судно. И для Левіона настали, повидимому, лучшіе дни; пасторъ даже обѣщалъ сдѣлать все возможное для того, чтобы Левіонъ снова былъ принятъ на должность помощника.

Да, хорошо все, что хорошо кончается.

— Если бы вамъ не надо было на сѣверъ, а мнѣ на югъ, мы бы могли поѣхать вмѣстѣ, — сказала Роландсенъ.

— Да, — отвѣтилъ пасторъ. — Но не будемъ забывать, дорогой Роландсенъ, что, отправляемся ли мы на сѣверъ или на югъ, мы всѣ когда-нибудь встрѣтимся въ одномъ мѣстѣ.

До конца онъ оставался все тѣмъ же неутомимымъ и бодрымъ служителемъ Божиимъ.

Фру сидѣла на кормѣ все въ тѣхъ же старыхъ банникахъ;

на нихъ были положены заплаты, но они стали отъ этого такими некрасивыми. Но это нисколько не огорчало фру, напротивъ, глаза ея сверкали, такъ она радовалась тому, что ѣдетъ на новое мѣсто и увидитъ новыхъ людей. Съ нѣкоторой грустью только вспоминала она о большомъ булыжникѣ, который пасторъ не далъ ей уложить въ сундукъ, хотя онъ былъ такъ красивъ.

Наконецъ они отчалили. Съ берега и съ моря замахали шляпами и платками, съ той и другой стороны послышались послѣдніе привѣты и пожеланія счастливаго пути.

Теперь и Роландсенъ сѣлъ въ лодку. Въ этотъ же вечеръ онъ долженъ былъ быть въ Розенгордѣ; тамъ будетъ праздноваться двойная помолвка, и онъ опять-таки не хотѣлъ упустить случая выказать свою вѣжливость. Такъ какъ лодка Макка не имѣла вымпела на мачтѣ, то онъ досталъ великолѣпный, красный съ бѣлымъ, вымпелъ съ десятигребнаго судна и велѣлъ передъ отплытіемъ поднять его на своей лодкѣ.

Онъ пріѣхалъ въ Розенгордъ подъ вечеръ. Сразу было замѣтно, что здѣсь готовится какой-то праздникъ: въ обоихъ этажахъ макковскаго дома окна были ярко освѣщены, а въ гавани суда такъ и кишѣли флагами, несмотря на темноту. Роландсенъ обратился къ гребцамъ:

— Вы можете сойти на берегъ, но пришлите вмѣсто себя трехъ другихъ гребцовъ. Около полуночи я вернусь обратно на фабрику.

Роландсена встрѣтилъ Фридрихъ, находившійся въ наилучшемъ настроеніи: у него была теперь надежда получить мѣсто штурмана на каботажномъ суднѣ; такимъ образомъ онъ могъ жениться и зажить совершенно самостоятельно. Старый Маккъ тоже былъ очень доволенъ; на немъ былъ орденъ, который король пожаловалъ ему во время своего путешествія по Финмаркену. Ни Элизы ни капитана Генриксена не было видать; они, должно-быть, ворковали вдвоемъ въ одной изъ комнатъ.

Роландсенъ выпилъ нѣсколько стакановъ вина для того, чтобы успокоиться и укрѣпить свой духъ. Онъ усѣлся со старымъ Маккомъ и завелъ съ нимъ разговоръ о дѣлахъ: вотъ, на примѣръ, краска, которую онъ избрѣлъ; это кажется пустякомъ, но этому пустяку суждено, можетъ-быть, стать главнымъ продуктомъ на ихъ фабрикѣ; ему нужны машины, дестилляціонные приборы. Вошла Элиза; она посмотрѣла Роландсену прямо въ лицо, сказала громко:—Добрый вечеръ!— и кивнула головой.

Онъ всталъ и поклонился, но она прошла мимо.

— Она такъ занята сегодня, — сказалъ старый Маккъ.

— Главное, намъ надо быть совершенно готовыми къ началу рыбаго сезона на Лофодахъ, — продолжалъ Роландсенъ, садясь снова.

Ого, ничто его теперъ не выбьетъ изъ колеи и не лишитъ спокойствія!

— Я думаю, кромѣ того, что намъ надо было бы нанять небольшой пароходъ, съ которымъ могъ бы отправиться Фридрихъ.

— Фридрихъ, можетъ-быть, получить теперъ другое мѣсто. Но мы поговоримъ еще объ этомъ, у насъ достаточно времени и завтра.

— Я въ двѣнадцать часовъ ѣду обратно.

— Но, послушайте! — сказалъ Маккъ.

Роландсенъ поднялся и проговорилъ коротко:

— Въ двѣнадцать часовъ!

Онъ хотѣлъ показать, что его рѣшеніе твердо и непреклонно:

— Я былъ увѣренъ, что вы проведете у насъ ночь. Ради такого случая! Вѣдь нельзя не признать, что случай не совсѣмъ обыкновенный.

Они прошли по комнатамъ, останавливаясь то здѣсь, то тамъ, и болтая съ гостями. Роландсенъ познакомился съ капитаномъ Генриксеномъ, и они сейчасъ же чокнулись и выпили, хотя раньше никогда не видали другъ друга. Капитанъ былъ добродушный человѣчекъ, съ склонностью къ полнотѣ.

Музыка заиграла. Гости усѣлись за столы въ трехъ комнатахъ, и Роландсену удалось отыскать себѣ мѣстечко, гдѣ не было никого изъ почетныхъ гостей. Старый Маккъ, обходя комнаты, увидалъ его и сказалъ:

— Вы здѣсь усѣлись? А я хотѣлъ васъ...

Роландсенъ отвѣтилъ:

— Большое спасибо, ваша рѣчь и отсюда будетъ слышна. Маккъ покачалъ головой.

— Я не буду держать никакой рѣчи!

Онъ удалился съ озабоченнымъ лицомъ. Что-то, повидимому, было не совсѣмъ ладно.

Ужинъ шель своимъ чередомъ, вино текло, и гости шумѣли. Когда подали кофе, Роландсенъ сѣлъ писать телеграмму. Телеграмма была къ іомфру ванъ-Лоосъ въ Бергенъ и гласила, что еще отнюдь не слишкомъ поздно:

«Пріѣзжай при первой возможности. Твой Ове».

Ну что жъ, и такъ хорошо! Все хорошо, великолѣпно! Опъ

самъ снести телеграмму на станцію и присутствовалъ при томъ, какъ она была отправлена. Затѣмъ онъ вернулся. За столами замѣтно было оживленіе, гости мѣнялись мѣстами. Элиза подошла и протянула ему руку. Она извинилась, что раньше прошла мимо него, не остановившись.

— Если бы вы знали, какъ вы сегодня красивы, — сказалъ онъ.

Онъ вполне владѣлъ собою и былъ любезенъ.

— Вы находите?

— Я это, впрочемъ, всегда находилъ. Я вѣдь былъ вашимъ поклонникомъ, вы вѣдь знаете. Помните, еще въ прошломъ году, когда я чуть-было не посватался къ вамъ!

Ей, повидимому, не особенно понравился его тонъ, и она отошла отъ него. Но немного погодя они снова очутились рядомъ. Начались танцы, и Фридрихъ выступилъ первымъ со своей невѣстой; всеобщее вниманіе было отвлечено въ сторону жениха и невѣсты, и Роландсенъ и Элиза могли спокойно разговаривать.

Элиза заговорила:

— Ахъ, да, я могу вамъ передать поклонъ отъ вашей хорошей знакомой, отъ юмфру ванъ-Лоосъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Она слыхала о томъ, что я выхожу замужъ, и хочетъ поступить ко мнѣ экономкой. Она очень дѣльная. Впрочемъ, вы ее знаете лучше меня.

— Да, она несомнѣнно чрезвычайно дѣльная. Но она не можетъ поступить къ вамъ экономкой.

— Нѣтъ?

— По той причинѣ, что я сегодня вечеромъ отправилъ ей телеграмму и предложилъ ей другое мѣсто. Она моя невѣста.

Гордая Элиза вздрогнула и удивленно посмотрѣла на него.

— Я думала, что между вами все кончено, — проговорила она.

— Ну, знаете, старая любовь... Одно время между нами, дѣйствительно, было все кончено, но...

— Ахъ, вотъ какъ! — сказала она.

— Я могу сказать, что вы-никогда не были такъ хороши, какъ сегодня! — замѣтилъ онъ. Его любезность не имѣла границъ. — Къ тому же это платье, этотъ темно-красный бархатъ!

Онъ и этой фразой былъ доволенъ; кому бы пришло въ голову заподозрѣть за этими словами малѣйшую тревогу?

— Вы, впрочемъ, кажется, не такъ ужъ чрезмѣрно были въ нее влюблены? — сказала она.

Онъ увидаль, что глаза ея подернулись влагой, это его по-

разило; ея затуманившійся голосъ окончательно вывелъ его изъ равновѣсія, онъ измѣнился въ лицѣ.

— Куда дѣвалось ваше величавое спокойствіе? — спросила она и улыбнулась.

Онъ пробормоталъ:

— Вы взяли его у меня.

Она вдругъ провела рукой по его рукѣ, — единственный разъ,—и ушла. Она торопливо миновала комнаты, одну за другой, никого не видя, ничего не слыша и лишь спѣша впередъ. Въ коридорѣ стоялъ ея братъ, онъ позвалъ ее; она обернула къ нему свое улыбающееся лицо, на рѣсницахъ у нея сверкали слезы; затѣмъ она побѣжала дальше по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату.

Четверть часа спустя къ ней вошелъ отецъ. Она бросилась къ нему на шею и воскликнула:

— Нѣтъ, я не могу!

— Нѣтъ? Ну, хорошо, хорошо. Но ты должна сойти внизъ и принять участіе въ танцахъ; о тебѣ спрашиваютъ. И что такое ты сказала Роландсену? Онъ на, себя не похожъ. Ты снова была съ нимъ нелюбезна?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не была съ нимъ нелюбезна.

— Потому что иначе ты должна была бы сейчасъ же заглядывать это. Въ двѣнадцать часовъ онъ уѣзжаетъ.

— Въ двѣнадцать? — Элиза моментально овладѣла собой и сказала: — Я иду внизъ.

Она сошла внизъ и отыскала капитана Генриксена.

— Я не могу, — сказала она ему.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Тѣмъ хуже для меня, можетъ-быть, но я совершенно не могу.

— Да, да, — проговорилъ онъ только.

Она не могла ему ничего больше объяснить, и такъ какъ капитанъ молчалъ, то этимъ дѣло и кончилось. Элиза пошла на станцію и отправила юмфру ванъ-Лоосъ въ Бергенъ телеграмму, чтобы она не принимала предложенія Роландсена, такъ какъ намѣренія его и на этотъ разъ не серьезны. Письмо слѣдуетъ. Элиза Маккъ.

Она вернулась домой и опять приняла участіе въ танцахъ.

— Это правда, что вы въ двѣнадцать часовъ уѣзжаете домой? — спросила она Роландсена.

— Да.

— Я поѣду съ вами на фабрику. У меня тамъ дѣло.

И она снова провела рукой по его рукѣ.

У ВРАТЬ ЦАРСТВА.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ Осипа Дымова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иваръ Карено, кандидатъ философіи.

Элина Карено.

Ингеборгъ, прислуга у Карено.

Эндрэ Бондесенъ, журналистъ.

Карстенъ Йервенъ, докторъ философіи.

Наталія Говиндъ, невѣста Йервена.

Профессоръ Гюлингъ.

Чучельный мастеръ.

Судебный приставъ съ двумя свидѣтелями.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ въ предмѣстьѣ. На заднемъ планѣ справа виднѣется часть стараго желтаго дома съ верандой, на которую ведутъ нѣсколько ступеней. Слева отъ дома выходъ на улицу, невидимый зрителямъ. Лужайки, кустарникъ и высокія деревья. Дорожки содержатся небрежно. На переднемъ планѣ слева подъ лиственнымъ деревомъ длинный четырехугольный столъ со скамьей.

Время отъ времени съ улицы доносится шумъ колесъ проѣзжающаго экипажа.

Позднее лѣто, послѣ полудня.

Элина Карено, двадцати трехъ лѣтъ, съ высокой грудью, свѣтлыми волосами, въ бѣломъ передникѣ съ надгрудникомъ, и Ингеборгъ, молодая дѣвушка, служанка, разбираютъ на столѣ бѣлье. Онѣ торопятся. На землѣ двѣ бѣльевыя корзины—большая и маленькая.

Элина. Вотъ, Ингеборгъ, теперь остались только нѣсколько носовыхъ платковъ и мелочь. Съ этимъ я ужъ сама справлюсь. Поди куда я тебя послала. Накинь платокъ.

Ингеборгъ. Хорошо, барыня (Хочетъ итти).

Элина. Возьми же съ собой корзину.

Ингеборгъ. Да, правда. (Береть большую корзину съ бѣльемъ и идетъ мимо веранды къ черному ходу).

Элина (продолжаетъ усердно работать, что-то напѣвая).

Ингеборгъ (появляясь съ платкомъ на головѣ). Больше ничего, барыня?

Элина. Нѣтъ. Номера дома я не помню, но ты узнаешь по витринѣ. Онъ набиваетъ чучела птицъ. Всего пять минутъ ходьбы. Попроси его прійти какъ можно скорѣе. Я уже говорила съ нимъ. Онъ знаетъ.

Ингеборгъ. Хорошо. (Уходитъ).

Элина. Скажи ему: самое позднее—завтра днемъ.

Ингеборгъ (за сценой). Хорошо.

(Слышно, какъ садовая калитка открывается и запирается съ легкимъ стукомъ).

Элина (кончаетъ работу. Складываетъ бѣлье въ корзину, снимаетъ головной платокъ и кладетъ сверху). Готово.

(Снова слышенъ стукъ отворяемой калитки).

(Иваръ Карено, двадцати девяти лѣтъ, съ темными волосами, безъ бороды, въ весеннемъ пальто, немного короткихъ брюкахъ и черной твердой шляпѣ; входитъ съ улицы, держа подъ мышкой нѣсколько книгъ. Онъ хочетъ подняться по лѣстницѣ, но, замѣтивъ жену, подходитъ къ ней).

Карено (улыбаясь). Моя крестьяночка здѣсь?

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено. Я снова былъ у издателя. Сегодня онъ ужъ не сказалъ «нѣтъ»!

Элина. Онъ сказалъ «да»?

Карено. Не совсѣмъ. Нѣтъ, этого онъ не сказалъ. Сказалъ, чтобы я ему принесъ рукопись, и тогда онъ посмотреть. Впрочемъ, онъ надѣется, что дѣло устроится.

Элина (молча указываетъ вокругъ себя).

Карено. Да, я вижу. Благодарю. Эта возня съ бѣльемъ мнѣ такъ мѣшала, когда я сидѣлъ здѣсь и работалъ. (Кладетъ книги на столъ и садится) Да, со мной случилось еще что-то. Я встрѣтилъ...

Элина. Чтѣ? Ты встрѣтилъ Ингеборгъ? Боже мой, надѣюсь, ты не спросилъ, куда она идетъ?

Карено. Я не встрѣтилъ Ингеборгъ. Развѣ Ингеборгъ ушла?

Элина (смотреть на него). Какъ это тебя интересуеть?

Карено. Интересуеть?

Элина. Да. Мнѣ такъ кажется. (Мѣняя тонъ) Ингеборгъ ушла по дѣлу,—по моему дѣлу.

Карено. Такъ. Секреты?

Элина. Послушай, Иваръ, не спрашивай, я ничего тебѣ не скажу.

Карено. Нѣтъ, нѣтъ.

Элина. Конечно, нѣтъ. Одно дѣло, о которомъ ты узнаешь послѣзавтра. Потому что это подарокъ ко дню твоего рожденія.

Карено. Нѣтъ, нѣтъ, я понимаю... Такъ вотъ, я сперва встрѣтилъ Бондесена,—знаешь, Эндрэ Бондесена.

Элина. Нѣтъ, я не знаю.

Карено. Какъ, ты не знаешь Эндрэ Бондесена? Ты дѣйствительно не знаешь? Чтò съ тобой?

(Элина не отвѣчаетъ).

(Карено наклоняется и смотреть ей въ глаза).

Элина. Иваръ, какіе мы съ тобой разные! Я ждала, что ты еще разъ спросишь меня о моемъ секретѣ, и тогда я бы тебѣ чуть-чуть рассказала. Самую чуточку. Это было бы такъ забавно. Но нѣтъ. (Качаетъ головой) И такъ часто.

Карено (смѣется). Элина, ты сегодня какая-то странная. Ты говоришь, что это секретъ. Я отвѣчаю: хорошо, пусть секретъ. А потомъ ты вдругъ говоришь...

Элина. Мы цѣлый день возились съ бѣльемъ, чтобы скорѣе кончить. И вотъ кончили. А ты приходишь домой и не говоришь ни звука.

Карено (береть книги со стола). Ахъ, вотъ откуда подулъ вѣтеръ!

Элина (быстро). Нѣтъ, онъ ниоткуда не подулъ. (Обойдя столъ, кладетъ ему руку на плечо) Вообще нѣтъ никакого вѣтра. Я только такая.

Карено. Да, да.

(Короткая пауза).

Элина. Не будемъ больше объ этомъ говорить. Да? Но какъ мы работали! Всего часъ, какъ ты ушелъ, а за это время мы все успѣли. (Чиститъ его) Мнѣ кажется, тебѣ скоро придется заказать новое пальто. Ты его носишь со дня нашей свадьбы. Подумай, три года! Какъ ты думаешь?

Карено (молчить).

Элина. Какъ думаешь?

Карено. Ахъ, нѣтъ...

Элина. Нѣтъ? Почему нѣтъ?

Карено. О чемъ ты говоришь? Я думалъ о другомъ. (Обнимаетъ ее) О чемъ ты, Элина?

Элина (отходя отъ стола). Ни о чемъ.

Карено (встаетъ). Элина, увѣряю тебя, я не слышалъ, о чемъ ты говорила. Иначе...

Элина. Ну, да, ты не слышалъ, но это все равно... Вотъ

ты на меня смотришь, Иваръ; можетъ-быть, я опять неправа, но...

Карено. Именно, неправа.

Элина. Я вовсе ужъ не такъ много съ тобой болтаю, чтобы ты могъ не слушать, когда я спрашиваю.

Карено. Элина, дѣйствительно мнѣ слѣдовало бы слушать, но...

Элина. Право, лучше не говорить съ тобой. Ты занятъ только собой. Если ты не въ библіотекѣ за книгой, то сидишь и пишешь. Я тебя вижу, но не слышу отъ тебя ни слова. Когда идешь гулять, ты никогда не берешь меня съ собой. Ты гуляешь одинъ. А вернувшись домой, снова садишься писать.

Карено. Я лучше всего думаю, когда одинъ, Элина.

Элина. Да, я это понимаю, но мнѣ отъ этого не легче.

Карено. Это временно. Увѣряю тебя, это временно. Потерпи немного, все устроится. (Искренно) Какъ мило, что ты убрала все это бѣлье. Оно мнѣ напоминало о снѣгѣ, и я не могъ работать. Ты прелестна, Элина.

Элина (подходить къ столу). Правда?

Карено. Да, да, ты прелестна. (Садится) Ну, слушай. Я встрѣтилъ Бондесена.

Элина. Я его не знаю.

Карено. Развѣ?.. Это газетчикъ. Журналистъ. Кромѣ того, онъ перебѣжчикъ, но это не важно. Онъ все знаетъ, о чемъ говорятъ и что дѣлаютъ. Да, они всѣ опять настроены противъ меня!

Элина. Опять настроены противъ тебя?

Карено. Моей нѣмецкой статьей.

Элина. Это тебѣ сказалъ Эндресенъ?

Карено. Бондесенъ. Нѣтъ, прямо онъ этого не говорилъ, но даль понять. Я его спросилъ, думаетъ ли онъ, что на этотъ разъ меня не встрѣтятъ ненавистью и бранью. Но онъ этого не думаетъ. — «Вамъ собственно нечего и ждать другого», — сказалъ онъ.

Элина. Онъ сказалъ: тебѣ нечего ждать другого?

Карено. Да. Потому что я попалъ на одного изъ нашихъ величайшихъ ученыхъ авторитетовъ, сказалъ онъ.

Элина. На кого же ты попалъ?

Карено. На профессора Гюллинга.

Элина. Боже мой, ты и на него попалъ!

Карено. Ты не должна такъ говорить, Элина. Я нападаю на небо и на землю. Почему же я не могу напасть и на профессора Гюллинга? Я нападаю на все, что стоитъ на моемъ пути.

Элина. Да, да, я только такъ сказала.

Карено. Я знаю; ты моя вѣрная опора. Я не могу достаточно отблагодарить тебя за все это время; оно особенно важно для меня. Пока ты со мной, они меня не одолѣютъ.

Элина (протягиваетъ руку черезъ столъ, снимаетъ съ него шляпу и гладить его волосы).

Карено. Потомъ я прихожу въ библіотеку, подаю свои записки, получаю книги. Вдругъ библіотекаръ мнѣ говоритъ: — «Тутъ справлялись о вашемъ адресѣ». — «Кто?» — спрашиваю я. — «Профессоръ Гюллингъ», — отвѣчаетъ онъ. (Смотритъ на нее).

Элина. Ахъ!

Карено. Да, не правда ли? Теперь всѣ заволновались.

Элина. Я боюсь за тебя, Иваръ...

Карено (улыбается). Нѣтъ, тебѣ нечего за меня бояться. Никто мнѣ ничего не можетъ сдѣлать.

Элина. О, если всѣ на тебя набросятся!

Карено. Но теперь наоборотъ: я на всѣхъ бросаюсь.

Элина. Да, правда.

Карено. Одна вещь можетъ меня свалить. Долги могутъ меня свалить. (Встаётъ и безпокойно ходить взадъ и впередъ по садовой дорожкѣ) Если я на-дняхъ не получу аванса, они могутъ прійти и описать насъ; они даже крышу снимутъ надъ нами.

Элина. Но вещей, которыя намъ дали отецъ и мать, они не получаютъ.

Карено. Надѣюсь, до этого не дойдетъ.

Элина. Если дойдетъ. Я про это и говорю.

Карено. Если они придутъ, то возьмутъ все, что есть.

Элина. Посмотримъ. Ты думаешь, и подсвѣчники тоже?

Карено. Это вѣдь серебро, Элина. Подсвѣчники они возьмутъ прежде всего.

Элина. Посмотримъ.

Карено. Но, милая, какъ же ты имъ помѣшаешь?

Элина (мѣняя тонъ). Да, ты правъ. Какъ тутъ помѣшать?.. Что я хотѣла сказать — какъ ты думаешь, для чего профессоръ Гюллингъ спрашивалъ твой адресъ?

Карено. Не знаю. Мнѣ безразлично. Можеть-быть, онъ пришлетъ мнѣ маленькое снисходительное письмо. У нихъ обыкновеніе поступать такъ. (Останавливается) Долженъ сказать одно, Элина: то, что профессоръ Гюллингъ сидитъ въ библіотекѣ, читаетъ мою статью, дѣлаетъ свои помѣтки и потомъ узнаётъ мой адресъ — ужь что-нибудь да значить.

Элина. Конечно. Я именно объ этомъ подумала.

Карено. Можешь быть увѣрена! Профессору Гюллингу, надо

полагать, не для чего считаться со мной. Такая одинокая птица, какъ я...

Элина. Да, такая одинокая птица. Такой одинокой орель, какъ ты.

Карено (улыбаясь). Ну, положимъ, не орель, но...

Элина. Но и не голубь, не правда ли?

Карено (молчить).

Элина. Но и не воронъ?

Карено (молчить).

Элина. И коршуномъ тебя также нельзя назвать, что?

Карено. Не понимаю, къ чему ты перечисляешь всѣхъ этихъ птицъ?

Элина. Вотъ теперь ты опять убѣжденъ, что я говорю глупости, но это неправда.

Карено (надѣваетъ шляпу). Мнѣ некогда болтать, пора за работу. Я хочу сегодня написать еще одну главу, прежде чѣмъ отнести рукопись. Тогда я приступлю къ послѣдней части. Да, тебѣ кланяется Йервенъ. Онъ сказалъ, что какъ-нибудь зайдетъ къ намъ вечеромъ.

Элина. Вотъ какъ.

Карено. И приведетъ съ собой Бондесена. Я просилъ привести свою невѣсту. Такъ что наконецъ мы ее увидимъ.

Элина. Эндресенъ? Этотъ перебѣжчикъ?

Карено. Бондесенъ. Да, говорятъ, что онъ перебѣжчикъ. Впрочемъ, я его мало знаю, нѣсколько разъ встрѣчалъ съ Йервеномъ. (Встаётъ).

Элина. А когда ты думаешь получить это письмо, Иваръ?

Карено. Какое письмо?

Элина. Письмо отъ профессора.

Карено. Но, милая, вѣдь совершенно неизвѣстно, пришлетъ ли онъ мнѣ письмо?

Элина. Можетъ-быть, онъ самъ придетъ?

Карено. О, нѣтъ, Элина.

Элина (робко). Развѣ это не можетъ случиться?

Карено. Ну, ну, ну! Нѣтъ, это не можетъ случиться. Да и съ какой стати профессору Гюллингу приходитъ сюда?

Элина. Можетъ-быть, онъ и не живетъ въ этой сторонѣ?

Карено. Нѣтъ, онъ живетъ здѣсь, по нашей улицѣ. Но что изъ этого? Пусть живетъ, гдѣ хочетъ. Нѣтъ, мнѣ нужно записаться. (Задумчиво идетъ по саду и возвращается) А если я не получу авансъ? Сколько времени мы можемъ держаться? Есть у насъ запасъ провизии?

Элина (взявъ маленькую корзину и намѣреваясь идти за мужемъ). На нѣкоторое время хватить. (Ставить корзину на землю).

Карено. А есть у насъ?.. (Съ надеждой) Видишь ли, Элина, опредѣленнаго обѣщанія онъ мнѣ не далъ. «Принесите рукопись!»—сказалъ онъ, но сказалъ тономъ извѣстнаго обѣщанія, вовсе не отказывая. Завтра я приду съ рукописью.

Элина. Да, да.

Карено. Въ концѣ концовъ, не вѣчно же намъ ждать спасенья! Въ тотъ день, когда я окончу свою книгу, у меня будутъ деньги, это же ясно. Рѣчь идетъ о данномъ моментѣ. Ахъ, эта опись!

Элина (говорить что-то про себя).

Карено. Что?

Элина. Ничего. Я не буду объ этомъ говорить.

Карено. Если опять рѣчь о твоихъ родителяхъ, то лучше молчи.

Элина. Мнѣ кажется, легче всего обратиться къ нимъ.

Карено. Тысячу разъ мы ужъ говорили объ этомъ. Они намъ помогутъ, но начнутъ меня уговаривать, а я на уступки не пойду. Они богатые и богобоязненные крестьяне. Они не понимаютъ меня. Я этимъ ничего не хочу сказать дурного, это честные люди, они молятся за меня. Ничего подобнаго я не видѣлъ. Они молятся, чтобы я устроился и сдѣлался профессоромъ. Я на это ничѣмъ не могу отвѣтить. Я не смѣюсь надъ ними, Элина, но, право, не знаю, долженъ ли я пожертвовать для нихъ хоть однимъ словомъ.

Элина. Но можешь предоставить мнѣ переговорить съ отцомъ и матерью. Ты даже не узналъ бы объ этомъ.

Карено (смущенно, сердечно). Элина, ты такая добрая... Господи, какъ ты добра! Но, я увѣренъ, ты сама не знаешь, чего отъ меня требуешь. Возвращаясь отъ своихъ родителей, ты каждый разъ должна была бы кричать мнѣ:—«Закрой глаза, Иваръ, у меня руки полны подарковъ».

(Элина молчитъ. Карено беретъ ее за руку, смотреть на нее. Они медленно ходятъ, возвращаются).

Элина. Я никогда не слышала, что нужно отказаться отъ помощи, если въ ней нуждаешься.

Карено (выпускаетъ ее руку; убѣжденно). Меня невозможно побѣдить, Элина; никто и ничто не можетъ меня побѣдить. Я не дамъ ни обольстить ни купить себя. Во мнѣ течетъ кровь маленькаго упрямаго народа. Я не изъ здѣшней страны; мой предокъ былъ финнъ: меня зовутъ Иваръ Карено.

(Короткая пауза).

Элина. А опись имущества?

Карено. Да, описи! (Слышенъ стукъ садовой калитки, онъ вздрагиваетъ) А! Что тамъ?

Ингеборгъ (быстро входитъ).

Карено (облегченно). А, это Ингеборгъ.

Элина (подозрительно). Да, это Ингеборгъ. Не понимаю, чему здѣсь радоваться?

Карено. Радоваться?.. Нѣтъ... Я думалъ, что это идутъ другіе... Милая Ингеборгъ, ты вѣдь не станешь насъ описывать, чтó? И не снимешь крыши надъ нами? Господь съ тобою. Я совсѣмъ повеселѣлъ.

Ингеборгъ (удивленно). Я ходила по порученію барыни.

Карено. Подумай, какъ странно: эта маленькая радость такъ хорошо на меня подѣйствовала. Впрочемъ, Элина, я долженъ сказать, что намъ собственно жаловаться нечего. Нужно быть философомъ; не надо слишкомъ привязываться къ одному мѣсту и чувствовать себя сытымъ. Нужно умѣть жить свободной птицей. Пусть они берутъ крышу.

Элина (молчить).

Карено. Кромѣ того, это только вопросъ времени, потому все уладится, — говорю я. Слава Богу, я умѣю работать. Это они увидятъ. (Уходитъ).

Ингеборгъ (которая все время порывалась что-то сказать). Да, онъ придетъ.

Элина. Тсс...

Карено (оборачивается). Кто придетъ?

Элина. Ахъ, не къ тебѣ!

Карено. Не ко мнѣ? (Уходитъ въ дверь веранды).

Элина. Онъ придетъ?

Ингеборгъ. Да. Онъ сказалъ — завтра.

Элина. Хорошо.

Ингеборгъ (хочетъ уйти).

Элина. Неужели такъ трудно взять съ собой эту корзину? Ничего не видить... Богъ знаетъ, кто у тебя въ головѣ.

Ингеборгъ (недоумѣвающе смотритъ, беретъ корзину и уходитъ чернымъ ходомъ въ домъ).

Элина (кричитъ ей вслѣдъ). Баринъ не долженъ знать, гдѣ ты была. Понимаешь?

Карено (возвращается съ книгами, бумагой и письменными принадлежностями). Гдѣ Ингеборгъ?

Элина. Соскучился по ней?

Карено. Я хотѣлъ попросить ее заправить къ вечеру лампу. Въ ней нѣтъ керосину.

Элина. А мнѣ этого нельзя довѣрить?

Карено. Милая, дорогая, конечно, лучше, если бы ты сдѣлала это... Тогда мои бумаги останутся въ порядкѣ.

Элина. Удивительно, что ты вѣчно думаешь объ Ингеборгъ. Моего отсутствія ты, вѣрно, никогда не замѣчаешь?

Карено. Чтò? Я не замѣчаю? (Смѣется) Какія глупости!

Элина. Мнѣ такъ кажется.

Карено. Да, но ты никогда и не уходишь. Ты либо въ комнатѣ, либо на кухнѣ. Я вѣдь всегда могу тебя найти. Я знаю, что ты всегда со мной.

Элина. Ты не долженъ быть такъ увѣренъ.

Карено. Чтò ты говоришь? Я не долженъ быть увѣренъ, что ты со мною?

Элина (мѣняя тонъ, принужденно смѣется). Ты не долженъ быть увѣренъ, что всегда знаешь, гдѣ я.

Карено (смѣется). Ахъ, вотъ какъ — новая пѣсня! Пропалъ изъ дому?

Элина (молчитъ).

Карено (раскладывая на столѣ бумаги). Такъ вотъ о чемъ ты думаешь, Элина. А я думаю о своей работѣ. (Горячо) Я сегодня напишу прекрасную главу. (Закуриваетъ трубку и беретъ перо).

(Слышна садовая калитка).

Карено. Посмотри, кто тамъ, Элина.

Элина. Незнакомый господинъ.

(Профессоръ Гюллингъ, шестидесяти лѣтъ, сѣдой, въ большой сѣрой, мягкой шляпѣ, съ толстой палкой и съ пенсне на шнуркѣ, медленно входитъ въ садъ. Останавливается и смотритъ на веранду. Увидѣвъ Карено съ женой, подходитъ къ столу).

Карено (встаетъ). Профессоръ...

Элина (тихо). Кто это, Иваръ?

Карено (не отвѣчаетъ).

Элина. Кто это? Не слышишь? Какой несносный!

Профессоръ (кланяется). Здравствуйте, милый Карено. Простите, что я такъ безцеремонно (кланяется Элинѣ. Та отходить къ дверямъ веранды, откуда слушаетъ весь разговоръ) являюсь къ вамъ. (Подаетъ руку) Я живу въ этихъ краяхъ и, проходя мимо, рѣшилъ навѣстить васъ.

Карено (который снялъ шляпу). Не угодно ли войти, господинъ профессоръ?

Профессоръ. Нѣтъ, спасибо, зачѣмъ? Позвольте мнѣ присѣсть здѣсь, — у меня очень мало времени. (Садится на скамью, все время держитъ палку подъ мышкой; осматривается) У васъ садъ, Карено? Вы здѣсь работаете?

Карено. Да, иногда.

Профессоръ. Вы, вѣрно, много работаете? Вы ужъ не такой краснощекій, какимъ были нѣсколько лѣтъ назадъ. Я помню васъ хорошо, когда вы поеѣщали мои лекціи.

Карено. Я и теперь слушаю ваши лекции, если есть возможность.

Профессоръ. Вотъ какъ? Да, я, дѣйствительно, съ интересомъ слѣжу за вашей работой. (Улыбается) Отчасти вы все-таки мой старый ученикъ. За двумя учениками я слѣжу съ интересомъ. Это вы и Йервень. Вы вѣдь знаете Йервена?

Карено. Да, мы хорошо знакомы.

Профессоръ. Въ послѣднее время вы, безъ сомнѣнія, имѣли на него вліяніе. Въ немъ есть, или, по крайней мѣрѣ, былъ до послѣдняго времени отпечатокъ вашей смѣлости, хотя онъ далекъ отъ широты вашего міросозерцанія. Его докторская диссертация очень дѣльная работа.

Карено. Я еще не читалъ ея.

Профессоръ. Она печатается. Да, совѣтъ профессоровъ ее одобрилъ. Въ ней большое чувство мѣры и благоразумія; вы не узнаете его. Полный переворотъ.

Карено. Переворотъ?

Профессоръ. Да, кажется, это можно такъ назвать. Полный переворотъ по сравненію съ прошлымъ. (Улыбается) Йервена нельзя было считать благоразумнымъ. Но теперь онъ, видимо, одумался. О, Йервень добьется своего. Черезъ нѣсколько дней онъ докторъ и дѣлается стипендіатомъ. Это принадлежитъ ему по праву. Въ концѣ концовъ вамъ, Карено, также не мѣшаетъ подумать о стипендіи. Почему вы не сядете? (Даетъ мѣсто) Мѣста хватить обоимъ.

Карено (кланяется. Садится на край стола, кладетъ свою шляпу).

Профессоръ. Я читалъ вашу послѣднюю работу. И долженъ сознаться, что очень цѣню ваше дарованіе. Сегодня утромъ я показалъ вашу работу профессору Валю и сказалъ:—«Со временемъ онъ будетъ нашимъ коллегой».

Карено (дѣлаетъ движеніе).

Профессоръ. Да, это надо признать за вами. Ваши способности должны быть оцѣнены. Разумѣется, я съ вами несогласенъ во многихъ вашихъ нападкахъ на Стюарта Милля и (улыбаясь) и на меня. Кажется, вы не совѣмъ насъ поняли. Это часто бываетъ.

Карено. Я писалъ въ свободное время; моя работа не можетъ считаться законченной.

Профессоръ. Ну, да, я это понимаю. (Осматривается) Да, у васъ, дѣйствительно, здѣсь очень удобно и уютно... Что это (показываетъ) тамъ на деревѣ? (Встаетъ и идетъ, указывая).

Карено. Это ракетныя трубки. Остатки сожженного фейерверка. Сохранилось отъ прежняго жильца. Я такъ ихъ и оставилъ.

Профессоръ. Кто здѣсь жилъ?

Карено. Поэтъ Иргенсъ.

Профессоръ (осматривая). Много красоты въ такомъ искусствѣнномъ свѣтѣ. Много яркихъ красокъ. (Возвращается къ скамьѣ и садится) Гм... Не обижайтесь, если я, какъ старшій, позволю себѣ вамъ дать нѣсколько добрыхъ совѣтовъ. Если бы я въ молодости встрѣтилъ помощь со стороны опытнаго человѣка, она была бы мнѣ очень полезна. Но помощь пришла тогда, когда я успѣлъ уже сбиться съ дороги. Такъ почти всегда бываетъ. Вотъ я и рѣшилъ зайти къ вамъ сегодня (смотреть на часы) на нѣсколько минутъ. Жаль, если ваше дарованіе не будетъ оцѣнено, и я буду считать себя отвѣтственнымъ, если вамъ не удастся устроиться.

Карено. Очень любезно, господинъ профессоръ, что вы обо мнѣ вспомнили.

Профессоръ. Видите ли, Карено, я теперь пользуюсь, не скажу, извѣстнымъ вліяніемъ, — конечно, этого нѣтъ, — но извѣстнымъ именемъ и вѣсомъ. Во всякомъ случаѣ, мои противники относятся ко мнѣ недостаточно справедливо. Я либеральный и современный человѣкъ, ученикъ свободныхъ англійскихъ мыслителей, а многимъ это кажется даже слишкомъ радикальнымъ. Въ концѣ концовъ у меня все же есть маленькое имя и положеніе. Мнѣ кланяются на улицѣ и считаются съ моимъ мнѣніемъ. За границей я также не совсѣмъ неизвѣстенъ. Но такъ было не всегда. Я тоже былъ молодъ, слишкомъ молодъ; когда я былъ въ вашемъ возрастѣ, я хотѣлъ дѣлать то же, что вы теперь; прежде всего мнѣ хотѣлось на что-нибудь напасть. (Смѣется) И именно мнѣ хотѣлось напасть на классиковъ. Да, теперь я смѣюсь, но тогда я искренно вѣрилъ, что эти старички не совсѣмъ заслужили свою славу. Молодозелено. Какъ вы думаете, сколько мнѣ тогда было лѣтъ?

Карено (хочетъ отвѣчать).

Профессоръ. Двадцать девять. Да, судите сами. Я почти склонялся къ той мысли, что классиковъ, какъ поэтовъ и какъ носителей культуры, въ наше время не слѣдуетъ печатать. Впослѣдствіи я, слава Богу, лучше разглядѣлъ ихъ значеніе. Я говорилъ, что эти старые писатели были хороши въ свое время. Но ихъ произведенія, — говорилъ я, — въ смыслѣ художественномъ и въ смыслѣ духовнаго содержанія ниже произведеній современныхъ писателей. Въ то время я былъ совершенно слѣпъ къ вѣчной красотѣ классиковъ. А что они значили, какъ вожди культуры? Ученіе Аристотеля о самозарожденіи насѣкомыхъ изъ пота животныхъ, утвержденіе Вергилія, что пчелы рождаются во внутренностяхъ гниющихъ жи-

вотныхъ, мнѣніе Гомера, что больные люди одержимы демонами, мысль Плинія лѣчить пьяницъ совиными яйцами,—все это и многое другое казалось мнѣ смѣшнымъ, ужасно смѣшнымъ. Теперь, конечно, я въ особой статьѣ могъ бы перевозносить классиковъ именно за это. Они классиками остались, и я глубже смотрю на вещи. Не знаю, читали ли вы эту мою работу?

Карено. Конечно.

Профессоръ. Юношескій бредъ. Я вспоминаю это, какъ при-мѣръ того, что и я пережилъ переходное время и шелъ напроломъ. (Смѣется) Ясно помню, какъ я показалъ свою книгу профессору Валу. Мы тогда оба были молоды.—«Вотъ низверженіе классиковъ»,—сказалъ я. Онъ просмотрѣлъ книгу и сказалъ:—«Знаешь, кого ты изъ нихъ пощадилъ, Гюллингъ?»—«Нѣтъ»,—отвѣтилъ я.—«Никого», сказалъ онъ. (Смѣется) Я ясно помню, какъ онъ сказалъ это. Да, много воды утекло, и вы теперь, Карено, переживаете то, что я тогда. Простите, если я вамъ прямо это говорю. Мы, мыслители, можемъ съ глазу на глазъ быть откровенны. Но, милый Карено, надѣньте же шляпу.

Карено (надѣваетъ шляпу).

Профессоръ. Я совсѣмъ не замѣтилъ, что вы безъ шляпы. Да, вы переживаете то, что я тогда. Только вы болѣе рѣзки въ своихъ мнѣніяхъ и словахъ. Конечно, вы съ полнымъ правомъ можете возразить, что я дѣлалъ то же, что вы теперь. Но вы должны согласиться, что въ нападкахъ на величайшихъ современныхъ мыслителей больше, какъ бы это сказать, ну... юношескаго, чѣмъ въ нападкахъ на старыхъ поэтовъ. То, что вы подвергли меня критикѣ, нисколько не мѣшаетъ мнѣ видѣть и цѣнить ваши большія способности; надѣюсь, вы это видите. Но когда вы падаете на Спенсера и Милля, этихъ обновителей всего нашего мышленія, когда вы называете ихъ самыми заурядными умами, то, несмотря на все мое расположеніе, мое отношеніе къ вамъ, какъ къ мыслителю, начинаетъ колебаться.

Карено (запинаясь). Простите, господинъ профессоръ, я не говорилъ, что эти два англичанина самые заурядные умы. Это недоразумѣніе; я говорилъ о нихъ, какъ о достойныхъ уваженія и знающихъ ученыхъ, которые собрали и систематизировали много фактовъ.

Профессоръ. Это одно и то же.

Карено. Я хотѣлъ подчеркнуть разницу между понятіями «знать» и «постигать»,—между крѣпкой, выносливой головой школьника, заучивающей множество вещей, и мыслителями, созерцателями.

Профессоръ. Я либераленъ, насколько это возможно, и люблю молодежь, потому что самъ былъ молодежь. Но молодежь не должна переступать извѣстныхъ границъ. Нѣтъ, этого она не должна дѣлать. Извѣстныхъ границъ разума. Да и къ чему? Тотъ, на кого нападаютъ, стоитъ непоколебимо, а нападающій только вредитъ самому себѣ.

Карено. Но, господинъ профессоръ, если такъ рассуждать...

Профессоръ. Да, дорогой Карено, я говорю вообще. Настанетъ день, когда вы согласитесь со мной. Современная англійская философія не только «чудовищная гора школьной мудрости», какъ вы выражаетесь. Весь свѣтъ живетъ ею. Всѣ мыслители вѣрятъ въ нее. Суть философіи не въ остроуміи, а грубость она совершенно игнорируетъ. Карено, бросьте все это. Я совѣтую вамъ подождать, пока ваши взгляды не созрѣютъ и не придутъ въ ясность. Съ годами является мудрость.

Карено. Я думаю, что если не сказать этого въ юности, то ужъ никогда не скажешь.

Профессоръ. Вы такъ думаете?

Карено. Да. Подступаетъ старость, пятьдесятъ лѣтъ; рядъ соображеній, міросозерцаніе старика...

Профессоръ. Такъ оставьте это невысказаннымъ. Оно и останется невысказаннымъ. Міръ отъ этого не рухнетъ. Или вы думаете, что человѣчество дѣйствительно вздыхаетъ по вашей послѣдней работѣ?

Карено (дѣлаетъ движеніе).

Профессоръ. Если вы подумаете, то согласитесь со мной. (Роеся [въ карманахъ]) Впрочемъ, я кое-что записалъ изъ вашего... изъ вашего... интересно знать, дѣйствительно ли вы такъ думаете. (Вынимаетъ нѣсколько листовъ) Вотъ это. (Ищетъ пенсне) Вы насмѣхаетесь надъ англійцами за ихъ гуманизмъ, за ихъ «такъ называемый гуманизмъ», какъ вы выражаетесь. Вы осуждаете современное сочувственное отношеніе къ рабочимъ и находите это нелѣпымъ. (Читаетъ) «Въ связи съ этимъ...» (Снова ищетъ пенсне) У меня было... гдѣ же это?..

Карено. Пенсне? Пожалуйста. Здѣсь. (Находитъ его на груди у профессора).

Профессоръ. А!.. Спасибо. (Читаетъ) «Въ связи съ этимъ надо указать на другое явленіе: современное сочувственное отношеніе къ рабочему, которое въ наши дни смѣнило распространившійся въ нѣкоторыхъ странахъ около середины этого столѣтія культъ крестьянства. Ни одно правительство, ни одинъ парламентъ, ни одна газета не упускаютъ случая»... да... (Пропускаетъ нѣсколько строкъ) «И нашъ либеральный про-

фессоръ Гюллингъ потратилъ много силъ и таланта на защиту рабочаго дѣла. (Пропускаетъ) Рабочіе потеряли значеніе не только какъ двигательная сила, но и какъ соціальный классъ. Что же дѣлають правительство, парламенты и газеты?» (Пропускаетъ) Да, вотъ это. (Повышаетъ голосъ) «Когда они были рабами, — рѣчь идетъ о рабочихъ, а вы ихъ называете рабами, — когда они были рабами, они имѣли опредѣленныя обязанности; они работали. Теперь вмѣсто нихъ работаютъ машины, при помощи пара, электричества, воды и вѣтра, и такимъ образомъ рабочіе становятся все болѣе и болѣе лишними на землѣ. Рабъ превратился въ рабочаго, рабочій въ паразита, у котораго отнынѣ нѣтъ опредѣленнаго мѣста на землѣ. И этихъ существъ, ставшихъ совершенно бесполезными, государство стремится сдѣлать политической партіей. Господа, разговаривающіе о гуманизмѣ, вы не должны нѣжничать съ рабочими; напротивъ, вы должны насъ охранять отъ нихъ, мѣшать ихъ распространенію, вы должны истребить ихъ»... Дальше вы это развиваете подробнѣе. (Смотритъ на него поверхъ пенсне) Это дѣйствительно ваше мнѣніе?

Карено. Да.

Профессоръ. Дѣйствительно ваше мнѣніе? Вы рекомендуете высокій налогъ на хлѣбъ, чтобы поддержать крестьянина и уморить голодомъ рабочаго. (Снимаетъ пенсне) Неужели вы не читали того, что мы на эту тему писали?

Карено (хочетъ отвѣтить).

Профессоръ. Я могу вамъ прислать по этому вопросу до шести собственныхъ сочиненій, большихъ и мелкихъ.

Карено. Я ихъ читаль.

Профессоръ. Вы ихъ читали?

Карено. Да.

Профессоръ. Трудно повѣрить. Положительно трудно. (Указываетъ на бумаги) Когда я все это прочелъ, я сказалъ себѣ: «И это написалъ мой ученикъ». Да, я сказалъ такъ, потому что мнѣ дѣйствительно тяжело было видѣть это. (Въ другомъ тонѣ) Конечно, можно Богъ знаетъ до чего дойти, почему же нѣтъ? Но вы, Карено, слишкомъ добры для этого. Разумѣется, вы не привыкли къ тому, чтобы васъ слушали; надъ вашими словами только издѣвались, лишали васъ того вниманія, которое вы заслуживаете. Вы словно глухой стѣнѣ говорили. Поэтому у васъ явилось желаніе кричать, высказывать крайнія мнѣнія и вообще все утрировать. Это вполне понятно.

Карено. Возможно, что вы правы, господинъ профессоръ, и это имѣло извѣстное вліяніе, но...

Профессоръ. Не правда ли? Все-таки имѣло вліяніе. Я себя

ставлю на ваше мѣсто. Но вѣдь нетрудно добиться необходимаго сочувствія. Здѣсь многое зависитъ отъ васъ самихъ. Вы найдете вашу аудиторію. Смѣю утверждать, что, если вы поставите себѣ правиломъ подождать нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ на что-либо напасть, то вообще оставите нападки и найдете для вашихъ мирныхъ работъ сочувствующихъ и расположенныхъ читателей.

Карено. Вы, конечно, не думаете, господинъ профессоръ, что...

Профессоръ. Поясню то, что хотѣлъ сказать. Простите, что долженъ васъ прервать, но у меня мало времени. (Смотритъ на часы) Ну, еще двѣ минуты... Я, изволите видѣть, не запрещаю людямъ имѣть мнѣніе. Разумѣется, это шло бы въ разрѣзъ со всѣмъ моимъ мировоззрѣніемъ. Но есть мнѣніе и мнѣніе. Одно дѣло — быть молодымъ и подчиняться своему темпераменту, а другое — давать каждой мысли созрѣть въ твердое убѣжденіе. Да, да, въ твердое убѣжденіе. Никто не является на свѣтъ зрѣлымъ. Но зрѣлость мысли надо развивать въ себѣ. Она наступаетъ при извѣстномъ возрастѣ... Я васъ очень прошу подумать обо всемъ этомъ. Мы, конечно, еще встрѣтимся. И если вы хотите меня навѣстить — милости просимъ. Я буду очень радъ васъ видѣть. (Собираетъ листки и прячетъ ихъ).

Карено (встаетъ).

Профессоръ (протягиваетъ ему черезъ столъ руку). Очень радъ буду васъ видѣть. Я много отъ васъ жду, Карено, и если вы не будете уклоняться отъ своего пути, дѣлать то, что должны дѣлать, то... Конечно, я могу говорить только за себя, не за другихъ; но отъ насъ, отъ вашихъ коллегъ, вы, разумѣется, тогда въ правѣ получить ту поддержку, которой заслуживаете. (Встаетъ).

(Элина скрывается въ дверяхъ веранды).

Профессоръ (указываетъ на рукописи, лежащія на столѣ). Вы заняты большой работой?

Карено. Да, она неожиданно разрослась. Я работаю надъ послѣдней частью.

Профессоръ. У васъ уже есть издатель? Или вы опять будете печататься въ Германіи?

Карено. Нѣтъ. Я надѣюсь устроиться съ вашимъ издателемъ, господинъ профессоръ.

Профессоръ (изумленно). Вотъ какъ? Вы говорили съ нимъ?

Карено. Да. Онъ хочетъ познакомиться съ рукописью.

Профессоръ. Вотъ какъ. (Задумывается) Да, хорошо, принесите ему рукопись. Если я могу тамъ быть вамъ полезнымъ — я къ вашимъ услугамъ.

Карено (искренно). Это слишком любезно, но я был бы вамъ очень благодаренъ, господинъ профессоръ, потому что сейчасъ я нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи.

Профессоръ. Понимаю. Я къ вашимъ услугамъ, и если дѣло идетъ о маленькомъ авансѣ, то мой издатель въ этомъ отношеніи пойдетъ вамъ навстрѣчу. Впрочемъ, простите, если я объ этомъ говорю.

Карено. Да. Авансъ былъ бы очень кстати.

(Элина снова показывается).

Профессоръ. Гм... Суть въ томъ, что вамъ придется немного пересмотрѣть вашу работу. Я, впрочемъ, не знаю, что вы тамъ написали, но на основаніи того, о чемъ мы сейчасъ говорили, вы понимаете... Во всякомъ случаѣ, пересмотрѣть никогда не мѣшаетъ. Ну, это вы сами увидите. Я предоставляю это вамъ. Вполнѣ предоставляю вамъ. Итакъ, я сдѣлаю все, что могу. (Осматривается и что-то ищетъ).

Карено. Вы что-то потеряли, господинъ профессоръ?

Профессоръ. У меня была палка.

Карено. Она у васъ въ рукѣ, господинъ профессоръ.

Профессоръ. Да, правда. (Оглядывается).

(Элина быстро исчезаетъ).

Профессоръ. У васъ здѣсь необыкновенно тихо. Никакихъ шарманокъ, почти не слышно экипажей. (Собирается уходить) Вы занимаете весь домъ?

Карено. Да, до сихъ поръ занимали.

Профессоръ. Такъ вы думаете переѣхать? (Останавливается у лѣстницы) Итакъ, до свиданія, милый Карено. (Подаетъ ему руку) Простите старика, которому вздумалось васъ навѣстить.

Карено (снимаетъ шляпу). Вы оказали мнѣ большую честь. Благодарю васъ, господинъ профессоръ, за вашу любезность.

Профессоръ. Такъ вотъ возьмите вашу рукопись и еще разъ пересмотрите. Срѣжьте всѣ дикіе побѣги. Обрадуйте старика! Я вамъ желаю добра и принимаю искреннее участіе въ вашей судьбѣ.

(Оба уходятъ. Слышно, какъ профессоръ еще разъ прощается. Садовая калитка открывается и захлопывается. Карено медленно возвращается. Его жена быстро сходитъ съ веранды).

Элина. Это былъ профессоръ Гюллингъ?

Карено. Да.

Элина. Значитъ, я была права. Онъ пришелъ самъ.

Карено. Да. Какъ тебѣ нравится? Я не могъ себѣ этого представить! И что онъ тутъ говорил!

Элина. Я почти все слышала. Я не могла удержаться, Иваръ. Я стояла въ дверяхъ веранды.

Карено (улыбаясь). Ты стояла въ дверяхъ веранды?

Элина. Да, почти все время. Онъ не замѣтилъ меня, повѣрь. Вы оба меня не замѣтили. Я вижу, что ты чѣмъ-то доволенъ, Иваръ.

Карено (улыбаясь). Ты это видишь?

Элина. Я слышала, какъ онъ назвалъ тебя и себя самого — мыслителями.

Карено. Да, назвалъ.

Элина. А другой разъ онъ назвалъ тебя коллегой.

Карено. Да, онъ вообще былъ необыкновенно любезенъ.

Элина. И теперь ты радъ, не правда ли?

Карено. Конечно. Я не отрицаю, что это произвело на меня впечатлѣніе. Удивительно! Самъ профессоръ Гюллингъ сидѣлъ здѣсь и говорилъ со мной. Это вообще не такіе пустяки, какъ кажется.

Элина. Ты думаешь, я этого не понимаю? (Подпрыгиваетъ нѣсколько разъ) Я совсѣмъ съ ума сошла отъ радости. Я такъ горда, что... (Беретъ его руку) Мыслитель! Но я тоже хочу чѣмъ-нибудь заняться.

Карено. Ты хочешь заняться чѣмъ-нибудь?

Элина. Знаешь, что я сдѣлаю? (Пристально смотреть на него) Я откажу Ингеборгъ.

Карено. Чтò?

Элина. Откажу Ингеборгъ.

Карено. Ты хочешь?

Элина. Мнѣ кажется, тебѣ это неприятно. Ты измѣнился въ лицѣ!

Карено. Съ какой стати?

Элина. Я это сдѣлаю. Она мнѣ мѣшаетъ. (Обнимаетъ его) Я хочу, чтобы во всемъ домѣ мы были совершенно одни. Понимаешь? Здѣсь никто не долженъ жить, кромѣ тебя и меня.

Карено. Это твоя самая смѣшная фантазія.

Элина. Но если ты такъ боишься ее отпустить, то...

Карено. Я — боюсь? Но кто же будетъ прислуживать? Ты объ этомъ подумала?

Элина. Я, я буду. Такимъ образомъ мы сэконоимъ ея жалованіе. (Прижимаетъ его къ себѣ).

Карено. Но... но, Элина! (Освобождается и смотреть на нее) Ты это серьезно говоришь, Элина? Это дѣйствительно очень мило съ твоей стороны. Боже мой, я былъ бы тебѣ такъ благодаренъ, если бы ты попробовала. Если не справишься, то... (Обрываетъ).

Элина. Конечно, справлюсь.

Карено. Это временно. Пока я не кончу своей работы. Потомъ мы ее снова возьмемъ.

Элина. Да. Но лучше возьмем другую. Вѣдь ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы разстаться съ Ингеборгъ?

Карено. Нѣтъ... Почему же? Милая моя, ты ходишь около меня и тихо мнѣ помогаешь.

Элина. О, я вижу, что ты доволенъ, потому что ты очень рѣдко такъ говоришь со мной. (Внезапно бросается ему на грудь) Мнѣ кажется, что я могла бы...

Карено. Элина, что съ тобой?

Элина (отходя отъ него). Фуй, стыдись, Иваръ; ты подумалъ что-то.

Карено. Я? Подумалъ что-то? Нѣтъ. Но...

Элина. Да. А если даже подумалъ—все равно. (Прыгаетъ).

Карено. Я радъ, что ты такая веселая. Послушай, что это у тебя за башмаки?

Элина. Посмотри самъ.

Карено (смотреть). Туфли.

Элина. Перестань!

Карено (поднимаетъ край ея платья). Да, конечно, это туфли.

Элина (оглядываясь). Подумай, если кто-нибудь увидитъ тебя?

Карено (не понимая). Увидитъ меня? Что жъ такое?.. Послушай, Элина, я думаю о его словахъ объ издателѣ. Онъ сказалъ, что хочетъ поговорить съ издателемъ.

Элина (снимаетъ туфлю и ударяетъ его по щекѣ). Я тебѣ покажу, въ какихъ башмакахъ я прыгаю.

Карено. Элина, оставь наконецъ эти шутки.

Элина. Нѣтъ, Иваръ, я не оставлю.

Карено. Но, но... Онъ сказалъ, что хочетъ поговорить съ издателемъ.

Элина. Кто хочетъ поговорить съ издателемъ?

Карено. Профессоръ, конечно. Развѣ ты не слышала?

Элина. Нѣтъ.

Карено. Значитъ, ты не слышала главнаго? Онъ хочетъ мнѣ помочь, такъ онъ сказалъ, получить авансъ.

Элина. Правда? Этого я не слышала. Онъ сказалъ, что хочетъ тебѣ помочь?

Карено. Да. А это все равно, какъ будто авансъ уже въ моихъ рукахъ. Но затѣмъ слѣдуетъ обстоятельство, которое, безспорно... то, что онъ сказалъ въ концѣ.

Элина. Что же?

Карено. Онъ говорилъ о томъ, что мнѣ надо немного передѣлать свою работу.

Элина. Да, но это вѣдь...

Карено. Въ этомъ вся суть, Элина. Мнѣ это очень трудно сдѣлать. Но, пожалуйста, не огорчайся. Онъ это сказалъ

вскользь, въ самомъ концѣ. Передѣлать мою книгу—это значитъ написать ее всю заново.

Элина. Нѣтъ. Этого онъ не можетъ требовать.

Карено. Онъ и не требуетъ. Онъ сказалъ: немного пере-смотреть. Но книга написана такъ, что это невозможно. Не думай, что я говорю это изъ упрямства или упорства, и не разстраивай себя. Авансъ я и такъ получу. Даже если профессоръ Гюллингъ мнѣ не поможетъ.

Элина. Да, позволь ему помочь тебѣ! Ты тогда будешь спокойнѣе. Подумай только, если мы наконецъ...

Карено. Тс... не говори объ этомъ. Ты полагаешь, что я забываю объ описи? Тогда мы могли бы здѣсь жить дальше. Въ этомъ тихомъ, старомъ, желтомъ домѣ.

Элина (беретъ его за руку). Да. Вдвоемъ.

Карено. Ахъ, Элина, дѣло не въ моей доброй волѣ, повѣрь.

Элина. Я понимаю.

Карено (обнимаетъ ее). Элина, ты сегодня такъ добра! Я тебя люблю.

Элина. Да, правда? Мнѣ больше ничего не нужно.

Карено. А теперь иди. Я долженъ работать.

Элина. Нѣтъ, позволь мнѣ еще остаться. Будемъ немного веселиться, потому что все устраивается.

Карено (неожиданно обнимаетъ ее) Послушай, иди. Я долженъ сегодня написать еще главу. (Снова гдѣлуетъ ее) Когда ты здѣсь, я теряю всѣ мои мысли. Иди. А то...

Элина (улыбаясь). А то?

Карено. Нѣтъ, я не скажу

Элина. А то?

Карено. А то я ничего не напишу, ты это знаешь.

Элина. Все равно скоро стемнѣетъ, Иваръ.

Карено. Стемнѣетъ только черезъ два часа.

Элина. Два часа, да. Но работать тебѣ, пожалуй, не удастся.

Карено. Но я долженъ работать.

Элина. И становится холодно.

Карено (не отвѣчаетъ, раскладываетъ свои бумаги).

Элина. Иваръ, налить твою лампу?

Карено. Пожалуйста.

Элина. И не трогать твоихъ бумагъ?

Карено. Нѣтъ. Но почему ты не уходишь? Я такой сумасшедшей женщины никогда не видѣлъ. (Ведетъ ее къ хѣстницѣ) Ну, до свиданья. (Освобождается и идетъ къ столу).

Элина. Иваръ, я буду трогать всѣ твои бумаги.

Карено (перелистываетъ рукопись и не отвѣчаетъ).

Элина. Я ихъ всѣ разбросаю. Мнѣ этого страшно хочется.

(Смѣется) Войди и увидишь самъ, что я сдѣлаю. (Уходитъ и запираетъ дверь).

Карено (закуриваетъ трубку. Садится, беретъ перо, задумывается. Прохаживается по дорожкѣ, садится опять, перечитываетъ рукопись и что-то пишетъ).

Элина (въ дверяхъ веранды). Коллега! (Смѣется) Послушай, коллега! Что я тамъ сдѣлала съ бумагами!

Карено (махнетъ рукой).

Элина (уходитъ въ домъ).

Карено (внезапно встаетъ). Нѣтъ! (Ходитъ по дорожкѣ) Нѣтъ, говорю я.

Элина (выходя изъ дверей веранды, тихо и нѣжно). Иваръ, я только хотѣла сказать, что тамъ ничего не трогала.

Карено (не подымая глазъ). Что? (Быстро подходитъ къ столу и зачеркиваетъ только-что написанное).

Элина. Мнѣ такъ хотѣлось бы побыть съ тобой!

Карено (смотреть, зоветь). Элина! Изъ моей передѣлки ничего не выходить.

Элина (сходя съ веранды). Изъ чего не выходить?

Карено. Изъ передѣлки. Профессоръ не могъ думать, что я это сдѣлаю.

Элина. Значить, ты не можешь передѣлать?

Карено (качаетъ головой). Какъ я напишу, такъ и останется.

Элина. Останется?

Карено. А то, что я напишу дальше, тоже останется.

Элина. Иваръ, ты раньше сказалъ, что сдѣлаешь все, что отъ тебя зависитъ.

Карено. Ты полагаешь, что я не думалъ объ этомъ? Мнѣ казалось, что это возможно. Я радовался этой возможности, потому что тогда мы были бы спасены. Вотъ я написалъ три строчки. Видишь? (Показываетъ рукопись) Этими тремя строчками я отрицаю двадцать главъ моей книги. (Бросаетъ бумагу) Нѣтъ! Такой комедіи я играть не буду.

Элина (садится на скамью, опечаленная). Но ты думаешь все-таки получить авансъ?

Карено. Я не понимаю, какъ профессоръ Гюллингъ могъ предложить мнѣ передѣлать рукопись.

Элина. Вѣроятно, ему стало насъ жаль, и онъ хотѣлъ намъ помочь.

Карено. Съ тѣмъ же успѣхомъ онъ могъ предложить мнѣ написать то, чего я не думаю.

Элина. Да, да. Профессоръ хотѣлъ тебѣ добра. Онъ самъ это говорилъ.

Карено (смотреть на нее). Ты снова приуныла, Элина.

Элина (молчить).

Карено. Еще ничего не потеряно. Я завтра утромъ отнесу рукопись.

Элина. Ахъ, ты увидишь: насъ опишутъ.

Карено. Нѣтъ, говорю я. Я совершенно увѣренъ, что мы этого избѣгнемъ.

Элина (уныло). Впрочемъ, не это одно. Все вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Мы совсѣмъ нищѣ. Напримѣръ, какъ ты одѣтъ?

Карено. Одѣтъ? Но это же неправда, Элина! У меня вѣдь есть еще одинъ костюмъ. Великолѣпный костюмъ.

Элина. Можетъ-быть... Значить, ты будешь писать, какъ прежде?

Карено. Да, какъ прежде.

Элина. И противъ профессора Гюллинга?

Карено. Противъ профессора Гюллинга и другихъ. Когда-нибудь я найду своихъ слушателей.

Элина. Да, конечно, когда-нибудь.

Карено. Ничего не подѣлаешь. Не стѣдить объ этомъ говорить.

Элина. А мнѣ казалось, что становится уже немного легче. Я была такъ рада, что... Нѣтъ, все останется попрежнему. (Закрываетъ лицо руками).

Карено. Элина, ты должна сдѣлать такъ, какъ я раньше говорилъ. Поѣзжай къ родителямъ, пока не пройдетъ кризисъ.

Элина (встаетъ). Ты снова это предлагаешь. Удивительно, какъ ты стараешься освободиться отъ меня. Можетъ-быть, у тебя есть на то тайная причина?

Карено. Тайная причина?

Элина. Не знаю. Но ты вѣдь знаешь мое рѣшеніе. Я не уѣду.

Карено. Нѣтъ, нѣтъ. Значить, нечего дѣлать. Сегодня весь день пропалъ. Я могъ бы много успѣть. Но главу я долженъ кончить. (Садится, собираясь работать).

Элина (подходить къ нему). Я понимаю, въ чемъ дѣло. Ты меня больше не любишь, Иваръ. Въ этомъ все дѣло. Ты только-что сказалъ, что любишь меня. А я говорю тебѣ, что это неправда. Я вижу это во всемъ, даже въ мелочахъ. И не съ сегодняшняго дня. Ты для меня ничего не хочешь сдѣлать. Ты не интересуешься тѣмъ, что у меня на душѣ. Ты все пишешь и пишешь, а наше положеніе становится все хуже и хуже. Въ довершеніе всего ты хочешь отъ меня избавиться.

Карено (вставъ). Мнѣ кажется, ты сошла съ ума. Я тебя не люблю?

Элина. Нѣтъ, не любишь. Иначе ты не былъ бы такимъ. Но не переходи границъ, Иваръ, потому что совсѣмъ не рѣ-

шено, что я не уйду отъ тебя. Я только это хотѣла сказать. (Уходитъ).

Карено. Ты второй разъ сегодня шутишь этимъ, Элина; что значить: не рѣшено, что ты не уйдешь отъ меня?

Элина (на лѣстницѣ веранды). Это ты увидишь! (Выходитъ, запираетъ дверь).

Карено (неподвижно смотреть ей вслѣдъ, садится, беретъ перо).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Карено. Въ глубинѣ дверь на улицу. Надъ этой дверью въ стѣнѣ торчитъ крюкъ. Налѣво стеклянная дверь на веранду и дверь въ спальню. Между ними этажерка. На ней, въ числѣ другихъ вещей, два подсвѣчника. Направо большой рабочій столъ Карено, съ множествомъ бумагъ и книгъ. Совсѣмъ назади, по той же сторонѣ дверь въ кухню. Диванъ, нѣсколько столовъ, стульевъ, зеркало въ позолоченной рамѣ. Все очень убого. На полу отъ двери наискось положенъ длинный, узкій коверъ. Иваръ Карено сидитъ и работаетъ при свѣтѣ лампы. Элина тихо входитъ изъ кухни, ставитъ зажженную лампу на круглый столъ, владетъ свою работу и опять тихо уходитъ.

Стучать въ заднюю дверь. Потомъ еще разъ, сильнѣе.

Карено. Войдите.

Докторъ Йервенъ (блѣдный господинъ 27 лѣтъ, съ темными волосами и бородой, входитъ, въ сопровожденіи Говиндъ, двадцатилѣтней дѣвушки, брюнетки, и Эндрэ Бондесена; послѣдній тридцати пяти лѣтъ, сытый, темный блондинъ, усы, пенсне; модно и элегантно одѣтый. Въ дверяхъ слышенъ голосъ Йервена). Конечно, дома. Прошу. Дамы впередъ.

Карено (поднимается, удивленный). Какъ? Йервенъ? (Кладетъ перо).

Йервенъ. Именно. И-мен-но. Добрый вечеръ. (Знакомитъ) Моя невѣста, а этого ты знаешь.

Карено. Какъ это любезно! Садитесь. (Къ Говиндъ) Пожалуйста, садитесь.

Йервенъ. Госпожи Карено нѣтъ дома?

Карено. Дома. Она на кухнѣ. Я сейчасъ... (Открываетъ дверь и зоветъ) Элина! (Та отвѣчаетъ) Гости пришли. Милые гости. Что?.. Только скорѣе. (Закрываетъ дверь) Право, это очень мило. (Къ Говиндъ) Благодарю васъ, что заглянули къ намъ. Вѣдь это довольно далеко.

Говиндъ. Да, я живу внизу, въ городѣ.

Йервенъ. Но мы рѣшили основательно помѣшать тебѣ.

Карено. И прекрасно. Я такъ усталъ. Превосходно... Ты, конечно, знаешь, что вчера здѣсь былъ профессоръ Гюллингъ?

Йервенъ. Конечно, знаю. Объ этомъ идутъ всевозможные толки. Послѣ его ухода ты послалъ ему рѣзкое письмо?

Карено. Нѣтъ. Это неправда. Я только защищался. Я написал то, чего не успѣлъ высказать въ разговорѣ. Нѣсколько словъ.

Йервень. Да, объ этомъ говорить. А книга подвинулась?

Карено. Три четверти ея сегодня утромъ я отнесъ къ издателю. Посмотримъ, возьметъ ли онъ ее. Онъ обѣщаль дать отвѣтъ черезъ нѣсколько дней. А ты уже докторъ. Поздравляю.

Йервень (съ напускной веселостью). О, да, конечно. Я уже докторъ. Я такъ счастливъ. Хо-хо!

Элина (входитъ). Вотъ пріятная неожиданность!

Йервень (ей навстрѣчу). Добрый вечеръ! Простите, что пришли. Но долго мѣшать мы не будемъ. И не нагонимъ скуки; мы всѣ народъ веселый.

Элина. Это правда. Милости просимъ.

Йервень (представляетъ). Итакъ, прошу вниманія, госпожа Карено. Это моя невѣста. Ее зовутъ Наталія Говиндъ. Но, такъ какъ мы съ ней большіе друзья, я называю ее просто Натали. Ей это больше нравится.

Говиндъ (слегка ударяя его). Лгунишка!

Йервень (представляетъ дальше). Вотъ это совсѣмъ другой экземпляръ, по имени Эндрэ Бондесень. Какъ видите, мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ. Какъ вы не видите, — интересуется рѣшительно всѣмъ. Въ настоящее время его мысли заняты тѣмъ, къ лицу ли ему полосатые брюки.

Бондесень. Ты рѣшилъ сегодня быть злымъ.

Элина. О, нѣтъ, Йервень никогда не бываетъ злымъ. Онъ приноситъ съ собой столько радости, что...

Йервень. Радости? Благодарю васъ.

Бондесень. Въ послѣднее время онъ сдѣлался очень злымъ. Онъ сердится на всѣхъ и даже на самого себя. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

Говиндъ. На меня онъ не сердится.

Элина (къ ней). Не снимете ли вы шляпу и кофточку?

Говиндъ (снимаетъ).

Элина (садится рядомъ).

Карено. Господа, снимите ваши пальто. (Мужчины снимаютъ. Бондесень садится къ дамамъ).

Йервень. Ну, конечно, Бондесень уже присосѣдился. Онъ въ васъ влюбился, госпожа Карено. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но не довѣряйте ему, потому что его страсть длится только двадцать четыре часа. Она исчезаетъ въ одинъ день.

Элина (смѣется). Я постараюсь сдѣлать такъ, чтобы она длилась дольше.

Бондесень. Благодарю васъ.

Элина (бросая взгляд на Карено). Не знаю, за что вы меня благодарите.

Бондесень. За то, что вы такъ прекрасно ему отвѣтили.

Элина. А! Я думала, за то, что хотѣла продлить вашу страсть.

Бондесень. Это не стоило бы вамъ большого труда.

Элина. Я думаю, вы все-таки изъ тѣхъ, кого трудно удержатъ.

Карено (къ Йервену). Профессоръ вчера очень тепло отвѣчалъ о тебѣ.

Йервень (коротко). Да?

Карено. И хвалилъ твою диссертацию. Но онъ сказалъ, что... я его не совсѣмъ понялъ—о какомъ-то переворотѣ въ тебѣ, о полномъ переворотѣ.

Йервень (вздрагиваетъ). Переворотъ?

Карено. Онъ сказалъ, полный переворотъ.

Йервень. Какой переворотъ? Я не понимаю... Что онъ этимъ думалъ?..

Карено. Я не успѣлъ спросить.

Йервень. Не знаю ни о какомъ переворотѣ.

Карено. Ну, разумѣется. Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду тонъ твоей работы. Изложеніе стало спокойнѣе.

Говиндь. Надѣюсь, другой перемены въ тебѣ нѣтъ? Что, Карстенъ?

Йервень. Насколько я знаю—нѣтъ.

Говиндь. Надѣюсь.

Йервень (раздраженный). Не будемъ говорить объ этомъ. Уф!

Бондесень. Вотъ видите. Онъ теперь не щадитъ самого себя.

Йервень. Впрочемъ, профессоръ Гюллингъ,—не хочу объ этомъ говорить; онъ либераленъ и гуманенъ. (Обращаясь къ Карено) Э... гуманенъ, что? Онъ такъ высоко цѣнитъ людей, видитъ въ нихъ, какъ онъ выражается, «начала добра», охотно выслушиваетъ возраженія и готовъ съ ними согласиться. Да, гуманенъ въ высшей степени. Но онъ неинтересенъ.

Карено. Конечно, нѣтъ.

Йервень. Нѣтъ, онъ неинтересенъ. Критикуетъ Гегеля, консервативную политику и ученіе о святой Троицѣ, защищаетъ женскій вопросъ, и всеобщее избирательное право, и Стюарта Милля. Вотъ онъ весь. Либералъ въ сѣрой шляпѣ и безъ грубыхъ ошибокъ.

Карено. Да, видишь ли, онъ принадлежитъ къ другой школѣ.

Йервень (съ жаромъ). Конечно. Онъ принадлежитъ къ другой школѣ. Къ другому направленію. Онъ дѣлаетъ значительное лицо, и, судя по его книгамъ, ему все ясно. Это наглость—быть такимъ спокойнымъ, какъ онъ, и, что бы ты ни говорилъ, мнѣ все равно.

Карено. Я тебѣ вовсе не возражаю.

Йервень. Ахъ, нѣтъ? Мнѣ показалось, что ты... Значить, нѣтъ.

Карено. Конечно, нѣтъ. Профессоръ Гюллингъ и я, мы стоимъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ. Ты долженъ былъ слышать его вчера; онъ не очень церемонился съ моею нѣмецкой статьей. Онъ въ ней камня на камень не оставилъ.

Йервень. А онъ не говорилъ о 1814-мъ годѣ?

Карено. Нѣтъ. Почему?

Йервень. Обыкновенно говорить. «Самое значительное явленіе послѣ 1814 года», — говорить и повторяеть это въ продолженіе двадцати лѣтъ о каждой вещи.

Карено (смѣется). Это вѣрно. Я это тоже слышалъ.

Йервень. Ты видѣлъ его жену? Его послѣднюю жену, хочу я сказать. Тонка, какъ бочка.

Бондесень. Ты думаешь, — толста, какъ бочка?

Йервень (оборачивается и смотритъ на него). Да, я думаю, толста, какъ бочка. Ты, Бондесень, человѣкъ логики. Если кто-нибудь скажетъ, что два и три—пять, ты непременно отвѣтишь: «Нѣтъ, два и два—четыре».

Бондесень (къ Элинѣ). Отвѣтите ему еще разъ за меня. Тогда онъ замолчитъ.

Элина. Если бы я дѣйствительно могла хорошо отвѣтить.

Бондесень. Это вы умѣете.

Элина. Тогда лучше я скажу это вамъ.

Говиндъ (шутливо). Можетъ-быть, мнѣ уйти?

Элина. Нѣтъ, я вѣдь не скажу. (Бросивъ взглядъ на Карено) Я должна сперва узнать, что вы за человѣкъ.

Бондесень. Что я за человѣкъ? Это вѣдь вы видите. Я весь передъ вами.

Элина. Я никогда не видѣла такой красивой булавки для галстука, какъ у васъ.

Бондесень (хочетъ ее вынуть). Хотите ее взять себѣ?

Элина (легко отталкивая его руку). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Вы съ ума сошли. (Рѣзко отдергиваетъ руку)

Бондесень. Вы обожглись?

Элина. Немного.

Бондесень. О, если бы!

Элина (взглядываетъ на Карено). Что вы этимъ хотите сказать?

Карено (къ Йервену). Жена Гюллинга молодая женщина?

Йервень. О, тридцать лѣтъ. Она носить платья «реформъ». Я ей сказалъ, что эти платья очень некрасивы. Знаете, что она отвѣтила? (Передразниваетъ ее) «Я одѣваюсь не для того, чтобы...» Нѣтъ, чортъ побери, какъ это было?..

Элина. Фу, Йервень, не ругаться!

Йервень (передразниваетъ). «Я одѣваюсь не для того, чтобы нравиться мужчинамъ, а для того, чтобы злить женщинъ». Не правда ли, она вся тутъ?

Карено (смѣется). Она сказала, — чтобы злить женщинъ?

Йервень (передразниваетъ). Чтобы злить женщинъ.

Бондесень. Совсѣмъ не такъ глупо сказано — съ ея точки зрѣнія.

Йервень (умоляюще). Господь съ тобою, Бондесень!

Бондесень (добродушно смѣется). Видѣли ли вы такого тирана! Онъ не даетъ мнѣ раскрыть рта.

Элина. Боже мой! Можеть-быть, кому-нибудь угодно кофе? (Не получивъ отвѣта) Больше у насъ ничего нѣтъ.

Йервень. О, я съ удовольствіемъ выпью чашку кофе.

Карено. Моя жена права; къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ничего, кромѣ кофе.

Бондесень. Но, Боже мой, кофе — это великолѣпно. Если только это не доставитъ вамъ хлопотъ.

Элина. Иваръ, открой дверь и попроси Ингеборгъ приготовить кофе.

Карено. Да. (Уходитъ въ кухню).

Йервень (разсматривая серебряные подсвѣчники). Какія прекрасныя вещи! Ты видѣла, Натали?

Говиндъ (подходить). Я все время на нихъ смотрю. Это подарокъ?

Элина (безпокойно смотреть на кухонную дверь). Свадебный подарокъ... Нѣтъ, лучше я сама... (Подходить къ кухонной двери, приостанавливается, быстро открываетъ и смотритъ. Уходитъ).

Бондесень. Какая муха тебя сегодня укусила, Йервень?

Йервень. Ты долженъ говорить «докторъ Йервень», когда обращаешься ко мнѣ. Господинъ докторъ Йервень.

Элина (входитъ съ Карено). Что такое! Пропалъ на цѣлме полчаса.

Карено. Я хотѣлъ зажечь, понимаешь? У Ингеборгъ не было спичекъ.

Элина (садится). Да. Эти подсвѣчники намъ подарили папа съ мамой. Я ихъ такъ люблю.

Говиндъ. Ну, разумѣется.

Бондесень. Вы родились въ деревнѣ, г-жа Карено?

Элина. Боже мой, неужели это такъ сразу замѣтно?!

Бондесень. Ахъ, ничуть, но...

Элина. Мой мужъ постоянно называетъ меня «крестья-почка».

Карено. Въ самомъ лучшемъ смыслѣ, да. Въ лучшемъ зна-

ченіи этого слова. (Гладить ее по волосамъ. Ходить взадъ и впередъ).

Бондесенъ. Конечно, я слышалъ, что вы изъ деревни.

Элина. Не могу себѣ представить, чтобы вы что -нибудь обо мнѣ слышали, господинъ Эндресенъ.

Бондесенъ. Бондесенъ. Да,—я журналистъ и поэтому, видите ли, мнѣ многое приходится слышать.

Элина. Да, я не сомнѣваюсь, что вы свое дѣло знаете.

(Бондесенъ смотритъ на нее и улыбается. Элина бросаетъ взглядъ на мужа).

Йервень. Послушай, Карено, кончится это когда-нибудь?

Карено (останавливается). Нѣтъ. О чемъ ты говоришь? Что кончится?

Йервень. Вотъ эта жизнь, разумеется. Иногда вѣдь туго приходится?

Карено. Да, не всегда идетъ гладко.

Йервень. Ты хочешь сказать: иногда и недурно. Значитъ, тебѣ живется не плохо?

Карено. Достаточно плохо. Но мы надѣмся, что это только временно. (Къ женѣ) Не правда ли, Ингеборгъ?

Элина (привстаетъ). Ингеборгъ? Нѣтъ, дѣйствительно, это ужъ...

Карено. Глупости! Я хотѣлъ сказать,—Элина. (Ходитъ взадъ и впередъ).

Элина. Богъ тебя знаетъ, что ты хотѣлъ сказать. (Внезапно придвигается къ Бондесену) Представьте, я слышу, какъ тикаютъ ваши часы.

Бондесенъ. Надѣюсь, я могу не отодвигаться.

Элина. Конечно, нѣтъ. Вы совсѣмъ не сидите такъ ужъ близко.

Бондесенъ. По всей вѣроятности, это вы слышите бѣненіе моего сердца. (Элина, взглянувъ на Карено, приближаетъ свое ухо къ Бондесену и слушаетъ; улыбается. Они смѣются и разговариваютъ).

Йервень (къ Карено). А я чувствую себя, видишь ли, такъ... словомъ, совсѣмъ невесело. Нѣтъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, что будетъ, если я самъ плюну себѣ въ лицо. Это я и одѣлалъ.

Говиндъ (встаетъ и подходитъ къ нему). Что съ тобой сегодня, Карстенъ?

Йервень. Что? Рѣшительно ничего. Садись на свое мѣсто, Натали.

Говиндъ (улыбается и возвращается на свое мѣсто).

Йервень (къ Карено). Вообще не зачѣмъ думать и писать для людей. Къ чему? Самое идеальное—это жить въ дѣвственномъ лѣсу полнымъ идиотомъ, сидѣть тамъ и умереть съ голоду, не имѣя ума настолько, чтобы догадаться встать.

Карено. Ты такъ говоришь?

Йервень. Представь: время бы шло, зѣмля продолжала бы вертѣться—сдѣлайте ваше одолженіе, вертитесь сколько вамъ угодно, хе-хе-хе, — а я не посвятилъ бы ея дурацкому движенію ни одной мысли. Чтѣ мысли! Ни одного намека на мысль, слышишь? Мой мозгъ засохъ бы, какъ слѣпорожденный.

Карено. Н-да.

Йервень. Не надо родиться человѣкомъ, а надо быть вещью, предметомъ. Если бы меня остановили на улицѣ и спросили про дорогу, я бы хотѣлъ имѣть возможность отвѣтить: «Не знаю. Спросите у другого фонаря».

Говиндъ. Карстенъ, ты слишкомъ переутомился.

Йервень (продолжаетъ). Во всякомъ случаѣ, я хочу вообще отказатьсь отъ философіи. И ты сдѣлай то же, искренно тебѣ совѣтую, хе! Жить въ этой проклятой странѣ Іафета, да еще думать за другихъ! Скажи, на кой чортъ людямъ нужны мысли? Развѣ безъ нихъ они не могутъ разводить картофель и пачкать бумагу? Безнадежно ждать чего-либо отъ людей. Посмотри вокругъ себя. Здѣсь два милліона людей и всѣ называются Оле.

Бондесень. Сегодня онъ въ ударѣ.

Говиндъ. Я это, кажется, понимаю.

Элина (качаетъ головой). Я, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Бондесень. И я тоже нѣтъ—слава Богу.

Элина. Давайте говорить о чемъ-нибудь болѣе понятномъ.

Бондесень. Напримѣръ, о томъ, что я готовъ сдѣлать вамъ признаніе.

Элина. Господи, нѣтъ. Этого вы не должны дѣлать. (Громко) Вы не должны дѣлать мнѣ признаніе.

Бондесень. Но я...

Элина (смѣясь). Фи, стыдитесь. И отодвиньтесь, пожалуйста.

Бондесень. Вы меня не поняли. Это очень незвонное признаніе.

Элина. Правда?

Бондесень. Я хотѣлъ вамъ признаться, что и васъ я не совсѣмъ понимаю. Не больше, чѣмъ Йервена. Въ васъ есть что-то, чтѣ поразило меня во все время нашего разговора.

Элина. Вотъ какъ?

Бондесень. Иногда вы смѣетесь и веселы, и тогда вы становитесь совсѣмъ молодой, совсѣмъ...

Элина. Да?

Бондесень. Но иногда вы какъ будто о чемъ-то задумываетесь и тогда странно оглядываете всю комнату. Не знаю, куда вы смотрите тогда.

Элина (крайне заинтересованная). Чтѣ же дальше?

Бондесень. У ваѣ тогда такой видѣ, что, кажется, вы вотъ-вотъ расплачетесь.

Элина (нѣкоторое время сидитъ неподвижно, потомъ взволнованно встаетъ и отходить).

Говиндъ (къ Йервену). Ты усталъ, Карстенъ.

Йервень (отрицательно качаетъ головой).

Говиндъ. Почему же ты такъ блѣденъ?

Йервень (качаетъ головой).

Карено (обнимаю жену). О чемъ ты вдругъ замечталась, Элина?

Элина (коротко). Ни о чемъ. (Возвращается къ Бондесену; пере-сильвая себя) Вы больше не должны такъ говорить. Я тамъ стояла и до слезъ хохотала надъ вашими словами.

Бондесень. Жаль, что не здѣсь.

Элина. Почему?

Бондесень. Я бы тогда увидѣлъ ваши бѣлые зубы.

Элина (улыбаясь). Вы находите, что у меня бѣлые зубы?

Йервень. Я знаю, Карено, что ты задумалъ. Ты хочешь отозвать въ сторону Бондесена и спросить, что со мной сегодня? Не выпилъ ли я немного?

Карено (остановившись). Нѣтъ, я не...

Йервень. Я ничего не пилъ. Я взволнованъ.

Карено. Но, дорогой мой, никто и не думаетъ, что ты пьянъ.

Йервень (улыбаясь). Конечно, нѣтъ. Разумѣется. Давай, старый дружище, потолкуемъ. Или тебѣ, кажется, вовсе не хочется со мной говорить?

Карено (подходить къ нему, смѣется). Мнѣ не хочется? Послушайте, господинъ Бондесень, не выпилъ ли онъ чего-нибудь въ самомъ дѣлѣ?

Йервень. Ни капли. Но, видишь, я такъ неизмѣримо радъ. Такъ необыкновенно весель.

Карено. Собственно, я этого не вижу. Хотя у тебя и нѣтъ причинъ горевать.

Йервень. Конечно, нѣтъ. Впрочемъ, не будемъ объ этомъ говорить. Профессоръ Гюллингъ не пробовалъ вчера свратить тебя съ пути истины?

Карено. Онъ давалъ мнѣ добрые совѣты. Нѣсколько добрыхъ совѣтовъ — какъ онъ выражается.

Йервень. Да, я знаю добрые совѣты профессора Гюллинга. Если онъ является съ этимъ, то только затѣмъ, чтобы поколебать въ другомъ какое-нибудь благое намѣрение. Это вѣдь ясно.

Карено. Слышишь, Элина? Йервень тоже такъ думаетъ.

Йервень (возбужденно). Подумать только, что этого субъекта

произвели въ геніи. Онъ копается во всевозможныхъ полезныхъ книжкахъ и говоритъ: «Смотрите, вотъ это замѣчательно. Здѣсь можно поучиться уму-разуму». И когда кончаетъ съ одной книгой, говоритъ: «Дайте мнѣ слѣдующую, изъ которой я могъ бы набраться еще немного ума». И читаетъ слѣдующую. Нѣтъ, геній—это не прилежаніе. Геній—это искра, это—Богъ!

Говиндъ (сіяя). Слышите, какъ онъ говоритъ! Искра, Богъ!

Бондесенъ. Ты несправедливъ къ профессору Гюллингу. У него и за границей большое имя.

Йервенъ. Да, конечно. Г.-е. большого имени у него нѣтъ. (Смотритъ на Бондесена) Да ни черта ты въ этомъ не пови-
маешь.

Элина (качаетъ головой). Опять ругается!

Бондесенъ. Я несогласенъ съ нимъ въ его взглядахъ,— разумѣется, на политику, но мнѣ часто приходится упоминать о немъ въ газетѣ. Напримѣръ, когда онъ женился вторично, я тотчасъ же сообщилъ о мѣстѣ и времени его бракосочета-
нія. И чтѣ же? Когда новобрачные выходили изъ магистрата, ихъ и привѣтствовала довольно большая толпа народу. О, профессоръ Гюллингъ, конечно, заслужилъ это.

Йервенъ (смотритъ на Карено, улыбаясь). Онъ говоритъ вполне серьезно. Я въ этомъ увѣренъ.

Элина (къ Бондесену). Это было очень любезно съ вашей стороны. Его, дѣйствительно, всѣ ждали и привѣтствовали?

Бондесенъ. Да. Профессора Гюллинга всѣ знаютъ.

Йервенъ. Ты правъ, Бондесенъ. Если бъ о немъ своевре-
менно не заговорили газеты, онъ остался бы въ неизвѣстности. Но явились услужливые люди, явился ты, вы писали о немъ замѣтки, упоминали о немъ, раздували, рекламировали его, пустили въ ходъ,—и вотъ онъ геній!

Бондесенъ. Я нахожу, что всеобщее уваженіе, которымъ пользуется профессоръ Гюллингъ, могло бы заставить тебя отнестись скептически къ твоему собственному мнѣнію.

Йервенъ. Напротивъ. Это и внушаетъ мнѣ недоувѣріе къ его мнѣніямъ.

Карено (утвердительно киваетъ головой).

Бондесенъ. Странно.

Элина. Да, странно.

Йервенъ. До тѣхъ поръ, пока талантливый человѣкъ высоко держать голову и не сгибаетъ спины, его либо замалчиваютъ, либо нападаютъ на него. Разумѣется, если онъ что-нибудь собой представляетъ. Но какъ только онъ начинаетъ сдаваться, опускаетъ голову и признаетъ себя побѣжденнымъ, тотчасъ же отношеніе общества мѣняется; печать становится добро-

желательной, сочувственной, всё благородно стараются защитить его, въ немъ находять заслуги. Такъ создается всеобщее уваженіе.

Говиндъ (увлеченная). Какъ онъ прекрасно говоритъ! (Идетъ къ письменному столу и становится возлѣ Карено).

Бондесенъ. Смѣшно, что я долженъ здѣсь защищать чело-вѣка, который даже не принадлежитъ къ моей партіи.

Элина. Это очень благородно съ вашей стороны.

Йервень. Сдѣлай милость, возьми другого стараго профессора. Если только такой найдется въ правомъ лагерѣ.

Бондесенъ (къ Элинѣ). Онъ увѣренъ, что это остроумно.

Йервень. Возьми ихъ всѣхъ, если хочешь. Всѣ профессора — самые допотопные люди. Стоить имъ замѣтить, что кто-нибудь изъ молодыхъ стремится къ чему-то другому и что онъ одаренъ благороднымъ упрямствомъ настолько, что можетъ добиться своего, — они тутъ какъ тутъ. Сначала идутъ добрые совѣты, потомъ — игнорированіе, потомъ — противодѣйствіе, и наконецъ примѣняется сила. Берегись, Карено; ты разсердилъ одного изъ почтенныхъ холоповъ.

Карено. Я очень тебѣ благодаренъ, Йервень. Ты какъ будто подслушалъ мои собственные мысли. (Подаетъ ему руку) Давно я не имѣлъ такой поддержки.

Элина. Йервень не знаетъ нашихъ обстоятельствъ.

Карено (улыбается, тронутый). Я откровенно признаюсь, что въ настоящее время наши дѣла очень плохи. Мы такъ бѣдны, что скоро у насъ не будетъ спасенія. Мы ждемъ судебного пристава. Завтра или послѣзавтра насъ опишутъ, если только я не найду какого-нибудь исхода. Но у меня есть надежда, и во всякомъ случаѣ я не пойду ни на какія сдѣлки.

Бондесенъ. Это зависитъ отъ того, не надо ли съ чѣмъ-нибудь считаться. Нѣтъ ли какихъ-нибудь обязанностей.

Элина (киваетъ головой). Разумѣется.

Говиндъ. А я согласна съ господиномъ Карено.

Бондесенъ. Съ этимъ вашимъ благороднымъ упрямствомъ больше теряютъ, чѣмъ выигрываютъ.

Карено (не слушая его, къ Йервену). Ты вполне выразилъ мои собственные чувства. (Оборачивается) Я только хочу сказать, Элина, что, если профессоръ Гюллингъ опять придетъ, я его не приму.

Бондесенъ. Лучше не дѣлать этого. Не такъ ужъ плохо имѣть поддержку въ лицѣ профессора Гюллинга. (Улыбается) Но вы, философы, всѣ одинаковы. Если вамъ что-нибудь придетъ въ голову, вы уже ни съ чѣмъ не считаетесь. Мы, простые смертные, мы должны сообразоваться съ обстоятельствами;

если же не везетъ, то, откровенно говоря, мы должны прибѣгнуть къ чужой помощи, къ помощи сильныхъ міра сего. Это неизбежно.

Йервень (нагибается, прислушиваясь). Это ты, Эндра Бондесенъ, говоришь: «помощь сильныхъ міра сего»?

Бондесенъ. Ахъ, не придирайся! Можно же сказать, что думаешь. Конечно, очень эффектно быть свободомыслящимъ и скептикомъ, и прочее; но въ концѣ концовъ этого мало. Это не даетъ удовлетворенія. Я знаю по опыту.

Элина. Не правда ли? Я то же самое много разъ говорила Ивару, но онъ не обращаетъ на это вниманія. Вѣроятно, онъ и въ Бога не вѣритъ.

Карено (прислушиваясь). Мнѣ показалось... мнѣ показалось что стукнула калитка.

Говиндъ. Мнѣ тоже послышалось.

Карено (безпокойно). Кто же это можетъ быть—такъ поздно?

Элина (къ Бондесену). Какъ вѣрно все, что вы сказали. Я рада, что мы одного мнѣнія. Это такъ, я чувствую.

Ингеборгъ (входитъ изъ кухни). Какой-то человѣкъ просить барыню.

Элина. Меня? Человѣкъ? Ахъ, да, я знаю. Но почему такъ поздно? (Уходитъ за Ингеборгъ).

Говиндъ. Говори еще, говори еще, Карстенъ. Ты такъ прекрасно говорилъ. О, ты непоколебимъ! Ты говоришь: Prrrr!

Элина (входитъ). Я должна его позвать сюда. Но ты, Иваръ, не долженъ его видѣть. Ты долженъ уйти.

Карено. Я долженъ уйти?

Элина. На минуту въ спальню. Прошу! (Хочетъ выпроводить).

Карено. Что за странный капризъ!

Элина (нетерпѣливо). Боже мой, иди же, слышишь? На минутку.

Карено. Въ спальню? Тамъ темно и никого нѣтъ. (Сопротивляясь, уходитъ).

Элина (запираетъ за нимъ дверь на ключъ. Быстро объясняя). Дѣло въ томъ, что Ивару на-дняхъ исполняется двадцать девять лѣтъ.

Остальные. А!..

Элина. И вотъ принесли подарокъ. Я кое-что придумала. Но Богъ вѣсть, подойдетъ ли это?

Йервень. Кисеть для табаку, конечно?

Элина. Нѣтъ. (Насмѣшливо) Кисеть для табаку—Ивару! Нѣтъ; я знаю, ему нужно что-нибудь необыкновенное. Пришелъ человѣкъ, который долженъ здѣсь кое-что посмотреть. Тамъ наверху крючокъ. Видите? (Показываетъ на заднюю дверь) Онъ остался съ того времени, какъ здѣсь жилъ поэтъ Иргенсъ.

Говиндъ. Да, я вижу.

Элина. Мнѣ хочется сдѣлать Ивару сюрпризъ и повѣсить тамъ что-нибудь. Я придумала—птицу. Вѣроятно, крючокъ для этого и былъ вбитъ раньше.

Йервень. Птицу? Т.-е. чучело птицы?

Элина. Да, чучело птицы. Развѣ это глупо? (Короткое молчаніе).

Бондесень. Я нахожу, что это великолѣпная мысль.

Элина (недовѣрчиво). Вы находите?

Бондесень. Да, я это нахожу.

Элина (искренно). Милые! Вы не должны смѣяться надо мной. Я такъ хотѣла сдѣлать ему сюрпризъ, но ничего не могла придумать. Собственно говоря, птица — не подарокъ. (Уныло смотреть).

Бондесень. Но это, дѣйствительно, превосходная мысль.

Говиндъ. Я тоже нахожу, что это очень мило.

Элина (подавленно). Нѣтъ, вы этого совсѣмъ не находите. (Отпираетъ дверь въ кухню и зоветъ тѣмъ же тономъ) Войдите, пожалуйста.

Чучельный мастеръ (входитъ, нѣсколько разъ кланяется).

Элина. Благодарю васъ, что пришли.

Чучельный мастеръ (кланяется). Прошу простить, если помѣшалъ.

Элина (указываетъ). Я думаю, лучше всего повѣсить сюда.

Чучельный мастеръ. Тамъ наверху? Хорошо.

Элина. Вамъ не кажется, что здѣсь тоже висѣла птица?

Чучельный мастеръ (осматривая). Да. Тамъ висѣло чучело большой птицы.

Элина. Такъ что совсѣмъ не будетъ странно, если мы туда опять повѣсимъ птицу. Какъ вы думаете, Йервень?

Йервень (у письменнаго стола разсѣянно играетъ ножницами). Я думаю, что тамъ раньше висѣло чучело птицы. Безъ сомнѣнія. Во времена поэта Иргенса. (Кладетъ ножницы и медленно подходитъ къ остальнымъ).

Элина. Я совсѣмъ не о томъ спрашиваю. Я лучше буду говорить съ вами, господинъ Эндресень.

Бондесень. Бондесень.

Элина. Ахъ, простите! Постараюсь запомнить.

Йервень. Ничего, госпожа Карено; называйте его, какъ хотите. Называйте его Эндресень, онъ заслужилъ это и еще другія названія.

Чучельный мастеръ. Какую же птицу повѣсить? Скажемъ, орель?

Говиндъ. Конечно, орла.

Элина. Нѣтъ; ради Бога, что-нибудь поскромнѣе. Нѣтъ, я

знаю, онъ не хочетъ орла. «Я не орель»,—сказалъ онъ. Какъ вы думаете, господинъ Бондесенъ?

Бондесенъ. Н-да. Я не знаю его вкуса, но...

Элина. Голубь тоже не подходитъ. Т.-е. къ нему. Я думаю, соколъ.

Чучельный мастеръ (кланяется). Я только-что хотѣлъ предложить сокола.

Йервень. Вы набиваете чучела птицъ?

Чучельный мастеръ (кланяясь). Да, это мое ремесло.

Йервень. Это, вѣроятно, довольно трудная профессія.

Чучельный мастеръ. Искусство и ловкость. Конечно, работа должна быть тонко сдѣлана.

Йервень. Надо стараться придать этимъ чучеламъ естественный видъ.

Чучельный мастеръ. Какъ у настоящихъ птицъ, да. Какъ у живыхъ птицъ. Надо набить имъ грудь, придать гордую осанку, вставить глаза, сообщить характерное выраженіе и дать имъ такое положеніе, чтобы казалось, что онѣ сейчасъ полетятъ.

Йервень. Скажите, чѣмъ вы набиваете такую птицу?

Чучельный мастеръ. Пенькой, паклей. Одинъ употребляетъ одно, другой—другое. Но безъ пакли никто не обходится.

Йервень. Я скоро приду къ вамъ и закажу себѣ такую птицу.

Говиндъ. Ты?

Чучельный мастеръ (кланяется). Очень радъ. Такая птица можетъ замѣнить общество. Она стоитъ, какъ человѣкъ, и думаетъ.

Йервень. Молча и глубокомысленно думаетъ о разныхъ вещахъ, да.

Чучельный мастеръ. Я могу устроить такъ, что въ случаѣ надобности онѣ говорятъ. Стоитъ только нажать.

Йервень. Да? Я хочу такую, которая бы говорила.

Чучельный мастеръ. Научить ихъ говорить по-человѣчески невозможно. Онѣ издають только одинъ какой-нибудь звукъ. Я такъ привыкъ къ нимъ, что могу придать этому звуку любой смыслъ. Тогда это доставляетъ очень много удовольствія.

Элина (которая все время пыталась говорить). И такъ, остановимся на соколѣ. Вы сказали, что у васъ уже есть готовый.

Чучельный мастеръ. Онъ у меня въ мастерской.

Элина. Съ распростертыми крыльями?

Чучельный мастеръ (утвердительно киваетъ). Съ распростертыми крыльями.

Элина. Прекрасно. Но вы должны принести его завтра рано утромъ.

Чучельный мастеръ. Будетъ исполнено. (Идетъ къ двери. Йервену) Если вамъ будетъ угодно приобрести птицу, то...

Йервень (мрачно). Я найду.

Элина. Но не забудьте: крылья должны быть распротерты.

Чучельный мастеръ. У меня есть готовый и есть и другіе. Крылья развернуты, какъ при полетѣ. (Нѣсколько разъ кланется) Добрый вечеръ. Надѣюсь, господа извинять. (Уходитъ).

Элина. Добрый вечеръ. (Открываетъ дверь въ кухню; идетъ за нимъ) Я вамъ сейчасъ заплачѹ. (Уходитъ).

Йервень. Почему ты не подалъ руки своему коллегѣ, Бондесенъ?

Бондесенъ. Какому коллегѣ?

Йервень (указывая движеніемъ головы на кухню). Вотъ этому.

Бондесенъ (къ Говиндѣ). Это опять была острота.

(Слышно, какъ Карено стучитъ въ дверь спальни).

Говиндъ. Мы совсѣмъ забыли выпустить господина Карено. (Подходить и открываетъ).

Карено (входитъ; осматривается). Хотѣлось бы знать, что вы здѣсь дѣлали?

Бондесенъ. Н-да, если бы вы знали! (Садится).

(Элина входитъ).

Карено (женѣ). Я спросилъ, что здѣсь дѣлали, и мнѣ никто не отвѣчаетъ.

Элина. Такъ и нужно. Тебѣ нельзя знать. (Проходитъ мимо него и садится).

Карено. Значитъ—тайна! Это другое дѣло.

Говиндъ (внезапно подбѣгаетъ къ нему и беретъ его за руку). Ахъ, бѣдный! Мы дѣйствительно жестоки къ нему.

Карено (улыбаясь). Вы? О, нѣтъ.

Говиндъ. Но вы не должны огорчаться, мы сдѣлали это безъ злого умысла.

Элина (бросивъ на нее взглядъ). Господи, теперь эта начинается!

Бондесенъ (наклонившись впередъ, прислушивается). Вы что-то сказали?

Ингеборгъ (войдя). Подать кофе?

Элина. Да, пожалуйста.

(Ингеборгъ уходитъ).

Элина (къ Говиндѣ). Можеть-быть, вы сядете съ нами? Если только вамъ не трудно разстаться.

(Говиндъ садится около нихъ).

(Ингеборгъ входитъ съ кофе, всѣ садятся вокругъ круглаго стола, и каждый получаетъ чашку).

Элина (къ Ингеборгъ). Спасибо, Ингеборгъ, можешь итти. (Къ Карено послѣ ухода Ингеборгъ) Не понимаю, зачѣмъ она здѣсь стоитъ и таращить глаза.

(Карено и Йервень уходятъ со своими чашками къ письменному столу).

Йервень (искусственно-весело). Ты что-то сказалъ, Бондесенъ? Бондесенъ. Нѣтъ.

Йервень. А мнѣ показалось, что ты предложилъ мнѣ сигару.

Бондесенъ. Сигару ты можешь получить, если только дамы разрѣшатъ курить. (Предлагаетъ желающимъ портсигаръ).

Карено. Ради Бога простите, что не могу вамъ предложить сигаръ. Вотъ огонь, Йервень. (Даетъ Йервену закурить, закуриваетъ свою трубку и прячетъ спички въ карманъ. Ходитъ взадъ и впередъ).

Элина. Развѣ ты не видишь, Иваръ, что другіе также хотятъ закурить?

Карено (не слышитъ).

Элина (Бондесену). Онъ ничего не видитъ и не слышитъ.

Бондесенъ. Пожалуйста. Я могу закурить здѣсь. (Встаётъ и закуриваетъ о лампу).

Элина. Ай, не обожгитесь!

Бондесенъ (закуривая). Въ васъ говорить совѣсть?

Элина. Почему?

Бондесенъ. Потому что вы не хотите, чтобъ я обжегся еще сильнѣе.

Элина. Не понимаю. Я такая безтолковая.

Бондесенъ. Прежде вы не соблюдали такой осторожности. Вы сидѣли здѣсь и съ величайшимъ хладнокровіемъ превращали меня въ пламя.

Элина (смѣется). И вы съ величайшимъ хладнокровіемъ горѣли?

Бондесенъ. Вы ошибаетесь.

Элина. О, нѣтъ. Садитесь, господинъ Эндресенъ.

Бондесенъ. Вы даже не можете запомнить моего имени. (Садится).

Элина. Ахъ, простите. Теперь я ужъ запомню.

Бондесенъ. Какъ вы искренно это сказали. Вы улыбнулись. И ваши губки были красны.

Элина (становится внимательной, смотритъ на него; съ жестомъ безпокойства). Давайте говорить о другомъ. (Къ Йервену) Мнѣ кажется, Йервень, у васъ измѣнилось настроеніе. Вы были такъ оживлены.

Йервень (съ ножницами въ рукахъ). Я? Я думаю.

Элина. Да, думаете, но...

Йервень. Молча и глубокомысленно думаю о разныхъ вещахъ.

Элина. Но, когда вы пришли, вы сказали, что вамъ весело.

Йервень (неожиданно). Ну да, почему же мнѣ не быть веселымъ? Само собой. (Рѣзко бросаетъ ножницы на столъ и чокается чашкой съ Карено) Твое здоровье, Карено.

Карено. Твое здоровье. (Пьетъ; показываетъ ему нѣсколько журналовъ въ свѣтлыхъ обложкахъ) Ты читалъ?

Йервень. Не спрашивай, что я читалъ. Я ничего не читалъ. Я больше ничего не буду читать.

Говиндъ. Карстенъ! Ты такъ странно отвѣчаешь.

Карено (беретъ журналы). Кое-что здѣсь не такъ глупо. Последнія новости. Мнѣ кажется, это тебѣ пригодилось бы для твоей докторской диссертациі.

Йервень (дѣлаетъ нѣсколько рѣзкихъ шаговъ, останавливается). Ты второй разъ говоришь объ этой диссертациі, Карено. Я не понимаю, чего ты хочешь. Ты какъ будто меня въ чемъ-то подозрѣваешь.

Карено. Подозрѣваю? (Удивленно оглядываетъ остальныхъ) Нѣтъ, какъ вамъ это нравится?

Йервень (съ возрастающимъ волненіемъ). Если тебѣ угодно знать, диссертациа кончена. Она уже отпечатана, и сегодня я получилъ за нее гонораръ. Вотъ онъ. (Крѣпко ударяетъ себя по боковому карману). Что ты еще хочешь знать?

Говиндъ (подходить къ нему). Карстенъ, Карстенъ! (Къ Карено) Нѣтъ, онъ положительно нездоровъ. (Къ Йервену) Милый Карстенъ, скажи мнѣ, что съ тобой? (Обнимаетъ его).

Карено. Я перестаю его понимать.

Йервень (освобождаясь). Сегодня ты долженъ меня простить. Видишь ли, я прощаюсь съ тобой. (Подходя къ столу) Еще разъ, за твое здоровье, Карено. Да здравствуетъ практическое благоразуміе!

Карено. Съ радостью, если это тебѣ доставляетъ удовольствіе. (Чокается съ нимъ).

Йервень. Да, мнѣ это доставляетъ удовольствіе. И да здравствуетъ презрѣніе къ самому себѣ. Да здравствуетъ пенька, пакля и набивка. (Его голосъ обрывается, онъ роняетъ чашку на полъ).

Говиндъ. Но что съ тобой? (Всѣ смотрятъ на него).

Йервень (смотреть внизъ на чашку. Спокойно). Этого я не долженъ былъ дѣлать. (Къ Карено) Но это больше не повторится.

Говиндъ. Ты переутомился. Я увѣрена, что это потому.

Йервень. Больше всего жаль кофе. (Устало улыбается) Я хотѣлъ сказать маленькую рѣчь. Я такъ хорошо началъ ее, но... Простите, госпожа Карено.

Элина. Я вамъ дамъ еще кофе. Можетъ-быть, кто-нибудь еще хочетъ кофе? (Не получивъ отвѣта, уходитъ на кухню).

Йервень. Ты такъ смотришь на меня, Карено, точно я какое-то чудо.

Карено. Сегодня вечеромъ ты самъ не свой.

Йервень (холодно). Я такой же, какъ всегда, по крайней мѣрѣ сейчасъ. (Нервная судорога сводитъ его руку).

Бондесень. Я думаю, намъ пора.

Йервень. Уходить? По-моему, нѣтъ.

Бондесень. По-моему, хоть совсѣмъ не уходить.

Йервень. Садись, Натали.

Элина (вносить кофе). Прошу. Вамъ лучше?

Йервень (смѣется). Да, теперь лучше. Вы всѣ думаете, что мнѣ стало дурно. Я уронилъ чашку—вотъ и все.

Элина. Не стоить объ этомъ говорить. Не хочетъ ли кто-нибудь пойти на веранду? Оттуда можно услышать шумъ города.

Говиндъ. Да, пойдемъ на веранду.

Бондесень (поднимаясь). И мнѣ можно?

(Элина, Говиндъ и Бондесень уходятъ на веранду и затворяютъ за собою дверь).

Йервень. Послушай, Карено, я... ты вѣдь не обидишься, если я тебѣ кое-что скажу? Тебѣ сейчасъ нужны деньги; я могу тебѣ одолжить.

Карено. Чтò?

Йервень. Я могу тебѣ одолжить ихъ. (Берется за карманъ) Ты сейчасъ въ затрудненіи, а я нѣтъ. (Вынимаетъ пачку бумажекъ изъ конверта) Это гонораръ, который я сегодня получилъ. (Считаетъ).

Карено. Къ чему ты вытащилъ всѣ эти бумажки?

Йервень. Я хочу ихъ дать тебѣ. Безъ глупостей, пожалуйста.

Карено (останавливая его). Ты съ ума сошелъ. Я убѣжденъ, что тебѣ самому нужны деньги.

Йервень. Мнѣ онѣ теперь не нужны, говорю же тебѣ. (Считаетъ) Вѣдь надо помогать другъ другу немного. По крайней мѣрѣ я избавляю тебя отъ описи. (Придвигаетъ къ нему деньги) Пожалуйста, сосчитай самъ.

Карено (въ волненіи). Это серьезно, Йервень?

Йервень. О чемъ же тутъ думать? Можетъ-быть, ты полагаешь, что это нечестныя деньги? Что я за нихъ продалъ себя?

Карено. Чтò ты говоришь?

Йервень. Я вѣдь не знаю, чтò ты тамъ вообразишь!

Карено. Я не совсѣмъ понимаю. Но если бы ты могъ обойтись безъ нихъ... Потому что завтра долженъ явиться судебный приставъ. Они придутъ и опишутъ все, это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь. Тогда мы должны выѣхать.

Йервень (придвигаетъ къ нему деньги). Возьми, я тебѣ говорю.

Карено. Половины этого совершенно достаточно, чтобы заплатить всѣ долги.

Йервень. Ну, это неправда.

Карено. Господь съ тобой! Я надѣюсь, у меня никогда не будетъ такого большого долга.

Йервень. Хорошо. Скажемъ, половину. (Отсчитываетъ половину и прячетъ остальное въ карманъ). И больше ни слова объ этомъ.

Карено. Я тебѣ ихъ верну, когда... Ты знаешь, я написалъ уже три четверти книги, и ты получишь, какъ только...

Говиндъ (входитъ, ежится). У! Какъ тамъ холодно! (Оставляетъ дверь открытой).

Йервень (тихо). Спрячь деньги.

Карено. Спасибо, спасибо, Йервень. (Стоитъ съ деньгами въ рукахъ).

(Элина и Бондесенъ входятъ).

Элина (къ Говиндъ). Вы вдругъ исчезли?

Карено. Знаешь, Элина, что сдѣлалъ Йервень?

Йервень. Пст!..

Карено (показывая деньги). Посмотри, какъ я разбогатѣлъ! Это мнѣ одолжилъ Йервень.

Элина. Не можетъ быть!

Карено. Ну да. Но онъ ничего не хочетъ слышать. Я знаю, что ему самому нужны деньги.

Йервень. Господи! Скажи ты ему, Натали. (Вырываетъ у Карено деньги и суетъ ихъ въ его боковой карманъ) Такъ.

Элина. Это совершенно неожиданная помощь.

Говиндъ (быстро подбѣжавъ, обнимаетъ Йервена). Прекрасно, прекрасно, Карстенъ. Такъ нужно.

Йервень (освобождаясь). Не будемъ такъ волноваться. Не понимаю, чего ради мы стоимъ и смотримъ другъ на друга. Даже ты, Бондесенъ, осмѣлился что-то подумать.

Бондесенъ. Нѣтъ. Что же мнѣ думать?

Йервень. Да, ты меня раздражаешь. Вѣдь я не укралъ этихъ денегъ. И не продалъ себя. Я еще свободный человѣкъ, смѣю я думать.

Бондесенъ. Да, но очень неприятный, надо тебѣ отдать справедливость. Хе-хе-хе! Это ужъ вѣрно. Хе-хе! (Беретъ со стола журналы) Вы объ этихъ журналахъ говорили, господинъ Карено?

Карено. Я охотно могу ихъ вамъ одолжить, если угодно.

Бондесень. Премного благодаренъ; вы угадали мое желаніе. Я хотѣлъ бы немного прослѣдить этотъ вопросъ. (Прячетъ журналы въ карманъ своего пальто; обращается къ Элинѣ) Я завтра верну ихъ.

Элина. Чтò?

Бондесень. Журналы. Я взялъ до завтра нѣсколько журналовъ. Когда вашъ супругъ бываетъ дома?

Элина. Это очень неопредѣленно.

Бондесень. Хорошо; я ихъ принесу.

(Элина и Бондесень садятся на прежнее мѣсто).

Бондесень. Вы не озябли на верандѣ?

Элина. Озябла? Нѣтъ. Я никогда не зябну.

Бондесень. Вамъ всегда тепло?

Элина. Да. Если только вы этимъ ни на что не намекаете.

Бондесень. А если намекаю?

Карено (стоявшій въ раздумьѣ). По крайней мѣрѣ, позволь тебѣ поблагодарить, Йервень. (Беретъ его руку и долго не выпускаетъ).

Говиндъ. Я никогда не видѣла, чтобы такъ искренно благодарили.

Карено (улыбаясь). Дѣйствительно не видѣли?

Говиндъ. Я бы тоже хотѣла оказать вамъ маленькую услугу, если бы могла.

Элина. Господи, какая кокетка! Посмотрите, какъ она пристаетъ къ моему мужу.

Бондесень. Кто? Фрѣкенъ Говиндъ?

Элина. Вы ее знаете?

Бондесень. Очень мало. А чтò?

Элина. Она вамъ нравится?

Бондесень. О, да. Конечно. А вамъ нѣтъ?

Элина. Нѣтъ. Я вообще не люблю женщинъ. Я ихъ не выношу, — говорю, чтò чувствую. (Улыбается и смотритъ на него) Господи, я, кажется, за все время не сказала ей ни одного слова.

Бондесень. Да, но не зовите ее теперь сюда.

Элина. Я это именно и хотѣла сдѣлать.

Бондесень (умоляюще). Не теперь. Не сейчасъ. Потому что тогда я не смогу говорить съ вами.

Элина. Мы будемъ говорить глазами. (Зоветъ) Фрѣкенъ Говиндъ. Вы ушли отъ насъ.

Говиндъ (подходить):

Бондесень. Я успѣлъ уже надобѣсть госпожѣ Карено.

Элина. Я вамъ отвѣчаю взглядомъ.

Йервень. Да, вотъ чтò, Карено; я захватилъ для тебѣ

экземпляръ моей диссертаци. (Ищетъ въ пальто и достаетъ книгу въ темномъ переплетѣ; его руки немного дрожать) Лучше дать тебѣ ее теперь, пока ты въ хорошемъ расположеніи духа. Все равно завтра или послѣзавтра ты ее прочтешь. (Кладетъ книгу на столъ) Я ее положу сюда.

Карено (хочетъ подойти и взять книгу).

Йервень. Нѣтъ, не теперь. (Кладетъ на нее прессъ-папье).

Карено. Да, да. Очень благодаренъ.

Йервень. Но отнесись къ ней снисходительно.

Карено (смѣется). Я увѣренъ, что она не нуждается въ снисхожденіи.

Йервень (пристально смотритъ на него; повторяетъ). Отнесись снисходительно.

Бондесень. Послушайте, какой торжественный тонъ! Они говорятъ: «снисходительно».

Говиндъ. Простите. (Проходя мимо г-жи Карено) Пожалуйста, сидите. (Становится возлѣ Карено и смотритъ то на него, то на Йервена).

Элина (слѣдитъ за ней глазами). Она снова тамъ.

Бондесень. А мы останемся здѣсь.

Элина. Хорошо, останемся здѣсь. (Быстро придвигаетъ свой стулъ къ Бондесену).

Бондесень. Теперь у васъ опять такой видъ, какъ будто вы готовы заплакать.

Элина (съ дѣланной веселостью). Нисколько. А теперь, пожалуйста, рассказывайте что-нибудь.

Бондесень. Вы часто бываете зимою въ театрѣ?

Элина. Я въ театрѣ? Почему это васъ интересуетъ?

Бондесень. Я думалъ, что если бы вы захотѣли... У меня есть билетъ. У меня всегда бываютъ билеты.

Элина (громко). Вы хотите меня взять съ собой въ театръ? Все равно, хотя бы и на галлерею. Я ужъ не помню, когда испытывала это удовольствіе.

Карено (тихо женѣ). Послушай, Элина,—Ингеборгъ, навѣрно, еще не легла. Не можетъ ли она теперь пойти спать?

Элина (смотреть на него секунду). Конечно, почему же нѣтъ? (Захваченная мыслью, обращается разсѣянно къ Бондесену) Да, если бы вы дали мнѣ билетъ... (Внезапно встаетъ) Я сама скажу Ингеборгъ. Если это такъ необходимо. (Поспѣшно проходитъ мимо Бондесена, говоритъ тихо въ кухонную дверь; возвращается).

Говиндъ и Йервень (говорятъ между собой; ищутъ свои пальто).

Карено. Неужели вы уже уходите? Куда вы спѣшите? Я только думалъ, что Ингеборгъ...

Говиндъ. О, пора.

Элина. Какъ, вы уже уходите? (Къ Бондесену, который тоже поднялся) Вы тоже? (Бросивъ взглядъ на Карено) Ахъ, я была. Вы умѣете гадать? (Протягиваетъ ему руку, ладонью вверхъ).

Бондесень (береть ея руку, разсматривая, пожимаетъ). Нѣтъ, этого я не умѣю...

Элина (громко). Это неважно. Я сказала только для того, чтобы вы взяли мою руку. У васъ такія теплыя руки.

Йервень. Вотъ твое пальто, Бондесень. (Подаетъ ему пальто).

Элина. Подумайте, онъ васъ отрываетъ отъ меня. Позвольте мнѣ вамъ помочь. Позвольте, это такъ забавно. (Помогаетъ Бондесену надѣть пальто) Такъ. (Прощаются).

Йервень (отводитъ Карено въ сторону. Умоляюще). Не забудь, Карено: будь снисходителенъ къ моей книгѣ. Прошу тебя, дорогой.

Карено (шутливо). Буду снисходителенъ, насколько возможно. (Серьезно) Перестань меня дурачить.

(Всѣ уходятъ черезъ заднюю дверь, которая остается открытою; слышно, какъ гости еще разъ прощаются. Элина входитъ. Ставить чашки на подносъ. Слышенъ стукъ калитки. Входитъ Карено),

Карено (обнимаетъ жену). Вотъ мы опять одни.

Элина (молчить).

Карено (вынимаетъ деньги изъ кармана). Элина. Вотъ спасенье, — посмотри.

Элина. Тебѣ было весело?

Карено (прячетъ деньги). Да, но Йервень былъ такой странный... Скажи, ты его поняла?

Элина. Нѣтъ. Я о немъ и не думала.

Карено. Онъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ, чѣмъ всегда. Но онъ очень добрый человекъ. Онъ далъ мнѣ денегъ взаймы... Одну лампу можно потушить. (Тушить) Впрочемъ, я ее сейчасъ налью; возможно, что мнѣ опять придется сидѣть всю ночь и работать.

Элина (огорченная). Нѣтъ, не дѣлай этого.

Карено (весело). Элина, право, мнѣ совсѣмъ не хочется спать. (Потираетъ руки) Я въ такомъ прекрасномъ расположеніи духа. Ты это видѣла? (Вынимаетъ кредитные билеты и разсматриваетъ ихъ) Первое, что я сдѣлаю—съ утра пойду къ судебному приставу и уплачу. (Прячетъ деньги и обнимаетъ ее) Ты притихла, Элина.

Элина. Зато ты, кажется, необыкновенно оживленъ.

Карено. У меня на это есть основаніе.

Элина. Необыкновенно оживленъ. Я увѣрена, что въ глубинѣ души ты возмущаешься мною; но не хочешь этого показать.

Карено. Почему мнѣ возмущаться тобой?

Элина. Если ты находишь, что я сегодня слишком много говорила съ Бондесеномъ, то скажи мнѣ прямо.

Карено (удивленно смотритъ на нее, качаетъ головой). Сегодня я никого не понимаю. И ты становишься какой-то странной. Почему я могу находить, что ты съ Бондесеномъ слишком много говорила? Развѣ онъ позволилъ себѣ что-нибудь?

Элина. Да, можетъ-быть, я дѣйствительно обращала на него слишком много вниманія. Я сознаюсь. Онъ мнѣ понравился; у него удивительная способность такъ... Ты замѣтилъ, какъ изящно онъ былъ одѣтъ?

Карено. Кто? Бондесенъ? Нѣтъ; я почти на него не смотрѣлъ. Развѣ онъ былъ изящно одѣтъ?

Элина. Вотъ какъ. Ты даже не смотрѣлъ на него!

Карено. Да, разумѣется, я посмотрѣлъ на него. Даже нѣсколько разъ. Я замѣтилъ, что онъ былъ очень изящно одѣтъ, конечно. Если ты это находишь. Ну, да онъ долженъ такъ одѣваться, потому что онъ постоянно бываетъ на людяхъ... Пока я не забылъ, надо налить лампу. Ингеборгъ, вѣрно, уже легла. (Беретъ книгу Йервена и разсматриваетъ переплетъ) Вотъ какую книгу написалъ этотъ Йервенъ. Я заранѣе радуюсь тому, что буду ее читать. (Кладетъ книгу на столъ, уходитъ въ кухонную дверь, которая остается открытой).

Элина (устало падаетъ на стулъ).

Карено (входитъ съ жестянкой для керосина). Ты бы легла, Элина. Уже поздно.

Элина. Мнѣ показалось, что Бондесенъ тебѣ не понравился. Мнѣ кажется, ты его возненавидѣлъ за то, что онъ такъ много говорилъ со мной.

Карено (наливаетъ лампу). Нисколько. Этого недоставало! (Смѣется) Подумай: возненавидѣлъ!

Элина. А когда ты предложилъ Йервену спичку, чтобы зажечь сигару, ты Бондесену не далъ. Развѣ ты сдѣлалъ это не нарочно?

Карено. Я это сдѣлалъ? Я не далъ ему спичекъ? Развѣ онъ не курилъ?

Элина. Онъ закурилъ о лампу.

Карено. Это, дѣйствительно, было невѣжливо съ моей стороны. Но онъ не обидѣлся. А потомъ я ему одолжилъ журналы. (Уноситъ жестянку, оставляетъ дверь открытой).

Элина (встаетъ, ломаетъ руки; подавленно). Нѣтъ! Тутъ ничто, ничто не поможетъ. (Разражается слезами).

Карено (изъ кухни). Что ты говоришь?

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено. Мнѣ показалось, ты что-то сказала.

Элина (овладевая собой). Я сказала: покойной ночи. (Медленно направляется въ спальню).

Карено (входит). Да, ты права. Ложись, Элина. Я думаю еще немного поработать, но сперва почитаю книгу Йервена.

Элина (медленно уходит).

Карено (сидит у письменнаго стола, прибавляет свѣту въ лампѣ, беретъ книгу Йервена и читаетъ. На его лицѣ появляется выраженіе все усиливающагося изумленія. Раскрываетъ книгу въ серединѣ; читаетъ). Нѣтъ, — но!.. (Съ возрастающимъ волненіемъ перелистываетъ и читаетъ то здѣсь, то тамъ) Нѣтъ, онъ измѣнилъ! Йервенъ измѣнилъ! (Вскакиваетъ, бѣгаетъ по комнатѣ, снова заглядываетъ въ книгу) Предатель!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Слѣдующее утро. Комната Карено. Одна лампа догорѣла и потухла. Другая догораетъ. Дневной свѣтъ. Карено сидитъ за работою, блѣдный и усталый.

Карено (встаетъ, открываетъ кухонную дверь и зоветъ). Ингеборгъ! (Услышавъ отвѣтъ) Пожалуйста, на минуту.

Ингеборгъ (входит).

Карено. Ты можешь сейчасъ сходить по одному дѣлу?

Ингеборгъ. Да.

Карено. Къ господину Йервену. Къ Карстену Йервену, который такъ часто у насъ бываетъ. Это въ двухъ шагахъ отсюда.

Ингеборгъ. Да.

Карено. Отнеси ему это письмо. (Беретъ со стола заготовленное письмо) Можешь итти такъ.

Ингеборгъ (протягиваетъ руку).

Карено. Подожди. Я вложу деньги. Смотри. (Вкладываетъ пачку кредитныхъ бумажекъ и заклеиваетъ конвертъ) Онъ вчера забылъ здѣсь эти деньги.

Ингеборгъ. Хорошо. (Протягиваетъ руку).

Карено. Ты его вызовешь и отдашь письмо въ собственныя руки. Ты это сдѣлаешь?

Ингеборгъ. Да. (Беретъ письмо) Потушить лампу? Уже совсемъ свѣтло.

Карено. Развѣ? (Тушитъ лампу, идетъ къ двери на веранду, отдергиваетъ гардину; врывается солнечный свѣтъ. Къ Ингеборгъ, которая хочетъ ему помочь) Нѣтъ, ты иди. Письмо у тебя?

Ингеборгъ. Да. (Идетъ по направленію къ кухнѣ).

Карено. Подожди немного, Ингеборгъ. Если Йервенъ тебя

о чемъ-нибудь спросить... Если онъ спросить, велѣлъ ли я ему кланяться, ты можешь сказать: да, я велѣлъ ему кланяться.

Ингеборгъ. Да.

Карено. Но если онъ не спросить, то ничего не говори.

Ингеборгъ. Нѣтъ, нѣтъ. (Уходитъ).

(Слышенъ стукъ калитки).

(Карено садится снова за работу, перелистываетъ свои бумаги, книгу. Опять стукъ садовой калитки. Вслѣдъ затѣмъ раздается стукъ въ кухонную дверь. Потомъ еще разъ, громче).

Карено. Это ты, Ингеборгъ?

Чучельный мастеръ (входитъ, несетъ съ собою большой пакетъ въ газетной бумагѣ. Кланяется). Прошу извинить, въ кухнѣ ничего не было.

Карено. Вы принесли хлѣбъ? Пожалуйста, положите туда.

Чучельный мастеръ. Нѣтъ; барыня...

Карено. Барыня еще не вставала. (Берется за боковой карманъ) Вы пришли за деньгами?

Чучельный мастеръ (кланяется). Я долженъ былъ принести вотъ это. (Снимаетъ бумагу и высоко поднимаетъ чучело птицы).

Карено (съ неудовольствіемъ). Уфъ, чтó это такое?

Чучельный мастеръ. Чучело птицы, которое мнѣ заказала барыня. Соколъ.

Карено. Это, очевидно, ошибка. Вы говорите — соколъ?

Чучельный мастеръ. Нѣтъ, это не ошибка.

Карено (подходить). Жена заказала это?

Чучельный мастеръ (кланяется). Совершенно вѣрно.

Карено (берется за боковой карманъ). Я не знаю, есть ли у меня... Сколько это стóитъ? Можетъ-быть, вы его возьмете обратно? (Ищетъ въ карманахъ) Потому что, къ сожалѣнію, у меня сейчасъ нѣтъ денегъ. Я зайду за этимъ послѣ.

Чучельный мастеръ (кланяется). За птицу уже заплачено.

Карено. Заплачено? Тогда, пожалуйста, положите ее туда. (Идетъ къ письменному столу).

Чучельный мастеръ. Это одна изъ тѣхъ птицъ, которыя думаютъ.

Карено. Такъ.

Чучельный мастеръ. Но она ничего не говоритъ.

Карено. Положите ее куда-нибудь. Положите ее на полъ. (Пишетъ).

Чучельный мастеръ. Вы не хотите ее повѣсить?

Карено. Нѣтъ, благодарю васъ.

Чучельный мастеръ. У нея распростерты крылья для полета. Это была лучшая птица въ моей коллекціи. Я ее показывалъ посѣтителемъ, какъ образецъ. Развѣ она вамъ не нравится?

Карено (встает). Простите,—будьте любезны положить туда птицу.

Чучельный мастеръ (быстро кладетъ птицу, кланяется). Добраго утра.

Карено. Добраго утра. (Садится).

Чучельный мастеръ. Прошу извинить. (Уходитъ. Слышенъ стукъ захлопнувшейся калитки).

Элина (входитъ, оправляя свое платье). Съ добрымъ утромъ, **Иваръ**. Ты все за работой?

Карено. Кончаю. (Быстро пишетъ нѣсколько строкъ).

Элина. Видишь, какъ я долго спала. Ты опять не ложился?

Карено (кладетъ перо въ сторону). Я былъ прилеженъ сегодня ночью. Необыкновенно прилеженъ.

Элина (подаетъ ему руку). Поздравляю, **Иваръ**.

Карено (удивленно пожимаетъ ея руку). Развѣ я въ первый разъ такъ прилеженъ?

Элина. Я поздравляю тебя съ сегодняшнимъ днемъ. Неужели ты опять забылъ? Вѣдь тебѣ сегодня исполнилось двадцать девять лѣтъ.

Карено. Да, правда.

Элина (замѣтивъ сокола). Какъ, онъ уже приходилъ?

Карено. Кто? Да, тутъ былъ кто-то; онъ тамъ что-то оставилъ. Я ничего не понялъ. (Указывая) Онъ положилъ гдѣ-то тамъ. Онъ сказалъ—птица, что ли.

Элина (уныло). Какъ неудачно вышло.

Карено. Онъ сказалъ, что ты заказала.

Элина. Да, я заказала для тебя. Къ сегодняшнему дню. Теперь весь сюрпризъ испорченъ. Я вижу, ты вовсе не радъ. (Въ отчаяніи) О, Боже мой! (Садится).

Карено (смотреть съ гримасой на сокола). Эта птица для меня?

Элина. Да, это соколъ. Я хотѣла тебѣ подарить.

Карено. Какая странная идея! Пустая, набитая шкура.

Элина. Да, конечно, опять я сдѣлала глупость. Въ прошломъ году я подарила тебѣ картину, и она тоже тебѣ не понравилась.

Карено. Но, Боже мой, это же было изображеніе Христа, **Элина**.

Элина. Ты не долженъ объ этомъ говорить въ такомъ тонѣ. Это была литографія, очень дорогая картина, могу тебя увѣрить. Отецъ и мать совѣтовали купить ее.

Карено. Ну что же, она и виситъ надъ моею кроватью.

Элина. Когда онъ приходилъ? Почему онъ заодно не повѣсилъ птицу?

Карено. Не могъ же я его послать къ тебѣ прежде, чѣмъ ты встала!

Элина (съ удареніемъ). Можетъ-быть, ты и не хочешь имѣть здѣсь птицу? (Указывая) Вотъ здѣсь, на этомъ крючкѣ?

Карено. Здѣсь... А ты хочешь?

Элина. Ну, значитъ, нѣтъ. Пусть тоже валяется въ спальнѣ. (Быстро встаетъ, беретъ сокола и швыряетъ его въ дверь спальни. Отпираетъ кухонную дверь) Ингеборгъ, ты хотѣла принять птицу, когда ее принесутъ.

Карено. Ингеборгъ ушла. Я ее послалъ по дѣлу.

Элина (у кухонной двери). Да?

Карено. Я ее послалъ къ Йервену. (Встаетъ) Я долженъ тебѣ сказать, Элина, что деньги, которые я получилъ вчера вечеромъ, я отослалъ ему.

Элина (подходить къ нему ближе, внимательно смотреть). Это неправда, конечно?

Карено. Это правда. Ты знаешь, что сдѣлалъ Йервенъ? Вся его книга — сплошное отступничество. (Беретъ книгу Йервена. Взволнованно) Подумай, Элина, Йервенъ тоже согнулъ спину. (Бросаетъ книгу на столъ).

Элина. Чтò сдѣлалъ Йервенъ?

Карено. Отрекся. Отрекся отъ всѣхъ своихъ прежнихъ убѣжденій! (Беретъ книгу и перелистываетъ) Продалъ себя. Страницу за страницей. Вотъ отчего онъ вчера такъ странно себя велъ. (Ходитъ по комнатѣ) Отъ Йервена ничего не осталось!

Элина (послѣ паузы). Ты думаешь, Йервенъ сдѣлалъ это намѣренно?

Карено. Намѣренно? Вся книга не что иное, какъ обстоятельный переходъ къ англичанамъ и къ профессору Гюллингу.

Элина. Значитъ, я была права.

Карено. Ты была права, Элина?

Элина. Да. Относительно профессора Гюллинга. Ужъ если Йервенъ тоже перешелъ на его сторону...

Карено (не отвѣчая, ходитъ взадъ и впередъ). Вотъ почему онъ вчера былъ такъ разстроены. Онъ зналъ, что онъ сдѣлалъ. (Останавливается въ задумчивости) Я не понимаю его наглости. Какъ онъ говорилъ! И какъ онъ насмѣхался надъ профессоромъ Гюллингомъ.

Элина. И первое, что ты сегодня сдѣлалъ, это — отослалъ ему деньги. Нѣтъ, я тебя не понимаю. (Бросается на стулъ).

Карено. Неужели ты думаешь, что я теперь могу взять у него деньги?

Элина. Чтò? Неужели я думаю?

Карено. Послѣ всего этого? Послѣ того, какъ онъ напалъ на меня сзади?

Элина. Развѣ онъ напалъ на тебя сзади?

Карено. И на меня тоже. (У стола, открывает книгу Йервена) **Читай.** (Указывает; Элина не смотрит) **Посмотри,**—это только оглавление. Здѣсь уже три нападки на меня. Только въ заглавіяхъ.

Элина. Если онъ на тебя напалъ, ты долженъ съ этимъ примириться. Ты самъ на всѣхъ нападаешь.

Карено (бросает книгу на столъ; ходитъ взадъ и впередъ).

Элина. Мнѣ кажется, Йервень этимъ нападкамъ не придаетъ большого значенія. (Карено не отвѣчаетъ) Вчера вечеромъ онъ былъ съ тобой любезенъ, какъ всегда. (Карено не отвѣчаетъ) Повидимому, онъ противъ тебя ничего не имѣетъ. (Карено не отвѣчаетъ) Во всякомъ случаѣ, съ его стороны было очень мило предложить тебѣ деньги.

Карено. Я не могу ихъ взять.

Элина. Да, если бы у насъ были средства, тогда другое дѣло.

Карено. Какія деньги предложилъ мнѣ Йервень? Плата за его книгу, плата за его нападки на меня—это деньги за кровь... Вотъ какія деньги онъ мнѣ предложилъ!

Элина. Н-да.

Карено. Вѣдь это насмѣшка. Онъ прекрасно знаетъ, что совершилъ предательство, и вотъ ему нуженъ сообщникъ. (Останавливается) Нѣтъ, убей меня Богъ, я никогда не видѣлъ подобной наглости!

Элина. Какъ странно! Какъ только для насъ покажется лучъ свѣта,—онъ сейчасъ же гаснетъ.

Карено. Да, теперь счастье намъ не улыбается. Но это временно. (Рѣшительно) Пусть Йервень беретъ себѣ свои деньги! Можетъ-быть, я сегодня получу отъ издателя благоприятный отвѣтъ. Ты должна поддержать меня, Элина.

Элина. Нѣтъ, намъ не избѣжать описи, я знаю.

Карено. Нѣтъ, я не вѣрю этому. У меня предчувствіе, что этого не случится. (Проводитъ рукой по лбу) Но теперь я долженъ заснуть: кружится голова. Элина, я скоро проснусь, черезъ нѣсколько минутъ я снова примусь за работу. Ты еще увидишь, что я могу сдѣлать! (Экзальтированно) Сегодня ночью, когда я писалъ, мысли какъ молніи освѣщали мой мозгъ. Ты не повѣришь, но я разрѣшалъ всѣ вопросы, я понималъ жизнь. Я почувствовалъ приливъ новыхъ силъ.

Элина (у этажерки, беретъ поочередно въ руки подсвѣчники; какъ бы про себя). И не въ состояніи спасти даже ихъ.

Карено. Не огорчайся, Элина. Мнѣ предстоитъ огромный трудъ. Предательство Йервена произвело на меня сильное впечатлѣніе. Мнѣ казалось въ эту ночь, что я остался одинъ на всей землѣ. Между человѣкомъ и внѣшнимъ міромъ стоитъ

стѣна; но теперь эта стѣна стала тоньше, я хочу попробовать ее пробить, высунуть голову и посмотреть. (Повторяетъ) И посмотреть. Ты мнѣ вѣришь?

Элина. Я въ этомъ ничего не понимаю.

Карено. Подожди, повторяю тебѣ: подожди, я кончу свою книгу. Пусть насъ выгоняютъ изъ дому: но когда-нибудь намъ будетъ лучше. Это я знаю.

Элина. Ты много разъ ужъ говорилъ это.

Карено. Но теперь я въ этомъ увѣренъ. И что бы ни случилось, я у Йервена денегъ не возьму. До чего вы хотите меня довести? Лучше мнѣ итти просить милостыню. Къ счастью, есть человѣкъ, у котораго сейчасъ моя рукопись и который увидитъ, чего она стоить.

Элина. А что ты сдѣлаешь, если издатель тебѣ откажетъ? Тогда начнется то же самое. (Ходитъ взадъ и впередъ; мучительно) Господи, я такъ устала отъ всего этого. Это тянется уже цѣлыхъ три года. И никогда не будетъ иначе.

Карено. Но три года нужды совсѣмъ не долгій срокъ для такого человѣка, какъ я. Для человѣка, который стучится въ людскія двери съ такими свободными мыслями, какъ мои. И десять лѣтъ недолгій срокъ. Объ этомъ я думалъ сегодня ночью.

(Слышенъ стукъ садовой калитки).

Элина (принимаетъ рѣшеніе). Ну, да посмотримъ. У тебя воспаленные глаза, Иваръ; прилягъ немного. Разбудить тебя?

Карено. Нѣтъ, я самъ проснусь. Черезъ четверть часа, вѣроятно, я встану. Я только подремлю. (Уходитъ въ спальню).

Элина (прислушивается у двери въ глубинѣ; отворяетъ ее, смотритъ и снова запираетъ. Отворяетъ кухонную дверь). Ингеборгъ, это ты?

Ингеборгъ. Да. (Входитъ красная, задыхаясь).

Элина. Я слышала, ты уходила?

Ингеборгъ. Да, я только-что вернулась.

Элина. Милая Ингеборгъ, сбѣгай еще разъ. Но прежде позавтракай.

Ингеборгъ. Я уже ѣла.

Элина. Ты уже завтракала? (Подходитъ къ этажеркѣ и беретъ подсвѣчники) Ингеборгъ, почисть ихъ немного. А когда вычистишь, ты... (отвернувшись) ты отнесешь ихъ въ городъ и постараешься получить подъ нихъ деньги.

Ингеборгъ. Я должна ихъ...

Элина (перебываетъ ее, нервно). Да, ты понимаешь. Словомъ, получить подъ нихъ деньги. Подсвѣчники покажѣсть мнѣ не нужны.

Ингеборгъ. Хорошо, хорошо.

Элина. Но только не теряй квитанціи. Она, пожалуй, важнѣе самихъ денегъ.

Ингеборгъ (беретъ подсвѣчники).

Элина. Ты это сдѣлаешь, Ингеборгъ?

Ингеборгъ. Конечно. (Уходитъ).

Элина. Спасибо.

(Садовая калитка захлопывается).

(Элина беретъ свою работу, садится у круглаго стола и пьетъ. Выраженіе ея лица озабоченное, движенія вялы. Она встаетъ, неподвижно смотритъ черезъ дверь веранды, снова садится и пьетъ. Уловивъ стукъ калитки, она напряженно прислушивается, встаетъ и поспѣшно направляется къ задней двери. Она въ сильномъ волненіи. Стучать).

Элина (отворяетъ). А! Войдите, пожалуйста.

Бондесень (входитъ). Доброга утра!

Элина. Здравствуйте. (Подаетъ ему руку).

Бондесень. Господинъ Карено уже ушелъ?

Элина. Нѣтъ, онъ спитъ, онъ работалъ всю ночь. Присядьте. (Она садится).

Бондесень (вынимаетъ изъ кармана нѣсколько номеровъ журнала). Вотъ эти журналы. (Садится) И вы сидите здѣсь одна?

Элина. Одна, одна!

Бондесень. Этого вы не должны дѣлать. Лучше бы прогулялись. На дворѣ солнце.

Элина. Я стояла у дверей веранды и смотрѣла на солнце.

Бондесень. Вы должны выйти, нанять коляску и поѣхать гулять, сѣсть въ лодку и грести.

Элина (безпокойно). Нѣтъ, не говорите мнѣ объ этомъ.

Бондесень. Сегодня устраивается большая прогулка за городъ.

Элина (неволью). Правда? И вы тоже поѣдете?

Бондесень. Да, и я тоже.

Элина (мѣняя тонъ). Послушайте, господинъ Бондесень, я вчера держала себя немного несдержанно. Надѣюсь, вы этого не поняли дурно.

Бондесень. О, нѣтъ!

Элина. Мнѣ это было бы очень непріятно.

Бондесень. Нисколько. Я все время былъ увѣренъ, что ваша несдержанность, какъ вы называете, относится не ко мнѣ, а къ другому.

Элина. Къ кому другому?

Бондесень. Вы, въ сущности, говорили не для меня, а для другого.

Элина. Этого вы не замѣтили? Чтò? Этого нельзя было замѣтить?

Бондесень. Я былъ здѣсь не болѣе, какъ посторонній свидѣтель. Я присутствовалъ при игрѣ, но не участвовалъ въ ней. Я былъ ширмой.

Элина. Нѣтъ, вы преувеличиваете. Фи, какъ вы преувеличиваете! Но не будемъ больше говорить объ этомъ... Да, вы слышали про Йервена?

Бондесень. Что онъ перешелъ въ другой лагерь? Я узналъ объ этомъ сегодня утромъ. Я тотчасъ же написалъ о немъ небольшую статейку.

Элина. Противъ него?

Бондесень (улыбается). Нѣтъ, не противъ него. Теперь его надо поддержать.

Элина. Да, правда? Это вовсе не такъ ужасно—то, что онъ сдѣлалъ?

Бондесень (смѣется). Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Съ моей точки зрѣнія.

Элина. Не правда ли?

Бондесень. Потому что мы «всѣ тамъ будемъ». Рано или поздно.

Элина. Какъ это?

Бондесень. Всѣ дѣти дѣлаются взрослыми людьми. Если не умирають.

Элина. Да, если такъ разсуждать, то это вполне естественно.

Бондесень (пожимаетъ плечами). Боже мой, я пережилъ то же самое. Былъ радикаломъ, свободомыслящимъ и смѣлымъ—хоть куда! Но наступило время, когда я началъ размышлять.

Элина. Что же вы тогда сдѣлали?

Бондесень. Я началъ сомнѣваться въ теоріи о происхожденіи отъ обезьяны. Затѣмъ я забылъ пѣсенку Синклера и то, «что случилось въ Фредериксгалль»; потому что это тоже своего рода теорія о происхожденіи отъ обезьяны.

Элина. А потомъ?

Бондесень. О, потомъ было еще много разнаго другого, но я перешагнулъ черезъ все.

Элина. И перешли въ другой лагерь?

Бондесень. Честно и открыто перешелъ въ другой лагерь. Въ другую газету, для другого дѣла.

Элина. Вы это сдѣлали? Для этого надо много мужества.

Бондесень. Обстоятельства сложились такъ, что я не могъ иначе поступить. Въ этомъ было все мое мужество.

Элина. На васъ, вѣроятно, сильно напали?

Бондесень. Да, въ газетахъ. О-о! Но у меня была также и поддержка. И когда надо вступать на этотъ путь...

Элина. Я чувствую, что сдѣлала бы такъ же, какъ вы. Въ концѣ концовъ надо вѣдь устроиться и не жить въ вѣчной тревогѣ.

Бондесень. Вы совершенно правы. Переставешь метаться, становишься спокойнѣе, находишь внутреннее довольство.

Элина. Вы думаете, что Иваръ со временемъ тоже перемѣнитъ свои взгляды?

Бондесень. Хочу надѣяться. Я не понимаю, почему господинъ Карено долженъ быть единственнымъ изъ всѣхъ насъ, который не видитъ истиннаго пути. Но на это нужно время.

Элина. Къ сожалѣнiю; и, вѣроятно, много времени.

Бондесень (улыбается). Вы говорите: «къ сожалѣнiю». Если бы вашъ мужъ это слышалъ.

Элина. Мнѣ все равно.

Бондесень. Чтò вамъ все равно?

Элина. Ничего. Мой мужъ спитъ.

Бондесень. Какъ тихо во всемъ домѣ!

Элина. Чтò вы будете дѣлать за городомъ?

Бондесень. Веселиться. Выпьемъ немного шампанскаго, будемъ танцовать.

Элина. Танцовать тоже? Я вѣдь не такъ ужъ стара, а за-была, чтò значить танцы.

Бондесень (упрашивая). Поѣдемъ съ нами. Вамъ понравится.

Элина. Нѣтъ, чтò вы! Развѣ я могу поѣхать?

Бондесень. Мы будемъ васъ носить на рукахъ.

Элина (измѣнивъ тонъ). Господинъ Бондесень, вы правы, когда говорили, что вчера я такъ держала себя только для другого.

Бондесень. Въ этомъ вамъ вовсе не надо исповѣдываться; я это самъ видѣлъ.

Элина. Боже мой, я была въ такомъ отчаянiи и хотѣла это показать.

Бондесень. И достигли цѣли?

Элина. Нѣтъ. Ничего не достигла.

Бондесень. Жаль, потому что вы положили столько труда.

Элина (искренно). Не смѣйтесь надо мной! Прошу васъ! Если бы вы только поняли меня. Вы знаете, въ какомъ мы положенiи? Сегодня утромъ онъ отослалъ Йервену деньги, и вотъ мы снова ни съ чѣмъ. Онъ не думаетъ обо мнѣ, даже не о себѣ, а только о своей работѣ, всегда и всюду о своей работѣ. Такъ тянется ужъ три года. Но три года это пустяки, говорить онъ, десять лѣтъ тоже. Если онъ такъ относится, то, значить, меня онъ больше не любитъ. И ночью я не всегда вижу его. Онъ сидитъ за своимъ столомъ и работаетъ до самаго утра. Все это ужасно! У меня все спуталось въ головѣ; я готова была сжечь всѣ его рукописи; я ревновала его къ Ингеборгъ и отказала ей.

Бондесенъ. Ингеборгъ? Кто это?

Элина. Наша прислуга.

Бондесенъ. Чтò вчера подавала кофе?

Элина. Да.

Бондесенъ (улыбается и качаетъ головой).

Элина. Я знаю, это было глупо. Но я для него совершенно не существовала и потому рѣшила, что, вѣроятно, есть кака-нибудь причина. Вотъ сегодня принесли сокола; знаете, того сокола. Вы думаете, онъ позволилъ повѣсить его здѣсь?

Бондесенъ. А куда онъ хотѣлъ его повѣсить?

Элина. Да онъ совсѣмъ его не хотѣлъ, я это поняла. Теперь соколъ валется въ спальнѣ на полу. И такъ постоянно.

Бондесенъ (откашливается). Дѣло въ томъ, что вы слишкомъ молоды для того, чтобы быть женой. Вотъ и все.

Элина. Да, я слишкомъ молода. Это такъ.

Бондесенъ. И онъ долженъ это понять.

Элина. Но онъ не понимаетъ ничего; онъ такъ увѣренъ, что я всецѣло принадлежу ему. (Послѣ паузы) Но онъ слишкомъ увѣренъ.

Бондесенъ. Чтò вы хотите этимъ сказать?

Элина (молчитъ).

Бондесенъ. Вы теперь хотите ему доказать, что онъ заблуждается?

Элина (молчитъ).

Бондесенъ. Простите, если мой вопросъ нескроменъ. Мнѣ было бы пріятно чѣмъ-либо быть вамъ полезнымъ.

Элина (смотреть на него). Спасибо, что пришли, господинъ Бондесенъ. Я васъ все-таки ждала. Мнѣ было такъ грустно, а вы приносите съ собой столько жизни. Вы сказали: «добраго утра». Какъ будто для васъ было счастьемъ сказать это.

Бондесенъ. Такъ оно и было—пожелать вамъ добраго утра.

Элина. Вчера я немного боялась васъ. Помните, когда вы говорили объ этихъ журналахъ?

Бондесенъ. Да.

Элина. Вы сказали, что сегодня ихъ принесете, и спросили, когда мой мужъ бываетъ дома.

Бондесенъ. Да, и?..

Элина. Знаете, мнѣ показалось, какъ будто вы спрашиваете, когда моего мужа не бываетъ дома? И тогда я стала васъ немного бояться...

Бондесенъ. Вы теперь тоже меня боитесь? (Беретъ ея руку).

Элина (немного отодвигаетъ отъ него свой стулъ). Нѣтъ, теперь нѣтъ... Но не думайте теперь обо мнѣ дурно; я не очень смѣла, но...

Бондесень (улыбается). Будьте совершенно спокойны. Я все понимаю. Я все еще изображаю изъ себя приличныя ширмы?

Элина. Ширмы? Теперь? Неужели вы это дѣйствительно думаете? (Въ другомъ тонѣ) И много дамъ ѣдетъ съ вами за городъ? Вы на лошадахъ?

Бондесень. Да. Уже заказаны экипажи. Шампанское и музыка ѣдетъ съ нами.

Элина. А Йервень тоже ѣдетъ? И фрѣкенъ Говиндъ?

Бондесень. Во всякомъ случаѣ они приглашены.

Элина. Вы часто устраиваете такія прогулки?

Бондесень. Сегодня особенный случай: день рожденія одного изъ нашей компании.

Элина (вздрагиваетъ). День рожденія?

Бондесень. Да. А что?

Элина. Ничего. Я вспомнила, что у насъ сегодня тоже день рожденія. (Грустно улыбается) Но безъ всякой торжественности.

Бондесень. А? Развѣ сегодня день рожденія господина Карено?

Элина. Да.

Бондесень. Поздравляю... Музыка и шампанское—вѣдь это только ребячество. Можетъ быть прекрасный день рожденія и безъ этого.

Элина. Но все-таки это праздникъ. Послушайте, какъ это звучить: «праздникъ». Я вижу всю картину: веселые мужчины съ цвѣтами въ петлицѣ, шляпы на затылкѣ, улыбки и смѣхъ. «Застегните мнѣ перчатку, завяжите мнѣ ботинки». Съ удовольствіемъ! Вы веселитесь? Потомъ кто-нибудь становится на камень и держитъ рѣчь, и всѣ громко смѣются, если она неудачна. Потомъ играетъ музыка.

Бондесень. И потомъ танцуютъ.

Элина. Да, и потомъ танцуютъ. (Безпокойно встаетъ, улыбаясь) Смѣшно, я сижу здѣсь, а сама какъ будто тамъ.

Бондесень (настойчиво). Но развѣ вы не можете быть тамъ?

Элина. Нѣтъ, нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ. (Бросаетъ взглядъ на веранду, поворачивается, подходит къ нему ближе, стоитъ одну минуту и смотритъ на него сзади).

Бондесень (обернувшись). На что вы смотрите?

Элина (садится). Почему вы сказали, что вы ширмы?

Бондесень. Ну, ширмы, или Эндресень, или NN.—это одно и то же.

Элина. Я сегодня не называла васъ Эндресень. Вѣдь нѣтъ?

Бондесень. Да, вы меня такъ не называли. Это меня удивляетъ.

Элина. Я запомнила ваше имя. Я о васъ думала.

Бондесень (беретъ ея руку). Это правда?

Элина. Да, это правда. И я васъ ждала. (Отнимаетъ свою руку, встаетъ; въ другомъ тонѣ) Вы принесли журналы? Благодарю; я положу ихъ ему. (Кладетъ журналы на столъ Карено).

Бондесень (который также всталъ). Вы ужъ хотите меня прогнать? (Она не отвѣчаетъ) Значить, вы меня ждали?

Элина. Да, мнѣ хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь.

Бондесень. Вы не разсердитесь, если я скажу вамъ что-то?

Элина (опускаетъ глаза). Лучше не говорите.

Бондесень. Я только хочу сказать, что отказываюсь отъ сегодняшней прогулки. Я не поѣду.

Элина. Почему?

Бондесень. Это меня не прельщаетъ. Скучно, если васъ тамъ не будетъ.

Элина, Нѣтъ, голубчикъ, не говорите такъ. Да вы не должны забывать, что...

Бондесень (въ глубокомъ волненіи). Я все забылъ. Мнѣ все равно. Увижу я васъ сегодня вечеромъ? Вы пойдете гулять, пойдете въ городъ?

Элина (невольно). Нѣтъ, не въ городъ.

Бондесень. Гдѣ хотите. Здѣсь? На улицѣ? (Обнимаетъ ее и цѣлуетъ).

Элина. Нѣтъ! Нѣтъ! Пустите меня. (Страстно обнимаетъ его, но тотчасъ опускаетъ руки, вырывается, задыхаясь) Чтѣ вы дѣлаете? Вы съ ума... Вы забываете...

Бондесень (умоляюще). Боже мой, послушайте...

Элина. Тсс! (Прислушивается, тяжело дыша) Онъ проснулся. Уходите, уходите! Нѣтъ, оставайтесь! Не уходите...

Бондесень (обнимаетъ ее за талию). Здѣсь на углу, въ восемь часовъ?

Элина (быстро). Да.

(Въ эту минуту дверь спальни отворяется, и Карено входитъ. Онъ отступаетъ передъ тѣмъ, что увидѣлъ. Бондесень выпускаетъ госпожу Карено).

Карено. А!

Бондесень (кланяется). Я хотѣлъ... Я журналы...

Элина (къ мужу). Ты недолго спалъ?

Карено (овладѣваетъ собой). Нѣтъ. Я совсѣмъ не могъ спать. (Медленно входитъ въ комнату).

Бондесень. Я принесъ журналы, которые вы такъ любезно мнѣ одолжили. Очень благодаренъ. (Подходитъ къ письменному столу и беретъ журналы; его руки дрожатъ) Очень интересно. (Подаетъ журналы Карено).

Карено. Благодарю. (Кладетъ журналы на столъ, медленно подхо-

идть къ дверямъ веранды и смотреть; задумчиво) Прекрасная погода.

Бондесень. Удивительная. Ни малѣйшаго вѣтра, солнце, тепло.

Карено (оборачивается). Элина, могу я получить завтракъ?

Элина (дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ кухонной двери).

Бондесень. Необыкновенно тепло. Для этого времени.

Карено (отходить отъ двери веранды). Хорошо, что держится такая погода. Я могу работать въ саду. (Женѣ) Принеси мнѣ поѣсть.

Элина. Да, да. Сію минуту. Я сама тоже еще не завтракала. (Идетъ къ кухонной двери).

Бондесень (береть свою шляпу). Очень благодаренъ за журналы, господинъ Карено. (Кланяется) Добраго утра.

Карено. Добраго утра.

Элина (проводжаетъ Бондесена къ двери на заднемъ планѣ). Я открою. Прощайте, прощайте. (Выпускаетъ Бондесена, опять идетъ къ кухонной двери; не глядитъ на Карено) Почему ты не спалъ? Тебѣ это необходимо.

Карено. Послушай, Элина, что это было за... Я засталъ тебя въ удивительной позѣ, когда вошелъ.

Элина. Поза? Что?

Карено. Вѣдь это не могло мнѣ показаться. Меня какъ будто укололо что-то въ сердце.

Элина. Я не знаю, о чемъ ты говоришь.

Карено. Но, Боже мой, развѣ онъ не обнималъ тебя, этотъ человекъ?

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено. Этого никогда еще не было. Положилъ всю руку. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ?

Элина (равнодушно). Вовсе не всю руку.

Карено. Я не понимаю, что это за поведеніе. Ты не должна позволять ему—этому человекъ—быть такимъ дерзкимъ.

Элина. Я не знаю, о чемъ ты говоришь. Господинъ Бондесень не былъ со мною дерзокъ.

Карено (нѣкоторое время пристально смотреть на нее). Такъ? Ну, хорошо. Что ему нужно было?

Элина. Онъ принесъ журналы, которые вчера взялъ.

Карено. А кромѣ того? Для того, чтобы вынуть нѣсколько тетрадокъ изъ кармана, не нужно много времени.

Элина (отворяетъ кухонную дверь и смотритъ).

Карено. Ты слышишь? Я спрашиваю: что ему нужно было еще?

Элина. Еще? Что ему нужно? Я не знаю, что ему еще было нужно. Мы сидѣли и разговаривали.

Карено. О чемъ?

Элина. Ахъ, не прикажешь ли еще давать тебѣ отчетъ?

Карено. Конечно. Это необходимо, я думаю!

Элина (смѣется). Скоро мнѣ будетъ неинтересно знать, что «ты думаешь».

Карено. Что ты говоришь?

Элина. Ничего. Ради Бога, не будемъ ломать стульевъ и ссориться... Что я хотѣла сказать: бутерброды уже тамъ приготовлены. Принести ихъ?

Карено. Сюда приходятъ люди по самымъ страннымъ дѣламъ. А когда я случайно вхожу, я вижу... Но мнѣ все равно. Если тебѣ это нравится, то...

Элина. Принести тебѣ ѣсть?

Карено (рѣзко). Благодарю, я сказалъ, нѣтъ.

Элина (уходить въ кухню).

(Карено въ сильномъ волненіи ходитъ по комнатѣ, останавливается, пристально смотреть на полъ, качаетъ головой и опять принимается ходить. Бросается на стулъ).

(Слышенъ стукъ садовой калитки. Стучать въ дверь. Карено встаетъ).

Йервень (входитъ. На мгновеніе останавливается въ дверяхъ. Говорить въ легкомъ тонѣ). Добраго утра, Карено.

Карено. Добраго утра.

Йервень. Я на минуту. (Протягиваетъ руку, Карено пожимаетъ се, не глядя на него) У тебя утомленный видъ.

Карено (не отвѣчаетъ).

Йервень (осторожно шутя). Ты говоришь, что я усталъ? (Подавленно улыбается и садится).

Карено. Твое посѣщеніе сегодня мнѣ не особенно пріятно, Йервень.

Йервень. Я это вижу. Ты утромъ прислалъ мнѣ письмо.

Карено. Да. Спасибо за предложеніе, но я денегъ отъ тебя взять не могу.

Йервень (послѣ паузы, наклонившись). Все-таки я тебя очень прошу объ этомъ.

Карено. Нѣтъ; если ты пришелъ ради этого, то можешь спокойно уходить. Это все, что могу тебѣ сказать.

Йервень. Какъ я понимаю, между нами стала моя книга.

Карено. Да, твоя книга.

Йервень. Значитъ, ты не замѣтилъ въ ней ничего особеннаго. Ты ничего не прочелъ между строками?

Карено. Нѣтъ. Что же?

Йервель (молчить).

Карено. Нѣтъ; я ничего не замѣтилъ.

Йервель. Я думалъ, что ты, такъ хорошо знающій меня, поймешь, чего мнѣ стоило написать эту книгу.

Карено. Не могу сказать, чтобы я это увидѣлъ. Да, пожалуй, въ одномъ мѣстѣ, вначалѣ. Ты неуверенъ и колеблешься; ты опускаешь глаза.

Йервель. Такъ во многихъ мѣстахъ.

Карено. Ну да, слабая краска стыда на щекахъ, маленькое смущеніе. Но ты скоро овладѣваешь собой и пишешь дальше.

Йервель. Я былъ къ этому вынужденъ.

Карено. Да? Вынужденъ?

Йервель. Если бы я написалъ свою диссертацию иначе, то не получилъ бы докторской степени.

Карено. Хе? Но докторская степень тебѣ была необходима?

Йервель. Да, иначе я не получилъ бы стипендіи.

Карено. Я не думаю. Кто это сказалъ?

Йервель. Профессоръ Гюллингъ.

Карено (послѣ паузы). Да, это другое дѣло. Если онъ это сказалъ.

Йервель. Съ того дня, какъ явился профессоръ Гюллингъ и далъ мнѣ этотъ добрый совѣтъ, я зналъ, куда мнѣ итти. Вѣдь рука опредѣляетъ номеръ перчатки.

Карено. А стипендія тебѣ была необходима? Непременно? Безъ нея ты не могъ бы жить?

Йервель. Нѣтъ, но я не могъ бы жениться.

Карено. Какъ ты себя увѣрилъ, Йервель! Знаешь, все это рисуетъ тебя въ особенномъ свѣтѣ.

Йервель. Я понимаю, что тебѣ такъ должно казаться.

Карено. Да, конечно, мнѣ такъ кажется... И послѣ того, какъ сдѣлка заключена и товаръ проданъ, ты приходишь и суешь мнѣ въ руки деньги. Въ мои руки! Эти деньги! Слышишь, я не знаю, какъ это назвать. Т.-е. я слишкомъ хорошо знаю, какъ это назвать.

Йервель. Да, ты хорошо знаешь.

Карено. Конечно. Слово вертится у меня на языкѣ. И такъ, дѣло ясно. Наши пути расходятся, но ты ничего не теряешь; ты получаешь свою награду. Я только не понимаю твоего вчерашняго поведенія, твоего злобнаго издѣвательства надъ профессоромъ Гюллингомъ. Что это означало? Я никогда тебя не видѣлъ такимъ; ты былъ краснорѣчивѣе, чѣмъ всегда, наносилъ ударъ за ударомъ, уничтожалъ его своимъ презрѣніемъ. Я не понимаю, чего ты этимъ хотѣлъ достигнуть?

Йервень. Я ничего не хотѣлъ; мнѣ казалось, у меня еще есть время, пока ты ни о чемъ не узналъ. Для меня было облегченіемъ еще немножко побарахтаться въ эти лишнія минуты.

Карено. Жалкая отсрочка!

Йервень (страстно; сжимая кулаки). Но я такой же, какимъ былъ! Меня заставили признать ученіе, которое идетъ въ разрѣзъ съ моими убѣжденіями; но въ глубинѣ души я все тотъ же. Здѣсь я не уступлю ни на волосъ.

Карено. Ха-ха-ха! Конечно. Нѣтъ; не уступай ни на волосъ въ глубинѣ души. Никогда. Ха-ха-ха!

Йервень (оскорбленный). Тебѣ смѣшно? Что ты знаешь? Говорю тебѣ, я стою непоколебимо на моей прежней точкѣ зрѣнія. Да!

Карено (удивленно смотритъ на него нѣкоторое время). Да, да, **Йервень.** Но извини, мнѣ сейчасъ некогда. И притомъ мнѣ нелегко говорить съ тобой дальше. (Приводитъ въ порядокъ бумаги на своемъ столѣ).

Йервень (поднимается; покорно). Я уйду.

Карено. Нашъ разговоръ не привелъ бы ни къ чему.

Йервень. Я хочу сказать только одно, Карено. Возьми деньги. Сдѣлай это. Убѣдительно прошу тебя.

Карено (медленно). Милѣйшій, неужели у тебя совсѣмъ нѣтъ стыда?

Йервень. Для меня это крайне важно, и я не сталъ бы умолять тебя, если бы видѣлъ другой исходъ. Сегодня пришла Натали, мы говорили о тебѣ. Она была при томъ, какъ я получилъ твое письмо, и увидѣла деньги.

Карено. Да, и?..

Йервень. Она потребовала, чтобы я показалъ ей письмо. И я показалъ.

Карено. Ну?..

Йервень (взволнованно). Что жъ рассказывать? Она вернула мнѣ кольцо.

Карено. Кольцо?

Йервень. Она взяла назадъ свое слово.

Карено. Что?.. Она это сдѣлала?

Йервень (вынимаетъ изъ жилетнаго кармана кольцо, рассматриваетъ). Она сняла его съ пальца и отдала мнѣ.

Карено. Она ничего не сказала?

Йервень. Она сказала, что понимаетъ, что я сдѣлалъ. «ты сдѣлалъ что-то дурное»,—сказала она. Она догадалась по твоему письму.

Карено. И ушла? Не объяснившись?

Йервель. О, нѣтъ; она объяснила. Ты вчера видѣлъ, какая она увлекающаяся, довѣрчивая, страстная. Никакихъ компромиссовъ. Она такъ радовалась тому, что я далъ тебѣ деньги и ты ихъ взялъ. Сегодня ты отослалъ ихъ обратно, и такимъ образомъ было вполне ясно, что это означаетъ.

Карено. Вотъ видишь, Йервель! Награда—награда во всѣхъ видахъ.

Йервель. Но ты еще можешь меня спасти. Я ее спросилъ:— «Ты возвращаешь мнѣ кольцо. Это навсегда?»— «Да»,—отвѣтила она.— «Но, быть-можетъ, это поправимо»,—сказалъ я.— «Еще не поздно; я пойду къ Карено и объясню ему все».— «Да, иди къ Карено»,—сказала она.

Карено. Тебѣ нечего у меня дѣлать.

Йервель. Она вѣрится въ тебя; ты произвелъ на нее впечатлѣніе. Она все время о тебѣ говоритъ. (Сунувъ руку въ карманъ) Возьми деньги.

Карено (медленно). Само собой, я денегъ не возьму. (Береть пачку бумагъ подъ мышку).

Йервель. Ты идешь въ садъ работать?

Карено. Да, когда ты уйдешь. Почему ты объ этомъ спрашиваешь?

Йервель. Такъ, просто.

Карено. Я хочу тамъ быть одинъ.

Йервель (умоляя). Карено, прежде чѣмъ ты уйдешь...

Карено (топнувъ ногой). Йервель!

Йервель (идеть къ двери).

Карено (ему вслѣдъ). Еще одно: отдай свои деньги попамъ. (Возвращается къ столу).

Йервель (уходить). "

(Слышенъ стукъ садовой калитки).

(Элина входитъ).

Карено. Здѣсь былъ Йервель.

Элина (молчитъ).

Карено. Я говорю, здѣсь былъ Йервель.

Элина. Ну да. Я слышала.

Карено. Но я не слышалъ, что ты отвѣтила. Можетъ-быть, тебя это не интересуеть?

Элина. Откровенно говоря, нѣтъ.

Карено. Послѣ сегодняшняго визита ты интересуешься только собою.

Элина. Но, милый Иваръ, что мнѣ за дѣло до того, былъ ли здѣсь Йервель или нѣтъ. (Принимается за шитье).

Карено. Съ Йервеномъ плохо. Ему отказала невѣста.

Элина. Отказала?

Карено. Вернула ему кольцо.

Элина. Почему?

Карено. Почему? Вѣроятно, потому, что больше не хотѣла имѣть съ нимъ дѣла. Она догадалась, что онъ продалъ себя.

Элина (пожимаетъ плечами).

Карено. Я согласенъ съ нею. Она поступила гордо. Тебѣ, вѣроятно, это не кажется?

Элина. Я въ этомъ ничего не понимаю.

Карено (раздраженно). Да, ты права. Ты такъ далека отъ этого. Ты бы этого не сдѣлала.

Элина. Нѣтъ. У меня больше терпѣнія. Два-три года я терпѣла бы.

Карено. Твоя гордость легко примируется.

Элина. Ты правъ. Я со многимъ мирюсь.

Карено. Да, ты со многимъ миришься.

Элина. Напримѣръ, съ тѣмъ, что терплю отъ тебя.

Карено. Виновать: и отъ другихъ также.

Элина. Что ты этимъ хочешь сказать?

Карено. Я хочу сказать, что ты чужому человѣку позволяешь обнимать себя и не даешь ему пощечины.

Элина (пожимая плечами). Опять объ этомъ!

Карено (ходить по комнатѣ). Жалкій, толстый человѣчекъ. Есть такія жирныя личинки, червяки. Это я только такъ говорю.

Элина (молчать).

Карено. Но онъ изящно одѣтъ, что? Не правда ли, онъ одѣтъ изящно?

Элина (молчать).

Карено. Кажется, у него даже вышитые носовые платки?

Элина. Вѣроятно, у него для этого есть средства.

Карено. Конечно. И это ему къ лицу.

Элина. Правда.

Карено. Ну-съ, и на чемъ вы порѣшили? Конечно, меня это не касается, вѣдь я только твой мужъ.

Элина. Если бы я тебя не знала, то могла бы подумать, что ты ревнуешь.

Карено (останавливается). Ревную? Но послушай, Элина!

Элина. Тогда не говори такъ.

Карено. Ревную? Ха-ха-ха! (Ходить) Но послѣ того, что я видѣлъ собственными глазами, я могу ждать и большего. Я вѣдь видѣлъ (показываетъ). Я вышелъ изъ той двери. И ты допускала это. Естественно спросить: что же дальше? Свиданіе?

Элина (послѣ минутнаго раздумья, внезапно и несдержанно). Да. Свиданіе. (Бросаетъ работу на столъ, встаетъ и дѣлаетъ шагъ) Свиданіе.

Карено (стоит минуту и смотрит на нее; полуудивленно, полуупрекая). Элина!

Элина. Да, свиданіе. Чтò ты еще хочешь знать?

Карено. Ничего. Только лучше мнѣ здѣсь не быть, чтобы не пришлось опять войти въ неподходящее время.

Элина (берется снова за работу).

Карено. Это начинается становиться забавнымъ. Тебѣ не кажется?

Элина. О, да, веселый день рожденія! Большое торжество въ домѣ.

Карено. Этого никогда не было за всѣ три года. Вѣроятно, я прежде плохо тебя зналъ. (Останавливается у этажерки).

Элина (бросает работу и встает). Это становится невыносимымъ.

Карено. О, сиди, Элина; я уйду. Мнѣ нужно работать.

Элина (опять садится).

Карено. Комната снова въ твоемъ полномъ распоряженіи— для чегò угодно... Но я вижу, что нѣтъ подсвѣчниковъ. Куда они дѣлись?

Элина (смущенно). Подсвѣчники?

Карено. Я спрашиваю, куда они дѣлись?

Элина. Я ихъ дала почистить Ингеборгъ.

Карено. Повидимому, въ домѣ происходятъ странныя вещи. Не могу же я оставаться въ полномъ невѣдѣніи. Ты дала Ингеборгъ почистить подсвѣчники?

Элина. Да.

Карено (берет свои письменныя принадлежности). Если принесутъ письмо, то крикни мнѣ въ садъ. (Уходит на веранду).

(Элина нѣсколько мгновений сидитъ въ глубокой задумчивости; потомъ порывисто встаетъ и ходитъ взадъ и впередъ. Ея лицо и движенія выражаютъ страданіе. Слышенъ стукъ калитки. Вслѣдъ затѣмъ изъ кухни входитъ Ингеборгъ. У нея въ рукахъ свертокъ).

Элина. Ну?

Ингеборгъ (развертываетъ свертокъ). Нѣтъ, они не взяли подсвѣчниковъ. Я была въ двухъ мѣстахъ.

Элина. Неужели не взяли?

Ингеборгъ. Нѣтъ; они сказали, это не настоящіе. (Ставитъ подсвѣчники на этажерку).

Элина. Чтò? Подсвѣчники не настоящіе?

Ингеборгъ. Нѣтъ; они сказали, что это не настоящее серебро, а накладное.

Элина. Глупости! Подсвѣчники, которые намъ подарили родители!

Ингеборгъ. Да, это сказали въ двухъ мѣстахъ. Я подумала, что ужь не стоитъ ходить къ другимъ.

Элина. Но это глупости. Неужели, ты думаешь, отецъ и мать— эти честные люди—могутъ подарить намъ поддѣльныя вещи?

Ингеборгъ. Если желаете, я могу сходить еще.

Элина. Нѣтъ, не стѣитъ! Я только хочу, чтобы ты знала, что это не накладное серебро. Потому что мы получили ихъ отъ родителей.

Ингеборгъ. Я такъ и думала.

Элина. Спасибо; больше ничего не надо, не рассказывай объ этомъ, понимаешь? Не говори, куда ты ходила.

Ингеборгъ. Конечно. (Уходитъ).

Элина (разсматриваетъ подсвѣчники, постукивая по нимъ, прислушиваясь). Накладное. (Ставить подсвѣчники на мѣстѣ, отворяетъ дверь на веранду и зоветъ) Иваръ, на минуту.

Карено (сейчасъ же появляясь). Принесли письмо?

Элина. Я только хотѣла показать тебѣ подсвѣчники.

Карено. Да, а письма нѣтъ?

Элина. Я говорю, что хотѣла тебѣ показать подсвѣчники. Вотъ они стоятъ. Вѣдь ты долженъ знать, какія странныя вещи происходятъ у насъ въ домѣ.

Карено (съ раскаянцемъ). Милая Элина, не говори такъ.

Элина. А что, ты думалъ, я сдѣлала съ подсвѣчниками?

Карено. Нѣтъ, я былъ раздраженъ.

Элина. Но я хочу знать.

Карено. Я ничего не думалъ. Я только подумалъ, что если они придутъ насъ описывать, то должны найти все на мѣстѣ. Это пришло мнѣ въ голову. Ты должна простить меня, Элина.

Элина. Нельзя такъ придирааться. Ты становишься все неносимѣе. Въ концѣ концовъ мнѣ нельзя будетъ пошевелиться безъ того, чтобы ты не зналъ—зачѣмъ.

Карено. Нѣтъ, я не буду слѣдить за тобой, я уже объ этомъ думалъ.

Элина. Я должна о каждомъ пустякѣ давать тебѣ подробныя объясненія. Я увѣрена, что если, напримѣръ, я сегодня вечеромъ выйду за дверь, на улицу, то сейчасъ же поднимется цѣлая исторія.

Карено. Да нѣтъ же, Элина!

Элина. Можетъ-быть, ты даже пойдешь за мной и будешь подсматривать?

Карено. Нѣтъ! Что ты говоришь! Теперь ты сама придираешься. Иди на улицу, дѣлай, что хочешь, я спокойно буду сидѣть здѣсь. Неужели ты считаешь меня такимъ пошлымъ? (Обнимаетъ ее).

Элина (освобождается). Ахъ, нѣтъ. Не надо этого.

Карено. Элина, не будем больше ссориться. Я сидѣлъ тамъ въ саду и думалъ объ этомъ. Это ни къ чему.

Элина. Мнѣ тоже кажется.

Карено. Значитъ, Бондесенъ не былъ съ тобою грубъ? Скажи мнѣ только это.

Элина. Конечно, нѣтъ.

Карено. Меня это безпокоило. Мнѣ казалось, что онъ слишкомъ близко подошелъ къ тебѣ. И его рука... И онъ смотрѣлъ на тебя нехорошими глазами. Это меня возмутило. Ты за это не должна на меня сердиться, Элина; я не могъ иначе. Кромѣ того, я усталъ; я не спалъ всю ночь.

Элина. Да, почему тебѣ не заснуть?

Карено. Сейчасъ? Нѣтъ, сейчасъ я хочу работать. Последнее время мнѣ постоянно мѣшали. У меня былъ визитъ за визитомъ. Такимъ образомъ далеко не уѣдешь. О, я чувствую себя сильнѣе съ каждымъ часомъ! Меня нельзя побѣдить, напротивъ... Ты не смотришь на меня, Элина? Ты такъ равнодушно меня слушаешь!

Элина. Я слушаю, что ты говоришь.

Карено. Да, но у тебя такой равнодушный видъ, ты думаешь о другомъ.

Элина (беретъ свою работу и садится).

Карено. Мы сегодня подрались. (Смѣется) Это было нехорошо. Но теперь мы такіе же добрые друзья, какъ прежде, не правда ли? Пожалуй, и еще лучшіе.

Элина. Который теперь часъ?

Карено. Я посмотрю въ кухнѣ. (Хочетъ идти).

Элина. Нѣтъ, спасибо, — не надо.

Карено. Сегодня я долженъ получить отвѣтъ отъ издателя. Я жду письма съ минуты на минуту. Надѣюсь, что отвѣтъ будетъ благоприятный; сегодня должны кончиться всѣ наши работы, Элина. Что ты на это скажешь?

Элина. Кто живетъ тамъ на углу, ты не знаешь?

Карено. На углу? Я не знаю.

Элина. Тамъ всегда такъ свѣтло въ окнахъ.

Карено (улыбается). Какія у тебя странныя фантазіи! Но спрашивай еще, Элина. Я не знаю, который часъ и кто живетъ на углу; но все равно, спрашивай еще о чемъ-нибудь. Пока ты опять не станешь мнѣ другомъ.

Элина (осматриваетъ черную вуаль и принимается ее починять).

Карено (вкрадчиво). Ты приводишь въ порядокъ свои вещи. Что это значитъ?

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено (улыбается). Ты еще не совсѣмъ помирилась со мной,

какъ мнѣ кажется. Но я молчу. Ты все-таки меня еще любишь, да? (Приближается и смотритъ на нее) У тебя на затылкѣ такіе блестящіе волосы. (Осторожно прикасается къ ея волосамъ).

Элина (порывисто отстраняется).

Карено (улыбается). Милая, я только хотѣлъ... Ты стала такая нервная... И такая задумчивая. О чемъ ты думаешь? (Садится рядомъ съ ней) О чемъ, моя крестьяночка? (Обнимаетъ ее).

Элина. Ахъ, нѣтъ, не мучь меня! (Отодвигается).

Карено. Ты еще не можешь забыть сегодняшней ссоры, Элина? Я ее уже забылъ. Какое мнѣ дѣло до того, что говорилъ тебѣ Бондесенъ? Я не хочу объ этомъ больше знать. Тебѣ, навѣрное, и самой было смѣшно, я убѣжденъ. Такая жеманная кукла!

Элина. Не понимаю, что за удовольствіе все время ругать Бондесена. Мнѣ ты этимъ не доставляешь никакого удовольствія, могу тебя увѣрить.

Карено. Но, милая, дорогая...

Элина. Я совершенно не раздѣляю твоего мнѣнія о Бондесенѣ.

Карено. Правда? Ну да; для себя онъ достаточно хорошъ. (Встаетъ).

Элина. Да и для насъ также.

Карено. Не о немъ ли ты все время думаешь?

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено. Ты больше не любишь меня, Элина?

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено (съ возрастающимъ волненіемъ). Я прошу тебя, отвѣть только на это.

Элина (кладетъ вуаль и встаетъ). Господи, можно съ ума сойти! Ты меня замучишь своими вопросами. (Уходитъ въ кухню).

Карено (смотреть ей вслѣдъ со страхомъ). Она меня больше не любить.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

На слѣдующій день. Комната Карено. Послѣобѣденное время. Солнце.

(Элина приводитъ въ порядокъ красное платье. Карено входитъ съ вѣранды).

Карено. Письма все еще нѣтъ?

Элина. Нѣтъ, я не видѣла никакого письма. Впрочемъ, если придетъ посыльный, ты самъ услышишь, когда стукнетъ калитка.

Карено. Да, правда. Я объ этомъ не подумалъ... Сегодня

работа не клеится. Такъ много постороннихъ мыслей приходитъ въ голову. Когда ты уходишь, все уходитъ съ тобою.

Элина (уклончиво). Ты увѣренъ, что письмо получишь сегодня, Иваръ?

Карено. Да, оно должно сегодня прійти... Я не хочу тебя мучить, Элина, но вчера вечеромъ, когда ты такъ долго не возвращалась, мнѣ стало очень тоскливо. Я только это хотѣлъ сказать тебѣ.

Элина. Развѣ я такъ долго не возвращалась?

Карено. Конечно, нѣтъ. Пойми меня хорошо. Я былъ за тебя радъ. Да. Я совсѣмъ не хочу знать, что ты тамъ дѣлала, повѣрь мнѣ. Ты вернулась такая сияющая. Господи, какая ты была свѣжая, когда сняла вуаль!

Элина. Ты находишь?

Карено. А я здѣсь ходилъ по комнатѣ и думалъ, что если ты и придешь черезъ полчаса или черезъ часъ, или даже черезъ два, три часа, — ты все равно не вернешься ко мнѣ. Не ко мнѣ... Объ этомъ я думалъ.

Элина (встаетъ). Я вспомнила, что надо налить твою лампу. (Беретъ лампу и уходитъ въ кухню).

(Карено бродитъ по комнатѣ. Входитъ Ингеборгъ съ налитой лампой).

Карено. Это ты принесла лампу, Ингеборгъ?

Ингеборгъ. Да, мнѣ барыня велѣла.

Карено. Спасибо. А барыня въ кухнѣ?

Ингеборгъ. Да.

Карено. Скажи, Ингеборгъ, ты не знаешь, сколько стоятъ вышитые носовые платки?

Ингеборгъ. Нѣтъ.

Карено. Сколько, напримѣръ, могутъ стоять двѣ-три штуки?

Ингеборгъ. Я не знаю. Вышитые носовые платки?

Карено. Да. Знаешь, на нихъ вышито... Ну, все равно... Пожалуйста, вычисти мой черный костюмъ—знаешь, тотъ черный, только хорошенько. Я хочу его надѣть.

Ингеборгъ. Да. Сейчасъ?

Карено. Да, пожалуйста, сейчасъ... Послушай, Ингеборгъ, по-твоему, онъ былъ такъ нарядно одѣтъ—этотъ Бондесенъ, который третьяго-дня былъ здѣсь вечеромъ?

Ингеборгъ. Какой Бондесенъ? Господинъ, который тамъ сидѣлъ (указываетъ), когда я принесла кофе?

Карено. Да.

Ингеборгъ. Нѣтъ; развѣ онъ былъ такъ наряденъ?

Карено. Не правда ли? Въ немъ не было ничего поразительнаго.

Ингеборгъ. Нѣтъ, я и не говорю.

Карено. Конечно, нѣтъ. Мнѣ просто пришло въ голову. Такъ вотъ, будь добра, почисти тотъ костюмъ. Мнѣ нужно.

(Ингеборгъ уходитъ въ спальню, возвращается съ чернымъ мужскимъ костюмомъ и щеткой, и уходитъ на веранду. Элина входитъ съ тряпкой и начинаетъ вытирать пыль).

Карено. Ты ждешь гостей?

Элина. Я—гостей? Нѣтъ.

Карено. Я все время смотрю на тебя, Элина. Мнѣ кажется, я никогда не видѣлъ тебя такой молодой. Ты сегодня совсѣмъ дѣвушка.

Элина. Сегодня я такая же, какъ и всегда.

Карено. Нѣтъ. Сегодня ты сияешь, у тебя другіе глаза. Ты опять уходишь?

Элина. Да.

Карено. Ты бѣжишь изъ комнаты, если я тамъ. Оставайся. Я могу уйти.

Элина. У меня работа на кухнѣ. (Уходитъ).

(Ингеборгъ входитъ съ плащемъ и уноситъ его въ спальню).

Карено. Спасибо, Ингеборгъ. (Уходитъ въ спальню и запирается на ключъ).

Элина (заглядывая). Гдѣ баринъ?

Ингеборгъ (указывая на спальню). Тамъ.

Элина. Что онъ дѣлаетъ?

Ингеборгъ. Переодѣвается. Онъ надѣваетъ черный костюмъ. Я вычистила. (Уходитъ).

(Элина съ удивленнымъ видомъ садится и принимается за свою работу. Въ заднюю дверь осторожно стучать. Входитъ Бондесень).

Элина (испуганно поднимаясь). Боже мой, это вы?

Бондесень. Добраго утра. Спасибо за вчерашній вечеръ.

Элина. Вы только-что пришли? Я не слышала стука калитки.

Бондесень. Я изучилъ эту садовую калитку. Ее можно открыть безъ шума.

Элина. Ради Бога, вы должны сейчасъ же уйти.

Бондесень. Нѣтъ, не сейчасъ. Правда?

Элина (указываетъ на спальню).

Бондесень (невольно отступая). А!

Элина (тихо, страстно). Нѣтъ, не уходите! Не уходите! Да, идите, но возвращайтесь. Приходите немного позднѣе, я, можетъ-быть, буду одна. Пройдитесь по улицѣ. Но сегодня вечеромъ я не могу уйти.

Бондесень. Вы должны. Вы вчера обѣщали. Я съ тѣхъ поръ ни о чемъ другомъ не думаю.

Элина. Я тоже ни о чемъ другомъ не думала. Ни о чемъ

другомъ. Вы находите дурнымъ, что я это говорю? Я не понимаю себя. (Подносить руку ко лбу) Это вы виноваты. (Взглядываетъ на него и улыбается).

Бондесень. Развѣ вчера вы слишкомъ долго отсутствовали?

Элина. Нѣтъ; мы объ этомъ не говорили. Я ничего не сказала. Я не вхожу въ объясненія. Послѣ я попрошу у него прощенія, а теперь я о немъ не думаю... Помните, когда вы вечеромъ были здѣсь въ первый разъ?

Бондесень. Да, третьяго-дня вечеромъ?

Элина. Вы сидѣли вотъ здѣсь. Вы не были ширмами, какъ говорите. Можетъ-быть, вначалѣ, но не все время. Одинъ разъ вы сказали что-то, что меня взволновало.

Бондесень. Что я сказалъ?

Элина. Я не помню. Можетъ-быть, это былъ только вашъ голосъ. Я не помню словъ, но они взволновали меня. Тогда я отошла отъ васъ.

Бондесень (обнимаетъ ее).

Элина (мягко освобождается) Нѣтъ, нѣтъ,—не дѣлайте этого. У меня и безъ того достаточно грѣховъ. Вы будете хороши ко мнѣ?

Бондесень. Я вамъ обѣщаю.

Элина. Потому что иначе я не хочу васъ больше видѣть. Сегодня вечеромъ я все-таки выйду; мы сдѣлаемъ длинную прогулку, далеко за городъ. Окажите мнѣ большую услугу: проводите меня до дому. Это три мили отсюда.

Бондесень. Да, съ удовольствіемъ. Мы поѣдемъ.

Элина. Да, спасибо, поѣдемъ. Я хочу отправиться домой и тамъ устроиться нѣкоторое время. Иваръ ничего не имѣетъ противъ; онъ объ этомъ часто говорилъ. Теперь я такъ и сдѣлаю. (Осматривается) Здѣсь смерть. Даже не слышно тиканья часовъ, ни малѣйшаго звука; мертвая тишина и бумага. Сегодня я услышала на улицѣ шумъ экипажа; я выбѣжала и смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не исчезъ. Потомъ я вернулась сюда, ко всему этому. Ахъ! (Скрестивъ руки на груди, прижимаетъ ихъ, откидываясь назадъ).

Бондесень (увлеченный). Большая красивая дѣвочка.

Элина. Можетъ-быть, нехорошо то, что я сдѣлала.

Бондесень. Нѣтъ, прекрасно.

Элина. Я чувствую жизнь въ себѣ.

Бондесень. Могу я сказать вамъ?..

Элина. Нѣтъ. Теперь вы должны уйти. Но я буду говорить съ вами, когда вы вернетесь немного погодя. Мы поѣдемъ съ вами. Я ему все расскажу и скажу, что ѣду домой. Вы находите меня ужасной?

Бондесень. Вы?

Элина. За все то, что я дѣлаю.

Бондесень. Я молюсь на васъ.

Элина. Этого вы не должны. Я только проснулась. Я опять проснулась, понимаете? Когда я вчера вышла къ вамъ и вы взяли меня за руку, во мнѣ снова проснулась жизнь. Когда-нибудь я расскажу объ этомъ Ивару, Господи, и на колѣняхъ буду просить у него прощенія. Теперь я не могу.

Бондесень. Пст! (Напряженно прислушиваясь, указываетъ на спальню).

Элина (закидываетъ голову назадъ и улыбается). Вы боитесь? Нѣтъ! Этого не надо. Я не думаю, что есть опасность. Но уходите теперь. И не думайте обо мнѣ дурно. Знаете, Бондесень, у васъ зеленые глаза. Если бы я могла быть увѣренной, что вы будете со мной милымъ и хорошимъ!

Бондесень. Я это обѣщаю.

Элина (смотритъ на него и улыбается). У васъ такъ дрожатъ губы,—я замѣтила. А теперь идите. (Ведетъ его къ двери).

Бондесень. Значить, черезъ полчаса? (Хочетъ ее обнять).

Элина (отстраняясь). Да, черезъ полчаса. (Запираетъ за нимъ дверь).

(Элина въ сильномъ возбужденіи дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, беретъ себя за голову, улыбается, взволнованно дыша, садится за работу. Входитъ Карено въ черномъ костюмѣ; онъ кажется другимъ, похорошѣвшимъ. Элина смотритъ на него).

Карено (извиняясь). Мнѣ вздумалось... Сегодня такая хорошая погода. И ты права, за послѣднее время я, дѣйствительно, не обращалъ на себя вниманія. (Смущенно улыбаясь) Теперь я опять похожъ на юношу.

Элина. Мнѣ кажется, ты даже выросъ.

Карено. Ты находишь? Я выросъ?

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено (стараясь поддержать разговоръ). Это, вѣроятно, отъ сюртука. Или, ты думаешь, отъ брюкъ?

Элина (нѣсколько нетерпѣливо). Не знаю, Иваръ.

Карено. Ты все еще со своими мыслями? (Улыбается) Если бы твой лобъ былъ прозраченъ и я могъ бы видѣть твои мысли, то, вѣроятно, узналъ бы замѣчательныя вещи.

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено (осторожно приближаясь). Чтò ты шьешь, Элина?

Элина (не отвѣчаетъ).

Карено. Это очень красиво. Конечно, не для меня

Элина (устало). Это мое старое платье.

Карено. Я только-что замѣтилъ, что на моемъ жилетѣ не

хватаетъ двухъ пуговиць. На другомъ жилетѣ. Не понимаю, какъ это случилось.

Элина. Я ихъ пришью.

Карено. Я буду тебѣ очень благодаренъ, если ты это сдѣлаешь... Тебѣ идетъ, когда ты шьешь, Элина. У тебя теперь такой скромный видъ. И какая красивая рука!

Элина (нервно отодвигается).

Карено. Боже сохрани, я тебѣ ничего не дѣлаю. Я даже не трогаю тебя.

(Слышенъ стукъ садовой калитки).

Элина (вскакиваетъ). Принесли письмо! (Спѣшитъ къ задней двери, открываетъ) Нѣтъ, это Йервень. Здравствуйте, Йервень.

Йервень (входитъ, сдержанно). Здравствуйте. (Протягиваетъ руку Элинѣ и Карено).

Элина. Какъ поживаете?

Йервень. Благодарю... Я только хотѣлъ сказать тебѣ нѣсколько словъ, Карено... Нѣтъ, не уходите, у меня нѣтъ секретовъ.

Элина (дружески). Я все равно хотѣла уйти. У меня хозяйство. (Уходитъ въ кухню).

Йервень. Я все по тому же дѣлу, Карено.

Карено. Да?

Йервень. И я очень тебя прошу помочь мнѣ. Ты не подозреваешь, каково мнѣ приходится. Теперь на карту поставленъ не экзаменъ и не ученая степень, а все.

Карено. Теперь ты пробуешь подойти ко мнѣ съ другой стороны. Я не могу больше съ тобой говорить. (Поворачивается къ нему спиной).

Йервень. Натали неумолима. Выслушай, что я тебѣ скажу.

Карено. Развѣ ты могъ отъ нея ждать другого?

Йервень (подносить руку ко лбу). Она говорить, что между нами все кончено.—«Неужели ты такъ рѣшила?»—сказала я. Она такъ рѣшила. Она прочла мою книгу и поняла, что это написалъ продажный человѣкъ, какъ она сказала. Хе — она сумасшедшая, истеричка.

Карено. Ничуть. Она просто человѣкъ.

Йервень (продолжаетъ). Но ты можешь спасти все; она полагается на тебя. Я пришелъ сказать тебѣ это. Она говорить: если ты помиришься съ Карено и онъ возьметъ у тебя деньги, значить, твой поступокъ не такъ гадокъ.

Карено. Но то, что ты сдѣлалъ, очень гадко.

Йервень. Карено, если ты не можешь заставить себя взять эти деньги и пожать руку стараго товарища, то я недостаточно знаю тебя.

Карено (строго). То, что ты сделалъ, очень гадко. Ты совершилъ подлогъ, обманъ, предательство. Боже, какая невыразимая гадость!

Йервень. И ты воображаешь, что узналъ меня? Можешь называть меня какъ угодно, но я сюда пришелъ, чтобы подняться. Да, чтобы подняться. Чего ты требуешь?

Карено (смотреть на него). Ты самъ не знаешь, что говоришь.

Йервень. Чего ты требуешь?

Карено (холодно). Ничего.

Йервень (бурно возбужденный). Ради Бога, Карено, будь милосердъ, сегодня. (Опускается на стулъ).

Карено (отходить въ глубину сцены).

Йервень (вскакивая). Ты уходишь? Я хочу тебя просить еще. Развѣ когда-нибудь бывало, чтобы человекъ имѣлъ въ карманѣ деньги и не могъ ихъ отдать взаимы.

Карено. Миѣ не нужны твои деньги. Я жду письма и, когда оно придетъ, я перестану нуждаться.

Йервень. Да, но меня это не спасетъ. Я погибъ. Она ни о чемъ не хочетъ слышать; она гонитъ меня, когда я прихожу. Но ты можешь меня спасти. Ты видишь передъ собой человека, котораго можешь спасти.

Карено. Послушай, Йервень, мое терпѣніе истощилось.

Йервень (въ другомъ тонѣ). Какъ подвигается твоя работа, Карено?

Карено (удивленно смотреть на него).

Йервень. Вѣроятно, она появится еще въ этомъ году? Это будетъ большая книга? Впрочемъ, это меня не касается. Что я хотѣлъ сказать... Изъ нашего послѣдняго разговора ты могъ, пожалуй, вынести впечатлѣніе, что я не думаю того, о чемъ писалъ въ своей диссертации; что я сделалъ это, чтобы угодить профессору Гюллингу. Но ты ошибаешься. Я былъ въ отчаяніи и не зналъ, что говорилъ.

Карено. Ты сказалъ, что тебя заставили признать ученіе, которое противорѣчитъ твоимъ убѣжденіямъ.

Йервень. Не надо понимать этого буквально. У меня были сомнѣнія, это правда. Но когда вдумался глубже, я понялъ, что вступилъ на правильный путь.

Карено. Ха-ха-ха! И профессоръ Гюллингу вовсе не опредѣлялъ номера перчатокъ?

Йервень. Ты можешь смѣяться, сколько угодно; невозможно написать цѣлую книгу, не вѣря въ то, что пишешь. По крайней мѣрѣ, я не былъ бы въ состояніи. Я ужъ не такъ безпринципенъ. И не такъ ужъ тупъ.

Карено. И ты стоишь «непоколебимо» на точкѣ зрѣнія твоей книги?

Йервенъ. Само собой разумѣется...

Карено. Ха-ха-ха! Запиши это, Йервенъ. А то опять забудешь. Ха-ха-ха!

Йервенъ (съ отчаянной настойчивостью). Надѣюсь, ни одинъ изъ насъ этого не забудетъ. Ни я ни ты. Нѣтъ ничего позорнаго въ томъ, что мѣняешь свои убѣжденія, и я вовсе не имѣю въ виду скрывать это. Вѣроятно, ты услышишь объ этомъ.

Карено. Я уже слышалъ. Я достаточно слышалъ.

Йервенъ. Ты услышишь еще больше. (Направляется къ двери) Я протянулъ тебѣ руку, — ты оттолкнулъ ее. Я еще здѣсь, еще не ушелъ. Я жду твоего рѣшенія.

Карено. Мнѣ кажется, ты начинаешь угрожать.

Йервенъ. Ты возьмешь деньги?

Карено. Теперь можешь идти. Мое терпѣніе истощилось. И не возвращайся. Я не знаю тебя. Вонъ! (Указываетъ на дверь).

Йервенъ (дѣлаетъ нѣсколько шаговъ; стоитъ наклонившись впередъ; дрожащимъ голосомъ). Хорошо. Я уйду и не вернусь. Но ты услышишь обо мнѣ. Куда бы ты ни пошелъ, я буду слѣдовать за тобой по пятамъ! Запомни мои слова, — я не шучу. Пиши, издавай твою большую книгу; я убью твое имя. Какъ только ты высунешь голову, Карено, я утоплю тебя; всю твою жизнь я буду стоять за тобой и не дамъ тебѣ подняться. Ты думаешь, я этого не смогу? Запомни мои слова: меня поддерживаютъ сильные люди, и всѣ двери передо мной открыты. Я буду бороться съ тобою во всѣхъ газетахъ и изъ года въ годъ буду доказывать, что ты исписываешься и выдыхаешься. Ты сдѣлаешься ненужнымъ человѣкомъ и ничего не сможешь создать. Въ одинъ прекрасный день ты, можетъ-быть, придешь и позвонишь у моей двери, но тогда меня не будетъ дома. Смотри на меня, Карено, я говорю для того, чтобы ты не забылъ. Сегодня ты все разбилъ въ моей жизни, теперь очередь за мной. Борись, воюй — но я сдержу свое слово. Вотъ что я хотѣлъ сказать! Прощай. (Уходитъ).

(Элина тихо вошла во время этой рѣчи и остановилась у двери въ кухню).

Карено (смотреть то на жену, то на дверь, въ которую вышелъ Йервенъ). Ты понимаешь этого человѣка?

Элина. Я слышала, что вы здѣсь кричали.

Карено. Неслыханно! Онъ мнѣ угрожаетъ!

Элина. Зачѣмъ онъ приходитъ?

Карено. Съ Йервеномъ плохо. Я его не узнаю; все, что было въ немъ дѣннаго, исчезло. Боже мой, онъ стоялъ здѣсь

и грозилъ мнѣ! Карстенъ Йервенъ... мнѣ! Не стоить объ этомъ говорить. Онъ простился и не придетъ больше.

Элина. Онъ просилъ твоей помощи?

Карено. Да. Но я не могъ ему помочь... Ты чистила перчатки? Я чувствую; отъ тебя пахнетъ бензиномъ.

Элина. Онъ сказалъ, что ты все ему разбилъ.

Карено. Да. Все это отвратительно. Я не хочу о немъ думать... У тебя здѣсь запачкано, Элина. Постой. (Смахиваетъ пыль съ ея плеча).

Элина (допускаетъ). Ты могъ ему помочь и не сдѣлалъ этого?

Карено. Да. Я не хотѣлъ... Здѣсь волосъ.

Элина. Ничего. (Идетъ къ столу).

Карено (слѣдуетъ за ней). Я только хотѣлъ снять волосъ.

Элина. Ахъ, Боже мой, оставь же. (Смахиваетъ сама, садится и шьетъ).

Карено. Тебѣ нравятся двубортные сюртуки, Элина? Мой односторонний, но онъ мнѣ больше нравится.

Элина. Ты сегодня совсѣмъ не работаешь, Иваръ?

Карено. Нѣтъ. Сегодня маленькая задержка. Мнѣ ничего не хочется, только болтать съ тобой. Этого со мной никогда еще не случалось; болтать — все равно о чемъ. Но сегодня ночью я, вѣроятно, снова примусь за работу... Впрочемъ, если ты хочешь, я могу попробовать, пойду въ садъ и попробую. (Идетъ къ двери на веранду) Почему ты не хотѣла, чтобы я снялъ волосъ съ твоего платья, Элина?

Элина (невольно улыбается). Ты все еще объ этомъ думаешь?

Карено (также улыбается). Да. Я хотѣлъ знать, мой ли это волосъ?

Элина. По всей вѣроятности.

Карено. Но онъ былъ свѣтлѣе моихъ.

Элина. Значить, мой.

Карено. Нѣтъ, онъ былъ темнѣе твоихъ.

Элина (настораживается и нервно чиститъ себя).

Карено. Онъ былъ русый. (Смотритъ на нее) Такъ, какъ у Ингеборгъ.

Элина (быстро). Значить, это волосъ Ингеборгъ.

Карено. Да, можетъ-быть.

Элина. Можно подумать, что мы дѣти. Мы безъ конца толкуемъ о волосѣ Ингеборгъ.

Карено (задушевно). Милая Элина, я тебя люблю; мнѣ хочется говорить съ тобой, — найти, о чемъ бы я могъ говорить съ тобой. Но за послѣдніе дни ты такъ измѣнилась, и это наводитъ меня на разныя мысли. Я не вѣрилъ, что это во-

дось Ингеборгъ. Но если ты говоришь, значить, это ея. Но я думалъ совсѣмъ другое.

(Слышенъ стукъ садовой калитки).

Элина. Но зачѣмъ объ этомъ думать? Попробуй поработать въ саду.

Карено. Почему ты это говоришь?

Элина. Почему я это говорю?

Карено. Ты ждешь кого-нибудь?

Элина. Ты вѣдь услышишь стукъ калитки, если кто-нибудь придетъ?

Карено. Мнѣ показалось, что она стукнула.

Элина. Тогда подожди и посмотри, кто это.

Карено (искренно). О, нѣтъ, Элина, я этого не сдѣлаю. Я вовсе не для того здѣсь. Я пойду въ садъ и попробую работать. Я всего лучше чувствую себя за работой.

(Отворяетъ дверь на веранду).

Ингеборгъ (входитъ со сверткомъ и письмомъ, которые отдаетъ Карено). Вотъ, пожалуйста. (Уходитъ).

Карено. Это мнѣ? Отъ издателя. (Вскрываетъ письмо и читаетъ. Элина наблюдаетъ за нимъ) Такъ. Отказъ. (Подноситъ руку ко лбу) Отвѣтъ отъ издателя. А это—рукопись. Онъ присылаетъ ее обратно. (Закусываетъ губу и нѣсколько разъ киваетъ головой).

Элина. Что онъ пишетъ?

Карено. Отказываетъ. А здѣсь моя книга. Надпись: «При семь рукопись». Онъ не можетъ ее издать, — пишетъ онъ. Профессоръ Гюллингъ прочелъ и сказалъ, что ее надо основательно передѣлать. (Протягиваетъ ей письмо и начинаетъ бродить по комнатѣ).

Элина (прочтя письмо). Ну, вотъ видишь!

Карено. Онъ ясно говоритъ, что профессоръ Гюллингъ не рекомендуетъ изданіе этой рукописи безъ основательной передѣлки.

Элина. Да, я вижу.

Карено (беретъ письмо). «При семь рукопись», — пишетъ онъ. Какъ будто я намазалъ драму или кучу стиховъ. (Бросаетъ письмо на столъ и ходитъ) Хорошо, попыталось въ Германіи.

Элина. А думаешь, что и тамъ не придется передѣлать?

Карено. Нѣтъ. Я покупаю перчатки по своей мѣркѣ. Профессоръ Гюллингъ не имѣетъ тамъ никакого значенія. Мы живемъ въ эпоху свободы личности, и я — я... Это и есть то письмо, котораго я такъ ждалъ. Ну, вотъ оно и пришло. Да.

Элина (встаетъ и осматриваетъ красное платье).

Карено. Готово?

Элина. Да. Остается только выгладить.

Карено (съ жаромъ): Боже мой, какъ я теперь одинокъ! Но я справлюсь съ этимъ, Элина. Вѣдь были люди съ еще болѣе крайними убѣжденіями, и когда-нибудь меня поймутъ. Передѣлать! Чтѣ я долженъ передѣлать? Говорить «да», гдѣ я теперь говорю «нѣтъ»? (Развертываетъ свертокъ и вынимаетъ, продолжая говорить, тетрадь за тетрадью) Смотри, вотъ здѣсь о господствѣ большинства, и я это отвергаю. Это ученіе, для англичанъ, называю я — евангеліе, которое проповѣдуется на базарѣ, на лондонскихъ докахъ и возводится въ законъ и силу посредственностями. Здѣсь—о дерзновеніи, здѣсь—о ненависти, здѣсь—о мести, это этическія начала, которыя пришли въ упадокъ. Обо всемъ этомъ я пишу. Будь только немного внимательнѣе, Элина, и ты поймешь. Вотъ здѣсь о вѣчномъ мирѣ; всѣ находятъ, что вѣчный миръ прекрасенъ, а я утверждаю, что это ученіе для телячьихъ головъ, которыя его придумали. Да. Я смѣюсь надъ вѣчнымъ миромъ за его наглое пренебреженіе къ гордости. Пусть будетъ война; нечего думать о томъ, чтобы сохранить столько и столько-то человѣческихъ жизней, потому что источникъ жизни неисчерпаемъ и неистощимъ; но необходимо поддерживать въ насъ истинныя начала человечества. Смотри, здѣсь главный отдѣлъ о либерализмѣ. Я не щажу либерализма; я обрушиваюсь на него всѣми моими силами. Но этого не понимаютъ. Англичане и профессоръ Гюлингъ—либералы, но я не либераль, и это все, чтѣ они поняли. Я не вѣрю въ либерализмъ, я не вѣрю въ выборы и не вѣрю въ народное представительство. Все это я прямо написалъ. (Читаетъ) «Этотъ либерализмъ, который воскресилъ старый противестественный обманъ, будто толпа людей въ два локтя вышины сама должна выбрать вождя въ три локтя вышины...» Ты можешь сама прочесть—и такъ все время. Если все это передѣлать, то я долженъ сказать противоположное тому, чтѣ написано. А здѣсь заключеніе! Здѣсь на всѣхъ этихъ развалинахъ я возвелъ новое зданіе, гордый замокъ, Элина; я подвелъ итоги. Я вѣрю въ прирожденнаго властелина, въ деспота по природѣ, въ повелителя, въ того, кто не избирается, но кто самъ провозглашаетъ себя вождемъ этихъ стадъ земныхъ. Я вѣрю и жду одного—возвращенія величайшаго террориста, квинтъ-эссенціи человѣка, Цезаря... Смотри, сколько я работалъ надъ этимъ! (Въ неудержимомъ порывѣ) Это кровь моего сердца, Элина, это—все!

Элина. Я въ этомъ ничего не понимаю.

Карено. Но я объясняю тебѣ. Я говорю просто и сильно, и этого они мнѣ не могутъ простить; это не спокойное изслѣдованіе, отвѣчаютъ они. Чтѣ значитъ спокойное

изслѣдованіе? Складывать камень за камень, арифметическое сложение! Философія, мышленіе—это спокойное изслѣдованіе. Нѣтъ, это не мышленіе, Элина! Человѣку недостаетъ какого-то жалкаго органа, который могъ бы прослѣдить, какимъ путемъ дѣятельность мозга превращается въ сознаніе. Мы только подозрѣваемъ, что мыслимъ; можетъ-быть, мы мыслимъ, а можетъ-быть, и нѣтъ. Мы не въ состояніи этого контролировать; мы просто вѣримъ. Теперь понимаешь? Философія—не спокойное изслѣдованіе, говорю я. Философія—это величественная молнія, которая падаетъ на меня съ высоты и освѣщаетъ меня. Это не арифметическое сложение, это—смотреть, видѣть. Божьей милостью.

Элина. Совершенно бесполезно объяснять мнѣ все это.

Карено. Я только хочу, чтобы ты поняла. Тогда ты иначе будешь смотрѣть на меня.

Элина. Я все равно не пойму.

Карено. Но прежде ты слушала, когда я что-нибудь объяснял. Однажды ты даже прочла толстую книгу о Nicolaus von Cues и поняла ее. Это было не такъ давно, всего—нѣсколько дней тому назадъ.

Элина (твердо мѣняя разговоръ). Я рѣшила, что мнѣ лучше всего на нѣкоторое время уѣхать къ родителямъ. И ты тоже этого хотѣлъ.

Карено (останавливается). Правда?

Элина. Да. Мнѣ кажется, это лучше всего. И такъ какъ ты этого хочешь...

Карено. Нѣтъ, теперь я не хочу. Не теперь!

Элина. Но я хочу.

Карено. Когда ты это рѣшила? Идетъ все хуже и хуже.

Элина. Нѣтъ, ты получаешь только то, чего добивался.

Карено. Не понимаю, какъ я тутъ справлюсь со всѣмъ? Я остаюсь одинъ въ домѣ.

Элина. Готовить будетъ Ингеборгъ.

Карено. Но Ингеборгъ вѣдь тоже уходитъ.

Элина. Нѣтъ, я ей сказала, чтобы она осталась.

Карено. Правда?

Элина. Да, по-моему, пусть остается. Она будетъ смотрѣть за домомъ.

Карено. Тутъ что-то кроется.

Элина. Только то, что мы не въ состояніи ей уплатить жалованья. Поэтому мы принуждены оставить ее.

Карено. А, ну, пусть остается... пока я ей не смогу уплатить. Нѣтъ, мнѣ кажется, идетъ все хуже и хуже. Никогда мнѣ такъ не хотѣлось, чтобы ты не уѣзжала.

Элина. Я много разъ отказывалась, когда ты предлагаешь это.

Карено. Вотъ для чего ты въ послѣднее время приводила въ порядокъ свои вещи! Чистила перчатки и поправляла платья.

Элина. Да, для этого.

Карено (безпокойно бродить). Вотъ какъ! Конечно, намъ счастье не улыбалось. Но я преодолѣлъ бы трудности, но я остался бы твердъ и непоколебимъ. Но это!.. (Подходя къ ней) Не уѣзжай, Элина! Не теперь!

Элина. Боже мой, какъ часто я такъ же настойчиво просила тебя, какъ ты теперь меня, Иваръ.

Карено. Ты такъ далеко отошла отъ меня за послѣднее время; не уходи же еще дальше. Пусть останется хоть такъ, какъ теперь. Я не буду надоедать тебѣ собой; я буду сидѣть въ саду и держаться въ отдаленіи. Но только останься!

Ингеборгъ (входитъ). Утюгъ готовъ, барыня. (Уходитъ).

Элина. Иду. (Идетъ къ кухонной двери).

Карено. Ты твердо рѣшила ѣхать, Элина?

Элина. Да.. (Уходитъ).

(Карено нѣсколько разъ ходитъ взадъ и впередъ. Онъ въ сильномъ волненіи, бормочетъ, двигаетъ губами. Внезапно останавливается, идетъ въ спальню и возвращается съ чучеломъ сокола; становится на стулъ и вѣшаетъ сокола надъ задней дверью. Элина входитъ съ утюгомъ).

Карено (сходя со стула). Я подумалъ... Ты не находишь, Элина... Онъ очень подходитъ сюда. Онъ положительно украшаетъ комнату. Никогда бы не подумалъ, что онъ подойдетъ сюда; но это такъ. Посмотри.

Элина (гладитъ свою красную юбку).

Карено. Ты не находишь, что онъ веселый парень? (Глухо смѣется) Взгляни же, Элина. Кто бы подумалъ, что такая штука можетъ такъ высоко забираться.

Элина. Меня онъ больше не интересуетъ.

Карено (отступаетъ и разсматриваетъ сокола). Онъ все больше и больше мнѣ нравится. Въ самомъ дѣлѣ. Онъ превосходно сдѣланъ. Знаешь, онъ похожъ на профессора Гюллинга. Поразительно, какъ онъ на него похожъ! Глаза, выраженіе клюва, если можно такъ сказать... Но, можетъ-быть, тебѣ не нравится, если я говорю, что онъ похожъ на профессора Гюллинга? Да это вовсе и не такъ. Во всякомъ случаѣ это удивительная птица. Если я вчера забылъ поблагодарить тебя, Элина, то мнѣ искренно жаль.

Элина. Нѣтъ, ты не забылъ поблагодарить.

Карено. Я готовъ это исправить.

Элина. Не можешь ли ты сказать, прошло ли уже полчаса съ тѣхъ поръ, когда ты былъ въ спальнѣ и переодѣвался?

Карено. Съ тѣхъ поръ? Почему ты спрашиваешь?

Элина. Потому что мнѣ хотѣлось бы знать.

Карено. Нѣтъ, полчаса еще не прошло. Развѣ у тебя что-нибудь варится?

Элина. Варится ли у меня?

Карено. Да; я думаю, ты боишься, чтобы оно не перегорѣло.

Элина. Да, у меня что-то варится.

Карено. Видишь ли, Элина, если бы только было возможно, я немного передѣлалъ бы свою книгу. Измѣнилъ бы кое-гдѣ. Повѣрь.

Элина. Но разъ это невозможно, то?..

Карено. Я именно объ этомъ теперь думаю.

Элина. Ты ужъ часто объ этомъ думалъ.

Карено. Знаешь, что мнѣ кажется? Что ты никогда не вернешься, если теперь уѣдешь.

Элина. Какія странныя мысли!

Карено. Ты не вернешься. Я это чувствую.

Элина. Я вѣдь не за границу ѣду.

Карено. Ты замѣтила, я не спросилъ, когда ты уѣзжаешь? Я не хочу этого знать. И ты не должна мнѣ говорить. Щади меня, пока возможно.

Элина. Милый Иваръ, я тебя совсѣмъ не узнаю!

Карено. Прежде я ничего не имѣлъ противъ этого. Я говорилъ: уѣзжай на нѣкоторое время. Но съ тѣхъ поръ столько произошло, теперь я не спокоенъ и не увѣренъ. Но какъ хочешь.

Элина. Да. Хорошо.

Карено (осматривается). Подсвѣчники блестятъ, пыль стерта, все чисто и красиво. Здѣсь ты сидѣла, когда работала. Когда я писалъ, ты была тиха, какъ мышка. Ты всегда тутъ сидѣла. Однажды маленькія ножницы ушали на полъ, помнишь? Ты покраснѣла и сказала: «прости». «Прости» — ты сказала. Пусть благословитъ тебя Богъ, моя дѣвочка—ты сказала мнѣ «прости»! Это было недавно, всего нѣсколько дней.

Элина. Я не понимаю, что съ тобой.

Карено. Я тебя мучу, я ухожу... Ты хочешь ѣхать, Элина?

Элина. Боже мой, довольно объ этомъ говорить. Вѣдь не навѣки я уѣзжаю. Это неслыханно.

Карено. Со всѣмъ остальнымъ я справился бы. Это не такъ трудно. (Элина дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе) Я иду... Ты стоишь передо мною, и я здѣсь чувствую твою теплоту. Когда ты выпрямляешься, я вижу, какъ ты дышишь. Мнѣ кажется,

будто я раньше никогда не видѣлъ этого — какъ ты стоишь и дышишь. У тебя такая бѣлая шея. Почему я такъ мало цѣловалъ тебя! Теперь ты этого не хочешь, ты боишься, что я подойду... Ты любишь другого, Элина?

Элина (молчить).

Карено (страстно). Ты вѣдь не любишь никого другого, да? Вѣдь я люблю тебя, я хочу поцѣловать тебя. (Дѣлаетъ шагъ къ ней).

Элина (быстро поднимая утюгъ). Посмѣй! (Они смотрятъ другъ на друга).

Карено. Ну, ударь утюгомъ, чортъ возьми! Чего ты еще ждешь?

Элина. Я жду тебя.

Карено. Прости, Элина. (Отступаетъ).

Элина (опускаетъ утюгъ).

Карено. Прости, Элина! (Уходитъ на веранду).

Элина (падаетъ безъ силъ на стулъ. Черезъ минуту встаетъ и зоветъ). Ингеборгъ!

Ингеборгъ (отвѣчаетъ изъ кухни, входитъ).

Элина. Возьми, пожалуйста, утюгъ... Послушай, Ингеборгъ, я хочу съѣздить домой. Пока меня не будетъ, ты останешься смотрѣть за домомъ.

Ингеборгъ. Вы уѣзжаете домой?

Элина. Да. Домой, въ деревню. Это всего три мили отсюда.

Ингеборгъ. На нѣсколько дней?

Элина. Не знаю. Конечно, на нѣсколько дней... Когда ты будешь стирать пыль, не забудь также про картину въ спальнѣ, изображеніе Христа.

Ингеборгъ. Хорошо.

Элина. Да, и также здѣсь, всѣ вещи. Но не трогай бумагъ моего мужа. Лучше пусть онѣ останутся пыльными, чѣмъ ихъ перекладывать. И не забудь также ежедневно наливать лампу, чтобы ему не приходилось дѣлать это самому.

Ингеборгъ. Когда барыня уѣзжаетъ?

Элина. Послѣ обѣда. Сейчасъ. Я только переодѣнусь. (Беретъ красную юбку и идетъ въ спальню) Кажется, все. Все, что надо, можешь купить внизу въ лавкѣ. Бери съ собой книжку. (Уходитъ въ спальню; Ингеборгъ въ кухню).

Карено (входитъ возбужденный, страдающій, тревожно осматривается, отворяетъ дверь въ кухню). Барыня здѣсь? (Получивъ отвѣтъ) Въ спальнѣ? (Подходить къ двери, тихо стучитъ; получивъ отрицательный отвѣтъ) Нѣтъ, я вовсе не хочу войти. Я рѣшилъ: я пойду къ издателю. (Ищетъ свою шляпу, дверь приотворяется).

Голосъ Элины. Я не слышала, что ты сказалъ.

Карено. Я говорю, что пойду къ издателю. Кое-что въ

моей книгѣ я могу передѣлать. Я обдумалъ это. Глава о либерализмѣ задѣла профессора Гюллинга; я ее вычеркиваю. Это не важно. Два-три излишніе рѣзкія мнѣнія я тоже могу вычеркнуть. Все-таки это будетъ большая книга, даже если я вычеркну. (Грубо) Повторяю, я ее передѣлаю.

Голосъ Элины. Ты это сдѣлаешь?

Карено. Я вернусь съ авансомъ. У меня въ рукахъ будутъ развѣваться кредитныя бумажки.

Голосъ Элины. Какъ хочешь. (Дверь закрывается).

Карено (оняетъ стучить). Такъ ты мною довольна? Чтò ты тамъ дѣлаешь? (Прислушивается.) Я ухожу. (Беретъ свою рукопись и быстро уходитъ черезъ заднюю дверь. Вслѣдъ затѣмъ слышенъ громкій стукъ садовой калитки).

(Тихо входитъ Бондесень, осматривается, стучить въ дверь. Элина быстро появляется изъ спальни въ красномъ платьѣ; лифъ еще не застегнуть; вскрикнувъ, скрывается).

Голосъ Элины. Одну минуту.

Бондесень. Вы показались, какъ видѣніе.

Голосъ Элины. Я сейчасъ выйду. Сейчасъ.

Бондесень. Но въ красномъ платьѣ! (Садится).

Элина (входитъ, останавливается у двери, радостно смотритъ на него).

Бондесень (вскакиваетъ). А! (Подходить къ ней; восторженно) Боже мой!

Элина (улыбаясь). Я въ красномъ платьѣ; вамъ нравится? (Протягиваетъ ему руки) Пожалуйста, садитесь. Такъ мы ѣдемъ? Какъ я вамъ благодарна!

Бондесень. Карета ждетъ внизу на улицѣ.

Элина. Ходите смѣлѣе. Ничего. И говорите громко, какъ угодно. (Они садятся).

Бондесень. Куда ушелъ вашъ мужъ? Я его встрѣтилъ; я почти столкнулся съ нимъ.

Элина. Мой мужъ въ городѣ. Вы чуть не столкнулись съ нимъ?

Бондесень. Почти у самой калитки. Я посторонился.

Элина. Я столько пережила за эти полчаса. Какая пытка! Я вамъ расскажу въ каретѣ. Наконецъ я свободна!

Бондесень (замѣтивъ сокола). Вотъ какъ! Птица все-таки пала на свое мѣсто.

Элина. Да. Объ этомъ я тоже расскажу вамъ въ каретѣ. Да, теперь все становится на свое мѣсто, но слишкомъ поздно. Теперь я хочу уѣхать; я это ему сказала, онъ знаетъ... Я все время боялась, что вы придете слишкомъ рано. Или совсѣмъ не придете.

Бондесень (въ восхищеніи). Большой ребенокъ! Ну, одѣвайтесь.

Элина. Вы очень хотите?

Бондесенъ. Вамъ нуженъ отвѣтъ? (Береть ее за руку).

Элина. Какъ я рада, что вы хотите!

Бондесенъ. Почему?

Элина. Значить, не я одна. Къ сожалѣнью, на мнѣ все сразу видно. Онъ говоритъ, что я сияю и у меня новое выраженіе глазъ; вы тоже находите?

Бондесенъ. Да, вы вся сияете.

Элина. Правда?.. Да, я хочу это сдѣлать теперь, потому что Богъ знаетъ, смогу ли я сдѣлать это послѣ. Ёдемъ. Я молодая дѣвушка, а вы...

Бондесенъ. А я что?

Элина (улыбается). «Весна проносится надъ землей...» — Знаете это? Я люблю васъ каждымъ уголкомъ моего сердца. Посмотрите на меня.

Бондесенъ (хочетъ ее привлечь къ себѣ).

Элина. Нѣтъ, нѣтъ. Садитесь... Недавно здѣсь былъ Йервенъ; онъ такъ несчастенъ; онъ умолялъ помочь ему въ чемъ-то. Но Иваръ ему отказалъ.

Бондесенъ. Йервенъ опять былъ?

Элина. Да. Но суть въ томъ, что Иваръ былъ неумолимъ. Какъ я теперь... Карета закрытая?

Бондесенъ. Да.

Элина. Можетъ-быть, лучше открытую?

Бондесенъ. Одѣвайтесь, милая.

Элина (встааетъ). Вы сказали: милая. (Откидываетъ его голову назадъ и смотритъ) Теперь я стою совсѣмъ близко отъ васъ. (Внезапно) А! (Обнимаетъ его, крѣпко цѣлуетъ и быстро отбѣгаетъ).

Бондесенъ (вскакиваетъ).

Элина. Нѣтъ, нѣтъ; сидите. Я сейчасъ пойду и одѣнусь. Но у меня еще есть маленькое дѣло. (Уходитъ въ спальню и приноситъ оттуда, пряча подъ рукой, жилетъ Карено. Останавливается въ дверяхъ) Можетъ-быть, вы на минуту пойдете на веранду? Осмотрите садъ; вы можете чувствовать себя вполне свободно.

Бондесенъ. Вы хотите остаться одна?

Элина. Да.

Бондесенъ. Я ухожу неохотно; но... (Уходитъ на веранду).

(Элина начинаетъ быстро пришивать пуговицы къ жилету. Бондесенъ опять входитъ).

Элина (прячетъ жилетъ). Нѣтъ, я еще не кончила.

Бондесенъ. Мнѣ нельзя войти? Я не могу больше быть безъ васъ.

Элина. Я должна пришить двѣ пуговицы къ этому жилету, вотъ и все. Я не хотѣла васъ обидѣть; это жилетъ Ивара.

Бондесень. Вы теперь можете думать о таких пустяках?

Элина. Я общала. Я не хочу, чтобы онъ терпѣлъ изъ-за меня. Потому что теперь мнѣ хорошо. Но все-таки я думаю только о васъ.

Бондесень. Это правда?

Элина. Вы не вѣрите? Не понимаю, какъ я могла любить кого-нибудь другого, кромѣ васъ. Я совсѣмъ потеряла голову.

Бондесень (подавляя возбужденіе). Вы меня съ ума сводите.

Элина. Какъ и вы меня! Садитесь. Вы мнѣ мѣшаете. Я прочла одну книгу, въ ней не было ничего особеннаго, но я запомнила слова: «Вы стойте и дышите зноемъ».

Бондесень (обнимаетъ ее).

Элина. Нѣтъ! (Улыбаясь, указываетъ на стулъ).

Бондесень (опять садится).

Элина. Ну, вотъ готово, все готово. У кучера есть бичъ?

Бондесень. У нашего кучера? Конечно.

Элина. Да, но я ему не дамъ; онъ не долженъ бить лошадей. Бичъ будетъ у меня. Никто не долженъ страдать изъ-за меня, когда мнѣ хорошо.

Бондесень. Прекрасно. Бичъ будетъ у васъ.

Элина. Такъ—готово! Я только повозу Ингеборгъ! (Относить жилетъ въ спальню, достаетъ свое верхнее платье, открываетъ дверь въ кухню) Ну, Ингеборгъ, я уѣзжаю. Смотри за домомъ.

Ингеборгъ (въ дверяхъ). Хорошо. Счастливаго пути!

Элина. Благодарю. (Киваетъ) Кланяйся моему мужу.

Ингеборгъ. Помочь вамъ?

Элина. Нѣтъ, благодарю. Господинъ Бондесень поможетъ мнѣ. (Улыбаясь, киваетъ и закрываетъ дверь).

(Слышенъ стукъ садовой калитки).

Бондесень (вскакиваетъ). Это онъ! (Торопливо помогаетъ Элинѣ надѣть кофточку).

Элина. Нѣтъ, вѣроятно, кто-то другой. Онъ не могъ вернуться съ поль-дороги.

Бондесень. Нѣтъ, это онъ. Выйдемъ отсюда. (Указываетъ на веранду).

Элина. Если это онъ, я могу съ нимъ проститься.

Бондесень. Вы не шутите?

Элина. Вы такъ трусливы. (Улыбаясь и сіяя, закидываетъ голову назадъ) Мнѣ такъ хорошо здѣсь съ вами. Подождите минуту. Опасность такъ ничтожна. Во всякомъ случаѣ, по саду я пойду очень медленно.

Бондесень. Тогда я пойду впередъ. (Хочетъ идти).

Элина. Нѣтъ, нѣтъ; я иду. Но я громко захопну калитку, чтобы онъ зналъ, гдѣ я.

Бондесенъ (задыхаясь). Вотъ! Шаги на крыльцѣ! Вы идете?

Элина (ликующе). Да! Да! (Оба уходятъ черезъ дверь на веранду).

Карено (медленно входитъ черезъ заднюю дверь, колеблясь, подходитъ къ двери спальни и стучитъ). Элина, я вернулся. (Прислушивается) Я снова передумалъ. (Прислушивается, громче) Элина, я не могу. (Прислушивается, стучитъ въ дверь; въ бѣшенствѣ) Я не буду передѣлывать; слышишь? Я не въ состояніи. (Опять стучитъ) Почему ты не отвѣчаешь? Ты здѣсь? (Отворяетъ дверь, смотреть).

Ингеборгъ (входитъ удивленная).

Карено. Барыня на кухнѣ?

Ингеборгъ. Нѣтъ, барыня уѣхала.

Карено. Уѣхала?

Ингеборгъ. Да, барыня уѣхала домой.

Карено. Уже?

Ингеборгъ. Они только-что прошли черезъ садъ.

Карено. Кто это «они»?

Ингеборгъ. Барыня и Бондесенъ.

Карено. Бондесенъ?

Ингеборгъ. Только-что вышли. Барыня велѣла вамъ кланяться. Можетъ-быть, догнать ихъ?

Карено. Съ Бондесеномъ? (Опускается на стулъ).

(Слышенъ рѣзкій стукъ садовой калитки).

Ингеборгъ. Вотъ они захлопнули калитку.

Карено (поднимается, быстро отворяетъ дверь веранды и выбѣгаетъ).

Ингеборгъ (за нимъ). Лучше я.

Карено (возвращается; борясь съ собой). Нѣтъ, оставь; они уѣхали... Благодарю; мнѣ больше ничего не нужно, **Ингеборгъ**. (Снова опускается на стулъ).

Ингеборгъ (направляется въ кухню).

Карено (овладѣвъ собою). Я совсѣмъ забылъ, **Ингеборгъ**. Вѣдь мы условились, что она уѣдетъ. Я просто забылъ, понимаешь?

Ингеборгъ. Да, да.

Карено. Въ послѣднее время я такъ много работалъ и такъ мало спалъ, что совсѣмъ забылъ. Да, да, такъ и должно быть. И Бондесенъ былъ такъ любезенъ, что согласился проводить ее. Онъ общалъ мнѣ это... Благодарю, **Ингеборгъ**, мнѣ больше ничего не надо.

Ингеборгъ. Хорошо.

Карено. А если кто придетъ, то меня нѣтъ дома. Я долженъ работать. Можешь запереть дверь на ключъ.

Ингеборгъ. Хорошо. (Уходитъ).

(**Карено** бродитъ взадъ и впередъ. По временамъ онъ прикладываетъ руку ко лбу, сжимаетъ его, идетъ къ письменному столу, маши-

нально перебирает рукопись, бросает в сторону и снова принимается бродить. В это время слышен стук калитки. Вслед за тем входит Ингеборгъ).

Ингеборгъ. Какіе-то господа пришли.

Карено. Меня нѣтъ дома. Я долженъ работать. (Садится за письменный столъ).

Ингеборгъ. Они велѣли извиниться и передать, что пришелъ судебный приставъ.

Карено (вскакиваетъ). Судебный приставъ? (Пересиливъ себя) Проси войти.

Ингеборгъ (уходитъ).

Карено (стоитъ наклонившись; услышавъ стукъ, выпрямляется). Войдите! (Судебный приставъ и два свидѣтеля входятъ. У одного подъ мышкой протоколъ).

(Карено кланяется).

ИГРА ЖИЗНИ.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ Ю. Балтрушайтиса.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-нъ ОТЕРМАНЪ,

ТЕРЕЗИТА, его дочь отъ перваго брака.

ГУСТАВЪ } его сыновья отъ втораго брака.

ЭЛИАСЪ }

Кандидатъ философіи и домашній учитель ИВАРЪ КАРЕНО.

ФРУ КАРЕНО.

Телеграфистъ ЙЕНСЪ СПИРЬ.

Тю.

Инженеръ БРЕДЕ.

Горничная.

Шкиперъ РЕЙЕРСЕНЪ. Первый горнорабочій. Второй горнорабочій. Женщина легкаго поведенія. Лестадианецъ. Серьезный человекъ. Пьяный. Продавецъ библии. Купецъ. Торговецъ сукномъ. Старая женщина. Дѣвушка. Молодой парень. Странствующие музыканты. Ярмарочные торговцы. Купцы. Горнорабочіе. Простой народъ. Женщины. Лопари. Квены.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сѣверный ландшафтъ съ низкими горами. Сланцевая гора направо и по срединѣ передняго плана закрываетъ весь видъ, однако, нѣсколько поодаль, налѣво, виденъ выступъ высокаго мыса. На самомъ переднемъ планѣ тропика, пересекающая сцену справа—налѣво.

Лѣтній вечеръ. Слабый солнечный свѣтъ, не бросающій почти никакой тѣни.

Карено (слышенъ направо). Вотъ здѣсь, думалъ я. (Идетъ по тропинкѣ и взбирается на сланцевую гору. Ему 39 лѣтъ, и у него совершенно сѣдые волосы) На этомъ мѣстѣ, думалъ я.

Г-нъ Отерманъ (появляется за нимъ, полный, 60 лѣтъ, жизнерадостный). Здѣсь, да. (Также забирается на гору и озирается кругомъ)

Такъ. Что же, какъ сказано, стройте вашъ домикъ здѣсь. Я дарю вамъ земли, сколько хотите.

Карено. Благодарю. Вѣдь сюда всего пять минутъ ходьбы отъ усадьбы, такъ что я могу въ любое время приходиться сюда.

Г-нъ Отерманъ. Вамъ, можетъ-быть, нужно побуравить немного?

Карено. За нами идутъ двое рабочихъ, они-то и примутся за дѣло буравомъ.

Г-нъ Отерманъ. Вѣдь эту скалу придется удалить... Вы хотите строить нѣчто въ родѣ башни?

Карено. Да. Круглое зданіе. Я буду сидѣть здѣсь и работать.

Г-нъ Отерманъ. Но почему круглое?

Карено. Это — опытъ. Я попробую освѣтить себя со всѣхъ сторонъ. Куполь будетъ стеклянный.

Г-нъ Отерманъ (смѣясь). Такъ что вы будете сидѣть какъ бы подъ колпакомъ для сыра?

Карено. А вимую у меня будетъ висѣть сильный рефлекторъ въ куполѣ. Я люблю обиліе свѣта.

Г-нъ Отерманъ. Да, чего только вашъ братъ философъ ни выдумаетъ.

Карено. Мой домъ будетъ горѣть, какъ звѣзда, средь этихъ горъ.

Г-нъ Отерманъ. И здѣсь-то вы будете сидѣть и писать ваше сочиненіе?

Карено. Пополнять его. Заканчивать. (Мечтательно) О, я написалъ уже много, толстыя тетради. Славно работалось въ этомъ году здѣсь на сѣверѣ.

Г-нъ Отерманъ. И потомъ, когда вы кончите сочиненіе?

Карено. Потомъ я надѣюсь найти издателя.

Г-нъ Отерманъ. Разумѣется, найдете.

Карено. Неизвѣстно. Для предыдущей работы я нашелъ издателя, но онъ врядъ ли снова издастъ. Онъ потерпѣлъ убытокъ.

Г-нъ Отерманъ. Книга не разошлась?

Карено. Нѣтъ. Профессоръ Йервенъ писалъ противъ нея.

Г-нъ Отерманъ. Вотъ какъ. Онъ—вашъ врагъ?

Карено. Да, я—общій врагъ.

Г-нъ Отерманъ. Но вы и на этотъ разъ найдете издателя, вотъ увидите. А въ худшемъ случаѣ вы можете сами напечатать сочиненіе.

Карено. У меня нѣтъ средствъ на это.

Терезита (появляется на тропинкѣ справа, стройная, 25 лѣтъ, несмотря на лѣто, одѣтая въ черное. Она ходитъ, сильно выворачивая

ноги). Да, здѣсь мѣсто. Я помогала выбирать. Чтò ты скажешь, папа?

Г-нъ Отерманъ. Одобряю.

Карено. Я такъ благодаренъ, вашъ отецъ хочетъ подарить мнѣ нужное количество земли.

Г-нъ Отерманъ. Повторяю, эти скалы ваши. На что онѣ мнѣ? (Широко водить рукой) Я дарю вамъ все, чтò вы видите, вплоть до моря... Рабочихъ все еще нѣтъ?

Карено. Они обѣщались прійти сейчасъ же.

Терезита. За мною шли двое.

Г-нъ Отерманъ. Н-да, Карено, я радъ, что вы хотите строить вашу башню здѣсь у насъ. Я не менѣ радъ и за моихъ мальчиковъ; вы—прекрасный учитель. И будь жива ихъ мать, она то же самое сказала бы.

Карено. Очень вамъ благодаренъ за все ваше доброе расположеніе.

Г-нъ Отерманъ. Если я вамъ могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ при постройкѣ вашей башни, я къ вашимъ услугамъ.

Терезита. Да, папа, ему нужна лошадь и люди.

Г-нъ Отерманъ. Вѣдь все будетъ улажено въ одинъ день.

(Слѣва на тропинкѣ появляются музыканты; кланяются и останавливаются).

Г-нъ Отерманъ. Здравствуйте... Получите. (Вынимаетъ крону изъ кармана и передаетъ Терезитѣ, а та передаетъ ее дальше первой скрипкѣ, стоящей ближе къ ней).

Контрабасъ (сѣдой и старый, кланяется). Благодарю васъ, г-нъ консуль.

Г-нъ Отерманъ (съ сердечнымъ смѣхомъ). Нѣтъ, я не консуль. Столь же мало въ нынѣшнемъ году, какъ и въ прошломъ. Вы каждый годъ называете меня консуломъ.

Контрабасъ (кланяется). Покорнѣйше благодаримъ.

Г-нъ Отерманъ. По обыкновению, вы отправляетесь на сѣверъ?

Контрабасъ. Да, на сѣверъ изъ дома въ домъ. А потомъ обратно сюда, къ ярмаркѣ.

Г-нъ Отерманъ. Но развѣ вы не знаете, что на сѣверѣ эпидемія?

Контрабасъ. Нѣтъ, не знаемъ. Чтò, бишь, такое на сѣверѣ?

Терезита (отцу). Онъ не понимаетъ слова «эпидемія».

Г-нъ Отерманъ. На сѣверѣ заразная болѣзнь, нервная горячка. Люди мрутъ сотнями.

Контрабасъ. Да, это мы знаемъ.

Г-нъ Отерманъ. Но все-таки отправляетесь. Волей-неволей?

Контрабасъ. О, да, волей-неволей. Почти у всѣхъ насъ семьи дома.

Г-нь Отерманъ. Чтò же, да хранить васъ Богъ! Прощайте.
Контрабасъ. Поворнѣйше благодаримъ за великую помощь.
(Музыканты кланяются и уходятъ направо).

Г-нь Отерманъ. Н-да, столько народу нуждается въ помощи.
Столько нужды. (Смотритъ на часы) Но куда пропали рабочіе?

Карено (Терезитѣ). Вы замѣтили, что контрабасъ говорилъ за всѣхъ ихъ. Первая скрипка должна была молчать. Всегда такъ.

Терезита. Контрабасъ старше всѣхъ.

Карено. Да, правда. Вдобавокъ онъ и годами старше всѣхъ.

Терезита. Папа, почему мы не заставили ихъ сыграть немалого?

Г-нь Отерманъ. Да, милая, почему ты не сказала? Впрочемъ, они скоро будутъ играть въ поселкѣ. (Улыбаясь) Нѣтъ, видно, лучше мнѣ самому поторопить рабочихъ. (Спускается со скалы и уходитъ направо).

Карено. Фрѣкенъ Терезита, теперь у меня будетъ башня.

Терезита (садится у тропинки). Да, теперь у васъ будетъ башня. Я больше всего буду рада ей зимою.

Карено (тоже садится). Почему?

Терезита. Потому что она будетъ такъ ярко горѣть. И я буду каждый день наливать вамъ лампу.

Карено. Правда? А я еще ничего не сдѣлалъ для васъ.

Терезита (нѣсколько отодвигаясь). Чтò вы смотрите?

Карено. Такъ чтò же, фрѣкенъ Терезита?

Терезита. Вы смотрѣли на меня. (Успокоившись) Но все кончится тѣмъ, что вы будете сидѣть здѣсь на башнѣ день и ночь.

Карено. Нѣтъ, я буду возвращаться домой каждую ночь.

Терезита. Тогда я буду встрѣчать васъ. Да, можетъ-быть, нельзя? Но лампу я буду наливать. (Вдругъ) Карено, мнѣ грустно сегодня.

Карено. Да, я ужъ замѣтилъ. Что-нибудь непріятное?

Терезита. Нѣтъ.

Карено. Вы такая гордая.

Терезита. Но весь этотъ свѣтъ, въ которомъ вы намѣрены сидѣть, мнѣ думается, вреденъ для здоровья.

Карено. Это—маленькій опытъ. Тамъ будутъ стекла сверху и снизу; я хочу провести свѣтъ ложными путями.

Терезита. Не понимаю.

Карено. Нашъ глазъ видитъ всѣ предметы выпуклыми: я попытаюсь видѣть плоскости. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Я хочу постигнуть большее, я хочу изслѣдовать все и все запомнить. (Встаётъ въ восхищеніи) Стекла и свѣтъ, го-

ворю,—стекла и свѣтъ. Я возлагаю нѣкоторую надежду на это. При помощи оптическаго обмана мнѣ, пожалуй, удастся расширить мое земное познаніе. Должно удастся. Я озарю свой мозгъ свѣтомъ и, можетъ-быть, приведу себя въ состояніе извѣстнаго ясновидѣнія. (Взволнованно) Ахъ, мнѣ такъ бы хотѣлось доискаться до сути.

Терезита. Вы давно стали такимъ?

Карено. Какимъ?

Терезита. Мнѣ просто пришло на умъ.

Карено. Нѣтъ, какимъ?

Терезита. Вы—какъ луна. (Успокоившись) Ну, а если вамъ не удастся? Если вы не доищетесь до сути?

Карено. Я попытаюсь на тысячи ладовъ. У меня другія средства въ запасѣ. Я бродилъ по своей комнатѣ и плакалъ и придумывалъ... Фрѣкенъ Терезита, Гѣте отдавалъ предпочтеніе тѣмъ, кто ложно шелъ своимъ собственнымъ путемъ, передъ тѣми, кто правильно шелъ чужими путями.

Терезита (разсѣянно). То Гѣте.

Карено. Я написалъ свою социологію, теперь я пишу свою метафизику. И я неутомимъ, я полонъ силъ. Я думалъ и мечталъ, я знаю, что люди знаютъ. Но я хочу знать больше.

Терезита. Карено, говорятъ, вы женаты?

Карено (пристально смотреть на нее).

(Въ это же самое время, справа, входятъ двое горнорабочихъ. У нихъ буравы, совки, ломъ, фитиль, порохъ и вода).

Первый рабочій (въ красной шерстяной курткѣ). Здѣсь, что ли?

Карено. Рабочіе. (Встаетъ) Да, здѣсь. (Поднимается на скалу и показываетъ) Вы здѣсь должны сдѣлать гдѣ-нибудь буровую скважину и взорвать эту скалу.

Первый рабочій. Тутъ гранитъ. Нужно двѣ скважины.

Второй рабочій (молодой, смуглый, очень красивый человекъ). Тутъ сланецъ.

Карено. Предварительно сдѣлайте одну скважину.

(Первый рабочій садится и работаетъ буравомъ. Второй рабочій ударяетъ, стоя. Одновременно съ этимъ музыканты начинаютъ играть за сценой направо. Удары раздаются въ тактъ).

Карено. Фрѣкенъ Терезита, вотъ вы и дождались вашей музыки. (Возвращается къ ней) Слышите, какъ гора отзывается на каждый ударъ. Теперь я вызываю силы. О, мнѣ предстоитъ великое!

Терезита. Я васъ лучше понимаю подъ музыку.

Карено. То, что я хочу учиться у вещей, хочу подслушивать у ихъ двери. Вы находите, что это такъ ужъ фантастично? Если мнѣ удастся, я увижу больше, чѣмъ видѣли люди.

Терезита. Знаете, что тут великолѣпно?

Карено. Знаю ли я, что тут великолѣпно? Что же?

Терезита. Будетъ великолѣпно, если вамъ это удастся.

Карено (возбужденно). Видите ли, фрѣкенъ Терезита, въ нашихъ представленіяхъ нѣтъ ничего абсолютнаго. Мы даемъ имъ твердую исходную точку, и они годны, приносятъ свою пользу. Ударъ по бураву производитъ звукъ. Отлично. Но почему удару по бураву не производитъ свѣта? Это отъ меня самого зависитъ. Слѣпорожденный легко выучится отличать кубъ отъ шара; но дайте ему зрѣніе, и онъ не узнаетъ, что кубъ, а что—шаръ. Хорошо, я мнѣню мою прежнюю исходную точку, я—слѣпорожденный.

Терезита (устало). Мнѣ грустно сегодня.

Карено (садится). Почему грустно вамъ? Вы недовольны мною?

Терезита. Вами? Нѣтъ.

Карено. Вы не должны грустить.

Терезита. Подумать только, что слѣпорожденный растеряется? Неужели онъ такъ и не отличить куба отъ шара?

Карено (встаетъ). Нѣтъ. Развѣ не поразительно? Когда онъ прозрѣлъ, его исходная точка измѣнилась, и вещи раскрываютъ его представленію необычныя свойства. Видите ли, я именно такъ и хочу поступить, хочу привести себя въ такое состояніе, что я увижу измѣненную дѣйствительность. И разъ нѣтъ ничего абсолютнаго, то я преспокойно сажаю «Химеру» на тронъ, приказываю ей существовать, какъ факту, сообщая ей значеніе дѣйствительности, вѣнчаю ее.

Терезита. Когда вы такъ стоите и говорите что-нибудь, то кажется, будто вы плывете на лебедѣ.

Карено (улыбается). Я сяду. (Садится) На лебедѣ? Наоборотъ. Я сажу на моемъ старомъ черномъ конѣ, который несется съ громкимъ топотомъ. Его хвостъ мететъ землю.

Терезита. У васъ локти въ бѣломъ. Пойдите. (Вынимаетъ носовой платокъ и чиститъ его).

Карено. Каменная пыль. Очень вамъ благодаренъ. (Мечтательно) Кромѣ того мнѣ, пожалуй, удастся поколебать все основаніе моего воспріятія времени. Чего я этимъ достигну? Великихъ вещей. Я устремлю свою душу къ берегамъ вѣчности. Да. (Воодушевляется своими собственными словами и встаетъ) Если бъ я могъ совершенно остановить потокъ моихъ ощущеній, то время исчезло бы. Если бъ я могъ уменьшить быстроту потока не болѣе, какъ въ пять разъ, то я перевернулъ бы всѣ мои представленія. День и ночь чередовались бы каждыя четыре минуты; хлѣба сѣялись бы, созрѣвали бы, убирались въ одно мгновеніе. Я сразу достигаю восьмидесяти лѣтъ и

умираю. Но я умираю молодымъ. Мое представленіе высчитываетъ мой возрастъ и находитъ, что мнѣ пятнадцать лѣтъ и десять дней. (Одно мгновеніе стоитъ молча, потомъ садится).

Терезита. Карено, говорятъ, вы женаты?

Карено (помолчавъ). Нѣтъ, я не женатъ. Почему вы спрашиваете?

Терезита. Я слышала.

Карено. Я не женатъ. Вамъ Йенсъ Спиръ рассказывалъ? Онъ вамъ столько рассказываетъ. Когда-то я былъ женатъ.

Терезита. Но ваша жена жива?

Карено (задумчиво). Въ теченіе дня вы дважды спрашиваете, женатъ ли я; что это значить? Если бъ вы знали, какъ неизбѣжно вы должны спросить еще разъ.

Терезита. Подумать только, вы умираете пятнадцати лѣтъ отъ роду, какъ вы сказали! Не такъ ли?

Карено. Вы такъ безпокойны сегодня, фрѣкенъ Терезита.

Терезита (вдругъ встаетъ, отходитъ на нѣсколько шаговъ и возвращается назадъ). Я знаю одну вещь, которая ни вамъ ни папѣ не понравилась бы.

Карено. Знаете?

Терезита. Я готовлю очень тонкій обѣдъ и кормлю имъ нашу собаку.

Карено. Ну, за это вашъ отецъ не сталъ бы васъ наказывать.

Терезита. И потомъ приглашаю молодого голоднаго человѣка стоять и смотрѣть на это.

(Короткое молчаніе).

Карено. Я не знаю, зачѣмъ вы это говорите.

(Музыка раздается громче).

Терезита. Я говорю это, потому что мнѣ шепнули на ухо. Зачѣмъ же иначе я стала бы говорить?.. Слышите, теперь музыка нѣжнѣе..

Карено. Мнѣ кажется, она становится громче.

Терезита. Теперь она грустная. (Бросается на землю, гдѣ она раньше сидѣла).

(Музыка умолкаетъ. Рабочіе перестаютъ ударять).

Первый рабочій (вынимаетъ буравъ и осматриваетъ его; говорить внизъ Карено). Тутъ самая мягкая скала, какую я бурилъ.

Карено (встаетъ и хочетъ отвѣчать).

Терезита (удрученно). И послѣднія мои слова тоже несправедливы?

Карено. Несправедливы? Полноте, фрѣкенъ Терезита.

Первый рабочій. Мягка, какъ глина.

Карено. Вы сказали, что это сланецъ? (Взбирается на скалу)
Глина?

Первый рабочій. Я ужъ не знаю, что это такое. (Смачиваетъ скважину).

Карено. Хорошо, будь, что будетъ. Бурите дальше. (Снова спускается внизъ).

Г-нъ Отерманъ (сверху). Рабочіе пришли?

Карено. Бурять. Скала поразительно мягка.

Первый рабочій. Въ родѣ глины.

Г-нъ Отерманъ (смѣясь). Въ родѣ глины? (Взбирается на скалу, продолжая разговаривать съ рабочими).

Карено (Терезитѣ). Развѣ то, что вы сказали, несправедливо? Можетъ-быть, я васъ обидѣлъ недавно?

Терезита. Нѣтъ, не обидѣли.

(Въ то время, какъ рабочіе снова начинаютъ ударять, музыка играетъ новую вещь, на этотъ разъ дальше. Удары раздаются въ тактъ).

Карено. Скажите, что съ вами сегодня?

Терезита. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. (Смотритъ на него) Хотите-знать? Впрочемъ, со мною рѣшительно ничего.

Карено. Раньше вы обыкновенно бывали веселѣе.

Терезита. Теперь музыка могла бы перестать.

Карено. Фрѣкенъ Терезита, вѣдь вамъ самимъ захотѣлось музыки?

Терезита. Я такъ была увѣрена, что вы будете спорить. (Рѣзко) А теперь я какъ разъ не хочу.

Карено. Я могъ бы пойти къ музыкантамъ и сказать имъ.

Терезита (умоляюще). Нѣтъ, не ходите. (Мѣняетъ разговоръ) Впрочемъ, вамъ не зачѣмъ оставаться здѣсь, разъ вы предпочитаете уйти.

Карено. Я васъ не понимаю.

Терезита. Я сама себя не понимаю. (Снова бросается на землю) Но я хочу быть съ вами.

Карено. Какъ вамъ пришло въ голову?

Г-нъ Отерманъ (направляясь къ нимъ; смѣясь). Кажется, я подарилъ вамъ болото, Карено.

Карено. Болото?

Г-нъ Отерманъ. Съ каждымъ ударомъ буравъ уходитъ все глубже и глубже въ землю. Вы не хотите посмотреть? (Возвращается къ рабочимъ).

Карено. Конечно. (Хочетъ подняться на скалу).

Терезита (встаетъ). Простите.

Карено. Нѣтъ, мнѣ нечего прощать вамъ.

Терезита. Постойте, вы еще больше запылились. (Чиститъ его носовымъ платкомъ) Такъ. Теперь идите.

Карено (снова хочетъ подняться на скалу).

Терезита. Теперь вы уходите?

Карено (смотреть на нее). Нѣтъ. (Спускаетъя назадъ).

Терезита. Теперь вы, конечно, что-нибудь подумали про меня.

Карено. Вы въ очень безпокойномъ настроеніи духа,—вотъ все, что я подумалъ.

Терезита. Я знаю, что, если бъ у меня была возможность обрадовать васъ чѣмъ-нибудь, я бы такъ и сдѣлала.

(Тю, престарѣлый челоуѣкъ, подошелъ къ нимъ. Онъ остановился, выпрямившись и держа шапку въ рукѣ).

Карено. Кто это?

Терезита (оборачивается). Это—Тю.

Карено. Что ему нужно?

Терезита. И неизмѣнный солнечный свѣтъ. Вы не можете сказать, почему больше нѣтъ дождя?

Карено. Вѣдь дождь былъ третьяго-дня.

Терезита. Нѣтъ, не было.

Карено. Увѣряю васъ...

Терезита. Ну, не будемъ спорить даже объ этомъ. Уступаю. Третьяго-дня шелъ дождь. (Короткое молчаніе).

Карено. Такою я васъ уже видѣлъ раньше.

Терезита. День и часъ. Я увѣрена, что вы знаете.

Карено. Когда я познакомился съ вами; въ самый первый день. Годъ тому назадъ.

Терезита. Надѣюсь, я произвела на васъ хорошее впечатлѣніе.

Карено. Конечно, не надѣветесь. Вамъ этого и въ голову не приходило... Но что ему нужно? Онъ не уходитъ.

Терезита. Это — Тю... Знаете, почему мнѣ хочется быть съ вами, Карено?

Карено. Нѣтъ.

Терезита. Потому что вы не грѣшите. Нѣтъ, вы даже не знаете, что вамъ можно грѣшить.

Карено. Вотъ-те разъ!

Терезита. Вотъ мнѣ и хочется быть съ вами.

Карено (улыбаясь). Я и раньше слышалъ ваши причуды.

Терезита. Вотъ тамъ стоитъ этотъ челоуѣкъ. Я ему ничего не скажу, если онъ самъ не заговорить. (Вдругъ) Здравствуй, Тю.

Тю. Здравствуйте.

Терезита. Ты хочешь, чтобы я поговорила съ тобой?

Тю. Нѣтъ.

Терезита. Куда ты собрался на этотъ разъ?

Тю. Далеко.

Терезита. Вѣчно босой. Тебѣ не холодно?

Тю. Нѣтъ.

Терезита (обращаясь къ Карено). Въ иные дни людьми овладѣваетъ тупое страданіе, и никто не знаетъ, откуда оно. Тогда вся земля лежитъ и враждебно смотритъ на человѣка.

Карено (Тю). Вы хотите переговорить съ г-номъ Отерманомъ?

Тю (не отвѣчаетъ).

Терезита (рѣшительно). Одинъ вопросъ.

Карено. Онъ касается этого человѣка?

Терезита. Ваша жена—блондинка или брюнетка?

Карено. Фрѣкенъ Терезита...

Терезита. Блондинка или брюнетка?

Карено. Она была блондинка. Не помню.

Терезита. Свѣтлая блондинка?

Карено. Да, свѣтлая блондинка. У нея былъ радостный взглядъ.

Терезита. Но она уже не молода?

Карено. Да, она была очень молода... Оставьте меня въ покоѣ.

(Музыка останавливается. Рабочіе перестаютъ ударять).

Г-нъ Отерманъ (появляется). Такъ. Скважина готова... Нѣтъ, смотрите, Тю здѣсь. Здравствуй, Тю.

Тю. Здравствуйте.

Г-нъ Отерманъ. Здоровъ и бодръ, по обыкновенію. Все такой же.

Тю. Покуда что, влачусь.

Г-нъ Отерманъ. Еще бы. Но теперь ты ужъ старъ, Тю. (Достаётъ крону изъ кармана и протягиваетъ ему).

Карено (Терезитѣ). Онъ не благодарить.

Терезита (про себя). Подумать только: вся огромная, тяжелая земля лежитъ и съ ужасающей враждою смотритъ на человѣка.

Карено. Вашъ отецъ раздаетъ деньги всѣмъ. Вѣчно раздаетъ.

Г-нъ Отерманъ. Да, да, Тю, Господь съ тобою.

Тю. У меня къ вамъ дѣло.

Г-нъ Отерманъ (снисходительно). У тебя сегодня дѣло, Тю? (Кричитъ рабочимъ) Ну, заряжайте, и дѣлу конецъ.

Первый рабочій. Заряжаемъ.

Терезита. Папа! Карено находить, что ты слишкомъ щедро подаешь.

Г-нъ Отерманъ (смѣясь). Вотъ какъ? Я не такъ богатъ, что бы побѣднѣть изъ-за кроны.

Тю. Мнѣ нужно сказать вамъ кое-что.

Г-нъ Отерманъ. Нужно?.. Я-то свожу концы съ концами, а

у многих даже этого нѣтъ. Въ Корсфьордѣ свирѣпствуетъ лихорадка, народъ терпитъ невѣроятную нужду. Я отправилъ муки на сѣверъ; но что тутъ поможешь! Зараза распространяется, она переходитъ изъ дома въ домъ; дѣти умираютъ. Пожалуй, она скоро будетъ здѣсь.

Терезита. Здѣсь?

Г-нъ Отерманъ. Она идетъ на югъ.

Терезита. Я буду васъ беречь, Карено.

Г-нъ Отерманъ (обнимая ее за талию). Милая! (Выпускаетъ ее) Скажите мнѣ, Карено, что вы посоветуете сдѣлать съ моими мальчиками? Пустить ихъ по торговой части?

Карено. Одного, да. Онъ—настоящій спекулянтъ. Собираетъ яйца птицъ и продаетъ на кухню.

Г-нъ Отерманъ. Это—Густавъ.

Карено. У второго наклонности къ музыкѣ и путешествіямъ.

Г-нъ Отерманъ. Это—Элиасъ. Онъ похожъ на мать. Я подумывалъ потратиться на него, если окажутся средства. Отослать его изъ дому. Терезита, ты бы поиграла съ нимъ отъ поры до времени.

Терезита. Спроси Карено, что онъ посоветуетъ сдѣлать со мною.

Г-нъ Отерманъ (улыбается и беретъ ее за подбородокъ): Съ тобою, маленький бѣсенокъ? Отдать тебя въ институтъ. Ха-ха! Отдать, и все тутъ. Научить тебя уму-разуму. (Обнимаетъ ее) Ахъ, когда-нибудь придутъ и возьмутъ тебя. Къ сожалѣнію.

Первый рабочій. Бе-ре-ги-ись!

Г-нъ Отерманъ. Ну, сейчасъ выпалить. Проваливай! (Уводитъ Терезиту налѣво).

Тю. У меня къ вамъ дѣло.

Г-нъ Отерманъ. Ладно, сейчасъ нѣкогда. Уходите, Карено. Сюда.

Первый рабочій (кричитъ). Бе-ре-ги-ись!

Тю. Мнѣ нужно сказать вамъ кое-что.

Г-нъ Отерманъ (идетъ къ нему и уводитъ его направо). Но развѣ ты не видишь, что будутъ взрывать мину! Сумасшедшій! Живо! (Машетъ ему рукой; спѣшить съ Терезитой и Карено налѣво).

(Первый рабочій удаляется съ признаками страха. Второй рабочій поджигаетъ фитиль и спокойно уходитъ. Тю стоитъ нѣкоторое время и смиренно посматриваетъ на г-на Отермана. Слышно, какъ г-нъ Отерманъ строго кричитъ налѣво: „Берегись же!“. Фитиль дымится. Тю медленно удаляется направо. Мина взрывается. Катятся бѣлыя каменные глыбы. Открывается широкій видъ, на заднемъ планѣ видна горная цѣпь, налѣво — высокий мысъ и дальше съ той же стороны — полоска сняго моря. Направо—нѣсколько красныхъ домиковъ).

(Вдали играетъ музыка).

Первый рабочий (спокойно подходит къ минѣ и зоветъ): Сю-да-а!

Второй рабочий (возвращается): Бѣлый камень.

Г-нъ Отерманъ (справа): Бѣлый камень?

Карено (вслѣдъ за нимъ): Бѣлый камень?

Первый рабочий: Бѣлый камень. Рѣдкой породы, думается мнѣ.

Г-нъ Отерманъ: Но, ради Царя Небеснаго?..

Второй рабочий (ударяетъ ломомъ).

Г-нъ Отерманъ: Что это?

Второй рабочий: Мраморъ. (Кладетъ ломъ на землю).

Карено: Мраморъ?

Первый рабочий: Я такъ полагаю. Мраморъ.

Г-нъ Отерманъ: Невозможно. Посмотрите еще разъ, Гейеръ.

Первый рабочий: Да, посмотри еще разъ, Гейеръ! Живѣе, слышишь.

Второй рабочий (снова ударяетъ ломомъ): Мраморъ. (Кладетъ ломъ на землю).

Первый рабочий: Чему же и быть иначе? Это — мраморъ, вижу я.

Карено: Подумайте, мраморъ! (Бѣжитъ внизъ къ Терезитѣ, которая подошла справа) Слышите, здѣсь мраморъ. Я выстрою свою башню на мраморномъ основаніи. (Возвращается къ минѣ).

Терезита (идетъ за нимъ): Мраморъ?

Первый рабочий: Да. Тонкій слой сланца, а подъ нимъ чистый, бѣлоснѣжный мраморъ.

Карено: Какъ это поразительно! Не правда ли, это можно назвать основаніемъ... Куда дѣвался этотъ человѣкъ?

Терезита: Какой человѣкъ?

Карено: Старикъ. Старець.

...Терезита: Ушелъ.

Карено: Онъ дважды хотѣлъ сказать что-то.

Терезита: Папа, что это хотѣлъ сказать тебѣ Тю?

Г-нъ Отерманъ (задумчиво): Что Тю хотѣлъ сказать?

Карено: У него было дѣло.

Г-нъ Отерманъ: Дѣло? (Приходя въ себя) Ахъ, это у него всегда. Онъ такъ старъ. Нѣкоторые думаютъ, что это — вѣчный жидъ. Да, вѣдь вы о Тю спрашиваете?

Карено: Ну, конечно.

Г-нъ Отерманъ: Его горько обманули въ молодости, обобрали дочиста. Вотъ онъ и сталъ такимъ.

Карено: Что ему было нужно отъ васъ?

Г-нъ Отерманъ: Не знаю... Нѣкоторые называютъ его Справедливостью.

Карено: Справедливостью?

Г-нь Отерманъ. Да. Онъ — помѣшанный... Ну, мнѣ нужно домой, распорядиться кое-чѣмъ. (Смотрить на часы) Я все вотъ думаю, что вашу баню придется перенести въ другое мѣсто.

Карено. Перенести?

Г-нь Отерманъ. Разъ здѣсь оказался мраморъ. Здѣсь могутъ быть цѣлыя сокровища.

Карено. Поэтому-то она и должна стоять здѣсь. Я очень радъ этому обстоятельству. Мнѣ будетъ отлично работать здѣсь, при такой блестящей обстановкѣ... Нѣтъ, мѣло, право, поразило, что этого человѣка зовутъ Справедливостью. Я какъ разъ пишу главу о мудрой Немезидѣ.

Первый рабочій. Прикажете продолжать?

Карено. Да, ломайте. Ровняйте основаніе.

(Г-нь Отерманъ спускается по тропинкѣ и въ раздумьѣ уходитъ направо. Рабочіе начинаютъ работать ломами).

Карено (спускается внизъ). Именно поэтому, думается мнѣ. Разъ почва такая драгоценная... Вы не замѣтили ничего особеннаго въ этихъ людяхъ, фрѣкенъ Терезита?

Терезита (слѣдуя за нимъ). Нѣтъ.

Карено. Одинъ говоритъ, разсуждаетъ, кричитъ: «берегись». Другой молчитъ и поджигаетъ фитиль. Онъ же различаетъ камни.

Терезита. Это—Гейеръ. Онъ былъ на каторгѣ.

Карено. Чтѣ?

Терезита. Гдѣ онъ и научился работамъ на каменоломняхъ.

Карено. За что онъ попалъ на каторгу?

Терезита. За насиліе... Теперь я наконецъ-то знаю, что со мной сегодня.

Карено. Чтѣ же?

Терезита. Йенсъ Спиръ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. (Наблюдаютъ за нимъ).

Карено. Чтѣ? Предложеніе?

Терезита. Чтѣ вы на это скажете?

Карено. Тогда я понимаю, почему вы цѣлый день беспокоитесь.

Терезита (улыбается). Не правда ли? Вѣдь это и беспокоитъ меня. (Смѣется) Вскружило голову.

Карено. Значитъ, я могу поздравить васъ?

Терезита. Да чтѣ я, по-вашему, должна сдѣлать?

Карено. Развѣ еще не рѣшено?

Терезита. Нѣтъ.

Карено. Да чтѣ вамъ сказать? Чтѣ же,—принять, по-моему. Хочу сказать, если вы сами... Постороннему не такъ-то легко... Но я думаю,—принять.

Терезита. Лучше было бы, если б вы этого не думали.

Карено. Поймите меня, какъ слѣдуетъ. Вѣдь мнѣ трудно судить.

Терезита. Потому что мнѣ это какъ разъ не нравится.

Карено. Да, но тогда вы такъ и сдѣлаете. Не дадите согласія.

Терезита. А если я дамъ согласіе, вотъ и дѣлу конецъ.

Карено. Рассказывайте.

Терезита. И никто не станетъ печалиться.

Г-нъ Отерманъ (чрезвычайно блѣдный и въ глубокомъ возбужденіи, справа). Но вѣдь тутъ всюду мраморъ. (Указываетъ).

Карено. Ну, да?

Г-нъ Отерманъ. Здѣсь нельзя строить зданія.

Карено. Но?.. Вы подарили мнѣ участокъ. Вплоть до самаго моря, сказали вы.

Г-нъ Отерманъ. Это же мраморъ, слышите! Я вамъ дарю вонъ тотъ мысъ. Стройте вашу башню тамъ. Я хочу произвести изслѣдованіе; здѣсь всюду долженъ быть мраморъ. Богъ съ вами, сударь.

Карено. На мысу? Вонъ тамъ? (Указываетъ).

Г-нъ Отерманъ. Да. Переселяйтесь на пустырь съ башней. Она тамъ будетъ служить маякомъ для кораблей. (Второму рабочему, указывая) Бурите еще одну скважину здѣсь, Гейеръ.

Первый рабочій. Слушаюсь.

Г-нъ Отерманъ. Потому что здѣсь должны быть сокровища на огромную сумму. (Спускается по тропинкѣ и уходитъ направо).

Терезита. Ваша радость рушилась, Карено?

Карено. Вы замѣтили, фрѣкенъ Терезита, какъ онъ былъ блѣденъ? Глаза у него такъ и горѣли.

Терезита. Глаза у Тю?

Карено. Нѣтъ, глаза у вашего отца. Такъ и горѣли.

(Рабочіе начинаютъ бурить).

Карено. Вы пойдете со мной на новый участокъ?

Терезита. Нѣтъ. Мнѣ лужно домой, къ Йенсу Спиру.

Карено. Да, и то правда. Простите. (Кланяется и уходитъ налѣво).

Терезита (смотреть ему вслѣдъ; тихо). **Карено.** (Скрещиваетъ руки. Молчаніе. Вдругъ зоветъ) Гейеръ! (Второй рабочій подходитъ къ ней) Я больше не хочу. Слышишь? (Топаетъ ногой) Больше не приходи.

(Уходитъ направо).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ усадьбѣ г. Отермана. Направо широкая, приличная каменная лѣстница и часть главнаго строенія съ окнами. Ландшафтъ перваго дѣйствія, открывающійся съ другаго пункта. На мысу выстроено высокое, похожее на башню, зданіе. Море со шхерами, о которыя разбиваются волны.

Осень и частью снѣгъ. Далекій шумъ моря. Три часа пополудни. Смеркается.

Изъ дому доносится игра на роялѣ.

(Йенсъ Спиръ, тридцатилѣтній мужчина съ бородою, у лѣстницы. Онъ курить и слушаетъ музыку. Г-нъ Отерманъ, быстро появившійся справа, проходить мимо лѣстницы и исчезаетъ за отдаленнымъ угломъ дома. Немного спустя онъ возвращается).

Г-нъ Отерманъ. Бурное море сегодня.

Йенсъ Спиръ. Ненастье.

Г-нъ Отерманъ. Чтѣ новаго на линіи, Йенсъ Спиръ?
(Музыка умолкаетъ).

Йенсъ Спиръ. Нѣсколько поврежденій на сѣверѣ сегодня ночью.

Терезита (выходитъ на лѣстницу). Папа, кофе стынетъ.

Г-нъ Отерманъ. Некогда. Гдѣ мальчики?

Терезита. Не знаю.

Г-нъ Отерманъ. Если узнаешь, скажи, гдѣ они пропадаютъ. Они мнѣ нужны.

Терезита. Я ихъ разыщу.

Г-нъ Отерманъ. Всюду работа, а мнѣ некого поставить за нее.

Терезита. Да, но, папа, ты расчелъ всю челядь.

Г-нъ Отерманъ. Развѣ мы можемъ платить? (Йенсу Спиру) Люди теряютъ всякій стыдъ, Йенсъ Спиръ, требуютъ прибавки, высасываютъ человѣка. А не добьются своего, уходятъ.

Йенсъ Спиръ. Вы такъ мило играли, фрѣкенъ Терезита.

Терезита. Тогда я поставлю кофе къ тебѣ въ контору.

Г-нъ Отерманъ. Нѣтъ, мнѣ некогда пить его.

Йенсъ Спиръ (Терезитѣ). Вы не видѣли Карено? Я ищу его съ телеграммой.

Г-нъ Отерманъ (продолжаетъ). Къ тому же у насъ больше нѣтъ средствъ для этой барской жизни.

Терезита. Карено на башнѣ.

Г-нъ Отерманъ. Говорю тебѣ, Терезита, ты не должна зажигать лампу ранѣе четырехъ часовъ. Ты не знаешь, дѣтка, сколько керосину мы сжигаемъ за годъ. (Уходитъ направо, за отдаленный уголъ дома).

Терезита. Вы все еще ищете Карено?

Йенсъ Спиръ. Нѣтъ.

Терезита. Нѣтъ?

Йенсъ Спирь (улыбаясь). Я стою здѣсь и слушаю вашу прекрасную музыку, конечно.

Терезита. Покажите мнѣ еще разъ телеграмму.

Йенсъ Спирь. Я ее запечаталъ.

Терезита. Подписано «Элина»?

Йенсъ Спирь. Да.

Терезита. «Буду сегодня вечеромъ. Элина».

Йенсъ Спирь. Да, приблизительно.

Терезита. Вы правы. Конечно, отъ жены.

Йенсъ Спирь. Откуда мнѣ знать!

Терезита. Который часъ?

Йенсъ Спирь. Три.

Терезита. Три. Черезъ часъ она будетъ здѣсь. Здѣсь, у насъ.

Йенсъ Спирь. Я сообщилъ вамъ эту маленькую новость лишь съ тѣмъ, чтобы во-время предупредить васъ, фрѣкенъ Терезита.

Терезита. Разумѣется. И я васъ такъ и поняла. Ха-ха!

(Густавъ и Эліасъ появляются слѣва, каждый съ лопатой для снѣга на плечѣ).

Йенсъ Спирь. Что вы дѣлали, мальчики?

Густавъ. Мы расчищали дорогу къ башнѣ. Опять заноситъ снѣгомъ.

Йенсъ Спирь. Барено былъ тамъ?

Густавъ. Да.

Эліасъ. Да, онъ былъ тамъ.

Терезита. Папа васъ спрашивалъ. Онъ въ конторѣ.

(Густавъ и Эліасъ ставятъ лопаты и, играя, уходятъ мимо главнаго зданія направо).

Терезита. Вы ждете, Йенсъ Спирь, чтобы ваша возлюбленная сказала что-нибудь?

Йенсъ Спирь. Нѣтъ.

Терезита. Я тоскую по васъ, когда васъ нѣтъ. Я томлюсь безъ васъ.

Йенсъ Спирь. Не можетъ быть.

Терезита. Почему не можетъ быть?

Йенсъ Спирь. Вы не можете тосковать по человѣку, который только одно и знаетъ, что любить васъ, фрѣкенъ Терезита.

Терезита. Вы думаете, пароходъ будетъ здѣсь черезъ полчаса?

Йенсъ Спирь. Пожалуй. Если ничего не случится.

Терезита (смотреть на него). Что же могло бы случиться?

Йенсъ Спирь. Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы случиться?

Терезита. При входѣ въ гавань?

Йенсъ Спирь. Входъ сопряженъ съ многими опасностями.

(Молчаніе).

Терезита (смѣется). Какія у васъ забавныя морщины на лицѣ. Ха-ха!

Йенсъ Спирь. Ваша вина, что у меня появились морщины.

Терезита. Вы скучны. Вы—просто человекъ. Вы мнѣ надоѣли.

Йенсъ Спирь. А Карено?

Терезита. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не отъ міра сего. Когда я иду ему навстрѣчу, я смотрю на него въ упоръ и говорю: «да». Такъ какъ мнѣ кажется, что ко мнѣ идетъ луна и чего-то хочетъ.

Йенсъ Спирь. Вы слышали про Истарь?

Терезита. Чтò?

Йенсъ Спирь. Я сказалъ—Истарь.

Терезита (снова смѣется). Господи, какъ вы похожи на меланхоличнаго кота изъ басни.

Йенсъ Спирь. Котораго вы могли бы превратить въ самаго гордаго глупца на землѣ.

Терезита. Вы не думаете и половины изъ того, что говоритс.

Йенсъ Спирь. Нѣтъ, не думаю.

Терезита. Зачѣмъ же вамъ говорить?

Йенсъ Спирь. Это—моя тактика.

Терезита. А въ глубинѣ души вы преисполнены безстыдства по отношенію ко мнѣ.

Йенсъ Спирь. Да.

Терезита. И это ваша тактика?

Йенсъ Спирь. Нѣтъ, это—мой принципъ.

Терезита. Какъ вы мило ручаетесь за себя. Ха-ха!

Йенсъ Спирь. Но вы бы знали, какъ мнѣ это тяжело.

Терезита (устало и устремивъ глаза въ пространство). Да, да, **Йенсъ Спирь**. Очень возможно, что вы окончательно измучите меня, и я сдамся. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. (Поворачивается къ нему) Но вы бы знали, какъ вы мнѣ противны.

Йенсъ Спирь (низко кланяется).

Терезита. Почему вы такъ низко поклонились?

Йенсъ Спирь. Чтобы скрыть, что я смѣялся.

Терезита. Смѣялись? (Презрительно) Надъ кѣмъ-нибудь изъ насъ?

Йенсъ Спирь (улыбается). Вы не ошиблись, фрѣкенъ.

Терезита. Вонъ Карено. (Зоветь) Карено!

(Карено появляется слѣва).

Йенсъ Спирь. А я васъ ищу.

Терезита. Вы изъ башни?

Карено. Да.

Терезита. Вы кончили работу на сегодня?

Карено. Да.

Терезита. Онъ кончилъ работу на сегодня.

Йенсъ Спирь. Вы все еще вѣрите въ ваши стекла и свѣтъ, Карено?

Карено. Я ни во что не вѣрю. Но я надѣюсь на все.

Йенсъ Спирь. И поддерживаете пламя вашей священной лампы.

Карено. Въ послѣднее время я удачно работалъ. Кое-что проясняется для меня. Ночь—моя пора.

Йенсъ Спирь. Что же вы тогда переживаете? (Достаетъ телеграмму изъ кармана).

Карено. Я зачарованъ ночью, я брожу каждый день и жду ея. И когда она приходитъ, я сажусь тамъ и размышляю. Иногда мнѣ удается видѣть дальше, чѣмъ я видѣлъ.

Терезита. Вы ждете гостей?

Карено. Гости? Я? (Улыбается) Какихъ гостей я могъ бы ждать сюда?

Йенсъ Спирь (подаетъ телеграмму).

Карено. Что это?

Терезита. Это—вамъ.

Карено. Мнѣ?

Йенсъ Спирь (показывая). Распишитесь здѣсь. (Даетъ ему карандашъ).

Карено (расписывается). Телеграмма. Вы увѣрены, что это мнѣ?

Йенсъ Спирь. Можетъ-быть, назначеніе. Васъ награждаютъ.

Карено. Я не жду никакой награды. (Расписывается).

Йенсъ Спирь. Что вы предпочли бы? Ленту или крестъ? (Смѣясь, уходитъ направо и размахиваетъ квитанціей).

Терезита. Не лучше ли мнѣ прочесть ее вамъ?

Карено. Нѣтъ, спасибо! Ахъ, нѣтъ, спасибо! (Смѣется) Это не такъ опасно. (Вскрываетъ телеграмму и читаетъ).

Терезита. Лента или крестъ?

Карено (ходитъ взадъ и впередъ). Сегодня вечеромъ? Скажите, гутъ въ самомъ дѣлѣ написано: сегодня вечеромъ?

Терезита (читаетъ). Сегодня вечеромъ.

Карено. Сегодня вечеромъ. (Вдругъ) На морѣ сегодня буря.

Терезита. Обычное явленіе осенью.

Карено. Въ особенности въ здѣшнихъ мѣстахъ, кажется. Пусть бушуетъ.

Терезита. Да, пусть бушуетъ.

Карено. Предстоитъ опасная ночь. Корабли могутъ погибнуть.

Терезита. Зачѣмъ вы это говорите?

Карено. Ну, и пусть гибнуть корабли, говорю я.

Терезита. Вы такъ поблѣднѣли.

Карено. Фрѣкенъ Терезита, кто бы ни пришелъ и ни спрашивалъ, меня нѣтъ дома.

Терезита. Нѣтъ?

Карено. Прислушайтесь. (Прислушивается) Въ темнотѣ.

Терезита. Это—море.

Карено. Вы слышали крикъ?

Терезита. Нѣтъ.

Карено (отходить на нѣсколько шаговъ отъ двора и прислушивается, подавшись впередъ; быстро возвращаясь назадъ). Мою лампу, фрѣ-кевъ Терезита!

Терезита. Вашу лампу? Вы же кончили дѣла на башнѣ сегодня?

Карено. Почтовый пароходъ придетъ. Такъ нельзя.

Терезита. Пусть приходитъ почтовый пароходъ.

Карено (встревоженный). Развѣ вы не видите, что темнѣетъ? И что море заливааетъ всѣ шхеры?

Терезита (подойдя къ нему вплотную). Хорошо! Вы получите вашу лампу.

Карено (радостно). Очень вамъ благодаренъ. Поскорѣе. Время не терпитъ.

Терезита. Говорю, вы получите вашу лампу. (Поднимается по лѣстницѣ и уходитъ въ домъ).

Г-нъ Отерманъ (возвращается тою же дорогой, которой ушелъ). Это вы? Я какъ разъ шелъ и думалъ о васъ, Карено.

Карено. Чѣмъ могу быть полезенъ?

Г-нъ Отерманъ. Вы, право, могли бы оказать мнѣ услугу, если бъ захотѣли. Вы могли бы работать немного за меня. Я не успѣваю.

Карено. Какая же у васъ работа, г-нъ Отерманъ?

Г-нъ Отерманъ. Всякая работа, въ конторѣ, въ лавкѣ, на пристани. Школьные занятія у васъ до обѣда, а все время послѣ обѣда у васъ свободно.

(Слѣва появился Тю. Онъ стоитъ прямо и съ серьезнымъ видомъ, держа шапку въ рукѣ).

Карено. Вонъ человѣкъ стоитъ.

Г-нъ Отерманъ (оборачивается). Тю... Ты опять здѣсь?

Тю. Да.

Г-нъ Отерманъ. Откуда ты?

Тю. Съ сѣвера.

Г-нъ Отерманъ. Какъ горячка?

Тю. Горячка надвигается все ближе и ближе.

Г-нъ Отерманъ. Что тебѣ нужно?

Тю. У меня къ вамъ дѣло.

Г-нъ Отерманъ. Вѣчно дѣло! Ступай въ домъ, тамъ стоитъ мой кофе для тебя. (Ведетъ Тю къ лѣстницѣ).

Тю. Мнѣ нужно сказать вамъ кое-что.

Г-нъ Отерманъ. Въ другой разъ. (Зоветь) Терезита, отдай Тю мой кофе. (Машеть ему рукой).

Тю (направляется по лѣстницѣ въ домъ, украдкой поглядывая назадъ).

Г-нъ Отерманъ. Крона цѣла осталась.

Карено. Онъ хотѣлъ сказать вамъ что-то.

Г-нъ Отерманъ. Некогда. Мнѣ нужно быть въ десяти мѣстахъ сразу. Мои рабочіе разбрелись, да я и не могу держать помощниковъ. Мнѣ это слишкомъ дорого.

Карено. Вы шутите, г-нъ Отерманъ. При вашемъ-то богатствѣ!

Г-нъ Отерманъ (печально трясеть головой). Вы не знаете, что говорятъ.

Карено. Развѣ вы не продали мраморъ за чудовищную сумму?

Г-нъ Отерманъ. Да, но я, пожалуй, могъ бы получить гораздо больше. Вы не считаете, что я потерялъ. Подумайте, если бъ я подождалъ до сегодняшняго дня.

Карено (безпокойно). Нѣтъ, вы только послушайте море.

Г-нъ Отерманъ. И всѣ эти убытки и платежи разоряютъ меня. Я не преувеличиваю.

Карено. Я стою, какъ на иголкахъ, въ ожиданіи моей лампы.

Г-нъ Отерманъ. Вамъ нужно на башню сегодня вечеромъ?

Карено. Да.

Г-нъ Отерманъ. Вы все дольше и дольше засиживаетесь тамъ. Что пользы въ этомъ?

Карено. Я работаю надъ своимъ сочиненіемъ.

Г-нъ Отерманъ. Вы все исписываете и исписываете груды бумаги. Все это достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Кто же будетъ печатать?

Карено. Вы, г-нъ Отерманъ. Вы обѣщали.

Г-нъ Отерманъ. Я?

Карено. Въ тотъ день, когда нашли мраморъ.

Г-нъ Отерманъ (смѣется). Господь съ вами! Такихъ вещей не говорятъ.

Карено. Да, вы сказали.

Г-нъ Отерманъ. Но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ.

Карено. Ничего не слѣдуетъ?

Г-нъ Отерманъ (смѣется). Но вѣдь это невозможно.

Карено. У меня трое взрослыхъ свидѣтелей.

Г-нъ Отерманъ. Въ самомъ дѣлѣ? Трое свидѣтелей? (Мѣняетъ тонъ) Когда ваша работа будетъ готова?

Карено. Не знаю. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Г-нъ Отерманъ (умоляюще). Но увѣряю васъ, вы должны дать мнѣ отсрочку. Тутъ пахнетъ крупной суммой. Что вы ду-

маете! Ваше сочиненіе не къ спѣху. Дайте ему полежать нѣсколько лѣтъ. Я вамъ совѣтую ради васъ же самихъ.

Карено. Оно созрѣвало у меня въ теченіе двадцати лѣтъ.

Г-нъ Отерманъ. Сплошной грабежъ. Вы безжалостны. (Смотритъ направо) Видите черную точку, вонъ тамъ? Это—рабочіе. Теперь они возвращаются домой, теперь они кончили свою дневную работу въ моей горѣ, въ моемъ мраморѣ. Ахъ, это—шайка разбойниковъ. (Спѣшить навстрѣчу рабочимъ).

Терезита (спускается по лѣстницѣ). Вы не ушли?

Карено. Ушелъ ли, фрѣкенъ Терезита? Я жду лампы.

Терезита. Она послана. Все въ порядкѣ.

Карено. Я дожидаюсь ея, я стою здѣсь и все жду и жду. Каждая минута дорогá.

Терезита. Лампа уже тамъ. Ее скоро зажгутъ.

Карено. Кто понесъ ее?

Терезита. Тю.

Карено. Тю?

Терезита. Справедливость.

Карено (уходитъ и исчезаетъ за отдаленнымъ угломъ зданія).

(Слышны голоса. Терезита поднимается по лѣстницѣ и уходитъ въ домъ. Слева появляются рабочіе съ инструментами на плечахъ. Впереди нихъ г-нъ Отерманъ, онъ идетъ и останавливается, идетъ и останавливается, и все время говорить).

Г-нъ Отерманъ. Вы находите все больше и больше, вы обнюхиваете каждый бугорокъ, и всюду оказывается мраморъ. Чтò вы скажете въ свое оправданіе?

Первый рабочій. Объ этомъ вамъ слѣдуетъ поговорить съ инженеромъ. Онъ сейчасъ придетъ.

Г-нъ Отерманъ. Въ особенности тебѣ, Гейеръ, я запрещаю съ такимъ усердіемъ высасывать меня. Ты больно глубоко видишь подъ землей.

(Лампа въ домѣ зажигается, ея свѣтъ проникаетъ въ окна и освѣщаетъ сцену. Вскорѣ послѣ этого бѣшеная игра на роялѣ).

Г-нъ Отерманъ. Да, ты больно остроглазъ, милѣйшій. Это ты нашелъ послѣднюю жилу?

Второй рабочій. Инженеръ приказалъ мнѣ искать.

Г-нъ Отерманъ. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до инженера.

Третій рабочій. А намъ до васъ.

(Справа появляется Йенсъ Спиръ и останавливается у лѣстницы).

Первый рабочій. Онъ правильно говоритъ. Намъ нѣтъ никакого дѣла до васъ.

Г-нъ Отерманъ. Вы съ ума сошли?

Четвертый рабочій. Мы не ваши рабочіе.

Г-нъ Отерманъ. Чьи же вы рабочіе?

Четвертый рабочій. Компаніи.

Первый рабочий. Правильно. Мы работаем у Компані.

Г-нь Отерманъ. Вы почти всё значитесь у меня въ книгахъ. Чтò вы на это скажете? (Мѣняетъ тонъ) Голубчики, развѣ вы не узнаёте старика Отермана?

Нѣскольکو рабочихъ. Чего же вы отъ насъ хотите?

Г-нь Отерманъ (увлекаетъ двухъ изъ нихъ съ собой). Чего я отъ васъ хочу? Выломайте изрядное количество мрамора и больше не находите. Не находите больше новыхъ жилъ.

Нѣскольکو рабочихъ (которые прислушивались). Ну, нѣтъ, шалишь!..

Г-нь Отерманъ (всѣмъ). Я у васъ не останусь въ долгу. Много-то у меня не наберется, увѣрю васъ. Но немного денегъ я вамъ дамъ. Немножечко одолжу!

(Возрастающій ропотъ и смѣхъ).

Г-нь Отерманъ. Вычеркну всё старые долги.

Четвертый рабочий. Чтò до меня, то я не значусь въ вашихъ книгахъ.

Г-нь Отерманъ. Мнѣ самому нуженъ мой мраморъ.

Голоса. Вонъ идетъ инженеръ. (Всѣ смотрятъ налѣво).

Г-нь Отерманъ (бродитъ кругомъ). Одни убытки всюду. Чтò ни человекъ, то либо мошенникъ, либо обманщикъ. (Йенсу Спиру) Не правда ли, Йенсъ Спиръ?

Голоса. Поговорите теперь съ инженеромъ.

Г-нь Отерманъ. Мнѣ нечего больше разговаривать съ инженеромъ. (Замѣчаетъ, что лампа въ домѣ зажжена) Никакъ уже свѣтъ въ домѣ?

Йенсъ Спиръ. Да.

Г-нь Отерманъ. Я же говорилъ, что у насъ нѣтъ средствъ палить керосинъ! Въ четыре часа, сказалъ я. Не раньше четырехъ.

Йенсъ Спиръ. Фрѣкенъ играетъ.

Г-нь Отерманъ. Надо потушить лампу. (Взбирается по лѣстницѣ и уходитъ въ домъ).

Четвертый рабочий. Онъ не посмѣлъ говорить съ инженеромъ.

Третій рабочий. Мнѣ кажется, въ него чортъ вселился.

Нѣскольکو рабочихъ (смѣясь). Да, мнѣ тоже кажется.

Второй рабочий. А вспомните, сколько добра онъ дѣлалъ раньше.

Инженеръ Бреде (слѣва. Онъ слегка горбатъ; говорить тонкимъ голосомъ; ходить въ шубѣ и все-таки зябнетъ). Чего вы тутъ оставились?

Первый рабочий. Мы разговаривали съ г-номъ Отерманомъ.

Четвертый рабочий. Онъ положительно не узнаваемъ.

Третій рабочий. Я уже говорилъ, въ него самъ чортъ вселился.

Инженеръ Бреде. Тебѣ нечего соваться въ это.

(Лампа въ домѣ гаснетъ).

Нѣсколько рабочихъ. Ну, вотъ, потушилъ свѣтъ.

(Рояль умолкаетъ. На сценѣ темно. Шумъ съ моря возрастаетъ).

Голосъ инженера Бреде. Маршъ!

(Инженеръ Бреде и рабочіе уходятъ направо).

(Вдругъ зажигается яркій свѣтъ на башнѣ на мысу. Онъ падаетъ всюду. Йенсъ Спиръ оборачивается и смотритъ въ этомъ направленіи. Терезита спускается по лѣстницѣ съ зажженнымъ фонаремъ и зрительной грубой. Йенсъ Спиръ дѣлаетъ шагъ впередъ).

Терезита (вздрагиваетъ). Кто тутъ?

Йенсъ Спиръ. Я.

Терезита. Чтѣ вамъ нужно? Мнѣ не нравится, что вы вѣчно ходите за мной.

Йенсъ Спиръ (улыбаясь). Я стоялъ здѣсь и опять слушалъ вашу прекрасную музыку.

Терезита. Да, но мнѣ не нравится, поняли?

Йенсъ Спиръ. Почему вы ходите съ фонаремъ?

Терезита. А вамъ какое дѣло? Я не хочу сидѣть тамъ въ темнотѣ.

Йенсъ Спиръ. Вамъ страшно сегодня вечеромъ?

Терезита. Страшно?

Йенсъ Спиръ (указывая на трубу). А это вамъ зачѣмъ?

Терезита. Ужъ не думаете ли вы, что я вамъ должна давать отчетъ? (Смотритъ въ трубу на башню) Какой веселый свѣтъ!

Йенсъ Спиръ. Хотите спросить меня, далеко ли ушелъ почтовый пароходъ?

Терезита. Нѣтъ... Далеко ли?

Йенсъ Спиръ. Онъ у входа въ гавань.

Терезита. Разумѣется, у входа.

Йенсъ Спиръ. Я встрѣтилъ Тю по дорогѣ.

Терезита. Я послала его съ лампой.

Йенсъ Спиръ. Да, онъ несъ лампу, которая такъ свѣтитъ тамъ.

Терезита (раздраженно). Я же говорю, что послала Тю съ лампой.

Йенсъ Спиръ. Да.

Терезита. Да? Ну, и что же?

Йенсъ Спиръ. Ничего. Я взвѣсилъ лампу.

Терезита. Взвѣсили?

Йенсъ Спиръ. Она была пустая.

Терезита (опускаетъ трубку и подноситъ фонарь къ его лицу). Она была пустая, Йенсъ Спиръ?

Йенсъ Спиръ (пристально смотритъ на нее). Нѣтъ.

Терезита (разсматривая въ трубу). Кажется, свѣтъ убываетъ.

Йенсъ Спирь. Свѣтъ убываетъ?

Терезита (протягиваетъ ему трубу). Ослабѣваетъ.

Йенсъ Спирь (приложивъ трубу). Онъ устраиваетъ иллюминацію по случаю прїѣзда своей жены.

Терезита. Ослабѣваетъ?

Йенсъ Спирь. Да.

Терезита (ставитъ фонарь на землю и прислоняется къ периламъ лѣстницы). Знаете, что особенно печально?

Йенсъ Спирь. Нѣтъ. Что фру Карено ѣдетъ?

Терезита. Что вы—подлая душонка.

Йенсъ Спирь (приложивъ трубу). Теперь лампа гаснетъ.

Терезита. Подумать только, если бъ вы не были такимъ! Вѣдь я могла бы стать женою порядочнаго человѣка.

Йенсъ Спирь (улыбаясь, смотреть на нее). Вы-то, фрѣкенъ Терезита?

Терезита (въ бѣшенствѣ). Ха-ха, вы расчесываете вашу рыжую бороду свинцовымъ гребешкомъ, чтобы она почернѣла.

Йенсъ Спирь. Да.

Терезита. Я видѣла васъ за этимъ дѣломъ сегодня.

Йенсъ Спирь. Да.

Терезита. Потому что кромѣ бороды у васъ уже ничто не краснѣетъ.

Йенсъ Спирь. Теперь лампа мигаетъ.

Терезита (складываетъ руки). Великій Боже, я люблю только Карено. Теперь я думаю о немъ.

Йенсъ Спирь (опускаетъ трубу и смѣется).

Терезита. Вы смѣетесь. Вы всегда смѣетесь. Зубоскалите.

Йенсъ Спирь. Я смѣюсь, чтобы скрыть, какъ мнѣ тягостно.

Терезита. Ваша человѣческая тягость меня мало касается.

Йенсъ Спирь. Я къ этому равнодушень. Мнѣ не нужно ваше состраданіе.

Терезита. Да, а къ чему вы не равнодушны? Я никогда не замѣчала у васъ воодушевленія.

Йенсъ Спирь (страстно). Къ вамъ, къ вамъ не равнодушень. Ваши каменные глаза дѣйствуютъ на меня, ваши вывернутыя ноги и ваши длинныя руки. Когда вы подходите, то грѣхъ загорается, какъ темно-красныя розы, во мнѣ. Я хочу обладать вами, Терезита, я всегда хочу обладать вами. (Хочетъ схватить ее).

Терезита (ускользая). Да я-то больше не хочу.

Йенсъ Спирь. Нѣтъ, хотите. Я буду безпрестанно умолять васъ.

Терезита (топаетъ ногой). Я больше не хочу.

Йенсъ Спирь (улыбается).

Терезита. Вы опять улыбнулись вашей развратной улыбкой. Ахъ, вотъ этотъ ротъ—позоръ на вашемъ лицѣ.

Йенсъ Спирь. Лампа погасла.

Терезита. Погасла? Сейчасъ? (Хватаетъ трубу и смотритъ).

Йенсъ Спирь. Свершилось.

Терезита (бросаетъ трубу на лѣстницу и принимаетъ прежнее положение). Я люблю человѣка, который не ходитъ за мной и не хватаетъ меня. Вы — только гадъ земной **Йенсъ Спирь**, не больше. Вы научили меня вашимъ отвратительнымъ ужимкамъ.

Йенсъ Спирь. Которыя вы и раньше знавали.

Терезита. Ахъ, нѣтъ, неправда. Раньше я немного знала. Я это помню. Но вы оказались маленькимъ животнымъ.

Йенсъ Спирь. А Карено—луна?

Терезита. Да, Карено,—онъ какъ зеленый островъ, куда я подхожу и гдѣ я—дома.

Йенсъ Спирь. Красивая мысль.

Терезита. А вотъ еще красивѣе. Я видѣла однажды большой зеленый цвѣтокъ и себя во снѣ. Если бъ мнѣ никогда не просыпаться!

Йенсъ Спирь. Аминь.

(Съ моря слышна сирена).

Терезита. Чтò это?

Йенсъ Спирь. Пароходъ свиститъ.

Терезита. Развѣ тутъ ожидаются пароходы сегодня вечеромъ?

Йенсъ Спирь. Очевидно.

Терезита. Вотъ вы стоите и то и дѣло унижаетесь. Вамъ это сладко, вы этимъ наслаждаетесь. (Вдругъ набрасывается на него) Ахъ, я васъ ударю! (Ударяетъ его въ грудь).

Йенсъ Спирь. Сильнѣе!

(Снова слышится сирена).

Терезита. Опять свистятъ?

Йенсъ Спирь. И это васъ все еще удивляетъ?

Терезита. Я васъ ударила, **Йенсъ Спирь**.

Йенсъ Спирь. Вы ударили меня цвѣткомъ.

(Съ моря доносится выстрѣлъ).

Терезита. Чтò это?

Йенсъ Спирь. Тревожный выстрѣлъ.

Терезита. Какъ тамъ все забурлило. Пароходные свистки, выстрѣлы, буря. Адскій говоръ.

(Новые свистки, прерываемые выстрѣломъ).

Йенсъ Спирь. Сегодня вечеромъ лампа Карено сослужила бы свою службу, если бъ она не погасла.

Терезита. Лампа была пуста, **Йенсъ Спирь**?

Йенсъ Спирь. Нѣтъ.

Терезита. Она была пуста.

Йенсъ Спирь. Какъ смѣло съ вашей стороны признаваться въ столькихъ убійствахъ.

(Глухая тревога на дворѣ, топотъ, голоса. Огненная полоса взвивается надъ моремъ).

Терезита. Чтò это за огонь?

Йенсъ Спирь. Ракета.

Терезита. Вы думаете, тамъ вѣрная гибель?

Йенсъ Спирь. Да, повидимому.

Терезита. Никого не должно быть между нимъ и мною. Преклонитесь, **Йенсъ Спирь**, низко преклонитесь передъ моимъ дѣяніемъ.

Йенсъ Спирь (низко кланяется и улыбается).

Терезита. Ниже! Недостойно низко! Я уничтожу всякаго, кто попадетъ на нашемъ пути. Я люблю его,—о, я на цыпочкахъ слѣдую за нимъ!

Йенсъ Спирь. Слышите! Тревога на дворѣ.

Терезита. Теперь онъ скоро придетъ.

Йенсъ Спирь. Вы хотите здѣсь остаться?

Терезита. Я хочу видѣть его.

Голось Карено (издали). Лампа гаснетъ. Пароходъ...

Терезита. Это — онъ. Это его голось.

Голось Карено (ближе). Лампу! Лампу!

Йенсъ Спирь. Лампа была пуста, фрѣкенъ Терезита?

Карено (входитъ, задыхаясь). Лампа догораетъ. Я видѣлъ, что она догораетъ, и бросился сюда.

Терезита. Она погасла.

Карено (оборачивается). Да, она погасла. Только-что погасла. Съ ней что-нибудь случилось.

Терезита. Она была пустая.

Карено. Пустая? Господи, какъ дурно вы поступили.

Второй рабочій (справа, съ фонаремъ). Г-нъ Отерманъ здѣсь?

Йенсъ Спирь. Нѣтъ.

Двое другихъ рабочихъ (также справа; одинъ съ фонаремъ). Гдѣ г-нъ Отерманъ?

Йенсъ Спирь. Можетъ-быть, въ конторѣ.

Второй рабочій. Мы ѣдемъ спасать.

Карено. Да, поѣзжайте спасать. Господь вознаградитъ васъ, поѣзжайте сейчасъ же.

Двое остальныхъ рабочихъ. Намъ нужна лодка г-на Отермана.

Карено. Берите! Берите! (Бѣжить за уголь дома и зоветь) Г-нъ Отерманъ!

Терезита (киваетъ). Онъ хочетъ спасти ее.

Одинъ изъ рабочихъ (Терезитъ). Вапшъ фонарь коптитъ.

Терезита. Да. Пусть коптитъ. Я его пушу еще больше.

(Вывинчиваетъ) Йенсъ Спиръ?

Йенсъ Спиръ. Здѣсь.

Терезита (указываетъ на домъ). Пойдемъ туда.

Йенсъ Спиръ (береть ея фонарь).

Терезита. Пойдемъ туда. Красный пѣтухъ поетъ во мнѣ.
(Уходитъ по лѣстницѣ, въ сопровожденіи Йенса Спира).

Голосъ Карено. А потомъ имъ нужна ваша лодка.

(Карено, въ крайнемъ волненіи, появляется справа въ сопровожденіи г-на Отермана).

Г-нъ Отерманъ. Мою лодку? (Рабочимъ) Что случилось?

(Выстрѣлъ съ моря).

Второй рабочій. Вы слышали, что случилось?

(Въ окнахъ въ домѣ появляется свѣтъ. Входитъ Тю).

Г-нъ Отерманъ. Мою лодку? Вы думаете, что тамъ такая большая опасность?

Карено. Да, да. Тамъ несчастье, слышите.

Тю. Пароходъ наскочилъ на камень!

Карено. Пароходъ наскочилъ на камень! Живо, ребята!
(Торопитъ рабочихъ за дальній уголъ главнаго зданія и исчезаетъ).

Г-нъ Отерманъ (кричитъ) Какъ можно осторожнѣе съ лодкой.
(Уходитъ вслѣдъ за ними).

Тю. Постойте. Мнѣ нужно было... (Останавливается и стоитъ одинъ, высокій, стройный, съ шапкой въ рукѣ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ярмарка на землѣ г. Отермана. Лавки, шатры, открытые лотки. Торговцы, моряки, лопари, квены, мужчины и женщины. Музыканты изъ перваго дѣйствія. Горнорабочіе.

Зимній вечеръ. Лунный свѣтъ и сѣверное сіяніе. Снѣгъ. Фонари зажжены.

Народъ движется то здѣсь, то тамъ, по площади.

Купецъ (у своей лавки). Что новенькаго нынче?

Торговецъ сунномъ (у своего шатра). Ничего новаго, насколько мнѣ извѣстно.

Простолюдинъ. Горячка пришла.

Карено (который бродитъ въ толпѣ). Горячка пришла?

Простолюдинъ. Торговцы занесли ее сюда. Она началась вчера.

Карено. Кто-нибудь умеръ?

Простолюдинъ. Двое умерло.

Купецъ (подбоченясь). Пѣлый годъ я слышу про эту горячку. Я больше не боюсь ея.

Молодой парень. Я знаю хорошее средство против горячки.

Голось. Какое средство?

Молодой парень. Нужно стать на четвереньки и бѣжать три дня.

Многіе (смѣясь). Вотъ такъ скачка!

Молодой парень. Потомъ нужно остановиться и перевести духъ у стѣны.

Голось. У чего?..

Молодой парень. У стѣны. А въ эту стѣну нужно вбить крюкъ.

Многіе. Крюкъ? Зачѣмъ?

Молодой парень. И на этомъ крюкѣ нужно повѣситься.

(Громкій хохотъ въ толпѣ).

Молодой парень. Вотъ мое средство отъ горячки.

(Снова хохотъ).

Лестадіанецъ (поднявъ палець). Не шути съ этимъ, молодой человѣкъ.

(Музыканты начинаютъ играть далеко въ сторонѣ).

Молодой парень. Эй! (Схватываетъ дѣвушку и начинаетъ плясать).

(Веселье. Большинство отправляется къ музыкѣ).

Купецъ. Какъ торговля?

Торговецъ сукномъ. Плохо.

Купецъ. А я не могу пожаловаться. Если такъ и дальше пойдетъ, мнѣ придется телеграфировать за новымъ товаромъ.

Торговецъ сукномъ. Чтобъ выслали съ экстреннымъ парходомъ?

Купецъ. Да. Съ экстреннымъ парходомъ. (Уходитъ въ лавку).

Торговецъ платьемъ. Ха-ха! Такъ и повѣрилъ. (Уходитъ въ палатку).

(Фру Карено, 33-лѣтняя дама со свѣтлыми волосами и начинающейся полнотою, появляется со стороны музыки. За нею Терезита и Йенсъ Спиръ).

Фру Карено. Ты пропалъ, Иваръ?

Карено. Я брожу здѣсь.

Фру Карено. Ты все думаешь?

Карено. Какъ странно. Эти люди изъ моего племени. Я вспоминаю ихъ. Я недавно поклонился дѣвушкѣ. Она скрестила руки надъ головой и отвѣтила мнѣ. И моя кровь лопаря забила въ навстрѣчу ей.

Фру Карено. Ты предпочитаешь остаться одинъ?

Карено. Да.

Фру Карено. Пойдемте. (Поворачиваетъ съ двумя остальными).

Терезита (возвращается). Вы предпочитаете остаться одни?

Карено. Нѣтъ.

Терезита. Ваша жена стоитъ и смотритъ на васъ.

Карено. Теперь она ушла... Послушайте, я пришел за вами сюда, на ярмарку. Я знал, что вы здѣсь.

Терезита (изумленно). Вы пришли за мной?

Карено (посмотрѣвъ на нее). Да, ваше изумленіе было искренно. Вы вѣрите мнѣ во всемъ, фрѣкенъ Терезита, вы меня ни въ чемъ не подозрѣваете. Я могъ бы, напримѣръ, быть влюбленнымъ въ васъ, безумно стремиться къ вамъ, а вы и не повѣрили бы.

Терезита. Нѣтъ, я не могла бы надѣяться на это.

Карено. Мы ходимъ другъ около друга каждый Божій день, какъ двое невидимыхъ, не сливаясь. Но я больше не прохожу мимо васъ. Вы всегда впереди меня. Кто вы?

Терезита (съ проблескомъ радости). Я—ваша?

Карено. Не знаю, не знаю. Нѣтъ, вы не моя. Какъ вы можете спрашивать? Правда, что въ тотъ разъ осенью вы хотѣли пустить ко дну почтовый пароходъ?

Терезита. Не знаю. Я думала только о васъ.

Карено. Вы и глазомъ не моргнете. Вы грѣшите передъ лицомъ Всевышняго и не чувствуете ни малѣйшаго угрызения.

Терезита. Каждый разъ я чувствую только одно.

Карено. Красный пѣтухъ пѣлъ въ васъ, сказали вы.

Терезита. Я это не вамъ сказала.

Карено. Нѣтъ, я слышалъ потомъ. Кто-то рассказывалъ мнѣ. Но я потомъ никогда не могъ забыть, что красный пѣтухъ пѣлъ въ васъ.

Терезита. И потомъ приѣхала ваша жена.

Карено. Зачѣмъ вы это говорите?

Терезита. Когда она уѣдетъ?

Карено. Не знаю... О, ваше красивое, мягкое боа! (Подносить ей боа къ губамъ).

Терезита. Вы цѣлуете мое боа! (Тянетъ боа къ себѣ и цѣлуетъ въ то же самое мѣсто).

Карено. Чтѣ вы сдѣлали?

Терезита. Можетъ-быть, хорошее, а можетъ-быть, дурное. Не знаю... Карено.

Карено. Что?

Терезита. Чтѣ я сдѣлала?

Карено. Да.

Терезита. Поцѣловала васъ.

Фру Карено (съ Йенсомъ Спиромъ). Мы не помѣшали?

Карено. Вы не мѣшаете.

Терезита. Да, да, вы мѣшаете, Йенсъ Спиръ.

Йенсъ Спиръ. Мнѣ кажется, вы могли бы опѣвнить мое стремленіе побыть возлѣ васъ, фрѣкенъ.

Терезита. Вы опять сказали то, чего вы не думаете. (Подумавъ) Хорошо, я пойду съ вами.

(Уходитъ съ Йенсомъ Спиромъ. Музыка играетъ ближе).

Фру Карено (смотреть имъ вслѣдъ). Господь съ тобой, у нея мужскія руки.

Карено. У кого?

Фру Карено. Да, что я хотѣла сказать: ты сталъ такой скучный въ послѣднее время.

Карено. Вотъ какъ.

Фру Карено. Такой безжизненный. Раньше ты не былъ такимъ.

Карено. Да, раньше многое было иначе.

Фру Карено. Я не знаю, что съ тобой. (Отодвигается въ сторону) Но, право, стану я бродить здѣсь и быть вѣчно серьезной.

Карено. Какъ хочешь, Элина.

Фру Карено. Потому что это мнѣ совсѣмъ не нравится. (Подходить къ нему и беретъ его подъ руку).

Карено (освобождается). Нѣтъ, не надо.

Фру Карено. Даже этого нельзя? Ни разу? Знаешь, что съ этимъ я не хочу больше мириться.

Карено. Я предпочитаю остаться наединѣ.

Фру Карено. Ты, пожалуй, хотѣлъ, чтобъ я погибла въ тотъ вечеръ осенью, когда я пріѣхала?

Карено. Нѣтъ, Элина. Я былъ радъ тебѣ. Я ждалъ тебя.

Фру Карено. И тутъ же спросилъ, куда я дѣвала свои открытые глаза. Ха-ха!

Карено. Да, куда ты дѣвала свои глаза? Они были такіе синіе.

Фру Карено (поетъ). Тахитахо; это — танецъ съ бубномъ. (Указываетъ на Терезину и Йенса Спира) Возвращаются.

Карено. Кто возвращается?

Фру Карено. У нея кривыя ноги... Нѣтъ, Господи, какой сухарь ты сталъ! (Поворачивается кругомъ) Ты мнѣ надоѣлъ со своей просвѣтленной душой.

Карено. Зачѣмъ же ты пріѣхала?

Фру Карено. Нѣтъ, это глупо. Ты спрашиваешь, зачѣмъ я пріѣхала? Къ своему законному мужу?

Карено. Безъ котораго ты обходилась въ теченіе десяти лѣтъ.

Фру Карено. Тахитахо; это — танецъ съ бубномъ. (Оборачивается) Я больше не маленькая, позволь сказать тебѣ. Прощай! (Исчезаетъ за прилавками направо).

(Г-нъ Отерманъ появляется съ той же стороны, онъ похудѣлъ и въ поношенномъ платьѣ. Онъ что-то поднимаетъ съ земли и прячетъ въ карманъ. Онъ бормочетъ вполголоса).

Купецъ (въ своихъ дверяхъ). Здравствуйте, г-нъ Отерманъ.

Г-нъ Отерманъ. Я какъ разъ говорю самому себѣ, что люди

становятся все расточительнѣе и расточительнѣе. Я всюду въ снѣгу нахожу крючки, гвозди, пуговицы.

Купецъ (подбоченясь). Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, г-нъ Отерманъ, что мы станемъ подбирать такую дрянь? Въ наше просвѣщенное время?

Г-нъ Отерманъ (продолжаетъ). Точно всѣ люди стали богачами. Точно у нихъ сундуки полны золота. (Карено) Вы не знаете, гдѣ мальчики?

Карено. У карусели.

Г-нъ Отерманъ. Я такъ часто думаю, что я имъ оставлю. Я думаю объ этомъ день и ночь. Потому что у меня ничего нѣтъ.

Торговецъ сукномъ (съ своихъ дверей). Ха-ха! Маленько останется, г-нъ Отерманъ.

Г-нъ Отерманъ. Я нанимаю имъ учителя. Трачу на ихъ образованіе большія деньги. Это — единственное, что я могу сдѣлать.

Терезита (съ Йенсомъ Спиромъ). Ваша жена ушла?

Карено. Да.

Г-нъ Отерманъ (продолжаетъ). Надолго ли у меня хватитъ средствъ на это. (Карено) Я говорю, надолго ли у меня хватитъ средствъ на это. Держать такого дорогого учителя.

Терезита (Карено). Вы пойдете съ нами?

Карено. Да. (Уходитъ съ Терезитой и Йенсомъ Спиромъ).

Какой-то человекъ (появляется). Можно будетъ помѣстить больную женщину?

Г-нъ Отерманъ. У меня?

Мужчина. Она заболѣла у насъ въ лодкѣ. Она уже лежитъ и бредить.

Г-нъ Отерманъ. У меня нѣтъ мѣста. Люди приходятъ и хотятъ помѣститься, переполнили весь домъ, а денегъ не платятъ.

Человѣкъ. Это — горячка.

Г-нъ Отерманъ. Я не могу, милѣйшій.

Человѣкъ. Вы не откажете намъ въ этомъ благодѣяніи.

Г-нъ Отерманъ. Я не хочу, чтобъ у меня была горячка въ домѣ. Ты съ ума сошелъ?

Человѣкъ. Мы положимъ ее въ домъ. Вы не можете отказать. (Поворачивается и быстро уходитъ).

(Музыка умолкаетъ. Появляется все больше и больше народа. Смѣхъ и громкое веселье).

Г-нъ Отерманъ. Не могу отказать? Я долженъ содержать больницу для всѣхъ?

Голосъ изъ толпы. Ну, вотъ, горячка началась.

Молодая дѣвушка. Горячка?

Голосъ. Двое лежатъ подъ нашимъ навѣсомъ.

Другой голосъ. И двое подъ нашимъ.

(Веселье унимается).

Какой-то человѣкъ (приходить). Чтò случилось?

Второй голосъ. Горячка.

Лестадианецъ (поднявъ палець). Это — кара Божья!

Пьяный. Чтò такое—Божья кара? Чтò такое—Божья кара?

Третій голосъ. Молчи, Аронъ.

Пьяный. Хе-хе! Хотѣлъ бы я знать, чтò такое Божья...
Божья кара. Хе-хе!

(Появляются музыканты, привѣтствуя г-на Отермана).

Г-нъ Отерманъ. Я вамъ больше ничего не могу дать. У меня нѣтъ ничего. Чтò вамъ нужно?

Контрабасъ. Намъ ничего не нужно, г. консулъ. Мы играемъ.

Г-нъ Отерманъ. Да, вы играете и играете и зарабатываете уйму денегъ; а мнѣ-то какъ быть? Вы должны заплатить за квартиру въ этомъ году.

Контрабасъ. За квартиру? У насъ нѣтъ дома на вашей землѣ.

Г-нъ Отерманъ. Да, у васъ нѣтъ дома. Это остроумно. У васъ нѣтъ никакихъ расходовъ. А деньги загребаете. (Уходитъ за прилавки направо).

Купецъ (подбоченясь). Ха-ха! Онъ уже не въ своемъ умѣ.

Пьяный. Нѣтъ. Хе-хе! Онъ не въ своемъ... Онъ—помѣшанный. (Вдругъ очень серьезно и почтительно кланяется купцу) Говорю, онъ—помѣшанный.

Купецъ. Онъ все больше и больше таетъ. Богатство погубило его.

Пьяный. Да. Хе-хе! Самое ужасное, что я видѣлъ, богатство взяло и погубило его. (Снова кланяется купцу) Говорю, самое... самое проклятое...

(Веселье снова прибываетъ. Музыканты дуютъ на пальцы и останавливаются у лавки купца).

Голосъ. Сколько рюмокъ ты хватилъ сегодня, Аронъ?

(Хохотъ въ толпѣ).

Пьяный. Я? Сколько рюмокъ? (Третій разъ кланяется купцу) Говорю, самое проклятое... (Человѣку, который дергаетъ его за куртку) Оставь, говорю.

(Музыка играетъ).

Пьяный (поетъ, дѣлая всевозможныя гримасы). Двѣнадцатилѣтнія дѣвочки и полный стаканъ. (Начинаетъ плясать).

Серьезный человѣкъ. И это—мѣсто, гдѣ началась горячка!

Многіе. Правильно сказано.

(Вдругъ пьяный валится въ снѣгъ).

Серьезный человѣкъ. Такъ не шути сегодня больше. Аронъ.

(Идетъ къ нему и хочетъ поднять его) Встань, слышь. (Къ толпѣ)
Лицо у него посинѣло.

Многіе. Чтò? (Спѣшать къ нему).

Серьезный человѣкъ. Должно-быть, съ нимъ ударъ!

(Многіе дѣлають знакъ музыкѣ, которая останавливается).

Серьезный человѣкъ. Возьмите вотъ такъ, и отнесите его
въ домъ.

(Пьянаго уносятъ).

Лестадианецъ (поднявъ палець). Божій гнѣвъ поразилъ его!

Молодая дѣвушка. Я больна. Мнѣ холодно.

Пожилая женщины. Ступай домой, дитя. Ступай домой.

Молодая дѣвушка. Не могу. Помогите.

(Молодую дѣвушку уводятъ).

Продавецъ библии. Настали грозныя времена. Купите слово
Божье. (Предлагаетъ писаніе).

Какой-то человѣкъ (показываетъ вдаль). Смотрите, какимъ
краснымъ становится сѣверное сіяніе.

Многіе (громко). Красное, какъ кровь!

Женщина. О, Боже! О, Боже мой!

Первый каменотесъ. Нѣтъ?.. Мои часы остановились.

Второй каменотесъ. Остановились? (Смотритъ на часы) Пять
часовъ.

Первый каменотесъ (смотреть на свои часы, встряхиваетъ, при-
слушивается). Не пойму. Шли до послѣдней минуты. Стоять
на пяти.

Лестадианецъ (поднявъ палець). Подумайте о концѣ!

Женщина. О, Боже! Боже мой!

Другой человѣкъ. Въ послѣдніе дни творится столько пора-
зительныхъ вещей. Въ моемъ приходѣ корова отелилась дико-
виннымъ теленкомъ.

Третій человѣкъ (четвертому). Ты не слышалъ мухи сегодня
ночью?

Четвертый. Да. Я долго лежалъ и слышалъ ее. Муха
среди зимы!

Третій (второму). Какой же теленокъ?

Женщина. Молчи! Не говори!

Другія женщины окружаютъ ее и отводятъ въ сторону.

Одна изъ женщинъ. Молчи. Она беременна.

Пятый человѣкъ. Я встрѣтилъ человѣка на пристани.

Многіе (толпятся вокругъ него). Человѣка? Чтò съ нимъ
случилось?

Пятый. Ноги у него были не какъ у всѣхъ людей. Онѣ были
искривлены.

Многіе. Обѣ ноги?

Пятый. Обѣ.

Квень (взываетъ къ небу). Юмала!

Одинъ (пятому). Ты не разговаривалъ съ нимъ?

Пятый. Я поклонился, но онъ не отвѣтилъ. Онъ держалъ шапку въ рукѣ.

Второй. Гдѣ онъ теперь?

Пятый (обернувшись). Вонъ стоитъ. (Указываетъ на Тю).

(На ногахъ у Тю пара фантастическихъ башмаковъ, каблуками впередъ и носками назадъ. Онъ держитъ шапку въ рукѣ).

Многіе (отступая назадъ). Господи, спаси насъ!

Лопарь (скрещиваетъ руки надъ головой и кричитъ). Ибмель! Ибмель!

Простолюдинъ. Кто это?

Шкиперъ Рейерсенъ (старикъ въ высокихъ сапогахъ). Ты его не знаешь?

Рыбакъ. Нѣтъ.

Женщина (въ мужской курткѣ). Я его тоже не знаю.

Отдѣльные голоса. И я.

Продавецъ библии. Кажется, я узнаю его.

Лестадианецъ (поднявъ палецъ). Это—Тю. Справедливость.

Отецъ (сыну). Поди, прочти молитву.

Сынъ. Я знаю только молитву рыбаковъ.

Отецъ. Поди, прочти молитву рыбаковъ. (Уходитъ съ сыномъ).

Простолюдинъ (Тю). Почему ты ходишь въ такихъ башмакахъ?

Тю. Ты меня знаешь?

Простолюдинъ. Нѣтъ.

Тю (другому). А ты меня знаешь?

Второй. Нѣтъ. Я не знаю тебя.

Тю. Вы всѣ знаете меня и избѣгаете меня. Замѣтивъ мои слѣды на снѣгу, вы сворачиваете и уходите другою дорогой.

Многіе (въ страхѣ). Посмотрите на его башмаки.

Тю. Когда я шелъ на сѣверъ, вы шли на югъ. Двадцать лѣтъ вы избѣгали меня. Теперь я настигъ васъ.

Старуха. Помолись за насъ.

Тю (изумленно смотритъ на нее).

Старинъ. Да, помолись за насъ.

Тю. У меня дѣло.

(Грянулъ выстрѣлъ).

Лопари (скрещиваютъ руки надъ головой). Ибмель! Ибмель!

Женщины. Что это?

Старуха. Господи Боже мой!

Второй каменотесъ. Просто взрывъ мины въ каменоломнѣ.

Лестадианецъ (поднявъ палецъ). Не шути съ этимъ, молодой человѣкъ.

Второй каменотесъ (изумленно). Глупости! Просто взрывъ мины, говорю.

Старикъ (въ экстазѣ). Ты *долженъ* помодиться за насъ. Идемъ сюда. (Уводитъ Тю).

Тю. Нѣтъ!.. Мнѣ нужно было...

(Тю уводить. Большинство слѣдуетъ за нимъ; Терезита, Йенсъ Спиръ и Карено остаются. Нѣсколько дальше, изрѣдка между лотками и шатрами проходить люди).

Квенъ (взываетъ къ небу). Юмала! (Быстро уходитъ за толпой).

Карено. Чтò здѣсь случилось? Взываютъ къ Богу на всѣхъ языкахъ.

Йенсъ Спиръ. Восточная симфонія.

Терезита. Вы уходите, Йенсъ Спиръ?

Йенсъ Спиръ. Да, вы правы. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ нужно на станцію. Надѣюсь, вы извините. (Кланяется и уходитъ направо).

Карено. Мнѣ это становится невыносимымъ. Вы увлекаете меня съ собою и лишаете меня всякаго покоя.

Терезита (тихо). Вы тоже нарушили мой покой.

Карено. Я пересталъ работать, я не могу кончить моей главы о справедливости, потому что я вѣчно думаю о васъ. Башня пустуетъ, дѣло моей жизни гибнетъ.

Терезита. Это мучить васъ?

Карено (схватываетъ ея боа). Нѣтъ, нѣтъ. Это радостно.

Терезита. Я не надѣялась дожить до этого дня.

Карено. Терезита!

Терезита. Ну?

Карено. Одно лишь ваше имя журчить во мнѣ. Оно шумить, какъ шелковое знамя.

Терезита. Да, когда вы зовете меня.

Карено. Терезита!

Терезита. Ну? Чтò вамъ нужно? (Бросается ему на шею) Ахъ, нѣтъ, постойте, я стану на колѣни. Да, да, не говорите ничего, я хочу быть безраздѣльно вашей. (Падаетъ на землю) Теперь вы любите меня?

Карено. Да. (Поднимаетъ ее).

Терезита (припадая къ его плечу). Скажите еще разъ. Все время говорите это.

Карено. Зачѣмъ вы стали на колѣни?

Терезита. Я повиновалась кому-то.

Карено. Вы были, какъ змѣя, зачѣмъ? Вы подняли голову и откинулись. Я видѣлъ вашу поразительно крѣпкую шею.

Терезита. Я ломала руки въ порывѣ къ вамъ, Карено. Я стояла въ своей комнатѣ и смотрѣла въ стѣну и прислушивалась къ вамъ... Дохните на меня.

Карено (дышитъ на нее).

Терезита. Еще! Это—какъ звѣздный свѣтъ! Я шумно вымываюсь надъ землей. (Снова появляется много народу на рынкѣ).

Карено (вдругъ обнимаетъ ее). Пойдемте.

Терезита. Итти?

Карено. Развѣ мы должны остаться здѣсь, среди всѣхъ этихъ людей?

Терезита. Куда вы хотите меня увести?

Карено. Туда. (Указываетъ направо) Домой.

Терезита (подумавъ). Гдѣ ваша жена? (Медленно отходить отъ него).

Карено. Моя жена? (Рѣзко) Она мнѣ не жена. Больше нѣтъ. Никогда.

Терезита (оборачивается). Она уѣзжаетъ сегодня вечеромъ? (Медленно уходитъ направо).

Карено (стоитъ нѣкоторое время и задумывается, потомъ быстро идетъ по рынку).

Какой-то человѣкъ. Начинается вѣтеръ.

Второй. Становится холодно къ ночи. Благодаря сѣверному сіянію.

Человѣкъ. Кольцо вокругъ луны.

Йенсъ Спиръ (справа, съ телеграммой въ рукѣ). Шкиперъ Рейерсенъ, яхта «Звѣзда юга».

Второй. Его здѣсь нѣтъ.

Третій. Онъ въ молеельнѣ. Я позову его. (Уходитъ направо).

Женщина легкаго поведенія (справа, подъ густой красной вуалью). Это мнѣ?

Йенсъ Спиръ. Телеграмма? Нѣтъ. Вы чего-нибудь ждете?

Женщина легкаго поведенія. Да. Я жду телеграммы отъ какого-нибудь бразильскаго торговца брильянтами со жгучими глазами.

Йенсъ Спиръ. А кто вы?

Женщина легкаго поведенія (поетъ). Меня зовутъ Морой; тахитахо.... А вы кто?

Йенсъ Спиръ. Вы ходите по рынку?

Женщина легкаго поведенія. О, да! Веселюсь.

Йенсъ Спиръ. Вы изъ молеельни?

Женщина легкаго поведенія. Ха-ха! Мое бѣдное суетное сердце... Вы хотите спросить еще что-нибудь, Йенсъ Спиръ?

Йенсъ Спиръ. Вы меня знаете?

Женщина легкаго поведенія. Ваши глаза, какъ блуждающіе огоньки.

Йенсъ Спиръ. Куда вы идете?

Женщина легкаго поведенія. Куда вамъ угодно.

Йенсъ Спирь (изумленно). Вы можете болтать безъ конца. Съ густою вуалью на лицѣ.

Женщина легкаго поведенія (страннымъ движеніемъ срываетъ вуаль со своей шляпы, нѣкоторое время смотритъ на Йенса Спира и, уходя направо, прячетъ вуаль въ карманъ).

Йенсъ Спирь. Фру Карено!

(Г-нъ Отерманъ, разговаривая съ инженеромъ Бреде, появляется справа, въ сопровожденіи одѣтыхъ въ блузы рабочихъ съ инструментами на плечахъ).

Г-нъ Отерманъ. Не въ томъ дѣло, что это — мраморъ; а въ томъ, что вы находите его. Вы все находите и находите. Вы не оставите мнѣ мрамора даже на одну ступеньку для лѣстницы.

Инженеръ Бреде. У меня нѣтъ приказанія отъ Компаніи оставить вамъ нѣсколько ступенекъ для лѣстницы.

Г-нъ Отерманъ. Но мы могли бы прійти къ соглашенію. Если бѣ я предложилъ вамъ вознагражденіе.

Инженеръ Бреде. На всякій случай я призываю васъ въ свидѣтели словъ г-на Отермана. Вы слышали?

Первый рабочій. Да.

(Инженеръ Бреде холодно приподнимаетъ шляпу и уходитъ направо, въ сопровожденіи рабочихъ).

Г-нъ Отерманъ. Это — мой мраморъ.

Продавецъ библии (съ книгами въ рукахъ). Купите слово Божье.

Г-нъ Отерманъ. Я? Развѣ я могу купить что-нибудь? Меня ограбили.

Продавецъ библии. Вотъ выдержки изъ библии на каждый день въ году. Вотъ «Негритянка Нелли, или Цвѣтокъ Суматры». Вотъ «Кроткій Утѣшитель».

Г-нъ Отерманъ (качая головой). Не могу.

Продавецъ библии (обиженно). Не можете? При вашихъ-то деньгахъ?

Г-нъ Отерманъ. Да проститъ вамъ Богъ ваши слова! Я потерялъ все.

Продавецъ библии. Тогда я могу подарить вамъ эту книгу.

Г-нъ Отерманъ (жадно схватываетъ ее). Спасибо. (Прячетъ книгу въ карманъ).

Окружающіе. Взялъ. Не постыдился.

Продавецъ библии. И да послужитъ она вамъ во благо!

Г-нъ Отерманъ. Всѣ эти люди, Йенсъ Спирь, — богачи. Наживаютъ уйму денегъ.

Йенсъ Спирь. Я встрѣтилъ вашу дочь. Она больна.

Г-нъ Отерманъ. Терезита больна? (Ищетъ на землѣ и отъ поры до времени прячетъ что-то въ карманъ).

Йенсъ Спирь. Очевидно, схватила горячку. Она вся дрожала по дорогѣ домой.

Шкиперъ Рейерсенъ (въ сопровожденіи многихъ другихъ, справа).
Шкиперъ Рейерсенъ, яхта «Звѣзда юга».

Йенсъ Спиръ (вручаетъ ему телеграмму, указывая). Распишитесь здѣсь. (Г-ну Отерману) Стало-быть, ваша дочь больна.

Г-нъ Отерманъ. Что же я долженъ сдѣлать, Йенсъ Спиръ? (Продолжаетъ искать на рынкѣ).

Йенсъ Спиръ (беретъ квитанцію и слѣдуетъ за г-номъ Отерманомъ).

Какой-то человѣкъ. Что новаго, шкиперъ?

Шкиперъ Рейерсенъ (который наконецъ распечатать телеграмму).
Приказъ къ отплытію. Появилась навага.

(Карено и фру Карено справа).

Карено. Очень хорошо, что я тебя сейчасъ же нашель. Ты *должна* уѣхать, Элина.

Фру Карено. Но я вовсе не боюсь горячки, слышишь.

Карено. Она передается отъ человѣка къ человѣку. Я ни за что не ручаюсь, если ты останешься здѣсь.

Какой-то человѣкъ. Когда вы снимаетесь съ якоря, шкиперъ?

Шкиперъ Рейерсенъ. Сегодня вечеромъ.

Человѣкъ. Лучше вѣтра вамъ и ждать нельзя. Прямо въ тылъ.

Шкиперъ Рейерсенъ. Но къ ночи онъ перейдетъ въ бурю. (Взглядываетъ на небо).

Карено (шкиперу Рейерсену). Куда вы отправляетесь?

Шкиперъ Рейерсенъ. На югъ.

(Карено отводитъ шкипера Рейерсена въ сторону и разговариваетъ съ нимъ).

Служанка (съ непокрытой головой и въ бѣломъ передникѣ, быстро появляется справа). Г-нъ Отерманъ здѣсь? (Замѣчаетъ его) Г-нъ Отерманъ, фрѣкенъ Терезита больна.

Карено (вздвогнувъ). Терезита?

Г-нъ Отерманъ (въ сопровожденіи Йенса Спира). Горячка?

Служанка. Да. Она хочетъ доктора.

Г-нъ Отерманъ. Что? Мнѣ некого посылать за докторомъ.

Служанка. Я могу переговорить съ кѣмъ-нибудь изъ рабочихъ.

Г-нъ Отерманъ (Йенсу Спиру). Вы, пожалуй, думаете, что пу-
стяки послать лодку за докторомъ. (Служанкѣ) Ты должна по-
торговаться съ ними, слышишь. Они любятъ запрашивать.
(Снова ищетъ на рынкѣ. Служанка быстро уходитъ направо).

Карено. Я переговорилъ съ этимъ человѣкомъ, Элина. Ты можешь ѣхать съ нимъ.

Фру Карено (съ выраженіемъ разочарованія). Съ этимъ ста-
рикомъ?

Шкиперъ Рейерсенъ. Но только поскорѣе. Приходите на
пристань черезъ часъ. (Идетъ по рынку).

Карено (лихорадочно). Итакъ, ступай домой и собирайся.
(Уводитъ сопротивляющуюся фру Карено направо).

Голось фру Карено. Съ такимъ старикомъ!
(Пришло много народу. Музыканты дуютъ на пальцы и опять собираются играть).

Купецъ (въ дверяхъ). Ничего не подѣлаешь, приходится телеграфировать.

Торговецъ сукномъ. За новымъ товаромъ?

Купецъ. За большою партией новыхъ товаровъ. (Уходитъ).

Торговецъ сукномъ. У него не было ни одного покупателя сегодня. (Уходитъ).

Г-нъ Отерманъ (Йенсу Спиру, который уходитъ). Вы домой, Йенсъ Спиръ?

Йенсъ Спиръ. Да.

Г-нъ Отерманъ. Скажите, что лодки не нужно.

Йенсъ Спиръ. Не нужно?

Г-нъ Отерманъ. Да. Моей дочери лучше, слава Богу.

Йенсъ Спиръ. Откуда вы знаете?

Г-нъ Отерманъ. Я думалъ объ этомъ. Ахъ, куда ни посмотришь, полное разореніе.

Йенсъ Спиръ (слѣдуетъ за нимъ).

(Музыканты начинаютъ тихо играть).

Какой-то человѣкъ (приходить). Аронъ умеръ.

Многіе. Умеръ?

(Дѣлаютъ знакъ музыкантамъ, тѣ останавливаются).

Женщина. О, Господи! Господи!

Серьезный человѣкъ. Вотъ видите, сколь коротка жизнь человѣческая.

Лестадианецъ (поднявъ палецъ). Воздаяніе за грѣхи—смерть.

Продавецъ библии. Настали грозныя времена. Купите слово Божье.

Служанка (снова появляется справа; кричитъ). Г-нъ Отерманъ, никто изъ рабочихъ не хочетъ ѣхать за докторомъ.

Г-нъ Отерманъ (въ сопровожденіи Йенса Спира). Не хотять?

Служанка. Нѣтъ. Боятся бури къ ночи.

Г-нъ Отерманъ (съ радостью). Копеечка рубль бережетъ. (Служанкѣ) Скажите Терезитъ, что завтра она будетъ здорова.

Йенсъ Спиръ (подумавъ). Скажите Тервзитъ, что я самъ поѣду.

Г-нъ Отерманъ. Вы?

Купецъ (выходитъ изъ лавки съ телеграммой). Тутъ у меня телеграмма. Нельзя ли отправить сейчасъ же?

Йенсъ Спиръ (разрываетъ конвертъ и читаетъ). Вы ничего не продаете?

Купецъ (подбоченясь). Это васъ не касается.

Йенсъ Спиръ (возвращаетъ ему телеграмму). Вы просите у хозяина денегъ на дорогу?

Купецъ (въ бѣшенствѣ). Вы пошлете телеграмму?

Йенсъ Спиръ (швыряетъ телеграмму). Нѣтъ. У меня другія дѣла. (Служанкѣ) Ступайте домой. (Застегиваетъ свою куртку, нахлобучиваетъ шапку на голову и исчезаетъ).

Купецъ (кричитъ Йенсу Спиру вслѣдъ). За это вы отвѣтите. (Подбираетъ телеграмму и быстро уходитъ въ лавку).

Торговецъ сукномъ (который стоялъ въ дверяхъ у себя). Ха-ха! Вотъ такъ новый товаръ. (Уходитъ).

(Проносающійся звонъ колокольчиковъ, лай собакъ и топотъ какъ бы множества животныхъ).

Терезита (справа, въ незастегнутомъ платьѣ и съ распущенными волосами; озирается кругомъ). Его здѣсь нѣтъ?

Многіе. Кого?

Терезита. Я не хочу, чтобъ у меня была горячка, зачѣмъ мнѣ это? Я лежала въ постели, но я встала и пришла сюда. Я хочу быть здѣсь.

Нѣкоторые. Что это за колокольчики?

Терезита. Да, это я устроила. Я выпустила всю скотину.

Нѣкоторые. Зачѣмъ?

Терезита. Слышите, какъ прыгаютъ каровы. Почему здѣсь такъ тихо? Играйте, музыканты; вотъ у меня корона. (Достаетъ корону изъ кармана и поднимаетъ ее вверхъ).

Серьезный человѣкъ. У нея горячка.

Терезита. Теперь жизнь бушуетъ, и собаки лаютъ. Нѣтъ, играйте, музыканты. Я праздную мѣсяцъ моей новой любви.

Серьезный человѣкъ. Зазорно слушать подобныя вещи.

Старуха (застегиваетъ платье Терезитѣ). Жаль бѣдняжекъ. Это—
Терезита **Отерманъ**.

Лестадианецъ (поднимаетъ палецъ и хочетъ говорить).

Терезита. Скажите ему, когда онъ придетъ, что я была здѣсь и искала его. Скажите ему. Я искала двадцать лѣтъ. (Лестадианцу) А что ты, рабъ Божій, думаешь обо мнѣ?

Старуха (снимаетъ свой платокъ и кладетъ на плечи Терезитѣ). Дай, я тебѣ помогу. (Уводитъ ее).

Лестадианецъ. Больше не грѣши.

Терезита (оборачивается). Больше не грѣшить? Ахъ, рабъ Божій, я не грѣшу, я повинуюсь кому-то. Я иду и по всему свѣту ищу его.

Серьезный человѣкъ. Очевидно, она говоритъ объ отцѣ. Гдѣ г-нъ Отерманъ?

(Тю стоитъ въ отдаленіи направо).

Старуха. Пойдемъ, дѣтка.

Терезита. Вонъ Тю. Ты получишь корону. (Бросаетъ ему монету и уходитъ со старухой направо).

(Тю спѣшить впередъ, спотыкается въ своихъ башмакахъ и падаетъ).

Серьезный человекъ. Ты упалъ? (Передаетъ Тю монету и помогаетъ ему встать).

Нѣкоторые въ толпѣ (приподнимаются на цыпочки). Кто упалъ?
Другіе. Справедливость.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мѣсто второго дѣйствія, но безъ снѣга. Тихое море. Поздній вечеръ весною. Солнечный свѣтъ.

Служанка лежитъ въ окнѣ и чиститъ стекла съ наружной стороны. Г-нъ Отерманъ входитъ справа, еще болѣе худой и нищенски одѣтый, громко бормоча про себя, ища глазами на землѣ.

Г-нъ Отерманъ (про себя). Вы находите все больше и больше съ каждымъ днемъ. (Останавливается и показываетъ руками) Огромныя бѣлыя глыбы подъ землей. (Идетъ) Вы не оставляете мнѣ даже дощечки для стола. (Замѣчаетъ служанку) Говорю вамъ, вы не должны тратить слишкомъ много мыла.

Служанка. Да, мы не должны тратить много мыла.

Г-нъ Отерманъ. Вы должны мыть водой. Необыкновенно чисто отмывается и одною водою.

Служанка. Я скажу это фрѣкенъ.

Г-нъ Отерманъ. Терезита дома?

Служанка. Нѣтъ, ушла съ инженеромъ.

Г-нъ Отерманъ. Потому вы должны разыскивать меня, если покажется, что меня долго нѣтъ дома.

Служанка. Да, мы разыщемъ васъ.

Г-нъ Отерманъ. Вы недостаточно присматривали за мной въ послѣднее время. Кто знаетъ, вѣдь я могу захворать.

Служанка. Полноте!

Г-нъ Отерманъ. И, можетъ-быть... (Озирается кругомъ) Кто-нибудь изъ этихъ рабочихъ можетъ подстеречь меня.

Служанка. Еще бы!

Г-нъ Отерманъ. Вѣдь что ни рабочій, то разбойникъ. (Йенсу Спиру, который медленно появляется изъ-за дальняго угла зданія въ нѣсколько поношенномъ платьѣ) Что новаго на линіи сегодня, Йенсъ Спиръ?

Йенсъ Спиръ. На какой линіи?

Г-нъ Отерманъ. На телеграфной.

Йенсъ Спиръ. Вы забываете, что я устраненъ отъ должности.

Г-нъ Отерманъ. Ну, конечно, вы устранены. Что же вы теперь подѣлываете?

Йенсъ Спиръ. Ничего. Я не работаю. Отъ работы тупѣешь и грубѣешь.

Г-нь Отерманъ. Счастливыи челоуѣкъ, кто и не трудяся можетъ жить. Я выбился изъ силъ.

Йенсъ Спиръ (служанкѣ). Фрѣкенъ Терезита дома?

Служанка. Нѣтъ, она вышла съ инженеромъ.

Г-нь Отерманъ. Я выбился изъ силъ, говорю.

Йенсъ Спиръ. Кто на что гораздъ. (Обращаясь къ Карено, который появляется справа) И вы бродите, какъ я?

Карено. Брожу.

Йенсъ Спиръ. И смотрите на людей со вѣсѣмъ снисхожденіемъ, какого они заслуживаютъ... Значить, фрѣкенъ Терезита ушла съ инженеромъ?

Служанка. Да. (Закрываетъ окно и чистить стекла съ внутренней стороны).

(Карено поворачивается и уходитъ).

Йенсъ Спиръ. Ушелъ... А у меня новость. (Указываетъ головою направо) Вонъ тамъ нашли новую жилу.

Г-нь Отерманъ (бѣгаетъ кругомъ). Опять новую жилу? Йенсъ Спиръ, они не унимаются, ежедневно находятъ новую жилу! Этому и конца не будетъ!

Йенсъ Спиръ. Эту нашли сегодня утромъ. (Прислоняется къ периламъ лѣстницы).

Г-нь Отерманъ. Сегодня утромъ, сегодня утромъ. Новую жилу. (Маленькими, безпокойными шажками уходитъ направо).

(Терезита и инженеръ Бреде появляются слѣва. У инженера Бреде пистолеть въ рукѣ).

Инженеръ Бреде (снимаетъ шляпу). Ну, здѣсь я долженъ покинуть васъ, фрѣкенъ.

Терезита. Скажите, что это васъ огорчаетъ.

Инженеръ Бреде. Это приводитъ меня въ отчаяніе... Хотите оставить пистолеть у себя?

Терезита. Нѣтъ, спасибо.

Инженеръ Бреде. До скорого свиданія. (Кланяется и уходитъ).

Терезита (Йенсу Спиру). Если это вы тутъ стоите, то я лучше пойду назадъ съ инженеромъ.

Йенсъ Спиръ. Это не я. Когда-то былъ я.

Терезита. Вы вѣчно намекаете на это. Почему васъ уволили, Йенсъ Спиръ?

Йенсъ Спиръ. Потому что я отлучился изъ конторы однажды зимою.

Терезита. И привезли мнѣ доктора?

Йенсъ Спиръ. Да.

Терезита. Развѣ не мило съ моей стороны, что я даю вамъ возможность лишній разъ заявить мнѣ объ этомъ?

Йенсъ Спиръ. Очень вамъ благодаренъ.

Терезита (раздраженно). Но зачѣмъ вы это сдѣлали? Я васъ

не просила. Теперь я все время должна видѣть ваше худое лицо человѣка безъ мѣста.

Йенсъ Спирь. Мнѣ больно, что я причиняю вамъ неприятности.

Терезита. Ваши щеки все больше и больше вваливаются; ваше платье изнашивается.

Йенсъ Спирь. На то я сюда и явился, чтобы вызвать ваше состраданіе.

Терезита. Лгите больше. Зачѣмъ вы пришли сюда?

Йенсъ Спирь. Я пришелъ сюда, фрѣкенъ Терезита, поблагодарить васъ за обѣдъ, который ваша служанка принесла мнѣ сегодня утромъ.

Терезита. Но вы отослали обѣдъ обратно?

Йенсъ Спирь. Да, я отослалъ его обратно.

Терезита. И все-таки благодарите?

Йенсъ Спирь. И все-таки благодарю.

Терезита (подумавъ). Ну, хорошо, — вы это сдѣлали. Что же дальше?

Йенсъ Спирь. Вы намѣрены и впредь посылать мнѣ обѣдъ?

Терезита. А вы намѣрены и впредь нуждаться въ немъ?

Йенсъ Спирь. Въ такомъ случаѣ соблаговолите оставить это.

Терезита (смѣясь). Я не могу обѣщать кормить васъ и впредь.

Йенсъ Спирь. Вы не должны рассчитывать на это. Вы должны снова поискать работы.

Йенсъ Спирь. Спасибо, мнѣ больше ничего не нужно. (Уходитъ).

Терезита (смотреть ему вслѣдъ). Вы забавны сегодня. А что будетъ, если и вамъ pošлю миску супу къ вечеру?

Йенсъ Спирь (оборачивается). А будетъ то, фрѣкенъ Терезита, что при удобномъ случаѣ я подстерегу васъ, поймаю васъ за руку и многозначительнымъ образомъ суну вамъ двѣ кроны. (Нѣкоторое время смотреть на нее и потомъ медленно уходитъ направо).

Карено (изъ-за дальняго угла зданія; нервно). Терезита?

Терезита (проводитъ рукою по лбу).

Карено. Васъ не было дома. Я искалъ васъ. Вы гуляли съ инженеромъ.

Терезита. Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Онъ многозначительнымъ образомъ хотѣлъ дать мнѣ двѣ кроны.

Карено. Кто?

Терезита. Онъ такъ и сказалъ. Вы понимаете? (Ее осѣняетъ мысль) Ахъ! (Топаетъ ногой) Я такъ и сдѣлаю. (Сжимаетъ руки и бродитъ кругомъ) Я такъ и сдѣлаю. (Останавливается и зоветъ) Николина!

Служанка (открываетъ окошко). Что?

Терезита. Отнесите Йенсу Спиру миску супу:

Служанка. Хорошо. (Закрывает окно).

Терезита (кричит въ окно и дѣлаетъ знаки). Большую миску. (Оборачивается; съ вынужденной кротостью) Это—вы, Карено? Чтѣ вамъ нужно?

Карено. Вы опять гуляли съ инженеромъ.

Терезита. Мы стрѣляли изъ пистолета.

Карено. Вы такъ часто гуляете съ нимъ.

Терезита. Да. Я начинаю любить его. Вы еще что-нибудь хотите знать?

Карено. Я не могу... и не въ силахъ ссориться съ вами. И я больше ни въ чемъ не стану упрекать васъ. Скажите только, вы не шутите, Терезита?

Терезита. Господь съ вами, довольно трогательны ваши откровенные вопросы.

Карено (оскорбленно). Я не хочу растрогать васъ. Я хочу знать правду.

Терезита. Вы не такой, какимъ я васъ считала, Карено. Я вамъ уже раньше говорила. Вы—человѣкъ, какъ всѣ, исполненный пошлаго и глупаго грѣха. Вы мнѣ надоѣли.

Карено. Но когда-то, когда-то вы любили меня?

Терезита. Боже мой, вы думали, что я любила ваше лицо лопаря и ваши тонкія ноги? Ахъ, нѣтъ, вы не красавецъ! Но вы были такъ кротки, я думала, что вы были полны чѣмъ-то изъ другого міра; потому что ваше лицо волновало меня. Но потомъ разочаровалась.

Карено. Почему разочаровались? Развѣ я пересталъ говорить о стеклахъ и свѣтѣ?

Терезита. Каждый вечеръ вы являлись и смотрѣли на меня. Вотъ такъ. (Смотритъ на него косымъ взглядомъ) А это что-нибудь да значило. И этимъ вы наскучили мнѣ.

Карено. Въ такомъ случаѣ я больше никогда не буду смотрѣть на васъ такъ.

Терезита (качаетъ головой). Теперь уже поздно.

Карено (съ жаромъ). Но, послушайте, чтѣ вамъ было нужно отъ меня?

Терезита. Чтѣ мнѣ было нужно, Карено? Вѣтка склонялась въ моей рукѣ, когда я стояла предъ вами.

Карено. Какъ теперь склоняется передъ инженеромъ?

Терезита. Да.

Карено. И чтѣ вы любите въ немъ?

Терезита. Можетъ-быть, его горбъ. Богъ знаетъ, чтѣ моему сердцу угодно любить въ немъ.

Карено (схватываетъ ее за руку). Ударьте меня въ лицо, но продолжайте называть меня вашимъ,—слышите?

Терезита. Какъ печально, что вы меня просите объ этомъ.

Карено. Дайте мнѣ срокъ и не бросайте меня, Терезита. Не дѣлайте этого сразу. Подождите, пока мы снова увидимся.

Терезита (съ выраженіемъ отвращенія). Вы еще чего-нибудь хотите отъ меня?

(Солнце заходитъ).

Карено. Нѣтъ. Но вы только взвѣсьте это еще разъ.

Терезита. Вотъ солнышко уже совсѣмъ зашло.

Г-нъ Отерманъ (выходитъ изъ-за отдаленнаго угла зданія, бормоча про себя; замѣчаетъ Карено). Новая жила, Карено. Еще новая жила. Я какъ разъ говорю, что мнѣ нужно побесѣдовать съ вами.

(Терезита поднимается по лѣстницѣ и уходитъ въ домъ. Карено невольно протягиваетъ за нею руку).

Г-нъ Отерманъ. Мальчики растутъ. Впредь имъ самимъ придется пробиваться. Горькая нужда гнететъ, Карено.

Карено. Мальчики сидятъ въ комнатѣ и учатся.

Г-нъ Отерманъ. Въ самомъ дѣлѣ? Хорошо. Вы ихъ учитель. Я чрезвычайно доволенъ вами.

Карено. Очень вамъ благодаренъ.

Г-нъ Отерманъ. Но у меня больше нѣтъ средствъ на это. Это превышаетъ мои силы.

Карено. Что вы хотите сказать, г-нъ Отерманъ?

Г-нъ Отерманъ. Мнѣ очень неприятно. Мальчики привязаны къ вамъ; но впредь они должны остаться безъ учителя.

Карено. Какъ? Вы меня увольняете?

Г-нъ Отерманъ. Я разоренъ. Сегодня нашли новую жилу.

Карено (помолчавъ). Хорошо, г-нъ Отерманъ. Я принимаю отказъ. (Молленно уходитъ направо).

Г-нъ Отерманъ (бормочетъ и чего-то ищетъ на землѣ). Вы ходите за мной. Вы шепчетесь за моей спиной и показываете пальцами на меня. У васъ недоброе въ умѣ. (Останавливается) Бѣлыя скалы надъ землей. (Широко показываетъ руками). Вотъ какія большія.

Инженеръ Бреде (справа, съ пистолетомъ въ рукѣ; кланяется).

Г-нъ Отерманъ. Сегодня опять новая жила, слышу я?

Инженеръ Бреде. Боковая жила. Отвѣтвленіе главной.

Г-нъ Отерманъ. Все равно. Это—моя жила.

Инженеръ Бреде. Вы хотите сказать—Компаніи.

Г-нъ Отерманъ. Я возбуждаю всеобщую жалость. Мнѣ больше нечего ѣсть.

Инженеръ Бреде. Тогда вы достойны глубокаго сожалѣнія.

Г-нъ Отерманъ. Я думалъ обратиться къ вамъ. Вы можете опять поставить меня на ноги.

Инженеръ Бреде. Если могу, то мнѣ будетъ только пріятно.
Г-нъ Отерманъ (обрадованный). Да, не правда ли, не правда ли? Вы такъ и сдѣлаете? Поможете мнѣ снова стать на ноги?.. Вы ищите моей дочери? Я устрою, чтобы все шло, какъ по маслу. Цвѣтущая дѣвушка; нѣтъ? (Хлопаетъ его по животу) Чтѣ, молодой человѣкъ? Хе-хе, вы — большой плутъ! (Указываетъ на дверь) Отсюда вамъ видно ея окно. Она живетъ вонъ тамъ. Заглядывайте къ ней отъ поры до времени; слышите? О, вы парень веселый, вижу я!

Инженеръ Бреде (въ замѣшательствѣ). Фрѣкенъ Терезита дома?

Г-нъ Отерманъ. Я сейчасъ сбѣгаю за ней... Г-нъ инженеръ, значить, вы могли бы оставить новую жилу для меня?

Инженеръ Бреде. Но какъ это сдѣлать?

Г-нъ Отерманъ. Я вамъ заплачѣ. Мы могли бы подѣлиться. Оставьте жилу, какъ есть, глубоко подъ землей.

Инженеръ Бреде. То, чтѣ вы мнѣ предлагали, не болѣе и не менѣе, какъ преступленіе.

Г-нъ Отерманъ. Меня ограбилл.

Инженеръ Бреде (продолжаетъ). И въ то же время — глупость.

Г-нъ Отерманъ. Тогда вы знаете другой способъ?

Инженеръ Бреде (холодно). Нѣтъ. Я не знаю никакого другого способа.

Терезита (спускается по лѣстницѣ; со свѣтлой радостью). Солнце зашло. Солнце взошло.

(Инженеръ Бреде низко кланяется).

Г-нъ Отерманъ. Это—мой мраморъ. (Снова бѣжитъ за дальній уголъ дома, повторяя: „Это—мой мраморъ“).

Инженеръ Бреде. Фрѣкенъ Терезита, вы не рассчитывали увидѣть меня такъ скоро?

Терезита. Нѣтъ. Вы доставляете мнѣ новую радость.

Инженеръ Бреде. Спасибо за любезность.

Терезита (смотреть на него). Вы благодарите за такую малость?

Инженеръ Бреде. Для меня это много. Развѣ вы не понимаете?

Терезита (нюхая). Вы чувствуете запахъ земли?

Инженеръ Бреде (въ свою очередь). Я чувствую только запахъ камня изъ каменоломни.

Терезита. Вы уже идете домой?

Инженеръ Бреде. Нѣтъ. Мною овладѣло безпокойство, и я пошелъ пройтись. Фрѣкенъ Отерманъ, вы что-то сдѣлали со мною сегодня.

Терезита. Фрѣкенъ Терезита всегда дѣлаетъ что-нибудь дурное.

Инженеръ Бреде. Послѣ всего, чтѣ вы были добры сказать

мнѣ во время нашей прогулки, я, пожалуй, могу предположить, что я для васъ не совсѣмъ безразличенъ?

Терезита (указывая на горы). Зеленѣть.

Инженеръ Бреде (надѣваетъ пенсне и озирается кругомъ; кланяется). Я вижу только васъ.

Терезита. Хотите войти въ домъ?

Инженеръ Бреде. А вы больше не хотите стрѣлять? Тогда я лучше побесѣдую съ вами.

Терезита. Чтò вы стоите и смотрите?

Инженеръ Бреде. Я смотрѣлъ на нѣчто прекрасное. Смотрѣлъ на вашу шею. (Кланяется).

Терезита. Пойдемте стрѣлять. (Уходитъ съ инженеромъ Бреде налѣво).

Карено (справа). Одно слово! Вы все взвѣсили? Я не могу успокоиться.

Терезита. Я все взвѣсила. Это прошло.

(Инженеръ Бреде удаляется налѣво).

Карено. Прошло навсегда?

Терезита. Да. (Уходитъ).

Карено (протянувъ обѣ руки). Терезита!

Терезита (оборачивается и топаетъ ногой). *Фрѣкенъ* Терезита! (Уходитъ съ инженеромъ Бреде).

Карено (одно время стоитъ и съ рѣшительнымъ видомъ смотреть ей вслѣдъ). Хорошо! *Фрѣкенъ* Терезита! (Нѣсколько разъ хватается за голову и бродитъ кругомъ; останавливается у окна и зоветъ) Мальчики!

(Густавъ и Эліасъ спускаются по лѣстницѣ).

Карено. Милые мальчики, хотите сдѣлать мнѣ одолженіе?

Оба. О, да!

Карено. Спасибо вамъ.

Густавъ. Чтò мы должны сдѣлать?

Карено. Вы должны пойти на башню и немного прибрать тамъ. Немного подмести и вытереть пыль.

Оба. Хорошо.

Карено. Потому что я снова начну работать.

Эліасъ. Вотъ будетъ весело!

Густавъ. Мы должны отправиться сейчасъ же?

Карено. Да, спасибо! Сейчасъ же. Вотъ ключъ. (Передаетъ Густаву ключъ) Только не трогайте бумагъ на столѣ.

Оба. Конечно, нѣтъ.

Карено. Спасибо вамъ, мальчики.

(Густавъ и Эліасъ убѣгаютъ за дальній уголъ зданія).

Г-нъ Отерманъ (бормоча, справа; замѣчаетъ Карено). Потому еще одно, Карено. На случай, если вы хотите уѣхать немедленно...

Карено. Я еще не скоро уѣзжаю.

Г-нъ Отерманъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Пропшу васъ.

Карено. Съ завтрашняго дня я снова принимаюсь за работу надъ моимъ сочиненіемъ.

Г-нъ Отерманъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Карено. И кончаю главу о Справедливости. Это будетъ исключительная глава.

Г-нъ Отерманъ. Но вы уволены.

Карено. Г-нъ Отерманъ, избавьте меня отъ болѣе яснаго отвѣта: я кончаю свое сочиненіе.

(Вошелъ Тю. Онъ босой и съ палкой въ рукѣ).

Г-нъ Отерманъ. На это, можетъ-быть, потребуется много времени?

Карено. Нѣтъ, не бойтесь. Теперь это пойдетъ живо, я приналягу. О, безмысленно итти впереди и манить; весь смыслъ въ томъ, чтобы итти сзади и пользоваться своимъ длиннымъ бичомъ. Катись, катись, круглый клубокъ! Я вонзаю стержень въ твою сердцевину.

Г-нъ Отерманъ (Тю). Ты опять здѣсь? У меня больше нѣтъ ничего. Ступай.

Карено. У меня есть корона. (Даетъ Тю корону).

Г-нъ Отерманъ. Но потомъ, Карено? Я объ этомъ думаю.

Карено. Потомъ я буду безмолвствовать. Я буду сидѣть на краю свѣта и молчать, предоставивъ всѣмъ остальнымъ говорить. Я буду прислушиваться, что они говорятъ, и думать надъ этимъ и улыбаться. Потому что больше уже ничто не будетъ удивлять меня.

Г-нъ Отерманъ. Я хотѣлъ сказать,—когда вы заполните всю башню исписанной бумагой...

Карено. Тогда вы напечатаете.

Г-нъ Отерманъ. Какъ вамъ не надоѣло повторять эту шутку!

Карено (отрывисто). Я не хочу спорить съ ними. У меня трое взрослыхъ свидѣтелей. (Держась прямо, уходитъ направо).

Г-нъ Отерманъ. У него три свидѣтеля противъ меня. Три взрослыхъ свидѣтеля. (Тю) Ты слышалъ?

Тю. Да.

Г-нъ Отерманъ. Ни у кого нѣтъ ни малѣйшей жалости! (Подходить къ нему) Ты получилъ корону, Тю?

Тю. Да.

Г-нъ Отерманъ. Я давалъ тебѣ много денегъ въ старые дни. Теперь ты подай мнѣ.

Тю. Ты хочешь получить отъ меня монету?

Г-нъ Отерманъ. Передъ тобой—жалкій бѣднякъ.

Тю (протягиваетъ ему корону).

Г-нъ Остерманъ. Спасибо, Тю. Ты оказалъ мнѣ благодѣяніе. (Прячетъ монету въ карманъ, говоритъ самъ съ собой) Завтра онъ опять начнетъ писать. У него трое взрослыхъ свидѣтелей. (Бормоча, уходитъ за дальній уголъ зданія).

Тю (смирненно поглядываетъ ему вслѣдъ).

(Терезита и инженеръ Бреде появляются слѣва; Терезита впереди, бѣжитъ).

Терезита (сердито). Сказано—нѣтъ. Не говорите мнѣ больше. Что вамъ въ голову пришло? Вы думаете, что вы можете быть любовникомъ? (Мѣряетъ его взглядомъ съ головы до ногъ).

Инженеръ Бреде. Я думаю, что могу честно любить васъ.

Терезита (подавленно). Но я не этого искала; нѣтъ, не этого. (Рѣзко) Какъ вы смѣете цѣловать меня въ шею?

Йенсъ Спиръ (съ блѣднымъ лицомъ, появляется изъ-за дальняго угла дома, направляется прямо къ Терезитѣ, хватается ее за руку, смотритъ на нее и держитъ монету. Тою же рукой нѣсколько разъ указываетъ на окно Терезиты. Наконецъ суетъ ей монету въ руку, выпускаетъ ее и уходитъ тою же дорогой, какою пришелъ).

Терезита (со стономъ). Что?.. Что онъ сдѣлалъ?

Инженеръ Бреде. Что онъ сдѣлалъ?

Терезита. Двѣ кроны? Развѣ это не Йенсъ Спиръ? (Вдругъ бѣжитъ за дальній уголъ зданія и кричитъ) Ахъ, это за супъ? Вамъ не зачѣмъ платить такъ дорого. Онъ оставался со вчерашняго дня; наша собака не хотѣла ѣсть его. (Возвращается къ инженеру Бреде и хватается его за руку) Онъ просто хотѣлъ заплатить за супъ, который я послала ему.

Инженеръ Бреде. А я прошу у васъ прощенія, что на дорогѣ я осмѣлился...

Терезита. Вы думаете, онъ слышалъ, что я ему крикнула?

Инженеръ Бреде. Мой затаенный огонь выбился наружу. Я не могъ устоять противъ васъ.

Терезита. Развѣ я не назвала его собакой?

Инженеръ Бреде. Вы стоите и все время говорите о г-нѣ Спирѣ и его двухъ кронахъ.

Терезита. Въ самомъ дѣлѣ? (Спохватывается) Простите, вы хотѣли сказать мнѣ что-то?

Инженеръ Бреде. Да. Я васъ люблю, Терезита.

Терезита. Здравствуй, Тю.

Тю. Здравствуйте.

Терезита. Онъ заплатилъ мнѣ только за супъ.

Инженеръ Бреде. Я стою и думаю. Вашъ отецъ хотѣлъ, чтобъ я утаилъ открытіе новой жилы. Но это невысказано.

Терезита (разсѣянно). Правда?

Инженеръ Бреде. Другое дѣло, если бъ вашъ отецъ вступилъ въ переговоры о выкупѣ каменоломни.

Терезита. Да, это, конечно, другое дѣло.

Инженеръ Бреде. И тогда, въ качествѣ завѣдующаго, я могъ бы заявить, что каменоломня исчерпана, мраморъ использованъ.

Терезита. О чемъ вы говорите?

Инженеръ Бреде. О томъ, что вашъ отецъ можетъ дешево выкупить каменоломню.

Терезита. Можетъ? Это, конечно, обрадуетъ его.

Инженеръ Бреде. А васъ не радуешь?

Терезита (смотреть на него). Ахъ, милѣйшій, скройтесь!

Инженеръ Бреде. Терезита, вы этого не можете думать. Дѣлайте со мной, что хотите. Скажите, чего вы отъ меня требуете?

Терезита (беретъ пистолетъ). Могу я одолжить это?

Инженеръ Бреде. Одолжить? Я вамъ дарю его.

Терезита. Заряженъ?

Инженеръ Бреде (снимаетъ перчатку и осматриваетъ пистолетъ). Остались еще двѣ пули.

Терезита. Тю! Возьми этотъ пистолетъ и отнеси его Йенсу Спиру. Если онъ спроситъ, кто послалъ его, скажи, что я. Онъ пойметъ.

Тю. Хорошо. (Беретъ пистолетъ).

Терезита. Постой, Тю. Вотъ деньги Йенса Спира. Онъ самъ платитъ тебѣ. (Протягиваетъ Тю монету).

(Въ это время пистолетъ разряжается, слышенъ выстрѣлъ и громкій крикъ. Терезита, шатаясь, идетъ къ лѣстницѣ. Тю роняетъ пистолетъ).

Инженеръ Бреде. Ты выстрѣлилъ, сумасшедшій? (Въ замѣшательствѣ бѣгаетъ кругомъ).

Тю. Онъ самъ выстрѣлилъ.

Инженеръ Бреде (зоветъ). Помогите!

Йенсъ Спиръ (быстро появляется изъ-за дальняго угла дома). Мнѣ почудилось, будто здѣсь стрѣляли?

Инженеръ Бреде. Да, фрѣкенъ Отерманъ... Пуля въ нее попала.

Йенсъ Спиръ. Вы застрѣлили ее?

Инженеръ Бреде. Нѣтъ, онъ (указываетъ на Тю). Пистолетъ самъ выстрѣлилъ.

Йенсъ Спиръ. Онъ? (Осматриваетъ Терезиту, беретъ ее на руки, уноситъ ее по лѣстницѣ въ домъ).

Инженеръ Бреде. Я пошлю за докторомъ. (Уходитъ налѣво).

(Вдругъ выбивается огонь изъ башни на мысу).

Служанка (изъ-за дальняго угла дома: растерявшись). Пожаръ. Я видѣла, какъ онъ сдѣлалъ это. Г-нъ Отерманъ. Онъ за-

перъ дверь на замокъ, а потомъ поджегъ. Я видѣла. Господи, помилуй и спаси насъ.

Тю. Терезита умерла.

Служанка (не понимая, смотреть на него). Да нѣтъ же, говорю, я была тамъ. Онъ самъ просилъ, чтобы мы смотрѣли за нимъ. Онъ крѣпко заперъ дверь и поджегъ. Господи, помоги мнѣ, я не смѣю войти въ домъ.

Тю. Терезита умерла.

Служанка. Чтò ты тутъ говоришь? Терезита умерла?

Тю. Пистолетъ самъ выстрѣлилъ.

Служанка (вскрикиваетъ). Правда? (Бѣжить по лѣстницѣ въ домъ).

Г-нъ Отерманъ (появляется изъ-за дальняго угла дома, какъ бы отъ кого-то убѣгая, запыхавшись, громко разговаривая самъ съ собой). Они опять шли за мной. Они громко разговаривали внутри. Они лежали и подстерегали меня. (Вытираетъ потъ) Кто разговаривалъ? Никто. Никто, говорю. Мнѣ это просто показалось. (Смотритъ на башню, гдѣ огонь разрастается) Теперь горитъ сочиненіе. Ты говоришь, трое свидѣтелей? Хо-хо, бумаги горятъ! (Вытираетъ потъ и снова смотритъ на башню) Вся деревянная постройка пропала. Она мнѣ пригодилась бы. (Замѣчаетъ Тю) Зачѣмъ ты стоишь здѣсь, Тю? Ты подслушивалъ?

Йенсъ Спиръ (спускается по лѣстницѣ) Г-нъ Отерманъ, ваша дочь умерла.

Г-нъ Отерманъ. Чтò вы говорите?

Йенсъ Спиръ (ведетъ его къ лѣстницѣ). Войдите и посмотрите.

Г-нъ Отерманъ. Вы сказали—Терезита?

Йенсъ Спиръ. Войдите и посмотрите. (Ведетъ его по лѣстницѣ и затворяетъ за нимъ дверь; возвращается къ Тю) Значитъ, ты выстрѣлилъ, Тю? Зачѣмъ ты трогалъ пистолетъ?

Тю. Она сама дала мнѣ его.

Йенсъ Спиръ. Чтò ты долженъ былъ сдѣлать съ нимъ?

Тю. Я долженъ былъ отнести его.

Йенсъ Спиръ (смотреть на него). Ко мнѣ?

Тю. Да.

Йенсъ Спиръ (помолчавъ). Значитъ, теперь исполнилъ свое дѣло? Ты вѣчно хочешь сказать что-то, но сказалъ ли сегодня?

Тю. Пистолетъ самъ выстрѣлилъ.

Йенсъ Спиръ. Да, конечно. Вѣдь, кажется, тебя зовутъ Справедливостью?

Тю. Да.

Йенсъ Спиръ. Да, вѣдь Справедливость—слѣпой звѣрь. Она мститъ безъ разбора. Она сражаетъ произвольно. (Поднимаетъ

пистолеть и осматриваетъ его, про себя) Остался еще одинъ зарядъ. (Замѣчаетъ огонь въ башнѣ) Что это?

Тю. Башня горитъ.

Йенсъ Спиръ. Ты стоишь и смотришь, какъ горитъ башня, и не говоришь ни слова? (Пожимаетъ плечами) Ну, это столь же безразлично. (Вдругъ) А ты знаешь, что такое справедливость? Это—нѣчто тамъ, въ небесахъ. Она терпѣливо стоитъ и смотритъ, какъ люди совершаютъ преступленіе, и потомъ устремляется внизъ и караетъ смертью. (Осматриваетъ пистолеть; про себя) Здѣсь остался еще одинъ зарядъ... Однимъ словомъ, хочешь, Тю, взять у меня пистолеть завтра утромъ?

Тю. Хорошо.

Йенсъ Спиръ. По твоему лицу пробѣжала улыбка? Что-нибудь обрадовало тебя?.. Такъ ты возьмешь пистолеть?

Тю. Хорошо.

Йенсъ Спиръ. Ты найдешь его въ моей комнатѣ. Постучишься; никто не отвѣтитъ,—но ты войдешь. Дверь будетъ отперта.

Тю. Хорошо.

Йенсъ Спиръ. И пистолеть будетъ лежать у меня въ рукѣ.

(Прячетъ пистолеть и уходитъ за дальній уголъ строенія).

Карено (справа). Счастливая встрѣча, старина. Я хочу побесѣдовать съ тобой, прежде чѣмъ писать дальше.

Тю. Терезита умерла.

Карено. Терезита? Не будемъ говорить о ней.

Тю. Она умерла.

Карено. Умерла?

Тю. Выстрѣлъ попалъ въ нее.

Карено. Я слышалъ выстрѣлъ. Попалъ въ нее!

Тю. Да.

Карено. Какъ разъ въ нее! Какъ разъ въ нее!

Г-нъ Отерманъ (растерянный, спускается по лѣстницѣ). Мою дочь застрѣлили, Карено.

Карено. Слышалъ. Человѣкъ во власти высшаго закона.

Г-нъ Отерманъ. Она умерла.

Карено (замѣчаетъ пожаръ на башнѣ, гдѣ огонь уже меньше). Великій Боже! Никакъ тамъ пожаръ?

Тю. Башня горитъ.

Карено (складываетъ руки надъ головой). Башня горитъ! Мои рукописи! (Пошатываясь, идетъ къ лѣстницѣ) Трудъ моей жизни въ огнѣ!

Г-нъ Отерманъ (смотреть вдаль). Всѣ стекла. И все дерево.

Карено. Неужели это — небесная кара за мои грѣхи? Неужели нѣтъ легче расплаты?

Г-нъ Отерманъ. Мою дочь застрѣлили.

Карено (вскакиваетъ). Да, а ваши сыновья сгорѣли.

Г-нъ Отерманъ. Мои сыновья? Гдѣ Густавъ и Эліасъ?

Карено. Они были въ башнѣ.

Г-нъ Отерманъ (нѣкоторое время смотритъ на него). Это они разговаривали въ башнѣ? (Пронзительно вскрикиваетъ, убѣгая къ дальнему углу зданія) Эліасы!

Карено. Мудрая Немезида! (Скрестивъ руки и низко склонивъ голову, уходитъ направо).

Тю (остается одинъ по срединѣ площади, высокій, стройный, съ шапкой въ рукѣ).

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Эпиплогъ.

Переводъ Ю. Балтрушайтиса.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАРЪ КАРЕНО.
ФРУ ЭЛИНА КАРЕНО.
САРА.
РЕДАКТОРЪ БОНДЕСЕНЪ.
АЛЕКСАНДРА.
ПРОФЕССОРЪ ЙЕРВЕНЪ.
ФРЕКЕНЪ НАТАЛІЯ ГОВИНДЪ.
МИНИСТРЪ КУЛЬТОВЪ.
КАНДИДАТЪ ТАРЕ.
ЛЕО ГЕЙБРО.
ХУДОЖНИКЪ ВІУМЪ.
ЧЛЕНЫ „ГОРЫ“.
ДЕПУТАЦІЯ ПРАВЫХЪ.
ГОРНИСТЫ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната Карено.

Бѣдная обстановка, посерединѣ столъ съ книгами, деревянные стулья, садовая скамейка со спинкой. Никакихъ картинъ на стѣнахъ. Налѣво, въ глубинѣ, печка. Направо, на переднемъ планѣ, большой письменный столъ, на немъ зажженная лампа и множество книгъ и журналовъ. На заднемъ планѣ широкая двустворчатая дверь; когда она открывается, то въ коридоръ видно окно съ бѣлыми занавѣсками. Дверь налѣво, въ кухню, и направо—въ остальные комнаты.

Осенній вечеръ.

Карено (сидитъ за письменнымъ столомъ. Ему 50 лѣтъ, онъ безъ бороды, почти сѣдой, одѣтъ въ поношенное, сѣрое платье). Вы говорите, будущность моей философіи? Все зависитъ отъ того, есть ли у нея будущность.

Бондесень (56 лѣтъ, толстый, въ пенсне, нѣсколько щеголевато одѣтый, въ креслѣ). Но вы уже основали партію.

Карено. Я стою во главѣ союза, вотъ и все. Въ настоящее время принято думать, что философія—мышленіе; я же полагаю, что философія есть жизнь, теоретически выраженная путемъ мышленія.

Бондесень. Я — ужасный невѣжда въ подобныхъ матеріяхъ.

Карено. Ко всѣмъ моимъ выводамъ я пришелъ опытнымъ путемъ. На сѣверѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ я сидѣлъ въ безпрерывномъ огнѣ опытовъ. Потомъ меня прервали.

Бондесень. Когда ваши бумаги сгорѣли?

Карено. Да, и вообще я пережилъ кризисъ. Въ то именно время и началось мое сомнѣніе. Я терзался имъ въ теченіе десяти лѣтъ.

Бондесень (улыбается). Да, опрометчивость—не ваша черта, Карено.

Карено. Я подверженъ развитію. Въ этомъ пѣтъ противорѣчія. И поэтому я добиваюсь теперь стипендіи на заграничную поѣздку. Вы слышали что-нибудь, Бондесень?

Бондесень. О стипендіи? Нѣтъ. Но я не думаю, чтобы вы могли питать особенно большую надежду.

Карено. Можетъ-быть, я все-таки получу ее. Потому что я заслужилъ.

Бондесень. Разумѣется.

Карено. Въ теченіе десяти лѣтъ я не возражалъ. Я сидѣлъ здѣсь, изучалъ и думалъ. Я ничего не издавалъ, я жилъ уроками.

Бондесень. Но вы не примирились съ профессоромъ Йервеномъ.

Карено. Нѣтъ, не примирился. Но вообще-то у меня есть кое-какія заслуги. Научныя заслуги.

(Звонять).

Карено. Уфъ, это—посланный.

Бондесень. Прикажете уйти?

Карено. Напротивъ, я васъ прошу остаться. Это лишь одинъ изъ членовъ «Горы». Онъ долженъ поставить мнѣ на видъ, что я былъ недостаточно радикаленъ на послѣднемъ собраніи.

Бондесень. Теперь даже вы недостаточно радикальны!

Карено. Да, вы слышали что-нибудь подобное? Я больше не могу разсуждать, какъ въ тридцать лѣтъ, я нѣсколько измѣнился съ тѣхъ поръ.

Бондесень. Мудрость приходитъ съ годами.

Карено. Что касается этого, то вѣдь пятьдесятъ лѣтъ не старость. Я никогда не буду старъ.

Александра (молодая, блѣлая дѣвушка съ темными бровями, входитъ слѣва; она передаетъ Карено телеграмму). Пожалуйста. (Бросаетъ украдкой привѣтливый взглядъ на Бондесена, который отвѣчаетъ тѣмъ же).

Карено (расписывается и отдастъ ей квитанцію, вскрываетъ телеграмму и читаетъ; Александрѣ, которая хотѣтъ уходить). Александра, подождите немного. (Пишетъ нѣсколько словъ и кладетъ телеграмму и написанное въ конвертъ) Послушайте, сходите съ этимъ сейчасъ же къ фрѣскенъ Говиндъ. Вы знаете, гдѣ она живетъ?

Александра. Да. (Уходитъ направо).

Карено. А я думалъ, это—Таре.

Бондесень. Какъ его зовутъ?

Карено. Таре. Чудной человѣкъ, доложу я вамъ. Мнѣ передавали, что онъ живетъ впроголодь; но Таре не унываетъ. Онъ—положительно самая непримиримая душа, какую я встрѣчалъ. (Улыбается) Такъ что даже лучше, что вы здѣсь.

Бондесень. Что ему нужно?

Карено. Предполагаю, допросить меня. На послѣднемъ собраніи «Горы» отъ меня потребовали, чтобы я высказался по поводу выборовъ. Хорошо, я такъ и сдѣлалъ. И вотъ встаетъ Таре и говорить: «Прежде г. Карено держался иного взгляда».

Бондесень. Развѣ человѣкъ обязанъ всегда держаться своихъ прежнихъ взглядовъ?

Карено. Не правда ли? Въ самомъ дѣлѣ, можно немного измѣниться,—чутьочку. И не въ человѣческой власти помѣшать этому. И, несмотря на это, можно оставаться исключительно послѣдовательнымъ.

Бондесень. Именно благодаря этому, думается мнѣ.

Карено. Да, откровенно говоря, можетъ-быть, именно благодаря этому. Въ вашихъ словахъ есть доля правды. (Встаетъ и ходитъ по комнатѣ) Увѣряю васъ, въ послѣднее время мнѣ довольно трудно во всемъ угодить союзу. Эти милые люди читали мои статьи, а Таре знаетъ ихъ наизусть. Онъ говорить, то-то и то-то несогласно съ тѣмъ, что вы писали въ свое время. И потомъ сжимаетъ кулаки.

Бондесень (смѣется). Сжимаетъ кулаки?

Карено. Въ порывѣ гнѣва. Даже слезы появляются въ глазахъ у него. Но вы слышали подобное безуміе,—изъ-за того, что я писалъ двадцать лѣтъ тому назадъ!

Бондесень. Но почему бы вамъ не уйти изъ союза?

Карено. Нѣтъ, нѣтъ. Я хочу остаться молодымъ до самой смерти. (Садится. Звонятъ).

Карено. Это — онъ. (Встаетъ) Простите, мнѣ приходится самому открыть дверь. (Идетъ къ двери на заднемъ планѣ).

(Въ ту же дверь является Александра съ газетой).

Карено. Вы еще не ходили?

Александра. Нѣтъ, самой мнѣ было некогда. Я отправила разсылнаго.

Карено (беретъ газету). Ну, хорошо.

(Александра уходитъ).

Карено. Посмотримъ, не пишутъ ли чего-нибудь здѣсь... Каково, она отправила разсылнаго?

Бондесенъ. Самой ей было некогда, сказала она.

Карено. Ахъ, не въ этомъ дѣло. Но иногда у нея это водится. Она такая странная... Нѣтъ, еще не рѣшено, вижу я. (Кладетъ газету) Да, да, если я не получу стипендіи, то вамъ придется сдѣлать изъ меня что-нибудь въ политикѣ, Бондесенъ.

Бондесенъ. Въ политикѣ? Вы бы согласились принять участіе въ выборахъ?

Карено (смѣется). Да нѣтъ же, я просто пошутилъ.

Бондесенъ. Уйти изъ «Горы» и выставить свою кандидатуру?

Карено. И вырвать побѣду у профессора Йервена. (Смѣется).

Бондесенъ. Нѣтъ, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Если только мы побѣдимъ, то Йервенъ несомнѣнно будетъ переизбранъ.

Карено. Я просто пошутилъ. Потому что я въ самомъ дѣлѣ долженъ получить стипендію. Вотъ чтó я говорю.

(Звонять).

Карено. Ну, наконецъ-то.

Бондесенъ. Это и есть Таресенъ?

Карено. Таре. Нѣтъ, право, вы не должны шутить съ нимъ.

Бондесенъ. Я же сижу и дрожу.

(Таре, 29 лѣтъ, бѣдно одѣтый, входитъ изъ глубины; низко кланяется).

Карено (протягиваетъ руку). Здравствуйте, Таре. Милости просимъ! (Ведетъ его впередъ).

(Бондесенъ медленно поворачивается на стулѣ и смотритъ на него).

Таре (останавливается по срединѣ комнаты). Я бы предпочелъ переговорить съ вами наединѣ.

Карено. Не знаю, знакомы ли вы... Редакторъ Бондесенъ.

Бондесенъ. Прикажете уйти, г. Таре?

Таре. Да, вы или я.

Бондесенъ. Хе! Хорошо. Вы не хотите имѣть никакого дѣла со мной?

Таре. Нѣтъ. Съ вами я не хочу имѣть никакого дѣла.

Бондесенъ (испытующе смотритъ на него). Полно выжится, милѣйшій.

Таре (Карено). Съ этимъ челоуѣкомъ у меня сведены всѣ счеты.

Бондесенъ (встаетъ). Тогда я могу и уйти. (Улыбается) Вы позволите мнѣ, по крайней мѣрѣ, уйти въ ту же дверь, въ которую вы вошли? (Протягиваетъ руку Карено. Таре пожимаетъ плечами).

Бондесенъ (надѣваетъ шляпу и идетъ къ двери направо). Даже этого нельзя.

Карено. Нѣтъ, не сюда. Это—къ горничной.

Бондесенъ. А развѣ я не вынужденъ?.. Я загляну позднѣе, Карено. Прощайте, пока... Такъ вотъ оно что, вы гоните прессу, г. Таре! (Уходитъ направо).

Карено (снисходительно улыбается). Почему вы поступили такъ рѣзко съ редакторомъ?

Таре. Я скажу вамъ это въ двухъ словахъ: потому что онъ заляпталъ свою жизнь отступничествомъ, онъ—ренегатъ.

Карено (пристально смотритъ на него). Садитесь, Таре. (Садится).

Таре (садится). Я написалъ вамъ нѣсколько словъ.

Карено. Я получилъ ихъ.

Таре. Такъ вотъ я прихожу не отъ имени союза. Но тамъ было собраніе.

Карено. Безъ меня.

Таре. Безъ васъ. У насъ было совѣщаніе. Раздаются голоса за выборы новаго предсѣдателя.

Карено (встаетъ). Что?

Таре. Раздаются голоса. Поэтому я прихожу къ вамъ сегодня и предостерегаю васъ.

Карено. Меня хотятъ выгнать?

Таре. Вы стали такимъ чужимъ для насъ, думается намъ. Всѣ мы преданы вамъ, но вы ускользаете отъ насъ. Теперь вы водите знакомство съ Бондесеномъ.

Карено. Нѣтъ, послушайте, знаете что! Я не позволю предписывать мнѣ, съ кѣмъ я долженъ водить знакомство. (Ходитъ по комнатѣ).

Таре (уныло). Но раньше вы этого не дѣлали. Въ вашей молодости вы указали предателю Йервену на дверь.

Карено (останавливается). Въ моей молодости? Я и теперь молодъ. Я только болѣе зрѣлъ. Я сижу здѣсь и думаю и изучаю все время, и расту. (Бродитъ).

Таре. Мы помнимъ, что вы нѣкогда написали о ренегатахъ: такъ какъ они измѣнили не одни, но увлекли за собой и другихъ и тѣмъ обезцѣнили жизненную борьбу, то ихъ нужно застрѣлить. Вы писали: застрѣлить.

Карено. Говорите прямо: чего вы требуете отъ челоуѣка въ этомъ союзѣ?

Таре (встает). Какъ я сказалъ, нашлись недовольные. Когда-то вы утверждали, что знаніе само по себѣ не можетъ сдѣлать людей счастливѣе; а теперь вы вносите въ бюджетъ множество народныхъ школъ. Когда-то вы требовали, чтобы калѣки запыривались въ сады; теперь же калѣки могутъ валяться на солнечномъ свѣтѣ на улицахъ и загаживать людямъ жизнь. Когда-то вы стояли за войну, такъ какъ не допускали, чтобы на ваши явныя, неоспоримыя права посягали третейскій судъ; теперь же вы сочувственно отзываетесь о мечтѣ всѣхъ телячьихъ моаговъ: о вѣчномъ мирѣ. Все это вы дѣлаете по гуманнымъ соображеніямъ. Это—размазня, сладкая размазня. (Останавливается) Простите!

Карено. Продолжайте, продолжайте.

Таре. Я только хотѣлъ узнать, не ошибочно ли мы истолковали вашъ отзывъ о выборахъ. Фактически, теперь у насъ самая большая надежда на побѣду; но мы васъ поняли такъ, что на извѣстныхъ условіяхъ вы не прочь пойти на компромиссъ.

(Молчаніе).

Карено. Пожалуй, вы правы, что я, быть-можетъ, высказался нѣсколько... нѣсколько неясно по поводу выборовъ. Вы заставили меня говорить, а я былъ неподготовленъ.

Таре (загораясь). Да. Мы не такъ васъ поняли. Намъ слѣдовало бы воздержаться отъ подобныхъ предположеній. Но, знаете, мы побаиваемся. Одинъ измѣняетъ, другой измѣняетъ; мы недовѣряемъ другъ другу.

Карено. Стало-быть, нѣсколько неясно. Я хотѣлъ сказать, что могли бы наступить обстоятельства, при которыхъ мнѣ пришлось бы вступить въ переговоры съ противниками. Но...

Таре. Но ихъ же нѣтъ! Такихъ обстоятельствъ нѣтъ. Такъ я и думалъ. (Дѣлаетъ шагъ впередъ) Ахъ, намъ хотѣлось бы просить васъ выдержать до конца, г. Карено. Вамъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ, и у васъ такіе сѣдые волосы; но все же вы не согнули спины. Вы создали великій примѣръ въ наше время народѣ.

Карено (тронутый). Слава Богу, у меня было превосходное здоровье, я могъ перенести многое. Садитесь же, Таре, и давайте бесѣдовать. Нѣтъ, что касается того, будто я готовъ былъ согнуть спину въ томъ или иномъ смыслѣ, то, надѣюсь, это окажется ложью.

Таре (который присѣлъ, съ благодарностью). Я такъ и скажу сегодня вечеромъ. Я передамъ ваши слова. Будетъ праздникъ въ «Горѣ».

Карено (все болѣе и болѣе возбуждаясь). Что же касается моего

старого отзыва объ отступникахъ, то я его повторяю. Я говорю, ихъ лучше разстрѣлять.

Таре (восхищенный, сжимаетъ кулаки). Да, стрѣляйте. Во имя Отца Небеснаго!

Карено (встаетъ). Потому что они не враги, они—павшіе. Съ ними нельзя бороться, ихъ можно только растоптать. Наносите имъ послѣдній ударъ! (Бродить).

Таре. Послѣдній ударъ.

Карено. Нѣтъ, всему есть мѣра. (Останавливается) А что касается моего взгляда на выборы, то меня не такъ поняли. Такъ и передайте. Не поняли. Я голосую, какъ прежде. (Бродить).

Таре. Тогда мы провалимъ Йервена на этотъ разъ. Но если бы вы теперь пошли своей дорожкой, то треть союза послѣдовала бы за вами, и выборы были бы проиграны.

Карено. Я не уйду никуда... Поразительное дѣло, теперь я какъ бы слышу въ васъ мой собственный голосъ, мой голосъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Таре. Это же такъ естественно. Мы всему учились у васъ. Мы живемъ вашей стойкостью. Тамъ, въ союзѣ говорили: почему бы Карено и не перемѣнить теперь лагерь? Онъ — пожилой человѣкъ.

Карено. Отвѣтите имъ, когда они начнутъ снова клеветать: почему Карено долженъ поступать, какъ всѣ? Онъ держался въ теченіе двадцати лѣтъ.

Таре. Да, я такъ и скажу.

Карено. Такія-то дѣла, теперь меня собираются прогнать. И кто же тогда сталъ бы во главѣ?

Таре. Какъ вамъ сказать. Повторяю, вышло недоразумѣніе. Называли только одного.

Карено. Кого же называли?

Таре. Тѣмъ дѣло и кончилось. Называли меня.

Карено (останавливается). Васъ?

Таре. Все это одно недоразумѣніе.

Карено. И потомъ вы сами пришли предостеречь меня?

Таре. Мы всѣ преданы вамъ.

(Молчаніе).

Карено. Знаете, вы почти могли бы жить мѣстомъ предсѣдателя, Таре.

Таре (коротко). Я-то? Я и такъ живу.

Карено. Ахъ, лишнія деньги вамъ же всегда пригодились бы!

Таре (встаетъ). Я позволю себѣ напомнить вамъ, что дома у меня есть платье и получше.

Карено. Ну, конечно. Я лишь хотѣлъ сказать...

Таре. Я не думалъ, что васъ можно утруждать всякимъ вздоромъ. И пищи у меня вдоволь.

Карено. Простите, дорогой. Я не имѣлъ въ виду оскорблять васъ. (Мѣняетъ разговоръ) Такъ вотъ, я поручаю вамъ отвѣтить за меня въ «Горѣ». Все остается по-старому.

Таре (береть его за руку). Благодарю васъ.

Карено. Кстати: я добиваюсь университетской стипендіи, видите ли; мнѣ довольно важно знать, дадутъ ли мнѣ ее. Такъ вотъ, редакторъ Бондесенъ взялся извѣстить меня, если онъ услышитъ что-нибудь въ высшихъ сферахъ. Вотъ зачѣмъ онъ здѣсь.

Таре. Конечно, онъ ходитъ къ вамъ по дѣлу. Все будетъ доложено... И завтра кое-кто изъ насъ снова придетъ къ вамъ; можно?

Карено (вопросительно). Да? Пожалуйста.

Таре. Благодарю васъ. Въ послѣднее время вы отъ этого уклонились. Мы хотимъ снова чествовать васъ, какъ въ прежніе дни.

Карено. Ахъ, вы именно это имѣете въ виду!

Таре. Не отказывайтесь. Мы возьмемъ у васъ не много времени.

(Звонять).

Карено. Если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, то милости просимъ.

Таре. Благодарю васъ. (Протягиваетъ ему руку) Спасибо вамъ за все. (Низко кланяется).

(Таре направляется въ глубину. Когда онъ открываетъ выходную дверь, то ему приходится посторониться передъ фрѣкенъ Говиндъ, которая какъ разъ входитъ. Онъ снова кланяется; уходитъ).

Фрѣкенъ Говиндъ (дама сорока лѣтъ, съ просѣдью, въ темномъ платьѣ со множествомъ бантовъ и лентъ, съ письмомъ въ рукѣ). Кто этотъ красивый молодой человѣкъ?

Карено. Это—кандидатъ Таре. Развѣ раньше вы его здѣсь не встрѣчали?

Фрѣкенъ Говиндъ. Красивый молодой человѣкъ... Здравствуйте, Карено. Господи, я получила это письмо. Какая-нибудь бѣда? Ваша жена все еще въ деревнѣ? Умерла?

Карено (улыбается). А вы не распечатывали письма?

Фрѣкенъ Говиндъ (протягиваетъ ему письмо, бросается на стулъ). Нѣтъ. Не рѣшилась. Значитъ, ничего ужаснаго?

Карено (вскрываетъ письмо и просматриваетъ телеграмму). Нѣтъ, рѣшительно ничего. Это — телеграмма отъ моей жены. Она прѣзжаетъ завтра, какъ она сообщаетъ. И въ первый разъ беретъ съ собою Сару.

Фрекенъ Говиндъ. Уфъ, бѣжала, какъ сумасшедшая. Я такъ испугалась... Вы говорите, Сару?

Карено (коротко). Вы же знаете, дѣвочку... И вотъ она проситъ васъ прѣхать на станцію. Вы должны быть такъ любезны помочь ей въ разныхъ покупкахъ, говоритъ она. Всего-то я не пойму; но здѣсь говорится о рояли, и мебели, и серебрѣ, и такъ далѣе.

Фрекенъ Говиндъ (встаетъ). Значитъ, она получила наслѣдство!

Карено. Да, она сообщаетъ.

Фрекенъ Говиндъ (хлопаетъ въ ладоши). Сообщаетъ? Подумать только, цѣлая куча денегъ!.. Нѣтъ, она въ самомъ дѣлѣ сообщаетъ? (Беретъ у него телеграмму и просматриваетъ ее) Великій Боже! Тамъ же были такіе большіе лѣса, въ имѣніи ея отца.

Карено. Да, изрядные.

Фрекенъ Говиндъ. Нѣтъ, и все это мы будемъ покупать! А вы-то развѣ не рады? Было довольно умно, что вы сняли такой большой домъ весною.

Карено. Такъ Элина хотѣла.

Фрекенъ Говиндъ. Да, она знала, что онъ будетъ полонъ, когда отцовскіе лѣса продадутся... Со стороны Элины, право, мило, что она хочетъ посоветоваться со мною при покупкѣ. Съ такимъ бѣднымъ, жалкимъ созданіемъ, какъ я. Впрочемъ, у меня не такой ужъ дурной вкусъ. Не правда ли?

Карено. Еще бы, фрѣкенъ.

Фрекенъ Говиндъ. Вѣдь у меня въ самомъ дѣлѣ есть вкусъ. Профессоръ Йервенъ всегда спрашивалъ моего мнѣнія, когда мы были помолвлены.

Карено. Такъ вотъ, Элина проситъ васъ явиться на станцію въ каретѣ.

Фрекенъ Говиндъ. Я возьму парную. Вамъ не кажется, что нужно взять парную?

Карено. Разумѣется, отлично... Вамъ не будетъ страшно возвращаться домой одной?

Фрекенъ Говиндъ (медитъ). О, да! Мнѣ немного страшно; но...

Карено. Я васъ провожу. (Беретъ свою шляпу).

Фрекенъ Говиндъ. Я буду вамъ очень и очень благодарна, если вы проводите меня до биржи, а тамъ я найду карету. Потому что мужчины то и дѣло пристають къ дамамъ по вечерамъ.

(Стучать).

Бондесень (входитъ изъ глубины). Еще разъ здравствуйте. Здравствуйте, фрѣкенъ Говиндъ. Вы уходите, Карено?

Карено. Да, мнѣ нужно. Какъ вы вошли? Я не слышалъ звонка.

Бондесень. Дѣвушка стояла въ дверяхъ.

Фрекень Говиндъ. Нѣтъ, спасибо, тогда вамъ не стоить провожать, Карено.

Карено. Непремѣнно.

Бондесень. Мнѣ необходимо переговорить съ вами.

Карено. Я только провожу фрѣкенъ Говиндъ до извозчика. Вы пойдете съ нами, или хотите здѣсь подождать?

Бондесень. Благодарствуйте, я лучше подожду здѣсь.

Карено. Я уйду всего на нѣсколько минутъ. Поищите себѣ почитать что-нибудь покуда. Кстати! (Достаётъ рукопись въ обложкѣ изъ золоченой бумаги). Посмотрите, нельзя ли воспользоваться этимъ для газеты.

Фрекень Говиндъ. До свиданія, Бондесень.

Бондесень. До свиданія, фрѣкенъ.

(Фрѣкенъ Говиндъ и Карено уходятъ въ дверь на заднемъ планѣ. Бондесень садится съ рукописью. Вскорѣ послѣ этого онъ быстро подходитъ къ двери налѣво, звонить, возвращается назадъ и садится).

Александра (входитъ, улыбается). Это—вы? Почему вы вошли не тѣмъ ходомъ?

Бондесень (смотреть въ рукопись). Я больше никогда не стану ходить тѣмъ ходомъ. (Бросаетъ ключъ отъ входной двери на столъ) Вотъ ключъ. (Помолчавъ, взглядываетъ на нее) Давеча вамъ было некогда отнести письмо Карено. Я думалъ, изъ-за меня.

Александра. Конечно, изъ-за васъ.

Бондесень (вскакиваетъ). Но въ кухнѣ васъ не было.

Александра. Да, я уходила къ себѣ на минутку.

Бондесень. И у себя вы были не однѣ. Хе-хе, въ вашихъ дверяхъ слишкомъ большая замочная скважина, фрѣкенъ! вспомните о ней въ другой разъ.

Александра. Вы ушли черезъ кухню.

Бондесень (указываетъ налѣво). Вотъ въ эту дверь. Вы думали, я не рѣшусь? Вы чувствовали себя въ безопасности? (Дѣлаетъ нѣсколько рѣзкихъ шаговъ по комнатѣ) Хе - хе, чортъ возьми, это великолѣпно! (Останавливается). Стало - быть, вы не просите прощенія?

Александра. Я не думала, что вы станете такъ низко подсматривать.

Бондесень. А я такъ и сдѣлалъ. (Рѣзко) Слышите, такъ и сдѣлалъ!

Александра. Да, слышу.

Бондесень (ходить). Отлично. Этотъ важный господинъ вхожъ сюда въ домъ?

Александра. Онъ принесъ мою корзину. Онъ больше ничего не сдѣлалъ.

Бондесень. А вы знаете, кто онъ?

Александра. Да, его зовутъ Карстеномъ.

Бондесень (останавливается, съ затаенной злобой). Карстеномъ, да. Милый Карстень. (Рѣзко) Это — профессоръ Карстень Первень. Ну! (Ходить).

Александра. Подумать только,—профессоръ.

Бондесень. Замѣчательно! Нѣтъ, это даже восхитительно! Я вижу его прямо передъ глазами. (Останавливается) Такъ онъ просилъ васъ называть его Карстеномъ? И вы такъ и дѣлаете?

Александра. Уфъ, нѣтъ, я, право, не стану выслушивать всю эту ругань.

Бондесень (ходитъ). Да, я ему покажу Карстена. Какъ Богъ святъ, я ему покажу Карстена. (Останавливается) Онъ принесъ домой вашу корзину?

Александра. Очень любезно съ его стороны.

Бондесень (бродить). Еще бы не любезно.

Александра. Онъ не бываетъ такъ сердить и гадокъ, какъ вы.

Бондесень. Но въ слѣдующій разъ я покажу профессору Первену, какъ носить корзину.

Александра (смѣется). Вы-то!

Бондесень (останавливается). Вы стоите сейчасъ и смѣетесь?

Александра (серьезно). Вы вовсе не должны соваться въ его дѣла. Потому что не должны.

Бондесень. Вы его защищаете?

(Александра молчитъ).

Бондесень (ходитъ). Нѣтъ, вполне понятно, что вамъ было некогда ходить съ письмомъ. Разъ у васъ былъ такой гость.

Александра. Не знаю, что вамъ *нужно*.

Бондесень (останавливается). Такъ вы не просите прощенья?

Александра. Нѣтъ.

Бондесень (подавшись впередъ). Не проситѣ?

Александра. Нѣтъ,—вы же слышите.

Бондесень (выпрямляется, повелительно). Тогда возьмите ключъ и уходите. (Указываетъ, тонаетъ ногой) Берите же!

Александра (беретъ ключъ). Тише! Развѣ вы не слышите, что Карено въ сѣняхъ. (Уходитъ налѣво).

Карено (входитъ изъ глубины). Ну, вотъ, вы все еще здѣсь. Надѣюсь, вы извините. Задержалъ?

Бондесень. Нисколько.

Карено. Присядьте. (Указывая на рукопись у Бондесена) Прочитали? Что вы скажете?

Бондесень (садится). Да, — что мнѣ сказать?

Карено. Вы не думаете, что этимъ можно воспользоваться?

Бондесень (изворачиваясь). Очень трудно рѣшать въ подобныхъ вещахъ. Вы знаете моихъ читателей.

Карено. Да, я допускаю, что всѣ они станутъ на дыбы, увидѣвъ, какъ Иваръ Карено перешелъ къ старой философіи.

Бондесень (насторожась). Что?

Карено. Потому что я не заявлялъ объ этомъ публично до сихъ поръ.

Бондесень (встаетъ). Въ такомъ случаѣ, моя газета къ вашимъ услугамъ.

Карено (изумленно). Да что вы?

Бондесень. На мой взглядъ, тутъ цѣлый рядъ весьма значительныхъ статей. Что же до гонорара, то вы получите, сколько потребуете.

Карено. Не будемъ говорить объ этомъ.

Бондесень. Нѣтъ, такая выдающаяся работа стоить своего вознагражденія.

Карено. Вы находите? Вы, въ самомъ дѣлѣ, находите, что это не лишено интереса?

Бондесень. Это — безподобно. Я изумленъ. Т.-е. по моему крайнему разумѣнію.

Карено. Очень радъ, — право, очень радъ. Нѣтъ, видите ли, я написалъ это уже давно, и я обдумалъ это вновь и вновь; но не рѣшался издать.

Бондесень. Когда вы это написали?

Карено. Ахъ, много лѣтъ тому назадъ! Сейчасъ же послѣ кризиса. Тогда-то я и написалъ.

Бондесень. Стало-быть, въ васъ произошла большая перемѣна, прежде чѣмъ вы приступили къ этому?

Карено. О, да! Мнѣ стало ясно, что истина не тамъ и не здѣсь, а, такъ сказать, по срединѣ. Очень большая перемѣна.

Бондесень. Тогда я возьму рукопись теперь же.

Карено (взвѣсивая). Нѣтъ. Сейчасъ же нельзя. Мнѣ нужно еще разъ просмотрѣть ее. Это — серьезный шагъ. (Встаетъ, охваченный душевной борьбой, и начинаетъ бродить) Я не могу оставить все это по-старому. Я думаю не такъ, какъ прежде.

Бондесень. Хе - хе! Нѣтъ, я нахожу, что это вполне естественно.

Карено. Сегодня я снова сталъ колебаться. Вы же видѣли Таре? Ну, вотъ, онъ говорилъ мнѣ о моихъ юношескихъ дняхъ и во мнѣ пронеслась теплая волна воспоминаній.

Бондесень. Ахъ, подобная грусть знакома каждому изъ

насть. Выпивъ семь тодди, я по сію пору произношу рѣчь въ честь Гамбетты.

Карено. Да, вы такъ легко можете относиться къ подобнымъ вещамъ. И, Боже, какъ я вамъ завидую! Но я такъ усталъ бороться.

Бондесенъ. У меня есть чрезвычайно серьезное предложеніе. Вы должны уйти изъ «Горы» и выставить свою кандидатуру вмѣсто профессора Йервена.

Карено (останавливается и смотритъ на него). Вы сказали, чрезвычайно серьезно?

Бондесенъ. Чрезвычайно серьезно. Я не пойму, зачѣмъ вы терзаете себя принадлежностью къ этому союзу, когда вы не только при вашемъ возрастѣ и значеніи, но даже — какъ оказывается — при вашемъ измѣнившемся міросозерцаніи давнымъ-давно должны были уйти изъ него.

Карено. При моемъ возрастѣ? Я не старикъ. Я молодъ душою, во цвѣтѣ силъ.

Бондесенъ (пожимая плечами). Какъ смотрѣть на это.

Карено. Да, молодъ. Въ самомъ дѣлѣ. (Ходитъ по комнатѣ) Впрочемъ, я подумывалъ выписаться изъ «Горы». Потому что теперь я зрѣлѣе, чѣмъ въ то время, когда вступалъ въ нее.

Бондесенъ. На мой взглядъ, это — прямой долгъ вашей совѣсти.

Карено. Тогда я, пожалуй, такъ и сдѣлаю. Уйду оттуда. Разъ я думаю не вполне такъ, какъ прежде. Вы, пожалуй, правы, что мнѣ не слѣдуетъ оставаться тамъ.

Бондесенъ. И тогда мы будемъ выбирать васъ вмѣсто Йервена.

Карено. Вы шутите.

Бондесенъ. Вовсе не шучу. Обнаружились вещи, которыя дѣлаютъ кандидатуру Йервена невозможной.

Карено (насторожась, садится). Развѣ Йервена больше не будутъ выбирать?

Бондесенъ. Нѣтъ. Теперь вашъ чередъ.

Карено. И вы уполномочены предложить мнѣ это?

Бондесенъ. Меня уполномочатъ завтра утромъ на собраніи въ главной квартирѣ. Я объясню, что профессоръ Йервенъ выступаетъ одинъ, да еще уличенный въ грубомъ безнравственномъ поведеніи, тогда какъ ваше имя безупречно, и — уйдя изъ «Горы» — вы явитесь съ тридцатью имѣющими право голоса лицами.

Карено (встааетъ, бродитъ по комнатѣ). Ничего не понимаю. У меня все пошло кругомъ. Я добивался стипендіи на поѣздку.

Бондесень. Взвѣсьте это до завтра. (Беретъ свою шляпу). Пока же я напечатаю простую замѣтку въ газетѣ, что вы уходите изъ «Горы».

Карено. Нѣтъ, подождите. Еще нѣтъ.

Бондесень (строго). Ваши измѣнившіяся убѣжденія должны воспретить такому человѣку, какъ вы, оставаться въ «Горѣ» хотя бы одинъ лишній день.

Карено. Конечно, конечно. То, что вы говорите, въ сущности—правда. Дайте мнѣ подумать объ этомъ.

Бондесень. Вы такъ и должны поступить. Обдумайте все до завтра. (Протягиваетъ руку) Спокойной ночи, Карено. Я, значить, вернусь. (Идетъ въ глубину).

Карено (вдогонку, съ внезапной надеждой). Завтра я, можетъ-быть, получу стипендію.

Бондесень. Спокойной ночи! (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же, днемъ позже.

Частью новая мебель, между прочимъ — новый письменный столъ.
Садовая скамейка удалена и замѣнена качалкой.

Къ полудню.

Карено сидитъ за письменнымъ столомъ и читаетъ утреннія газеты.

Фру Карено (44 лѣтъ, въ черномъ платьѣ, входитъ справа. Въ рукахъ у нея халатъ и палка съ серебрянымъ набалдашникомъ. Осматриваетъ комнату). Ну, вотъ, здѣсь стало немного лучше, Иваръ. Ты еще не заглядывалъ въ гостиную?

Карено. У меня еще не было времени.

Фру Карено. Ты и не повѣришь, мы съ Наталіей все еще хлопочемъ. Все новенькое. Впредь мы, право, будемъ жить уютнѣе.

Карено. Стало - быть, здѣсь написано, что я ухожу изъ «Горы», вижу я.

Фру Карено. Да ну? Ахъ, и слава Богу, что ты рѣшилъ. Тамъ тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, не мѣсто, среди всѣхъ этихъ радикаловъ.

Карено. Когда-то я былъ ихъ единомышленникомъ.

Фру Карено. Да, я это вполне понимаю... Нѣтъ, подумать только, что ты рѣшилъ. За это ты, право, долженъ получить маленькое вознагражденіе. (Протягиваетъ ему халатъ) Пожалуй-ста. Ты можешь работать въ немъ.

Карено (встаетъ). Спасибо. Это мнѣ?

Фру Карено. Да. Надѣнь. А я пока уйду. (Быстро уходитъ направо).

(Карено снимаетъ сюртукъ и надѣваетъ халатъ. Со всѣхъ сторонъ осматриваетъ себя).

Голосъ фру Карено. Готово?

Карено (удивленно). Готово? Что? (Открываетъ дверь направо).

Фру Карено (входитъ). Переодѣлся ли, хотѣла я сказать... А сидитъ великолѣпно. (Поворачиваетъ его кругомъ) Онъ тебѣ къ лицу, Иваръ... А потомъ у меня есть еще одна вещь. (Вдругъ прячетъ палку). Нѣтъ, это передастъ Сара. (Открываетъ дверь направо и зоветъ) Сара!

(Сара, десяти-одиннадцати лѣтъ, не по лѣтамъ большая, входитъ).

Фру Карено. Отдай твоему отцу эту палку, Сара.

Сара (беретъ палку и передаетъ ее Карено). Пожалуйста.

Карено. Еще и палку? Да нѣтъ же, милая, палка съ серебрянымъ набалдашникомъ. Спасибо. (Пробуетъ ее, осматриваетъ) И вдобавокъ съ вензелемъ.

Сара. Она съ вензелемъ? Дай посмотрѣть.

Карено (не разслушавъ ее). Я вижу полный гербъ.

Фру Карено. Нѣтъ, поразительно, какъ тебѣ халатъ къ лицу! Пускай теперь войдетъ Наталія. (Открываетъ дверь направо и зоветъ) Наталія!

Фрекень Говиндъ (отвѣчаетъ). Иду. (Входитъ) Въ чемъ дѣло? Боже милосердый! Такой же халатъ былъ и у профессора Йервена, когда мы были помолвлены. Поздравляю. (Озирается кругомъ) Да, теперь здѣсь нѣсколько уютнѣе. Но еще многогс не хватаетъ.

Карено. Здѣсь больше ничего не нужно.

Фрекень Говиндъ. Нѣтъ? У насъ еще не было времени взглянуть сюда, Элина. Теперь нужно выбрать мѣсто для рояля. (Уходитъ направо).

Фру Карено. Сейчасъ приду. (Карено) Послушай, поговори немного съ Сарой.

Карено. Къ сожалѣнію, Элина, я такъ занятъ. (Держитъ палку подъ мышкой и роется въ бумагахъ на столѣ).

Фру Карено. Ты ее почти не видѣлъ. (Сарѣ, опечаленная) Послушай, милая Сара, поди на кухню и попроси Александру почистить тебѣ башмаки.

Сара. Я сама могу вычистить. (Уходитъ налево).

Карено. Элина, ты больше не должна просить меня объ этомъ. (Ходитъ съ палкой).

Фру Карено. Я все-таки не думала, что ты захочешь дать ребенку понять что-нибудь.

Карено. Когда я согласился, что мы снова будемъ жить вмѣстѣ, то мы условились, что ребенка съ нами не будетъ.

Фру Карено. Да, но ты же знаешь, что дѣвочка больше не можетъ оставаться дома, разъ отецъ умеръ и усадьба продана.

Карено. Пусть дѣвочка живетъ тамъ, гдѣ живетъ; но оставь меня-то въ покоѣ. Откровенно говоря, тебѣ слѣдовало избавить меня отъ этого позора.

(Звонять).

Фру Карено (мѣняетъ разговоръ). Я такъ тебѣ благодарна, Иваръ, что ты уходишь изъ «Горы». Я всякій разъ боялась, когда приходилъ этотъ Таре.

Карено (невольно). Но, надѣюсь, теперь-то не онъ звонилъ?

Фру Карено. Теперь мы будемъ принимать порядочныхъ людей у себя. Равныхъ тебѣ. Потому что теперь намъ это по средствамъ.

Карено. Не понимаю.—я такъ плохо спалъ эту ночь. Хотя вчера я не позволилъ себѣ ничего лишняго.

Фру Карено. Тогда ты просто долженъ хорошенько вздремнуть послѣ обѣда. Вотъ тамъ, въ качалкѣ.

Карено. Я совсѣмъ не сплю послѣ обѣда. Я не такъ старъ.

Александра (входитъ изъ глубины съ письмомъ, которое она передаетъ Карено). Пожалуйста. (Уходитъ налѣво).

Карено (вскрываетъ письмо и читаетъ). Вотъ такъ исторія! Отгадай, отъ кого это?

Фрекень Говиндъ (въ дверяхъ направо). Да иди же наконецъ, Элина. Я все жду.

Карено (громко). Отъ профессора Йервена

Фру Карено. Чтѣ?

Фрекень Говиндъ (входитъ). Вы получили письмо отъ профессора Йервена?

Карено. Онъ проситъ меня не отказать ему въ маленькомъ свиданіи здѣсь, послѣ обѣда.

Фру Карено. Не можетъ быть! (Вынимаетъ пудреницу изъ кармана и начинаетъ пудриться).

Карено (бросаетъ письмо на столъ, гордо). Онъ, конечно, придетъ предложить мнѣ стипендію.

Фрекень Говиндъ (беретъ зеркальце у фру Карено). Понимаешь, на лицѣ у меня начинаютъ появляться какіе-то волосы? (Старается вырвать волосъ).

Фру Карено. Борода?

Фрекень Говиндъ. Да нѣтъ. Шелковистый волосъ. (Возвращаетъ зеркало).

Карено. Разъ мы ждемъ такихъ гостей, то я долженъ посмотреть, какъ тамъ у васъ. (Уходитъ направо).

(Фру Карено хочетъ идти за нимъ).

Фрекень Говиндъ (удерживаетъ ее). Ты должна извинить меня, Элина. Мнѣ нужно сбѣгать домой. Нѣтъ, подумать только, что

профессоръ Йервенъ придетъ. (Вереть его письмо) Тотъ же почеркъ, четкій и твердый.

Фру Карено. Но ты вернешься?

Фрекенъ Говиндъ. Сейчасъ же. Мнѣ только нужно сходить домой и надѣть что-нибудь другое.

Фру Карено. Не нужно.

Фрекенъ Говиндъ. Безусловно... Послушай, я должна поклониться или сдѣлать книксенъ? Передъ важными лицами принято, конечно, присѣдать. Вотъ такъ. (Присѣдаетъ) А? Нѣтъ, подумай, я не говорила съ нимъ со времени нашей помолвки. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Фру Карено. Онъ ужасно строгъ:

Фрекенъ Говиндъ. Строгъ? Да нѣтъ же. Одна сердечность. Знаешь, что онъ сдѣлалъ со мной однажды?

Фру Карено (оскорбленно). Нѣтъ. Я не знаю, что онъ сдѣлалъ съ тобой.

Фрекенъ Говиндъ. Нарисовалъ брови. (Смѣется) Нарисовалъ мнѣ густыя брови. (Серьезно) Послушай, я надѣну синюю шелковую блузку.

Фру Карено. Зачѣмъ?

Фрекенъ Говиндъ. Да, я такъ и сдѣлаю. А то когда же мнѣ ее и надѣвать, если не теперь.

Карено (входитъ справа). Ну, и перемѣна, доложу я вамъ.

Фру Карено. Не правда ли?

Карено. Я тамъ ничего не узналъ.

Фрекенъ Говиндъ. Итакъ, прощайте. Мнѣ нужно только сбѣгать домой на минутку, Карено. (Уходитъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Каренс. Значить, ему пришлось-таки преклониться, Карстену Йервену.

Фру Карено. Что ему нужно, хотѣла бы я знать?

Карено. Вполнѣ понятно, что ему нужно. Онъ хочетъ первый сообщить мнѣ, что я получилъ стипендію. Стало-быть, этимъ господамъ уже нельзя было обойти меня. (Снова перечитываетъ письмо).

Фру Карено. Господи, мнѣ еще нужно заняться уборкой. (Уходитъ направо).

Сара (входитъ слѣва). Мама ушла?

Карено (бросаетъ письмо). Да... Послушай, Сара, это ты подарила мнѣ эту великолѣпную палку?

Сара. Ахъ, нѣтъ, это отъ мамы. Я только должна была отдать тебѣ.

Карено. Спасибо, дружокъ! (Подходить къ ней) И какая ты большая, Сара.

Сара. Да, я большая.

Карено. Такая большая, такая большая!

Сара. Ты—мой папа?

Карено. Гм. Чтò?

Сара. Ты—мой папа?

Карено. Ты такая большая, что мнѣ, пожалуй, и не под-
нять тебя.

(Звонять).

Сара. Звонокъ.

Карено. Должно-быть, гость.

Сара. Сбѣгать открыть?

Карено. Нѣтъ, нѣтъ. Это можетъ сдѣлать Александра.
(Обнимаетъ ее) Такъ ты хочешь сбѣгать и открыть дверь?.. Ты
меня не боишься?

Сара (качаетъ головой). Нѣтъ.

Карено. Да ну... Ты, конечно, находишь, что въ городѣ
странно?

Сара. Да. Здѣсь столько домовъ всюду.

Карено. Много.

Сара. Странно, какъ только люди могутъ отыскать свои дома.

Карено. О, да. Но, увидишь, ты скоро научишься. (Гладитъ
ее по щекѣ) Милая Сара!

(Изъ двери на заднемъ планѣ входитъ Бондесень. Карено отталки-
ваетъ отъ себя Сару).

Бондесень. Здравствуйте, Карено. Мнѣ хотѣлось заглянуть
къ вамъ на минутку.

Карено (Сарѣ, повелительно). Ступай къ мамѣ.

(Сара уходитъ направо).

Карено. Присядьте, пожалуйста.

Бондесень (кладетъ шляпу и садится). Спасибо, я сейчасъ же
ухожу. Я, собственно, спѣшу на собраніе... Вы, конечно, чи-
тали газету?

Карено. Да. Вы отлично могли бы переждать денегъ съ этой
замѣткой.

Бондесень. Не знаю, почему?

Карено. Я васъ просиль.

(Молчаніе).

Бондесень. Развѣ замѣтка причинила неприятность?

Карено. Не знаю, чтò мнѣ сказать на это. Шагъ-то, пожа-
луй, и нужно сдѣлать. Но я знаю, что двадцать лѣтъ тому
назадъ я приговорилъ бы себя къ смерти за такой шагъ.

Бондесень. Двадцать лѣтъ тому назадъ, да.

Карено. Но теперь я уже не такъ стремителенъ, какъ тогда.
Нѣтъ, тогда я былъ гораздо стремительнѣе.

Бондесень. Читали замѣтку о Йервенѣ?

Карено. Йервенъ будетъ здѣсь сегодня. (Передаетъ Бондесену письмо Йервена).

Бондесень. Вотъ какъ? Чтò ему нужно?

Карено. У него можетъ быть только *одно* дѣло ко мнѣ.

Бондесень. Какое?

Карено. Только *одно* дѣло... Послушайте, такой халатъ нѣсколько старить, по-вашему?

Бондесень (равнодушно бросаетъ письмо Йервена на столъ). Ничуть. Безспорно, онъ придаетъ болѣе пожилой видъ, извѣстную важность.

Карено. Равно какъ и палка? (Показываетъ ее).

Бондесень. Не знаю. Пожалуй, нѣтъ... Я уже заручился полномочіемъ, о которомъ вы спрашивали вчера вечеромъ. Главная квартира согласна со мной.

Карено (нетерпѣливымъ движеніемъ бросаетъ палку на столъ). Нѣтъ, вы дѣйствуете ужасно опрометчиво, Бондесень. Я хочу всесторонне обсудить все. (Начинаетъ ходить взадъ и впередъ).

Бондесень. Съ шагомъ, о которомъ вы сейчасъ говорили, вамъ, конечно, можно еще подождать немного, очень немного; но вамъ его не избѣжать. Возьмите меня, возьмите всѣхъ, — достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, приходится мѣнять лагерь. Таковъ мудрый законъ природы.

Карено. Но было время въ моей жизни, когда я думалъ не такъ. И я хочу еще разъ взвѣснить это.

Бондесень. Вамъ представляется почтеннѣйшій случай, васъ избираютъ вмѣсто Йервена.

(Справа появляется фру Карено).

Бондесень (встаетъ). Еще разъ здравствуйте, фру. Съ пріѣздомъ. (Беретъ ея руку) Вы были въ отъѣздѣ нѣсколько недѣль?

Фру Карено. Не больше двухъ.

Бондесень. Я тутъ хочу сдѣлать Карено депутатомъ.

Фру Карено. Я слышала, что вы были здѣсь и говорили объ этомъ.

Бондесень. Но онъ-то никакъ не рѣшится.

Карено. Я цѣлыхъ десять лѣтъ сомнѣвался въ идеалахъ моей юности; но мнѣ кажется, что дѣло потребуетъ еще десяти лѣтъ сомнѣнія. И тогда мнѣ будетъ шестьдесятъ.

Бондесень. Нѣтъ, именно теперь вы въ самомъ подходящемъ возрастѣ для честной перемѣны. Васъ изберутъ на мѣсто профессора Йервена, вы будете трудиться на поприщѣ, куда васъ привелъ Богъ и довѣріе согражданъ, и наступитъ часъ, когда вы будете возсѣдать въ королевскомъ совѣтѣ.

Фру Карено. Въ государственномъ совѣтѣ?

Карено. Не вѣрь ему.

Бондесенъ (коротко). Вы не должны упускать изъ виду, что почти цѣлую человѣческую жизнь мнѣ приходилось имѣть дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ.

Фру Карено. Нѣтъ, Иваръ, ты не долженъ отказываться.

Бондесенъ (фру Карено). Повторяю сказанное. Путь Карено въ значительной степени открытъ.

Карено (останавливается). Но почему вы не обратитесь къ кому-нибудь другому?

Бондесенъ. Потому что вы — имя, имя. Потому что вы теперь богаты, — простите, что я затрогиваю этотъ вопросъ. И потому, что у васъ тридцать приверженцевъ.

Карено. Это моя жена богата.

Фру Карено. Ахъ, Иваръ, ты знаешь, что мы оба богаты.

Бондесенъ. Разумѣется. А членъ представительнаго собранія, даже въ Норвегіи, долженъ имѣть что-нибудь побольше, чѣмъ юридическій дипломъ.

Фру Карено. Милый Иваръ, будь такъ добръ. ступай въ ту комнату и помоги рабочему переставить тяжелыя вещи. Рояль долженъ стоять наискось въ углу.

(Карено уходитъ направо).

Фру Карено. Присядьте.

(Бондесенъ садится).

Фру Карено (садится нѣсколько въ сторонѣ). Возможно ли, чтобы Иваръ сталъ членомъ государственнаго совѣта?

Бондесенъ. Со временемъ. Внѣ всякаго сомнѣнія... Позвольте васъ спросить: эта славная дѣвочка, которую я видѣлъ здѣсь, — ваша дочь?

Фру Карено. Да. Это — Сара.

Бондесенъ. Увѣряю васъ; я такъ былъ взволнованъ при видѣ ея. Я рѣшилъ сдѣлать для вашего мужа все, что могу, — какъ жалкій знакъ моей...

Фру Карено. Развѣ у профессора Йервена не больше шансовъ, чѣмъ у Ивара?

Бондесенъ. У профессора Йервена больше нѣтъ никакихъ шансовъ. Онъ попался въ весьма скандальной исторіи.

Фру Карено. Да ну?

Бондесенъ. А что еще хуже: все это произошло здѣсь въ домѣ.

Фру Карено (встаегь). Да что вы? Кому это извѣстно?

Бондесенъ (изумленно смотреть на нее). Кому извѣстно? Мнѣ.

Фру Карено. Неправда. Да нѣтъ же!

Бондесенъ. Мнѣ очень неприятно огорчать васъ, но вы должны лучше смотрѣть за вашей горничной.

Фру Карено. Ахъ, за Александрой? (Садится) Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Бондесенъ. Я самъ поймалъ ихъ.

Фру Карено. Александру съ профессоромъ Йервеномъ?

Бондесенъ. Да.

Фру Карено (всплескиваетъ руками). Вѣдь я же такъ и говорила Ивару: у насъ полнѣйшій беспорядокъ. (Идетъ къ письменному столу и начинаетъ убирать бумаги) Неслыханное дѣло!.. Гдѣ вы ихъ поймали? (Возвращается и садится).

Бондесенъ (указываетъ налѣво). Вонъ тамъ. Къ вечеру—полная тишина — никто въ домѣ ничего не подозрѣвалъ. Иду я туда. И что же я вижу? Въ интимнѣйшемъ сосѣдствѣ съ нею.

Фру Карено. Что же они дѣлали?

Бондесенъ. Онъ... Онъ цѣловалъ ее.

Фру Карено (встаетъ). Да вы съ ума сошли! Нѣтъ, я такъ и говорила. (Возвращается къ столу и быстро приводитъ въ порядокъ бумаги) Средь бѣлага дня, стало-быть.

Бондесенъ. Да, каково!

Фру Карено (останавливается). Александру нужно сейчасъ же прогнать.

Бондесенъ. При другихъ обстоятельствахъ я бы самъ посовѣтовалъ, но не теперь. Это могло бы повредить карьерѣ Карено.

Фру Карено. И подобныя вещи могли происходить въ такомъ домѣ, какъ нашъ!

Бондесенъ. Я про то и говорю. И поэтому я ничего не говорилъ Карено. Въ такихъ вещахъ вы больше понимаете.

Фру Карено (недовѣрчиво). Я понимаю только то, что подобныя дѣла могутъ намъ повредить. (Убираетъ столъ).

Бондесенъ. Ну, да. Я про то и говорю. Вы смотрите на вещи гораздо проще. Оставьте все, какъ есть, до истечения контракта, и никакого скандала не будетъ. (Съ затаенной злобой) А профессоръ Йервенъ на выборахъ останется съ носомъ.

Фру Карено. Неслыханное дѣло!

Бондесенъ. Я уже сегодня сдѣлалъ ему въ газетѣ маленькое предостереженіе, прозрачный намекъ.

Фру Карено (съ неожиданной догадкой, останавливается). Но скажите, что вамъ-то было нужно на кухнѣ?

Бондесенъ. Мнѣ? Гм! Что мнѣ было нужно... Вамъ это Карено объяснить. Здѣсь какъ разъ былъ этотъ олухъ, по имени Таре. Онъ не позволилъ мнѣ уйти въ эту дверь. (Указываетъ на дверь въ глубинѣ) И мнѣ пришлось уйти черезъ кухню.

Фру Карено. Да, разъ тутъ былъ Таре со-своей шайкой... Отъ этихъ людей всего можно ожидать. (Возвращается назадъ и

садится) Ахъ, неужели вы не можете избавить Карено отъ этой компаніи! Больше намъ, право, нельзя водить знакомство съ подобными людьми.

Бондесень. Я это устрою. Я помогу вашему мужу подняться высоко, пока еще есть время. Все это я сдѣлаю ради Сары и ея матери.

Фру Карено (медленно отходить). Благодарю васъ.

Бондесень. Сколько лѣтъ Сарѣ?

Фру Карено. Десять, одиннадцать. Почему вы спрашиваете?

Бондесень (тоже встаетъ). Не знаю, но, когда она стояла тамъ, я какъ бы узналъ ее. Какъ бы снова узналъ. И что-то зашевелилось здѣсь. (Проводитъ рукой по груди).

Фру Карено (строго смотритъ на него). Она—дочь Карено.

Бондесень. Да. Гм! Разумѣется. Очень приятно... Что я хотѣлъ сказать, да, ему слѣдуетъ уйти изъ «Горы». Безусловно. (Карено входитъ справа).

Бондесень. Я тутъ сказалъ, что считаю наше дѣло рѣшеннымъ. Значитъ, все это я приготовлю для утренняго изданія.

Карено. О подобныхъ безсовѣстныхъ поступкахъ, Бондесень, я и слышать не хочу. Я хочу взвѣсить это, слышите. Можетъ-быть, мнѣ нельзя поступить такъ, хотя бы изъ-за Йервена.

Фру Карено. Изъ-за этого олуха!

Бондесень. Послѣ всего, что о немъ стало извѣстно, его все равно не стану выбирать.

Карено (женѣ). Что ты-то дуешься на Йервена? Онъ преслѣдовалъ меня цѣлыхъ двадцать лѣтъ, но теперь онъ уже больше не можетъ. И вотъ онъ собирается сюда сегодня и хочетъ оказать мнѣ вниманіе.

Бондесень. Какое вниманіе?

Карено. У Йервена можетъ быть только одно дѣло ко мнѣ, поздравить меня со стипендіей.

Бондесень (улыбается и качаетъ головой). Вы ошибаетесь, Карено. Вы не получите стипендіи.

Карено. Что?

Бондесень. Это рѣшено вчера вечеромъ, поздно вечеромъ. Ночное дѣяніе Йервена.

(Карено садится)

Фру Карено. Вотъ видишь. На твоёмъ мѣстѣ, я бы не приняла его. Во всякомъ случаѣ, онъ не войдетъ въ гостиную.

Карено. Такъ мнѣ не дали стипендіи?

Фру Карено. Къ счастью, мы въ ней больше и не нуждаемся, Иваръ.

Карено (съ горечью). Прикажешь стать твоимъ стипендіатомъ?

(Встает и начинает бродить взад и вперед) Хе-хе, веселая штука! Въ теченіе двадцати лѣтъ!

Бондесенъ. Теперь вамъ представляется исключительный случай отмстить. Йервенъ много лѣтъ стремился къ одной единственной цѣли, не приблизившись къ ней ни на шагъ.

Карено. Я не знаю, какой только цѣли не могъ достигнуть этотъ человѣкъ. Потому что онъ не очень разборчивъ въ средствахъ.

Бондесенъ. Виновать, Йервенъ стремился къ этой цѣли, а достигнете ее вы.

Карено. О какой вы цѣли говорите?

Бондесенъ. О креслѣ министра культовъ.

Карено. Возможно. Потому что, видитъ Богъ, онъ совсѣмъ не человѣкъ науки. (Останавливается у письменнаго стола) Чтò тутъ случилось?

Фру Карено. Это я прибрала. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо завести больше порядка у насъ въ домѣ.

Карено (нѣкоторое время смотреть на нее). Ахъ, нѣтъ, не старайся быть *такой* порядочной, Элина. (Снова раскладываетъ бумаги).

Фру Карено. Чтò ты говоришь!

Бондесенъ. Итакъ, мнѣ уже пора на собраніе, Карено. (Беретъ шляпу) Я вернусь и послушаю, чтò вы скажете. А пока — до свиданія. До свиданія, Фру. (Уходитъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Фру Карено. Какъ ты можешь выражаться такъ при постороннихъ! Я больше никогда не стану прикасаться къ твоимъ бумагамъ.

Карено (бросаетъ бумаги на столъ и начинаетъ ходить взад и вперед). Двадцать лѣтъ. Ну, нѣтъ, это — безуміе, сплошное безуміе!

Фру Карено. А потòмъ я хочу просить тебя еще объ одномъ.

Карено. О чемъ?

Фру Карено. Ты окончателно рѣшилъ, Иваръ, что Сарфъ нельзя называть тебя отцомъ?

(Карено молчитъ).

Фру Карено. Она говорила, что дважды спрашивала тебя, но ты не отвѣтилъ.

Карено (останавливается). Ты придаешь этому большое значеніе, Элина?

Фру Карено. Самъ понимаешь. Да вѣдь иначе и нельзя.

Карено. О, да, въ нашемъ богатомъ домѣ и въ нашемъ новомъ обществѣ. (Быстрыми шагами ходить взад и вперед).

Фру Карено. Да, не правда ли! У насъ будутъ большія перемѣны. Очень рада, чтò ты начинаешь понимать это.

Карено. Понимаю.

Фру Карено. Значитъ, дѣвочки можно называть тебя отцомъ. А ты живи, какъ хочешь; никто не станетъ трогать твоихъ вещей. А теперь намъ нужно поставить къ тебѣ новую мебель. Но послушай, ты не хотѣлъ бы имѣть здѣсь нѣсколько большихъ полокъ, заваленныхъ книгами?

Карено. Хе-хе! Конечно, мнѣ не хватаетъ большихъ книжныхъ полокъ на каждой стѣнѣ. Это какъ бы пробѣлъ въ моемъ приданомъ.

Фру Карено. Милый, ты можешь покупать, что хочешь. Вѣдь ты—богатый человекъ, Иваръ. Точно ты все еще не вѣришь, что у насъ много денегъ.

(Звонятъ).

Карено. Начинаю вѣрить.

Фру Карено (быстро открываетъ дверь налѣво и зоветъ). Александра! (Карено) Надо сказать ей, чтобы впредь она докладывала обо всѣхъ, кто приходитъ къ намъ. Ты не находишь?

Карено (останавливается, изумленно смотритъ на нее, наконецъ говоритъ). О, да, нахожу! (Ходитъ взадъ и впередъ).

(Слѣва появляется Александра).

Фру Карено. На будущее время, когда кто-нибудь явится сюда, вы должны спрашивать—кто, и потомъ доложить!

Александра. Я должна выйти и спросить, кто, а потомъ вернуться и доложить?

Фру Карено. Да, всегда... Ступайте.

(Александра, улыбаясь, уходитъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Карено. Правильно. Такъ ей и надо, чортъ возьми. Ха-ха!

Фру Карено. И тогда я могу... А какъ она вела себя, пока меня не было?

Карено. Александра? О, да...

Фру Карено. По-моему, мы ей должны отказать.

Карено (останавливается). Да. Отказать. Прогнать ее! (Ходитъ).

Фру Карено. Ты тоже такъ думаешь?

Карено. Тебѣ неудобно быть съ нею рядомъ на кухнѣ. Намъ нужно перемѣнить прислугу.

Фру Карено. Но что ты такъ дрожишь?

Карено. Я? Отчего же мнѣ дрожать? Я—счастливый человекъ. Я съ такой гордостью смотрю на свою вечернюю зарю. И надѣюсь прожить много лѣтъ.

Фру Карено. Ты весь дрожишь.

Александра (входитъ изъ глубины). Тутъ кандидатъ Таре и еще кто-то хотятъ видѣть васъ. (Улыбается).

Карено (немедленно). Просите.

(Александра уходитъ въ глубину).

Фру Карено. Неужели ты и теперь хочешь принять этихъ людей? Въ послѣдній разъ, надѣюсь.

Карено. Да, Элина, они являются сюда въ послѣдній разъ.

Фру Карено. Я, по крайней мѣрѣ, не останусь здѣсь.

(Карено внезапно скидываетъ халатъ).

Фру Карено. Ухъ, нѣтъ, раздѣваться въ моемъ присутствіи... (Быстро уходитъ направо).

(Таре, Гейбро и другіе члены „Горы“ входятъ въ дверь на заднемъ планѣ. Всѣ низко кланяются).

Карено (швыряетъ халатъ). Это—старость. (Беретъ палку со стола и рѣзкимъ движеніемъ бросаетъ ее на полъ) Это — костыль. (Надѣваетъ свое платье) А это—я.

Таре. Надѣюсь, мы не помѣшали?

Карено (стоитъ у письменнаго стола, дрожить отъ волненія). Господа! Очень радъ! Смотрите на меня, я — воскресшій человѣкъ. Я сдѣлаю все, что вы просите.

Таре. Bravo!

Карено. Мое упорство не сломлено, и я снова въ полномъ расцвѣтѣ моихъ силъ. Чего вы требуете? Дорогие друзья, я изнемогаю, я горю жаждой борьбы. Вы узнаете меня?

(Шопотъ среди пришедшихъ):

Нѣкоторые. Да.

Карено. Подъ пепломъ огонь во мнѣ. Мнѣ сулятъ почести и положеніе,—мнѣ, *мнѣ!* Господа, мясо не рыба.

(Смѣхъ въ толпѣ пришедшихъ).

Карено. Я добивался стипендіи—и не получилъ.

Нѣкоторые. О!

Карено. Разводили огонь и зажигали костеръ подо мной,—хотѣли переплавить меня. Какъ долго пылалъ костеръ? Двадцать лѣтъ. А вороны сверху и собаки внизу бросались въ дымъ, и чихали, и поспѣшно удалялись прочь со слезящимися глазами. Господа, моя гранитная душа трещала.

Гейбро (51 года, блѣдный и въ морщинахъ, съ длинными сѣдыми волосами и большою бородой). Но вы не смирились?

Другіе. Нѣтъ.

Карено (стукнувъ ногой о полъ). Нѣтъ!

Всѣ. Bravo! Bravo!

Карено (ободренный). Сегодня я такой же, какимъ былъ въ старые дни. Я снова стою у вратъ царства и не вхожу. (Беретъ со стола рукопись въ золоченой обложкѣ) Тутъ у меня работа; мнѣ предлагали деньги за нее; она такая же золотая внутри, какъ и сверху. О чемъ же въ ней рѣчь? Въ ней рѣчь обо всемъ прекрасномъ въ мірѣ, о мудрой, круглой формѣ земли и о небесахъ, усѣянныхъ звѣздами.

(Хохотъ въ толпѣ).

Карено (взвѣсивая рукопись). За нее были бы получены деньги, цѣлая грудя. Стану я печатать? Нѣтъ. Что я съ нею сдѣлаю? Сожгу. (Быстро комкаетъ рукопись и бросаетъ ее въ печку, рѣзко) Сожгу.

Всѣ. Bravo! Bravo!

Карено. Круглая земля! Я цѣню землю, какъ твердую опору для моихъ каблуковъ. И звѣзды! Ахъ, эти куринныя слѣды на небосводѣ, эти Божьи золотыя плевки на полъ, — господа, не будемъ говорить о звѣздахъ. (Вытираетъ лобъ).

(Говоръ и хохотъ въ толпѣ).

Карено. Я сказалъ лишнее? Кажется, вы ропщете?

Гейбро. Мы ропщемъ не поэтому.

Карено. Нѣтъ, но я самъ чувствую, что говорю лишнее сегодня. Отъ поры до времени я чувствую предостерегающій толчокъ въ спину... Говорите, Таре.

Таре. Что мнѣ сказать?

Карено. Что-нибудь сильное. Молодое. Что бы снова воодушевило меня, если я начну падать духомъ.

Одинъ изъ толпы. Васъ и не нужно воодушевлять.

Таре. Нѣтъ, не нужно. Вы добивались ничтожной, безразличной стипенди, вы хотѣли употребить ее на поѣздку. Вы еще разъ дали наукѣ возможность постучаться къ вамъ и застать васъ дома, — наша наука не воспользовалась мгновеніемъ. Что же изъ этого, учитель? (Сжимаетъ кулаки) Вы протянули раскрытую руку, — вы отнимаете ее назадъ, какъ кулакъ.

Карено. Bravo! Да, я такъ и дѣлаю.

Гейбро. Прочтите что-нибудь изъ самого г. Карено, Таре.

Карено. Да, прочтите. Что-нибудь изъ того, что я писалъ раньше, въ юности.

Таре. Я не знаю, что бы вамъ сейчасъ прочесть.

Карено. Вѣдь это было хорошо; не правда ли? Мнѣ помнится, что это было горячо и сильно. Вспомните что-нибудь.

Таре. Мнѣ вспоминается одно мѣсто изъ вашей статьи о пятой заповѣди. «Чтить стариковъ. Почему? Ученіе придумано самою же одряхлѣвшей старостью. Когда старость больше уже не могла побѣждать въ жизненной борьбѣ, она не удалась, не спряталась, нѣтъ, она важно разсѣлась по самымъ высокимъ мѣстамъ и приказала молодымъ чтить и поклоняться ей. И когда молодость повиновалась, то эти старцы сидѣли на возвышеніи, какъ большія безполыя птицы, и кивали головой, радуясь послушанію молодости. Слушайте, молодцы! Взорвите старость, очистите тронъ и займите мѣсто. Потому что вамъ принадлежитъ сила и честь во вѣки вѣковъ».

Карено. Я такъ и написалъ?

Таре. «Въ чемъ у стариковъ преимущество передъ вами?— говорите вы.— Опытъ. Во всей своей жалкой и дряхлой наготѣ: опытъ. На что вамъ этотъ опытъ, разъ вамъ самимъ приходится снова испытать все то, съ чѣмъ сталкивается каждый въ своей личной жизни? Ахъ, еще никогда мой опытъ не оказалъ твоему опыту той услуги, какъ ты внушилъ себѣ. Взорвите эту старую ложь».

Карено (вытираетъ лобъ).

Таре. «Когда старикъ говорить, юноша долженъ молчать. Почему? Потому что такъ сказалъ старикъ. И вотъ старость ведетъ свою мирную, беззаботную жизнь за счетъ юности. Старыя сердца мертвы ко всему, кромѣ ненависти къ новому, къ молодому. И въ истощенныхъ мозгахъ хватаетъ силы только на одну мысль, на лукавую выдумку: юность должна чтить беззубыхъ. И въ то время, какъ юность скована и сдавлена этимъ циничнымъ ученіемъ, сами побѣдители сидятъ и хихикаютъ надъ своей безподобной выдумкой и находятъ, что жизнь отлично устроена».

Карено. Я такъ и написалъ?

Таре. Дальше: «Въ пятьдесятъ лѣтъ человекъ психически и физически старъ. Онъ дышитъ тяжело, когда ему нужно завязать ремни на своихъ башмакахъ, онъ долженъ отдыхать, написавъ книгу. Если онъ славенъ, то послѣ этого срока ему приходится поддерживать свою славу при помощи безчисленныхъ агентовъ. У него есть помощники за границей, свой агентъ въ Германіи, Англии, Франціи; но особенно важно имѣть агента въ Германіи. А самъ старецъ считаетъ себя молодымъ. Чтобы не отстать, онъ прокрадывается въ искусство молодыхъ и читаетъ тайкомъ книги молодыхъ. Онъ дѣлаетъ это не съ тѣмъ, чтобы радоваться въ своей душѣ всему новому, что онъ встрѣчаетъ, онъ дѣлаетъ это лишь съ цѣлью поучиться и позаимствовать,—честь, моль, и слава ему! Стоитъ молодости открыть новый путь, какъ старецъ начинаетъ шептать себѣ на ухо: на этотъ путь и я могу вступить. И если агентъ въ Германіи понимаетъ свой долгъ, то онъ немедленно заявить въ самой распространенной газетѣ, что не кто, какъ его собственный великолѣпный старикъ прежде всѣхъ—завсегда до всѣхъ—открылъ этотъ путь. И старецъ будетъ находить, что пятьдесятъ лѣтъ—чрезвычайно пріятная вещь...»

Карено (перебиваетъ). Нѣтъ, это написано слишкомъ опрометчиво. Зачѣмъ вы читаете мнѣ именно это? Что это значитъ? Это—претензія, неистовыя слова. Теперь я зрѣлѣе. Я, въ самомъ дѣлѣ, написалъ все это?

Таре. Да, но это было двадцать лѣтъ назадъ.

Карено. Такъ. Безуміе. Вѣдь полсотни лѣтъ еще далеко не старость. Можетъ-быть, я написалъ—шестьдесятъ лѣтъ?

Таре. Вы написали «пятьдесятъ». Заключеніе звучитъ такъ (сжимаетъ кулаки):—«Зачѣмъ вы терпите эту ложь! Почему вы не выйдете на улицу, не разыщете пятидесятилѣтняго чело-вѣка и не скажете ему: «Сторонись, старина! Я моложе тебя. Твоя жизнь кончена, давай мнѣ мѣсто. Умирай съ Богомъ».

Нѣсколько голосовъ. Bravo! Bravo!

Карено. Они заревѣли. Ахъ, замолчите!.. Нѣтъ, все это написано слишкомъ опрометчиво. (Вытираетъ лобъ) Однимъ словомъ, что вамъ отъ меня нужно, господа? Вы должны знать, что мнѣ самому пятьдесятъ лѣтъ.

Таре. Въ томъ-то и все ваше величіе, что въ пятьдесятъ лѣтъ вы столь же молоды.

Карено. Да, молодъ. Столь же молодъ. Вы такъ и говорите? Но теперь я зрѣлѣе, чѣмъ прежде.

Гейбро. Стало-быть, мы можемъ рассчитывать на васъ на выборахъ?

Таре. Молчите! Разумѣется. (Карено) Очень возможно, что раньше вы были не такой зрѣлый; не знаю. Но вы намъ дороги именно такимъ, какимъ вы были раньше. Вы не вторили хору глупцовъ, вы были благодатнымъ диссонансомъ въ нашей странѣ.

Карено. Да, когда-то такъ и было. Въ Персіи существуетъ слѣдующая притча: Я спрашиваю моего мула: «мой проворный клинокъ, можешь ты доставить меня въ городъ?» И мулъ встаетъ на дыбы и говоритъ: «да». Черезъ двадцать лѣтъ я спрашиваю того же мула: «послушай, мулъ, моя желтая дыня, можешь ты доставить меня въ городъ?» И мулъ падаетъ и пыхтитъ: «да».

Гейбро. Что это значить?

Карено. Это значить, дорогой Гейбро, что человѣческая воля не свободна.

Гейбро. Вотъ какъ!

Карено (робко). Развѣ я не говорилъ этого раньше? Въ молодости?

Таре. Вы учили, что «бытіе—свободный даръ всякой твари, которая при этомъ перестала быть свободной».

Карено (съ облегченіемъ). Ну да. Вѣдь это одно и то же. «Которая при этомъ перестала быть свободной». Очень вамъ благодаренъ, Таре. Стало-быть, нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія между тѣмъ, что я говорю теперь, и тѣмъ, что я говорилъ раньше.

Гейбро. Значить, нужно понимать такъ, что въ день выборовъ наша воля случайно можетъ оказаться несвободной?

Таре (вопросительно). Нѣтъ, мы васъ не такъ поняли.

Карено. Вы все съ вашими выборами, Гейбро. (Съ жаромъ) Взгляните на мои сѣдые волосы. Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ. Теперь вы снова хотите выгнать меня изъ моего дома?

Таре. Нѣтъ, зачѣмъ? Нѣтъ, мы не хотимъ.

Карено. Если я поступлю по-вашему, то вы больше не найдете меня здѣсь. Но не эта жалкая безпріютность страшитъ меня; я и раньше бывалъ безпріютенъ. Но если я уйду отсюда, то половина моей души останется здѣсь.

Гейбро. Кажется, вполне ясно сказано, ребята. (Отходить къ двери на заднемъ планѣ).

Карено. Неужели вы не читали замѣтки въ сегодняшней газетѣ Бондесена?

Нѣсколько голосовъ. Нѣтъ.

Таре. Мы не читаемъ этой газеты.

Карено. Но чтó, собственно, вамъ теперь нужно, друзья?

Таре. Вы проявили такую свободу и твердость, когда мы пришли.

Карено. То была судорога.

Гейбро. Вашимъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ выборамъ вы внесли въ нашъ союзъ колебаніе. И если вы уйдете, союзъ распадется.

Карено. Значить, вамъ это нужно отъ меня?

Гейбро. Мы предлагаемъ вамъ прямой вопросъ: вы голосуете съ нами, или уходите изъ «Горы»?

Карено. Отвѣтите вы, Таре.

Таре (сжимаетъ кулаки, печально). У меня тотъ же вопросъ.

Карено. Взгляните на мои сѣдые волосы.

Гейбро. Я могу съ такимъ же правомъ сказать: взгляните на меня, Иваръ Карено. Я старше васъ. (Молчаніе).

Карено. Я голосую съ вами. (Садится).

Таре (всплескиваетъ руками, остальнымъ). Я же вамъ говорилъ.

Гейбро. Я полагаю, что слово есть слово.

Карено. А я полагаю, что мнѣ теперь нуженъ покой. Я плохо спалъ эту ночь.

Таре (подходить къ Карено и хватаетъ его за руку). Спасибо, учитель. Спасибо отъ всѣхъ насъ. Мы, собственно, хотѣли еще пропѣть нашу боевую пѣсню; но мы можемъ пропѣть ее за дверь. На дворѣ. Если вы ничего не имѣете противъ.

Гейбро. Вѣдь дверь можно оставить открытой, и вамъ будетъ слышно?

(Карено машетъ рукой Гейбро)

Таре. Ну, еще разъ спасибо за все. Прощайте.
(Всѣ кланяются и уходятъ въ дверь на заднемъ планѣ, которая остается открытой).

(Молчаніе).

Сара (появляется слѣва, съ подносомъ, на которомъ чай и пирожіе).
Пожалуйста. (Ставитъ подносъ).

Карено (встаётъ). Кому это? Нѣтъ, теперь я уѣзжаю, Сара.
Я долженъ уѣхать, мнѣ больше нельзя оставаться здѣсь.

Сара. Это тебѣ. Чай.

Карено. На что мнѣ чай? Тутъ какая-нибудь ошибка, потому что я сейчасъ уѣзжаю. (Начинаетъ собирать бумаги на письменномъ столѣ) Ты сказала, что чай для меня?

Сара. Да. Мама думала, что теперь тебѣ захочется чаю.

Карено. На дорогу, да. (Оставляетъ бумаги) Мама такъ и сказала?

Сара. Да.

Карено (подойдя къ ней вплотную). А ты знаешь, почему она сказала?

(Въ дверяхъ слышенъ мужской квартетъ).

Сара. Поютъ.

Карено. Ахъ, нѣтъ, ты, конечно, не знаешь.

(Поютъ):

Онъ сторонился тѣхъ палатъ, чей блескъ прельщаль людей,
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ гордо многіе сидѣли.

Онъ, какъ орель, париль вдали отъ будничныхъ страстей,
И всѣ, дивясь, вослѣдъ ему глядѣли.

И въ высотѣ была надъ нимъ

Одна разсвѣтная заря, предвѣстье новыхъ дней.

Въ тѣхъ высяхъ долго онъ париль, указывая свѣтъ,

Уча людей высокому стремленью.

На зовъ назадъ, къ землѣ, всегда твердилъ онъ: «нѣтъ»,
Былъ глухъ душой къ угрозѣ и моленью.

Когда же старость подошла,

Онъ съ легкимъ сердцемъ измѣнилъ завѣтамъ юныхъ лѣтъ.

И вотъ теперь укрылся онъ подъ тихій кровъ, куда

Стремилась всѣ, чтобъ важно жить въ покоѣ.

Отъ гордыхъ грезъ и думъ его не стало ни слѣда.

И вотъ онъ весь какъ дерево сухое.

Но самъ онъ думаетъ, глупецъ,

Что столь прекрасенъ и великъ онъ не былъ никогда.

(Во время пѣнія Карено нѣсколько разъ рѣзко топаетъ о полъ, потомъ бросается въ кресло. Вдругъ онъ встаетъ и указываетъ на рукопись въ золоченой бумагѣ, лежащую у печки. Когда Сара приноситъ ее, онъ садится, тщательно разглаживаетъ рукопись и кладетъ ее къ бумагамъ на письменномъ столѣ. Потомъ указываетъ на валяющуюся на полу палку, которую Сара тоже подаетъ).

Фру Карено (въ открытой двери на заднемъ планѣ). Опять эта пѣсня.

Карено (рѣзко). Тогда закрой дверь, если хочешь.

Фру Карено. Да, милый Иваръ, я лучше закрою. (Закрываетъ дверь за собой. Пѣнія больше не слышно).

Карено. Не бойся, Сара. Вѣдь я говорилъ не тебѣ.

Сара. Чай-то стынетъ.

Карено. И пусть, холодный гораздо вкуснѣе... Нѣтъ, теперь мнѣ слѣдовало бы уѣхать, видишь ли; но я предпочелъ бы остаться здѣсь.

(Звонять).

Сара. Звонокъ.

Карено. Сюда приходили люди, они сказали, что я долженъ итти за ними, и вотъ я не знаю, какъ мнѣ поступить.

Сара. Пойти спросить маму?

Карено. Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Потому что я долженъ уѣхать. (Встаётъ и собираетъ бумаги; вдругъ подходитъ къ Сарѣ и обнимаетъ ее) Ты хотѣла спросить маму? Спасибо, дружокъ.

(Въ дверяхъ на заднемъ планѣ появляется Бондесенъ. Карено отталкиваетъ отъ себя Сару).

Бондесенъ (протягивая руку). Здравствуйте. Ваша горничная становится все безстыднѣе и безстыднѣе. Она хотѣла доложить, прежде чѣмъ пропустить меня.

Карено (Сарѣ повелительно). Ну, ступай къ мамѣ! (Сара уходитъ направо).

Бондесенъ. Чья это дѣвочка, Карено?

Карено. Это—моя дѣвочка. Развѣ вы не замѣтили, какъ она похожа на свою мать?

Бондесенъ. О, да! Гм! Замѣтилъ. (Садится) А вы знаете, что въ воротахъ цѣлая толпа пѣвцовъ?

Карено. Они чествуютъ меня.

Бондесенъ. А я думалъ, они поютъ въ честь горничной... Я забылъ попросить васъ объ одной вещи. Вы должны позволить мнѣ прислать къ вамъ нѣсколько позднѣе рисовальщика.

Карено. Зачѣмъ?

Бондесенъ. Для газеты. Тогда я сейчасъ же помѣщу вашъ портретъ. Читателямъ будетъ пріятно увидѣть своего героя.

Карено. Не думаю, чтобы ваши читатели интересовались моимъ портретомъ. Я не одного съ ними лагеря.

Бондесенъ. Всѣ интересуются вашимъ портретомъ, г. Карено. Въ чемъ бы лагерь вы ни были.

Карено. Чтобы сократить пытку: я укладываю мои бумаги.

Бондесенъ.

Бондесенъ. Уѣзжаете?

Карено. Да. Долженъ покинуть домъ. Видите, мнѣ тутъ принесли чаю, это—послѣднее налутствіе.

Бондесень. Чтò же, собственно, случилось послѣ моего ухода?

Карено. Я голосую съ «Горою».

(Слѣва входитъ фру Карено).

Бондесень (встаётъ). Еще разъ здравствуйте, фру. Надѣюсь, теперь вы скоро избавитесь отъ меня.

Фру Карено. Ну, вотъ еще. Садитесь.

Бондесень. Я ухожу. Вашъ мужъ непоколебимъ.

Карено. Зачѣмъ ты прислала мнѣ этотъ чай, Элина? Это—мой посолокъ?

Фру Карено. Господи, я думала, ты захочешь немного чаю, спровадивъ этихъ несносныхъ парней.

Карено. Развѣ ты не слышала, чтò я имъ отвѣтила? Я сказала, что пойду за ними.

Фру Карено. Откуда мнѣ слышать, я была въ кухнѣ.

Карено. Въ такомъ случаѣ, прости. Не понимаю, какъ въ человѣкѣ можетъ произойти подобный переворотъ. Раньше я не былъ подозрителенъ.

Фру Карено. Ты заразился этимъ отъ всѣхъ твоихъ членовъ союза. Я убѣждена.

Карено. Не знаю. Впрочемъ, въ этомъ есть доля правды.

Бондесень. Почему же вы, чортъ возьми, все еще связываетесь съ ними? Заявите о вашемъ уходѣ, и я захвачу письмо съ собою.

Фру Карено. Сара сказала, что ты укладываешься. Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

Карено. Я далъ слово Таре.

Бондесень (протягиваетъ руку). Заявленіе.

Карено. Нѣтъ, я еще подумаю. Это не такъ просто.

Фру Карено. Мнѣ, право, хотѣлось бы знать, чтò у тебя на умѣ.

Карено. Чтò у меня на умѣ? Я хочу остаться непреклонною душой.

Фру Карено (мѣняя разговоръ). Привезли новую мебель для тебя. Можно начинать ставить ее сюда?

Карено. Да, но тогда мнѣ такъ и не уѣхать сегодня. (Идетъ къ письменному столу и снова раскладываетъ свои рукописи и бумаги).

Бондесень. По порученію главной квартиры я даю вамъ срокъ до шести часовъ вечера. Къ этому часу мы должны знать ваше рѣшеніе.

Карено. Къ шести часамъ?

Бондесень. Да. А послѣ будетъ уже поздно.

Карено. Хорошо. Я сообщу до шести.

Бондесенъ. Спасибо. Прощайте. Прощайте, фру. (Уходитъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Карено. Хе! Заявленіе, сказалъ онъ, и потомъ протянулъ руку. И не повѣришь, какъ легко иные люди смотрятъ на вещи.

Фру Карено. Не всёмъ же присуще твое упорство, видишь ли.

Карено (смотреть на нее). Ты поняла меня, Элина. Я нахожу больше помощи у тебя, чѣмъ у остальныхъ. Ты и чаю при-слала мнѣ.

Фру Карено. Но ты еще не пилъ.

Карено. Въ доказательство, что я тебѣ благодаренъ, я буду пить чай. (Подходить къ подносу).

Фру Карено. А я въ это время велю вносить мебель. (Ухо-дить въ дверь на заднемъ планѣ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Много новой мебели красного цвѣта. Столы со скатертями, стулья, диванъ, папки для газетъ, корзина для бумаги. На стѣнахъ кар-тины въ золоченыхъ рамахъ. У печки столѣикъ съ ящичкомъ для сигаръ. Возлѣ письменнаго стола многоярусная книжная полка; подъ ней часы.

Карено (кладетъ книги и бумаги на полку возлѣ письменнаго стола). Впрочемъ, ты права. Мнѣ была нужна эта полка.

Фру Карено. Ну, вотъ видишь.

Карено. Да, но мнѣ не слѣдовало бы пользоваться ею. Я вотъ начинаю основательно устраиваться, вмѣсто того, чтобы взять бумаги подъ мышку и уйти.

Фру Карено. Послушай, если ты хочешь переодѣться, то сдѣлай это сейчасъ же. Вѣдь профессоръ Йервенъ можетъ явиться каждую минуту.

(Звонять).

Фру Карено. Это—онъ. (Начинаетъ пудриться).

Карено. Тогда я приму его, въ чемъ есть. (Отступаетъ назадъ, осматриваетъ этажерку) Вотъ такъ, думается мнѣ. А это я по-ставлю сюда. А это—туда. Такъ.

Фрекенъ Говиндъ (въ дверяхъ на заднемъ планѣ, переодѣтая въ свѣтлое). Пришелъ?

Фру Карено (безразлично). Кто пришелъ?

Фрекенъ Говиндъ. Профессоръ Йервенъ.

Фру Карено. Нѣтъ. Мы-то, по крайней мѣрѣ, не видѣли

его... Послушай, Иваръ, ты бы сдѣлать, о чемъ мы говорили.

Фрекенъ Говиндъ. Что нужно сдѣлать, Карено?

Карено. Мнѣ нужно переодѣться. Сейчасъ иду. (Продолжаетъ возиться съ бумагами).

Фру Карено. Нѣтъ, Господи, какъ ты нарядна, Наталія! Ты бы сняла накидку.

(Фрѣкенъ Говиндъ уходитъ).

Карено. И если онъ придетъ, пока меня не будетъ, то пускай подождетъ!

Фру Карено. Да, пускай подождетъ немного. Не бѣда. Вѣдь онъ не король.

(Фрѣкенъ Говиндъ возвращается справа).

Карено (осматриваетъ комнату). Теперь у меня здѣсь, право, хорошо. (Уходитъ направо).

Фрекенъ Говиндъ. Мнѣ эта черта понравилась въ Карено. Что онъ пошелъ надѣть свое новое платье.

Фру Карено. Почему? Онъ собирается въ главную квартиру къ Бондесену, гдѣ обратится съ рѣчью къ избирателямъ.

(Молчаніе).

Фру Карено. У тебя такой разочарованный видъ?

Фрекенъ Говиндъ. Однажды я слышала, какъ профессоръ Йервенъ говорилъ со своего балкона.

Фру Карено. Го-го, но ты еще не слышала Ивара... Ну, теперь я ухожу назадъ въ гостиную.

Фрекенъ Говиндъ. Развѣ я одна должна принять его?

Фру Карено. Профессора Йервена? Не могу сказать, чтобъ онъ былъ интересенъ мнѣ.

(Звонятъ).

Фру Карено. Это—онъ. (Пудрится).

Фрекенъ Говиндъ. Да, это—онъ. Дай-ка и мнѣ. (Беретъ пудру и пудрится) Слушай, я сдѣлаю книксенъ. Я такъ и рѣшила. (Возвращаетъ пудру) Ты говоришь, тебѣ онъ не интересенъ? Ну, конечно. Но я-то была обручена съ нимъ.

Александра (въ дверяхъ на заднемъ планѣ). Профессоръ Йервенъ хочетъ видѣть васъ.

Фру Карено. Дома, дома.

(Александра уходитъ).

Фрекенъ Говиндъ. Господи, зачѣмъ она заставляетъ его ждать?

Фру Карено. Впредь въ нашемъ домѣ будутъ обо всѣхъ докладывать... Послушай, я думала, что тебѣ лучше остаться съ нимъ одной. Поэтому я хотѣла уйти.

Фрекенъ Говиндъ (бросается ей на шею). Ахъ, да благосло-

вить тебя Господь. Элина. Спасибо за твою деликатность. Да, ступай; я замѣню тебя.

Фру Карено (у двери, нальво). Потому что мнѣ онъ не интересенъ, видишь ли.

(Обѣ дамы напряженно смотрятъ на дверь въ глубинѣ. Молчаніе. Входить профессоръ Йервенъ. За нимъ видна улыбающаяся Александра. Она медленно закрываетъ дверь. Фру Карено быстро уходитъ направо).

Йервенъ (48 лѣтъ, плотный и спокойный, въ очкахъ, кланяется). Здравствуйте.

Фрекень Говиндъ (присѣдаетъ). Здравствуйте, г. профессоръ.

Йервенъ. Кажется, фру Карено... Нѣтъ.

Фрекень Говиндъ. Фру сейчасъ придетъ. Не угодно ли присѣсть, г. профессоръ?

Йервенъ. Да это же — фрекень Говиндъ, вижу я. (Протягиваетъ руку).

Фрекень Говиндъ (пересиливъ себя). Вы узнали меня! Двадцать лѣтъ тому назадъ...

Йервенъ (садится и кладетъ шляпу и палку). Такъ это вы? Все дружите съ фру Карено?

Фрекень Говиндъ. Да, она гораздо старше меня, но... Значительно старше, но...

Йервенъ. Но вы не здѣсь живете?

Фрекень Говиндъ. Нѣтъ. Я только захожу сюда отъ поры до времени. Карено накупили массу всякихъ вещей; они такъ разбогатѣли.

Йервенъ. Вотъ какъ? Разбогатѣли?

Фрекень Говиндъ. Да, громадное наслѣдство. И вотъ я помогала покупать всякую всячину. Потому что у бѣдной фру Карено не особенно тонкій вкусъ.

Йервенъ. Такъ вотъ каковы дѣла. А гдѣ Карено?

Фрекень Говиндъ. Сейчасъ придетъ... Нѣтъ, подумать только, я не говорила съ г. профессоромъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ!

Йервенъ. Неужели двадцать лѣтъ! Я, конечно, зналъ, что прошло уже порядочно времени, но...

Фрекень Говиндъ. Болѣе двадцати лѣтъ. Но я васъ такъ часто видѣла, г. профессоръ. Вѣдь мы всѣ узнаемъ васъ, встрѣчаясь съ вами на улицѣ.

Йервенъ (улыбается). О, да, теперь я здѣсь — старожилъ.

Фрекень Говиндъ. У васъ все тѣ же голубые глаза, вижу я. Я помню, какъ однажды вы нарисовали мнѣ брови.

Йервенъ. Развѣ? Какъ гадко съ моей стороны.

Фрекень Говиндъ. Нисколько, это было ужасно забавно. И потомъ вы называли меня Наталіей.

Йервенъ. Да, помню.

Фрекень Говиндъ. О, да, въ то время! Пока не возникло недоразумѣніе?

Йервень. Недоразумѣніе?

Фрекень Говиндъ. Вѣдь съ моей стороны ничего другого и не было. Въ то время я не понимала васъ. И вотъ я вернула вамъ кольцо.

Йервень (улыбается). Но вамъ это, надѣюсь, послужило только къ лучшему.

Фрекень Говиндъ. Не скажите. Одному Богу извѣстно.

Йервень. Но Карено дома, конечно?

Фрекень Говиндъ. Дома. Онъ сейчасъ придетъ. Я вамъ должна сказать, онъ только пошелъ надѣть новое платье. Въ честь васъ.

Йервень (озирается кругомъ). Онъ тутъ славно устроился, мой старый другъ.

Фрекень Говиндъ. Нѣтъ, какъ мнѣ знакомо ваше движеніе головой, когда вы озираетесь кругомъ.

Йервень. Значитъ, въ самомъ дѣлѣ родители фру Карено оставили такъ много денегъ?

Фрекень Говиндъ. Уйму денегъ. Но я все-таки не понимаю, къ чему всѣ эти излишества. Былъ бы покой въ сердцѣ, и тогда... У васъ все еще нѣтъ кольца, г. профессоръ?

Йервень (улыбается). Нѣтъ. Я—старый холостякъ, какъ видите.

Фрекень Говиндъ (подходитъ къ нему и беретъ его за руку). Могу я поблагодарить васъ?

Йервень. За что же меня благодарить, фрекень?

Фрекень Говиндъ. За то, что вы здѣсь. Что пришли. Вы не должны смѣяться. Это — большая радость для меня. (Продолжаетъ стоять).

Йервень. Вотъ какъ. (Встаетъ и подходитъ къ стѣнѣ, гдѣ разсматриваетъ картины) Вдобавокъ, и произведенія искусства въ этомъ домѣ.

Фрекень Говиндъ (идетъ за нимъ). Нѣтъ, вы не должны смотреть на это. Картины тоже выбирала я.

Йервень. Замѣчательныя вещи! (Возвращается назадъ и садится; смотритъ на свои часы).

Фрекень Говиндъ. У васъ ваши старые часы, кажется. (Хочетъ взглянуть).

Йервень (прячетъ часы въ карманъ). Старые, да. Долгонько же заставляетъ ждать себя мой добрый другъ Карено.

Фрекень Говиндъ. Мнѣ хотѣлось бы спросить васъ кой-о чемъ; но я не знаю, смѣю ли.

Йервень. Пожалуйста.

Фрекенъ Говиндъ. Помнится, иногда вы зябли. Въ особенности зимою. Вы все еще носите шерсть внизу, г. профессоръ?

Йервень. Чтò?

Фрекенъ Говиндъ. Вы носите шерсть—ближе къ тѣлу?

Йервень. Ахъ! О, да! Шерстяную фуфайку.

Фрекенъ Говиндъ. Я перешла на шелкъ. На голубой шелкъ. Это безусловно лучше.

Йервень. Вотъ какъ!

Фрекенъ Говиндъ. Я такъ часто думала, чтò вы носите внизу. Совѣтую попробовать шелкъ.

Йервень. Подумаю.

Фрекенъ Говиндъ. Спасибо. Вѣдь вы знаете, что если чтò и важно на свѣтѣ, такъ это ваше здоровье, г-нъ профессоръ.

Йервень (встаетъ). Вы не будете такъ любезны откровенно спросить Карено, могу ли я сказать ему пару словъ?

Фрекенъ Говиндъ (встаетъ). Разумѣется. Съ его стороны дѣйствительно гадко...

(Справа входитъ Карено въ черномъ. Йервень кланяется).

Фрекенъ Говиндъ. А вотъ и Карено. (Протягиваетъ руку Йервену) Теперь я ухожу. Какъ бы не прошло еще двадцать лѣтъ, пока я снова увижусь съ вами. (Уходитъ направо).

Йервень (протягиваетъ руку). Здравствуй, Карено.

Карено (беретъ его руку). Здравствуй.

Йервень (садится). Давненько я не говорилъ съ тобой.

Карено. Устно.

Йервень (смѣется). Да, устно. Ты правъ. Потому что въ печати я немного бесѣдовалъ съ тобой отъ поры до времени... О, да, не всегда же съ дурнымъ намѣреніемъ.

(Карено не отвѣчаетъ).

Йервень. Я тутъ сидѣлъ и восхищался твоимъ кабинетомъ, Карено. Соединеніе комфорта, вкуса и уютности, равное которому мнѣ рѣдко попадалось.

Карено. Я нахожу, что здѣсь довольно-таки пріятно работать.

Йервень. Да, да, мы оба многого достигли въ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, любопытно оглянуться назадъ. На то время, когда еще никто изъ насъ почти ничего не значилъ и когда намъ нельзя было жить вотъ такъ.

Карено (смотреть на часы). Въ письмѣ ты просилъ назначить свиданіе.

Йервень. Да. Ты занятъ?

Карено. Не то, чтобы слишкомъ занятъ, но... Мнѣ нужно кое-что уладить до шести часовъ.

Йервень. Я тебя не задержу. Я, собственно, былъ на выборномъ собраніи, но я освободился на минутку. Гм! Чтобы приступить прямо къ дѣлу: ты, конечно, читалъ, что пишетъ Бондесенъ сегодня?

Карено. Да, я читалъ его газету.

Йервень. И замѣтку обо мнѣ, разумѣется. Тамъ въ неясныхъ выраженіяхъ говорится о слухахъ, которые ходятъ обо мнѣ.

Карено. О чемъ же тутъ беспокоиться?

Йервень. И одновременно, почти тутъ же рядомъ, газета сообщаетъ, что въ виду выборовъ ты собираешься уйти изъ союза.

Карено. Бондесенъ можетъ объяснить тебѣ лучше меня.

Йервень. Съ Бондесеномъ я, разумѣется, больше не разговариваю. Я обращаюсь къ честному человѣку и товарищу. Стало-быть, мы съ тобой въ извѣстномъ смыслѣ поставлены другъ противъ друга. Наши имена упомянуты въ такой связи, что за этимъ что-нибудь да кроется.

Карено. Одно время я подумывалъ уйти изъ «Горы». Вотъ и вся связь.

Йервень. Но ты оставилъ эту мысль?

Карено. Нѣтъ, не совсѣмъ. Я все еще взвѣшиваю.

Йервень. Судя по случайнымъ намекамъ, которые я слышалъ съ разныхъ сторонъ, предполагается выставить тебя на мое мѣсто. Соответствуетъ ли это дѣйствительности?

Карено. Я не могу отвѣтить на это столь же прямо, какъ ты спрашиваешь.

Йервень (быстро). Значить, это не пустая болтовня? Не совсѣмъ пустая болтовня?

Карено. Да. Не совсѣмъ.

Йервень (киваетъ). Такъ. То-то я замѣтилъ перемену погоды на собраніи.

Карено. Что же до слуховъ о тебѣ, то я, конечно, ничего не знаю.

Йервень. Но я-то знаю. Это и есть нелѣпость. Я послалъ опроверженіе во всѣ остальные газеты; но мое опроверженіе не можетъ появиться раньше завтрашняго утра. А сегодня можетъ многое случиться. Когда черезъ часъ наше собраніе кончится, то кандидатъ будетъ уже объявленъ.

Карено. Но что же, собственно, тебѣ отъ меня нужно?

Йервень. Мнѣ нужно твое заявленіе, что ты снимаешь свою кандидатуру... Ты смѣешься?

Карено. А тебѣ очень нужно это заявленіе, Йервень?

Йервень. Еще бы. И когда я прочту его на собраніи, то

ни тебѣ ни мнѣ больше не придется волноваться изъ-за этого вопроса.

Карено. А ты не думай, что я откажусь дать тебѣ подобное заявленіе?

Йервенъ. Трудно ожидать. Трудно ожидать. Мнѣ всегда казалось, что ты врядъ ли захочешь поставить себя въ смѣшное положеніе.

Карено. А, замѣтивъ, что въ этомъ тонѣ дѣло не ладится, ты думаешь перейти на другой.

Йервенъ. Прости, что я говорю слишкомъ прямо; но вѣдь ты не политикъ, Иваръ.

Карено. И ты прости, что я буду говорить прямо. Позволь тебѣ напомнить, что когда-то мнѣ пришлось указать тебѣ на дверь, Карстенъ Йервенъ. (Встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ).

Йервенъ. Но сегодня я и самъ уйду. (Встаетъ) Позволь мнѣ только объяснить тебѣ истинное положеніе вещей. Вѣдь Бондесенъ командуетъ не всей нашей партіей. И у меня есть свои приверженцы.

Карено. Въ этомъ я тебѣ не завидую.

Йервенъ. Ну, конечно. Но тогда еще вопросъ, не напрасно ли ты выступаешь на этихъ выборахъ.

Карено. Тамъ видно будетъ.

Йервенъ. Разумѣется. Но между тѣмъ ты будешь опороченный, побѣжденный, оставленный безъ вниманія человѣкъ. Да, потому что я не дамъ побѣдить себя безъ борьбы.

Карено. Какъ лично я увѣренъ еще и въ томъ, что ты не дашь мнѣ побѣдить себя безъ мести—по своему обыкновенію.

Йервенъ. Но вѣдь въ своихъ статьяхъ ты самъ защищаль право мести и называлъ ее пришедшей въ упадокъ атической силой.

Карено. Я не намѣренъ обсуждать съ тобой мои юношескія работы. Мои воззрѣнія не во всемъ тѣ же, что были.

Йервенъ. Тогда я искренно долженъ поздравить тебя, что ты пришелъ къ тому же, Карено. Какая собственно разница между моимъ переходомъ въ юности и твоимъ теперь? Нѣсколько лѣтъ! Вопросъ времени. Но ты не нашелъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы осудить меня тогда.

Карено. Разница въ томъ, что ты перемѣнилъ лагерь съ красивыми щеками и легкимъ сердцемъ, тогда какъ мои волосы посѣдѣли въ двадцатилѣтней борьбѣ.

Йервенъ. Стало-быть, все дѣло въ болѣе или менѣе смысленной головѣ.

Карено. Конечно, все дѣло въ головѣ.

Йервень. Но мы не объ этомъ собирались говорить. Къ тому же я не нахожу, чтобы ты имѣлъ право оказывать подобный пріемъ другу своей юности.

Карено (смотреть на него). Я изумляюсь твоей наглости.

Йервень. Ахъ, ты постояненъ въ этихъ твоихъ громкихъ словахъ. Я отлично сознаю, что тебѣ не за что благодарить меня.

Карено. А за стипендію, напрімѣръ. Твое послѣднее благодареніе.

Йервень. Я не властенъ раздавать стипендіи. Я могъ только честно и откровенно голосовать противъ тебя.

Карено. На какомъ основаніи?

Йервень. Но, Боже мой, на что тебѣ стипендія, скажи мнѣ на милость? (Озирается кругомъ) Непохоже, чтобы ты очень нуждался въ ней. Если мы не предложили тебя, то лишь зная, что ты—богатый человѣкъ.

Карено. Но ты лжешь. Ты не зналъ ничего въ ту минуту.

Йервень. Я отказываюсь говорить въ такомъ тонѣ. (Беретъ шляпу и палку) А вообще-то я вполнѣ согласенъ, что тебя слѣдуетъ отличить и признать, но это должно быть сдѣлано въ иномъ видѣ.

Карено. Давно ли ты сталъ вполнѣ согласенъ съ этимъ?

Йервень. Когда ты началъ заслуживать. Когда ты отказался отъ своихъ нападокъ на все, что для насъ, другихъ, свято.

Александра (входитъ слѣва; смотреть на Йервена). Тутъ какой-то художникъ хочетъ видѣть васъ.

Карено. Хорошо, просите.

(Александра медленно уходитъ налѣво).

Йервень. Хорошо, я ухожу. Гм... Позволь мнѣ спросить: что будетъ съ твоимъ союзомъ, если ты уйдешь изъ него?

Карено (останавливается, въ бѣшенствѣ). Какое тебѣ дѣло, милѣйшій?

Йервень. Какъ на честномъ человѣкѣ, на тебѣ лежитъ извѣстная ответственность передъ людьми, которыхъ ты бросаешь. Это не мое дѣло, какъ ты говоришь. Но есть другое дѣло, которое въ высокой степени касается меня, это—судьба моей партіи. И теперь я взываю къ твоей честности. Ты вторгаешься и вносишь раздвоеніе въ выборы, и мы проигрываемъ. Что ты скажешь на это?

Карено. Такъ, — теперь мы уже высказались вполнѣ. (Подходить къ часамъ и смотреть) Впрочемъ, я удивляюсь тебѣ.

Йервень. Я пришелъ сюда въ интересахъ дѣла и могу выносить твою грубость. Все въ интересахъ дѣла! Неужели тебѣ

не было бы больно, если бь кто-нибудь явился погубить твою партію?

Карено (указывает на дверь на заднемъ планѣ). Неужели ты самъ не чувствуешь, что теперь ты долженъ уйти?

Йервень (съ чувствомъ достоинства). Второй разъ! Какъ легко, какъ легко ты можешь оскорблять своихъ друзей. Ты уже осудилъ меня, какъ предателя, въ ранніе дни моей молодости. Ты оторвалъ отъ меня невѣсту и заставилъ меня влачить одиноко остатокъ моихъ дней. Чтò ты извлекъ изъ этого? Я никогда не жаловался и никогда не слышалъ, чтобы она жаловалась; но мы оба извѣдали много боли. И вотъ сегодня я снова встрѣчаю ее здѣсь, по прошествіи двадцати лѣтъ. Ты уважаешь чужое страданіе? Я что-то не замѣтилъ. Я прошу тебя въ твоихъ же интересахъ не оставлять своего союза наканунѣ выборовъ; я прошу тебя во имя моей собственной партіи не вносить раскола въ нашу среду, — а въ отвѣтъ ты указываешь мнѣ на дверь.

(Виумъ, 26 лѣтъ, бѣдно одѣтый, входитъ въ дверь на заднемъ планѣ; кланяется. Карено съ крайнимъ изумленіемъ смотритъ на Йервена, потомъ идетъ къ двери налѣво и звонитъ).

Карено (Виуму, вопросительно). Здравствуйте?

Виумъ. Редакторъ Бондесенъ прислалъ меня написать съ васъ портретъ.

Карено. Такъ. Вѣрно. Присядьте, пожалуйста.

(Виумъ садится).

Йервень. Вотъ какъ! На склонѣ дней, поздно вечеромъ, въ обществѣ редактора Бондесена!

(Слѣва является Александра).

Карено (указывая на Йервена). Выведите этого господина.

Александра (улыбается). Слушаюсь. Въ эту дверь, или...

Йервень (идетъ къ двери на заднемъ планѣ). Въ послѣдній разъ...

Карено (быстро слѣдуя за нимъ). Совершенно вѣрно, въ послѣдній разъ!

(Йервень толкаетъ дверь и уходитъ. За дверью видны фру Карено и фрѣкенъ Говиндъ. Александра ускользаетъ налѣво).

Карено (зоветъ въ дверь). Элина!

Фру Карено. Чтò?

Карено. Разъ ты здѣсь, то закрой за этимъ господиномъ дверь на улицу. (Закрываетъ дверь; обращается къ Виуму) Вы встрѣчали подобнаго безумца?

Виумъ. Это же—профессоръ Йервень, насколько я замѣтилъ.

Карено. Да. Онъ... Для этого человѣка не существуетъ никакихъ границъ... Вы должны рисовать мой портретъ?

Виумъ. Да.

Карено (смотря на часы). Тогда начинайте. У меня мало времени. Стоя или сидя?

Віумъ. Какъ вамъ угодно.

Карено. Тогда я сяду. (Садится за письменный столъ) Сколько времени вамъ понадобится?

Віумъ (рисуетъ). Одна минута. Я сдѣлаю все нѣсколькими штрихами.

Карено. Вы еще молодой человѣкъ, но я знаю ваше имя.

Віумъ. Насколько мнѣ извѣстно, вы знаете молодежь, г. Карено.

Карено. Да, знаю. Молодежь близка мнѣ, всегда была близка. Вотъ какъ, вамъ было извѣстно?

Віумъ. Съ самаго дѣтства я только это и слышалъ.

Карено (тронутый). Юная юность, какъ я говорю. И горячія сердца, и хорошія головы, и современное искусство.

Віумъ. Современное искусство, да.

Карено. Не какая-нибудь мазня изъ-за денегъ... Нѣтъ, что онъ тутъ сказалъ? Вы слышали, что сказалъ этотъ человѣкъ?

Віумъ. Профессоръ-то? Онъ говорилъ о склонѣ вашихъ дней, о вашемъ позднемъ вечерѣ.

Карено (встаетъ). Да. Что на это отвѣчать? Вы гдѣ-нибудь слышали, чтобы обо мнѣ говорили, какъ о старомъ человѣкѣ?

Віумъ. Но вы все-таки отвѣтили ему парой мѣткихъ словъ.

Карено (ходитъ взадъ и впередъ). Человѣкъ становится старъ съ того дня, когда онъ начинаетъ спать послѣ обѣда. Да. Съ того дня, когда онъ начинаетъ носить халатъ. Посмотрите, дѣлаю ли это я.

Віумъ. Мнѣ неудобно рисовать, разъ вы...

Карено. Простите. (Садится) Человѣкъ становится старъ съ того дня, когда онъ больше не можетъ развиваться, не можетъ быть инымъ. *Тогда* человѣкъ уже старъ... Вы вотъ современный художникъ, а люди понимаютъ васъ?

Віумъ (рисуетъ). Ну, нѣтъ, не очень. Я сидѣлъ тамъ, на собраніи правыхъ, и рисовалъ кое-кого; но не оказалось ни одного, кто бы остался доволенъ своимъ изображеніемъ. То же было и съ картиной, которую я принесъ; не удалось продать.

Карено. Нѣтъ? Современная живопись? Молодое искусство?

Віумъ. Это обстоятельство, конечно, и помѣшало мнѣ продать картину.

Карено. Никто не хочетъ поддержать молодежи! Что же это—пейзажъ?

Віумъ. Да, пейзажъ. Пейзажъ съ молодою женщиной, лежащей на спинѣ.

Карено. Принесите ее ко мнѣ. Я куплю картину.

Виумъ. Очень вамъ благодаренъ.

Карено. Кромѣ шутокъ. Я куплю картину.

Виумъ. Чрезвычайно большая честь для меня, что именно вы купите.

Карено. Я пойду къ женѣ и скажу, чтобы она приготовила мнѣ деньги, пока вы вернетесь. И большая картина?

Виумъ. Да, большая.

Карено. Простите, что я касаюсь этого вопроса, но скажемъ—тысячу кронъ?

Виумъ. На выставкѣ я оцѣнилъ ее въ восемьсотъ. Такъ что я былъ бы вамъ вѣчно благодаренъ за восемьсотъ.

Карено. Скажемъ, тысячу. Я посмотрю, найдется ли у меня такая сумма. Искусство и наука, говорю...

(Звонять).

Карено. Не угодно ли стаканъ вина?

Виумъ. Покорнѣйше благодарю, я бросилъ пить. (Улыбается) Мнѣ казалось, что и мнѣ нужно быть воздержнымъ въ чемъ-нибудь, и вотъ я бросилъ пить.

Карено. Вы женаты?

Виумъ. О, да! Шестеро дѣтей. (Улыбается) Вѣдь это — первое, съ чего начинаютъ.

Карено (смѣется). Съ дѣтей-то, да.

Виумъ. Нѣтъ, съ того, что женаты.

Карено. Хе-хе-хе! Нѣтъ, скажите откровенно, что вы хотѣли сказать. Очень приятно бесѣдовать съ вашимъ братомъ-художникомъ, потому что вы не скупитесь на нѣкоторую сочность. Увѣряю васъ, раньше я совсѣмъ не интересовался подобными вещами, — но теперь пришла пора. Это пятьдесятъ лѣтъ.

Виумъ. У насъ вообще слишкомъ мало интересуются этимъ. Потому-то мы такъ скоро засыхаемъ.

Карено. Но взгляните на меня. Теперь это пришло. Вы бы только прослушали, что мнѣ снится по ночамъ. Да — теперь это овладѣло мной.

Александра (слѣва, передаетъ Карено карточку). Приказано передать вамъ.

Карено (беретъ карточку; встаетъ). Министръ культовъ? Въ передней?

Александра. Да, въ передней какой-то господинъ.

Карено. Просите.

(Александра уходитъ налѣво).

Виумъ. Прикажете удалиться пока?

Карено (нерѣшительно). Да нѣтъ же, а? (Опредѣленно) Нѣтъ,

Нѣтъ. (Садится) Я не высылаю молодежи за дверь изъ-за савовника.

Виумъ. Нѣтъ, я не слышалъ, чтобы о васъ говорили подобное.

Карено. Вы не слышали, да? Хе-хе! Нѣтъ, я не таковъ... Къ тому же мнѣ некогда долго разговаривать съ этимъ господиномъ. (Беретъ перо въ руку).

(Александра пропускаетъ министра и снова закрываетъ дверь).

Министръ культовъ (кланяется). Здравствуйте.

Карено (принужденно встаетъ и идетъ ему навстрѣчу; указывая на стулъ). Милости прошу.

Министръ (взглянувъ на Виума). Мнѣ бы хотѣлось сказать вамъ пару словъ.

Карено. Пожалуйста. Этому молодому художнику нельзя уйти, прежде чѣмъ онъ не кончитъ рисовать. И я самъ ухожу черезъ полчаса. (Смотритъ на часы).

Министръ (мѣняетъ тонъ). Но вы не стѣсняйтесь. Садитесь, г. Карено. (Садится).

Карено (садится на прежнее мѣсто). Г. министръ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Министръ. На нѣсколько минутъ. (Кладетъ шляпу) Хотя я радъ бы остаться здѣсь подольше. Потому что у васъ дѣйствительно великолѣпно. (Озирается кругомъ).

Карено. Я еще не совсѣмъ устроился. Моя библіотека еще не приведена въ порядокъ.

Министръ. Я часто собирался навѣстить васъ; но раньше все не удавалось.

Карено. Мнѣ тоже слѣдовало сдѣлать вамъ визитъ, г. министръ. И, между прочимъ, поблагодарить за стипендію.

Министръ. Я отлично понимаю, что въ данномъ случаѣ вы чувствуете себя оскорбленнымъ, г. Карено. И будь это въ моей власти, этого съ вами, право, не случилось бы.

Карено. Ну, конечно.

Министръ. Но что мнѣ было дѣлать? Единогласный отказъ... Къ тому же подобная стипендія не имѣла бы для васъ никакого значенія.

Карено. Къ счастью, она мнѣ и не нужна. Не въ этомъ суть.

Министръ. Понимаю, понимаю. Вѣдь васъ и нельзя смѣшивать съ другими соискателями и ставить на одну доску со всѣми. Гм! По городу носятъ слухи, будто въ виду выборовъ вы хотите уйти изъ «Горы». Вѣроятно, это лишено основанія? (Улыбается).

Карено. Я подумывалъ объ этомъ.

Министръ. Да, но это ни къ чему не привело, нѣтъ? Я, ко-

нечно, такъ и понялъ. Но мнѣ хотѣлось бы узнать это изъ вашихъ собственныхъ устъ. Потому что вашъ союзъ далеко не безразличенъ правительству.

Карено. Почему же?

Министръ. Въ виду выборовъ. Съ голосами «Горы» этотъ городъ становится нашимъ. А съ этимъ городомъ правительство—въ большинствѣ.

Карено (смотритъ на часы). Вы скоро кончите, г. Виумъ? До шести часовъ мнѣ нужно отправиться на собраніе.

Виумъ (торопится). Еще нѣсколько минутъ.

Министръ. Значитъ, ухода можетъ и не быть, нѣтъ?

Карено. Этотъ вопросъ остается еще открытымъ, г. министръ.

Министръ. Да? Не мое, конечно, дѣло вмѣшиваться, потому что у васъ свои основанія. Но позвольте мнѣ замѣтить, что мнѣ было бы крайне непріятно быть свидѣтелемъ вашего перехода на сторону стариковъ. Вѣдь вы такъ долго продержались. Я выражаю мое личное чувство.

Карено (улыбается). Вы находите, что я долженъ стоять тамъ, гдѣ стою. Даже вопреки моему убѣжденію.

Министръ (испуганно). Боже сохрани! Нѣтъ, какъ вамъ въ голову пришло! И если то, что должно рѣшиться на собраніи въ шесть часовъ,—вопросъ убѣжденія, тогда другое дѣло.

Карено. Да, именно это и должно рѣшиться.

Министръ. Сегодня въ шесть часовъ?

Карено. Да, до шести часовъ. До закрытія засѣданія.

Министръ (задумчиво киваетъ головой). Вотъ чтò... А я такъ свыкъся съ мыслью, что вы никогда не смиритесь, и мнѣ положительно больно представлять васъ въ другомъ лагерѣ. (Дружески) Неужели теперь вы искренно убѣждены, г. Карено, что вы заблуждались пѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ и только теперь—на пятьдесятъ первомъ году—нашли истину?

Карено. Возможно, что я еще и не нашелъ истины. Я ищу.

Министръ. Но имѣете ли вы право бросать то, что у васъ есть, прежде чѣмъ достигнете полной ясности? Простите, это лишь дружескій вопросъ.

Карено. Поэтому я еще и не бросилъ. Но я, конечно, такъ и сдѣлаю. Каждый долженъ руководиться своимъ убѣжденіемъ.

Министръ. Да, или при данныхъ обстоятельствахъ немного подождать. Дать себѣ срокъ. Скажемъ, нѣсколько недѣль.

Карено. До конца выборовъ.

Министръ. Потому что всегда возможна ошибка. Не слѣдуетъ поступать слишкомъ опрометчиво.

Карено (нетерпѣливо). Если бы я продолжалъ стоять, гдѣ стою, то я измѣнилъ бы моему убѣжденію.

Министръ (съ тѣмъ же спокойствіемъ, улыбаясь). Ахъ, Боже мой, измѣна и измѣна — двѣ разныя вещи. Такой философски и исторически искушенный умъ, какъ вы, не могъ, конечно, не замѣтить, что всякій прогрессъ, всякое освобожденіе есть плодъ «измѣны», — измѣны предыдущему, старому.

(Карено нѣкоторое время смотритъ на него, потомъ раздражается хохотомъ).

Министръ. Да, вы правы. Я говорю слишкомъ избитыя вещи. Вѣдь это всякій знаетъ... Но — положи руку на сердце — вамъ самимъ не кажется нѣсколько страннымъ, что вы теперь уходите на покой? Покидаете вашихъ приверженцевъ и покидаете молодость?

Карено (коротко). Я не покидаю молодости.

Министръ. Вы олицетворяли новое и молодое у насъ. Теперь все это кончилось.

Карено. Говорю, я не покидаю молодости. (Указываетъ на бумагу) Спросите вотъ этого молодого художника. Я только-что купилъ у него картину.

Министръ. Все это хорошо. Но...

Карено. Кстати, я хочу сейчасъ же спросить жену насчетъ денегъ. (Встаетъ и идетъ къ двери направо) У меня еще есть время? (Возвращается и смотритъ на часы) Простите. (Уходитъ направо. Віумъ рисуетъ обстановку).

Министръ (встаетъ и разсматриваетъ картины на стѣнахъ; подходитъ къ этажеркѣ у письменнаго стола). Странно видѣть письменный столъ такого ученаго человѣка. (Украдкою переводитъ стрѣлку часовъ на полчаса назадъ) Всюду бумаги да замѣтки, бумаги да замѣтки. (Поворачивается, подходитъ къ Віуму и разсматриваетъ его рисунокъ) Да вы уже скоро кончите?

Віумъ. Работа не очень подвигается, разъ модель такъ безпокойна.

Министръ. Право, мило. Я тоже буду позировать вамъ.

Віумъ. Очень былъ бы радъ, если бъ вы сообразовали, г. министръ.

Министръ. Потому что это чрезвычайно мило. Да, вѣдь вы одинъ изъ наиболѣе современныхъ, насколько мнѣ извѣстно?

Віумъ (улыбается). Къ сожалѣнію, мнѣ приходится признаться въ этомъ.

Министръ. Мы начнемъ на будущей недѣлѣ. (Сдержанно смѣется) *Очень* интересно.

Карено (входитъ справа съ пачкой ассигнацій въ рукѣ). Вотъ сколько денегъ оказалось у меня. (Прячетъ деньги въ боковой карманъ) Вы кончили?

Віумъ. Еще одну минуту.

Карено. (Садится на прежнее мѣсто; смотреть на часы). Что же это? (Встаетъ, внимательно смотреть на часы) Развѣ сейчасъ не больше времени?

Министръ. Чрезвычайно интересный портретъ, г. Карено.

Карено. Сколько времени, хотѣлъ бы я знать?

Віумъ. У меня нѣтъ часовъ.

Министръ. Мои, къ несчастью, остановились. (Подходить къ часамъ и смотреть) Эти идутъ приблизительно вѣрно. (Возвращается къ своему стулу и садится).

Карено (Віуму). Ну, тогда у насъ еще много времени. Тогда я не стану торопить васъ. (Садится на прежнее мѣсто).

Министръ. Я думалъ о вашемъ союзѣ, г. Карено. Онъ сталъ у насъ цѣлымъ учрежденіемъ. И теперь онъ распадается.

Карено. Ничуть не бывало. Впрочемъ, я васъ прошу, г. министръ. Я уже столько слышался объ этомъ союзѣ отъ другихъ; я усталъ.

Министръ. Понимаю. (Встаетъ и беретъ шляпу) Васъ замучили. Прошу извинить. Между прочимъ, я хочу сказать вамъ, г. Карено (подойдя ближе), что если вы отложите вашъ уходъ не болѣе какъ на двѣ недѣли, то вы окажете министерству и странѣ услугу, которая не останется безъ награды.

Карено (смотреть на него). Вы меня поражаете, г. министръ.

Министръ. Подумайте объ этомъ. Будьте увѣрены, правительство не забудетъ васъ. Стипендія—для начинающихъ, а не для такого крупнаго, независимаго ученаго, какъ вы. Получивъ большинство на выборахъ, правительству будетъ нетрудно провести личную доцентуру для васъ. А тамъ вы и профессоръ, когда захотите.

Карено (безпомощно озирается кругомъ, встаетъ). Нѣтъ, каковы всѣ люди нынче!

Министръ. Это и есть то признаніе, которое вы давнымъ-давно должны были получить, и теперь оно включено въ программу. Такъ вотъ, я больше не стану задерживать васъ. (Протягиваетъ руку) Прощайте.

Карено. Прощайте.

Министръ. Значить, на будущей недѣлѣ, г. Віумъ. (Уходитъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Віумъ. Теперь вы свободны. Вотъ онъ каковъ. (Показываетъ рисунокъ).

Карено (задумчиво). Да, вотъ онъ каковъ. О, да! Поразительно. Поразительно. (Вдругъ подходитъ къ стулу министра и ставитъ его вверхъ ногами) Я опрокидываю стулъ. Очищаю его. Вотъ такъ. (Ставитъ его на полъ) Сумасшедшій народъ! (Обращается къ Віуму) Вы говорите, вы кончили?

Віумъ (укладываетъ рисунокъ въ папку). Да, лучше не выходить.

Фру Карено (справа; замѣтивъ Віума). Ахъ! Простите!

Карено. Значить, вы принесете картину. Мы съ женою хотимъ поддержать ваше искусство. Покуда что, прощайте.

(Віумъ, кланяясь, уходитъ въ дверь на заднемъ планѣ, съ папкой подъ мышкой).

Фру Карено. Ты не ходилъ на собраніе?

Карено. Теперь иду. Здѣсь былъ Йервенъ и министръ культовъ.

Фру Карено. Что имъ нужно?

Карено. Купить меня. Ты и не подозрѣваешь, Элина, что я пережилъ сегодня.

Фру Карено. Я увѣрена, что ты опоздаешь на собраніе.

Карено. Нѣтъ, теперь я пойду и надѣну... Ахъ, въ это короткое время мой опытъ сталъ въ двадцать разъ богаче.

(Звонять).

Фру Карено (нервно). Ступай же поскорѣе передѣться. (Уводитъ его направо, выпроваживаетъ его и запираетъ за нимъ дверь. Потомъ слѣзаетъ къ двери на заднемъ планѣ, открываетъ ее и прислушивается). Просите г. Бондесена войти, Александра. (Лихорадочно киваетъ и протягиваетъ руку).

(Входитъ Бондесень).

Фру Карено. Простите за письмо. Онъ сидѣлъ здѣсь и забылъ все.

Бондесень. Я получилъ записку какъ нельзя болѣе кстати. Я бросилъ все. Гдѣ Карено?

Фру Карено. Одѣвается. Онъ уже собирался уходить.

Бондесень. Позовите его сейчасъ же.

Фру Карено (открываетъ дверь налево, зоветъ). Иваръ! Бондесень здѣсь. (Возвращается).

Бондесень. Кстати, я долженъ вамъ сказать, что какой-то человѣкъ ходитъ у воротъ.

Фру Карено. Человѣкъ? Кто же?

Бондесень. Таре.

Фру Карено. Зачѣмъ онъ ходитъ здѣсь?

Бондесень. Онъ, повидимому, слѣдитъ за чѣмъ-то. Онъ очень возбужденъ. Но теперь я долженъ получить отъ Карено бумагу, которая возбудитъ его еще больше. Когда-то онъ оскорбилъ меня. Хе, я думаю, что въ нихъ самъ бѣсъ сидитъ, въ этихъ людяхъ, оскорбляющихъ прессу.

Карено (входитъ справа, съ плащомъ на рукѣ и шляпой). Здравствуйте, Бондесень. Я долженъ вамъ сказать, что я слѣдую вашему совѣту.

Бондесень (ведетъ его къ письменному столу). Тогда пишите сейчасъ же. Къ слѣху.

Фру Карено. Дай сюда. (Беретъ у него пальто и шляпу и кладетъ ихъ въ сторону).

Карено (указываетъ на часы). У меня не такъ ужъ мало времени.

Бондесень (взглядываетъ на часы). Ваши отстаютъ на цѣлыхъ полчаса.

Карено (схватываетъ перо). Правда? Чтò я долженъ написать? Скорѣе!

Бондесень. Что вы принимаете кандидатуру.

Карено. Да, принимаю (Пишетъ).

(Фру Карено и Бондесень возбужденно слѣдятъ).

Карено (останавливается, стучитъ по столу). Оружіе міра сего въ теченіе двадцати лѣтъ было направлено противъ меня,— хорошо, теперь я прибѣгаю къ оружію міра сего. (Пишетъ).

Бондесень. А теперь подпись. Такъ, спасибо. (Беретъ бумагу) А теперь заявленіе объ уходѣ изъ «Горы».

Карено (кладетъ перо). Нѣтъ, это не къ спѣху. Объ этомъ я еще подумаю.

Бондесень. Тогда вотъ эта бумага не имѣетъ никакого значенія.

Фру Карено. Иварь!

Карено. Пишу. Я достаточно сомнѣвался. (Беретъ перо и пишетъ; останавливается) Его святѣйшество, министръ Церкви былъ здѣсь; я уже рассказывалъ?

Бондесень. Я долженъ предупредить, что мнѣ дано лишь десять минутъ на полученіе вашего отвѣта. Больше мнѣ не дано.

Карено. Тогда вы все равно опоздаете. (Хочетъ положить перо).

Бондесень. Въ моемъ распоряженіи еще цѣлыхъ пять.

Карено (покоряясь). Да, да, да, да и да. (Пишетъ).

Бондесень. Такъ, спасибо. Теперь подпись.

Карено (кладетъ перо). Если я теперь подпишу бумагу, то можно ли будетъ сказать, что это находится въ связи съ моимъ прежнимъ ученіемъ?

Бондесень. Ахъ, если вы находите больше связи въ томъ, что поплете ваше заявленіе безъ подписи, тогда...

Фру Карено. Да ну же, Иварь!

Карено (вдругъ встаетъ). Ффу! Вы сидите надо мной, какъ два коршуна. Нельзя ли мнѣ написать это наединѣ? Я принесу бумагу, Бондесень.

(Фру Карено и Бондесень отходятъ).

Карено (пишетъ, складываетъ бумагу и отдаетъ ее Бондесену). Пожалуйста! (Рѣзко) Теперь свершилось, говорю! (Бросается на стулъ, закрывъ лицо руками).

Бондесень (развертывает бумагу). «Дружескій привѣтъ», написалъ онъ.

Фру Карено (быстро подходит и читаетъ). «Дружескій привѣтъ». Слишкомъ много чести для этого сброда.

Бондесень. Ничего. Это похоже на то, какъ я говорю рѣчь въ честь Гамбетты... Такъ вотъ, прощайте пока. Вы должны быть готовы, что мы придемъ сюда послѣ собранія, Карено. Вы можете просто показаться въ окнѣ (указываетъ на задній планъ), если вамъ угодно.

Фру Карено. Много ли народу?

Бондесень. Всѣ. Все собраніе. И въ честь Карено и его тридцати приверженцевъ, мы явимся съ нашей музыкой. Мы сейчасъ же придемъ. Прощайте. (Уходитъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Фру Карено. Слышишь, Иваръ, они придутъ съ музыкой.

Карено (озирается кругомъ). Онъ уже ушелъ?

Фру Карено. Бондесень ушелъ.

Карено. Ну, вотъ свершилось, Элина. Безвозвратно.

Фру Карено. Ахъ, Боже мой, ты можешь радоваться, мнѣ кажется.

Карено. Я и радуюсь.

Фру Карено. Посмотримъ... Нѣтъ, подумай, Наталія ушла съ Йервеномъ. Она не оставила его въ покоѣ.

Карено (вскакиваетъ и начинаетъ ходить взадъ и впередъ). Я радъ, говорю. Я начинаю новую жизнь. Моя старость не мѣшаетъ мнѣ развиваться.

Фру Карено. Но ты еще и не старъ.

Карено. Конечно, нѣтъ. Я не намѣренъ сидѣть здѣсь и быть старикомъ. Обо мнѣ еще услышать. (Беретъ перо со стола и держитъ его высоко) Этими маленькими стальными граблями я буду рыться въ человѣческихъ заблужденіяхъ. (Бросаетъ перо и снова бродитъ взадъ и впередъ).

(Звонять).

Фру Карено. Ну, вотъ, должно-быть, Наталія. Я увѣрена, что ему пришлось спроваживать ее силой.

Карено. Говорятъ объ отступникахъ, но не говорятъ объ убѣжденіи и совѣсти. Если взглянуть глубже, то и отступничество служить тому же развитію.

Фру Карено. Конечно. Все служить добру.

Карено. Съ исторической точки зрѣнія, отступничество—освобожденіе и прогрессъ.

(Въ дверь на заднемъ планѣ входитъ Таре съ отказомъ Карено, блѣдный, въ шляпѣ. Останавливается у дверей).

Фру Карено. Чтò? Александра больше не докладываетъ. Я

въ самомъ дѣлѣ должна... (Идетъ къ двери направо и быстро уходитъ).

Таре. Я получилъ вашъ отказъ. Я получилъ его у воротъ.

Карено. Да. Видите ли... Не угодно ли присѣсть, Таре?

Таре. А что нужно сдѣлать съ отступниками? Нужно застрѣлить ихъ.

Карено. Садитесь, Таре (привдвигаетъ стулъ) — и я вамъ объясню...

Таре (сжимаетъ кулаки). Что нужно сдѣлать съ отступниками? (Изо всёхъ силъ) Застрѣлить!

Карено. Вы должны дѣлать различіе между отступниками и честными людьми.

Таре (снимаетъ шляпу и низко кланяется). Дружескій привѣтъ! (Медленно уходитъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Фру Карено (входитъ слѣва). Онъ уже ушелъ?

Карено. Да.

Фру Карено. Представь, онъ ворвался въ домъ, хотя Александра не пускала его.

Карено. Теперь онъ ушелъ. И я могу только одно сказать, что я радъ этому. Я тяготился этими людьми въ союзѣ; теперь я освободился отъ нихъ.

Фру Карено (прислушивается). Кажется, я слышу музыку?

Карено. И въ особенности я боялся Таре. Какъ мы кончимъ наши счеты? Слава Богу, теперь я свободенъ. Я долженъ сказать тебѣ, Элина, что теперь мнѣ стало поразительно легко. Никакой тяжести, никакого раскаянія. Этого не могло бы быть, если бъ я сдѣлалъ что-нибудь дурное.

(Слышна отдаленная музыка; потомъ все громче).

Фру Карено. Идутъ! (Открываетъ дверь направо и зоветъ) Сара!

Карено. И я даю торжественное обѣщаніе, что впредь я буду дѣятельнѣе работать на пользу молодежи. (Берется за боковой карманъ) И поддерживать ее по мѣрѣ силъ.

Фру Карено. Ты долженъ быть для нея министромъ культуръ.

Карено. Да, благодаря тебѣ, теперь у меня есть средства на это.

Фру Карено (обнимаетъ его). И для меня членомъ государственнаго совѣта.

(Справа входитъ Сара).

Фру Карено (идетъ ей навстрѣчу). Сюда идетъ музыка, Сара. Теперь мы откроемъ двери, чтобы было слышно. (Распахиваетъ дверь на заднемъ планѣ).

Сара. Сюда идетъ музыка?

Фру Карено. Да. Она остановится у воротъ и будетъ играть

въ честь твоего отца. Развѣ не весело? Не открыть ли намъ и окна въ коридорѣ, Иварь? Вѣдь ты оттуда будешь говорить рѣчь.

Карено. Никакой рѣчи не будетъ. Но мнѣ придется сказать нѣсколько словъ.

Фру Карено. Ты думаешь, мы съ Сарой можемъ показаться? Ахъ, нѣтъ, ты, конечно, не хочешь.

Карено (медлить). Не знаю. (Опредѣленно) Разумѣется. Вся моя семья должна принять участіе.

Фру Карено. Ахъ, какъ я тебѣ благодарна, Иварь! (Обнимаетъ Сару) Мы тоже будемъ стоять въ окнѣ.

(Звонять).

Фру Карено. Ахъ, я такъ нервна! (Выглядываетъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Карено. Я спокоенъ. Спокоенъ и твердъ. Моя чистая совѣсть улыбається.

Фру Карено. Бондесенъ говоритъ, что тебя непременно выберутъ.

Карено. Этому я не придаю никакого значенія, Элина. Но я сталъ покоенъ въ душѣ. Вотъ что особенно пріятно. Я — въ гавани.

Фру Карено. Стать важнымъ членомъ стортинга я не считаю мелочью. Можетъ-быть, самымъ важнымъ.

Александра. Позвольте доложить... Какіе-то господа пришли... Не помню, какъ ихъ звать.

Карено. Депутація?

Александра. Да.

Карено. Я самъ приму ихъ. (Уходитъ въ глубину).

(Александра уходитъ назадъ).

Фру Карено (пудрится). Ты должна поклониться, Сара. И должна сказать, какъ тебя зовутъ: Сара Карено.

(Мужскіе голоса въ передней).

Сара. Могу я сбѣгать и дать что-нибудь музыкантамъ?

Фру Карено. Молчи! Нѣтъ, это—важные музыканты.

(Карено, Бондесенъ и нѣсколько другихъ входятъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Карено. Моя жена и моя маленькая дочь. Прошу садиться, господа. (Пришедшіе кланяются, озираются кругомъ, рассматриваютъ картины на стѣнахъ).

Одинъ. Маленькая дочь? Бо-ольшая дочь! Какъ тебя зовутъ?

Сара (присѣдая). Сара Карено.

Бондесенъ. Еще разъ здравствуйте, фру. Вашему мужу угодно было послушать нашу музыку.

Карено. Слишкомъ большая честь для меня, господа. Я почти не понимаю, какъ вы можете оказывать столько довѣрія постороннему человѣку.

Бондесень. Человѣкъ, взвѣшивающій свои мысли въ теченіе двадцати лѣтъ, заслуживаетъ довѣрія.

Фру Карено. Не угодно ли, господа, стаканчикъ вина?

Бондесень. Мы очень вамъ благодарны, фру, но сейчасъ намъ некогда... Да, Карено, теперь вы должны показаться. Только въ окнѣ, васъ будетъ видно. И тамъ еще есть человѣкъ, приготовившій маленькую рѣчь, на которую вы должны отвѣтить.

Карено. Я ищу, что бы мнѣ взять въ руку. Держать что-нибудь. Ну, вотъ этого достаточно. (Беретъ рукопись въ золоченой обложкѣ и выходитъ въ переднюю, гдѣ останавливается. Пришедшіе слѣдуютъ за нимъ).

Бондесень. Простите, я сяду сюда и буду записывать. (Садится на одинъ изъ стульевъ, съ бумагой и карандашомъ въ рукѣ).

(Карено подходитъ къ окну въ передней и открываетъ его. Крики „ура“ и рукоплесканія у крыльца заглушаютъ музыку).

Фру Карено. Пойдемъ, Сара.

(Фру Карено и Сара также подходятъ къ окну въ передней. Новые крики „ура“ и рукоплесканія у крыльца. Музыка замолкаетъ).

(Во время дальнѣйшаго слышенъ голосъ, обращающійся съ рѣчью къ Карено).

(Профессоръ Йервень и фрѣкенъ Говиндъ входятъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Фрѣкенъ Говиндъ. Здравствуйте, Бондесень. Пожалуйста, присядьте, профессоръ. Простите, я только сниму накидку. (Уходитъ направо).

Йервень. Разъ я встрѣтилъ тебя здѣсь, Бондесень, то нельзя ли мнѣ спросить тебя прямо, почему ты преслѣдуешь меня?

Бондесень. Ты хочешь знать? Чтобы принять участіе въ поддержаніи чистоты въ нашей общественной жизни, милѣйшій.

Йервень. Все, чѣмъ ты чернишь меня, разумѣется, неправда. И въ этомъ я могу дать клятву еще сегодня.

Бондесень. Не смѣешь. Потому что тебѣ завтра же пришлось бы отправиться въ Америку.

Йервень. Какіе опредѣленные факты ты имѣешь въ виду?

Бондесень. Я имѣю въ виду твой визитъ туда. (Указываетъ направо).

Йервень. Ахъ, вотъ что! (Ходитъ по комнатѣ; останавливается) Я не рассчитываю встрѣтить у тебя болѣе глубокое пониманіе, но если я и былъ тамъ, то это произошло изъ другихъ побужденій, чѣмъ ты думаешь.

Бондесень. Ты, пожалуй, хотѣлъ навѣстить хозяевъ?

Йервень. Да, почему же нѣтъ?

Бондесень. Я не зналъ, что, навѣщая хозяевъ, необходимо пѣловать горничную.

Йервень. Ты, конечно, устраиваешься иначе въ этомъ домѣ.

Бондесень. Вотъ ты и остался съ носомъ на сей разъ. (Поворачивается къ нему спиною).

Йервень. Это мы еще посмотримъ. Если я и вошелъ въ этотъ домъ черезъ кухню, то у меня были чистыя и благородныя побужденія.

Бондесень. Хе-хе-хе, рассказывайте!

(Рукоплеканія у крыльца).

Фрекенъ Говиндъ (входитъ справа). Я заставила ждать?

Йервень (подходить къ Бондесену). Ты заставляешь меня открыть мою священнѣйшую тайну. (Беретъ фрѣкенъ Говиндъ за руку) Вотъ дама, которой я искалъ въ этомъ домѣ. Вотъ она. Изъ-за нея - то я скрѣпя сердце карабкался по черной лѣстницѣ и говорилъ съ Александрой — съ горничной. Я хотѣлъ узнать, когда она приходила и уходила; потому что она часто бывала въ этомъ домѣ. Спроси ее самъ. Она — невѣста моей юности. Ее вырвали изъ моихъ объятій двадцать лѣтъ тому назадъ. Я имѣлъ нѣкоторое право быть къ ней ближе, и тоска заставляла меня искать этой близости. Такъ вотъ пиши и клеветки на меня въ своей газетѣ и впредь. Я все перенесу.

Фрекенъ Говиндъ (бросается ему на шею). Ахъ, Боже мой, — не правда ли, Карстенъ? Все это ты сдѣлалъ изъ-за меня? Ахъ, мнѣ все время казалось, что ты бродишь гдѣ-то по близости, но я не смѣла вѣрить. Милый, милый мой, я только ждала этого мгновенія. Спасибо, что ты не мучилъ меня дольше, Карстенъ. Теперь уже никто не вывернетъ изъ твоихъ объятій невѣсту твоей юности.

Йервень (освобождается). Чтѣ ты теперь скажешь, Бондесень?

Бондесень. Теперь я скажу, что перехожу на сторону тѣхъ, кто восхищается тобой.

(Взрывъ рукоплеканій у крыльца).

Фру Карено (въ дверяхъ на заднемъ планѣ). Тише-е! Иваръ будетъ говорить.

(Всѣ отходятъ къ заднему плану и слушаютъ. Бондесень стоитъ и записываетъ).

Карено. Позвольте поблагодарить васъ, господа, за оказанное мнѣ довѣріе. Я обещаю вамъ и самому себѣ оправдать его. Было время, когда мнѣ было трудно понять, что зрѣлый возрастъ правъ, — это время прошло. Въ теченіе двадцати лѣтъ я противился разуму, я честно и безкорыстно служилъ

своему заблужденію, я служилъ ему до ожесточенія и не признавалъ ничего, кромѣ *моей* вѣры, *моей* истины, *моей* побѣды. Но вотъ насталь день, когда сама жизнь возвысила свой глухой голосъ и сказала: «Остановись!». Я прислушивался къ этому голосу и снова началъ обдумывать все. И къ чему я пришелъ? Мое упорство начало притупляться, въ моемъ мозгу вспыхнула молнія, взрывъ идей, я незамѣтно уступилъ въ важныхъ пунктахъ, сталъ на другую точку зрѣнія. Развѣ я вѣчный и неизмѣнный властитель вселенной? Я просто человекъ, подверженный развитію. Моя жизнь послѣдовательна, я больше не упорствую въ моемъ ожесточеніи, я взвѣшиваю, отвергаю и расту. Я не вижу никакого противорѣчія въ томъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ я думалъ иначе, чѣмъ теперь, потому что мой разумъ и мое чувство отвѣтственности выросли съ моими годами.

(Рукоплексканія).

Карено. Примите, господа, мою благодарность за великую честь, которую вы оказываете мнѣ. Я буду работать для себя и для васъ. (Поднимаетъ рукопись въ золоченой обложкѣ); У меня уже есть сочиненіе, гдѣ я изложилъ мои сокровеннѣйшія мысли. Я собираюсь издать его, за нимъ послѣдуютъ другія. Я хочу бороться за постепенное улучшеніе въ нашей жизни, гуманныя учрежденія, закономѣрное развитіе. Дайте мнѣ только срокъ, и я покажу, что я могу сдѣлать. Я не покину васъ, мнѣ хорошо среди васъ, ваша точка зрѣнія стала моею, это — моя гавань. Послѣ долгой жизни въ борьбѣ я обрѣлъ свой покой, и я долженъ благодарить васъ за то, что вы шли впереди и привели меня къ мирной вечерней зарѣ. Съ этого дня ваша вѣра—моя: я буду утверждать ее, защищать, я увѣнчаю ее. Господа, спасибо за сегодняшній день.

(Продолжительныя рукоплексканія).

Таре (сзади Карено). Обернитесь. (Карено обертывается) Что нужно дѣлать съ отступниками? (Цѣлится револьверомъ въ голову Карено).

(Фру Карено вскрикиваетъ и увлекаетъ Сару. Онѣ убѣгаютъ направо. Карено отступаетъ вслѣдъ за ними).

Таре. Нужно застрѣлить ихъ. (Нажимаетъ курокъ. Раздается выстрѣлъ, крики, шумъ въ домѣ и у воротъ, голоса: „караулъ“, и голоса: „доктора“. Нѣсколько человекъ схватываютъ Таре и уводятъ налѣво. Нѣсколько человекъ бѣгутъ за Карено. Фрѣкенъ Говиндъ бросается на шею профессору Йервену).

Йервень (грубо освобождается). Попалъ? Карено раненъ, спрашиваю я?

Бондесень. Хе, неподобно! Васъ обѣнила надежда, Йервень? Уходить въ дверь на заднемъ планѣ).

Йервень (господину, пришедшему справа). Онъ въ самомъ дѣлѣ не попалъ?

Господинъ. Нѣтъ, слава Богу!

Йервень. Тогда я могу оставить это. Это мнѣ не помогло.

Фрекенъ Говиндъ (озабоченно). Чтò тебѣ не помогло, Карстенъ?

Йервень. Вся моя борьба. Потому что теперь Карено будетъ избранъ. Ты видѣла, чтобъ человѣку такъ дьявольски везло, какъ ему? (Опускается на стулъ).

(Справа появляется Карено. Его окружаютъ и спрашиваютъ. Вслѣдъ за нимъ входятъ фру Карено и Сара).

Карено. Тише! Тише! Нѣтъ, я невредимъ. Онъ не попалъ.

Йервень (встаетъ). Сдаюсь. Поблагодари теперь этого молодого человѣка за помощь, Карено; потому что теперь ты будешь избранъ. Поздравляю. (Протягиваетъ руку).

Фрекенъ Говиндъ. Ахъ, какъ ты благороденъ, Карстенъ!

Бондесенъ (изъ глубины). Таре схваченъ. Народъ требуетъ васъ, Карено!

(Карено уходитъ и снова становится въ окнѣ. Бурныя рукоплесканія. За нимъ идутъ фру Карено и Сара; такія же рукоплесканія).

Карено. Господа, я невредимъ. Моя семья цѣла и невредима. Никто не пострадалъ. Господа, мы будемъ бороться съ распутствомъ. Мирно и покойно насаждая порядокъ, мы будемъ исполнять нашу работу и потомъ предадимъ наше дѣло въ руки Всевышняго. На этой точкѣ зрѣнія я стою. Пуля, застрявшая въ стѣнѣ моего дома, будетъ всегда напоминать мнѣ о моей мисси. Я очень вамъ благодаренъ, господа, за ваше участіе. (Кланяется).

(Слышно, какъ какой-то голосъ говорить съ крыльца).

Йервень. Разумѣется, пуля застряла въ стѣнѣ. Такія пули всегда попадаютъ въ стѣну.

Бондесенъ (который снова записывалъ). У тебя разочарованный видъ, Йервень?

Йервень. Къ сожалѣнію, я безоруженъ, г. редакторъ. Мой хлыстъ остался дома.

Бондесенъ. Чтò! Ты смѣешь грозить прессѣ?

Фрекенъ Говиндъ (подходить). Чтò онъ говоритъ тебѣ, Карстенъ?

Йервень. Наталія, пойдемъ отсюда. Ты—самый вѣрный изъ всѣхъ моихъ друзей въ жизни. Я не привыкъ переносить невзгуду; если ты можешь помочь мнѣ, то помоги теперь.

Фрекенъ Говиндъ. О, да, я буду помогать тебѣ любящей рукою! (Оба уходятъ въ дверь на заднемъ планѣ).

Бондесень (смотреть имъ вслѣдъ). Нѣтъ худа безъ добра.

(Рукоплесканія у выхода. Карено неоднократно кланяется. Музыка раздается снова и во время дальнѣйшаго играетъ съ убывающей силой. Пришедшіе уходятъ въ дверь на заднемъ планѣ. Является Віумъ съ большой, закрытой картиной. Карено, фру Карено и Сара входятъ изъ передней и закрываютъ за собой двери въ глубинѣ).

Карено. Ну, и денекъ же выдался!

Фру Карено. Ты не очень испугался, Иваръ?

Карено. Нѣтъ. Я чувствовалъ себя въ безопасности.

Бондесень. И если вы раньше не были увѣрены, что насъ выберутъ, то теперь ужъ можете быть увѣрены вполне. Прощайте. Мнѣ нужно выпускать экстренный номеръ.

Карено (передаетъ ему рукопись въ золоченой обложкѣ). Захватите это съ собою. Распространите ее въ тысячахъ экземпляровъ.

Бондесень (беретъ рукопись). Спасибо. Ну, поздравляю, Карено! (Протягиваетъ руку) Прощайте, фру. Я слышу: (Уходитъ въ дверь въ глубинѣ).

(Музыки больше не слышно).

Карено (Віуму). Вы хотите переговорить со мной?

Віумъ. Я принесъ картину. Но, можетъ-быть, сейчасъ неудобно?

Карено. Конечно, но... Неудобно, но... И потому я не знаю, умѣстна ли она въ нашемъ домѣ. Мы только-что видѣли поступокъ юности. А вѣдь я любилъ этого Таре.

Віумъ. Но, можетъ-быть, прикажете развернуть ее? (Открываетъ картину).

Фру Карено (вскрикнувъ). Сара, пойдемъ. (Уводитъ Сару направо).

Карено. Нѣтъ, что это за свинство? Она высоко вскинула ногу.

Віумъ. Да. Она указываетъ пальцемъ на вечернюю звѣзду, которую вы видите вотъ здѣсь. (Показываетъ).

Карено. Нѣтъ, я не хочу держать это въ домѣ. А вотъ это должно изображать небо?

Віумъ. Да. Это—вечерняя заря.

Карено. Но скажите мнѣ одно: вы гдѣ-нибудь видѣли подобныя икры у дѣвушки? Отсутствие всего. Ни упругости ни толщины. Нѣтъ, я не возьму ее. (Отходитъ).

Віумъ. Я, пожалуй, могъ бы сдѣлать ей икры нѣсколько потолще.

Карено. Все равно не возьму. Я—отецъ семейства, на мнѣ лежитъ ответственность. Что получится, если я покажу подобную вещь моей женѣ и моей маленькой дочери? Да вы же сами слышали. Имъ пришлось бѣжать при первомъ взглядѣ на нее.

Віумъ. Я думалъ, вы хотѣли купить эту картину, чтобы доказать ваши молодыя симпатіи. Это оказало бы большую поддержку моему творчеству.

Карено. Молодежь пользовалась всей моею безграничной

симпатіей; но я прозрѣлъ. Одинъ молодой человѣкъ стрѣлялъ въ меня сегодня. И разъ молодость ударяется въ подобное распутство, то я больше не стану поддерживать ее.

Виумъ (закрываетъ картину; въ бѣшенствѣ). Не прикажете ли являться къ вамъ и вести съ вами распутныя бесѣды! (Отходить къ двери въ глубинѣ).

(Справа входятъ фру Карено и Сара).

Фру Карено. Ты, конечно, не захотѣлъ держать подобную вещь въ домѣ?

Карено. Нѣтъ. (Виуму) Да, извините, вамъ извѣстно мое рѣшеніе.

Виумъ. И вы думаете, что этимъ вы можете переубѣдить меня? Въ слѣдующей картинѣ я найду икры еще тоньше. (Уходитъ).

Карено. Каково! Одно упрямство и своенравіе у всей этой молодежи, — вотъ и помогай ей!

Фру Карено. И не обращай на это вниманія. Ты, право, достаточно перенесъ сегодня.

Карено. Еще бы. Останемся теперь наединѣ и будемъ вести тихую жизнь. Пожалуй, мнѣ лучше надѣть халатъ.

Фру Карено. А пока ты будешь переодѣваться, я принесу чаю. Все готово. (Уходитъ налѣво).

Сара. И потомъ ты, можетъ-быть, расскажешь сказку.

Карено (надѣваетъ халатъ). Да, можетъ-быть. Хочешь?

Сара. Да.

Карено. Я могъ бы рассказать тебѣ о человѣкѣ, которому жилось очень трудно долгое время.

Сара. Печальная сказка?

Карено (вынимаетъ пачку кредитокъ изъ кармана куртки и прячетъ ее у себя). Нѣтъ, въ концѣ ему стало хорошо.

Фру Карено (слѣва, съ чаемъ). Представь, Александра уже знала, что ты будешь депутатомъ въ стортингъ.

Карено. Но служанка, право, не должна вмѣшиваться въ хозяйскія дѣла.

Фру Карено. Нѣтъ, мы ей откажемъ... Но она не знала, что ты будешь министромъ. (Наливаетъ чай).

Сара. Папа обѣщала рассказать мнѣ сказку.

Фру Карено. Послушай, Сара, ты не должна надоѣдать отцу. (Карено) Пожалуйста. (Садится).

Карено (садится). Нѣтъ, нужно исполнять свои обѣщанія. Садись вонъ туда, Сара, и я расскажу тебѣ. (Сара садится).

Карено. Жилъ - былъ человѣкъ, который не хотѣлъ преклониться...

ЦАРИЦА ТАМАРА.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ Ю. Балтрушайтиса.

МАНДРАГОРЪ.

По горнымъ откосамъ, въ заморской странѣ,
Растетъ онъ въ кустахъ подъ скалою.
Онъ весь каменѣть при блѣдной лунѣ
И искрится адской росой.
Какъ корень волшебный, онъ всюду въ цвѣтѣ.
Какъ зелье, что дѣйствуетъ скоро.

Таковъ стебелекъ мандрагора.
Онъ всѣмъ расточаетъ свой вкрадчивый ядъ,
Туманящій души людскія:
Здѣсь холодомъ смертнымъ испившій объять,
Тамъ хохоть и пляски лихія.
Гдѣ кроткій, а гдѣ ненавидящій взглядъ
Онъ можетъ зажечь безъ разбора.

Зане онъ—цвѣтокъ мандрагора.
Но въ часъ прихотливый роняетъ онъ въ кровь
Сіянье лазури развѣтной,
И въ сердцѣ холодномъ, смирившемъ любовь,
Пылаетъ огонь беззавѣтный,
И вновь горяча и томительна вновь
Тоскливость любовнаго взора.

Таковъ-то цвѣтокъ мандрагора.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТАМАРА, царица Грузія.
Принцъ Георгій, ея мужъ.
Георгій и Рузуданъ, ея дѣти.
Игумень.
Священникъ.
ФАТИМА.
ХАНЪ ТОВИНСКІЙ.
ЗАИДАТА.
ЮНАТА.
СОФІЯ.
МЕЦЕДУ.
АДЪЮТАНТЪ ПРИНЦА ГЕОРГІЯ.
ДВА ТАТАРСКИХЪ ОФИЦЕРА.
ДВА ГРУЗИНСКИХЪ ПЛѢННИКА.
ГЕТМАНЪ.

Офицеры и солдаты царицы, товинскіе офицеры и солдаты, монахи, писцы, музыканты, танцовщицы, дѣвушки, слуги.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ замкѣ Тамары близъ Ани, теплый лѣтній день.

Портикъ съ овальными боковыми стѣнами. То здѣсь, то тамъ диваны, кавказскіе и восточные ковры, пестрый образъ съ неугасимой лампадой. Входъ въ глубинѣ расположенъ между двумя колоннами, скрытыми тяжелой занавѣской. То здѣсь, то тамъ, на полу между колоннами, большіе кусты и цвѣты. По правую сторону два дверныхъ отверстія, съ такими же коврами вмѣсто дверей. По лѣвую сторону, ближе къ заднему плану, обитая желѣзомъ дверь; по ту же сторону, на переднемъ планѣ, возвышеніе въ нѣсколько ступеней; здѣсь стоитъ кресло и столъ царицы.

Дѣвушки съ закрытою нижней частью лица приносятъ цвѣты изъ-за второй занавѣски направо; имъ помогаютъ вооруженные служители въ коричневыхъ кафтанахъ и въ большихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Изъ-за той же занавѣски появляется солдатъ, онъ озирается кругомъ.

Первый слуга. Какъ ты вошелъ?

Солдатъ. Я вошелъ этой дорогой, потому что не знаю, какой дорогой мнѣ входить.

Первый слуга. Но куда ты идешь?

Солдатъ. Къ принцу Георгію. Я изъ лагеря.

Первый слуга. Я ему доложу. (Уходитъ за первую занавѣску).

Второй слуга. Похоже, что ты проигралъ сраженіе.

Солдатъ. Похоже, что ты ничего не смыслишь въ этомъ.

Второй слуга. Ты такъ отвѣчаешь? А ты знаешь, что разговариваешь со слугою царицы?

Солдаты. Ты самъ разговариваешь со слугою царицы.

Заидата. Да, онъ правъ, онъ самъ—слуга царицы.

Второй слуга. Да, но я всюду хожу свободно, тогда какъ ты долженъ стоять за дверью.

Заидата. Тише,—принцъ Георгій!

(Первая занавѣска откидывается передъ принцемъ Георгіемъ. Онъ безъ бороды, въ бѣлой тибетской шапкѣ и въ свѣтло-зеленомъ шелковомъ кафтанѣ съ золотыми цѣпями на груди. На его драгоцѣнномъ поясѣ висятъ кинжалъ и сабля; на немъ сапоги изъ желтаго сафьяна, голенища которыхъ уходятъ въ широкія шаровары. Его сопровождаетъ адъютантъ, который дѣлаетъ знакъ солдату подойти).

Принцъ Георгій. Ты изъ лагеря?

Солдаты. Такъ точно.

Принцъ Георгій. Все спокойно?

Солдаты. Такъ точно.

Принцъ Георгій. Чтò тебѣ нужно?

Солдаты. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Мы просимъ тебя сѣдлатъ коня и ѣхать.

Принцъ Георгій. Тебя послалъ Тарасъ?

Солдаты. Такъ точно.

Принцъ Георгій (задумывается надъ этимъ). Скажи Тарасу, чтобъ всѣ отдохали. Я приѣду черезъ нѣсколько дней.

Солдаты. Но, принцъ Георгій, Тарасъ прислалъ меня сказать...

Принцъ Георгій. Черезъ нѣсколько дней.

(Солдаты уходятъ).

Принцъ Георгій. Ты не понялъ отвѣта?

Адъютантъ. Нѣтъ.

Принцъ Георгій. Я хочу усыпить бдительность моихъ людей. Я нагряну въ лагерь сегодня ночью.

Адъютантъ. Ахъ!

Принцъ Георгій. Я—строгий начальникъ.

Адъютантъ. Великій военачальникъ!

Принцъ Георгій. Я—слуга царицы... Вели позвать монаха.

(Адъютантъ уходитъ за первую занавѣску).

Принцъ Георгій. Эй, Заидата!

Заидата. Твоя раба.

Принцъ Георгій. Цвѣты отнимаютъ все твое время.

Заидата. Царица скоро вернется. Мы видимъ ея свиту на дорогѣ.

Принцъ Георгій. Царица—моя жена. А ты могла бы стать моей возлюбленной.

Заидата. Ты только такъ говоришь. Ты говорилъ такъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Вернувшись, царица сама будетъ твоей возлюбленной.

Принцъ Георгій. Будеть, ты думаешь?

Зайдата. Развѣ она тебѣ не жена?

Принцъ Георгій. Разумѣется, она будетъ моей возлюбленной. А не будетъ, тогда я заставлю ее. Настолько-то я властенъ, Зайдата.

Зайдата. Царица меня не любитъ. Какъ не любитъ Юанаты и Софіи, которыхъ ты тоже называлъ своими возлюбленными.

Принцъ Георгій. Всѣ мы—слуги царицы, помни.

Юаната. Ты, конечно, радъ, что царица ѣдетъ?

Принцъ Георгій. Молчи, Юаната. Ты сама царица... Съ тобой никому не сравняться.

Зайдата. Какъ и со мной.

Принцъ Георгій. Да, и съ тобой.

Софія. Какъ и со мной.

Принцъ. Да, и съ тобою, Софія. Ты—какъ огонь. Говорю тебѣ, что ты—какъ огонь.

Зайдата. То же самое ты много лѣтъ намъ всѣмъ говорилъ, но ты этого не думаешь. Ты думаешь, что съ одной царицей никому не сравняться.

Принцъ Георгій. Зайдата, ты тоже должна думать такъ. (Садится).

(Изъ-за первой занавѣски появляется монахъ).

Принцъ Георгій. Вы кончили, дѣвушки?

Зайдата. Теперь мы уходимъ.

(Дѣвушки и слуги уходятъ).

Священникъ. Ты звалъ своего слугу?

Принцъ Георгій (помолчавъ). Садись.

Священникъ (садится). Твое лицо очень сумрачно сегодня, принцъ Георгій. Царица ѣдетъ, а въ такихъ случаяхъ ты бываешь радостенъ.

Принцъ Георгій. Сегодня я хочу принять то или другое рѣшеніе.

Священникъ. Если бъ ты принялъ правильное рѣшеніе!

Принцъ Георгій. Я—первый слуга царицы, я—начальникъ войскъ и я возвращаюсь домой съ большой побѣдою. Не правда ли?

Священникъ. Правда.

Принцъ Георгій. Но я не царь.

Священникъ. Ты не царь, нѣтъ.

Принцъ Георгій. Я не царь. Я лишь отецъ ея дѣтей, ея сына и ея дочери. Когда я стою передъ царицей, то мнѣ приходится держать свою шапку въ рукѣ. Что должна думать жена о своемъ мужѣ, когда онъ держитъ свою шапку въ рукѣ

передъ нею? (Рѣзко) Она должна быть невысокаго мнѣнія о немъ.

Священникъ (съ любопытствомъ). Развѣ царица плохого мнѣнія о тебѣ?

Принцъ Георгій. Моя судьба—быть мужемъ въ этомъ домѣ. Я все время разговариваю съ сыномъ, который выше меня. Я разговариваю съ моей маленькой дочерью, которая нѣкогда, пожалуй, будетъ править мной.

Священникъ. Это слишкомъ.

Принцъ Георгій. Ты понимаешь, монахъ. Я покорилъ Трапезундъ, Эрзерумъ и Ани; но я—слуга моихъ дѣтей.

Священникъ. Говорю тебѣ, это слишкомъ, принцъ Георгій.

Принцъ Георгій. Ничуть не слишкомъ, ты не понимаешь, монахъ. Я радъ быть слугою моихъ дѣтей; но я не хочу быть недорослемъ, въ качествѣ мужа царицы.

Священникъ. Недорослемъ? Развѣ она сказала?..

Принцъ Георгій. Три ночи тому назадъ я взялъ въ плѣнъ Товинскаго хана; но я не посмѣлъ казнить его, чтобы не навлечь на себя гнѣва царицы. Онъ ждетъ рѣшенія царицы. Я посадилъ его туда. (Указываетъ на окованную желѣзомъ дверь).

Священникъ. Царица помиуетъ его.

Принцъ Георгій. Тебѣ понятно. Потому, что не я царь. (Съ жаромъ) А почему мнѣ нельзя быть царемъ? Моя жена—батратка, я самъ—батратъ, мы изъ одного и того же рода. Но она была единственной дочерью Георгія Третьяго и стала царицей; будь мой отецъ царемъ, я былъ бы его наслѣдникомъ.

Священникъ. Совершенно вѣрно.

Принцъ Георгій. Никто изъ васъ не знаетъ, что значитъ все время быть мужемъ царицы. Если я приказываю кому-нибудь сдѣлать то-то и то-то, меня спрашиваютъ: таковъ указъ царицы? Смотри: эти цвѣты для царицы. Фанфары предшествуютъ ея появленію, солдаты салютуютъ копыями. Тогда какъ я—принцъ Георгій.

Священникъ. Ты бѣдствуешь въ твоемъ собственномъ домѣ.

Принцъ Георгій. А развѣ кто-нибудь можетъ упрекнуть меня въ чемъ-либо? Развѣ я не приказываю дѣвушкамъ закрывать лицо, чтобы не впадать въ искушеніе?

Священникъ. Правильно поступаешь. Потому что Зайдата—какъ огонь.

Принцъ Георгій. Зайдата тоже, да. Но кто какъ огонь,—это Софія.

Священникъ. Она тоже, да. Софія—какъ огонь. Всѣ онѣ—какъ огонь.

Принцъ Георгій. Почему ты знаешь?

Священникъ. Я-то не знаю. Я просто слышу ихъ въ банѣ, онѣ играютъ и визжатъ.

Принцъ Георгій. Я, слава Богу, ни съ кѣмъ изъ нихъ не былъ въ банѣ.

Священникъ. Не былъ? Разумѣется, нѣтъ. Потому что у тебя царица.

Принцъ Георгій. У меня царица?

Священникъ. Конечно. (Съ любопытствомъ) Развѣ царица не твоя?

Принцъ Георгій. Молчи. Я властенъ обладать ею, и царица никого не любитъ, кромѣ меня, почему же ей не быть моею?

Священникъ. Разумѣется.

Принцъ Георгій. Неужели меня можно ставить ни во что? Нѣтъ. Но временами мною овладѣваютъ далеко не кроткіе и мирные помыслы, монахъ. Такой грѣхъ отпускается?

Священникъ. Да.

Принцъ Георгій. Чѣмъ объяснить, что царица временами смотреть на меня холодно? Точно могла бы причинить мнѣ вредъ, взглянувъ на меня тепло.

Священникъ. Но царица ни на кого не смотритъ тепло.

Принцъ Георгій. Но вѣдь я, и только, — я принцъ Георгій, этого никому не слѣдуетъ забывать... Тутъ былъ солдатъ съ донесеніемъ изъ лагеря. Онъ не сталъ на колѣни, разговаривая со мной.

Священникъ. Не сталъ на колѣни?

Принцъ Георгій. Но онъ сдѣлалъ бы это передъ царицей. Какъ сдѣлалъ бы передъ калифомъ на Востокѣ. А передо мной не сталъ. Одно мгновеніе я думалъ отрубить ему голову.

Зайдата (изъ-за второй занавѣски). Царица подъѣзжаетъ. (Исчезаетъ).

Принцъ Георгій. Ты слышалъ. Здѣсь сидитъ ея мужъ, а все-таки докладываютъ: царица подъѣзжаетъ! Стоитъ явиться царицѣ, и мнѣ нельзя будетъ сидѣть въ ея креслѣ, я буду сидѣть внизу. У нея большая свита, я смѣшиваюсь съ ея свитой и становлюсь однимъ изъ ея офицеровъ. Ее сопровождаетъ музыка, а меня—нѣтъ. Ея духовникъ—игуменъ, а мой—простой монашекъ.

Священникъ. Да, но вѣдь я долженъ былъ стать игуменомъ. Почему же я не сталъ?

Принцъ Георгій. Ты, монахъ? (Мѣняетъ разговоръ) Да, почему не ты сталъ игуменомъ?

Священникъ. Царица обошла меня, и я гнѣваюсь на нее.

Принцъ Георгій. И ты можешь чувствовать гнѣвъ? Хочу сказать, ты, такой кроткій?

Священникъ (встаетъ). Я? Ты шутишь.

Принцъ Георгій. Конечно, пошутилъ. Ты можешь ощущать великій гнѣвъ. Хочешь помочь мнѣ своимъ гнѣвомъ?

Священникъ. Да, хочу.

Принцъ Георгій. Ты нуженъ мнѣ, больше некому помочь мнѣ. А теперь для меня дѣло идетъ о побѣдѣ или паденіи.

Священникъ (садится). Чего ты хочешь?

Принцъ Георгій. Хочу побѣдить. (Молчаніе) Тарасъ присылалъ гонца изъ лагеря, чтобъ я пріѣхалъ. Я пріѣду черезъ нѣсколько дней, отвѣтилъ я.

Священникъ. Такой отвѣтъ можно истолковать неправильно.

Принцъ Георгій. Тѣмъ, кто истолковываетъ неправильно, я говорю, что хочу усыпить бдительность лагеря и потомъ неожиданно нагрянуть ночью и наказать спящихъ. Но тебѣ, монахъ, я скажу, что въ моемъ отвѣтѣ скрытъ нѣкій замыселъ.

Священникъ. Вижу, что есть замыселъ. Твои глаза становятся таими дикими.

Принцъ Георгій. Мы водемъ съ Карскимъ ханомъ. Онъ въ нашихъ рукахъ; если я нападу на него сегодня ночью, онъ долженъ пасть.

Священникъ. Ахъ!

Принцъ Георгій. Если же я не нападу на него, но упусти удобное время, онъ отойдетъ за прикрытіе и спасется. Если я пощажу хана, то что онъ сдѣлаетъ мнѣ взаимнѣ

Священникъ. Будетъ вѣчно тебѣ благодаренъ.

Принцъ Георгій. Тогда я пощажу его сегодня ночью. А если завтра ночью я отправлюсь къ нему и поведу его войско на спящій лагерь царицы и вырѣжу его, то что ханъ тогда сдѣлаетъ?

(Священникъ всплескиваетъ руками).

Принцъ Георгій (громко). Тогда онъ будетъ вѣчно помогать мнѣ, монахъ.

Священникъ. Постигаю твой великій планъ.

Принцъ Георгій. И ты долженъ отправиться къ хану съ этимъ моимъ предложеніемъ.

Священникъ. Я?

Принцъ Георгій. Потому что ты гнѣваешься.

Священникъ. Не могу.

Принцъ Георгій. Кромѣ тебя, у меня больше нѣтъ никого, я доверяю только тебѣ. И ты долженъ отнести Карскому хану письмо.

Священникъ. Я это сдѣлаю. разъ тебѣ больше не на кого

положиться. Но взвѣсь, принцъ Георгій. Я боюсь, что ты ищешь себѣ явной гибели.

Принцъ Георгій. Тогда гисель желанна. Я дѣлаю это по необходимости. Много темныхъ лѣтъ я взвѣшивалъ это, но впредь не стану взвѣшивать. Или въ твоемъ ученомъ мозгу имѣется другой совѣтъ для меня?

Священникъ. Это—опасный планъ. Но разъ ты хочешь стать царемъ, то ты долженъ на многое рѣшиться.

Принцъ Георгій. Царемъ? Я не хочу быть царемъ.

Священникъ. Не хочешь быть царемъ?

Принцъ Георгій. Нѣтъ.

Священникъ. Не хочешь завоевать страну царицы и возсѣсть на престолъ?

Принцъ Георгій. Ошибаешься. Я хочу завоевать царицу.

Священникъ. Не понимаю. Вѣдь царица твоя?

Принцъ Георгій. Я солгалъ. Царица не моя.

Священникъ (съ любопытствомъ). Но ты сказалъ, что она любитъ тебя?

Принцъ Георгій. Она меня не любитъ.

Священникъ. Ты сообщилъ мнѣ большую новость.

Принцъ Георгій. Въ теченіе многихъ лѣтъ, многихъ лѣтъ я велъ глухую борьбу съ царицей. Я былъ одинокъ, она имѣла стараго игумена на своей сторонѣ. Развѣ она хотя бы изрѣдка взглядывала на меня? Никогда. Не дѣлай этого! сказалъ игумень. Мнѣ оставалось пасть ницъ и просить ее о чемъ-нибудь? (Вскрикиваетъ). Нѣтъ, монахъ. Время идетъ. Я дѣлаю видъ, что Заидата, и Юаната, и Софія — мои любовницы, а царица дѣлаетъ видъ, что не вѣритъ этому.

Священникъ. А развѣ она вѣритъ?

Принцъ Георгій. Да, вѣритъ. Но она не хочетъ показать этого, ни за что, ни единымъ взглядомъ. Стану я просить ее о чемъ-нибудь въ жизни? Нѣтъ, говорю. Вотъ мы и боремся.

Священникъ. Большой новости что-то не слыхивалъ.

Принцъ Георгій. Все это я рассказываю тебѣ, чтобъ ты помогъ мнѣ.

Священникъ. Въ твоемъ великомъ планѣ?

Принцъ Георгій. Никакого великаго плана и нѣтъ. Я не называлъ его такъ.

Священникъ. Ты же хочешь вырѣзать цѣлое войско.

Принцъ Георгій. Маленькое войско; у царицы еще есть войско; Я хочу наказать царицу, она не должна думать дурно обо мнѣ. Когда я буду стоять передъ ней съ войскомъ, я не сниму шапки, но скажу: Тамара, вотъ твой мужъ; ты хорошо видишь меня?

Священникъ. А страна, царство?

Принцъ Георгій. Я оставлю ихъ въ цѣлости у ногъ ея. Но я могъ бы взять ихъ, монахъ; вотъ въ чемъ сладость.

(Входятъ слуги, они открываютъ занавѣску въ глубинѣ, въ комнату падаетъ яркій свѣтъ: наружный видъ—зеленныя горы на солнцѣ. Слышна отдаленная, приближающаяся музыка—флейты, струнные инструменты и барабаны).

Священникъ (встаетъ). Большаго, конечно, никто не сдѣлалъ, чтобы снискать свою...

Принцъ Георгій. Снискать все. Я хочу снискать все.

(Входятъ множество солдатъ съ короткими копьями и становятся въ рядъ, начинающійся за сценой и кончающійся въ комнатѣ. На нихъ мѣшкообразныя сѣрыя шаровары и блузы съ кожаными рукавами; за поясами они носятъ кинжалы и сабли. Всѣ они съ непокрытой головой. Офицеры въ сѣрыхъ кафтанахъ со шнурками на груди).

(Дѣвушки и слуги появляются изъ-за второй занавѣски и смотрятъ черезъ плечи другъ друга. Входитъ адъютантъ принца Георгія, открываетъ желѣзную дверь и зоветъ: „Сюда!“ Появляются двое грузинскихъ солдатъ; они скованы руками, безъ мундировъ, въ синихъ свисающихъ рубахахъ).

(Музыка замолкаетъ).

(У входа появляется офицеръ, въ красномъ кафтанѣ, съ саблей наперевѣсь, и идетъ къ креслу царицы. Черезъ мгновеніе появляется другой красный офицеръ также съ саблей наперевѣсь и становится рядомъ съ предыдущимъ).

(Раздается труба).

(Въ дверяхъ, на носилкахъ, появляется царица; солдаты берутъ копьа наперевѣсь. Носилки опускаются. Царица выходитъ и, кланяясь направо и налево, среди ликующихъ криковъ толпы, направляется къ переднему плану. Когда ликованіе умолкаетъ, царица поворачивается къ иконѣ и крестится. Въ свѣтъ видна Фатима, дочь князя Эрзерумскаго; ея лицо совершенно закрыто вышитой золотомъ фатой, доходящей до колѣнъ; она отворачивается отъ иконы и не крестится. За царицей идутъ ея дѣти, Георгій и Рузуданъ, за ними игумень, потомъ монахи, офицеры, писцы, дѣвушки, слуги; всѣ они крестятся).

Царица. Привѣтъ вамъ всѣмъ. И тебѣ, принцъ Георгій, первому привѣтъ.

Принцъ Георгій. Ты сказала мнѣ это послѣдному.

Царица (улыбается). Ты усталъ, слышу я, твоей побѣды перетумовали тебя.

Принцъ Георгій. Дѣти мои, подите сюда! (Обнимаетъ и цѣлуетъ ихъ).

Царица. Видишь, какъ они выросли. Почти такіе же большіе, какъ я.

Принцъ Георгій. И какъ я. Всѣ перерастаютъ меня.

Царица. Какимъ страннымъ привѣтомъ ты встрѣчаешь насъ. Можетъ-быть, я поступила вопреки твоему доброму совѣту и проиграла сраженіе?

Принцъ Георгій. Нѣтъ. И поэтому я приношу еще одну новую побѣду.

Царица. Трубный звонъ въ честь моего мужа, великаго воина!

(Трубы и барабаны, рукоплесканія. Царица наклоняется въ знакъ привѣта).

Царица. А теперъ—во славу торжествующей вѣры!

(Новая фанфара).

Царица. Смѣю думать, Фатима, что и ты рукоплескала?

Фатима. Да, царица, я рукоплескала. Во славу *моей* вѣры.

Царица. Ахъ, вотъ какъ. Все такая же упрямая. Хорошо, больше кротости, побольше кротости. (Улыбается) Потому что ты *должна* покориться, милая Фатима.

Фатима. Это воспрещаетъ Аллахъ.

Принцъ Георгій. У меня важныя сообщенія и мало времени Тамара.

Царица. У тебя всегда мало времени. (Поднимается на первую ступень къ своему креслу).

Принцъ Георгій. День коротокъ, а мнѣ нужно въ лагерь сегодня ночью.

Царица. Вѣдь Тарасъ въ лагерь.

Принцъ Георгій. Хорошо, я посмотрю, можно ли мнѣ исполнить твое желаніе и не ѣздить въ лагерь сегодня ночью.

Царица. Нѣтъ, нѣтъ. Я просто хотѣла... Ты не долженъ думать, что я... (Взглядывая на окружающихъ) Спасибо, офицеры, спасибо, солдаты, вы свободны.

(Офицеры и солдаты, а за ними монахи, уходятъ).

Царица. И вы, дѣти, можете пойти поиграть.

(Георгій и Рузуданъ уходятъ).

(Царица поднимается и садится въ свое кресло. Одѣтые монахами писцы располагаются на полу у ногъ ея и раскладываютъ свои письменныя принадлежности).

Царица. Твои сообщенія касаются новой побѣды. Когда произошло сраженіе?

Принцъ Георгій. Три ночи тому назадъ. Войско совершило чудо и заняло замокъ. Пришлось брать приступомъ двойное кольцо каменныхъ стѣнъ.

Царица. Вы взяли много плѣнныхъ?

Принцъ Георгій. Немного.

Царица. Ты уже не стараешься захватить побольше плѣнныхъ и shades жизнь, гдѣ можешь. Я слышала, что и калифъ поступаетъ точно такъ же.

Принцъ Георгій. Мы захватили нѣсколько плѣнныхъ.

Царица. И хорошо обращались съ ними?

Принцъ Георгій. Да. Согласно твоему указу.

Царица. Чьи люди, вонъ тѣ двое?

Принцъ Георгій. Грузины, какъ видишь, наши люди. Они приговорены къ смерти.

Царица. Чтò они сдѣлали?

Принцъ Георгій. Бѣжали. Покинули поле сраженія.

Царица. Значить, они не войны. Не слѣдуетъ проливать кровь понапрасну. Разъ они пастухи овецъ, то они не войны, все равно, что камень есть камень. Чтò вы можете дѣлать, грузины? Воевать вы не можете.

(Плѣнные падаютъ ницъ).

Первый плѣнникъ. Мы ничего не можемъ дѣлать, царица. Мы просто два брата, мы встрѣтили нашего третьяго брата среди враговъ, онъ — магометанинъ, онъ грозилъ намъ. Онъ старше насъ.

Царица. Слышишь, Георгій, они встрѣтили своего брата... Такъ, и потомъ бѣжали?

Первый плѣнникъ. Да. Мы побросали наши копья, узнавъ его, и потомъ бѣжали.

Царица. А вы—христіане?

Второй плѣнникъ. Да, мы—христіане. И мы можемъ дѣлать все, чтò прикажешь, царица.

Принцъ Георгій. Я даровалъ имъ жизнь до твоего пріѣзда, чтобъ ты сама могла назначить имъ родъ казни.

Царица. А если я скажу, что они не должны умирать?

Принцъ Георгій. Твоя кротость приноситъ войску вредъ, Тамара. Я тебѣ уже раньше говорилъ.

Царица. Ты былъ не такъ суровъ въ прежніе дни.

Принцъ Георгій (упрямо). Всегда. Все время. Я былъ все тотъ же.

Царица. Увести плѣнныхъ, пока я не найду имъ работы... Но помните, грузины, нельзя покидать поле сраженія. Вы останетесь въ кандалахъ еще и эту ночь, чтобы помнить это.

(Плѣнныхъ уводятъ за желѣзную дверь).

Царица. Какой замокъ ты взялъ?

Принцъ Георгій. Замокъ хана Товинскаго.

Царица (песцамъ). Запишите... Большая побѣда. А самъ ханъ?

Принцъ Георгій. Здѣсь въ плѣну.

Царица. Здѣсь? Ханъ?

Принцъ Георгій. Вонъ тамъ. Въ самой дальней кельѣ.

Царица. Но, Георгій, ты совершилъ чудо. Сколько лѣтъ хану?

Принцъ Георгій. Вчера тутъ пріѣзжали два офицера отъ товянцевъ, чтобы выкупить его. Я поставилъ имъ нѣсколько условій. Они еще вернутся.

Царица. Большая побѣда. Что, по-твоему, товинцы дадутъ за своего хана?

Принцъ Георгій. Живого?

Царица. Да, живого. Почему ты спрашиваешь? Разумѣется, живого.

Принцъ Георгій. Онъ стѣить значительной части ихъ земли.

Царица. Въ Товинѣ—магометане; но если они любятъ своего хана, то исполнять мою маленькую просьбу, чтобъ получить его обратно.

Принцъ Георгій. Постой! Ты, навѣрное, получишь всю ихъ землю за его трупъ.

Царица. Чей трупъ?

Принцъ Георгій. Хана. Лишь бы у нихъ была возможность похоронить его по своему языческому обряду.

Царица. Принцъ Георгій!

Принцъ Георгій. Большая страна. И много плодовъ въ поляхъ. Замокъ, который мы взяли, тоже великолѣпенъ.

Царица. Я выстроила шесть замковъ, и земли у меня достаточно. Я царю почти отъ Арменіи до Казбека.

Принцъ Георгій. Но отъ этого твоя страна стала бы еще больше. И у тебя было бы много людей, знающихъ музыку для твоего увеселенія. Мы слышали, какъ они играли въ Товинѣ по ночамъ. И у нихъ были два еврея, игравшихъ на арфѣ.

Царица. Послушай, честной отецъ, что можетъ стоить ханъ?

Игумень. Порадуй себя и старика, дитя мое, и потребуй, что тебѣ совѣсть подскажетъ, когда настанетъ время.

Царица. Я знаю, что потребовать; лишь бы они дали. Если товинцы пожелаютъ принять крещеніе, то ихъ ханъ свободенъ. Сколько дѣтъ хану?

Принцъ Георгій. А не пожелаютъ, можешь принудить ихъ, это въ твоей власти. И много средствъ къ принужденію. Отрѣзать у нихъ языки — надежное и хорошее средство. А то еще—сто ударовъ палкой.

Царица. Они могли бы спасти своего хана болѣе легкимъ... Я въ третій разъ спрашиваю: сколько ему дѣтъ?

Принцъ Георгій. Ты хочешь также знать, каковъ онъ на видъ?

Царица (изумленно). Нѣтъ. Объ этомъ я не спрашиваю. Зачѣмъ?

Принцъ Георгій. А что касается самого хана, то и для него есть неподобное средство.

Царица. Какое?

Принцъ Георгій. Схватить его гаремъ и поставить передъ его глазами.

Царица. Ну?

Принцъ Георгій. И потомъ пустить солдатъ.

Царица (встаетъ). Принцъ Георгій!

Принцъ Георгій. Тогда онъ покорится. Но это не лучшее средство, я этого не утверждаю. Другое средство вѣрнѣе. У тебя двое турокъ, царица, твои палачи. У нихъ имѣются шелковыя веревочки.

Царица (опускается на сидѣнье). Но, честной отецъ, дай ты мнѣ совѣтъ.

Игумень. Можетъ-быть, ханъ самъ исполнить твою просьбу, если ты позовешь его.

Принцъ Георгій. Какъ если бѣ тебѣ нужно было просить его. Я — начальникъ войска, или нѣтъ? Если я начальникъ войска, то я знаю, что товинцы должны сдаться на волю побѣдителя, — зачѣмъ же тогда тебѣ просить ихъ? Не будь въ настоящее время войны съ Карскимъ ханомъ, товинцы были бы теперь въ нашихъ рукахъ. Они бѣжали въ горы — хорошо, — въ полнолуніе; когда ночь будетъ свѣтлѣе, мы разыщемъ ихъ въ горахъ и побѣдимъ. Тогда ты можешь поступить съ ними, какъ поступала съ остальными народами, которыхъ мы покоряли.

Царица. Но у меня плѣнный ханъ въ замкѣ, развѣ это ничѣго не значитъ? Если товинцы исполнять мою просьбу, то ихъ ханъ будетъ свободенъ. Тогда больше не будетъ войны.

Игумень. Вели позвать хана, царица, можетъ-быть, онъ исполнить твою просьбу.

Царица. Постой... Зачѣмъ вы стоите здѣсь, дѣвушки? Что я вижу, — Заидата, у тебя опять покрывало на лицѣ? Снимите покрывала, дѣвушки, и ты, Софія, и ты, Юаната. Христіанскимъ дѣвушкамъ пристало быть безъ покрываль.

(Дѣвушки снимаютъ чадру).

Заидата. У Фатимы тоже покрывало.

Фатима. Я не христіанка.

Игумень. Положимъ, она не христіанка, а все-таки она въ домѣ царицы.

Царица. Ты еще не христіанка, Фатима, еще нѣтъ... Стоитъ вамъ остаться безъ меня нѣкоторое время, вы опять возвращаетесь въ магометанство и закрываете лица.

Юаната. Намъ такъ приказано.

Царица. Кѣмъ?

Юаната. Принцемъ Георгіемъ. †

Принцъ Георгій. Я отдалъ такой приказъ дѣвушкамъ, чтобы не впадать въ соблазнъ. Потому что онѣ какъ огонь.

Царица. Какъ огонь? Откуда ты знаешь?

Принцъ Георгій. Откуда я знаю? Развѣ тебѣ трудно представить?

Царица (одно мгновеніе кусаетъ себѣ губу). Нѣтъ. Я тебя не представляю способнымъ на это.

Принцъ Георгій. Онѣ положительно какъ огонь.

Игумень. Въ твоёмъ домѣ еще во многихъ пылаетъ пагубный огонь, царица Тамара; но сама ты, слава Богу, холодна.

Принцъ Георгій. Мы съ монахомъ слышали, какъ онѣ визжать въ банѣ.

Царица. Твоему монаху негоже стоять у бани и подслушивать... А вы все еще здѣсь, дѣвушки?

Зайдата. Мы хотѣли привѣтствовать тебя съ прїѣздомъ. Мы все украсили цвѣтами.

Царица. Спасибо, теперь можете уходить.

(Всѣ дѣвушки и слуги уходятъ. Фатима хочетъ слѣдовать за ними).

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, Фатима. Останься со мною.

Фатима (поворачивается). Да благословить тебя Аллахъ.

Царица. Вели позвать хана.

Фатима. Приготовься немного, парица. Товинскій ханъ — великій ханъ.

Царица. Приготовиться? (Улыбается) Не надѣть ли корону?

Фатима. Ты бы застегнула свое платье на шеѣ.

Царица (дѣлаетъ это). На улицѣ было такое жаркое солнце, вотъ я и разстегнула.

Фатима. Потомъ у тебя разные чулки сегодня.

Царица. Разные чулки? (Смотритъ) Это дѣвушки напутали. Но это ничего не значить. Позовите хана.

(Адъютантъ принца Георгія уходитъ въ желѣзную дверь и скоро возвращается назадъ съ ханомъ).

Царица. Помоги мнѣ теперь, честной отецъ, и намъ, быть-можетъ, удастся.

Принцъ Георгій. Тогда вамъ придется потрудиться. Ханъ живаль при дворѣ калифа, онъ умѣетъ говорить по-настоящему. Онъ умѣетъ и красиво говорить.

(Входитъ ханъ Товинскій. Онъ безоруженъ, въ длинномъ черномъ бархатномъ доломанѣ безъ украшеній, съ однимъ лишь кончикомъ рыжаго конскаго хвоста у лѣваго плеча. Широкіе рукава свисаютъ внизъ. У него бѣлый тюрбанъ, съ узкой черной полоской по нижнему краю; на бѣломъ полѣ тюрбана — большой смарагдъ. И вокругъ серебрянаго пояса тянутся смарагды. На немъ бѣлые сафьяновые сапоги. Онъ привѣтствуетъ царицу, прикладывая пальцы къ груди, рту и лбу, и все время стоитъ съ опущенными глазами).

Царица (встаетъ и стоитъ; изумленно). Это — ханъ?

Принцъ Георгій. Это — ханъ. А что?

Царица. И безъ оружія?

Принцъ Георгій. Онъ обзороуженъ. Онъ—плѣнникъ.

Царица. Принесите ему его оружіе.

(Адъютантъ принца Георгія приноситъ изъ-за первой занавѣски кинжалъ и саблю хана и прикрѣпляетъ ихъ къ его поясу).

Царица. Какой молодой ханъ у товинцевъ.

Принцъ Георгій. Ты возвращаешь ему оружіе, чтобы разрушить то, что я сдѣлалъ?

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, принцъ Георгій, ты самъ поступилъ бы точно такъ же, не будь меня здѣсь. Мы во всемъ согласны.

Принцъ Георгій. Да будетъ такъ.

Царица. Ты расположенъ отвѣчать мнѣ, ханъ?

Ханъ. Великая царица, прежде всего позволь мнѣ поблагодарить тебя за то, что ты вернула мнѣ оружіе.

Царица. Великое несчастье постигло тебя, разъ ты оказался въ моемъ замкѣ въ качествѣ плѣнника.

Ханъ. Великое несчастье, въ которомъ много счастья. Я увидѣлъ твою красоту и услышалъ твой голосъ.

Принцъ Георгій. Слышишь, какъ онъ нѣжно говорить.

Царица. Ты меня совсѣмъ не видѣлъ, ханъ. Ты все время смотрѣлъ въ землю у ногъ моихъ.

Ханъ. У насъ другіе обычаи, чѣмъ у тебя, царица.

Царица. Если бъ я надѣла покрывало, то ты, конечно, поднялъ бы глаза.

Ханъ. Да. Тогда я поднялъ бы свои глаза. Но я видѣлъ, что руки у тебя прекрасны.

Принцъ Георгій. Ты вся горишь, царица, развѣ солнце жжетъ даже здѣсь, въ комнатѣ?

Царица. Нѣтъ... Да, здѣсь жарко... Дай мнѣ покрывало, Фатима, чтобы хану не смотрѣть въ землю.

(Фатима уходитъ за вторую занавѣску).

Принцъ Георгій (ей вслѣдъ). Красное покрывало, чтобы румянецъ царицы не просвѣчивалъ.

Царица. Принцъ Георгій, кажется, Тарасъ ждетъ тебя въ лагерь?

Принцъ Георгій. Я ухожу.

(Принцъ Георгій и священникъ уходятъ за первую занавѣску. Адъютантъ передаетъ игумену ключъ и слѣдуетъ за ними. Фатима возвращается съ бѣлымъ покрываломъ и помогаетъ царицѣ надѣть его).

Царица. Твой народъ тоскуетъ по тебѣ, ханъ. Двое изъ твоихъ офицеровъ были здѣсь и хотѣли выкупить тебя.

Ханъ (начиная съ этого времени, смотритъ свободно на нее). Въ такомъ случаѣ, они плохо исполнили свое порученіе, разъ я все еще здѣсь.

Царица. Это было до моего приѣзда.

Ханъ. Ахъ! Тогда имъ и нельзя было ожидать успѣха.

Царица. Значить, ты думаешь, что со мною ты можешь успѣшнѣе вести переговоры?

Ханъ. Высокая повелительница, мы знаемъ твое имя въ Товинѣ, мы слышали о твоей мудрости и твоей кротости.

Царица. Я только попрошу тебя исполнить одну просьбу, и ты свободенъ.

Ханъ. Всякая просьба, которой ты удостоишь меня, будетъ исполнена.

Царица. Посмотримъ. Ты отдашь бы часть своей земли за свою свободу?

Ханъ. Да, большую.

Царица. Но земли у меня достаточно. Ты со своимъ народомъ отказался бы отъ своей вѣры?

(Ханъ молчитъ).

Царица. Ты принялъ бы крещенье именемъ Христа?

(Ханъ закрываетъ лицо рукою).

Царица. Ты долженъ знать, что это—моя просьба къ тебѣ.

Ханъ. Высокая повелительница, въ вашей странѣ мы лишены могущества, но мы и не заносчивы, мы не шутимъ со святыми вещами.

Царица. Ты думаешь, я заносчива и шучу? Право, я желаю тебѣ добра.

Ханъ. Если бъ я и мой народъ могли перейти въ твою вѣру, мы не стали бы сопротивляться изо всѣхъ нашихъ силъ. Ты нападаешь на нашу страну и хочешь крестить насъ, мы не хотимъ принять крещенье, но боремся до послѣдняго чело-вѣка.

(Фатима рукоплещетъ).

Ханъ. Твой пророкъ былъ еврей, нашъ—арабъ, ты вѣруешь въ своего, мы—въ своего. Ты хотѣла бы обмѣняться?

Царица. Нѣтъ.

Ханъ. И мы—нѣтъ.

(Фатима рукоплещетъ).

Царица. Фатима!

Фатима. Прости, царица!

Ханъ. Мы жили мирно въ Товинѣ, и надъ нами было солнце днемъ и звѣзды ночью. И вотъ ты пришла въ нашу землю, и ты вошла въ наши дома, и твои копыя обагрились кровью.

Царица (въ замѣшательствѣ). Отвѣчай ему ты, честной отецъ, я... я должна признать, что онъ правъ... отчасти правъ.

Игумень. А въ Товинѣ вы всѣ—какъ малые голуби, и копыя у васъ не бываютъ въ крови? Много народу изъ Эрзерума, крещеннаго царицей, вы угнали въ горы и убили.

Ханъ. Когда это дошло до моего свѣдѣнія, я предложилъ

полное удовлетвореніе, чтобы мнѣ снова можно было стать другомъ великой царицы.

Царица. И я потребовала удовлетворенія.

Ханъ. Ты потребовала/ нашей вѣры.

Игумень. Стало-быть, ты самъ вызвалъ войну, ханъ. Царица предложила вамъ принять святое крещеніе и потомъ жить мирно въ своихъ виноградникахъ и подъ своими смоковницами, но ты предпочелъ возстать на нее.

Ханъ. Когда нашей вѣрѣ грозитъ опасность, то пророкъ велѣлъ бороться. Твой пророкъ не велѣлъ?

Игумень. Сообщи ему со всей строгостью свои условія, царица. Кротостью тебѣ не побѣдить.

Царица. Ты знаешь мои условія, ханъ. Что же ты отвѣтишь?

Ханъ. Будь у меня больше воиновъ, чѣмъ у тебя, царица, и одержи я побѣду надъ тобой, ты стала бы одною изъ нашихъ?

Царица (задумывается). Нѣтъ, нѣтъ, — что я призадумалась! Не стала бы. Никогда.

Игумень. Правильно, дитя мое.

Ханъ. Какъ же ты предлагаешь мнѣ стать однимъ изъ твоихъ?

Игумень. Онъ слѣпъ и не видитъ своего спасенія.

(Входятъ принцъ Георгій, его адъютантъ и священникъ, всѣ грое съ копьями. Адъютантъ держитъ плащъ на рукѣ).

Царица. Да, онъ слѣпъ. Однако я никогда не видѣла слѣпца съ такимъ взглядомъ.

Принцъ Георгій. Ай, ай, никакъ огонь въ твоихъ закрытыхъ глазахъ, Тамара?

Игумень. Принцъ Георгій, ты ошибаешься. Царица холодна.

Царица. Моли Бога, честной отецъ, чтобы я всегда была такая.

Принцъ Георгій. Георгій и Рузуданъ вышли?

Царица. Да, вышли. Простись съ ними передъ отъѣздомъ.

Принцъ Георгій. А съ тобой—нельзя?

Царица. Со мной? (Молчить).

Принцъ Георгій. Не хочешь?

Царица (встаетъ и быстро спускается по лѣстницѣ). Конечно, конечно, Георгій, хочю. (Откидываетъ покрывало и цѣлуетъ его) Господь съ тобою. (Снова закрываетъ лицо).

Принцъ Георгій. И съ тобою, Тамара. (Крестится передъ образомъ и уходитъ въ сопровожденіи своей свиты).

Царица. Вотъ видишь, ханъ, принцъ Георгій отправился за новою побѣдой надъ врагами христіанства. Онъ — великій воинъ.

Ханъ. У него больше солдатъ, чѣмъ у насъ.

Царица. Сегодня ночью онъ одержитъ побѣду надъ Карскимъ ханомъ. Куда бѣжать отъ принца Георгія!

Ханъ. Это въ рукахъ Аллаха. Если Аллаху угодно даровать ему побѣду, онъ побѣдитъ. Никто не можетъ избѣжать воли Аллаха.

Царица. Ты каждый разъ отвѣчаешь мнѣ такъ, точно ты не въ плѣну у меня; какъ же это допустимо? Все, что я тебѣ говорю, пропадаетъ даромъ.

Игумень. Тогда покажи ему свое могущество, царица, и онъ смирится.

Царица. Честной отецъ, писцы могутъ уходить.

(Игумень беретъ у писцовъ пергаменты и просматриваетъ ихъ, въ то время какъ сами писцы стоятъ и слѣдятъ за нимъ глазами и ждутъ).

Ханъ. Все, что ты сказала? Нѣтъ, все, что ты сказала, отнюдь не пропало даромъ, великая царица. И я дрожу передъ твоимъ голосомъ.

Царица. Но не забудь, что я тоже непреклонна.

Ханъ. Въ такомъ случаѣ ты уже рѣшила мою участь, разъ ты непреклонна. Скажи, что ты рѣшила, и я больше не буду утруждать тебя. Смерть?

Царица. Чью смерть? Твою смерть? Нѣтъ.

Ханъ. Я къ тому говорю, что за мой трупъ ты могла бы гораздо больше получить.

Царица. Но, великій Боже, ты преувеличиваешь мою жестокость, ханъ.

Ханъ. Разъ ты даруешь мнѣ жизнь, я отдамъ тебѣ много земли и много виноградниковъ за твою кротость. И у меня есть большой цвѣтущій садъ въ Товинѣ, и я тебѣ отдамъ его за твою красоту.

Царица. У меня достаточно земли и много садовъ въ моей землѣ.

Ханъ. Больше мнѣ нечего дать.

Царица. Подумай,—можетъ-быть, найдется еще что-нибудь. Я подожду... Здѣсь столько народу,—почему писцы не уходятъ?

(Игумень дѣлаетъ писцамъ знакъ уйти, они покидаютъ залу главнымъ ходомъ. Онъ складываетъ пергаменты на столъ царицы).

Царица. Честной отецъ, ты усталъ, ты можешь отдохнуть.

Игумень. Я долженъ запереть плѣнника.

Царица. Я сама запру. (Беретъ ключъ и открываетъ желѣзную дверь).

(Ханъ подноситъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу и уходитъ).

(Игумень протягиваетъ руку за ключомъ).

Царица. Ключъ останется у царицы. (Откидываетъ покрывало)

Фатима, странно ли, здѣсь вдругъ стало такъ пусто. Здѣсь больше ни души.

Фатима. Ханъ ушелъ.

Царица. Конечно, ханъ тоже ушелъ... Честной отецъ, ты можешь отдыхать. (Садится на диванъ. Игумень кланяется и уходитъ).

Фатима. Прикажешь позвать музыку и танцовщицъ?

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, въ замкѣ у насъ плѣнникъ... Я сижу и думаю, что ему тамъ пустынно, онъ могъ бы остаться здѣсь. Не знаю, можно ли ему остаться здѣсь?

Фатима. Прикажешь позвать его назадъ?

Царица. Если хочешь, Фатима. Да, позови его назадъ, здѣсь ему прохладнѣе. Вѣдь лицо у меня закрыто, какъ и у тебя. (Фатима беретъ ключъ).

Царица. Постой, постой. Позови Мецеду.

Фатима (зоветъ у второй занавѣски). Мецеду!

Царица. Она подала мнѣ разные чулки сегодня, большая оплошность. Я показывалась всѣмъ въ замкѣ въ разныхъ чулкахъ, ханъ стоялъ и смотрѣлъ на мои ноги.

(Входитъ Мецеду, узнаетъ отъ Фатимы у второй занавѣски, въ чемъ дѣло, и быстро уходитъ).

Царица. И другую пару башмаковъ, Фатима, мои наряднѣйшіе башмаки. У меня нѣтъ башмаковъ со смарагдами?

Фатима. Наряднѣе у тебя нѣтъ. Тѣ, что на тебѣ, самые нарядные.

Царица. Значить, у меня нѣтъ башмаковъ со смарагдами. Эти съ жемчугомъ. Но я отлично могла бы надѣть пару нарядныхъ башмаковъ, не такъ ли, Фатима?

(Входитъ Мецеду съ персидскими шелковыми чулками).

Царица. Только не желтый. Дай мнѣ бѣлый, подъ цвѣтъ того, что на мнѣ.

(Мецеду становится на колѣни и помогаетъ ей надѣть чулокъ).

Царица. Мецеду, впредь изволь смотрѣть, какіе чулки подаешь, чтобы мнѣ не носить разныхъ; такъ сказала царица. Равнымъ образомъ я хочу, чтобы у меня стояло много паръ нарядныхъ башмаковъ, какъ въ мои молодые годы.

Мецеду (встаетъ). Больше ничего, царица?

Царица. Да, зеркало.

Мецеду. Зеркало? Въ горницѣ у тебя большое зеркало.

Царица. Развѣ у меня нѣтъ маленькаго зеркальца?

Мецеду. Нѣтъ.

Царица. А въ юности было. Я носила маленькое зеркальце въ карманѣ и часто смотрѣлась.

Фатима. Но вѣдь у тебя покрывало, царица, твоего лица никто не увидитъ.

Царица. Хорошо, можешь уходить, Мецеду. Мнѣ не нужно

зеркала. (Между уходитъ) Теперь зови хана. (Опускаетъ покрывало).

Фатима. Одно слово, царица: не будь слишкомъ пригожа передъ ханомъ.

Царица. Что ты говоришь, Фатима?

Фатима. Онъ молодъ, тебѣ, пожалуй, удастся заставить его забыть свою страну и забыть болѣе важное.

Царица. Ну, зови его.

(Фатима уходитъ въ окованную желѣзомъ дверь).

(Царица одно мгновение сидитъ, потомъ встаетъ, становится передъ иконой и бормочетъ, крестится, кладетъ поклоны и возвращается на свое мѣсто. Она расправляетъ складки у своей юбки такъ, что видны чулки).

(Входятъ ханъ и Фатима).

Царица. Тебѣ тамъ скучно одному, ханъ. Если ты ~~хочешь~~ хочешь остаться здѣсь, то мы ничего не имѣемъ противъ.

Ханъ. Благодарю тебя за твое доброе сердце, царица; но мнѣ тамъ не скучно. Я сижу и думаю о своемъ народѣ, оставшемся безъ правителя.

Царица. Тебѣ это Фатима сказала?

(Ханъ молчитъ).

Фатима. Да, царица, это я сказала.

Царица. Ты не забудешь своего народа въ моемъ обществѣ, напротивъ, ты еще лучше будешь служить ему. Я помогу тебѣ.

Ханъ. Всѣ товинцы будутъ благодарить тебя за это. Я ихъ послѣдній ханъ, у нихъ нѣтъ другого.

Царица. Развѣ здѣсь не прохладнѣе?

Ханъ. Да. И если ты поставишь стражу къ выходу, тебѣ будетъ спокойнѣе за меня.

Царица. Стражу? Объ этомъ я и не подумала. Не надо стражи. Иначе здѣсь появится опять много народу, а здѣсь людей достаточно... Не понимаю, Фатима, почему теперь мнѣ кажется, что здѣсь достаточно людей?

Фатима. Однимъ больше стало.

Царица. Поищи на дворѣ Георгія и Рузуданъ. И когда найдешь, попроси ихъ прійти сюда.

(Фатима уходитъ).

Царица. Я не собираюсь сдѣлать твой плѣнъ такимъ пріятнымъ, что ты забудешь свой народъ.

Ханъ. Я его не забываю; Фатима, твоя подруга, ошибается. Я не оплакиваю громко своего народа и себя, но я думаю о вась.

Царица. И о моихъ условіяхъ?

Ханъ. Нѣтъ.

Царица. Нѣтъ? А ты бы подумалъ. О чемъ ты думаешь?

Ханъ. Три ночи и три дня я думалъ о бѣгствѣ. Но я безоруженъ.

Царица. Теперь ты получилъ свое оружіе.

Ханъ. Да, но я увидѣлъ тебя и больше не думаю о бѣгствѣ.

Царица. Я не понимаю твоихъ словъ... Какъ случилось, что твой замокъ былъ взятъ?

Ханъ. Предательство. Одинъ изъ моихъ рабовъ отправился къ принцу Георгію съ главнымъ ключомъ.

Царица. Объ этомъ мой мужъ ничего не рассказывалъ. Но, надѣюсь, принцъ Георгій не взялъ ключа, когда твой рабъ явился?

Ханъ. Не взялъ?

Царица. Нѣтъ. Возможно, что кто-нибудь другой взялъ ключъ, только не онъ. Я слышала, что ключъ былъ взятъ не имъ. Ну, ханъ, давай говорить о чемъ-нибудь другомъ. Ты когда-то жилъ въ замкѣ калифа, ты могъ бы рассказать мнѣ о тамошней жизни.

Ханъ. То было давно. Но я ничего не забылъ. Я могъ бы рассказать о мудрости калифа и объ его могуществѣ.

Царица. Ты лучше расскажи о себѣ. Что ты тамъ дѣлалъ?

Ханъ. Я былъ гостемъ калифа и его ученикомъ. Я учился многимъ наукамъ у его ученыхъ. Въ осеннее время мы ѣздили на охоту и убивали крупныхъ звѣрей, когда же мы возвращались домой, то навстрѣчу намъ выходили пѣвцы и танцовщицы.

Царица. Знаешь, ханъ, какимъ образомъ... Я лучше встану. Ты такой большой, когда стоишь. (Встаётъ и откидываетъ покрывало).

Ханъ. Ты раскрылась!

Царица. Я преклонилась передъ твоимъ обычаемъ, теперь ты преклонись предъ моимъ. Одинъ мигъ. Ты долженъ видѣть меня.

Ханъ. Какая прекрасная царица у грузинъ!

Царица. Спасибо за эти слова, ты доставляешь мнѣ радость. Я—царица, но я рада твоимъ словамъ. Я показываю тебѣ мое лицо, потому что другимъ я не очень богата. (Опускаетъ покрывало).

Ханъ. Ты словно бросаешь звѣзды въ меня.

(Входитъ Фатима, держа за руки Георгія и Рузуданъ).

Царица. Да благословить тебя Господь. Я благодарю тебя за твои слова, настолько я бѣдна. Смотри, какъ радостны мои

дѣти, столь же радостна и я. (Обнимаетъ дѣтей) Поиграйте съ гостемъ, ищите его, когда онъ спрячется за колоннами.

(Ханъ прячется, дѣти находятъ его, онъ снова прячется, и они снова находятъ. Затѣмъ дѣти играютъ и немного спустя исчезаютъ за второй занавѣской).

Царица. Ты свободна, Фатима. (Фатима уходитъ за вторую занавѣску). Солнце заходить.

Ханъ. Ты не боялась, что я убѣгу?

Царица. Не знаю, я не думала объ этомъ.

Ханъ. Ахъ, ты знаешь. Ты отлично сознаешь свое могущество, царица Тамара, и знаешь, что я не убѣгу.

Царица. Да будетъ такъ. Я не думала о томъ, что ты говоришь, но твои слова меня изумляютъ.

Ханъ (проводитъ рукой по глазамъ). Царица, ты словно завела меня въ чашу, гдѣ растетъ мандрагоръ. Это—опасные цвѣты, они уже что-то сдѣлали со мною.

Царица. Они и со мною сдѣлали что-то. Мы оба въ чашѣ.

Ханъ (подойдя къ ней вплотную). Ты хочешь обратить меня, вотъ чего ты хочешь.

Царица. Я хочу спасти тебя. Взгляни въ лицо своей судьбѣ и не сопротивляйся мнѣ болѣе.

Ханъ. Ты хочешь обратить и крестить меня, вотъ о чемъ ты такъ хлопочешь.

Царица. Объ этомъ? Только объ этомъ? (Мѣняетъ тонъ) Разумѣется. А то о чемъ же иначе? Я вижу въ этомъ твое спасеніе и спасеніе твоего народа.

Фатима (входитъ). Великій ханъ, солнце зашло. Ты забываешь часть твоей молитвы. (Снова уходитъ).

Ханъ. Она права. Ты заставляешь меня забыть все. Въ наказаніе, я не лягу на свое ложе сегодня ночью, но останусь, какъ стою. Аллахъ да помилуетъ меня! (Подноситъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу и направляется къ своей двери).

Царица (протягиваетъ руку). Возьми мою руку, ханъ.

Ханъ. У насъ другіе обычаи, чѣмъ у тебя.

Царица. Взвѣсь мои условія сегодня ночью. (Запираетъ его и беретъ ключъ съ собой; на одно мгновеніе бросается на диванъ).

(Солдатъ въ плащѣ появляется изъ глубины).

Царица. Что тебѣ нужно?

Солдатъ (бросается на колѣни). Гдѣ принцъ Георгій?

Царица. Уѣхалъ въ лагерь.

Солдатъ. Я ищу его и не нахожу. На дорогѣ его нѣтъ нигдѣ.

Царица. Но онъ уѣхалъ. Ихъ было трое.

Солдатъ. Я встрѣтилъ пастуха, который сказалъ, что на-

шелъ мертвaго всадника въ горахъ. Должно-быть, принца Георгія.

Царица (поднимается). Мертвaго всадника? Каковъ онъ былъ на видъ? Нѣтъ, то былъ не онъ. Какъ онъ умеръ?

Солдатъ. Отъ удара въ спину.

Царица. Въ спину?

Солдатъ. И отъ разсѣченной раны въ затылокъ.

Царица. То былъ не онъ, принцъ Георгій не получаетъ ранъ сзади. Тебя послалъ Тарасъ?

Солдатъ. Да.

Царица. Скажи Тарасу, что принцъ Георгій еще прїѣдетъ, Ступай. (Направляется ко второй занавѣскѣ).

(Солдатъ встаетъ и сбрасываетъ плащъ, это—принцъ Георгій).

Царица. Георгій!

Принцъ Георгій. Онъ самъ. Я еще не умеръ сегодня ночью.

Царица (шатаясь, идетъ къ дивану). Какъ ты гадко шутишь, Георгій.

Принцъ Георгій (одно мгновѣнiе оробѣвъ). Ты права. Я этого не хотѣлъ, я хотѣлъ... Но спасибо тебѣ за хорошее мнѣнiе обо мнѣ.

Царица. Какое хорошее мнѣнiе?

Принцъ Георгій. Что я не способенъ пасть отъ раны сзади. Вѣдь ты только-что сказала это.

Царица. Нужно было сказать что-нибудь.

Принцъ Георгій. Значить, ты этого не думала?

Царица. Тебѣ нужно быть въ лагерѣ сегодня ночью, не такъ ли?

Принцъ Георгій (холодно). Я выслалъ впередъ своихъ спутниковъ, а самъ вернулся назадъ. Какъ я тебѣ обѣщалъ, я не поѣхалъ въ лагерь сегодня ночью.

Царица. Я тебя не просила. Хорошо, что Тарасъ въ лагерѣ.

Принцъ Георгій. Ты сама сторожишь плѣнника? Нельзя ли мнѣ хранить ключъ?

Царица. Я довѣряю его только царикѣ.

Принцъ Георгій. Ха-ха, но не мужу царицы?

Царица. Да, но не мужу царицы.

Принцъ Георгій. У мужа царицы невысокое положенiе въ твоемъ домѣ.

Царица (поднимаясь). Но онъ занималъ высокое положенiе, да, занималъ. Вышее мѣсто занималъ онъ у меня. Помнишь, въ Тифлисѣ? Тебя одного я выбрала изъ всѣхъ, и я гордилась этимъ выборомъ.

Принцъ Георгій. Все дѣло въ томъ, что я долженъ былъ стать отцомъ Георгія. И потомъ мнѣ не предстояло быть чѣмъ-либо инымъ.

Царица. Напротивъ, все дѣло было въ томъ, что ты былъ могучимъ властелиномъ для меня; вотъ въ чемъ было дѣло. Ты былъ единственный принцъ изъ всѣхъ, кого я видѣла. Когда ты возвращался домой, я шла тебѣ навстрѣчу съ музыкой и цвѣтами, а когда ты уѣзжалъ, то въ Тифлисѣ становилось темно и тихо. Точно великое небо со звѣздами исчезало въ морѣ.

Принцъ Георгій. Но этого больше нѣтъ?

Царица. Да, этого больше нѣтъ.

Принцъ Георгій. Хорошо, я не стану кланяться.

Царица. Вначалѣ твое сердце было какъ сердце ребенка, и мы бродили вмѣстѣ по городамъ и рынкамъ. Потомъ ты началъ новую жизнь.

Принцъ Георгій. Съ всѣми твоими дѣвушками?

Царица. Молчи. Я этому не вѣрю. Какъ тебѣ угодно, но я не беспокоюсь объ этомъ; чтѣ ты выдумалъ? Скажи мнѣ лучше, откуда у тебя было другое сердце вначалѣ? Ты бралъ много плѣнныхъ у врага и мало убивалъ. Теперь не то.

Принцъ Георгій (смотреть на нее). Тамара, не раздѣлить ли намъ всю вину въ этомъ пополамъ?

Царица. Раздѣлить? Нѣтъ. Развѣ по моему приказу у тебя появилась твоя кровожадность?

Принцъ Георгій. По приказу? Ты толкала и гнала меня къ ней, это и былъ твой приказъ... Ты улыбаешься, — я вижу, какъ ты стоишь и улыбаешься при лампѣ. Хорошо, царица, я тоже не плачу.

Царица. Ты усталъ отъ своихъ побѣдъ, вотъ откуда у тебя все это возбужденіе. Отдохни, ложись спать. Спокойной ночи, Георгій.

Принцъ Георгій. Спокойной ночи, Тамара. Я ничего не прошу у тебя.

Царица. Хорошо еще, что Тарасъ въ лагерѣ сегодня ночью. (Уходитъ за вторую занавѣску).

Принцъ Георгій (одинъ). Прежде всего хорошо, что я не поѣхалъ въ лагеръ сегодня ночью. (Уходитъ за первую занавѣску).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Подъ утро. Въ залѣ темно, входъ на заднемъ планѣ закрытъ, только маленькая лампада передъ иконою продолжаетъ горѣть. Быстро свѣтаетъ.

Изъ-за второй занавѣски входитъ Фатима съ желѣзнымъ фонаремъ въ рукѣ; она открываетъ окованную желѣзомъ дверь и исчезаетъ въ нее. Черезъ нѣсколько мгновеній она возвращается, въ сопровожденіи хана, снова запираетъ дверь и беретъ ключъ съ собой.

Фатима. Ты думаешь, плѣнники видѣли насъ?

Ханъ. Не знаю... Чего ты хочешь отъ меня?

Фатима. Хочу спасти тебя.

Ханъ. Спасти меня!

Фатима. Чтобы тебѣ снова можно было соединиться съ твоимъ народомъ. Ты началъ забывать его.

Ханъ. Я не забылъ своего народа, я думалъ о немъ. Смотри, я не смыкала глазъ и думалъ всю ночь.

Фатима. Разныя мысли долго не давали парицѣ заснуть, и я не могла прійти раньше. Теперь царица уснула, и я взяла ключъ. Иди сюда. (Направляется къ заднему плану направо).

Ханъ. Я долженъ бѣжать?

Фатима (возвращается). Да. Чтобы не жить больше здѣсь и не забывать истинной вѣры. Вчера ты забылъ часъ молитвы въ обществѣ царицы.

Ханъ. Правда.

Фатима. Я знаю дорогу, она идетъ подъ замкомъ и выходитъ въ горахъ. Поди сюда. (Открываетъ потайной выходъ въ глубинѣ направо).

Ханъ (продолжаетъ стоять). Я не хочу бѣжать.

Фатима (возвращается). Что ты говоришь?

Ханъ. Ты—подруга царицы?

Фатима. Да, и слуга пророка. А ты что? Неужели Христово ученіе уже заразило тебя?

Ханъ. Не знаю. Нѣтъ. Христово ученіе не заразило меня. Но я не хочу бѣжать.

Фатима (ломая руки). Аллахъ, онъ не хочетъ бѣжать, онъ не хочетъ бѣжать! (Подойдя къ нему вплотную) Развѣ сказать тебѣ всю правду, ханъ? Я дѣйствую согласно съ волей царицы.

Ханъ. Правда? И по ея приказанію?

Фатима. Да. Теперь ты бѣжишь?

Ханъ. Ты сказала, что царица спала, и что ты взяла у нея ключъ?

Фатима. Чтобы пощадить царицу, сказала я. Царица не

хочет помогать своимъ собственнымъ плѣнникамъ бѣжать, поэтому я такъ сказала. Она дала мнѣ ключъ и приказала: «выпусти его!»

Ханъ (слѣдуетъ за ней къ потайному выходу). Тогда другой разговоръ. (Останавливается) Но въ такомъ случаѣ я долженъ поблагодарить царицу.

Фатима. Свѣтаетъ, ханъ, уже почти совсѣмъ разсвѣло. Въ это мгновеніе прислуга въ замкѣ просыпается, она скоро явится и раскроетъ занавѣски. Тогда будетъ поздно.

(Ханъ задумывается).

Фатима. Я слышу шаги въ коридорахъ, слуги идутъ. Чего ты ждешь? Ты хочешь посрамить доброе сердце царицы?

Ханъ. Нѣтъ. (Идетъ къ потайному выходу и спускается на нѣсколько ступеней внизъ, такъ что видна только верхняя часть его тѣла) Царица сказала: выпусти его?

Фатима (вкладываетъ ему фонарь въ руку). Да. И отдала мнѣ ключъ.

Ханъ. Да будетъ такъ. Ахъ, царица хорошо знаетъ свою мощь, она знаетъ, что связала меня.

Фатима. Связала тебя? Ты знаешь, что царица — христианка?

Ханъ. Она оказала мнѣ много кроткаго участія.

Фатима. Царьца? Стыдись, грѣшникъ! Пристойна ли такая рѣчь Товинскому хану? Я молю Аллаха отвратить свой гнѣвъ отъ тебя.

Ханъ. Ты права, женщина. Я смиряюсь предъ Аллахомъ и не покину путей его.

Фатима. Истинно, ты не долженъ покидать путей Аллаха. Вернись къ своему народу, ханъ, и снова веди его на враговъ пророка. Ты знаешь горы?

Ханъ. Я знаю, куда укрылся мой народъ. •

Фатима. Гдѣ онъ?

Ханъ. На востокъ отъ Алагскихъ горъ.

Фатима. Если я могу помочь тебѣ въ чемъ-нибудь, я это сдѣлаю. У Алагскихъ горъ тебя встрѣтитъ гонецъ.

Ханъ. Да, черезъ нѣсколько дней. Можетъ-быть, намъ удастся вернуть назадъ мой замокъ, — тогда меня встрѣтитъ гонецъ. Я чувствую, что буду воевать съ огромными силами.

Фатима. Воистину.

Ханъ. Кланяйся же царьцѣ. Я помню, что ея голосъ былъ — какъ тысяча струнъ.

Фатима (прислушивается, быстро). Иди. Дорога выходитъ на пустынный обрывъ, гдѣ никто тебя не разыщетъ. Кромѣ того густой туманъ надъ всѣмъ Ани сегодня.

Ханъ. Поблагодари ее отъ меня.

(Фатима запираетъ за нимъ выходъ и покидаетъ залу черезъ вторую дверь съ занавѣской).

Принцъ Георгій (изъ-за первой занавѣски). Ты вернулся, монахъ? (Прислушивается) Кто тутъ разговаривалъ? (Прислушивается; подходитъ къ окованной желѣзомъ двери и стучитъ) Вы здѣсь, грузины?

(Внутри отвѣчаютъ).

(Приходитъ много слугъ и открываютъ занавѣски на заднемъ планѣ. Воздухъ бѣлѣетъ отъ тумана, и ничего не видно).

Принцъ Георгій. Монахъ вернулся?

Первый слуга. Монахъ у себя въ кельѣ.

Принцъ Георгій. Позови его.

(Первый слуга уходитъ).

Принцъ Георгій. Это вы здѣсь разговаривали недавно?

Второй слуга. Мы не разговаривали, господинъ.

Принцъ Георгій. Кто-то разговаривалъ. Царица была здѣсь?

Второй слуга. Царица? Мы ея не видѣли. Царица почиваетъ.

Принцъ Георгій. Вы не слышали, какъ царица разговаривала съ кѣмъ-то здѣсь?

Второй слуга. Нѣтъ, господинъ. Царица еще не вставала.

Принцъ Георгій. Тогда ходите потише въ коридорахъ, чтобъ не разбудить царицы. (Садится).

(Изъ-за второй занавѣски появляется священникъ).

Принцъ Георгій. Эй, вы тамъ, кончили?

Второй слуга. Кончили.

(Всѣ слуги уходятъ).

Принцъ Георгій. Ну?

Священникъ. Я только-что вернулся, ѣхалъ всю ночь. Никто не видѣлъ меня, горы скрывали меня, туманъ скрывалъ меня.

Принцъ Георгій. Видѣлъ Карсскаго хана?

Священникъ. Я стоялъ передъ Карскимъ ханомъ, и онъ выслушалъ меня.

Принцъ Георгій. Но меня-то онъ выслушалъ?

Священникъ. Онъ выслушалъ тебя.

Принцъ Георгій (встаетъ). Выслушалъ?

Священникъ. Онъ посылаетъ тебѣ благодарность и привѣтъ за твое письмо. Потомъ онъ пришлетъ тебѣ богатые подарки.

Принцъ Георгій. Монахъ, ты оказалъ мнѣ важную услугу.

Священникъ. Я, пожалуй, не оказалъ бы тебѣ этой услуги, если бъ царица не унизила и не оскорбила меня вчера. Я подслушивалъ у бани, сказала она.

Принцъ Георгій. Не одного тебя царица оскорбила. А меня по оскорбила?

Священникъ. Она сказала это такъ громко, что всѣ слышали, даже игумень слышаль.

Принцъ Георгій. Но мы всѣ — слуги царицы, хотя бы она и оскорбляла насъ, помни.

Священникъ. Всѣ мы—слуги царицы? Сегодня ночью я былъ твоимъ слугой.

Принцъ Георгій. Ты долженъ отзываться хорошо о царицѣ. Всѣхъ, кромѣ меня, она оскорбляетъ лишь неволью.

Священникъ. Теперь я остался одинъ со своей обидой, принцъ Георгій? Царица поманила тебя?

Принцъ Георгій. Царица меня не манила. Да я бы и не послушался и не пошелъ къ ней. Я твердъ въ своемъ планѣ. Чтѣ ты обѣщалъ Карсскому хану?

Священникъ. Все, чтѣ ты сказалъ и чтѣ было въ твоимъ письмѣ. «Спи спокойно до полуночи,—сказаль я:—тогда явится принцъ Георгій и поведетъ твое войско на лагерь царицы и вырѣжетъ его». Ханъ отвѣтилъ: «да будетъ такъ».

Принцъ Георгій. О чемъ еще была рѣчь?

Священникъ. Когда ханъ прочелъ, что царица не жалуется тебя, онъ спросилъ: «неужели мужъ царицы такъ бѣденъ, что у него нѣтъ гарема?» Я отвѣтилъ: «принцъ Георгій не язычникъ».

Зайдата (изъ-за второй занавѣски). Царица идетъ. (Исчезаетъ).

Принцъ Георгій. Царица? Уже? Она очень встревожена и не спитъ. Видно, Товинскій ханъ заставилъ ее хорошенько призадуматься вчера. Ахъ, завтра я заставлю ее еще больше призадуматься; склонившись, склонившись, будетъ стоять царица. Но, монахъ, я не стану огорчать ее.

Священникъ. Ты долженъ наказать ее.

Принцъ Георгій. Въ мѣру. Медленно. Много красоты въ ея глазахъ, когда она испугана. Но потомъ я брошу царство къ ся ногамъ и подниму ее.

Священникъ. Но не сейчасъ же? Не сразу?

Принцъ Георгій. Да, почти сразу. Въ тотъ же мигъ. Потому что въ ея глазахъ еще больше красоты, когда она радостна... Монахъ, чтѣ еще сказалъ Карсскай ханъ, и показался ли онъ тебѣ великимъ и могучимъ? (Встаеть) Пойдемъ отсюда, и разскажи мнѣ все.

Священникъ. Передо мной стояли два ряда копьеносцевъ, пока я разговариваль съ нимъ.

(Принцъ Георгій и священникъ уходятъ черезъ задній планъ).
(Входитъ царица, безъ покрывала, въ великолѣпномъ платьѣ со

множествомъ украшеній вдоль нарукавниковъ; въ рукъ у нея ключъ отъ желѣзной двери. За нею идутъ Фатима и нѣсколько дѣвушекъ).

Царица. Позови игумена... Видишь, Фатима, день уже широко раскинулся надъ міромъ, почему же мнѣ было не вставать?

Фатима. Ты поздно уснула, царица, и безпокойно спала изъ-за множества думъ.

Царица. Но я все время спала хорошо, пока спала... Не понимаю, зачѣмъ именно сегодня появился такой густой туманъ надъ Анн. Я была бы рада, если бъ былъ солнечный день сегодня; но я все равно рада... Можете уйти... Нѣтъ, только не ты, Фатима; останься здѣсь на минутку.

(Всѣ дѣвушки уходятъ).

Царица. Сегодня царица сдѣлаетъ одно дѣло, которое обрадуетъ тебя. Я это придумала ночью.

Фатима. Да благословить тебя Аллахъ!

Царица. Да, и твой Аллахъ благословить меня. Я жду игумена, чтобы выслушать его мнѣніе. Ты слышала, какъ я смѣялась сквозь сонъ? У меня былъ свѣтлый сонъ и ни тѣни скорби.

Фатима. У тебя свѣжій цвѣтъ лица сегодня, хотя твой сонъ былъ такъ кратокъ.

Царица. Свѣжій цвѣтъ лица? Впредь я хочу носить маленькое зеркальце въ карманѣ, чтобъ можно было пользоваться имъ. Ты говоришь, что у меня свѣжій цвѣтъ лица?

Фатима. Ты вся сіяешь. Точно тебя осѣнила радость и сдѣлала тебя счастливой.

Царица. Фатима, о тебѣ я тоже подумаю и возвышу тебя, тебѣ больше не придется печалиться. Я ничего не говорила ночью?

Фатима. Нѣтъ.

Царица. У меня больше не было заботъ, какъ много лѣтъ тому назадъ въ Тифлисѣ.

Фатима. Ты спала, закрывъ лицо рукою.

Царица. Потому что мнѣ хотѣлось какъ бы остаться одной. Игумень (на заднемъ планѣ). Ты зовешь меня такъ рано, царица, — что-нибудь случилось?

(Фатима уходитъ).

Царица. Нѣтъ, ничего не случилось. Царица счастлива сегодня. Поди сюда.

(Они садятся).

Царица. Честной отецъ, мы ведемъ войну съ товинцами. Но у нихъ не стало начальника, мы держимъ ихъ поведителя въ плѣну, здѣсь въ замкѣ.

Игумень. Вѣрно. Господь щедро помогъ тебѣ.

Царица. Съ нашей стороны довольно гадко, что мы воюемъ съ войскомъ, лишеннымъ начальника. Я думала объ этомъ сегодня ночью.

Игумень. Гадко? Чтò ты хочешь сказать?

Царица. Что я хочу освободить Товинскаго хана.

Игумень. Да, за подобающей выкупъ?

Царица. Нѣтъ, безъ всякаго выкупа. Я хочу отпустить его, чтобъ ему можно было вернуться къ своему народу.

Игумень. Ты этого не сдѣлаешь.

Царица. Я это сдѣлаю, честной отецъ.

Игумень. Почему? Можеть-быть, тобою руководить тайная мысль, которой ты не хочешь открыть, дитя мое?

Царица. Въ самомъ дѣлѣ? Вся суть въ томъ, что я возвращаю хану свободу.

Игумень. Вся суть въ твоёмъ побужденіи.

Царица. Честной отецъ, ты старъ, а я молода, мои глаза смотреть иначе, чѣмъ твои. Я вижу, что если я верну хану свободу, то это сильнѣе подѣйствуетъ на товинцевъ, чѣмъ кровь и мечъ.

Игумень. Они просто будутъ благодарить Аллаха за чудесное спасеніе хана, вотъ и все.

Царица. Пожалуй, и не все. Они будутъ удивляться крѣпости христіанской царицы, и имъ уже нетрудно будетъ признать ея державу. Такъ смотрятъ мои глаза. Самъ калифъ узнаетъ объ этомъ когда-нибудь.

Игумень. Служители креста еще никогда не воевали такъ.

Царица. На этотъ разъ я хочу воевать такъ. Я призвала тебя, чтобъ сообщить тебѣ мое рѣшеніе. Таково мое рѣшеніе.

Игумень (встаетъ). Зачѣмъ же ты призываешь меня, дитя, чтобъ я выслушивалъ твои ночныя мысли?

Царица. Принцъ Георгій вернулся, ему я тоже хочу сообщить мое рѣшеніе.

Игумень. И принцъ Георгій посовѣтуетъ тебѣ не дѣлать этого.

Царица. Ты не долженъ быть увѣренъ въ этомъ. Принцъ Георгій—странный господинъ, раньше онъ былъ другой. Теперь у него, пожалуй, окажется прежнее сердце, и онъ одобритъ мой поступокъ. Дай хану добраго коня для поѣздки домой, скажетъ онъ.

Игумень (задумывается надъ этимъ). Да будетъ такъ. (Уходитъ; оборачивается) Ты еще воюешь съ Карскимъ ханомъ, ты и его намѣрена пощадить?

Царица (задумывается). Нѣтъ.

Игумень. А молодого язычника, котораго ты видѣла вчера, ты хочешь пощадить. Что ты скрываешь отъ меня?

Царица. Ничего не скрываю. Я возвращаю хану свободу.

Игумень. Значить, у него былъ слишкомъ привѣтливый взглядъ.

Царица. Не знаю. Да, быть-можетъ, его взглядъ. Мое сердце стремилось къ нему, онъ былъ такъ сирѣ. И у нихъ нѣтъ другого хана въ Товинѣ.

Игумень. Еще бы, твое сердце стремилось къ нему. Ты не должна говорить такъ.

Царица. Да, да, мое сердце стремилось къ нему. И я думаю, что то же было и съ нимъ.

Игумень. Довольно, женщина. Ты лежала съ дурными мыслями въ эту ночь.

Царица. Съ дурными мыслями? Нѣтъ, нѣтъ, со свѣтлыми мыслями и съ лучшими мыслями, чѣмъ у тебя сейчасъ. Ты забываешься, игумень.

Игумень. Я не забываюсь, ты—царица. Заблудшая царица Грузіи.

Царица (встаетъ, овладѣваетъ собой). Ты мнѣ не судья.

Игумень. Я—смиранный служитель Христа въ твоемъ домѣ.

Царица. Впредь ты свободенъ отъ службы въ моемъ домѣ.

Игумень. Именемъ Христа. Ты все можешь сдѣлать со мною.

Царица. Я назначаю священника принца Георгія игуменомъ вмѣсто тебя.

Игумень. Да будетъ такъ. Я снова — монахъ среди монаховъ. Да благословитъ Господь всякое твое дѣяніе, даже это дѣяніе. Аминь. (Уходитъ въ глубину).

Царица (смотритъ ему вслѣдъ, бросается на диванъ, встаетъ). Я скажу это Георгію. (Идетъ къ первой занавѣскѣ, раздумываетъ и поворачиваетъ) Да, да, все. (Идетъ къ первой занавѣскѣ и зоветъ) Георгій!

Первый слуга (входитъ). Принцъ Георгій ушелъ.

Царица. Позови его.

(Первый слуга уходитъ).

Царица (озирается кругомъ). Никого, пусто. Я выпущу его сюда. Я такъ и сдѣлаю. А принцу Георгію я могу и послѣ сообщить. (Приводитъ въ порядокъ свое платье, приподнимаетъ юбку, разсматриваетъ свои ноги, открываетъ желѣзную дверь и зоветъ) Грузины, подите сюда.

(Слышенъ звонъ кандаловъ; двое плѣнныхъ стоятъ въ дверяхъ, много спустя бросаются на землю).

Царица. Позовите хана сюда. Этого человѣка въ черномъ, что вы видѣли.

Первый плѣнникъ. Хана? Его тамъ нѣтъ.

Царица. Въ дальней кельѣ?

Второй плѣнникъ. Онъ ушелъ, царица. Мы видѣли, какъ онъ уходилъ.

Царица. Чтò ты говоришь? Позови хана.

Второй плѣнникъ. Онъ ушелъ, царица. Тамъ его нѣтъ. Какая-то женщина приходила за нимъ.

Царица. Женщина? Когда это было?

Второй плѣнникъ. Недавно. Это было еще до разсвѣта.

Первый плѣнникъ. У нея былъ фонарь. Мы оба видѣли, какъ они ушли.

Царица. Вы спали, грузины. Посмотрите, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь?

(Плѣнные уходятъ).

Царица. Ушелъ? Невозможно. (Улыбается) Они думали, что царица открыла ему дверь... Неужели онъ бѣжалъ? (Кричитъ) Ну, чтò, видите?

(Слышно, какъ плѣнные отвѣчаютъ).

Плѣнники (возвращаются назадъ и становятся на колѣни одинъ за другимъ). Нѣтъ.

Второй плѣнникъ. Нѣтъ, за нимъ приходила какая-то женщина, царица.

Царица. Женщина? Не я ли?

Второй плѣнникъ. Нѣтъ, женщина съ длиннымъ покрываломъ.

Царица (съ жаромъ). Фатима!

Первый плѣнникъ. У нея былъ фонарь. Это было совсѣмъ недавно.

Царица (идетъ ко второй занавѣскѣ, кричитъ). Фатима! (Въ волненіи бродитъ кругомъ; къ плѣннымъ) Она была съ фонаремъ? Она явилась къ нему, и они вышли вмѣстѣ?

Плѣнники (одинъ за другимъ). Такъ точно.

(Входитъ Фатима).

Царица. Она?

Плѣнники (одинъ за другимъ). Да, она.

Царица. Можете уходить.

(Плѣнники уходятъ).

(Царица запираетъ за ними дверь, поворачивается къ Фатимѣ и долго смотритъ на нее).

Царица. Долой покрывало, Фатима.

(Фатима снимаетъ покрывало).

Царица. Сегодня ночью ты выпустила Товинскаго хана?

Фатима (поникнувъ). Да, царица.

Царица. Тебѣ стыдно, ты опускаешь глаза въ землю. Ты царица еще больше стыдиться.

Фатима. Нѣтъ, царица.

Царица. Нѣтъ? А знаешь, что отнынѣ ты подлежишь моему суду или моей милости,—знаешь?

Фатима. Знаю. Ты можешь сдѣлать со мною все.

Царица (бросается на диванъ). Зачѣмъ ты это сдѣлала, Фатима? Ты платишь зломъ за мою дружбу.

(Фатима молчитъ).

Царица. Ты хотѣла посрамить моего Бога и побѣдить его, твой пророкъ долженъ былъ оказаться сильнѣе моего.

Фатима. Да, ханъ начиналъ забывать истинную вѣру и твоимъ обществомъ, потому что ты была ласкова съ нимъ.

Царица. Что ханъ сказалъ? Куда ты увела его?

Фатима. Я увела его вотъ этой дорожкой.

Царица (всплескиваетъ руками). Подземнымъ ходомъ? Ты хорошо выслѣживала въ моемъ домѣ.

Фатима. Благодаря этому я стала орудиемъ спасенія хана.

Царица. Молчи. Ты позорно вела себя. Я увѣрена, что хану не хотѣлось уходить. Что ханъ сказалъ?

Фатима. Я не вела себя позорно. Самъ пророкъ напалъ на караванъ въ священный мѣсяцъ и не пощадилъ ничьей жизни.

Царица. Твой пророкъ долженъ стыдиться.

Фатима (пылая). Да поразить тебя Аллахъ за твои слова!.. Что сказалъ ханъ? Ты думаешь, ханъ бѣжалъ неохотно? Ханъ — правовѣрный, онъ благословилъ меня за великую побѣду надъ твоимъ Богомъ.

Царица. Онъ этого не сдѣлалъ... Ты возбуждена, Фатима, мнѣ жаль тебя.

Фатима (тронутая, падаетъ ницъ). Прощенія, царица!

Царица. Съ этого тебѣ слѣдовало начинать. Садись.

(Фатима садится).

Царица. Нѣтъ, не здѣсь, не возлѣ меня. Туда.

(Фатима мѣняетъ мѣсто).

Царица. Знаешь, что ты разстроила мои планы на миръ съ товинцами?

Фатима. Нѣтъ.

Царица. Если бъ я сама вернула хану сегодня свободу, то онъ и его народъ приняли бы мой скипетръ и мою вѣру.

Фатима. Тогда лучше, что я выпустила его и призывала къ дальнѣйшей войнѣ съ тобою.

Царица. Ты это сдѣлала?

Фатима. Да.

Царица. Тогда — берегись.

Фатима. Чего? Ты покорила мою страну и увела меня на

чужбину, и теперь рѣчь идетъ о моей жизни? Возьми ее. Я не боюсь тебя. Среди моего народа въ Эрзерумѣ была старинная поговорка: послѣдній день здѣсь — первый день въ вѣчности.

Царица. Ты все еще возбуждена послѣ твоего вѣроломнаго поступка, я буду имѣть это въ виду.

Фатима. Я не поступала вѣроломно.

Царица. Очень вѣроломно. И ханъ—несчастное созданье, съ которымъ я поступила слишкомъ кротко. Вчера онъ не хотѣлъ бѣжать, онъ сказалъ: «я не убѣгу». Но онъ бѣжалъ ночью. Его молодая душа была полна лжи. Вы всѣ таковы, магометане.

Фатима (встаетъ). Въ священной войнѣ мы ни съ чѣмъ не считаемся и ничего не боимся. Таковы ужъ мы, магометане. (Принцъ Георгій и священникъ входятъ изъ глубины, Фатима спускаетъ покрывало).

Принцъ Георгій. Ты звала меня?

Царица. Сегодня ночью Фатима освободила Товинскаго хана.

Принцъ Георгій (подавшись впередъ). Освободила хана? Фатима?

Священникъ (съ любопытствомъ, подойдя ближе). Любопытно послушать!

Царица. Пока я спала сегодня ночью. Она взяла ключъ у моей постели и освободила его.

Принцъ Георгій. Я же говорилъ, ключъ долженъ былъ храниться у меня.

Священникъ. Величайшая новость, какую мнѣ приводилось слышать.

Принцъ Георгій. Пожалуй, мы можемъ нагнать его. Какой дорогой онъ ушелъ?

Фатима. Вотъ этой (показываетъ).

Царица. Подземнымъ ходомъ, Георгій. Она знаетъ его.

Священникъ. Простите, я не могу молчать. Фатима вошла къ нему?

Царица. Да, съ фонаремъ.

Священникъ. И долго ли она тамъ оставалась?

Царица. Какъ?

Священникъ. Весьма немаловажно знать, сколько времени она тамъ пробыла.

Принцъ Георгій. Необходимо догнать его. Не будь тумана, мы сейчасъ же нашли бы его... Зачѣмъ Фатима сидитъ у тебя?

Царица. Фатима? Не знаю. Объ этомъ я не подумала.

Принцъ Георгій. У тебя двое турокъ въ замкѣ, царица. У нихъ имѣются шелковыя веревочки.

(Принцъ Георгій, въ сопровожденіи священника, спѣшитъ къ выходу. Фатима откидываетъ покрывало).

(Георгій и Рузуданъ появляются изъ-за второй занавѣски. Одинъ за другимъ они говорятъ: „Доброе утро!“, обнимаютъ и цѣлуютъ мать, потомъ идутъ къ Фатимѣ и обнимаютъ ее).

Царица. Только не ее. Только не Фатиму. Одну меня вы должны цѣловать.

Дѣти (одинъ за другимъ). И Фатиму. (Цѣлуютъ ее).

Фатима. Да благословить васъ Аллахъ.

Царица. Зачѣмъ вы это дѣлаете, дѣти? Вы любите Фатиму?

Дѣти (одинъ за другимъ). Да.

Царица (задумывается надъ этимъ; встаетъ). Ради дѣтей, Фатима, я прощаю тебя. (Уходитъ за вторую занавѣску).

Фатима. Спасибо, царица. (Спѣшитъ за нею).

Георгій. Сегодня мы будемъ здѣсь играть. Ты должна искать меня. (Прячется).

Рузуданъ (сначала отвернулась, потомъ начинаетъ искать). Ты здѣсь?

(Оба выходятъ).

(Товинскій ханъ появляется изъ глубины, оглядывается назадъ и озирается кругомъ, быстро привѣтствуетъ, приложивъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу).

Ханъ. Не бойтесь, дѣти. Гдѣ ваша мать? Подите и скажите ей. Нѣтъ, не уходите, давайте играть. Быть-можетъ, она придетъ сама. Быть-можетъ, она услышитъ насъ и придетъ. Мы играли вчера, не бойтесь, дѣти. (Прислушивается, растерянно смотреть въ глубину) Скажите вашей матери, что ханъ вернулся. Теперь я спрячусь, но вы не должны искать меня. Милыя дѣти, теперь вы не должны искать меня. Скажите царицѣ... (Убѣгаетъ. Толпа солдатъ съ копьями появляется въ глубинѣ, они останавливаются у входа, и только двое идутъ впередъ, осматривая всѣ углы).

Первый солдатъ. Сюда не входилъ какой-то человѣкъ?

(Дѣти таинственно молчатъ).

Первый солдатъ. Человѣкъ въ черномъ?

(Дѣти молчатъ).

Второй солдатъ. Мы не смѣемъ искать.

Первый солдатъ. Нѣтъ, здѣсь мы не смѣемъ искать здѣсь.

(Оба солдата отходятъ назадъ).

Георгій (указываетъ, въ сопровожденіи Рузуданъ). Они совсѣмъ не умѣютъ искать. Вѣдь вотъ же онъ.

(Нѣсколько солдатъ выходятъ впередъ и смотрятъ, всѣ бросаются впередъ, за колоннами слышенъ звонъ мечей и копій, потомъ одинокій крикъ).

Георгій и Рузуданъ (одинъ за другимъ кричатъ). Мама! (Убѣгаютъ за вторую занавѣску).

Первый солдатъ. Онъ больше не дышитъ.

Второй солдатъ. Какъ ему дышать, разъ въ немъ сидитъ десять копій?

Первый солдатъ. Онъ славно дрался. Кто-нибудь раненъ?
Голосъ. Многіе изъ насъ ранены. Смотри.

(Всѣ отступаютъ въ глубину. Много копій въ крови).

(Быстро входятъ царица и Фатима; солдаты салютуютъ копьями).

Царица. Что я слышу—вы здѣсь народъ убиваете?

Первый солдатъ (выходитъ впередъ, падаетъ на колѣни). Намъ принцъ Георгій приказалъ.

Царица (смотреть, кричить). Это—ханъ?

Фатима (въ свою очередь). Ханъ!

Царица. Откуда онъ пришелъ? Иисусе Христе!

Первый солдатъ. Мы не знаемъ, откуда онъ пришелъ. Мы видѣли, какъ онъ вошелъ сюда, и пошли за нимъ.

Царица. Что ему было нужно здѣсь?.. Фатима, это—ханъ.

Фатима (окаменѣвъ). Вижу.

Царица. Онъ уже совсѣмъ не дышитъ? Попробуйте поднять его.

Первый солдатъ. Онъ больше не дышитъ. Въ немъ десять копій.

Царица. Что вы сдѣлали, солдаты, что вы сдѣлали!

Первый солдатъ. Намъ принцъ Георгій приказалъ.

Царица. Уходите, уходите. Разыщите принца Георгія и скажите ему, что ханъ умеръ.

(Всѣ солдаты уходятъ).

Царица. Непредвидѣнное обстоятельство. Вчера я даровала ему жизнь. Какъ ты думаешь, зачѣмъ онъ вернулся?

(Фатима откидываетъ покрывало; молчить).

Царица. Я тутъ не виновата... Ты не отвѣчаешь, Фатима.

Фатима. Нѣтъ, я не отвѣчаю.

Царица. Глаза у него открыты, я закрою.

Фатима (быстро). Позволь мнѣ. (Закрываетъ хану глаза).

Царица. Я велю пышно убрать цвѣтами его келью и положить его туда въ ожиданіи дальнѣйшаго,—можно? Какое несчастье, Фатима!

Фатима. Ты была болѣе огорчена бѣгствомъ хана, чѣмъ его смертью, неужели это возможно?

Царица. Молчи. Мнѣ горестно, что онъ умеръ.

Фатима. Но не чувствуешь ли ты нѣкоторой радости при этомъ? Прости меня!

Царица. Радости?

Фатима. Что ханъ вернулся ради тебя, такъ какъ ты свѣтала его.

Царица. Да, почему онъ вернулся? Быть-можетъ, ради меня. Вѣдь не ради тебя, конечно?

Фатима. Да, въ тысячу разъ скорѣе ради меня. Ханъ былъ правовѣрный; твои красота на него не вліяла.

Царица (рѣзко). Ты не знаешь, Фатима. Ради тебя онъ не могъ вернуться, вѣдь ты не любила его.

Фатима. Чтѣ ты говоришь?

Царица. Нѣтъ, ты не любила его, Я, конечно, тоже не любила его, но ты не чувствовала его великаго сиротства и его великой красоты, а я чувствовала. Онъ что-то сдѣлалъ со мной.

Фатима (невольнo). Ты не такъ грѣшна, чтобы думать это

Царица. Почему я не должна думать? Послѣ многихъ лѣтъ онъ снова внесъ немного радости въ мое сердце и сдѣлалъ меня снова молодой. Послушай, чтѣ я сдѣлала для него въ эту ночь: я молилась за него Аллаху, чтобы онъ побѣдилъ моего собственнаго Бога. Я бранила твоего пророка, что онъ не былъ милостивъ къ нему всѣ дни его, но превратилъ его въ плѣнника. Сегодня я надѣла красивыя и пышныя платья, чтобы встрѣтить его, и хотѣла остаться безъ покрывала.

Фатима. Нѣтъ, ты была бы съ покрываломъ.

Царица. Нѣтъ. Я и вчера снимала покрывало, онъ видѣлъ меня безъ покрывала и сказалъ: «какая прекрасная царица у грузинъ!». Мы стояли вонъ тамъ, когда онъ сказалъ это. Онъ еще сказалъ, что я бросала звѣзды въ него. Да благословить его Господь за добрыя слова! Я больше ни въ кого не бросала звѣздъ, а въ него бросала. А чтѣ онъ сказалъ тебѣ? Ему стало стыдно за тебя, что ты измѣнила царицѣ и убѣждала его бѣжать. Онъ потому, конечно, и вернулся, что я не была вѣроломна. Онъ видѣлъ, что моя вѣра лучше твоей.

Фатима (съ пыломъ). Она не лучше. Ханъ былъ правовѣрный. Своими словами и своимъ поведеніемъ ты не побѣдила его.

Царица. Чтѣ ты знаешь объ этомъ? Онъ тебѣ самъ сказалъ?

Фатима. Да.

Царица. Тогда ты не поняла его. Ты его не любила и не могла понять его словъ.

Фатима. Я любила его.

Царица. Ты?

Фатима. Разъ ты хочешь знать. И онъ хотѣлъ цѣловать мои ноги въ кельѣ.

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не хотѣлъ.

Фатима. И онъ хотѣлъ, чтобы я бѣжала вмѣстѣ. «Пойдемъ, бѣги со мной!» — сказалъ онъ.

Царица. Онъ этого не говорилъ.

Фатима. Ханъ былъ правовѣрный, онъ далъ мнѣ знать, чтобы я пришла и освободила его изъ христіанской тюрьмы. И вотъ я пошла къ нему, потому что любила его. Тебѣ досадно, царица, что онъ не тебѣ далъ знать, а мнѣ.

Царица (ломая руки). Говорю, онъ ничего не давалъ тебѣ знать. Я не стану убирать его кельи цвѣтами, пусть онъ лежить здѣсь на землѣ, несчастный.

Фатима. Развѣ онъ могъ обращаться къ тебѣ, къ замужней царицѣ христіанской земли? Нѣтъ. И вотъ онъ вернулся ко мнѣ, чтобы бѣжать со мною.

Царица. Несчастный! Вчера онъ мнѣ сказалъ, что я имѣю власть надъ нимъ, и что мы были въ кустѣ мандрагора. Вѣроломный! Всѣ вы, мусульмане, вѣроломны, и вашъ пророкъ былъ вѣроломонъ.

Фатима. Говори, что хочешь, но ты не смѣешь говорить что-либо о пророкѣ.

Царица. Твой пророкъ нападалъ на караванъ въ священ- ный мѣсяцъ! Я бы приказала повѣсить его, будь онъ еще живъ.

Фатима. Да поразить Аллахъ твой языкъ за такія рѣчи и да заставитъ твой языкъ отсохнуть!

Царица. Я брошу трупъ хана въ погребъ и оставлю его лежать тамъ.

Фатима. Товинцы придутъ и возьмутъ трупъ.

Царица. Возьмутъ? Ты думаешь, я выдамъ его?

Фатима (съ невольной мольбой). Да, царица, ты это сдѣлаешь. Они много дадутъ за него.

Царица. Я не продамъ его. Я вырою могилу и положу въ нее трупъ. Онъ будетъ стоять на головѣ. И я велю читать длинныя христіанскія молитвы надъ нимъ.

Фатима (сжимаетъ руки). Тогда берегись, царица Тамара. Ханъ убитъ въ твоемъ домѣ, — а въ Товинѣ кровавая мечь.

(Принцъ Георгій и священникъ входятъ изъ глубины, въ сопровожденіи солдатъ. Фатима опускаетъ покрывало).

Царица. Кровавая мечь? Принцъ Георгій, эта женщина дерзаетъ грозить мнѣ, — что мнѣ сдѣлать съ ней?

Принцъ Георгій. У тебя въ замкѣ двое турокъ, развѣ я тебѣ не говорилъ?

Царица (указывая на вторую занавѣску). Ступай.

(Фатима уходитъ).

(Священникъ осматриваетъ всѣ углы, пока не находитъ трупа).

Царица. Халъ умеръ.

Принцъ Георгій. Солдаты уже докладывали мнѣ.

Священникъ. Онъ лежитъ здѣсь, разинувъ ротъ. Ротъ у него раскрытъ.

Царица. Онъ, конечно, хотѣлъ произнести новое вѣроломное слово... Отнесите трупъ въ подземелье, солдаты, и положите его въ гробъ. У гроба должна стоять стража.

Принцъ Георгій. Почему?

Царица. Потому что я не хочу выдавать трупа товницамъ. Такъ сказала царица.

(Солдаты уносятъ трупъ въ глубину).

Царица. Царица была слишкомъ мягка, конечно.

Принцъ Георгій. Вѣдь я все время говорилъ.

Царица. Мнѣ грозятъ въ моемъ собственномъ домѣ, попробовали бы сдѣлать это у калифа. Даже игумень хочетъ преспираться со мной.

Священникъ. Игумень? Неужели игумень?..

Царица. Молчи. Игумень больше не игумень, опъ снова — монахъ.

Священникъ (всплескиваетъ руками). Слова монахъ!

Царица. Какъ подвигается война съ Карскимъ ханомъ, принцъ Георгій?

Принцъ Георгій. Я собираюсь въ лагерь сегодня ночью.

Царица. Давно бы такъ.

Принцъ Георгій. Еще не поздно.

Царица. А потому — поменьше плѣнныхъ да побольше убитыхъ... Чтò ты смотришь на меня? Ты слышалъ, чтò я сказала?

Принцъ Георгій. Слышалъ.

Царица. По своей кротости я была глупа и слѣпа... Тамъ двое плѣнниковъ.

Принцъ Георгій. Да, два грузина.

Царица. Повѣситъ ихъ.

Принцъ Георгій. Повѣситъ? Ты же даровала имъ жизнь?

Царица. Повѣситъ. Дай имъ одинъ день и одну ночь, чтобъ они приготвилились.

(Слышенъ барабанъ).

Царица. Я слышу барабанъ. Кто идетъ?

(Священникъ спѣшитъ въ глубину и смотритъ наружу).

Принцъ Георгій. Если ты не выдашь трупа хана, товницы будутъ мстить. Фатима права.

Царица. Фатима ни въ чемъ не права. Я достаточно сильна, чтобы раздавить товницевъ.

Священникъ (возвращается). Люди изъ твоего лагеря, царица. (Возвращается въ глубину).

Царица. Съ барабаномъ. Значитъ, Тарасъ далъ сраженіе и побѣдилъ.

Принцъ Георгій. Тарасъ не давалъ сраженія. Я ему не приказывалъ.

Царица. Тогда онъ дѣйствовалъ безъ твоего приказанія. Ты всегда шелъ впереди всѣхъ, а теперь опоздалъ. (Идетъ ко второй занавѣскѣ) Мецеду, зови писцовъ.

Принцъ Георгій (растерянно). Да, разъ онъ вступилъ въ битву, то я опоздалъ. (Падаетъ на сидѣнье).

Священникъ (возвращается). Гетманъ съ десятию солдатами. (Барабанъ умолкаетъ).

(Царица поднимается на возвышеніе и садится. Въ глубинѣ появляется гетманъ съ солдатами и останавливается у входа).

Царица (киваетъ). Привѣтъ вамъ, воины! Хорошія вѣсти?

Гетманъ (приближается). Да, вѣсти хорошія.

(Входятъ два писца, одинъ изъ которыхъ—одѣтый монахомъ игумень. Они располагаются со своими письменными принадлежностями у ногъ царицы).

Царица. Покажи мнѣ свое лицо, монахъ. (Игумень смотритъ вверхъ). Это—ты? Почему же?.. Хорошо, какъ хочешь.

Священникъ (всплескиваетъ руками). Игумень!

Царица. Твое дѣло, гетманъ.

Гетманъ. Сегодня ночью твои воины пожелали почтить тебя послѣ новой побѣды. Они провозгласили тебя—царемъ.

Царица (встаетъ). Царемъ? Ты слышишь, принцъ Георгій, царемъ!

Принцъ Георгій (встаетъ). Слышу. Это сдѣлалъ Тарасъ.

Гетманъ. Все войско сдѣлало.

Принцъ Георгій. Но Тарасъ придумалъ это. Онъ боялся, какъ бы другой не сталъ царемъ, вотъ онъ и рѣшилъ предупредить его.

Царица. Ты шутики шутишь, принцъ Георгій, и не радуешься моей чести.

Принцъ Георгій. Радуюсь. Только я не знаю, чѣмъ я самъ теперь сталъ.

Царица. Ты самъ?

Принцъ Георгій. Раньше я былъ мужемъ царицы, теперь я, конечно,—жена царя.

Гетманъ. Да здравствуетъ царь, товарищи!

(Крики „ура“ и барабанъ).

Царица. Это долженъ слышать мой сынъ. Онъ будетъ царемъ послѣ меня.

(Священникъ быстро уходитъ за вторую занавѣску).

Царица. Передай всему войску мою благодарность, гетманъ. Всю свою жизнь я буду гордиться честью, которую вы мнѣ оказали. (Садится).

Гетманъ. Потомъ я имѣю сообщить, что сегодня ночью мы одержали побѣду надъ Карскимъ ханомъ.

Принцъ Георгій. Надъ Карскимъ ханомъ! (Опускается въ кресло).

Царица. Да, тебя тамъ не было, принцъ Георгій. Я пови-маю твое волненіе.

Гетманъ. И самъ ханъ палъ.

Царица. Гетманъ, воистину ты приносишь мнѣ благія вѣсти. Вы разбили его войско?

Гетманъ. Мы разбили его войско. Карсъ взятъ.

Царица. Ты слышишь, принцъ Георгій?

Принцъ Георгій. Слышу. Для меня все потеряно.

Гетманъ. Теперь нашъ лагерь въ Карсѣ.

Царица. Въ самомъ Карсѣ. Въ самой столицѣ врага. Спрячься, принцъ Георгій, подальше спрячься!

Принцъ Георгій. Довольно! Довольно!

Священникъ (входитъ). Георгія нигдѣ нѣтъ, царица!

Царица. Впредь ты долженъ называть меня царемъ, я провозглашена царемъ... Георгія нѣтъ?

Священникъ. Онъ ушелъ.

Мецеду (входитъ). Георгій ушелъ съ Фатимой.

Царица. Съ Фатимой?

Первый слуга (входитъ). Я видѣлъ, какъ они ушли. Они очень сѣдшии, они скоро исчезли въ туманѣ.

Царица. Съ Фатимой! Рузуданъ тоже ушла?

Первый слуга. Нѣтъ, они были одни.

Замдата (приводитъ Рузуданъ). Рузуданъ здѣсь.

Рузуданъ. Я здѣсь.

Царица (встаетъ). А Георгій ушелъ. Она взяла его съ собою и ушла. Куда они ушли?

Первый слуга. Въ горы. Взявшись за руки, они ушли въ горы, царица.

Священникъ (слугѣ). Впредь ты долженъ величать царицу царемъ, она—царь.

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, все равно. Георгій будетъ царемъ. Но Георгій ушелъ въ горы съ Фатимой. Ты думаешь, они просто ушли немного погулять, Мецеду?

(Входитъ все больше и больше слугъ и дѣвушекъ).

Рузуданъ. Георгій ушелъ?

Царица. Молчи, Рузуданъ, Георгій ушелъ погулять, немного погулять.

Священникъ. Какъ бы Фатима не увела его къ...

Царица. Къ кому?

Священникъ. Къ товинцамъ. Она сама сказала, у нихъ кровавая мечь.

Царица (вскрикиваетъ). Нѣтъ, нѣтъ, монахъ, молчи. Уходи.

Священникъ. Прошу прощенія, царь!

(Принцъ Георгій прислушивается, вскакиваетъ)

Царица. Гетманъ, ты же можешь разыскать его? (Быстро спускается съ возвышенія и идетъ къ гетману) Ступай и разыщи его, гетманъ.

Гетманъ. Если бѣ было видно. Но намъ видно только на три шага въ туманѣ.

Принцъ Георгій. Мой планъ разстроенъ, монахъ, карсское войско разбито сегодня ночью. Я покидаю замокъ.

Царица. О какомъ ты планѣ говоришь? Ты можешь разыскать Георгія?

Принцъ Георгій. Попытаюсь... Пойдемте, солдаты, я снова поведу васъ.

Гетманъ. Если намъ царь прикажетъ?..

Царица. Да, да, я приказываю. Да благословить тебя Господь, Георгій, если ты разыщешь его. Но ты, конечно, не найдешь его, потому что ты, пожалуй, не приложишь всего твоего старанія. Почему ты не отвѣчаешь, ты приложишь все свое стараніе? Я не вѣрю.

Гетманъ. У меня еще одно важное донесеніе, царь. Оно важнѣе остальныхъ.

Царица. Потомъ. Завтра. Теперь лишь одно важно.

Принцъ Георгій (крестится передъ образомъ). Прощай, Тамара.

Царица. Ты забылъ свою шапку.

Принцъ Георгій. Я не забылъ ея. Мнѣ слѣдуетъ идти съ обнаженной головой этимъ труднымъ путемъ.

Царица. Надѣсь шапку, чтобъ тебѣ не ходить, какъ помѣшанному.

(Принцъ Георгій, гетманъ и солдаты уходятъ).

Царица. Онъ ушелъ съ обнаженной головой, а сама я ничего не дѣлаю. Я тоже пойду искать. Георгій, гдѣ ты?.. Ступай въ комнату, Рузуданъ, ступай въ комнату, не стой здѣсь. Проводите ее въ комнату, дѣвушки.

(Рузуданъ уводитъ за вторую занавѣску).

Царица. Что мнѣ дѣлать, игумень?

Игумень. Я не игумень, царица... царь.

Царица. Конечно, ты — игумень, встань. А я не царь, это Георгій будетъ царемъ. Что я сдѣлала, разъ такое тяжелое несчастье постигло меня? Я была немного радостна сегодня утромъ, маленькая радость мелькнула во мнѣ, но она длилась недолго... Игумень, я пыталась быть гордой и суровой, но такъ нельзя, и я больше не хочу быть суровой. Этихъ двухъ грузинъ не надо вѣшать, выпусти ихъ, монахъ, они могутъ быть свободны. Вонъ тамъ ключъ. (Указываетъ).

(Священникъ находитъ ключъ и выпускаетъ узниковъ. Они падаютъ на колѣни передъ царицей).

Царица. Суровостью ничего не достигнешь. Фатиму тоже не падо вѣшать. Фатима просто ушла погулять въ горы съ Георгіемъ, они оба скоро вернутся. Поди, снова надѣнь свое

настоящее облаченіе, игумень, и будь моимъ добрымъ совѣтникомъ, какъ ты прежде дѣлалъ... Это—вы, грузины? Вы не должны покидать поле сраженія, вѣдь вы въ этомъ провинились? Уведи ихъ, монахъ, и сними съ нихъ кандалы. А потомъ они должны искать моего сына всюду въ горахъ; всѣ люди въ замкѣ должны искать. (Бросается на диванъ и всхлипываетъ).

Второй плѣнникъ. Мы благодаримъ тебя, царица, за жизнь. (Царица машетъ рукой, чтобъ они ушли. Священникъ уводитъ плѣнниковъ въ глубину).

Игумень. Принцъ Георгій отправился на поиски за твоимъ сыномъ. Онъ, конечно, найдетъ его.

Царица. Да, не правда ли? Принцъ Георгій можетъ найти его, если только это возможно, онъ могучъ, когда бы онъ ни явился. Честной отецъ, ты всегда былъ такъ умненъ, ты говоришь, что онъ найдетъ его?

Игумень. Я буду молиться Богу объ этомъ.

Царица. Да, молись, молись. Я сама пойду искать его. (Встаетъ и уходитъ въ глубину).

Игумень. Пойдемте за царицей и вернемъ ее назадъ. (Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Черезъ день. Попрежнему все закрыто туманомъ.

Дѣвушки стоятъ и разговариваютъ. Далеко въ глубинѣ, на нижней ступени лѣстницы стоитъ первый слуга и наблюдаетъ.

Зайдата. Ну, пора начинать.

Юаната. Да, пора начинать. Но мнѣ очень жаль всего этого.

Мецеду. Мнѣ больше жаль царицы.

Священникъ (входитъ изъ-за первой занавѣски). Чтѣ вы тутъ дѣлаете, дѣвушки?

Зайдата. Мы должны снова убрать всѣ эти цвѣты. Здѣсь больше не должно быть цвѣтовъ. Такъ сказала царица.

Священникъ. А гдѣ царица?

Мецеду. Сидитъ у себя въ горницѣ. Убита горемъ.

Священникъ. Если я хорошо знаю принца Георгія, то онъ отыщетъ своего сына и освободитъ его. Вы не обратили вниманія на игумена?

Зайдата. Нѣтъ.

Священникъ. Но вы видѣли вчера игумена, дѣвушки? Онъ лежалъ тамъ у ногъ царицы и былъ несчастенъ. Больно было смотрѣть, онъ—старикъ.

Первый слуга (кричитъ въ комнату). Кто-то ѣдетъ.

Священникъ. Что онъ кричитъ?

Первый слуга. Эй, вы, слушайте, кто-то ѣдетъ!

(Священникъ уходитъ въ глубину).

Зайдата. Кто-то ѣдетъ, кто-то ѣдетъ. Ступай, доложи, Мецеду, можетъ-быть, Георгій. (Уходитъ въ глубину).

Священникъ (кричитъ). Это—Георгій.

Мецеду (ликуя). Георгій! (Быстро уходитъ за вторую занавѣску).

Зайдата (возвращается). Въ такомъ случаѣ, не оставитъ ли намъ цвѣты здѣсь?

Юаната. Конечно, оставить.

(Священникъ возвращается назадъ, въ сопровожденіи перваго слуги).

Священникъ. Вотъ будетъ радость въ замкѣ.

Царица (входитъ и идетъ къ заднему плану, какъ лунатикъ, бормоча). Георгій... Георгій... Георгій... Георгій...

(За нею Рузуданъ и еще нѣсколько человѣкъ, слуги, любопытные).

Священникъ. Я говорю, теперь будетъ радость въ замкѣ. **Зайдата**, тебѣ очень встаетъ хорошая радость. И тебѣ, Софія.

Зайдата. Почему?

Священникъ. Вы заслужили, дѣтки, вамъ нужно опутить немного радости.

Зайдата. Ужъ не ты ли хочешь обрадовать насъ, монахъ? (Дѣвушки хихикають).

Священникъ. Я? Ахъ, Зайдата. Ахъ, стоя тамъ, ты, право, какъ огонь.

Зайдата. Но тебѣ нельзя обрадовать насъ, монахъ, ты слишкомъ старъ.

Священникъ. Нисколько. Нисколько. Молчи. Ты бы посмотрила, Зайдата.

(Новое хихиканье).

Священникъ. А въ особенности тебѣ, Софія, не слѣдовало бы визжать, купаясь. Ты вотъ краснѣешь, дитя, потому что ты визжишь слишкомъ громко. Очень стыдно тебѣ; ты должна молчать въ банѣ.

Софія. Я визжу не больше другихъ.

Священникъ. Зайдата тоже визжитъ. И ты, Юаната, я слышу, какъ ты плещешься въ водѣ, вы должны чинно плескаться въ водѣ, дѣти.

(Новое хихиканье).

(Царица встрѣтила Георгія на лѣстницѣ и долго обнимаетъ его. Георгія сопровождаютъ гетманъ и десять солдатъ. Царица входитъ въ комнату съ Георгіемъ въ одной рукѣ и Рузуданъ—въ другой).

Царица. Аббатъ, Георгій вернулся. Смотрите, дѣвушки.

Мецеду (беретъ Георгія за руку). Со счастливымъ возвращеніемъ, Георгій!

Священникъ. Я такъ сказалъ, что принцъ Георгій непременно найдетъ его.

Царица. Да, гдѣ принцъ Георгій?

Гетманъ (выступивъ впередъ). У товинцевъ, царица. Онъ тамъ остался.

Царица. Принцъ Георгій остался? Почему?

Гетманъ. Когда мы вчера искали цѣлый часъ, мы были окружены товинцами. Они разсыпались кругомъ по горамъ, они захватили насъ въ плѣнъ.

Царица. Здѣсь, у моего замка?

Гетманъ. Да, у самаго твоего замка. Туманъ скрываетъ ихъ, они могутъ еще ближе подойти къ твоему замку, и ты не найдешь ихъ, если станешь искать... Они схватили и отвели насъ въ палатку, гдѣ былъ твой сынъ. Потому они его разбудили, чтобы, вставъ, онъ могъ пойти съ нами.

Царица (улыбается). Ахъ, ты спалъ, Георгій! Фатима была ласкова съ тобой?

Георгій. Да.

Царица. Она стергла тебя, пока ты спалъ?

Георгій. Да.

Царица. Они всѣ были ласковы съ тобой?

Георгій. Нѣтъ, не всѣ.

Царица. Не всѣ?

Георгій. Но Фатима сказала, чтобъ никто не трогалъ насъ.

Царица. Фатима сказала, чтобъ никто не обижалъ тебя?

Георгій. Да. И потому у нея былъ кинжалъ въ рукѣ.

Царица. У нея былъ кинжалъ въ рукѣ? Чтобъ не пришли медвѣди, конечно?

Георгій. Да, разумѣется.

Царица. Теперь вы можете уходить, дѣти. Теперь смотри за ними, Мецеду,—всѣ смотрите, дѣвушки.

Зайдата. Цвѣты здѣсь останутся?

Царица. Цвѣты? (Улыбается) Да, вѣдь теперь здѣсь не слишкомъ много цвѣтовъ, Зайдата.

(Мецеду уходитъ съ Георгіемъ и Рузуданъ. Остальные слуги и дѣвушки слѣдуютъ за ними).

Царица (садится). Мое дитя подвергалось большой опасности, вижу я, и Фатима защищала его кинжаломъ. (Гетману) Когда принцъ Георгій вернется?

Гетманъ. Онъ... не могу знать. Мы не могли бы добиться выдачи твоего сына, если бъ...

Царица (съ боязливымъ предчувствіемъ, медленно встаетъ). Что?

Гетманъ. Если бъ принцъ Георгій не замѣнилъ своего сына.

Царица (подавшись впередъ). Не можетъ быть?

Гетманъ. Опъ самъ предложилъ себя взамѣнъ.

Царица. Чтò они намѣрены сдѣлать съ нимъ?.. Ты молчишь, гетманъ... Позвать игумена. (Падаеть въ кресло).
(Изъ-за второй занавѣски появляется священникъ).

Царица. Вотъ почему онъ ушелъ съ обнаженной головой. А я не думала, что онъ приложитъ все свое стараніе, я такъ и сказала. (Качаетъ головой).

Гетманъ. Мы думали, что ему лучше было остаться заложникомъ.

Царица. Нѣтъ, врядъ ли лучше. Пожалуй, и лучше. Зачѣмъ поссачае окружаетъ меня? Я пошлю товинцамъ трупъ хана и пышно украшу его, и я пошлю имъ богатые дары и смягчу ихъ... Нѣтъ, такъ-то было не лучше, пожалуй, хуже. Почему нужно было обмѣняться?

Гетманъ. Такъ просилъ принцъ Георгій.

Царица. Опъ явился съ обнаженной головой и просилъ?

Гетманъ. Да... И товинцы обмѣнялись болѣе чѣмъ охотно. Твой сынъ былъ ребенокъ, изъ котораго они не могли бы извлечь никакой пользы; тогда какъ принцъ Георгій былъ начальникъ твоихъ войскъ, котораго теперь они могутъ убить.

(Священникъ появляется съ игуменомъ).

Царица. Вотъ какъ, теперь они хотятъ убить начальника моихъ войскъ... Товинцы отослали моего сына, игумень; по взамѣнъ удержали его отпа.

Игумень. Похоже на нихъ.

Царица. Они совершаютъ кровавую мечь надъ нимъ, чтò мнѣ дѣлать? Я сама пойду къ товинцамъ и останусь заложницей вмѣсто него.

Игумень. Они не возьмутъ тебя въ обмѣнъ.

Царица. Чтò ты говоришь?

Игумень. Принцъ Георгій значитъ для товипцевъ больше, чѣмъ ты. Прости, что я этого не скрываю.

Царица. Больше, чѣмъ я, какъ это понять? Я же—царица... Да, да, онъ больше значить. Онъ всегда значилъ больше, только я-то была слѣпа и ничего не замѣчала. Безконечно больше. Теперь я—ничто, я—какъ сирота и лишена силъ. Онъ былъ такъ силенъ и великъ. (Качаетъ головой).

Гетманъ. Вчера у меня осталось еще одно сообщеніе, царь.

Царица. Чтò же?

Гетманъ. А вотъ чтò: если бъ мы не напали на Карскаго хана вчера ночью и не убили его, то сегодня ночью онъ попалъ бы на насъ.

Царица. Весьма возможно.

Гетманъ. И у него оказался помощникъ въ твоёмъ собственномъ войскѣ.

Царица. Въ моемъ войскѣ? (Качаетъ головой) Нѣтъ. Откуда ты знаешь?

Гетманъ. Изъ письма. Этотъ помощникъ повелъ бы на насъ войско хана сегодня ночью, пока мы спали бы, и вырѣзалъ бы насъ.

Царица. Надѣюсь, ты говоришь правду, гетманъ?

Гетманъ. Я говорю правду.

Царица. Кто же этотъ помощникъ?

Гетманъ. Принцъ Георгій.

Царица (встаетъ). Берегись! Говорю, берегись!

Гетманъ. Такъ мнѣ приказано доложить тебѣ отъ имени Тараса.

Царица. Отъ имени Тараса? Самъ Тарасъ послалъ тебя съ этимъ извѣстіемъ?

Гетманъ. Да.

(Царица растерянно смотритъ на окружающихъ).

Священникъ (въ испугѣ). Объ этомъ мнѣ ничего неизвѣстно.

Игумень. Тарасъ, конечно, ошибается.

Гетманъ. Тарасъ не ошибается. И я сообщилъ царю истину.

Царица. И это сообщеніе должно было утѣшить меня?.. И все-таки оно утѣшаетъ меня, я освободилась отъ тяжелой мысли. Да, оно меня утѣшаетъ. Пусть онъ остается, гдѣ есть, — мой сынъ у меня. (Начинаетъ бродить взадъ и впередъ) Пусть онъ остается, гдѣ есть, спасибо товинцамъ, что онъ у нихъ. (Останавливается) Почему принцъ Георгій хотѣлъ сдѣлать это?

Гетманъ. Чтобы нанести тебѣ пораженіе, царь.

Царица. Ага. (Снова бродитъ; останавливается) Гетманъ, передай мой привѣтъ Тарасу.

Гетманъ. Слушаю.

Царица. Скажи ему отъ имени царя, что принцъ Георгій... Скажи Тарасу, что царь гордится имъ и благодаритъ его.

Гетманъ. Слушаю. (Уходитъ).

Священникъ. Но, царица, прости, не отпускай его. Подумай, почему принцъ Георгій... Я не могу молчать.

Царица (повелительно). Да, монахъ, ты можешь молчать.

Игумень. Онъ говорилъ о письмѣ. Не поступай опрометчиво, дитя мое

Царица. Да, письмо. Меня потрясаетъ одно событіе за другимъ, и я начинаю поступать опрометчиво. (Гетману вслѣдъ) О какомъ письмѣ ты говорилъ?

Гетманъ. О письмѣ, которое мы нашли въ карманѣ у Карскаго хана.

Царица. Чтò тамъ было написано? Скажи Тарасу, чтобъ прислалъ мнѣ письмо.

Гетманъ. Оно со мной. (Ощупываетъ грудь и находитъ письмо).

Царица. Съ тобой? Почему ты не передаешь его? Давай сюда письмо. (Беретъ письмо и читаетъ его) Отъ принца Георгія. (Садится).

Священникъ. Да. И я отнесъ его.

Царица. Ты отнесъ его?

Священникъ. У принца Георгія было большое горе. Ты не слухала, чтò онъ говорилъ, какъ не замѣчала его печали.

Царица (читаетъ, начинаетъ улыбаться отъ изумленія). Нѣтъ, но... Георгій, милый! (Встаетъ) Онъ пишетъ... Правда, чтò онъ пишетъ, я была противъ него. (Складываетъ руки надъ головою) Спасибо тебѣ, гдѣ бъ ты ни былъ, Георгій... Ты носилъ письмо?

Священникъ. Да.

Царица. И тебѣ спасибо... Принцъ Георгій, пожалуй, поступилъ дурно, отецъ, но я все-таки благодарю его, онъ судилъ это ради меня, потому что онъ любитъ меня. Онъ такъ и пишетъ. Ты этого не понимаешь, честной отецъ, но я-то понимаю.

Игумень. Нѣтъ, я этого не понимаю.

Царица. Онъ хотѣлъ покарать меня и не хотѣлъ просить у меня ни малѣйшей милости на свѣтъ, — кто можетъ упрекать его въ этомъ?

Игумень. Онъ хотѣлъ напасть на твоё войско.

Царица. Великій планъ, огромный планъ, ни у кого не было такого плана во имя меня. Онъ хотѣлъ явиться сюда съ войскомъ и стоять передо мной. (Восклицаетъ) Георгій, Георгій! (Читаетъ) «Она боролась со мной много лѣтъ и относилась холодно ко мнѣ...» Я больше не буду. Больше не буду.

Игумень. Значить, ты думаешь, царица, что принцъ Георгій дерзнулъ бы привести этотъ планъ въ исполненіе?

Царица. Какъ ты думаешь, монахъ?

Священникъ. Я въ этомъ увѣренъ.

Царица. Принцъ Георгій не станетъ хвастать. Ты его не знаешь, честной отецъ, какъ гора — гора, такъ и онъ. Мы стояли на нашей крышѣ въ Тифлисѣ — и больше никого не было, кромѣ насъ троицъ: его, солнца и меня. Мы ѣдили по большимъ рынкамъ — народъ осыпалъ насъ цвѣтами и кричалъ отъ радости, потому что онъ былъ какъ крѣпкая гора.

Игумень. Они тебѣ кричали.

Царица. Они и ему кричали. Ты помнишь шумъ всѣхъ грузинъ? Онъ стоялъ и былъ выше меня, а снимая шапку, онъ еще больше выросталъ. И теперь я снова скажу ему это и напомню ему объ этомъ, когда онъ вернется. (Въ испугѣ) Онъ, конечно, вернется?

(Молчаніе).

Царица. Вы молчите и смотрите въ землю. Что же ты молчишь, монахъ, раньше ты былъ очень разговорчивъ и часто говорилъ правду.

Священникъ. Если я хорошо знаю принца Георгія, то онъ вернется.

Царица. Не правда ли, разъ онъ захотѣлъ, значить, захотѣлъ... Солдаты, въ подземельѣ лежитъ трупъ, принесите его. Я хочу пышно разукрасить его и отослать товинцамъ, чтобы мнѣ снова быть въ дружбѣ съ ними. Потомъ я пошлю имъ много даровъ.

(Гетманъ съ солдатами уходитъ).

Царица. Онъ успѣетъ вернуться сегодня вечеромъ?.. Вы все молчите... Конечно, онъ успѣетъ вернуться сегодня вечеромъ. Почему ты такъ сумраченъ, игумень?

Игумень. Я лишь одно могу сказать: отославъ трупъ хана, ты ничего не достигнешь для вѣры.

Царица. Георгій будетъ свободенъ.

Игумень. Но ты не обратишь ни единого язычника.

Гетманъ (входитъ съ солдатами). Ъдутъ два офицера со свитой. Я хотѣлъ доложить объ этомъ.

(Священникъ спѣшитъ къ заднему плану).

Царица. Два офицера? Отъ Тараса?

Гетманъ. Нѣтъ, они не наши. Два татарскихъ офицера. Я не могъ хорошенько различить ихъ въ туманѣ.

Царица. Разставь своихъ людей, чтобы я могла принять ихъ съ почетомъ.

(Гетманъ дѣлаетъ, какъ приказано).

Священникъ (возвращается). Товинцы. Тѣ же двое офицеровъ, что пріѣзжали сюда выкупить хана.

Царица (радостно). Посмотри, монахъ, можетъ-быть, и принцъ Георгій съ ними.

Священникъ. Принца Георгія съ ними нѣтъ.

Царица. Нѣтъ. (Прижимаетъ руки къ груди) Съ какою вѣстью они ѣдутъ? Какъ вы полагаете? (Нѣкоторое время ждетъ отвѣта, потомъ поднимается и садится въ свое кресло).

(Входятъ два татарскихъ офицера съ солдатами, одинъ изъ офицеровъ несетъ блую тряпку на остреѣ копья. У нихъ бѣлые турбаны и сѣ-

рыя шелковыя куртки, за поясомъ сабля и кинжалъ. Лѣвыя плечи у нихъ украшены кончикомъ рыжаго конскаго хвоста; вдоль лѣваго рукава у нихъ пришито по пяти выкрашенныхъ хенной шариковъ. Широкая золотая лента украшаетъ ихъ груди, а на ногахъ у нихъ красныя сафьяновые сапоги. Они останавливаются у входа, прикладываютъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу, и стоятъ).

(Царица дѣлаетъ знакъ, офицеры приближаются съ опущенными глазами и останавливаются. Ихъ солдаты не слѣдуютъ за ними).

Царица. Мой привѣтъ, офицеры. Кто васъ послалъ?

Первый офицеръ. Прими нашъ привѣтъ, великая царица! Всѣ товинцы послали насъ.

Царица. Предложить выкупъ за вашего покойнаго хана?

Первый офицеръ. Да. Два дня тому назадъ мы были здѣсь, тогда нашъ ханъ былъ живъ.

Царица. Онъ убитъ безъ моего согласія.

Первый офицеръ. Твой мужъ, принцъ Георгій, приказалъ убить его.

Царица. Нѣтъ, ханъ самъ виноватъ, онъ бѣжалъ. Кто вамъ сказалъ, что принцъ Георгій?.. Моего мужа не было, когда это случилось.

Второй офицеръ. Не смѣемъ спорить объ этомъ. Аллаху было угодно, чтобъ ханъ умеръ, никто не властенъ избѣжать воли Аллаха.

Царица. Вы держите принца Георгія въ плѣну?

Первый офицеръ. Онъ въ нашихъ рукахъ.

Царица. Чего вы требуете за принца Георгія?

Первый слуга. Живого?

Царица. Да, да, живого. Значить, онъ еще живъ? Слава Богу!

Игумень. Ты стоишь на неправильной точкѣ зрѣнія, царица. Ты сама должна требовать выкупа.

Царица. Чего же мнѣ требовать, честной отецъ?

Игумень. Ты знаешь, дитя. Прежде всего истинной вѣры.

Царица. Если вы, въ Товинѣ, станете христіанами, то получите трупъ хана. Хотите принять крещеніе?.. Нѣтъ, видишь, они не хотятъ, они закрываютъ лицо рукою.

Игумень (строго). Ты должна заставить ихъ захотѣть, царица, и ни передъ чѣмъ не останавливаться.

Царица. Но они держать принца Георгія въ своихъ рукахъ, они могутъ поступить съ нимъ, какъ имъ угодно.

Игумень. Вѣра съ этимъ не считается. Ты избрана Богомъ ввести христіанство въ этихъ странахъ.

Царица. Я еще разъ попытаюсь. Ты только слушай, честной отецъ, я еще разъ попытаюсь. (Офицерамъ) Какъ вы держаете

противиться мнѣ, товинцы? Развѣ вы не знаете, что я могу покорить васъ и заставить принять мою вѣру?

Первый офицеръ. Ты, пожалуй, можешь принудить нѣкоторыхъ, худшихъ изъ насъ. Но остальные, весь Товинъ возстанетъ на тебя.

Царица. Я васъ всёхъ могу принудить, вы не видѣли моего могущества. Если вы думаете, что вы можете дѣлать все, что хотите — бѣдный народъ, тогда вы погибнете. Вы стоите на такомъ же близкомъ разстояніи отъ моего замка, какъ вчера?

Первый офицеръ. Ближе, чѣмъ вчера. Туманъ скрываетъ насъ, мы очень близко.

Царица. А если туманъ разсѣется?

Первый офицеръ. Тогда насъ не будетъ.

Царица. Я могу ждать наготовѣ, когда туманъ разсѣется, и бросить на васъ все мое войско и освободить принца Георгія.

Первый офицеръ. Ты этого не сдѣлаешь, ты слишкомъ мудра для этого.

Царица. Не сдѣлаю?

Первый офицеръ. Въ то же самое мгновеніе принцъ Георгій былъ бы пронзенъ десятью копьями. Твой гетманъ видѣлъ, что онъ окруженъ коньеносцами.

Гетманъ. Да, я видѣлъ.

Второй офицеръ. Не будемъ спорить объ этомъ. Если Аллаху угодно, чтобъ принцъ Георгій умеръ, онъ умретъ. Никому не уклониться отъ воли Аллаха.

Царица. Десятью копьями... Честной отецъ, я вторично попыталась,—безполезно. Ты терзаешь меня, честной отецъ, и разрываешь меня на части. Я не смѣю раздражать ихъ больше.

Игумень (съ воодушевленіемъ протягиваетъ къ ней руки). Будь только тверда, царица, не уступай! Пусть лучше офицеры уйдутъ безъ примиренія.

Царица. Но ты не думаешь о принцѣ Георгіи.

Священникъ. Я не въ силахъ молчать.

Царица. Что ты хочешь сказать?

Священникъ. Игумень не въ своемъ умѣ.

Первый офицеръ. У насъ была надежда, что ты отдашь намъ тѣло хана.

Царица. О, Боже, я сама надѣялась!.. Принцъ Георгій скоро былъ бы здѣсь, если бъ я сдѣлала это?

Первый офицеръ. Да, очень скоро, принцъ Георгій недалеко отсюда. Мы его захватили съ собою, такъ какъ мы знали твою справедливость, какъ и то, что ты выкупишь его.

Игумень. Царица не хочетъ выкупать его, пока вы не преклонитесь, товинцы. Слышали?

Второй офицеръ. Слышали.

Первый офицеръ (царицѣ). Значить, ты даже Фатимѣ не разрѣшишь вернуться къ тебѣ?

Царица. Фатимѣ? Нѣтъ. Она сдѣлала мнѣ много зла.

Первый офицеръ. Но она сдѣлала тебѣ и много добра.

Царица. Чтò ты знаешь объ этомъ? Это—ея вина, что принцу Георгій въ плѣну.

Первый офицеръ. Фатимѣ ты обязана возвращеніемъ твоего сына, иначе теперь онъ былъ бы мертвъ. Какъ и тѣмъ, что принцъ Георгій еще живъ.

Второй офицеръ. Правда.

Царица. Все это — дѣло Фатимы? (Задумывается надъ этимъ) Она бродитъ въ моемъ домѣ и служить моимъ врагамъ. Нѣтъ, она не вернется назадъ. Развѣ не она увела моего сына?

Первый офицеръ. Фатима спасла твоего сына. Зачѣмъ, ты думаешь, мы рыскали вокругъ твоего замка въ туманѣ? Чтòбы схватить твоего сына и отомстить тебѣ. И мы непременно нашли бы его. Фатима привела его къ намъ, но она защищала княжаломъ его жизнь.

Царица. Вотъ видите, я была права. (Офицерамъ) Пусть Фатима вернется. Я буду благодарить ее.

Игумень. Ты не права, дитя мое, Фатима—язычница.

Царица. Сказано, Фатима вернется. Просите ее вернуться и передайте ей мой привѣтъ.

Первый офицеръ. Но принцу Георгію нельзя вернуться?

Игумень. *Нѣтъ*, слышите?

Второй офицеръ. Мы слышали. И мы больше не станемъ гнѣвать царицу.

Первый офицеръ. Хорошо, принцъ Георгій и не просить у тебя милости.

Царица. Знаю. Да ему и не нужно просить.

Первый офицеръ. Можетъ-быть, ты еще попросишь милости у него.

Царица. Какъ? Это звучитъ, какъ угроза.

Первый офицеръ. Намъ не приказано говорить больше.

Царица. Это звучало, какъ угроза, честной отецъ, отвѣть ему ты.

Игумень. Пусть принцъ Георгій грозитъ. Если ему угодно, принцъ Георгій не самое важное. Самое важное, товынцы, чтòбы, дерзнувъ оказать сопротивленіе великой царицѣ, вы вернулись къ своему народу.

Первый офицеръ. Какъ она оказала намъ сопротивленіе... Мы еще разъ предлагаемъ тебѣ миръ, царица: за принца Георгія мы требуемъ тѣла хана и двухлѣтняго перемирія.

Игумень. «Требуемъ!» Они требуютъ!

Царица. Они могли потребовать гораздо больше, — сколько хотять. О, Боже, сколько хотять. Но чѣмъ они мнѣ грозять?

Игумень. Не знаю. Ты не должна принимать никакихъ угрозъ, позволь мнѣ отвѣтить имъ.

Царица. Отвѣчай.

Игумень. Можете уходить, товинцы, уходите съ миромъ. А вашего хана царица похоронитъ по христіанскому обряду.

Второй офицеръ (испуганно). Царица этого не сдѣлаетъ.

Игумень. Я самъ буду читать молитвы надъ нимъ.

Первый офицеръ (съ жаромъ). Тогда царица Тамара совершитъ величайшее насиліе надъ товинцами, и вся наша забота на свѣтѣ будетъ направлена къ тому, чтобы отплатить ей за него.

(Оба офицера кланяются, поднося пальцы къ груди, ко рту и ко лбу и уходятъ).

Второй офицеръ. Благодаримъ тебя, царица, что ты позволила намъ предстать передъ тобою. Ты могла оказать намъ милость, но ты этого не сдѣлала, ты могла сказать намъ слово милосердія, но ты этого не сдѣлала.

(Оба офицера уходятъ въ сопровожденіи своей свиты).

Царица (спускается съ возвышенія, безпокойно). Они ушли.

Игумень. Да, ты была недостаточно тверда, вначалѣ ты уступила и разрѣшила Фатимѣ вернуться. Но ты въ главномъ не уступила.

Царица. Я думаю, что въ главномъ-то я и уступила. Принцу Георгію грозитъ опасность, и я не спасла его.

Игумень. Въ великій день, что скоро настанетъ, не будутъ спрашивать о мужѣ, котораго ты могла спасти, но о вѣру, которой ты служила.

Священникъ. Гм... Съ этимъ я совсѣмъ не согласенъ.

Царица. И я. Ты не знаешь мѣры, честной отецъ, ты лишь тогда доволенъ, когда я упорству противопоставляю упорство и обрекаю моего мужа на смерть. Почему ты лишаешь меня моего счастья сегодня? Развѣ я каждый день ликую? Я такъ радуюсь на своего мужа; онъ написалъ это письмо и научилъ меня добротѣ и нѣжности, красное сіяніе пронизываетъ мою грудь отъ радости. Молчи, игумень, когда онъ придетъ, я буду цѣловать его и проявлять мою любовь на тысячу ладовъ. На тысячу ладовъ и на всю мою жизнь. Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, игумень, я устала относиться къ принцу Георгію холодно, я такъ его люблю, и больше тебѣ не склонить меня къ этому холоду.

Игумень. Ты думаешь, онъ дерзнулъ бы явиться съ вой-

скомъ? Ахъ, женщина, ты видишь его на конѣ, грѣховнымъ и пылкимъ, и твое сердце забилось.

Царица. Я не знаю, на что онъ дерзнулъ бы, никто изъ насъ не знаетъ. Быть-можетъ, онъ и отступилъ бы назадъ, хотя это былъ великій планъ.

Игумень. Во всякомъ случаѣ онъ не просить у тебя никакой милости.

Царица. Ты этого не понимаешь, игумень, онъ терзается своимъ письмомъ, и моей милости ему недостаточно. Тебѣ было бы достаточно милости, и монаху, и мнѣ самой, но ему недостаточно. Онъ съ обнаженной головой идетъ къ моимъ врагамъ и просить смерти... Ахъ, но вѣдь именно это письмо— все мое счастье сегодня, какъ онъ этого не понимаетъ, бѣдняга! Онъ ничего не понимаетъ, созная лишь то, что хотѣлъ совершить огромное преступленіе... Гетманъ, принесите тѣло хана изъ подземелья.

(Гетманъ съ солдатами уходитъ).

Царица (подходить ко второй занавѣскѣ и зоветъ). Мецеду!

Игумень (въ испугѣ). Что ты намѣрена дѣлать, царица?

Царица. Спасти его. Ты не понимаешь? Спасти его.

(Входитъ Мецеду).

Царица. Мецеду, намъ нужно сейчасъ же украсить гробъ хана. Вы всѣ должны подойти къ нему съ красными розами и сплошь усыпать его красными розами. Вы должны взять всѣ красныя розы, какія найдутся въ саду. Поняла, Мецеду? А потомъ ты позовешь сюда всѣхъ музыкантовъ и танцовщицъ, потому что принцъ Георгій вернется.

(Мецеду уходитъ).

Игумень (потрясенный). Тогда нельзя ли мнѣ совершить лучшее дѣяніе среди твоихъ новыхъ подданныхъ въ Карсѣ?

Царица. Ты хочешь ѣхать туда? Почему ты хочешь отправиться туда?

Игумень. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать. Я трудился у тебя много лѣтъ, но твое христіанство все-таки не свѣтитъ и не сіяетъ. Если это — моя вина, то пусть Господь будетъ милостивъ ко мнѣ.

Царица. Ты усталъ, честной отецъ, отдохни.

Игумень. При всякомъ удобномъ случаѣ ты думаешь: такъ дѣлаетъ калифъ, такъ не дѣлаетъ калифъ. Ты зовешь танцовщицъ, когда хочешь веселиться — такъ дѣлаетъ калифъ. Но что дѣлаетъ князь Московскій? Объ этомъ ты не думаешь.

Царица. Князь Московскій? Онъ пьетъ, когда хочетъ веселиться.

Игумень. Однако онъ исповѣдуетъ истинную вѣру.

Царица. Поэтому я принимаю его посла съ тѣми же почестями, что и посла калифа, хотя онъ этого не стѣитъ.

(Гетманъ и солдаты входятъ съ погребальными носилками. Гробъ безъ крышки, но весь покрытъ ковромъ, шитымъ золотомъ. Покрывало безъ надписей).

Царица. Поставьте вонъ туда. (Указываетъ).

Игумень. А потомъ ты зовешь назадъ язычницу Фатиму.

Царица. Потому что она помогла мнѣ спасти моего сына и моего мужа. Кромѣ того, я зову ее назадъ, чтобы обратить ее, ты это отлично знаешь.

Игумень. И ты думаешь, что тебѣ это удастся? Я знаю, что знаю, вѣдь Фатима—какъ желѣзо.

Царица. Хорошо, я тоже какъ желѣзо. (Съ нетерпѣніемъ) Отдохни, честной отецъ, тебѣ это нужно. Ты отправляешься въ Карсъ?

Игумень. Значить, ты разрѣшаешь? Да вознаградить тебя Господь. Я буду усердно трудиться тамъ и буду неустоимъ.

Царица. Но возвращайся, игумень. Если хочешь. Ступай съ Богомъ.

Игумень. Одно слово на прощанье, царица: въ Товинѣ есть люди. Ты отвѣтишь за каждую жизнь, которая умретъ среди нихъ, прежде чѣмъ ты успѣешь крестить ихъ. Теперь у тебя былъ удобный случай. (Уходитъ).

(Входитъ толпа дѣвушекъ въ сопровожденіи Георгія и Рузуданъ, у всѣхъ нихъ красныя розы, они начинаютъ украшать гробъ).

Царица (тихо). Какъ игумень суровъ.

Священникъ (ударяетъ себя по лбу). Я говорилъ, онъ не въ своемъ умѣ.

Царица. Нѣтъ, монахъ, мы должны отзываться о старцѣ хорошо. Онъ лучше насъ, онъ молится за насъ день и ночь и не спитъ. Онъ какъ тѣнь. (Подходить ко гробу) Такъ, такъ, дѣвушки, украсьте какъ можно лучше и усыпьте гробъ розами. Но вы должны торопиться. Можешь, гетманъ, отнести гробъ въ горы и еще разъ разыскать товинцевъ?

Гетманъ. Да, царь. Товинцы разыщутъ меня.

Царица. Зови ихъ, если они не найдутъ тебя, и проси ихъ сюда... Пойдемте, дѣти, намъ тоже нужно приодѣться, вашъ отецъ вернется.

Священникъ (слѣдуя за царицей). Ты бы дала коня игумену, царица, онъ какъ тѣнь, ему не добраться до Карса.

Царица. Да, коня. Достань ему коня, монахъ, и слугу. Распорядись. (Съ Георгіемъ и Рузуданъ уходитъ во вторую дверь).

(Священникъ уходитъ въ глубину).

Юаната. Вы только обратите вниманіе на гетмана, онъ даже не взглянетъ на насъ.

Мецеду. Молчи, Юаната, онъ—великій гетманъ, онъ посланъ къ парицѣ.

Юаната. Великій гетманъ, ты не умѣешь улыбаться?

Гетманъ. Улыбаться? Только не теперъ.

Юаната. Поди сюда, помоги намъ.

Гетманъ. Не могу.

Юаната. Почему?

Гетманъ. Потому что царь не приказывалъ.

Юаната (омѣется). Царь—она забыла приказать. Прости, что она забыла про тебя.

Мецеду. Молчи, Юаната, мы должны быть серьезны за этой работой.

Священникъ (входитъ). Тише, дѣти.

(Дѣвушки хихикають).

Зайдата. Ты заставляешь меня смѣяться, монахъ, уходи, у насъ серьезная работа.

Священникъ. Я не хочу заставлять тебя смѣяться. Наоборотъ, ты должна быть серьезна, украшая гробъ.

Зайдата. Но твой носъ вынюхиваетъ насъ, монахъ. Ты все смотришь на насъ и радуешься.

Священникъ. Ахъ, Зайдата, и ты, Софія, ахъ, вы съ ума сошли.

Зайдата. Стыдись, монахъ. Старый человѣкъ.

Священникъ. Я не старъ, Зайдата, ты этого не думаешь. Мы съ тобой не старики.

Зайдата. Но Мецеду и Софія—старухи.

Священникъ. Ни одна изъ васъ не стара. Я вотъ смотрю на васъ, и всѣ вы...

Зайдата. Какъ огонь.

Священникъ. Да, какъ огонь.

Софія. И мы визжимъ, купаясь?

(Хихикають).

Священникъ. Софія, ты бы не говорила такихъ словъ. Ты краснѣешь при этомъ.

Софія (старательно украшаетъ). Я не покраснѣла.

Священникъ. Ты такъ молода, ты бы немного постыдилась стоять здѣсь и краснѣть въ присутствіи всѣхъ. Зайдата не покраснѣла, впрочемъ, она и не сказала ничего дурного.

Зайдата. Я знаю, монахъ, что я—твоя возлюбленная.

Священникъ. Возлюбленная? Этого я вовсе не хочу сказать. Очень легко можетъ статься, что и не ты. У тебя были какія-нибудь предположенія на этотъ счетъ?

Зайдата. Да, множество.

Священникъ. Ты бы оставила это. Стыдно тебѣ.

Зайдата. Сломай-ка вотъ этотъ стебелекъ. (Протягиваетъ ему розу).

Священникъ (дѣлаетъ попытку). Его нужно отрѣзать.

Зайдата. У тебя нѣтъ кинжала?

Священникъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ кинжала. Это можетъ сдѣлать гетманъ. (Хочетъ отнести розу гетману).

Зайдата (останавливаетъ его и беретъ розу назадъ). Гетманъ. Нѣтъ, ему царица не приказывала.

(Хихикають).

Зайдата. Ты бы самъ носилъ кинжалъ, монахъ.

Священникъ. Я ношу кинжалъ, когда отправляюсь на войну.

Зайдата. Но ты имъ, конечно, не пользуешься?

Священникъ. Не пользуюсь? Развѣ вы не слышали, что однажды въ мои руки попало двадцать человѣкъ?

Зайдата. Нѣтъ. Расскажи.

Священникъ. Шестерыхъ я убилъ. Тогда остальные бѣжали. (Хохотъ).

Зайдата. Но христіанскому монаху не слѣдовало убивать шестерыхъ.

Софія. Конечно, не слѣдовало.

Священникъ. Въ этомъ ты ничего не смыслишь, Зайдата. Какъ и ты, Софія, потому что ты слишкомъ молода. Развѣ у калифа нѣтъ дервишей и жрецовъ, которые убиваютъ въ битвѣ?

Зайдата. Да. Но христіанину подобаетъ быть нѣсколько лучше магометанъ.

Священникъ. Ты права, Зайдата. Но Софія не права, она кудяхтала, какъ молодая курочка, и ничего не поняла. Вы всѣ—какъ маленькія курочки, но Мецеду серьезна и молчитъ. Право, дѣвушки, вамъ слѣдуетъ молчать и дѣлать свое дѣло, какъ приказала царица. Вы скоро кончите?

Мецеду. Да, мы скоро кончимъ.

Священникъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что Софія была проворнѣе всѣхъ. И кромѣ того она самая нѣжная, и у нея еще такія маленькія руки. Но вы всѣ были проворны... А вотъ и музыканты.

(Изъ глубины входятъ музыканты и располагаются на полу у желѣзной двери. Всѣ они въ одинаковомъ платьѣ изъ желтаго шелка съ черными шнурками, инструменты ихъ—зурна, деревянная флейта о трехъ тонахъ и барабанъ, остальные—струнные инструменты, скрипки и арфы. Музыканты сидятъ, не двигаясь, безмолвные).

Священникъ. Теперь скоро придутъ и танцовщицы.

Юаната. Ты, конечно, радъ?

Священникъ. Ты тоже должна радоваться и не питать ни-

какой злобы въ сердцѣ. Когда вернется принцъ Георгій, то въ замкѣ больше не будетъ никакой печали.

Юаната. А на войнѣ у васъ были танцовщицы?

Священникъ. Ты одна, Юаната, почти какъ маленькій теленокъ, когда подумаешь. Откуда намъ взять танцовщицъ на войнѣ? Тамъ мы дѣйствуемъ мечами и копьями.

Юаната. Убивая шестерыхъ, ты, конечно, очень трусилъ.

Священникъ. Я не трусь, ты отлично знаешь.

Юаната. Откуда мнѣ знать?

Священникъ. Развѣ вчера ночью я не стоялъ передъ Карскимъ ханомъ?

Юаната. А чтó ты дѣлалъ у Карскаго хана?

Священникъ. Не скажу. Я былъ посломъ принца Георгія, я носилъ письмо о великомъ планѣ, который онъ хотѣлъ привести въ исполненіе сегодня ночью, больше я ничего не скажу.

Юаната. Въ чемъ же заключался этотъ великій планъ?

Священникъ. Онъ хотѣлъ покарать царицу... Ты не должна спрашивать о столь важномъ дѣлѣ.

Заидата. Ну, смотри на танцовщицъ, монахъ, вотъ онѣ идутъ.

(Изъ глубины входятъ танцовщицы въ развѣвающихся шелковыхъ платьяхъ разныхъ цвѣтовъ и съ золотыми лентами на лбу. Въ рукахъ у нихъ маленькіе бубны. Онѣ отходятъ къ музыкантамъ и стоять, не двигаясь, безмолвныя).

Мецеду. Кладите послѣднія розы, тогда я доложу царицѣ, что мы кончили.

(Уходитъ за вторую занавѣску).

Юаната. Тебѣ, конечно, кажется, что танцовщицы красивѣе насъ, монахъ, разъ ты такъ долго смотришь на нихъ?

Священникъ. Да, танцовщицы очень красивы.

Юаната. Но это просто потому, что платья у нихъ красивы. Не такъ ли, Заидата?

Заидата. Конечно.

Священникъ. Тебѣ не слѣдуетъ говорить такъ, Заидата. Ты красивѣе всего, когда ты совсѣмъ безъ платья, ты это знаешь.

Заидата. Чтó онъ говоритъ! Откуда ты знаешь?

Священникъ. Я не знаю. Но ты бы благодарила Бога, что ты такъ красива безъ платья.

Мецеду (входитъ). Царица.

(Входитъ царица, переодѣтая, въ тонкомъ прозрачномъ платьѣ изъ индійскаго шелка, со множествомъ каменьевъ на рукавахъ, съ рядомъ брильянтовъ по обѣ стороны юбки, отъ пояса до ногъ; на головѣ у нея красная фата съ большимъ камнемъ спереди).

(Танцовщицы низко кланяются).

Царица. Спасибо, дѣвушки, великолепно убрано. Возьми его, гетманъ, и ступай съ Богомъ, потомъ я пошлю товинцамъ

богатые дары. Если ты найдешь принца Георгія, то скажи, что его жена ждетъ его. (Идетъ къ образу и крестится, въ то время какъ гетманъ и солдаты уносятъ гробъ).

Мецеду. Эти розы остались.

Царица. Это для принца Георгія. Ступайте, дѣвушки, и приготовьте дѣтей.

(Всѣ дѣвушки уходятъ).

(На дворѣ слышенъ начинающійся шумъ).

Царица (танцовщицамъ и музыкантамъ). Вы должны играть и плясать отъ всего сердца сегодня, это — въ честь принца Георгія... Чтò тамъ за тревога на дворѣ?

(Крики, грохотъ, труба; гетманъ быстро возвращается назадъ съ солдатами и гробомъ. Священникъ спѣшитъ въ глубину).

Царица. Чтò это, гетманъ?

Гетманъ. Не знаю, царь... Принцъ Георгій... онъ въѣзжаетъ...

Царица. Уже, принцъ Георгій... Играйте! (Беретъ розы въ руки). (Тихая струнная музыка. Пляска начинается. Въ томъ, какъ танцовщицы легко кружатся другъ вокругъ друга, нѣтъ ни прыжковъ ни видимыхъ шаговъ, одни лишь движенія ногъ).

(Громкіе крики на дворѣ).

Царица. Что это? Стража должна пропустить его.

Гетманъ. Я видѣлъ, какъ принцъ Георгій раздавилъ двоихъ изъ стражи.

Царица. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Священникъ (возвращается). Онъ ѣдетъ съ оружіемъ. Онъ ведетъ огромную толпу товинцевъ, вооруженныхъ копьями.

Царица. Онъ возвращается... съ войскомъ?

(Гетманъ идетъ въ глубину).

(Музыка и танцы становятся оживленнѣе, флейта переходитъ въ простой ритмъ, бубны начинаютъ тихо звучать).

(Туманъ расходится, черезъ нѣсколько мгновений солнце начинаетъ сверкать на горахъ въ глубинѣ, въ залѣ становится свѣтло).

Священникъ. Они тамъ дерутся.

Царица. Чтò это значитъ?

(Царица поднимаетъ руку, музыканты и танцовщицы рѣзко останавливаются и отступаютъ назадъ на свои мѣста).

(Шумъ на дворѣ становится ближе, топотъ, крики, барабанная дробь, потомъ слышенъ звонъ мечей).

Священникъ. Я думаю, что теперь принцъ Георгій приводитъ въ исполненіе свой великій планъ. (Идетъ къ заднему плану).

Царица. Зачѣмъ—теперь? Въ этомъ не было ни малѣйшей надобности.

Гетманъ (возвращается). Принцъ Георгій возвращается съ оружіемъ, царь. Прикажешь помочь твоимъ воинамъ на дворѣ?

Царица. Да, скорѣе. Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? (Кричитъ ему вслѣдъ) Гетманъ! Вы не должны... Вы должны только стоять.

близъ него съ копьями, но вы не должны... Гетманъ, остань-тесь здѣсь.

Священникъ (возвращается). Онъ убиваетъ твоихъ людей, царица. Товинцы какъ дикіе, они у самаго замка. И Фатима съ ними.

Царица. Поди, посмотри, гетманъ.

(Гетманъ идетъ къ глубинѣ).

Царица. Онъ ради меня это дѣлаетъ. Онъ больше ни о чемъ не думаетъ. Видишь, монахъ, дерзнулъ-таки.

Гетманъ (быстро кричитъ, возвращаясь). Онъ побѣждаетъ насъ.

Царица. Конечно, побѣждаетъ. Я знаю.

(Священникъ опять отошелъ къ заднему плану и смотритъ во дворъ, отъ поры до времени онъ издаетъ легкій крикъ и пѣтится назадъ въ комнату по мѣрѣ того, какъ сражающіеся приближаются къ замку).

Священникъ. Двое грузинъ слѣдуютъ за нимъ. (Машетъ рукою) Отойдите, грузины. Одинъ палъ... Царица, они окружили его.

Царица. Кого окружили?

Священникъ. Принца Георгія. Поди, помоги ему, гетманъ.

Царица (вскрикиваетъ и насилу удерживается). Нѣтъ, они не должны окружать его. Крикни имъ, монахъ.

Священникъ (теперь уже по серединѣ комнаты). Онъ снова разсѣялъ ихъ. Поди, посмотри, царица, какъ онъ разсѣиваетъ ихъ.

Царица (подойдя къ нему). Гдѣ принцъ Георгій? Вонъ онъ. (Всплескиваетъ руками и кричитъ) Георгій!.. Онъ безъ шапки, отнеси ему его шапку, монахъ, онъ не долженъ быть какъ солдатъ.

Священникъ. Онъ зарубитъ меня.

Гетманъ. Позволь мнѣ.

Царица. Нѣтъ, скоро я сама отдамъ ему шапку. А ты, гетманъ, крикни нашимъ людямъ, чтобъ они не ранили его.

Священникъ. Онъ уже у самой лѣстницы.

Гетманъ. Шумъ утихаетъ, онъ побѣдилъ нашихъ людей.

Священникъ. Да, мы окружены.

Гетманъ. У меня десять солдатъ, мы должны стоять смирно?

Царица. Стой у входа, чтобы не всѣ ворвались сюда.

(Гетманъ идетъ къ своимъ солдатамъ).

Царица. Ты ожидалъ этого, монахъ? Онъ какъ гора.

Священникъ. Онъ осуществилъ свой планъ. Что теперь будетъ? Онъ поворачиваетъ своего коня, ѣдетъ сюда... ѣдетъ сюда. (Отступаетъ назадъ).

(Принцъ Георгій вдругъ появляется на лѣстницѣ и останавливаетъ своего коня у послѣдней колонны: толпа товинцевъ, среди которыхъ оба татарскихъ офицера, бѣгутъ по бокамъ его и сзади, съ ними и Фатима; всѣ останавливаются, музыканты и танцовщицы съ крикомъ сбились въ одну кучу, солдаты гетмана отступаютъ въ сторону).

Принцъ Георгій (смотритъ на царицу; помолчавъ). Ты видишь меня, Тамара? Вотъ твой мужъ.

Царица. Я вижу тебя.

Принцъ Георгій. Хорошо меня видишь?

Царица. Георгій. Вотъ твоя шапка, надѣнь свою шапку. А вотъ тебѣ цвѣты. (Идетъ къ нему).

Принцъ Георгій. Ты поступаешь дурно, если снова относишься ко мнѣ съ пренебреженіемъ.

Царица. Относиться къ тебѣ съ пренебреженіемъ! Я рада тебѣ. И тебѣ, Фатима.

(Фатима падаетъ на колѣни и цѣлуетъ у нея руки).

Принцъ Георгій. Ты должна знать, что я пришелъ съ войскомъ, и что ты заперта въ замкѣ. Я беру свою шапку и надѣваю ее. (Беретъ шапку и накрываетъ голову).

Царица. Возьми и цвѣты, Георгій.

Принцъ Георгій. Ты больше не презираешь меня. Въ этотъ мигъ товины требуютъ тѣла своего хана; взгляни на нихъ, они стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Царица. Имъ незачѣмъ дѣлать это. Я только-что хотѣла отослать тѣло товицамъ. Вонъ стоитъ гробъ, онъ убранъ цвѣтами.

Принцъ Георгій (помолчавъ, побѣжденный). Вотъ какъ... Вонъ стоитъ гробъ, товины, онъ убранъ цвѣтами, царица хотѣла отправить его къ вамъ. (Вылѣзаетъ изъ сѣдла и стоитъ, поникнувъ; немного спустя онъ снимаетъ шапку, коня уводятъ).

Второй офицеръ (привѣтствуетъ, приложивъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу). За эти цвѣты на гробъ мы будемъ благодарить тебя, царица.

Царица. Съ моей стороны было несправедливо, товины, противиться вашему столь естественному желанію.

Второй офицеръ. И за эти слова милосердія мы благодаримъ тебя, великая царица.

Царица. Я сама должна благодарить васъ за то, что вы разрѣшили принцу Георгію вернуться. (Привлекаетъ принца Георгія слегка къ себѣ).

Принцъ Георгій. Я не дамъ твоей кротости ввести меня въ заблужденіе, я знаю, что ждетъ меня. Хорошо, приступай же.

Царица. Къ чему я должна приступить?

Принцъ Георгій. Я все-таки проигралъ, монахъ, мой великій планъ не удался. Совершенно вѣрно, я упорно искалъ своей гибели и нашелъ ее.

Священникъ. Гм... Съ этимъ я совершенно несогласенъ.

Царица. О какой гибели ты говоришь? (Обвиваетъ его руками) Я люблю тебя, Георгій, за все, что ты сдѣлалъ.

Принцъ Георгій. Правда? Чтò ты говоришь?

Царица. Да, правда.

Принцъ Георгій. Невозможно. За все, чтò я сдѣлалъ? Я послалъ письмо Карсскому хану, предлагалъ вырѣзать всѣхъ твоихъ солдатъ; когда это не удалось, я напалъ на тебя здѣсь.

Царица. Но ты сдѣлалъ это ради меня.

Принцъ Георгій. Да, т.-е. нѣтъ. Нисколько. Кто сказал? Ты не должна была знать. Ты проболтался, монахъ?

Царица. Это написано въ твоёмъ письмѣ.

Принцъ Георгій. Письмо—развѣ письмо найдено?

Царица. Да, да, вотъ оно. (Поднимаетъ письмо вверхъ) И это—хорошее письмо, я почувствовала себя, какъ въ Тифлисѣ.

Принцъ Георгій. Какъ въ Тифлисѣ?

Царица. Когда мы были совсѣмъ молоды, и ты любилъ меня.

Принцъ Георгій (не двигаясь). Тамара!

Царица. Иди сюда, Георгій, я люблю тебя.

(Они обнимаются).

Царица. Возьми цвѣты, это—твои цвѣты. И я больше не буду смотрѣть на тебя холодно.

Принцъ Георгій (беретъ цвѣты). Это должно быть извѣстно товинцамъ. (Идетъ по залѣ, возвращается за царицей и ведетъ ее съ собой) Товинцы! Мнѣ принадлежитъ сердце царицы, какъ въ нашей юности, какъ въ Тифлисѣ. Она сообщаетъ мнѣ это и отдаетъ мнѣ свое сердце; эти цвѣты я получилъ отъ нея. (Прерываетъ свою рѣчь и обращается къ царицѣ) Тамара, да благословить тебя Господь! Ты покинула меня, я хотѣлъ снова снискать тебя, и я совершалъ дикіе поступки.

Царица. Ты совершилъ свое лучшее дѣяніе.

Принцъ Георгій. Товинцы! Царица украсила гробъ цвѣтами, несите его, куда хотите, и ступайте съ миромъ.

Царица. Впослѣдствіи я пошлю вамъ дары, товинцы, потому что вы поступили со мной великодушно.

Первый офицеръ. Маленькій миръ былъ бы лучшимъ даромъ, царица.

Второй офицеръ. Правда. Мы не просимъ двухъ лѣтъ, но лишь одного года, лишь бы намъ жить въ мирѣ.

Царица. Если вамъ угодно, вы можете заручиться миромъ на два года. Вели позвать писцовъ, монахъ.

(Священникъ уходитъ за вторую занавѣску).

Принцъ Георгій. Правильно, Тамара, имъ необходимо заручиться двумя годами.

Царица. И я пошлю вамъ пици и платья, чтобы у васъ не было нужды въ теченіе двухъ лѣтъ.

Второй офицеръ. Мы преклоняемся до земли предъ тобою, царица, и благодаримъ за твое милосердіе.

(Оба офицера разговариваютъ между собой и со своими солдатами).

(Входитъ священникъ съ писцами, они располагаются у сидѣнья царицы. Царица поднимается къ своему креслу; всѣ выходятъ впередъ, одни товинцы остаются позади).

Царица (диктуя). Запишите, что всему товинскому народу, съ которымъ я воевала, съ сегодняшняго дня предоставляется миръ въ теченіе двухъ лѣтъ. (Молчаніе). Запишите дальше, что съѣстные припасы и одежда будутъ посылаться товинцамъ изъ земель царицы, чтобъ имъ не терпѣть нужды въ теченіе двухъ лѣтъ.

(Входятъ Георгій и Рузуданъ, разодрѣтые).

Принцъ Георгій (идетъ къ нимъ и обнимаетъ ихъ). Георгій! Дѣти мои! Рузуданъ, крошка Рузуданъ! (Ведетъ ихъ къ дивану, гдѣ они садятся вмѣстѣ; онъ дѣлитъ цвѣты между своими дѣтьми).

Царица (диктуетъ). Слѣдуетъ подпись царицы съ приложеніемъ печати. Подойдите ближе, офицеры.

(Оба офицера подходятъ).

(Фатима идетъ къ Георгію и Рузуданъ, которые слѣзаетъ къ ней съ цвѣтами).

Второй офицеръ (первому). Ты хочешь говорить?

Первый офицеръ. Нѣтъ, говори ты.

Второй офицеръ. Да будетъ такъ... Царица, мы думаемъ о томъ, что ты такъ могущественна, а мы—ничто въ сравненіи съ тобою. Нашъ послѣдній ханъ умеръ, и у васъ нѣтъ человека, вокругъ кого бы намъ собраться. Угодно ли было бы тебѣ предоставить намъ мирно жить въ нашей собственной вѣрѣ, если бъ мы подчинились твоей державѣ?

(Царица поднимается и стоитъ, равно какъ принцъ Георгій; всѣ прислушиваются).

Фатима (выступивъ впередъ). Чтò ты говоришь? Отъ чьего имени ты держишь рѣчь?

Второй офицеръ. Мы совѣщались объ этомъ, и я говорю отъ имени насъ всѣхъ.

Фатима. Но сегодня вы побѣдили. Ты усталъ, старикъ.

Второй офицеръ. Чтò пользы, что мы побѣдили сегодня? У царицы большое войско въ Товинѣ и большое войско въ Карсѣ, черезъ два года она побѣдитъ насъ, и мы всѣ погибнемъ. Сегодня мы побѣдили, потому что принцъ Георгій велъ насъ. Мы не въ силахъ будемъ противостоять ему, когда выступитъ противъ насъ, онъ какъ молнія.

(Царица дѣлаетъ знакъ принцу Георгію, они совѣщаются).

Фатима (первому офицеру). Ты тоже усталъ?

Первый офицеръ. Я не усталъ, никто изъ насъ не усталъ. Но кротокъ скипетръ царицы, и мы готовы покориться.

Второй офицеръ. Мы какъ овцы въ горахъ, мы не видимъ нашихъ полей, и наши виноградники больше не наши. Мы сидѣли по ночамъ и слушали музыку въ Товинѣ, а здѣсь мы не слышимъ ея.

(Принцъ Георгій отходитъ отъ царицы и посылаетъ священника за вторую занавѣску; священникъ возвращается назадъ съ двумя ключами, одинъ больше другого).

Царица. Товинцы, подчиняясь моей державѣ, вы дѣлаете благое дѣло для себя, а мнѣ готовите большое счастье. Я буду неустанно оказывать вамъ кротость.

Оба офицера (поочередно). Мы хотимъ этого.

Голоса товинскихъ солдатъ. Мы хотимъ этого.

Царица (писцамъ). Запишите.

Второй офицеръ. Но мы всѣ умоляемъ тебя не принуждать насъ креститься.

Царица. Обѣщаю. Ни малѣйшаго принужденія.

Фатима. И не трогать нашей правой вѣры.

Царица. Нѣтъ, только не силой, я уже раньше слишкомъ часто прибѣгала къ силѣ. Но не думайте, офицеры, что я мало-по-малу... можетъ-быть, когда мы лучше познакомимся другъ съ другомъ?..

Фатима. Никогда!

Второй офицеръ. Ты кротка, царица, и не захочешь намъ зла.

Царица. Я обѣщаю просвѣщать васъ въ моей вѣрѣ и ученіи, и вы можете выбирать.

Второй офицеръ. Да будетъ такъ.

Царица. Запишите.

Второй офицеръ. У насъ нѣтъ ключей отъ нашего города, чтобы передать ихъ тебѣ въ знакъ нашего подчиненія, ключи уже у принца Георгія.

Царица. Теперь вы ихъ получите обратно. Возвращайтесь въ вашу страну и въ вашъ городъ; трудитесь и живите, гдѣ жили. (Беретъ ключи у принца Георгія и передаетъ ихъ второму офицеру.)

(Оба офицера и ихъ свита въ глубинѣ на одно мгновеніе падаютъ на колѣни).

Царица. Гетманъ, ты со своими людьми можешь сопроводить моихъ новыхъ подданныхъ домой. Черезъ три дня я сама прибуду въ Товинѣ.

Фатима. Теперь уже кончено?

Второй офицеръ. Чего же ты хочешь отъ насъ? Царица вернула намъ ключи отъ Товина, она—наша мать.

Фатима. Ай-ай, вѣдь вы побѣдили.

Второй офицеръ. Потому что принцъ Георгій вель насъ.

Фатима. И теперь онъ побѣдилъ васъ. Не въ этомъ ли заключался его великій планъ все время? Развѣ онъ не говорилъ съ вами въ эту ночь и не склонялъ васъ сложить оружіе?

Второй офицеръ. Принцъ Георгій — великій полководецъ, онъ видѣлъ, что мы не можемъ противостоятъ царюцѣ.

Царица (спускается въ залу). Это ты, Георгій, склонилъ товинцевъ къ этому?

Фатима. Вы могли отрубить ему голову, разъ онъ былъ въ вашихъ рукахъ.

Царица. Чтѣ ты говоришь, Фатима? Вѣдь ты сама спасла его?

Второй офицеръ. Она спасла его.

Царица. Какъ спасла моего сына.

Фатима. Я исполнила волю Аллаха.

Царица. Я буду тебѣ благодарна всю мою жизнь, Фатима. Ты сдѣлала великое и доброе дѣло.

Фатима. Ну — на то я мусульманка, чтобъ быть нѣсколько лучше христіанина.

Царица. Я постараюсь быть такою же доброй, какъ ты, Фатима... Можете уходить, писцы.

(Писцы уходятъ).

Царица. И вы, товинцы, идите съ Богомъ. Мой привѣтъ всѣмъ жителямъ Товина. Когда я приѣду въ вашъ городъ, мы напишемъ большой договоръ между нами.

(Оба офицера отходятъ къ глубинѣ).

Царица. Твой трубачъ, гетманъ, пойдетъ впереди, передъ громомъ хана.

(Шествіе строится).

(Барабанъ. Оба офицера подносятъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу. Всѣ товинцы уходятъ, въ сопровожденіи гетмана и его солдатъ).

(Оставшіеся кланяются, пока барабанъ не замираетъ).

Царица. Ты снова одержалъ прекрасную побѣду, Георгій, и за нее спасибо тебѣ... Играйте, музыканты, чтобъ дѣвушки могли плясать. Сегодня радость въ замкѣ. (Садится съ принцемъ Георгіемъ и своими дѣтьми. Струнная музыка. Пляска).

Фатима. Товинцы ушли, я должна слѣдовать за ними? Чтѣ я должна дѣлать?

Царица. Ты — чтѣ тебѣ дѣлать, Фатима? Ты хочешь уйти? Ты должна всегда быть со мной. Проси у меня все, чтѣ хочешь, и ты получишь; никто не будетъ выше твоихъ заслугъ. Подожди меня въ горницѣ.

Фатима (въ глубокомъ волненіи). Спасибо за твою доброту ко мнѣ. (Быстро уходитъ во вторую дверь).

Георгій. Мы пойдёмъ къ Фатимѣ. (Уходитъ, взявшись за руку, съ Фатимой).

(Молчаніе, только звучитъ музыка и пляска продолжается).

Царица. Ты улыбаешься, монахъ.

Священникъ. Я стою и смотрю на твоихъ танцовщицъ... Онѣ проворны сегодня.

Царица (улыбается). Да, радуйся, монахъ. Мы всѣ должны радоваться.

Священникъ. Въ особенности вонъ та лучше всѣхъ.

Царица. Пожалуй, довольно?

Принцъ Георгій. Да.

Царица (поднимаетъ руку). Спасибо, дѣвушки, спасибо, музыканты. Довольно.

(Музыка и пляска останавливаются; дѣвушки низко кланяются; всѣ уходятъ въ глубину).

(Священникъ стоитъ одно мгновеніе и смотритъ, потомъ и онъ быстро уходитъ за ними).

Царица (встаетъ). Пойдемъ и мы?

Принцъ Георгій (также). Да.

(Они продолжаютъ стоять).

Царица. Ты стоишь и смотришь на меня, что тебѣ дѣлать. Георгій, вѣдь я люблю тебя, и я пойду, куда ты пойдешь. (Обнимаетъ его рукою и уводитъ въ первую дверь съ занавѣской).

Оглавленіе

II ТОМА.

	стр.
Голодь. Переводъ <i>Ю. К. Балтрушайтиса</i>	3
Сумасбродъ. Переводъ <i>З. Я. Острогорской</i>	146
У вратъ царства. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ <i>Осита Дымова</i>	224
Игра жизни. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ <i>Ю. К. Бал- трушайтиса</i>	308
Вечерняя заря. Эпилוגъ. Переводъ <i>Ю. К. Балтрушайтиса</i> . . .	369
Царица Тамара. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ <i>Ю. К. Бал- трушайтиса</i>	419

Заявленъ Отдѣлу Промышленности

Переплетная № НИВА", С.Л.Б.